UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324680 8

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
III
Polnoe sobranie sochinenii

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

t. 8

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1905.

PG
3470
S486
1904
t.8

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

LIBRARY
MAR 30 1962
UNIVERSITY OF TORONTO
789437

ГОЛЬ.

РОМАНЪ

ВЪ ШЕСТИ КНИГАХЪ.

Посвящается другу моему князю Дмитрію Петровичу Голицыну.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

На дворѣ стояла пасмурная и холодная петербургская осень.

Былъ первый часъ ночи.

Въ эту пору въ Захолустной улицѣ весной и лѣтомъ все населеніе обыкновенно выбиралось къ воротамъ, въ воздухѣ слышались звуки гармоникъ, пѣсенъ и говора. Осенью же и зимой здѣсь почти всегда бывала невозмутимая тишина, и царствовалъ непроглядный мракъ. Обыватели въ эти часы осенью и зимой имѣли обыкновеніе спать, а уличные масляные фонари ради экономіи гасились. Но на этотъ разъ на улицѣ слышались шаги и говоръ людей. Эти люди выходили небольшими группами изъ недавно отстроеннаго, чуть ли не наканунѣ докрашеннаго, дома мелкаго чиновника Андрея Ивановича Орлова. Самъ этотъ домъ рѣзко выдѣлялся изъ окружающаго его мрака: его окна были довольно ярко освѣщены, и онъ казался иллюминованнымъ среди другихъ домовъ, окутанныхъ тьмою. Выходившіе изъ него люди, возбужденные весело проведеннымъ вечеромъ, сытною закуской и впечатлѣніями новоселья, шумно и оживленно продолжали свои толки на улицѣ. Всѣ разговоры вертѣлись около событія минувшаго дня, около торжественнаго пиразаданнаго друзьямъ и пріятелямъ семьей Орлова.

— Могу сказать, на славу справилъ Андрей Ивановичъ новоселье, лицомъ въ грязь не ударилъ,—весело говорилъ мужской голосъ въ одной изъ группъ, вышедшихъ изъ дома.— Вотъ ужъ, что называется, знай нашихъ! Я, признаюсь откровенно, даже и не ожидалъ отъ него такого гостепріимства и хлѣбосольства. Онъ вѣдь скопидомъ, копейку

припрятать любитъ, а тутъ вдругъ, на-поди, какъ раскошелился! Молодецъ, право, молодецъ!

— Отчего же и не попировать, сударь мой, когда дѣлишки идутъ какъ по маслу?—замѣтилъ другой голосъ нѣсколько наставительнымъ и степеннымъ тономъ.—Теперь, вѣдь, осмѣлюсь вамъ доложить, имъ фортуна, такъ сказать, улыбается. Семья встала на обѣ ноги, а это, сударь мой, дѣло великое, вольность духу даетъ. Человѣкъ безъ обезпеченія это, если можно такъ выразиться, червь, пресмыкающійся на распутьи жизни, а человѣкъ съ деньгами...

— Нѣтъ, если я на кого дивился, такъ это на Марью Ѳедоровну,—съ оживленіемъ перебилъ его первый собесѣдникъ.—Вѣдь просто неузнаваемой сдѣлалась, ей-Богу! Весела, шутитъ, смѣется, простс... не та женщина. Прежде всегда такая суровая, рѣзкая была, а сегодня, точно родному, сжала мнѣ руку и говоритъ: «Спасибо вамъ, что порадовались нашей радости», а у самой, знаете, слезы на глазахъ, голосъ обрывается отъ волненья... Совсѣмъ преобразилась!

— Еще бы не преобразиться, когда добилась своего!—вмѣшался въ разговоръ третій мужчина.—Теперь вѣдь только купцу Пахомову долгъ уплатить и конецъ,—ликуй и веселись!.. Богатство, батенька, хоть кого преобразитъ. И мы съ вами колесомъ бы по улицѣ прошлись, если бы...

— Не даромъ, сударь мой, не даромъ все это благолѣпіе досталось,—заговорилъ второй собесѣдникъ.—Самъ, осмѣлюсь вамъ доложить, свидѣтелемъ былъ, какъ все это слаживалось, созидалось. Не доѣдали, не досыпали, чтобы только деньжонки на домишко сколотить. Земля-то эта съ какой-то лачужкой на курьихъ ножкахъ, какъ сами изволите, вѣроятно, знать, къ нимъ по наслѣдству перешла, а на новый домъ у нихъ, смѣю вамъ доложить, гроша не было. Ну, такъ вотъ-съ, и пришлось тутъ изворачиваться, чтобы гнѣздышко себѣ теплое свить. По копеечкѣ, сударь мой, по копеечкѣ приходилось капиталецъ-то сколачивать. Это я ужъ доподлинно знаю. Слава Богу, свои люди!.. И къ чести ихъ надо приписать то, сударь вы мой, что все они сколотили трудомъ и экономіей, а не путями неправедными, не какими-нибудь подвохами. Нечего сказать, люди солидные, трудящіеся, обстоятельные!.. Правда, немножко съ душкомъ, кланяться не любятъ, съ гордецой,—ну, да, вѣдь, государи мои, тоже и униженіе иногда паче гордости...

Старческій голосъ на минуту смолкъ, послышалось щел-

канье табакерки, втягиванье носомъ табаку, потомъ тотъ же голосъ заговорилъ снова:

— А вы, осмѣлюсь васъ спросить, полюбопытствовали ли, вотъ, заглянуть, какъ у нихъ въ домѣ все хозяйство устроено? Это, я вамъ скажу, просто на диво!

— Еще бы,—воскликнулъ первый собесѣдникъ.—Вѣдь они чуть не десять лѣтъ его планъ-то обдумывали. То то, то другое, бывало, придумываютъ. Знаете, я иногда думалъ, что Андрей Ивановичъ и Марья Ѳедоровна съ ума сойдутъ отъ этой мысли о домѣ,—право! Вѣдь къ нимъ, бывало, придти нельзя,—сейчасъ планъ тащутъ, совѣтуются. Бывало, и смѣхъ, и горе...

Собесѣдники начали вспоминать всѣ мелкія подробности, касавшіяся приготовленій Орловыхъ къ постройкѣ дома. Орловъ, отправляясь въ должность, развозилъ по дорогѣ въ салазкахъ или на телѣжечкѣ сливки, чтобы сколотить лишній грошъ. Его жена сама стирала по ночамъ бѣлье на свою семью, тайкомъ мыла дома полы, чтобы только не платить поденщицѣ. Ихъ старшая дочь шила, не разгибая спины, чужое бѣлье, убила лучшіе годы первой молодости на эту работу, чтобы пополнить необходимую для постройки сумму денегъ. Даже старый дѣдъ, отецъ Орлова, и тотъ, бывало, тащитъ домой съ улицы щепки, говоря, что «дровато денегъ стоятъ», или захватываетъ на дорогѣ кирпичъ, разсуждая, что «при постройкѣ-то и кирпичокъ пригодится». Всѣ эти мелочи были вполнѣ извѣстны друзьямъ и пріятелямъ Орловыхъ: онѣ были извѣстны всей Захолустной улицѣ, говорившей въ теченіе шести-семи лѣтъ о томъ, что «Орловы-то новый домъ собираются строить». Среди этихъ воспоминаній проскальзывали смѣшные анекдоты. Ходили слухи, что будто бы Орлова иногда, закутавшись въ тулупъ, дежурила по ночамъ у воротъ своей старой лачуги за дворника, такъ какъ держать дворника было не по средствамъ. Толковали также что Орловъ отправлялся въ должность, ради экономіи, въ старыхъ опоркахъ, а хорошіе сапоги носилъ подъ мышкой завернутыми въ бумагу и надѣвалъ ихъ гдѣ-то подъ воротами, неподалеку отъ мѣста своего служенія. Вообще захолустенцы, не всегда имѣвшіе возможность прочесть даже «Пчелку», самостоятельно слагали удивительныя легенды про все и обо всѣхъ, про своихъ сосѣдей и про общественныхъ дѣятелей, про захолустенскіе скандалы и про историческія событія. Эта черта была одной изъ характернѣйшихъ чертъ захолустенской жизни. Воспоминанія

и анекдоты объ Орловыхъ сопровождались благодушнымъ смѣхомъ.

Въ группѣ женщинъ, выходившихъ изъ новаго дома, проскальзывали иногда и другія нотки.

— Жаль только, что теперь, даже и при всемъ ихъ достаткѣ, ихъ Анна Андреевна не выйдетъ замужъ,—не безъ ехидства соболѣзновалъ чей-то женскій сладенькій и нѣжный голосокъ.—Она, конечно, и молода еще, и не такъ чтобы очень дурна собою, но очень уже отощала и осунулась,—прозрачная совсѣмъ какая-то стала...

— Она, я думаю, уже и не мечтаетъ о замужествѣ,—сухо проговорила другая женщина.—Всѣ они теперь для Мити живутъ, въ немъ всѣ ихъ надежды на будущее, и Анна Андреевна любитъ его болѣе всѣхъ.

— Да, да... Но что ни говорите, ангелъ мой, а все же чужой жизнью жить нельзя,—заспорила первая изъ собесѣдницъ.—Видѣли, какіе бантики Анна Андреевна сегодня нашпилила? Это, значитъ, нравиться еще хочетъ. Такъ, ни съ того, ни съ сего, дѣвушка бантиковъ не нашпилитъ... Это ужъ вѣрно, душа моя! Она, конечно, не говоритъ о своемъ желаніи выйти замужъ, потому это и смѣшно, и неприлично, но вы прислушайтесь, какимъ тономъ она смѣется, когда замѣчаетъ: «мое время уже прошло»,—вѣдь тутъ слезы, душечка, слышатся!.. Нѣтъ, нѣтъ, у меня сердце надрывается, когда я гляжу на нее. Она тоже внесла свою лепту на постройку этого дома, тоже ночей не досыпала надъ работой, а плоды достанутся другимъ. Еще что выйдетъ изъ мальчика,—ахъ, это вопросъ! Наконецъ, онъ женится,—захочетъ ли тогда его жена держать у себя Анну Андреевну?

— Ну, до женитьбы Мити еще далеко,—возразили болтливой барынѣ.

— Ахъ, не говорите, не говорите, мой ангелъ!—загорячилась она.—Дѣти нынче такъ быстро растутъ, время такъ скоро летитъ. Не успѣешь оглянуться, глядишь—мальчикъ и вырастетъ... Что-то вотъ тогда будетъ?

Въ послѣдней группѣ, вышедшей изъ дому, тонъ разговоровъ былъ нѣсколько раздражительный, и эти разговоры касались уже не Орловыхъ. Запоздавшіе гости, очевидно, только что встали изъ-за ломбернаго стола и были сильно возбуждены игрою, заставившею ихъ за счетомъ выигрышей и проигрышей забыть все на свѣтѣ. Одинъ изъ игроковъ простился и пошелъ налѣво, а двое свернули вмѣстѣ направо.

— Вѣчно затянется этотъ проклятый преферансъ,—сердито ворчалъ одинъ изъ нихъ.—Въ сущности, никогда садиться не слѣдуетъ, если ужъ не удалось сѣсть во-время. Сядешь поздно, торопишься и поневолѣ дѣлаешь ошибку за ошибкой.

— Ну, вы не скажите этого,—спокойно возразилъ другой.—Ошибки не отъ того дѣлаются, что торопишься. Нѣтъ, какъ не повезетъ, такъ человѣкъ и растеряется, ажитируется, неровно ведетъ игру и самъ въ петлю лѣзетъ: тутъ рискнетъ,—глядишь, безъ одной въ семи остался; тамъ поприжмется,—смотришь, смаралъ за семь пикъ, а игра-то при своемъ ходѣ была восемь, да еще безкозырная-съ... Я, впрочемъ, давно отучилъ себя отъ этого: везетъ или не везетъ, а континенцію духа сохраняю и не тороплюсь, не мечусь изъ одной крайности въ другую,—веду себѣ игру вольготно и ровно...

— Да вамъ хорошо было не торопиться,—вы вонъ тутъ же въ улицѣ живете, а мнѣ на Пески съ Бугорковъ тащиться,—перебилъ его проигравшійся господинъ.

— На Пески... Извозчика возьмете—вотъ и конецъ! А у меня дѣла-съ, дѣла... Извозчика не наймешь ихъ кончить,—серьезно и съ особеннымъ удареніемъ отвѣтилъ второй.

— Ну да, извозчика! Скоро у васъ, въ этой трущобѣ, сыщешь его,—возразилъ первый.

— А вотъ, слышите, колеса дребезжатъ?—произнесъ второй, прислушиваясь.—Ручаюсь, что порожнякъ. Нанимайте!

Дѣйствительно, легкое дребезжаніе колесъ становилось все слышнѣе и слышнѣе, и въ темнотѣ начали смутно вырисовываться очертанія лошади и дрожекъ. Господинъ, отправлявшійся на Пески, громко крикнулъ: «Извозчикъ!» Отвѣта не послѣдовало.

— Спитъ, каналья!—проговорилъ онъ раздражительно.—Его зовутъ, ему кричатъ, а онъ спитъ на своей гитарѣ и ухомъ не ведетъ... И какъ это имъ позволяетъ полиція спать во время ѣзды. Ни за чѣмъ она у насъ не смотритъ. Именнымъ указомъ запретилъ бы это безобразіе. Ну, долго ли задавить кого-нибудь? Наконецъ, самого, бестію, могутъ соннаго обобрать и укокошить... Ночнымъ разбоямъ нынче конца нѣтъ, точно въ Азіи какой-нибудь живемъ... Слышали, вонъ, говорятъ, еще какіе-то «труболеты» появились... Чортъ знаетъ что такое!

Господинъ направился къ извозчику и ткнулъ его тростью.

— Ты что же это, братецъ, не откликаешься, когда

господа тебя зовутъ?—проговорилъ онъ шипящимъ тономъ, едва сдерживая свой гнѣвъ.

— Не трожь, домой ѣду!—полусонно отвѣтилъ возница.

— Какъ домой ѣдешь? Какъ домой ѣдешь?—загорячился господинъ.—Ты обязанъ везти, когда тебя господа нанимаютъ. Это твоя обязанность, на то ты и извозчикъ...

— Говорятъ: домой ѣду! Чего присталъ?—рѣзко отвѣтилъ извозчикъ, совсѣмъ очнувшись, и сильно стегнулъ по лошади.

Господинъ неожиданно остался одинъ на срединѣ улицы.

— Ска-атина, ска-ат-тина!—выразительно крикнулъ онъ въ догонку извозчику.—Въ части еще, видно, не бывалъ! Не знаешь, съ кѣмъ говоришь! Я... тебя... ракалью...

Въ воздухѣ послышалась не попадающая въ лексиконы, вслѣдствіе своей общеизвѣстности, брань. Въ то же время откуда-то послышался голосъ:

— Покойной ночи, Петръ Петровичъ! Я вотъ и дома. На-дняхъ какъ-нибудь встрѣтимся, дамъ вамъ реваншъ. Отыграетесь.

Раздраженный господинъ, ничего не отвѣтивъ на любезность пріятеля, крупными шагами зашагалъ по серединѣ улицы.

Затѣмъ гдѣ-то щелкнула калитка. Вдали послышались чьи-то веселыя восклицанія: «Прощайте, прощайте! Къ намъ заходите!» Потомъ около дома Орловыхъ раздался скрипъ отворявшихся воротъ и снова задребезжали дрожки, въѣзжавшія теперь на извозчичій дворъ. Извозчикъ, въѣхавъ во дворъ, заперъ снова ворота, распрягъ лошадь, увелъ ее въ конюшню, убралъ дрожки подъ навѣсъ, продолжая все время ворчать что-то себѣ подъ носъ про сердитаго барина, какъ ворчитъ собака, когда ее случайно задѣнутъ во время отдыха. Окончивъ работу, мужикъ прошелъ на сѣновалъ, снялъ верхнюю одежду, потянулся, почесался, сладко зѣвая, закурилъ трубку и легъ. Въ домѣ Орловыхъ между тѣмъ одинъ за другимъ погасли огни, и въ немъ, повидимому, всѣ уснули. Вся Захолустная улица затихла и погрузилась во мракъ.

На колокольнѣ ближайшей церкви пробило два.

До разсвѣта было еще далеко, и ночь, казалось, дѣлалась все темнѣе и темнѣе. Небо все болѣе и болѣе заволакивалось тяжелыми черными тучами и мракъ становился непроглядным. Только на извозчичьемъ дворѣ, подлѣ дома Орловыхъ, мелькали по временамъ сперва изрѣдка, потомъ все чаще и чаще, точно золотыя змѣйки, какія-то странныя

полоски свѣта сквозь щели сѣновала. Иногда этотъ мимолетный, какъ молнія, свѣтъ смѣнялся легкими струйками дыма между досокъ, потомъ снова проскальзывалъ какими-то красными язычками сквозь этотъ дымокъ. Наконецъ, и огонь, и дымъ слились мало-по-малу вмѣстѣ, весь сѣновалъ понемногу точно закурился и вдругъ уже изъ-подъ самой его крыши высунулись громадные огненные языки и, перегнувшись черезъ ея навѣсъ, облизнули ее всю, достигнувъ до крыши орловскаго дома.

— Горимъ, горимъ!—стономъ пронеслось по извозчичьему двору.

Черезъ минуту этотъ крикъ уже повторялся, какъ эхо, на дворѣ орловскаго дома. Еще минута—и вся Захолустная улица проснулась, пришла въ смятеніе, огласилась отчаянными воплями:

— Пожаръ, пожаръ!

Въ непроглядной тьмѣ осенней ночи красные огненные языки уже змѣились по одной сторонѣ крыши новаго дома, охватывая съ яростью одну доску за другою. Смолистый свѣжій лѣсъ, масляная краска—все это трещало и шипѣло, какъ бы вступая въ ожесточенную борьбу на жизнь и смерть съ огнемъ. Въ окнахъ тѣхъ комнатъ, гдѣ уже горѣло, на огненномъ фонѣ замелькали черныя фигуры людей; въ окнахъ тѣхъ помѣщеній, гдѣ еще царствовала тьма, стали проноситься, какъ страшные призраки, людскія тѣни со свѣчами въ рукахъ. Это напоминало китайскій фонарь. На улицѣ и на дворахъ обоихъ горѣвшихъ домовъ уже металась, толкалась и кричала толпа постороннихъ людей въ ночныхъ нарядахъ, съ растрепанными волосами. Но никто еще не зналъ, за что взяться, никто еще не могъ дать себѣ отчета, зачѣмъ онъ мечется изъ угла въ уголъ. Всѣ сознавали, что надо что-то дѣлать, что-то спасать и отстаивать, но что именно—этого никто еще не могъ сообразить. Надъ всѣми остальными чувствами брало покуда верхъ одно чувство страха. Полуодѣтыя женщины съ узлами, кадушками и стульями въ рукахъ стремительно выбѣгали изъ домовъ и неслись черезъ улицу, сваливая на противоположной сторонѣ въ общія кучи весь спасаемый скарбъ. Спасалось не то, что было особенно цѣнно, а то, что попадалось подъ руки. Спасаемыя вещи тутъ же неосторожно разбивались или ломались. Бѣгавшимъ людямъ попадались подъ ноги перепуганныя куры. Онѣ растерялись, подобно людямъ, и озабоченно бѣгали, немного распустивъ крылья, изъ угла въ

уголъ, толклись именно на томъ мѣстѣ, гдѣ всего больше было давки и суматохи, и кудахтали, и кричали, то присѣдая къ землѣ, то немного вспархивая на воздухъ. На обоихъ дворахъ раздавалось ржаніе лошадей, мычаніе коровъ, лай и завываніе собакъ. Одна изъ собакъ, привязанная на извозчичьемъ дворѣ цѣпью къ своей будкѣ, металась въ бѣшеномъ отчаяніи; она рвалась впередъ, поднималась на заднія лапы, мотала головой и неистово лаяла на каждаго прохожаго, точно яростно и злобно взывая о помощи къ необращавшимъ на нее вниманія людямъ. По двору орловскаго дома бѣгала коренастая и дюжая женщина въ одной юбкѣ и ночной кофтѣ съ неистовымъ воплемъ: «Выведите, отцы родные, коровушку! Коровушку выведите!.. Охъ, смерть моя пришла, смерть! Моченьки моей больше нѣтъ, голубчики! Все сгоритъ, все!» Это была сама хозяйка дома, совершенно растерявшаяся отъ ужаса и отчаянія. Въ то же время на крышѣ новаго дома, осыпаемой искрами, въ развѣвавшемся по вѣтру халатѣ, появился хозяинъ дома съ блѣднымъ лицомъ, съ всклокоченными волосами, крича изо всей силы: «Воды, воды давайте сюда!..» Невысокій ростомъ, исхудалый и тщедушный, онъ, озаренный среди тьмы отблескомъ пожара, казался какимъ-то страшнымъ фантастическимъ призракомъ, явившимся на безумный бой съ огнемъ. Онъ пытался съ неестественною силой отодрать топоромъ горѣвшія доски, разобрать крышу, спасти еще то, что уже безвозвратно пожиралось пламенемъ. Кто-то кричалъ ему: «Сходите, сходите!.. Вы сами сгорите!» Но онъ ничего не слышалъ, ничего не понималъ; онъ сознавалъ только одно то, что огонь истребляетъ его гнѣздо. Въ эту минуту въ концѣ улицы послышались дикія гиканья, быстрый конскій топотъ, громъ колесъ. Въ толпѣ разомъ, точно широкій облегчающій вздохъ, пронеслось:

— Пожарные, пожарные ѣдутъ!

И вдругъ всѣмъ точно легче стало.

На улицѣ начали раздаваться ироническія замѣчанія, что пожарные вѣчно запоздаютъ: «Ишь, поторопились: еще полъулицы не сгорѣло, а они ужъ и тутъ!» Кто-то ядовито ораторствовалъ о томъ, какъ воруютъ эти люди, сваливая цѣнныя вещи въ бочки: «Серебро если тамъ или образа въ ризахъ — все туда сопрутъ!» Какая-то старушонка въ свою очередь тономъ причитаній плаксиво разсказывала, что «они, голубчики, какъ на войну, на пожаръ-то ѣдутъ: и съ женами прощаются, и въ грѣхахъ каются, и ежели котораго

убьетъ на пожарѣ, тому все на томъ свѣтѣ отпустится, потому мученическую кончину пріялъ». Какой-то молодой фабричный, услышавъ разсказъ старушонки, серьезнымъ тономъ спросилъ ее: «А ты, бабушка, на тотъ свѣтъ-то, вѣрно, къ мужу на побывку ѣздила?» Къ пожарнымъ бочкамъ и линейкамъ уже примостились полуголые, поднятые съ постелей, ребятишки, наслаждаясь возможностью прокатиться. Еще нѣсколько минутъ — и вода начала борьбу съ огнемъ. Загрѣмѣли топоры, зазвенѣли разбиваемыя окна. Тушеніе пожара приняло правильный ходъ...

На другой сторонѣ улицы противъ горѣвшихъ домовъ, окруженный толпой зрителей, стоялъ и ораторствовалъ господинъ почтенныхъ лѣтъ во фризовой коричневой шинели, накинутой поверхъ халата, въ фуражкѣ съ кокардой и съ орденомъ на шеѣ.

— Я позже всѣхъ отъ нихъ вышелъ,—разсказывалъ онъ любопытнымъ слушателямъ.—Преферансъ затянулся, и пришлось позже всѣхъ уйти, а дома дѣла, работа... Засидѣлся я, вдругъ слышу кричатъ: «Пожаръ, пожаръ!» Накинулъ я шинель, взялъ фуражку, вышелъ изъ дому, гляжу: домъ Орловыхъ горитъ! Просто глазамъ своимъ не повѣрилъ: часъ тому назадъ веселились, ликовали и вдругъ!..

— Какъ же, новоселье справляли, — послышалось въ толпѣ. — Вчера еще утромъ Орлиха говорила въ мясной лавкѣ.

— Да, вчера новоселье, а завтра съ сумой, — замѣтилъ другой голосъ изъ толпы.

— Ну, не съ сумой,—сказалъ господинъ съ орденомъ на шеѣ.—Андрей Ивановичъ служитъ... Но, конечно, несчастіе большое, неожиданный пассажъ...

— Благосостояніе людское—это муравейникъ,—степенно и неторопливо произнесъ стоявшій около почтеннаго оратора старикъ, тоже во фризовой зеленой шинели и въ старомодномъ плюшевомъ картузѣ.—Долгимъ трудомъ созидается онъ, этотъ муравейникъ, тысячами муравьевъ все прилаживается, щепочка по щепочкѣ, песчинка по песчинкѣ. Но вотъ прошелъ мимо прохожій, задѣлъ за муравьиную кучу ногой— и все рухнуло, все развалилось, сотни муравьевъ раздавлены, сотни ихъ гнѣздышекъ разорены, приходится разгребать разрушенное, отыскивать пострадавшихъ, вытаскивать мертвыхъ, воздвигать все снова, прилаживать, хлопотать... А прохожій, можетъ-быть, прошелъ и не замѣтилъ, что онъ совершилъ, какое горе внесъ въ муравейникъ, потому что

онъ не злодѣй, не злоумышленникъ, а только орудіе иной силы.

— Это извозчикъ поджогъ, извозчикъ!—замѣтилъ кто-то въ толпѣ, нетерпѣливо перебивая плавную и наставительную рѣчь старика.

— Да, мнѣ уже разсказывали объ этомъ,—серьезно отвѣтилъ господинъ съ орденом , на шеѣ.—Я такъ и думалъ. Я и извозчика этого видѣлъ своими глазами. Вышли мы, какъ я сказалъ, отъ Орловыхъ позже всѣхъ гостей, мой партнеръ отправился на Пески и сталъ звать проѣзжавшаго по улицѣ извозчика, а тотъ ѣхалъ на квартиру и не согласился его везти. Они еще крупно побранились, и мнѣ показалось, что извозчикъ былъ подъ хмелькомъ.

— Да, да, пьяненькій былъ, — заговорилъ кто-то въ толпѣ. — Это вѣрно!

— Ужъ, конечно,—подхватилъ другой голосъ:— на ночь на квартиру ѣхалъ, такъ въ головѣ безпремѣнно было, безъ этого нельзя, потому тамъ въ кабакѣ али въ трактирѣ залилъ, день-то весь ѣздимши.

— Ну, да!.. А пріѣхалъ домой, легъ съ трубкой и заснулъ, — объяснялъ кто-то процессъ поджога. — И самъ сгорѣлъ: должно-быть, задохнулся отъ дыму и сгорѣлъ.

— Вѣчно отъ этихъ трубокъ несчастье! Вотъ человѣкъ отъ одной неосторожности и себя погубилъ, и другимъ несчастіе принесъ, — размышлялъ съ глубокомысленнымъ видомъ господинъ съ орденомъ на шеѣ.—А я еще, признаюсь, посмѣялся, когда онъ не повезъ моего знакомаго пріятеля,— посмѣялся, что такъ сердится. И вотъ ужъ не могъ подумать, что отъ этого паршиваго мужичонки столько горя будетъ.

— Не отъ мужичонки, не отъ мужичонки,—проговорилъ тѣмъ же степеннымъ и наставительнымъ тономъ старикъ въ плюшевомъ картузѣ. — Мужичонко — это тотъ прохожій, который, самъ того не зная, задѣваетъ на ходу ногой за муравьиную кучу, это то слѣпое орудіе, которое держитъ въ своихъ рукахъ Онъ, невѣдомый и непостижимый, обуздывающій нашу гордыню, научающій насъ смиренію и доказывающій суетность нашихъ замысловъ. Самъ этотъ мужичонко тутъ не при чемъ.

— Такъ, значитъ, вы не согласны, что извозчикъ поджогъ? — насмѣшливо произнесъ господинъ съ орденомъ. — Отрицаете очевидный фактъ! Вѣдь всѣ говорятъ...

— Да какъ же не извозчикъ? Конечно, извозчикъ!—за-

говорили разомъ голоса въ толпѣ.—Вонъ его и тѣло нашли, уголь-углемъ сдѣлался, и не разберешь, что человѣкъ былъ. Съ него все и началось, а то съ кого же?

— А вы все-таки не согласны?—съ ироніей сказалъ солидный чиновникъ.—Такъ кто же это, по вашему мнѣнію, пожаръ-то произвелъ?

Старикъ усмѣхнулся и коротко произнесъ:

— Богъ!

Толпа вдругъ точно разочаровалась въ своихъ ожиданіяхъ при этомъ отвѣтѣ, и голоса окружавшихъ старика людей заговорили какимъ-то холоднымъ, равнодушнымъ тономъ:

— Это что говорить! Конечно, безъ Бога волосъ съ головы не упадетъ... Все отъ Бога... Безъ Бога не до порога...

Кто-то даже замѣтилъ:

— А все же на Бога надѣйся, а самъ не плошай!

Старикъ неторопливо обернулся къ произнесшему эту послѣднюю фразу и спокойно спросилъ его:

— Что же ты-то оплошалъ, Дементій, когда жена у тебя отъ испуга, что собака залаяла и бросилась на нее, умерла послѣ родовъ? Въ Бога-то больше вѣрили бы, тогда бы и не приходилось плошать, а знали бы, что захочетъ Онъ— и отъ одного лая собачьяго умрешь, не захочетъ—и бѣшеная собака мимо тебя пройдетъ, не тронувъ тебя. А у васъ все одна пѣсня: того злые люди сгубили, другого собака заѣла, третьяго извозчикъ поджогъ... Ну, и отбивайтесь отъ нихъ, высматривайте, откуда бѣда идетъ, стройте муравьиныя кучи, а Онъ... вотъ теперь повернетъ вѣтеръ вправо— вправо все сгоритъ, повернетъ вѣтеръ влѣво — влѣво все огнемъ смететъ, усмиритъ стихію—и, какъ свѣча, догорятъ эти дома и потухнутъ.

Старикъ повернулся, не обращая вниманія ни на кого, и направился вдоль по улицѣ, медленно пробираясь сквозь толпу.

— Поврежденный, какъ есть поврежденный! — сказалъ кто-то.

— Это, кажется, отставной учитель Лампадовъ? — спросилъ господинъ съ орденомъ.

— Онъ самый и есть. Мохомъ, почитай, поросъ. Какъ сычъ, сидитъ у себя да часы мастеритъ, да чинитъ, ровно настоящій часовщикъ. Диво, какъ это онъ вышелъ сюда. Развѣ только, что Орловы-то сродственники приходятся, такъ потому прибрелъ посмотрѣть.

Молоденькій офицерикъ въ это время привелъ солдатъ и, разставляя ихъ около спасеннаго скарба, съ озабоченнымъ видомъ, строгимъ тономъ приказывалъ не допускать къ вещамъ никого чужого.

— Батюшка, ваше благородіе, да кто же тутъ чужой-то?— протестовала противъ этого приказанія какая-то старушонка, копошившаяся среди хлама.—Здѣсь, почитай, что всѣ свои, захолустенскіе. Какіе же это такіе чужіе-то тутъ могутъ быть? Слава тебѣ, Господи, всѣ сколько годовъ вмѣстѣ живемъ.

Какой-то молодой мастеровой, какъ видно, не мало поработавшій на пожарѣ и проходившій въ эту минуту мимо старушонки, отирая рукавомъ рубахи покрытое копотью и потомъ лицо, крикнулъ на ходу шутливымъ тономъ:

— Ай-да, тетка Матрена, не давай захолустенскихъ въ обиду!

Черезъ минуту тотъ же молодой голосъ гдѣ-то уже довольно далеко беззаботно пѣлъ:

«Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ
Сизый селезень плыветъ...»

Пожаръ, между тѣмъ, ужъ окончательно утихъ, и толпа начала рѣдѣть. Занималось сѣрое утро.

II.

На противоположной сторонѣ улицы, въ томъ мѣстѣ около стараго забора, куда сваливали спасаемыя вещи, на грудѣ перинъ и подушекъ среди разнаго кухоннаго хлама и домашней рухляди, сидѣлъ, скорчившись отъ холода, ребенокъ. Это былъ семилѣтній мальчикъ. На немъ была надѣта только сорочка, какія носятъ дѣвочки, съ короткими рукавчиками, съ открытымъ воротомъ. Онъ не плакалъ, но сжимался отъ страха и холода, расширенными глазами смотря на горящіе дома, на толкотню народа. Нѣсколько минутъ тому назадъ сестра подняла его съ постели и передала матери, та опять передала его кому-то, его протащили сквозь дымъ на улицу, опустили на груду перинъ у забора и, сказавъ: «сиди!»—ушли прочь. Съ нимъ поступили, какъ съ вещью. Все это было похоже на страшный сонъ; мальчикъ, казалось, не могъ никакъ очнуться отъ этого сна. Онъ не помнилъ, долго ли онъ просидѣлъ такъ, прежде чѣмъ его замѣтили какія-то двѣ женщины, едва не навалившія на него груду разнаго тряпья.

— Митревна, да вѣдь это Митя Орлихинскій!—восклик-

нула одна изъ нихъ. — Смотри-ка, смотри, въ одной рубашоночкѣ, голубчикъ! Орлиха-то совсѣмъ, видно, голову потеряла: о коровѣ воетъ, а сынъ въ одной рубашонкѣ на холоду, какъ чурка, валяется!

— Потеряешь голову, какъ послѣднее добро горитъ, — отвѣтила другая женщина.—Только продохнули немного и, на-поди, всего опять рѣшились! Домъ-то, Кузьминична, сама, чай, знаешь, еще Пахомову заложенъ, а теперь и долгъ на шеѣ, и дома нѣтъ.

— А Анна-то Андреевна куда дѣвалась? Ее бы отыскать,— сказала Кузьминична.

— Дѣдку повела! Приключилось съ нимъ что-то, съ испугу,—отвѣчала Митревна.—Сама видѣла, какъ волокомъ его поволокли. И руки, и ноги отнялись... Вотъ ужъ справедливо говорится, что бѣда не приходитъ одна.

Кузьминична въ это время уже успѣла стащить съ себя большой платокъ и закутать въ него ребенка. Ребенокъ былъ довольно великъ и плотенъ, но она все-таки подняла его на руки.

— Ты куда же его берешь?—спросила Митревна.

— Да къ намъ на квартиру отнесу. Все въ теплѣ побудетъ, — не здѣсь же ему погибать! — отвѣчала Кузьминична.—Чай, и Орлиха къ намъ переберется на время. Комната у насъ пустуетъ ужъ которую недѣлю. Другой комнаты въ улицѣ теперь нѣтъ порожней.

Кузьминична потащила ребенка, ласково приговаривая ему:

— Ишь ты, родимый, охолодѣлъ какъ! Ножонки, какъ ледъ, холодныя...

На ходу она плотнѣе укутывала его въ платокъ и торопилась дотащить до своего жилища, продолжая громко говорить. Не прошло и пяти минутъ, какъ ребенокъ былъ внесенъ черезъ рядъ темныхъ коморокъ съ старыми ширмами и пестрыми занавѣсками у кроватей въ большую, почти пустую комнату и положенъ на постель.

— Ну, спи, голубчикъ, спи, пока мать и сестра придутъ,—говорила ему Кузьминична.—Тоже мать съ ногъ сбилась. Коровушку-то вывести не могла.

— А буренушка тоже сгорѣла?—прошепталъ мальчикъ.

— Не знаю, родной, не знаю! Вотъ побѣгу помогать,— тоже свои люди! Слава Богу, не первый годъ въ одной улицѣ живемъ.

Кузьминична провела по головкѣ мальчика шершавой, грубой рукой и скрылась.

Онъ остался одинъ въ темной комнатѣ. Ему не спалось. Теперь передъ нимъ еще ярче, чѣмъ за минуту передъ тѣмъ рисовалась картина пожара. Въ его ушахъ звенѣли голоса толпы, крики матери о коровѣ, мычанье бѣднаго животнаго, и ему стало такъ жаль буренушку, этого друга дома, поившаго всю семью молокомъ, служившаго предметомъ постоянныхъ толковъ и заботъ для семьи, часто проводившей вечера въ разговорахъ о томъ, что стоитъ и что даетъ эта буренушка. И мать, и отецъ мальчугана называли ее «доброю коровой». «И барбоска, вѣрно, тоже сгорѣла», промелькнула вдругъ мысль въ головѣ мальчика, и ему стало еще тяжелѣе при этой мысли, чѣмъ при мысли о сгорѣвшей буренушкѣ. Барбоска была совсѣмъ простой дворняжкой, лохматой, неуклюжей, грязной: у нея даже имени не было, потому что «барбоска» и «собака» для жителей Захолустной улицы были равнозначущими названіями. Когда барбоска шесть лѣтъ тому назадъ пристала къ старой лачугѣ Орлихи, никто и не позаботился объ ея кличкѣ. «Какая-то барбоска пристала ко двору», сказали въ домѣ и больше не безпокоились о ней. Барбоска сама прокармливала себя: гдѣ-то около помойной ямы появлялись у нея другія маленькія барбоски, потомъ онѣ разбѣгались, а старая барбоска оставалась вѣрна орлихинскому Митѣ. Онъ и спалъ иногда съ ней, и дралъ ее за косматыя уши, и ѣздилъ на ней верхомъ. Господи, какъ ему стало ее жаль теперь! Слезы даже навернулись ему на глаза, когда въ его воображеніи такъ ярко-ярко нарисовалась картина пожара, послышались мычанье буренушки и вой барбоски, такой протяжный жалобный вой, взывающій о помощи. Но помощи нѣтъ ни откуда,—люди таскаютъ какую-то рухлядь, перины, сундуки, стулья, всѣ мечутся, какъ угорѣлые. А пламя все ярче и ярче разгорается: вотъ красные огненные языки поднялись къ самому небу, вотъ они разрослись въ ширину, добрались до того дома, куда отнесенъ Кузьминичной орлихинскій Митя, начинаютъ добираться до его постэли — и душно, и жарко становится ему, а гдѣ-то такъ близко-близко уже не воетъ, а слабо взвизгиваетъ барбоска...

Митя открылъ глаза: комната, наполненная всевозможнымъ опаленнымъ скарбомъ, была озарена яркимъ утреннимъ солнцемъ. Тутъ были и поломанные столы и стулья, и подмоченныя перины и подушки въ грязныхъ наволочкахъ, и никуда негодныя картонки отъ шляпъ. Все это ле-

жало въ кучѣ, было наворочено одно на другое, безпорядочно, кое-какъ, издавало непріятный запахъ гари. Среди этого хаоса копошились люди—и мать мальчугана, и Кузьминична, и Митревна, разбираясь среди спасеннаго скарба, точно тряпичники, разгребающіе сорную яму. Но ни эти вещи, ни эти люди не завладѣли вниманіемъ Мити: прежде всего онъ увидѣлъ и услышалъ, что недалеко отъ него около разбирающихъ вещи людей виляетъ хвостомъ и слегка радостно взвизгиваетъ его барбоска.

— Цыцъ! — тихо, но строго прикрикивала на нее мать Мити, грозя ей пальцемъ. — Мальчишку еще разбудитъ, — поясняла она Кузьминичнѣ.—И такъ напугался да назябся родной.

— Ужъ какъ не напугаться-то, какъ не назябнуться-то было,—также тихо проговорила Кузьминична.—Подошла это я съ узломъ, чтобы все на перины свалить, и чуть его не задавила: сидитъ онъ это, скорчившись, голубчикъ, таращитъ глазенки, и ни духу, ни послушанія отъ него, ровно застылъ онъ.

Она уже въ десятый разъ разсказывала всѣмъ и каждому, дома и на улицѣ, какъ она спасла орлихинскаго Митю.

— Забыла, забыла совсѣмъ о немъ,—отвѣтила Орлова.— Голову потеряла, дура окаянная! Добро спасаю, а свое дитя бросила. А для кого и коплю все, для кого и бьюсь, какъ не для него?

— Да ужъ что говорить, единственный наслѣдникъ!—согласилась Кузьминична.—Для него живете.

— Истинно, видитъ Богъ, для него, — со вздохомъ сказала Орлова.—Намъ что съ Андреемъ Ивановичемъ? Немного ужъ нужно! шесть досокъ да земли клочокъ—вотъ и все! Его поднять хочется.

И такой мягкостью, такой лаской звучали теперь голоса этихъ женщинъ, что Митя не узналъ ихъ. Онъ еще не слыхалъ, чтобъ его мать или Кузьминична говорили когда-нибудь такимъ тономъ. У здоровой, плотной и коренастой Орлихи было всегда столько хлопотъ и по дому, и по кухнѣ, и съ коровой, что ей было вовсе не до нѣжностей. Иногда она даже очень грубо кричала сыну: «чего подъ ноги суешься!»— и давала ему шлепка по мягкой части тѣла. Правда, потомъ, когда онъ долго ревѣлъ, она широкою рукой смазывала его по головѣ и на ходу, возясь съ ухватами и горшками, совала ему кусокъ пирога, отрывисто говоря: «Ну, на, ѣшь!» Этимъ и оканчивалась ласка и примиреніе. Кузь-

минична, мѣщанка-торговка старымъ платьемъ, та обыкновенно еще грубѣе относилась вообще ко всѣмъ ребятишкамъ Захолустной улицы, а въ ихъ числѣ и къ Митѣ. Тащась съ ворохомъ стараго платья и съ узлами въ рукахъ, когда дѣти играли на немощеной и пыльной улицѣ въ бабки, она постоянно ворчала на нихъ:

— У, пострѣлята, чтобъ васъ не было! Еще подшибете бабками. Намеднись тоже курицу зашибли и виноватаго не нашлось. Пропасти-то на васъ нѣтъ!

Кузьминична дѣлала при этомъ грозное лицо, а дѣти отвѣчали ей насмѣшками и криками:

— Стараго платья продать! Стараго платья продать!..

На эти крики Кузьминична только плевала съ раздраженіемъ и призывала на дѣтей «халеру» и «моръ».

Барбоска первая замѣтила пробужденіе орлихинскаго Мити, подбѣжала, съ визгомъ виляя хвостомъ, къ сѣвшему на постели мальчику, поднялась на заднія лапы, положила переднія на перину и лизнула мальчугана прямо въ лицо. Онъ разсмѣялся и, схвативъ ее за лохматыя уши, притянулъ ее къ себѣ.

— Мамка, и буренушка не сгорѣла?—громко спросилъ онъ.

— Ишь, воевода проснулся!—проговорила шутливо Кузьминична.—Молока, видно, захотѣлъ. Теперь, братъ, не до молока ужъ, все погорѣло!

— Ну, вставай, вставай! Сейчасъ чай будемъ пить, — сказала мать и подошла къ нему.

Она наклонилась надъ нимъ, прижала его голову къ своей широкой груди и вдругъ горько разрыдалась. Съ усиліемъ и долго подавляемыя слезы лились теперь неудержимо. Она все утро бодрилась и даже старалась шутить, но теперь напускная бодрость вдругъ исчезла, и горе прорвалось наружу. Мальчикъ никогда не видѣлъ прежде, чтобъ его мать когда-нибудь плакала, и смутился, и оробѣлъ.

— Мамка, все у насъ сгорѣло? — совсѣмъ упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Все, голубчикъ, все!—отвѣтила она, рыдая.

— Полно, голубушка, Марья Ѳедоровна, убиваться, — ласково замѣтила ей Кузьминична. — Богъ взялъ, Богъ и дастъ.

— Да, да, на Него только и надежда,—отвѣтила Орлова. всхлипывая. — Сама знаю, что грѣхъ роптать, а не могу, Легче вотъ стало, какъ поплакала.

Она быстро стала отирать слезы и поспѣшила снова при-

няться за разборку вещей. Ей, казалось, хотѣлось забыть, заглушить свое горе среди работы, среди движенія, среди физическихъ усилій. Она какъ будто сердилась на свое малодушіе, какъ будто стыдилась его. До этой поры люди знали ее, какъ непоколебимо-твердую, выносливую и гордую женщину, ни на что не роптавшую, никому не жаловавшуюся на свою судьбу, какъ бы ни приходилось плохо.

— Да ты скажи, буренушка-то сгорѣла?—снова раздался вопросъ мальчика.

— Не сгорѣла, не сгорѣла, вставай только! — отрывисто отвѣтила мать, глотая слезы. — Прибрать вотъ все надо, устроиться... Теперь работы-то по горло,—не до разговоровъ...

Играя съ собачонкой, мальчикъ сталъ одѣваться. Онъ вовсе еще не сознавалъ размѣровъ постигшаго его семью несчастья. Женщины снова усердно занялись разборкой и уборкой спасенной рухляди. Марья Ѳедоровна дѣлала свое дѣло порывисто, торопливо, точно на кого-то или на что-то сердилась. Но иногда, вытащивъ какое-нибудь испачканное грязью, совсѣмъ еще мокрое, полуобгорѣвшее платье и встряхнувъ его, она вдругъ опускала его на полъ, точно ей не подъ силу было его удержать, и закрывала руками лицо, заливаясь слезами. Кузьминична и Митревна переглядывались между собою и, вздыхая, сочувственно качали головами, точно говоря: «убивается о своемъ добрѣ, голубушка!» Иногда Кузьминична была не въ силахъ сохранить молчаніе и спрашивала:

— Да неужто это то крепрашелевое платье, орельдурсоваго цвѣта, что ты, голубка, къ именинамъ-то дѣлала?

— Оно, оно,—со слезами отвѣчала Марья Ѳедоровна.

— Господи, тряпка тряпкой стало! — вздыхала Кузьминична.—Куда теперь годится!..

Марья Ѳедоровна безнадежно махала рукой, какъ бы говоря этимъ жестомъ, чтобы не растравляли ея ранъ. И безъ разговоровъ было тяжело. Но эти минуты слабости быстро проходили, и Орлова еще энергичнѣе принималась за дѣло, сдвинувъ брови и поджавъ губы. Не даромъ же говорили про нее обыватели Захолустной улицы: «король-баба!» А ужъ они ли не знали ея: Орлиха выросла въ Захолустной улицѣ, замужъ здѣсь вышла и вотъ давно уже матерью сдѣлалась, а все изъ Захолустной улицы не выѣзжаетъ.

Исторія Орловыхъ была простая будничная исторія той голи, которая носитъ названіе въ обществѣ «мелкаго чи-

новничества» и «канцелярскихъ крысъ» на жаргонѣ захолустенскихъ обывателей. Дитя промотавшейся и обнищавшей помѣщичьей семьи, образованная по-старому, то-есть почти совсѣмъ не образованная, и оставшаяся чуть не безъ куска хлѣба на мостовой послѣ смерти отца и матери, Марья Ѳедоровна очень молодою дѣвушкой вышла замужъ за Андрея Ивановича Орлова, молоденькаго мелкаго канцеляриста, едва сводившаго концы съ концами. Молодые люди страстно любили другъ друга и потому въ будущее не заглядывали, а захолустенскіе обыватели, смотря сочувственно на браки вообще, говорили:

— Отчего дѣвкѣ было и не выйти, благо добрый человѣкъ навернулся. Все равно съ голоду помирать бы пришлось.

Долго бились молодые супруги съ нуждой, бились, какъ бьются сотни и тысячи подобныхъ людей, добавляя къ жалованью кое-какіе гроши частною работой. Андрей Ивановичъ, маленькій, худенькій и сдержанный человѣкъ, не имѣлъ никакихъ особенныхъ знаній, никакихъ талантовъ, никакихъ протекцій, но это былъ покорный рабочій волъ, готовый безропотно просиживать цѣлые дни и ночи надъ перепиской бумагъ, не разгибая спины. Его считали добрымъ, честнымъ и трудолюбивымъ человѣкомъ и только. Никто не видѣлъ въ немъ ничего оригинальнаго, ничего характернаго; онъ былъ не разговорчивъ въ обществѣ; онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды своихъ юныхъ товарищей, игралъ такъ же, какъ они, на гитарѣ, и такъ же, какъ многіе изъ нихъ, сентиментально пережилъ эпоху своего высшаго блаженства, эпоху первой и послѣдней любви, кончившейся свадьбой и удвоеніемъ работы. Марья Ѳедоровна была одной изъ тѣхъ бойкихъ русскихъ женщинъ, отъ которыхъ вѣетъ здоровьемъ и силой. Хорошо ли ее воспитали и обучали, это было трудно опредѣлить сразу; но что ее хорошо выкормили, это было видно при первомъ взглядѣ на нее. Узкіе лифы и корсеты не сдавливали этой полной груди и этой широкой таліи, а плотныя и загорѣлыя руки, повидимому, привыкли не столько къ ношенію перчатокъ, сколько къ работѣ. Она умѣла не только работать, но умѣла искать работу, не тяготилась обходить десятки магазиновъ, чтобы только запастись заказами. Въ ея бойкомъ умѣ вѣчно роились новые планы, новыя мечты о заработкахъ и доходахъ. Однимъ изъ этихъ плановъ было пріобрѣтеніе коровы, и она сумѣла откладывать по грошамъ, чтобы купить корову и начать продавать молоко и сливки.

По ея же мысли, ея мужъ и она стали дѣлать свѣтильни для лампадъ, игрушки для вербъ, фонарики для елокъ. Она часто, смѣясь, говаривала, что еслибъ у нея было десять рукъ, такъ ей и того было бы мало. Она отбивалась отъ нужды, какъ отъ злого и хитраго врага, стараясь обмануть его или застать врасплохъ. Она не допивала и не доѣдала, чтобъ отложить на черный день грошъ—этотъ вѣрный признакъ побѣды надъ нуждой. Но, къ несчастью, нужда отвѣчала ей болѣзнями и смертью дѣтей, пожирая эти отложенные гроши. Эта борьба длилась не годъ, не два: Андрей Ивановичъ успѣлъ высохнуть и получить геморроидальный цвѣтъ лица. Марья Ѳедоровна успѣла потерять красоту и свѣжесть молодости, сильно огрубѣвъ среди черной работы, какъ вдругъ судьба сжалилась надъ ними: имъ достался въ наслѣдство клокъ земли почти съ развалившимся домомъ. Это случилось какъ разъ во время рожденія Мити, и Орловы увидали въ этомъ предзнаменованіе. Они переѣхали въ свой домъ, и всѣ ихъ помыслы направились теперь къ одной мысли—къ постройкѣ новаго дома. Въ старой лачугѣ можно было прожить недолго, такъ какъ она грозила полнымъ разрушеніемъ, продать же мѣсто—это значило идти противъ самого Бога. Развѣ не самъ Богъ ниспослалъ эту землю на долю Мити? Развѣ могло это сдѣлаться такъ, случайно? Да, наконецъ, какое свѣтлое будущее ждетъ ихъ, когда они построятъ домъ, отдадутъ понемногу долги, сдѣланные при его постройкѣ, начнутъ получать доходъ съ жильцовъ. Эти мечты и планы спасли ихъ еще на шесть, на семь лѣтъ отъ отчаянья, уже начинавшаго овладѣвать ими въ безплодной борьбѣ съ нищетой. Они точно снова ожили и воскресли отъ надеждъ на свѣтлое будущее, и вся Захолустная улица была заинтересована ихъ проектами.

— А Орловы-то новый домъ собираются строить!

Эта фраза говорилась и повторялась на всѣ лады, и къ чести захолустенцевъ надо сказать, что къ ней всегда прибавлялось доброе пожеланіе съ замѣчаніемъ:

— Ну, да и побились же они!

И вдругъ всѣ эти мечты рухнули разомъ: впереди снова стоялъ призракъ прежней нужды, прежней борьбы, безъ прежней бодрости, безъ прежней силы. Нужно было имѣть такую силу воли, какою была надѣлена Орлова, чтобы не пасть сразу подъ этимъ ударомъ судьбы среди всѣхъ этихъ обломковъ и обрывковъ всего домашняго скарба, скоплен-

наго въ теченіе долгихъ-долгихъ лѣтъ. Орлова пересиливала свое горе съ упорствомъ гордой женщины, никогда никому не кланявшейся, никогда ни передъ кѣмъ не хныкавшей, никогда ни къ кому не ходившей за совѣтомъ и за помощью. Чего это стоило ей, знала только она сама.

III.

— Ума не приложу, гдѣ мы свои головы приклонимъ,— говорила въ своей семьѣ Орлова чуть не каждый день послѣ пожара. — И при покойныхъ родителяхъ въ своемъ домѣ жила, и вотъ въ эти семь лѣтъ къ своему углу опять пристроилась, а теперь опять ходи, ищи себѣ пріюта... Кажется, въ дворницкой конурѣ приткнулась бы теперь, только бы знать, что это собственный уголъ, а не чужой, не наемный...

Этотъ вопросъ—вопросъ о наймѣ новой квартиры—сдѣлался для Орловыхъ злобой дня. Оставаться въ комнатѣ, занятой поневолѣ на время, было слишкомъ тяжело для семьи, привыкшей жить осѣдло, своимъ хозяйствомъ. Но какую нанять квартиру? Этотъ вопросъ обсуждался всѣми членами семьи ежедневно, вызывая разныя соображенія, разные расчеты. Устроиться хотѣлось и поудобнѣе, и подешевле. При маленькой квартирѣ нечего было и думать найти помѣщеніе для коровы, а продать корову значило лишиться извѣстнаго дохода. Опытъ же прошлыхъ лѣтъ показывалъ, насколько выгодна продажа молока и сливокъ. Взять квартиру побольше однимъ было невыгодно. Приходилось остановиться на мысли нанять комнаты три и двѣ отдать жильцамъ.

— Можетъ-быть, попадутся и смирные, только бы бабъ не пришлось пускать, а то сплетенъ, да пересудовъ, да дрязгъ не оберешься,—разсуждала Орлова.

Этотъ планъ и рѣшились привести въ исполненіе. Вопросъ, гдѣ нанять квартиру, даже и не обсуждался,—такъ привыкла семья къ Захолустной улицѣ. Выѣхать изъ Захолустной улицы ей казалось просто немыслимымъ, такъ какъ и она всѣхъ знала, и ее всѣ знали. Уѣхать отсюда значило уѣхать на чужую сторону, покинуть родину. Орловы, подобно всѣмъ захолустенцамъ, когда имъ приходилось ходить въ Гостиный дворъ или на Невскій проспектъ, говорили, что они ходили «въ городъ», точно они жили не въ городѣ, а гдѣ-то въ пригородной деревнѣ. Подходящая квартира въ Захолустной улицѣ нашлась. Она была не особенно ка-

зиста, но теперь было не до заботъ о внѣшности. «Не до наживы, а были бы живы»,—говорила, вздыхая, Орлова. Квартира имѣла одно достоинство, но оно было самое важное,—она была дешева, такъ какъ помѣщалась въ полуразвалившемся домѣ, и ея окна касались земли. Это былъ не подвалъ, но первый этажъ вроставшаго въ землю дома. Семья стѣснилась въ одной комнатѣ, раздѣленной на двѣ части драпировкою, и въ кухнѣ. Въ двѣ лучшія комнаты нашлись скоро посторонніе жильцы изъ холостыхъ сослуживцевъ Орлова. За драпировкой устроили постель «для дѣдки», съ трудомъ подымавшагося съ мѣста, и примостили у стѣны дощечки для Мити. Въ другой половинѣ комнаты на диванѣ спала Анна Андреевна. Въ кухнѣ была спальня Марьи Ѳедоровны и Андрея Ивановича. Вздохи и слезы Марьи Ѳедоровны нѣсколько утихли, покуда семья жила на бивуакахъ, покуда нужно было хлопотать о пріобрѣтеніи разныхъ грошей и о наймѣ своего угла да скрывать отъ чужихъ людей свое горе; но теперь, когда пришлось снова обставлять свой уголъ и приниматься за хозяйство, горе опять охватило сердце бѣдной женщины и вырвалось наружу. Въ своей семьѣ, въ своихъ четырехъ стѣнахъ она не стыдилась своихъ слезъ. Разставляя мебель, Орлова замѣчала, что «вотъ тутъ хорошо бы диванчикъ поставить», и вдругъ ей вспоминался ихъ заново обитый пестрымъ ситцемъ диванъ, сгорѣвшій въ новомъ домѣ, и у нея перехватывало голосъ. Порой вдругъ встрѣчалась надобность въ какой-нибудь кочергѣ или сковородникѣ, а между тѣмъ этихъ вещей не находилось, и въ умѣ домовитой хозяйки болѣзненно повторялась, какъ удары молота, мысль: «и все было, все было и ничего теперь нѣтъ». Иногда, подъ вліяніемъ этихъ думъ, въ сердцѣ Орловой стала появляться какая-то смиренная безотвѣтная покорность Провидѣнію; порою это горячее сердце вдругъ начинало волноваться, протестовать, съ языка срывался ропотъ на Бога, на лицѣ появлялось выраженіе озлобленія и ожесточенія.

— Красть не умѣли, оттого и нищими стали, а крали бы, такъ капиталецъ бы былъ,—срывалось у нея съ языка въ эти минуты раздраженія.—Какъ посмотришь на свѣтъ, да на людей, такъ и увидишь, кто живетъ-то припѣваючи: одни христопродавцы, да кровопійцы. Съ ближняго шкуру сдерутъ,—ну, имъ и не холодно!

Эта неровность, появившаяся въ ея характерѣ, отзывалась иногда на домашнихъ—на мужѣ, на дочери, на сынѣ.

Эти люди частенько слышали, что они только подъ ногами суются, что они только обувь треплютъ, что они только и знаютъ, что ѣсть, когда въ домѣ всего въ обрѣзъ. Иногда же они видѣли слезы Марьи Ѳедоровны и слышали, какъ она говорила:

— Хоть бы прибралъ меня Господь, сама себѣ въ тягость стала, всѣхъ пилю, всѣхъ поѣдомъ ѣмъ, точно ржа желѣзо, когда только въ мирѣ, да въ согласіи все и счастье осталось.

Дѣйствительно, никогда она еще не бывала такою несправедливою къ ближнимъ и никогда не ощущала такъ болѣзненно малѣйшей несправедливости, нанесенной ею же самою.

Никто не понималъ, не угадывалъ чутьемъ этого такъ отчетливо и ясно, какъ Анна Андреевна. Эта незамужница, какъ ее прозвали чуть ли не съ шестнадцатилѣтняго возраста, сильно поблѣднѣвшая, сильно похудѣвшая за послѣднее время, дошла до той степени нервной впечатлительности, когда люди просыпаются ночью отъ заглушаемыхъ рыданій, раздающихся въ другой комнатѣ, когда по одному рѣзкому жесту, по мимолетному выраженію лица угадываются цѣлыя драмы, совершающіяся въ чужой душѣ, когда человѣкъ начинаетъ жить вѣчно на-сторожѣ, чутко прислушиваясь къ чему-то, пугливо ожидая чего-то, точно вотъ-вотъ сейчасъ должно случиться какое-то несчастіе. Анна Андреевна, угадывая все, что переживала мать, стихла еще больше прежняго, работала еще усерднѣе, чѣмъ когда-нибудь, сносила все еще безропотнѣе, чѣмъ въ былые дни. Она, казалось, даже не замѣчала, что иногда ея рука сама собою переставала шить, а глаза устремлялись безсмысленно въ одну точку, что иногда ея работа дѣлалась мокрою отъ капавшихъ на эту работу слезъ.

Это настроеніе семьи, походившее на настроеніе близкихъ родныхъ, возвратившихся въ опустѣвшій домъ послѣ похоронъ любимаго человѣка, дѣлалось еще безотраднѣе вслѣдствіе присутствія въ домѣ больного дѣдки. Параличъ, разбившій во время пожара престарѣлаго отставного служаку изъ «сдаточныхъ», дотянувшаго до офицерскаго званія, почти лишилъ его возможности управлять одною ногой и одною рукой и сильно повліялъ на его умственныя способности. Старикъ говорилъ невнятно, перезабылъ все происходящее вокругъ него и помнилъ только отдаленную старину. Всѣ давно умершіе его сверстники и сослуживцы представлялись ему живыми, и онъ то собирался къ нимъ въ гости,

то приказывалъ пригласить ихъ къ нему. Бредъ всегда производитъ тяжелое впечатлѣніе, наполняя душу непонятнымъ, таинственнымъ и, можетъ-быть, отчасти суевѣрнымъ страхомъ. Здѣсь же этотъ бредъ дѣйствовалъ еще тяжелѣе, раздаваясь по цѣлымъ днямъ среди могильной тишины, среди мертваго безмолвія, среди тоскливо настроенныхъ людей. Семьѣ было не до особенныхъ ухаживаній за старикомъ, когда нужно было думать о насущномъ хлѣбѣ; самъ Андрей Ивановичъ, сдѣлавшійся еще болѣе молчаливымъ и сосредоточеннымъ, почти не бывавшій дома, работалъ, какъ волъ, оставался иногда въ должности по цѣлымъ суткамъ, ради лишняго заработка дежуря за другихъ, переписывая за другихъ бумаги; Марья Ѳедоровна металась изъ угла въ уголъ, вся поглощенная приведеніемъ въ порядокъ хозяйства и домашнею обыденною работой; Анна Андреевна шила, не разгибая спины, молча, безропотно и покорно. Старикъ иногда просто становился въ тягость этимъ людямъ своею косноязычной болтовней, своими безумными выходками, нерѣдко переходившими въ буйство. Но у него, къ счастью, нашелся слушатель и товарищъ.

Митя сильно присмирѣлъ послѣ пожара: испугъ, произведенный этимъ несчастіемъ, раздражительность матери, тоскливое настроеніе сестры, тишина въ домѣ—все это повліяло на ребенка подавляющимъ образомъ, и онъ какъ будто немного захирѣлъ. Его теперь рѣже отпускали на улицу, у него не было простора дома, онъ не могъ зазывать къ себѣ пріятелей, такъ какъ они мѣшали, совались подъ ноги и пачкали полы, а Марья Ѳедоровна теперь опять сама мыла полы. И мальчикъ началъ мало-по-малу засиживаться подлѣ дѣдки. Дѣдъ по цѣлымъ часамъ, не умолкая, разсказывалъ внуку про Аракчеева, про двѣнадцатый годъ, про четырнадцатое декабря, про наводненіе, про холеру, про все, что въ прошломъ выдѣлялось, какъ яркія пятна, на сѣренькомъ фонѣ однообразной, будничной жизни старика. Это были не то дѣйствительныя воспоминанія бывалаго человѣка, не то полуфантастическія легенды, сотканныя на канвѣ пережитыхъ историческихъ событій. Передъ мальчикомъ открывался новый міръ, таинственный, завлекательный и широкій, вовсе не похожій на будничную жизнь Захолустной улицы. Ребенокъ иногда словно застывалъ, когда полусумасшедшій старикъ съ огромной, косматой, сѣдою головой, торопясь и не договаривая фразъ, сильно жестикулируя и сверкая глазами,

описывалъ битвы и бунты, отрывисто выкрикивая глухимъ голосомъ:

— Пли! Пифъ-пафъ!.. Бей ихъ! Бацъ-бацъ!..

По тѣлу ребенка пробѣгала дрожь, глазенки расширялись, и онъ съ открытымъ ртомъ, смотря на эту всклокоченную, сѣдую голову, видѣлъ яркія, страшныя картины, переживалъ всѣ ужасы этихъ новыхъ для него сценъ,—сценъ давно прошедшей старины. Массы людей, проходящихъ сквозь строй на смерть, тысячи труповъ на полѣ сраженія, горящая со всѣхъ сторонъ Москва, бунтующій на площади народъ, мрачныя висѣлицы съ качающимися подъ ними трупами, смоленые гробы на телѣгахъ, тянущихся вереницей къ кладбищу, могучій царь, во весь ростъ стоящій въ коляскѣ и громовымъ голосомъ повелѣвающій народу: «На колѣни, молитесь!»—все это, какъ въ калейдоскопѣ, проходило въ его воображеніи. А зимнія сумерки постепенно все сгущались и сгущались кругомъ, наполняя комнату тьмою, и при славомъ свѣтѣ теплящейся у образа лампады и эта комната, и ея драпировка, и образъ дѣда—все принимало какія-то странныя, неясныя и измѣнчивыя формы, и ребенку становилось и хорошо, и жутко. Бывало, стоило въ это время чему-нибудь упасть въ комнатѣ, кому-нибудь стукнуть въ окно или крикнуть на улицѣ, и у ребенка мгновенно сбѣгала краска съ лица,—ему становилось такъ холодно, такъ страшно...

Въ эти минуты мать не могла дозваться его къ ужину и махала рукой.

— Старый да малый одно и то же!—говорила она въ этихъ случаяхъ и была, въ сущности, рада, что сынъ не треплетъ даромъ сапогъ, а дѣдъ не отрываетъ никого отъ дѣла.

Иногда дѣдъ былъ не въ духѣ, не въ ударѣ, и сурово молчалъ, и собирался переѣзжать, и начиналъ ругаться. Въ семьѣ всѣ боялись этихъ припадковъ раздраженія, такъ какъ старикъ уже не разъ отъ брани начиналъ переходить къ дракѣ въ припадкѣ сумасшествія. Какой-то инстинктъ научилъ Митю являться въ эти минуты успокоителемъ старика. Мальчуганъ очень серьезно отыскивалъ какой-нибудь листъ печатной бумаги и направлялся къ дѣду.

— Слушай, я газету тебѣ буду читать,—говорилъ онъ, подсаживаясь къ дѣду и развертывая передъ собой бумагу.

— Что пишутъ-то? — отрывисто спрашивалъ старикъ ворчливымъ тономъ.

— Наши турокъ побили,—пояснялъ мальчикъ.—Большое, большое сраженіе было. Турокъ было много, много, а нашихъ мало, мало. Вотъ наши бросились на нихъ и побили ихъ...

— Это наши-то?—спрашивалъ болѣе спокойнымъ тономъ заинтересованный новостью дѣдъ.

— Наши,—подтверждалъ мальчуганъ.

— Ну да, наши, извѣстно, молодцы. Всегда побьютъ,—замѣчалъ старикъ, окончательно успокаиваясь.—А что про императора Александра Павловича-то пишутъ?

— А вотъ погоди, я поищу,—отвѣчалъ Митя и съ серьезнымъ видомъ переворачивалъ листъ.—За границу уѣхалъ, пишутъ,—замѣчалъ онъ.

— Ну, Господь съ нимъ, пусть покатается,—добродушно говорилъ старикъ.—Онъ не въ первый разъ за границу уѣзжаетъ. Въ двѣнадцатомъ году, когда мы выгнали Наполеона изъ Москвы, нашъ императоръ Александръ Павловичъ...

Дѣдъ начиналъ длинный разсказъ про покойнаго императора, и уже семьѣ нечего было опасаться, что онъ забурлитъ снова.

— Врутъ другъ другу, что на умъ взбредетъ!—замѣчала съ усмѣшкой Орлова, слыша ихъ бесѣду.

Чѣмъ чаще повторялись эти бесѣды, тѣмъ изобрѣтательнѣе становился Митя. У него сильно начала работать фантазія, и для него уже ничего не стоило придумать какую угодно длинную исторію для успокоенія старика,—разсказы этого старика дали такой обильный матеріалъ для воображенія ребенка. Съ каждымъ днемъ Митя дѣлался все болѣе и болѣе сосредоточеннымъ и исполнялъ свою роль успокоителя съ невозмутимою серьезностью взрослаго человѣка, утѣшающаго ребенка. Онъ давалъ волю своему воображенію и въ то же время сознавалъ, что онъ выдумываетъ, изобрѣтаетъ съ цѣлью успокоить старика. Иногда никуда уже не выходившему изъ-за своей драпировки дѣду приходила поздно вечеромъ фантазія покататься, и онъ начиналъ на всю квартиру кричать глухимъ, отрывистымъ голосомъ:

— Извозчикъ!... Извозчикъ!

Митя безмолвно поднимался съ мѣста и направлялся за драпировку,

— Подаю-съ!—громко произносилъ онъ и обращался къ мнимой лошади.—Тпру, тпру... Чего не стоишь? Видишь, баринъ кататься хочетъ...

Начинался продолжительный торгъ и, наконецъ, возница объявлялъ:

— Ужъ такъ и быть, садитесь!—и, поддергивая невидимыми вожжами, приговаривалъ:—Ну, ну, пошла! Баринъ на чаекъ прибавитъ! Баринъ у насъ добрый!..

Ѣзда продолжалась иногда довольно долго; возница все понукалъ и понукалъ свою воображаемую клячонку; старикъ дышалъ все ровнѣе и ровнѣе. Наконецъ, Митя, серьезный и спокойный, важно заложивъ, какъ взрослый, руки за спину, на цыпочкахъ выходилъ изъ-за драпировки и тихо объявлялъ:

— Заснулъ!

Всѣ смѣялись надъ старымъ да малымъ, потѣшающими другъ друга сказками да игрушками, и оставляли ихъ въ покоѣ, отдаваясь неотложнымъ заботамъ о кускѣ насущнаго хлѣба. Нужда чувствовалась слишкомъ сильно послѣ полнаго довольства, и этимъ людямъ некогда было прислушиваться къ такимъ пустякамъ, какъ разсказы Мити дѣду о томъ, что сдѣлаетъ онъ, Митя, сдѣлавшись генераломъ вмѣсто Аракчеева, хотя этотъ разсказъ объ отпущеніи всѣхъ солдатъ на волю, о раздачѣ всѣмъ бѣднымъ людямъ хлѣба, о наказаніи всѣхъ, кто притѣсняетъ народъ, былъ, можетъ-быть, не безынтересенъ и довольно остроуменъ для ребенка. Не менѣе грандіозная картина развивалась въ разсказѣ мальчика о томъ, какія почести ему окажутъ за то, что онъ облагодѣтельствуетъ всѣхъ. Разсказывая объ этихъ почестяхъ, мальчуганъ захлебывался отъ восторга и сверкалъ глазенками.

— На бѣломъ конѣ я пріѣду, вотъ какъ Георгій Побѣдоносецъ ѣздитъ,—говорилъ онъ:—и всѣ, всѣ станутъ на колѣнки...

Дѣдъ слушалъ его, опустивъ на грудь голову, бормоталъ тихо:

— Да, да, на бѣломъ конѣ, и всѣ на колѣняхъ стоятъ... Нѣтъ, вотъ мнѣ такъ не привелось, не привелось!..

— Да ты же со мной будешь, я же твой внукъ! Ты впереди всѣхъ, подлѣ меня,—утѣшалъ его Митя, воодушевленный любовью къ дѣду.—Ты всегда, всегда со мной будешь!

И онъ цѣловалъ старика.

Иногда картины, проносившіяся въ воображеніи ребенка, дѣлались такими широкими и яркими, что мальчикъ не находилъ словъ для ихъ изображенія и молчаливо углублялся въ свои фантазіи, уже не дѣлясь ими даже съ дѣдомъ. Онъ

дѣлался не только генераломъ вмѣсто Аракчеева, но генераломъ надъ всѣми генералами, выше всѣхъ, выше всѣхъ генераловъ, и оказывалъ благодѣянія не однимъ солдатамъ и бѣднымъ, а всѣмъ, всѣмъ; ему оказывались самыя невѣроятныя почести, ему кланялись въ землю, передъ нимъ стояли на колѣняхъ, ему цѣловали руки. Среди этихъ яркихъ грёзъ о благодѣяніяхъ и почестяхъ являлись и злобныя мысли о мщеніи, о пыткахъ, о казняхъ. «А христопродавца Пахомова казнить буду»,—мысленно заключалъ Митя, и въ его умѣ возникали картины самыхъ страшныхъ пытокъ и казни, о какихъ онъ зналъ. Онъ вытягивалъ изъ Пахомова жилы, онъ вырѣзалъ изъ его спины ремни, онъ рвалъ ему ноздри, онъ сжигалъ его живымъ. Въ эти минуты грудь его поднималась высоко, глазенки становились темными и мрачными, и поблѣднѣвшія губы шептали:—«Такъ тебѣ и надо, христопродавецъ!» Граница между фантазіей и дѣйствительностью исчезала, и Митя не могъ дать себѣ отчета, казнилъ ли онъ Пахомова или только собирается еще казнить его.

Съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе отличалъ мальчуганъ, что онъ придумываетъ для успокоенія дѣда и во что глубоко начинаетъ вѣрить самъ. Разсказывать дѣду о небывалыхъ событіяхъ сдѣлалось для него уже насущною потребностью. Онъ мало-по-малу сталъ даже горячо отстаивать правдивость и реальность своихъ грёзъ. Анна Андреевна, инстинктивно начинавшая съ тревогой прислушиваться къ болтовнѣ ребенка, замѣтила ему разъ:

— Что это ты какъ выдумывать научился, Митя! Это не хорошо!

— Что я выдумываю? Я ничего не выдумываю!—отвѣтилъ онъ.

— Какъ же не выдумываешь? Говоришь, что будешь генераломъ,—начала она.

— И буду генераломъ, и буду!—настойчиво перебилъ онъ ее запальчивымъ тономъ.

— Ну, да, будешь!—съ улыбкой проговорила она.

— А чѣмъ же я буду? Чѣмъ? Ну, говори, говори!—горячо допрашивалъ онъ.

Она затруднялась отвѣтить: ей было тяжело думать, тяжело высказывать, что и онъ будетъ такимъ же бѣднымъ чиновникомъ, какъ его отецъ. Она сама такъ страстно желала видѣть его генераломъ.

— А вотъ и не можешь сказать, и не можешь!—загоря-

чился еще болѣе мальчикъ.—Язычокъ-то, небось, прикусила! А я знаю, что я буду генераломъ и всѣхъ спасу, и Пахомова казнить буду и... и... Вотъ ты увидишь, ты увидишь!..

Онъ едва переводилъ духъ отъ волненія.

— Полно, полно, что ты злишься-то!—остановила она его.—У насъ нынче говорить ни съ кѣмъ нельзя,—всѣ злятся...

Мальчуганъ нахмурилъ брови и молча ушелъ къ дѣду, не то сконфузившись, не то сердясь на сестру.

И вдругъ новая неожиданность внесла перемѣну въ эту жизнь.

На дворѣ стоялъ уже декабрь, разсвѣтало поздно, и старшіе члены семьи Орловыхъ вставали при огнѣ. Самъ Орловъ уходилъ въ должность натощакъ, его жена и дочь принимались за работу и только около десяти часовъ садились пить кофейныя переварки, когда уже просыпались Митя и дѣдка. Въ одно такое утро Митя проснулся позже обыкновеннаго и вышелъ въ кухню, когда кофейникъ уже стоялъ на столѣ.

— А дѣдка проснулся?—спросила его мать.

— Нѣтъ еще, спитъ,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, умойся да и буди его... Бѣда тоже, какъ заспится,—обратилась Марья Ѳедоровна къ дочери.—Я ужъ сколько разъ замѣчала, что какъ онъ переспитъ, такъ потомъ и блажитъ весь день. А проснется рано, такъ потомъ днемъ и дремлетъ.

Ребенокъ умылся, прочиталъ утреннюю молитву, поцѣловалъ мать и сестру и пошелъ будить дѣда. Черезъ двѣ-три минуты онъ вернулся обратно въ кухню и объявилъ, что дѣдка крѣпко-крѣпко спитъ.

— А самъ озябъ, холодный такой,—добавилъ мальчуганъ.

Сами не сознавая отчего, мать и дочь встревожились.

— Аня, поди, побуди его,—сказала Орлова.—Нехорошо это, что такъ спитъ.

Анна Андреевна встала и пошла къ дѣду.

— Мама,—вдругъ раздался ея голосъ изъ комнаты.—Мама, идите сюда!

Орлова быстро направилась на зовъ дочери, торопливо зашла за драпировку и не успѣла еще ничего спросить, какъ услышала тихій шопотъ дочери:

— Умеръ!

— Да что ты!—воскликнула Марья Ѳедоровна.

Она рванулась къ постели старика, схватила его руку,

ощупала его лобъ и, точно подкошенная, опустилась на стулъ. Трупъ старика успѣлъ уже и остыть. Анна Андреевна стояла неподвижно, съ опущенной на грудь головой, не выпуская изъ рукъ мертвой руки дѣда.

Семья, въ сущности, втайнѣ давно уже ждала этой смерти, и все-таки эта смерть никому ненужнаго, всѣхъ тяготившаго человѣка явилась страшною неожиданностью. Обѣ женщины растерялись.

— Голубушка ты моя, что же мы дѣлать-то будемъ? Дѣлать-то что будемъ?—тихо произносила Марья Ѳедоровна, какъ бы очнувшись.—Ничѣмъ ничего у насъ нѣтъ... Продохнуть не успѣли, собраться съ силами еще не могли... Живъ былъ—тяготились, что живетъ, умеръ...

У Марьи Ѳедоровны перехватило голосъ, и она вдругъ смолкла, заливаясь горькими слезами. Анна Андреевна тихо подошла къ ней и обняла ее. Прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ. Мать и дочь плакали, не говоря ни слова. Наконецъ, Орлова встала, отерла слезы и подавленнымъ голосомъ проговорила:

— Надо же обмыть, положить на столъ, распорядиться...

Она бросила взглядъ на покойника.

— Точно спитъ, точно спитъ, родной! И не знаетъ, и не вѣдаетъ, что̀ кругомъ творится, что вотъ плачемъ мы...

Она опять не договорила своей мысли. Ей было тяжело вымолвить громко то, что она чувствовала, сознаться, что она плачетъ не о немъ, а о томъ, что у нихъ теперь нѣтъ денегъ на похороны, что имъ въ тягость эти похороны, что они подоспѣли не во̀-время. Анна Андреевна безъ словъ угадывала эту мысль, и точно камень какой давилъ ей сердце.

Не прошло и четверти часа, какъ вся семья пришла въ движеніе, началось обмыванье покойника, перенесеніе его на столъ, отрывочные толки, невольныя слезы, навертывавшіяся на глаза. Митя разспрашивалъ, проснется ли дѣдка или не проснется, увезутъ ли его тоже въ гробу хоронить, какъ хоронили одного изъ ихъ сосѣдей.

Въ хлопотахъ и бѣготнѣ Марья Ѳедоровна еще кое-какъ бодрилась, но во время первой панихиды снова разрыдалась.

— Полно, голубушка, Марья Ѳедоровна, полно,—съ участіемъ уговаривала ее Митревна. — Слезами не пособишь горю. Тебѣ себя надо беречь,—тоже свалишься, такъ не сладко будетъ... Оно, конечно, тяжело: продохнуть не успѣла еще, а тутъ шуточное ли дѣло, какіе расходы.

— Богъ съ ними, съ расходами, — отвѣтила Марья Ѳе-

доровна.—Онъ-то... тоже не чужой былъ... И горе, и радости вмѣстѣ...

— Ну, онъ-то ужъ не жилецъ былъ на свѣтѣ,—отвѣтила Митревна: — въ тягость и себѣ, и другимъ былъ... Онъ-то что!.. Вотъ какъ собьешься-то съ деньгами...

Марья Ѳедоровна ничего не отвѣтила. Въ коридорѣ она услышала разговоръ двухъ сосѣдокъ.

— Ну, чего имъ о старикѣ-то убиваться,—говорила одна.—Давно, поди, только и ждали его смерти. Плачутъ, извѣстно, о томъ, что хоронить нечѣмъ. Тоже жилъ—всѣхъ тяготилъ, умеръ—родныхъ по-міру пустилъ.

— А сами виноваты, въ больницу бы отправили во-время, такъ теперь и хоронили бы на больничный счетъ,—отвѣтила другая.—Такъ нѣтъ, все по-старому хочется жить, какъ господамъ.

— Ужъ какіе господа, когда, поди, ѣсть нечего!

— Ну, я вотъ это-то и говорю. А у нихъ все гоноръ. Какъ можно родного человѣка въ больницу изъ своего угла везти! А ужъ какъ денегъ нѣтъ, такъ родной не родной, а приходится съ рукъ сбывать лишній ротъ.

— Что говорить, что говорить! Теперь, поди, и спокаялись, плачутъ, да поздно,—дѣла-то ужъ не поправишь! Локоть близокъ, а не укусишь,—согласилась первая изъ собесѣдницъ.

Марья Ѳедоровна какъ будто застыла на своемъ мѣстѣ. Передъ нею точно впервые вдругъ выяснилось вполнѣ новое положеніе ея семьи. Ее какъ будто кто пришибъ, придавилъ, принизилъ. Утромъ она, увидавъ мертваго дѣда, плакала о недостаткѣ денегъ, а не о немъ, и это ей было такъ больно, что она мысленно даже упрекала себя въ безчувствіи. Теперь она видѣла, что и посторонніе люди знаютъ ея мысли и понимаютъ, что иначе она не можетъ смотрѣть на свое горе. Не то бѣда, что умеръ родной, близкій человѣкъ, а то, что на его похороны нужно дѣлать расходы. Тутъ не до нѣжныхъ родственныхъ чувствъ, когда нужно думать о кускѣ насущнаго хлѣба. Не для такой голи, какъ она, эта роскошь.

Орлова вернулась въ свою квартиру понурая, на себя непохожая.

— Мама, посмотрите, Митя-то все на столѣ около дѣда сидитъ,—сказала ей дочь.—И увести нельзя... «Я,—говоритъ,—съ нимъ посижу...»

— Одинъ, голубчикъ, только и жалѣетъ старика, — тихо отвѣтила мать съ тяжелымъ вздохомъ.

Анна Андреевна вскинула на нее вопросительный взглядъ.

— Да, да, Аня, только онъ и жалѣетъ,—повторила мать.

— А мы?—спросила дочь.

— Гдѣ ужъ намъ,—усмѣхнулась горькой улыбкой мать.— Голь мы перекатная, вотъ мы что, а не люди,—нѣтъ... Были людьми, а теперь не люди... Денегъ намъ жаль, а не человѣка... Въ самомъ дѣлѣ, умереть вздумалъ не вѣ-время, семью разоряетъ, въ больницу не пристроился... Гдѣ ужъ тутъ жалѣть его! А и станешь жалѣть, Аня, такъ люди не повѣрятъ.

Анна Андреевна печально опустила на грудь голову. Онѣ прошли въ комнату къ покойнику. На столѣ около трупа сидѣлъ Митя, подмостивъ подъ ноги табуретъ.

— А я, мама, съ дѣдкой,—сказалъ мальчуганъ.

— Сиди, голубчикъ, сиди, — сказала она, погладивъ его по головѣ.—Онъ хоть за тебя помолится, — чистая ты еще душа!..

IV.

На вечернюю панихиду явился Феопемптъ Григорьевичъ Лампадовъ. Онъ былъ одѣтъ въ свой будничный коричневый сюртукъ, очень просторный и длинный, съ воротникомъ въ видѣ хомута, какіе были въ модѣ еще въ двадцатыхъ годахъ. Его шея была повязана бѣлымъ, высокимъ и туго накрахмаленнымъ галстукомъ. Онъ имѣлъ видъ торжественный и серьезный, Марья Ѳедоровна встрѣтила его, какъ встрѣчаютъ почетнаго посѣтителя, не особенно охотно приходящаго въ гости.

Старикъ Лампадовъ приходился ей двоюроднымъ дядей и не только пользовался ея уваженіемъ, но и позволялъ себѣ нерѣдко читать ей наставленія, какъ онъ ихъ читалъ всѣмъ и каждому, не разбирая званій и возрастовъ своихъ слушателей, если эти слушатели были ему даже незнакомы. Она всплакнула, разсказывая ему, какъ умеръ дѣдка, въ какомъ они находятся положеніи, какъ они потеряли голову, не зная, на какія средства устроить похороны. Старикъ слушалъ ее внимательно и серьезно, тихо покачивая въ раздумьи головой. Наконецъ, онъ проговорилъ:

— Всегда говорилъ тебѣ и теперь повторю: «Марѳа, Марѳа, печешься о многомъ!» Не надо было домъ строить. Плохъ былъ старый уголъ, да все же жить было можно,

пока совсѣмъ не развалился бы. Ну, а развалился бы, продали бы мѣсто. А то разбогатѣть хотѣлось, расшириться; когда нужно было думать, какъ бы концы съ концами свести.

— Да вѣдь у меня сынъ растетъ! Для него думала уголъ теплый, гнѣздышко ухитить,—сказала Марья Ѳедоровна въ свое оправданіе.

— Сыну еще не уголъ теплый, не гнѣздышко приготовлять нужно, а научить его человѣкомъ быть!—строго отвѣтилъ Лампадовъ.—Гнѣздо онъ самъ совьетъ, а человѣкомъ, хоть ты ему дворцы построй, не будетъ, если его не сдѣлаютъ взрослые человѣкомъ. Ты всегда была женщиной умной, доброй и честной, но суетности въ тебѣ всегда было много, и суетность тебя губитъ. Ты видишь, какъ я живу, какъ моя сестра живетъ: о чемъ мы заботимся?—чтобы зла никому не сдѣлать, и больше ни о чемъ. Вотъ я чуть не тридцать лѣтъ одинъ сюртукъ ношу, а ты спроси, кто Лампадова не уважаетъ, кто про Лампадова злое слово скажетъ?—Никто. А если и скажутъ, такъ я же имъ прямо въ глаза взгляну, а не они мнѣ.

— Не у всѣхъ, дядя, на такую жизнь силъ хватитъ!—отвѣтила Марья Ѳедоровна.

— Силъ не хватитъ, силъ не хватитъ,—повторилъ Лампадовъ съ упрекомъ.—А ты вникай въ жизнь, да лишняго горя себѣ изъ всякихъ пустяковъ не дѣлай, вотъ и хватитъ силъ, чтобы такъ жить. У васъ все горе: придетъ мысль, что съ вами черезъ годъ будетъ—горе; на именины гостей нельзя звать—горе... Вотъ теперь читальщиковъ нанимаете, панихиды служите, а денегъ мало,—ну, какъ же не горе?..

— Да какъ же, дядя, не горе, вѣдь это такъ ужъ постановлено!—сказала Марья Ѳедоровна.

— Кѣмъ постановлено?—спросилъ Лампадовъ.—Въ Евангеліи, что ли, ты вычитала, чтобы читальщиковъ къ покойнику нанимать, да непремѣнно по двѣ панихиды въ день служить надо?

Марья Ѳедоровна взволновалась и даже обидѣлась.

— Значитъ, ужъ мы такіе нищіе, что намъ и за душу покойника молиться не слѣдуетъ?—возразила она.

— Кто тебѣ мѣшаетъ молиться? Молиться и безъ читальщиковъ, и безъ панихидъ можно,—отвѣтилъ Лампадовъ.—Да старикъ и не нуждался въ нашихъ молитвахъ, зла онъ не сдѣлалъ никому, и безъ твоихъ молитвъ Богъ знаетъ, чего онъ достоинъ. Ты это и сама знаешь, а дѣлаешь все такъ, а не иначе по тому, что сосѣди скажутъ... У васъ

вѣдь всегда не убѣжденіе, не вѣра, а сосѣди на первомъ планѣ...

Лампадовъ вдругъ оборвалъ рѣчь, неторопливо разстегнулъ сюртукъ, вынулъ изъ бокового кармана деньги и подалъ ихъ Марьѣ Ѳедоровнѣ.

— Кстати, сестра сама не могла придти,—у одной больной сидитъ,—такъ просила передать тебѣ деньги на похороны,—проговорилъ онъ.

Марья Ѳедоровна вздохнула широкимъ вздохомъ и со слезами на глазахъ начала благодарить старика.

— Что-жъ ты благодаришь, развѣ тебя сестра хоронитъ? — съ добродушной улыбкой сказалъ старикъ. — Это дѣдкѣ на похороны, такъ ужъ пусть онъ съ сестрой и считается благодарностями на томъ свѣтѣ.

Старикъ неторопливо застегнулся снова и ровною поступью прошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ. Митя находился около трупа. Лампадовъ подошелъ къ самому столу и, поднявъ съ лица покойника простыню, сталъ всматриваться въ черты его лица.

Митя заговорилъ, какъ обмывали, какъ клали на столъ дѣдку:

— За ноги и за голову взяли, а онъ и не просыпается, и понесли на столъ съ постели, подложили полѣно подъ голову, а онъ ничего, хоть и жестко, все спитъ.

Лампадовъ, положивъ полную, мягкую руку на голову ребенка, безмолвно слушалъ его болтовню.

— И жаль тебѣ, что его увезутъ? — наконецъ спросилъ онъ.

— Жаль, — отвѣтилъ мальчуганъ. — Онъ и теперь вотъ ничего не разсказываетъ, а все спитъ... Я сижу, сижу, а онъ спитъ все...

— Мы всѣ такъ уснемъ, — задумчиво сказалъ Лампадовъ.—Надо же и отдохнуть когда-нибудь. Вотъ онъ хворалъ, сердился, плакалъ, а теперь отъ всего отдохнетъ. И чѣмъ больше поработаетъ человѣкъ, тѣмъ слаще онъ отдохнетъ. Вотъ, знаешь, какъ вашъ братъ,—съ улыбкой обратилъ лицо Лампадовъ къ ребенку:—тогда и спитъ хорошо, когда набѣгается и напрыгается вволю...

Обративъ взглядъ на ребенка, онъ уже не спускалъ съ него глазъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ всматривался въ это почти прозрачное, блѣдное личико, съ воспаленными золотушными глазами, его лицо, за минуту озаренное мягкой старческой улыбкой, дѣлалось все серьезнѣе и печальнѣе.

Наконецъ, онъ пожалъ плечами, тяжело вздохнулъ, поднялъ глаза къ небу и проворчалъ:

— Не вѣдаютъ, что творятъ!

Въ эту минуту въ кухнѣ послышались шаги нѣсколькихъ пришедшихъ лицъ, раздался мужской голосъ: «можно начинать панихиду?» Лампадовъ снялъ Митю со стола и отошелъ съ нимъ въ сторону. Въ комнату вошли священникъ, дьячокъ и нѣсколько человѣкъ посѣтителей. Началась панихида. Лампадовъ стоялъ въ углу съ опущенною на грудь головой и придерживалъ около себя Митю, опустивъ на его плечо лѣвую руку. Старикъ не крестился, не шевелился и какъ будто застылъ въ своей задумчивой позѣ, придерживая одною рукой ребенка и держа въ другой зажженную свѣчу. Когда панихида кончилась, онъ тяжело вздохнулъ, загасилъ свѣчу и прошелъ въ кухню съ Митей. Посѣтители стали расходиться. Когда семья Орловыхъ осталась одна, Лампадовъ обратился къ Марьѣ Ѳедоровнѣ:

— Ты знаешь, я только затѣмъ и прихожу, чтобы браниться,—сказалъ онъ ей.

— Да брани, голубчикъ-дядя, брани, если стóю, — отвѣтила она.—Дура я, потерявшая голову!

— Стóишь!—проговорилъ Лампадовъ.—Ты для кого живешь-то, для кого это бьешься и хлопочешь?.. Для него?—спросилъ онъ, указывая на ребенка. — А ты смотрѣла на него, видѣла его?

Марья Ѳедоровна въ недоумѣніи взглянула на сына.

— Хорошъ?—спросилъ Лампадовъ, поднимая рукой за подбородокъ голову мальчика.—Въ лицѣ ни кровинки, глаза золотушные, волосенки—и тѣ больные. Ахъ, Марья, Марья, о чемъ ты только думаешь!

Марья Ѳедоровна взволновалась, точно она впервые увидала своего любимца, неразлучно жившаго съ ней изо дня въ день. На ея глаза навернулись слезы.

— Гдѣ же быть здоровью въ этомъ углѣ, при этой нуждѣ! — заговорила она.

— Хуже нужда бываетъ, а дѣти остаются здоровыми,—перебилъ ее неторопливо Лампадовъ.—А ты держишь мальчика дома, чтобъ онъ сапогъ не трепалъ,—такъ пусть онъ лучше босой бѣгаетъ на чистомъ воздухѣ, чѣмъ блекнетъ здѣсь въ сапогахъ. Ты ребятишекъ отъ него гонишь, чтобы полъ не затоптали,—такъ пусть они лучше полъ затопчутъ, чѣмъ оставлять его старѣться одиноко въ дѣтскіе годы.

— Да развѣ я запрещаю? — воскликнула Марья Ѳедо-

ровна, дѣйствительно никогда не запрещавшая Митѣ бѣгать по улицамъ или приглашать къ себѣ товарищей.

— Знаю я, какъ ты не запрещаешь! — сказалъ Лампадовъ. — Сегодня попрекнешь, что сапоги треплетъ, завтра ругнешь мальчика, что грязи натаскали товарищи, а тамъ сына по головкѣ погладишь, что умница онъ, все дома одинъ сидитъ смирнехонько... Видишь, какой схимонахъ вышелъ!., Присылай его хоть ко мнѣ: у меня тамъ хозяйскіе ребятишки гору строятъ; ну, да и у меня въ клѣтушкѣ понемногу учиться начнетъ. Игра да ученье — вотъ все, что нужно ребенку... А ты вѣдь все о сапогахъ думаешь... У него еще свои подошвы не обтрепались...

Лампадовъ всталъ и началъ прощаться. Марья Ѳедоровна расцѣловалась съ нимъ, а Анна Андреевна поцѣловала его руку. Орлова спросила его, будетъ ли онъ на похоронахъ. Лампадовъ махнулъ рукой.

— Не люблю я въ эти ямы заглядывать, куда самого скоро упрячутъ!—отвѣтилъ онъ.

Анна Андреевна пошла провожать его до воротъ. На прощаньи онъ сказалъ ей:

— Митю-то не возите на кладбище. Рано ему смотрѣть, какъ людей въ землю закапываютъ. И такъ онъ у васъ старичкомъ смотритъ. Пришлите ко мнѣ на этотъ день, а то завтра отправьте. Старикъ-то разложится, такъ это тоже не веселое зрѣлище для ребенка, и для здоровья этотъ смрадъ не Богъ знаетъ какъ полезенъ.

Анна Андреевна еще разъ почтительно поцѣловала руку старика и остановилась у воротъ, смотря вслѣдъ ему. Онъ шелъ ровною, твердою, степенною поступью, опустивъ голову на грудь и грузно опираясь на толстую трость. Что-то величавое и серьезное было во всей этой фигурѣ, въ каждомъ ея движеніи. Старикъ былъ точно вылитъ изъ бронзы и могъ служить натурой для превосходной статуи стараго атлета. Анна Андреевна невольно задумалась о немъ, и въ ея головѣ мелькнула мысль: «вотъ-то счастливецъ!»

Дѣйствительно, если кто могъ назваться счастливцемъ, такъ это именно Феопемптъ Григорьевичъ Лампадовъ, хотя это странное счастье,—счастье, быть-можетъ, нѣсколько непохожее на идеалъ счастья сотенъ и тысячъ людей. Лампадовъ былъ когда-то учителемъ русскаго языка и математики. Поповичъ по рожденію, воспитывавшійся въ доброй семьѣ, кончившій свое образованіе въ университетѣ, онъ, рано оставшись круглымъ сиротой, жилъ вѣчно трудомъ —

перепиской, уроками, литературными трудами, не занимая никакого особеннаго виднаго мѣста въ офиціальномъ мірѣ. У него былъ недюжинный умъ, серьезное образованіе, большая начитанность и знаніе жизни. Онъ самъ говорилъ про себя: «Всему опытъ меня научилъ; бывало, тамъ щелкнутъ, тутъ оборвутъ, — ну, и научился наукѣ жить». И точно, бѣдность его научила быть нетребовательнымъ; горько окончившееся увлеченіе молодости—любовь къ одной изъ важныхъ ученицъ — научило его «не соваться съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ»; пребываніе гувернеромъ въ аристократическихъ домахъ привило къ нему извѣстный тактъ и извѣстный лоскъ; чтеніе книгъ и столкновеніе съ передовыми людьми его времени развили въ немъ любовь къ мышленію. Мало-по-малу, изъ него выработался вполнѣ законченный типъ учителя и ученаго. Онъ не писалъ никакихъ ученыхъ изслѣдованій, но онъ былъ въ полномъ смыслѣ кабинетный ученый, нѣсколько склонный къ отвлеченностямъ, немного педантъ, человѣкъ мало способный къ разговору и очень падкій до дидактизма. Сдержанность, холодность, дидактизмъ прежде всего бросались въ глаза при встрѣчѣ съ нимъ; но подъ этой ледяною оболочкой билось младенческое, искреннее, доброе и впечатлительное сердце. Онъ до старости способенъ былъ плакать надъ книгой, носить ежегодно вѣнки на могилу разлученной съ нимъ въ юности дѣвушки, пригрѣвать перваго попавшагося ребенка, любоваться красивымъ пейзажемъ, вечерними облаками, залитыми лучами солнца, и восхищаться тихою поэзіей такихъ произведеній, какъ «Сельское кладбище» Грея. Окружающіе люди, уважая его за честность, за правдивость, за строгую жизнь, иногда подозрѣвали въ немъ черствость, такъ какъ онъ равнодушно выслушивалъ большую часть людскихъ жалобъ. Кто зналъ его ближе, тотъ зналъ источникъ этого равнодушія: Лампадовъ никогда не могъ понять, какъ можно жаловаться на то, что нѣтъ денегъ, чтобы сшить къ празднику новое платье, на то, что нѣтъ средствъ справить именины, на то, что невозможно отложить гроша на черный день, на то, что обманулъ другъ или притѣснилъ врагъ. Онъ самъ такъ привыкъ ограничивать свои потребности, что былъ всегда доволенъ своимъ положеніемъ; онъ такъ много видѣлъ и дурныхъ друзей, и злобныхъ враговъ, что не требовалъ въ отношеніи себя отъ людей больше того, что они могли дать. Про него говорили, что «можно ему быть покойнымъ, когда успѣлъ кое-что и на черный день

отложить». Онъ лаконически отвѣчалъ на это: «Работали бы столько, сколько я работалъ, да тратили бы столько, сколько я трачу, и у нихъ было бы что-нибудь скоплено». Почувствовавъ, что ему тяжело ходить на уроки, что его память стала менѣе тверда, что его утомляютъ продолжительныя занятія въ классахъ, онъ отказался отъ этого рода занятій и занялся своимъ любимымъ дѣломъ — часовымъ мастерствомъ. Онъ не только любилъ это дѣло, какъ развлеченіе или какъ могущую дать хлѣбъ работу,—онъ подробно изслѣдовалъ вопросъ о часовомъ производствѣ, онъ задумывался надъ часами, философствовалъ во время работы надъ ними. Для него не было большаго наслажденія, какъ починка старинныхъ часовъ, которыхъ не могли починить настоящіе часовщики. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ немного маніакъ, одинъ изъ спеціалистовъ, думающихъ, что міръ давно бы рухнулъ, если бы не было именно ихъ спеціальности. Недаромъ же люди, слушавшіе его всегда серьезно, начинали улыбаться, когда онъ заговаривалъ о часахъ, то-есть садился на своего любимаго конька. Онъ нанималъ двѣ комнаты съ переднею, кухнею и двумя ходами: парадными и грязнымъ; жилъ со своею сестрой и служанкой «изъ благородныхъ», или какъ онъ называлъ ее, домоправительницей. Но сестра, оставшаяся съ дѣтства на его попеченіи, воспитанная въ институтѣ, вышедшая по страсти замужъ, овдовѣвшая и чуть не сошедшая съ ума отъ потери любимаго мужа, почти никогда не бывала дома.

Ольга Григорьевна была, пожалуй, еще болѣе оригинальною личностью, чѣмъ ея братъ. Онъ сиднемъ сидѣлъ дома и философствовалъ надъ часами; она пропадала по цѣлымъ недѣлямъ, кочуя отъ однихъ родныхъ мужа къ другимъ, являясь то въ салонахъ богачей и знати, то въ жалкихъ конурахъ бѣдняковъ и простолюдиновъ. У нея былъ неразлучный съ нею ридикюль, куда опускались кусочки сахару, бисквиты и фрукты въ домахъ богатой родни и откуда выгружались эти же сласти въ домахъ бѣдныхъ крестниковъ и посажёныхъ дѣтей. У нея было два черныхъ платья, одно шелковое, другое шерстяное, иногда надѣвавшіяся одно на другое: въ первомъ она являлась у богачей, во второмъ—у бѣдняковъ. Эти скитанія по домамъ родныхъ и знакомыхъ начались только послѣ смерти мужа Ольги Григорьевны и, можетъ-быть, только при помощи ихъ ей удалось залѣчить въ своемъ сердцѣ рану, нанесенную этою смертью. Оставаться долго дома Ольга Григорьевна просто

боялась,—ей нужно было жить среди людей, ихъ радостями и горемъ, чтобы забыть, что для нея самой въ жизни не осталось уже ничего, кромѣ могилы. Эту скитальческую жизнь можно бы было назвать жизнью приживалки или салопницы, если-бъ эта женщина не отличалась сильнымъ умомъ, изумительною прямотой и безграничною добротою. Ее встрѣчали вездѣ съ распростертыми объятіями, такъ какъ у богатой родни ее въ шутку звали «нашимъ совѣтникомъ», а у бѣдныхъ родственниковъ «нашей матушкой-благодѣтельницей». Она жила душа въ душу съ братомъ и расходилась съ нимъ только въ одномъ: онъ равнодушно выслушивалъ иногда даже серьезныя жалобы людей, она же волновалась даже и тогда, когда ей жаловались на пустяки. Это обстоятельство вызывало безконечные споры и пренія между братомъ и сестрой.

— Да чего ты волнуешься, Ольга?— говорилъ онъ ей.— Плачутся люди, что лишняго платья нѣтъ, а ты тревогу бьешь. У тебя-то самой есть лишнее платье? Нужно оно тебѣ?

— Мнѣ не нужно, да вѣдь не обо мнѣ и рѣчь идетъ,— возражала она.—А они привыкли къ этому, они не могутъ обойтись безъ этого. Что же, мы съ тобой передѣлывать ихъ будемъ?

— Ну, а если способны о пустякахъ плакать, такъ и пусть плачутъ.

— А ты вотъ который день голову ломаешь, какъ эти часишки дрянные починить, и тоже тужишь о пустякахъ, такъ и надъ тобой смѣяться надо?

— Ну, выдумала сравненіе!—сердился братъ.

— Да, разумѣется, что такъ! Ну, не можешь починить и брось. Никому ни тепло, ни холодно не будетъ, если эти часишки такъ и останутся безъ починки. А нѣтъ, это для тебя важный вопросъ. Изстрадался, поди, отъ этого великаго несчастія! Ну, а для нихъ важный вопросъ платье. У всякаго свои слабости, и если ихъ можно удовлетворить—ну, и надо удовлетворить.

— Ну да, вотъ погоди, кому-нибудь каменный домъ захочется выстроить, и плакать онъ будетъ, что не можетъ этого сдѣлать, ты и начни помогать при постройкѣ этого дома.

— И стала бы, если бы могла! — рѣшительно отвѣчала сестра.—И если-бъ всѣмъ захотѣлось имѣть каменные дома и всѣмъ бы помочь было можно, тогда и счастлива я была бы...

— Маремьяна старица обо всемъ мірѣ печалится,—ворчалъ братъ сквозь зубы.

— Глупый! глупый! — уже со смѣхомъ произносила сестра. — А самъ первый павлиномъ распустилъ бы хвостъ, если бы весь міръ облагодѣтельствовать могъ. Туда же бранится, что глупымъ слабостямъ потакаю, а самъ пять лѣтъ въ институтъ мнѣ конфеты таскалъ, ходя въ заплатанныхъ сапогахъ...

— Дуракъ былъ тогда!

— А теперь поумнѣлъ, вѣрно, такъ оттого и сталъ таскать пряники въ карманахъ для уличныхъ ребятишекъ,— продолжала обличать его сестра.

Старикъ махалъ рукой.

— Отстань ты, съ тобой не сговоришь!.. Привыкла по гостямъ-то тараторить,—сквозь зубы бормоталъ онъ.

Она подсаживалась къ нему и серьезно уже произносила, дотронувшись до его плеча:

— Нѣтъ, старина, дѣло-то не въ новомъ платьѣ, а у людей серьезное горе. Ты часы-то оставь, — а потолкуемъ, какъ бы помочь людямъ. Дрянные они людишки, да вѣдь они и еще хуже да глупѣе станутъ, если имъ не помочь.

Братъ покорно оставлялъ часы, и начиналось совѣщаніе о помощи ближнимъ совѣтомъ, деньгами, протекціей. Протекціей? — Да, странно сказать, но эти старики сумѣли себя поставить такъ, что имъ рѣдко отказывали тѣ люди, съ которыми они были близки: она—по родственнымъ связямъ своего покойнаго мужа, онъ — въ качествѣ бывшаго гувернера и учителя въ аристократическихъ семьяхъ. Этому не мало дивились бѣдняки, окружавшіе ихъ. Но братъ и сестра, говоря о вліятельныхъ лицахъ, шутливо замѣчали на это:

— Еще бы они намъ уваженія не оказывали! Тоже не мало мы ихъ за уши и за вихри въ дѣтствѣ дирали, оттого они и въ генералы вышли.

Драли ли они этихъ генераловъ за вихры и за уши въ дѣтствѣ и въ юности — это не извѣстно, но вѣрно то, что эти генералы сохраняли въ душѣ сознаніе, что искреннюю любовь, честныя наставленія, разумные совѣты и прямые, твердые упреки они слышали въ лучшіе годы жизни, быть-можетъ, только отъ этихъ людей.

Когда Митѣ объявили на слѣдующій день, что его отведутъ ночевать къ отцу крестному, т. е. къ Лампадову, мальчикъ не заплакалъ, не заупрямился, такъ какъ онъ въ послѣднее время привыкъ безропотно покоряться всему. Но онъ какъ будто удивился, что его уводятъ именно къ Лам-

падову. Мальчикъ даже и не помнилъ, когда онъ посѣщалъ крестнаго отца. Отношенія семьи Орловыхъ къ старику были нѣсколько странны. Орловы уважали его, но какъ будто побаивались и не особенно долюбливали выслушивать его наставленія. Особенно въ послѣдніе годы Лампадовъ рѣзко нападалъ на Марью Ѳедоровну за ея хлопоты о постройкѣ дома, пророча ей, что она запутается въ дѣлахъ и вмѣсто барышей наживетъ неоплатные долги и окончательно разорится. Онъ просто совѣтовалъ ей жить, покуда можно, въ старомъ домишкѣ, а потомъ продать землю, когда жить въ разваливающейся лачугѣ не будетъ возможности. При этомъ съ свойственною ему откровенностью онъ замѣчалъ, что очень жаль, что надъ ней главы нѣтъ, что Андрей Ивановичъ пляшетъ по ея дудкѣ. Марья Ѳедоровна возражала ему, что она все разсчитала, все взвѣсила, что барыши будутъ несомнѣнные, на что Лампадовъ спокойно возражалъ ей:

— То-то и худо, что ты все считаешь да разсчитываешь то, чего еще нѣтъ; а ты лучше пользуйся тѣмъ, что есть, чтобы, погнавшись за большимъ, не потерять и малаго.

Эти замѣчанія, расхолаживавшія увлеченія Марьи Ѳедоровны, раздражали ее, и она старалась избѣгать старика. Не могла она съ нимъ тѣсно сблизиться отчасти уже и потому, что она сама была изъ числа людей, дающихъ совѣты, а не изъ числа людей, просящихъ совѣтовъ. Ей точно обиду наносили, когда давали совѣты или дѣлали замѣчанія. Лампадовъ же безъ замѣчаній не могъ обойтись. Правда, старикъ Лампадовъ и его сестра были первыми людьми, сунувшими Марьѣ Ѳедоровнѣ нѣсколько десятковъ рублей послѣ пожара, но Лампадовъ не удержался и тутъ, чтобы не замѣтить Марьѣ Ѳедоровнѣ насчетъ того, что онъ ей говорилъ прежде.

— Ты-то вотъ только все считала да разсчитывала, — замѣтилъ онъ:—а у Бога-то и итоги были давно ужъ подведены.

Марья Ѳедоровна даже вспылила и упрекнула за это старика, замѣтивъ, что «лежачаго-то ужъ нечего бить».

Но три мѣсяца нужды значительно надломили Марью Ѳедоровну, лишили ее самоувѣренности, отняли у нея почти всѣ надежды, и когда Лампадовъ сказалъ, чтобы къ нему прислали Митю, она сильно обрадовалась.

— Хоть бы онъ пригрѣлъ нашего голубчика, — разсуждала она вечеромъ, сидя съ мужемъ и Анной Андреевной въ кухнѣ.—Тоже вѣдь не чужой ему мальчуганъ, внучат-

ный племянникъ и сынъ крестный. У старика и связи есть, и деньги, должно-быть, водятся,—все что-нибудь можетъ сдѣлать при жизни и послѣ смерти чѣмъ-нибудь наградить.

Провожая Митю, она замѣтила ребенку:

— Ты веди себя хорошо, не трогай тамъ чего-нибудь, не разсерди дядю, а то онъ любить тебя не будетъ!

Митя покорно обѣщалъ исполнить всѣ наставленія и шелъ къ Лампадову не безъ тайнаго страха. Ему почему-то казалось, что онъ идетъ къ важному, важному барину. Лампадовъ встрѣтилъ его привѣтливо и замѣтилъ Аннѣ Андреевнѣ:

— Умница, что выхлопотала освобожденіе узника изъ темницы. Я ужъ думалъ, что не отпустятъ.

— Отчего же не отпустить, — сказала она, цѣлуя его руку.

— Ну, да у васъ меня не долюбливаютъ, — отвѣтилъ старикъ.—По головкѣ не умѣю гладить за глупости. Впрочемъ, теперь времена перемѣнились. Домовъ строить больше не будутъ. Вотъ ты только уговорила бы мать продать землю. Расквитались бы съ долгами и зажили бы хоть не сладко, да безъ заботъ о долгѣ, безъ глупыхъ мечтаній сдѣлать изъ гроша рубль.

Потомъ онъ круто перевелъ разговоръ на Митю. Мальчика пора начинать исподволь учить. Чѣмъ раньше онъ кончитъ курсъ въ гимназіи, тѣмъ лучше. Выйдетъ изъ университета, тогда можно похлопотать и о мѣстѣ.

— Пока я живъ, все это легко сдѣлать, — слава тебѣ, Господи, вліятельный тоже человѣкъ,—съ усмѣшкой закончилъ онъ и обратился къ Митѣ:—да ты что, молодецъ, присмирѣлъ? У меня, братъ, ходить и бѣгать не запрещено... Вонъ, гляди, тамъ сколько добра!

Онъ указалъ Митѣ на лежавшія на столѣ гравюры. Митя уже давно искоса разсматривалъ комнаты Лампадова и удивлялся ихъ роскоши. Онъ вспомнилъ разсказы покойнаго дѣда о дворцахъ и теперь ему показалось, что онъ попалъ во дворецъ.

Дѣйствительно, небольшая квартирка Лампадова должна была поразить мальчугана. Здѣсь было все завѣтное, что пріобрѣталось Лампадовымъ и его сестрой въ теченіе долгой жизни. Старинная дорогая мебель карельской березы съ бронзовыми украшеніями, обитая желтымъ штофомъ, и мебель краснаго дерева съ красной штофной обивкой — это было наслѣдіе сестры Лампадова послѣ мужа. Бронзовые

столовые часы со вставками изъ севрскаго фарфора; столовые же часы, сдѣланные изъ чернаго дерева въ видѣ саркофага, стоящаго на львиныхъ бронзовыхъ лапахъ и увѣнчаннаго бронзовымъ сфинксомъ—это были двѣ дорогія вещи, подаренныя Лампадову извѣстнымъ любителемъ часовъ графомъ Апраксинымъ. Масса бронзовыхъ подсвѣчниковъ, подставокъ подъ карманные часы, пепельницъ, чернильницъ и тому подобныхъ столовыхъ украшеній, загромождала всѣ столы и этажерки. На стѣнахъ красовались въ разнообразныхъ рамахъ картины, писанныя масляными красками, акварелью или карандашомъ. Полы были застланы старинными коврами съ затѣйливыми пестрыми узорами, верблюдами, львами, арабами и пальмами. Митя никогда не видалъ ничего подобнаго; его даже не могло поразить то обстоятельство, что всѣ эти вещи были точно свалены въ кучу, нагромождены одна на другую, заставлены другъ другомъ, какъ въ лавкѣ антикварія. Онъ думалъ, что это такъ и должно стоять во дворцѣ, какимъ ему казались комнаты дяди.

Когда ушла Анна Андреевна, и Лампадовъ, стараясь развлечь еще дичившагося ребенка, началъ показывать ему всѣ свои сокровища, Митя разинулъ ротъ отъ удивленія и съ широко открытыми глазами замиралъ въ нѣмомъ восторгѣ. Еще бы! Изъ стѣнныхъ часовъ передъ нимъ выскочила кукушка и начала куковать; передъ нимъ поставлена была табакерка, и изъ нея раздались звуки вальса; ему были показаны карманные часы, и они вдругъ начали играть какую-то арію, когда Лампадовъ надавилъ на пружину. Мальчуганъ приходилъ въ восхищеніе, хлопалъ въ ладоши, смѣялся, прыгалъ, кричалъ, какъ дикарь, увидавшій блестящія бездѣлушки, и засыпалъ хозяина вопросами:

— А это что? Это тоже музыку играетъ? Это съ птичкой часы? У васъ такихъ много игрушекъ?

Но въ комнатѣ былъ еще другой ребенокъ, убѣленный сѣдинами, съ глубокими морщинами на лбу. Этотъ ребенокъ, Феопемптъ Григорьевичъ Лампадовъ, былъ не менѣе счастливъ, чѣмъ Митя. Онъ самъ не замѣчалъ, какъ, показывая свои сокровища, онъ мало-по-малу забывалъ, съ кѣмъ говоритъ, и отдавался своимъ воспоминаніямъ.

— Вотъ эту табакерку подарила мнѣ княгиня Марья Андреевна Русова, когда я приготовилъ ея Сашу къ экзаменамъ. Что за мальчикъ былъ, что за мальчикъ! Способный, красавецъ собой, честная душа. И какъ учился! Сразу

все, бывало, схватитъ, уяснитъ себѣ. Ну, и пошелъ бы далеко, если бы захотѣлъ. Да что ему чины, — онъ и безъ нихъ въ общемъ почетѣ находится, и безъ нихъ честнѣйшимъ человѣкомъ считается. Слава Богу, душой не кривилъ, совѣсти не продавалъ. И до сѣдыхъ волосъ остался тѣмъ же—прямымъ, добрымъ и мягкимъ человѣкомъ, а тоже и горе видѣлъ, и терпѣлъ за правду не мало... Вотъ ты когда-нибудь увидишь его. Это мой лучшій другъ, и тебя онъ полюбитъ.

— А въ этихъ часахъ есть музыка?—перебилъ Митя.

— Нѣтъ, эти безъ музыки, — отвѣтилъ съ улыбкой старикъ.—Но эти часы мнѣ дороги потому, что ихъ носилъ въ дѣтствѣ одинъ изъ моихъ учениковъ. Когда мы разставались, онъ подарилъ мнѣ ихъ на память. Вотъ такой же, какъ ты, маленькій былъ, когда сдали мнѣ его на руки, а теперь у самого у него дѣти чуть не выше меня.

И старикъ снова пустился въ разсказы, погрузился въ воспоминанія. Митя не все понималъ, что говорилъ старикъ. Но черезъ долгіе годы ему казалось, что все слышанное имъ отъ Лампадова онъ слышалъ именно въ этотъ вечеръ, слышалъ и понялъ тогда же. Это, конечно, было въ дѣйствительности далеко не такъ: разсказы, воспоминанія и поученія Лампадова Митѣ пришлось слышать въ теченіе многихъ лѣтъ, но въ его памяти ярче всего уцѣлѣлъ именно этотъ вечеръ, и ему казалось, что именно тогда передъ нимъ вылился весь этотъ старикъ и сумѣлъ запечатлѣть въ дѣтскомъ умѣ все, что говорилось имъ. Особенно памятными остались въ умѣ Мити разговоры Лампадова о часахъ, хотя эти разговоры, вѣроятно, происходили въ болѣе поздніе годы,—происходили урывками, въ разное время; но въ умѣ Мити они слились въ одно цѣлое. Это были оригинальные разговоры.

— Часы, братъ, вещь интересная,—говорилъ старикъ.—Долго бились люди, чтобъ усовершенствовать способъ измѣрять время. Въ древности для этой цѣли пользовались солнцемъ, пескомъ, водою. Ты видалъ ли когда-нибудь солнечные, песочные или водяные часы? Нѣтъ? — Ну, вотъ, погоди, я тебѣ это все покажу. Оно интересно. Ихъ устраивать было не трудно, да вѣрности въ нихъ не было, вотъ люди и бились надъ изобрѣтеніемъ вѣрныхъ часовъ. За много тысячъ лѣтъ были извѣстны часы, за двѣ тысячи лѣтъ были уже водяные часы съ компасами, а все-таки настоящихъ, нынѣшнихъ, часовъ изобрѣсти никакъ не могли.

Только лѣтъ за шестьсотъ или за семьсотъ до насъ вдругъ появились и въ Европѣ, и у сарацинъ колесные часы и стали красоваться на всѣхъ городскихъ башняхъ, на монастырскихъ колокольняхъ. Это были большіе, грубо сдѣланные и далеко не совершенные часы. Прошло еще не мало времени, прежде чѣмъ изобрѣли карманные часы въ Нюренбергѣ, отчего и прозвали ихъ нюренбергскими яицами. И когда станешь всматриваться въ исторію открытій въ этой области, то изумляешься, какъ люди въ разныхъ концахъ свѣта въ одно и то же время стремились къ одному и тому же, открывая одно и то же. Вотъ нѣмцы и англичане до сихъ поръ спорятъ, кто открылъ часы съ маятникомъ, нѣмецъ ли Гуигенсъ, или англичанинъ Гаррикъ. Тоже и открытіе пружины въ часахъ приписываютъ и Гуигенсу, и англичанину Гуку. Это въ области открытій почти всегда такъ бываетъ: долго-долго люди добиваются чего-нибудь и вдругъ нѣсколько человѣкъ разомъ дѣлаютъ одно и то же открытіе. Мысли о нововведеніяхъ всегда въ воздухѣ носятся, и ужъ кто что ни дѣлай, а нововведеній этихъ не остановишь, не устранишь... Да, да, все это вещи интересныя, наводящія на серьезныя мысли, — продолжалъ старикъ.—И сами часы стоятъ вниманія по своему устройству. Многіе мудрецы сравнивали жизнь людей и обществъ съ механизмомъ въ родѣ часового механизма. Всѣ люди въ обществѣ — это колеса и винтики; тутъ есть и свои пружины, и цѣпочки, и маятники, и гири, и чья-нибудь рука заводитъ эти часы, и они идутъ, идутъ безостановочно. Но чтобы они шли вѣрно, мало заводить ихъ осторожно и аккуратно, — надо знать ихъ механизмъ, изучить его до мельчайшихъ подробностей, и чѣмъ лучше изучилъ человѣкъ этотъ механизмъ, тѣмъ полезнѣе можетъ онъ быть обществу. Попортится механизмъ ихъ — и знающій человѣкъ можетъ сейчасъ сказать, почему онъ попортился, гдѣ средства починить его. Для этого надо изучать жизнь, людей, исторію. Это—великое дѣло.

Если впослѣдствіи воспоминанія Мити, по какому-то странному капризу, обманывали его, подсказывая ему съ одной стороны, что все это онъ услышалъ отъ Лампадова именно въ тотъ вечеръ, услышалъ и понялъ своимъ дѣтскимъ умомъ, то, съ другой стороны, онъ никогда не могъ дать себѣ отчета, какъ и когда онъ заснулъ въ тотъ вечеръ на мягкомъ штофномъ диванѣ, тепло укрытый шелковымъ одѣяломъ. А онъ уснулъ крѣпко и сладко, видя во

снѣ себя во дворцѣ, среди блеска и роскоши, не грезившихся ему до той поры и въ мечтахъ, даже тогда, когда онъ представлялъ себя генераломъ надъ всѣми генералами. Онъ спалъ такъ крѣпко, что даже не слыхалъ, какъ вошла въ комнату довольно полная женщина средняго роста, какъ она поздоровалась съ Лампадовымъ, какъ Лампадовъ, взявъ со стола свѣчу, подвелъ ее къ дивану и, освѣщая лицо спящаго ребенка, сказалъ:

— Ты вотъ все пропадаешь, сестра, а намъ въ это время успѣли ребенка подкинуть. Смотри!

Она наклонила свою сѣдую голову, свое румяное старческое лицо и начала пристально разсматривать лицо ребенка.

— Да его мѣсяцъ мясомъ не кормили!—воскликнула она.

Лампадовъ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Домъ за то хотѣли ему построить!

Она опять наклонилась надъ ребенкомъ.

— А хорошее, умное личишко, съ большимъ лбомъ,— проговорила она.—Я его давно не видала. Началъ формироваться.

Она наклонилась и поцѣловала ребенка.

— Ну, ну, разбудишь еще и расплачется!—замѣтилъ Лампадовъ.

— Отъ этого, братъ, не плачутъ,—тихо отвѣтила она, смотря на ребенка, улыбавшагося во снѣ.—А лишній сладкій сонъ приснится, такъ что-жъ? Наяву-то уже, кажется, у него было мало свѣтлыхъ грёзъ...

V.

Мартовское солнце свѣтило довольно ярко; на дворѣ стоялъ легкій морозъ, но на солнечной сторонѣ улицъ уже таяло. Въ воздухѣ начинало слышнѣе раздаваться чириканье птицъ, а концы вѣтвей на деревьяхъ въ садахъ, какъ казалось издали, начинали окрашиваться въ зеленоватые или красноватые оттѣнки. Наступила весна. На дворѣ того дома, гдѣ жилъ Лампадовъ, ребятишки съ громкими криками и смѣхомъ катались съ устроенной для нихъ ледяной горы, уже успѣвшей сильно растаять и близившейся къ полному разрушенію. Среди нихъ былъ и Митя, успѣвшій за послѣднее время сдѣлаться порядочнымъ буяномъ и забіякой; но онъ на этотъ разъ мало принималъ участія въ игрѣ и смотрѣлъ опять какъ-то вяло и сонно. Лампадовъ сидѣлъ за своимъ рабочимъ столомъ противъ

окна за починкою дорогихъ карманныхъ часовъ и изрѣдка взглядывалъ въ окно на играющихъ дѣтей, задумчиво слушая разсказы Анны Андреевны. Она сидѣла сбоку у стола и была не весела. Слѣды недавнихъ слезъ ясно виднѣлись на ея глазахъ.

— Такъ ты говоришь, что тетка Дарья умерла?—проговорилъ Лампадовъ, продолжая только что начатый разговоръ.—Давно была она больна?

— Пять мѣсяцевъ хворала,—отвѣтила Анна Андреевна.—Вы знаете, что мама съ ней была давно въ ссорѣ и даже не знала, гдѣ живетъ тетка Дарья. Только вчера насъ и извѣстили, что она умираетъ.

— Ссорятся все, ссорятся, а въ бѣдности только и счастья, что миръ съ близкими,—вскользь замѣтилъ Лампадовъ.—Нищета самая горькая легка, когда всѣ дружны между собою, когда знаешь, что одинъ за другого жизнь готовъ отдать. А они голодаютъ да еще другъ друга загрызть хотятъ... Ссора-то изъ чего вышла?

Анна Андреевна печально вздохнула.

— Не вчера это началось!—сказала она, слегка махнувъ рукой.—Ужъ когда тетка Дарья и Митю крестила, такъ наши и тогда съ ней не въ ладахъ были. И крестить-то ее позвали потому только, что мама, сами знаете, чужимъ да богатымъ кланяться не любитъ. Съ самаго замужества тетки Дарьи, папа и мама на нее уже сердились. Вы, можетъ-быть, знаете, что она за Прозорова замужъ-то вышла противъ воли всѣхъ. Прозоровъ былъ чуть не моложе ея, только началъ служить, ничего не имѣлъ,—ну, а характеръ у него былъ непокорный, гордый. Съ первыхъ же дней недостатки начались, а тамъ, дальше да больше, пошли дѣти и совсѣмъ ѣсть стало нечего. Страшную нужду терпѣли. Самъ-то съ горя попивать немного началъ. Тетка въ поденную работу ходить стала. Дошли до того, что воровать началъ мужъ-то...

Лампадовъ поднялъ отъ работы глаза.

— Воровать?—спросилъ онъ.

— Да. У насъ разъ кастрюли пропали. Переполошились мы всѣ. Извѣстное дѣло, страхъ напалъ, что воры въ домѣ были. А въ это время тетка Дарья неподалеку отъ насъ жила въ подвалѣ, и ея ребятишки къ намъ къ окнамъ кухни ходили. Лѣтомъ дѣло было. Вотъ только разъ дѣти дня три не были. Вдругъ опять приходятъ. Мать даетъ имъ, что отъ стола осталось, и говоритъ: «чего долго не были?»

А старшенькая дѣвочка, глупенькая еще была, и говоритъ: «А у насъ супъ валили, говядину покупали!» Мать-то и спрашиваетъ: «Видно, отецъ денегъ раздобылъ?» Дѣвочка и скажи: «Папка кастлюли плодалъ и говядины намъ купилъ».—«Какія кострюли?—спросила мать.—Развѣ у васъ были кастрюли?»—«Нѣтъ,—говоритъ дѣвочка:—у насъ не было кастлюль. Папка чужія плодалъ». Мать такъ руками и всплеснула...

— Бѣдныя дѣтишки!—проговорилъ Лампадовъ.

— Конечно, мы ничего не сказали никому,—продолжала Анна Андреевна.—Къ тому же ребятокъ-то такъ жаль, такъ жаль было. «А тепель,—сказала дѣвочка:—папка умилать собилается!»—Какъ умирать собирается?—спросила мать.—«А такъ собилается,—отвѣтила дѣвочка.—Умелеть бы, говолитъ, да и конецъ!..» Точно насъ ножомъ по сердцу тогда эти самыя слова рѣзнули... А тамъ не прошло и мѣсяца, какъ онъ наложилъ на себя руки. Господи! надо было посмотрѣть на тетку Дарью, вотъ-то она плакала!.. Тутъ-то мама и сдѣлала дурное дѣло, — со вздохомъ проговорила Анна Андреевна. — Сама теперь это понимаетъ, да поздно.

— Что же она сдѣлала, Аннушка?—ласково спросилъ Лампадовъ, отложивъ въ сторону часы и опустивъ на колѣни руки.

— Тетка-то Дарья стала убиваться, а мама и замѣтила ей: «Ужъ чего жалѣть, коли онъ ни васъ, ни своей души не пожалѣлъ. О такихъ-то и плакать грѣшно»,—продолжала разсказывать Анна Андреевна.—Тетка замѣтила ей, что нужно бы побыть на его мѣстѣ, да тогда и судить его, и что она никогда и въ мысляхъ-то не попрекнетъ его за самоубійство, потому что онъ хоть и покончилъ самъ съ собою и бросилъ семью, а можетъ-быть, любви къ семьѣ въ немъ было во сто разъ больше, чѣмъ въ тѣхъ, кто рукъ на себя не накладываетъ... Вы, дядя, маму-то знаете? Она—добрая, только сердце у нея горячее, на слова она рѣзка; иной разъ и сама не рада, что вспылитъ,—вспылитъ и Богъ знаетъ чего ни наговоритъ. Вотъ и тутъ вскипятилась она да и говоритъ: «Ну да, нечего сказать, хорошій былъ человѣкъ! Слава Богу, что еще умеръ-то раньше, чѣмъ подъ судъ попалъ. За воровство-то тоже по головкѣ не гладятъ. Ужъ это послѣднее дѣло—воровство-то». Ну, и пошло у нихъ, и пошло... Много времени мы о теткѣ и не слыхали ничего, точно въ воду канула... А вчера вече-

ромъ вдругъ пришли намъ сказать, что она умираетъ. Мы такъ и ахнули...

Затѣмъ Анна Андреевна начала описывать, какъ жила сестра ея отца. Въ сыромъ, полутемномъ подвалѣ, въ углу жалась бѣдная женщина въ послѣднее время съ пятерыми дѣтьми. Спали всѣ въ-повалку на полу. Тутъ же спалъ простой рабочій людъ, поденщицы, отставные солдаты, нищіе. Грязь, духота, пьянство, развратъ—всего тутъ было. Тетка ходила стирать бѣлье поденно. Дѣти оставались дома и почти не могли выходить за неимѣніемъ теплой одежды. Въ январѣ съ теткой сдѣлалось что-то въ родѣ паралича. Ее не приняли никуда въ больницу, и она лежала больная въ подвальномъ углу. Сожители ея по квартирѣ продали всѣ ея платья, чтобы кое-какъ прокормить ее. Ребятишекъ посылали собирать щепки, нищенствовать. Они услуживали всѣмъ, бѣгали въ лавки и въ кабаки, только бы имѣть право на уголъ и ѣду. Доставалось на ихъ долю не мало и щелчковъ. Особенно отозвалось это на одномъ изъ дѣтей, на Алешѣ. Какой-то блаженненькій онъ сталъ. Только наканунѣ смерти нашла тетку Дарью одна женщина, знавшая, что она близкая родственница Орловымъ. Эта женщина и извѣстила Орловыхъ о положеніи тетки Дарьи. Они застали ее почти нагую, почти полумертвую. Успѣли только призвать священника, какъ она и умерла.

— И это туда-то вы таскали Митю?—съ упрекомъ сказалъ Лампадовъ.—Ночью въ подвальный вертепъ къ умирающей женщинѣ тащить ребенка... Нечего сказать—умно.

— Она вѣдь крестила съ вами Митю,—сказала Анна Андреевна тихо, какъ бы желая оправдать свою мать.

— Такъ что же? Крестила или не крестила, впечатлѣнье-то страшное должно было все-таки отразиться на мальчуганѣ,—сказалъ Лампадовъ.—Вотъ посмотри, какой онъ опять кислятиной смотритъ. Еще бы, опять безъ сна ночь, опять страшная картина смерти... и еще при какой обстановкѣ! Доведете вы его когда-нибудь до падучей этими испугами...

— Я совѣтовала мамѣ не водить его,—печально отвѣтила Анна Андреевна.—Но мама такъ взволновалась. Совѣсть у нея заговорила. Не знала она, что дѣлать. Казалось ей, что надо свести Митю къ матери крестной, чтобы та его благословила. Вы бы не узнали просто вчера маму! На десять лѣтъ измѣнилась...

Лампадовъ махнулъ рукой.

— Знаю я это!—проговорилъ онъ.—Поѣдомъ ѣдятъ человѣка при жизни; а умретъ онъ—струсятъ, каются, молятся, надуть хотятъ и себя, и людей, и Бога, стараясь умыть себѣ руки, подобно Пилату.

Наступило короткое молчаніе.

— Мама сегодня рѣшилась мѣсто наше продать,—робко сказала Анна Андреевна.—«Оно, говоритъ, намъ всѣ несчастья приноситъ. Изъ-за этой мечты построить домъ я и съ теткой Дарьей разошлась; не о помощи роднымъ думала, а объ обогащеніи себя. Если бы не сколачивала грошей на домъ, могла бы что-нибудь урвать и близкимъ, поддержала бы ее. И дѣдка бы жилъ, если бы не этотъ проклятый домъ. Съ него все и началось».

Лампадовъ грустно улыбнулся.

— Снявши голову, по волосамъ плачутъ,—замѣтилъ онъ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Анна Андреевна вздохнула.

— Теперь у насъ столпотвореніе вавилонское,—сказала она.—Дѣтей къ себѣ покуда взяли. Что съ ними дѣлать, куда пристроить? Положимъ, старшая дѣвочка, Настя, можетъ у насъ жить, я ее научу грамотѣ, шить. Она даже помогать можетъ. Дѣвочка шустрая и понятливая. А другія?..

— Въ пріюты надо куда-нибудь пристроить,—сказалъ Лампадовъ.—Я похлопочу.

Анна Андреевна вдругъ оживилась и даже слегка покраснѣла. Она отчасти именно за тѣмъ и пришла къ старику, чтобы просить его пристроить дѣтей.

— Пожалуйста, голубчикъ дядя, похлопочите! Вѣкъ Бога молить будемъ! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—быстро заговорила она.—Ихъ нельзя у насъ держать, никакъ нельзя...

— Еще бы! Сколько лишнихъ ртовъ!—сказалъ Лампадовъ.

— Не то, не то, дядя!—воскликнула она живо.—Хлѣба бы какъ-нибудь достало. Я стану больше работать. У себя урѣжемъ... Но нельзя ихъ оставить, никакъ нельзя: ихъ мало что отмыть надо, мало что они опаршивѣли, ихъ опасно держать вмѣстѣ съ Митей... Ахъ, дядя, если бы вы знали, родной, чего насмотрѣлись эти дѣти! Сегодня слышу я, спрашиваетъ маленькій Коля у Мити: «А твой тятька бьетъ твою мамку?» Митя удивился, а онъ сталъ ему разсказывать, что у нихъ тамъ, въ подвалѣ, какой-то солдатъ свою полюбовницу каждую ночь билъ... Такъ и сказалъ «полюбовницу». Да это еще что!.. У него такія слова есть, что стыдно и повторить.

И Анна Андреевна конфузливо, съ потупленными глазами, начала разсказывать, чего насмотрѣлись дѣти тетки Дарьи въ подвалѣ. Никакая житейская грязь не была для нихъ тайною. Ихъ нельзя было удивить какими-нибудь пороками или развратомъ. Они смотрѣли на все, говорили обо всемъ громко, называли все своими именами. Каждая ихъ фраза, каждое слово заставляли краснѣть.

— И точно волчата между собою грызутся изъ-за куска хлѣба!—со вздохомъ закончила Анна Андреевна разсказъ объ этихъ дѣтяхъ.

Потомъ она пояснила, что ея мать взяла ихъ, такъ какъ они все же родные, близкіе родные; но оставить ихъ у себя,—когда Митя еще такой маленькій,—всѣ въ семьѣ понимали, что это невозможно. Это значило губить Митю. Его опасно было оставлять съ ними даже на время. Анна Андреевна договорилась, наконецъ, до главной цѣли своего посѣщенія къ Лампадову. Со слезами на глазахъ она стала просить старика пріютить на время Митю.

— Я знаю, дядя, что онъ васъ стѣснитъ, что вамъ не весело съ нимъ возиться,—говорила она тихо.—Но, ей-Богу, не безпокоила бы я васъ, если бы не боялась за него. Мы не такъ ростили его; онъ не такой, какъ эти дѣти. Не барчонокъ онъ,—нѣтъ; но и не такой, какъ они,—не испорченный еще. Конечно, я знаю, что вамъ тяжело...

— Ничего ты, Аннушка, не знаешь!—нетерпѣливо перебилъ ее Лампадовъ.—Никакихъ тутъ тягостей и стѣсненій нѣтъ. Ну, нужно, чтобъ онъ погостилъ у меня, и пусть погоститъ... А вотъ надо похлопотать о тѣхъ-то ребятишкахъ. Эта потруднѣе задача. Четверыхъ сразу пристроить тоже не шутка. Ну да, авось, устрою...

Анна Андреевна начала изливаться въ благодарностяхъ. Лампадовъ нѣсколько нетерпѣливо махнулъ рукой и быстро перебилъ ея изліянія:

— А вотъ ты настаивай, чтобы мать землю продала да съ Пахомовымъ раздѣлалась скорѣй,—сказалъ онъ.—Вѣдь это петля на шеѣ; надѣли ее и не замѣчаете, какъ она затягивается. Проценты-то растутъ, а вы и не замѣчаете, во что этотъ долгъ-то обращается.. Математики тоже!

— Да ужъ это рѣшено,—отвѣтила Анна Андреевна.—Мать и плачетъ, и тужитъ о землѣ, а все же рѣшилась кончить это дѣло. Призракъ это одинъ и мечта пустая, что у насъ земля есть... Только тяжело на мать смотрѣть, вѣдь

у нея всѣ надежды были на эту землю, а теперь въ домѣ точно покойникъ, точно покойникъ!

Анна Андреевна стала прощаться съ Лампадовымъ. Онъ проводилъ ее до сѣней и ласково погладилъ по головѣ, когда она цѣловала его руку на прощаньи.

— Добрая ты дѣвушка,—проговорилъ онъ.—Заходи какънибудь поболтать, да душу отвести. У васъ-то ужъ очень невесело тамъ.

Онъ угадалъ. Въ домѣ Орловыхъ было точно невесело. Марья Ѳедоровна, рѣшившись продать землю, казалось, дорогого покойника хоронила. Съ продажей этой земли она хоронила свои послѣднія несбывшіяся мечты и надежды. Эта земля для нея была чѣмъ-то въ родѣ лотерейнаго билета въ рукахъ бѣдняка. Всѣ нужды, всѣ недостатки переносились тверже и спокойнѣе при мысли, что вотъ построится домъ на этой землѣ, начнетъ приносить онъ доходъ, выплатится понемногу долгъ, а тамъ и начнется безпечальное житье въ своемъ углу съ доходами отъ отдачи квартиръ. Цѣлые вечера въ былые дни проводились надъ счетомъ будущихъ расходовъ и приходовъ; расходы высчитывались въ самомъ уменьшенномъ видѣ, а доходы доводились до maximum'а по этимъ расчетамъ, кредиторы непремѣнно любезно отстрачивали до послѣдней крайности платежи; а всякіе должники и плательщики оказывались невообразимо аккуратными и точными. Это была извѣстная ариѳметика бѣдняковъ, старающихся обмануть себя розовыми мечтами. Ее только и знаютъ тѣ, кому приходилось вынести на своихъ плечахъ тяжелый гнетъ бѣдности, кто, голодая сегодня, старался убѣдить себя, что завтра его трудъ начнетъ оплачиваться щедрѣе, что завтра плата за трудъ будетъ выдаваться аккуратнѣе, что,—однимъ словомъ, что нужно только переждать, пережить до завтра и... По этой ариѳметикѣ всегда выходитъ такъ, что на долю разсчитывающаго выпадетъ въ лотерею непремѣнно главный выигрышъ. Пусть этотъ выигрышъ одинъ на сто тысячъ билетовъ, но каждый бѣднякъ, взявши въ лотерею билетъ, все-таки твердо убѣжденъ, что именно онъ выиграетъ этотъ призъ. Но судьба въ послѣднее время дала слишкомъ много толчковъ и щелчковъ Марьѣ Ѳедоровнѣ, чтобъ она могла продолжать еще ждать и надѣяться. Обманувшаяся въ своихъ надеждахъ женщина перешла теперь въ другую крайность и приписывала всѣ несчастія только этой «проклятой землѣ». Безъ этой земли они жили бы тихо и

мирно, отложили бы грошъ на черный день, не потеряли бы на пожарѣ всего, не видѣли бы разбитаго параличомъ дѣда, не пришлось бы имъ такъ скоро хоронить его. Даже смерть своихъ двухъ дѣтей, умершихъ года два-три тому назадъ, Марья Ѳедоровна приписывала этой землѣ: о домѣ она думала, а не о дѣтяхъ; брошенными росли, потому и умерли; вотъ и Митя захирѣлъ, потому что и на него мало вниманія обращали. А тетка Дарья? Развѣ Орловы могли бы такъ забыть и бросить ее, если бы не эти волненія по постройкѣ дома, не этотъ пожаръ, не смерть дѣдки, не разореніе? Нѣтъ, тетка Дарья только потому и погибла, что они объ однихъ своихъ интересахъ думали, одни свои барыши считали. Это былъ періодъ покаянія и бичеванія себя.

— Все потому, что выше Бога хотимъ быть!—говорила Марья Ѳедоровна съ горечью.

Но рядомъ съ этимъ начала пробиваться все замѣтнѣе и замѣтнѣе другая струйка, другой потокъ идей: вотъ если-бъ Андрей Ивановичъ хоть немного больше получалъ содержанія, тогда было бы все хорошо.

— Жалованье-то какое даютъ, курамъ на смѣхъ, — говорила раздражительно Марья Ѳедоровна. — Они бы хоть то подумали, что на это жалованье квартиру нанять да одѣться только и можно. Что-жъ, съ голода, что ли, умирать или воздухомъ питаться? При царѣ Горохѣ назначили жалованье это, когда все вдесятеро дешевле было, и ни гроша не прибавляютъ. Видно хотятъ, чтобы чиновники-то на большихъ дорогахъ грабили или рѣзали людей. Люди на государевой службѣ состоятъ, царю служатъ, чины имѣютъ, горбъ гнутъ, а какой-нибудь швейцаръ или камердинеръ больше получаетъ, чѣмъ они. Посадила бы я ихъ на наше мѣсто хоть на годъ, — увидали бы тогда, каково намъ живется.

Бѣдную женщину душила злоба; ея рѣчи становились крайне рѣзкими и желчными.

— Нѣтъ, надо, видно, точно съ живого и съ мертваго драть, тогда только и выбьешься изъ нужды, — говорила она.—И дураки тѣ, которые не берутъ!

— И радъ бы взять, да кто дастъ? — замѣтилъ какъ-то вскользь Андрей Ивановичъ.

— Кто дастъ, кто дастъ?.. Вотъ Ѳедору Матвѣевичу даютъ,—отвѣтила Орлова.

— Парамоновъ-то въ справочномъ столѣ служитъ, — по-

яснялъ мужъ. — Тамъ послѣдній писаришка какъ сыръ въ маслѣ катается. У нихъ что ни справка — то доходъ. Послѣдній мужичонко изъ грязной тряпицы деньги выворачиваетъ. А у насъ въ столѣ развѣ наводятъ справки? Мы и просителей-то въ годъ въ лицо ни разу не увидимъ.

— Да, инымъ людямъ счастье! — со вздохомъ замѣтила Марья Ѳедоровна.

— Отчего же и не валить счастью, если вѳ-время позвалъ директорскаго камердинера сынишку окрестить? — отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Не дома намъ строить надо было, а связями запасаться. Такъ-то вѣрнѣе бы было!

Въ голосѣ Андрея Ивановича звучала сухая рѣзкость. Марья Ѳедоровна даже изумилась и какъ будто струсила,—такъ непривыченъ былъ для нея этотъ тонъ мужа.

— У насъ все фанаберіи какія-то,—настойчиво продолжалъ Андрей Ивановичъ еще болѣе сухо, еще болѣе рѣзко.—Съ фанаберіями далеко не уйдешь. Много о себѣ думали,—изъ благородныхъ тоже, изъ дворянъ! Когда къ намъ нужные люди идутъ сами, мы ихъ приласкать не умѣемъ, случаемъ не умѣемъ пользоваться. Что намъ они? Мы и безъ ихъ помощи проживемъ! Чиновные мы люди, такъ гдѣ ужъ намъ съ какой-нибудь крѣпостной челядью компанію водить!..

Марья Ѳедоровна слушала, какъ провинившаяся, эти упреки съ опущенной головой. Она сознавала, что мужъ намекаетъ на ея неумѣнье приласкать нужныхъ людей. Она знала даже, про какой именно случай онъ говоритъ, и не возражала, не оправдывалась.

— Къ намъ идутъ, бѣлье шить отдаютъ, а мы знакомства не умѣемъ завязать,—безпощадно продолжалъ Андрей Ивановичъ пояснять свою мысль, точно не замѣчая смущенія жены.—Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, знакомство завязывать съ первой встрѣчной крѣпостной дѣвкой. У насъ мужъ — чиновникъ, у насъ родные все — изъ дворянъ, помѣщиками тоже сами когда-то были, крѣпостныхъ полторы души имѣли, такъ мы и безъ знакомства съ холопами въ люди выйдемъ! А чья эта горничная-то?—Самой директорши! Можетъ-быть, эта холопка-то больше самого директора значитъ. Этого мы и знать не хотимъ!

Марья Ѳедоровна заплакала,—тихо, безмолвно заплакала, не находя словъ для оправданія себя. Дѣйствительно, она сознавала теперь, что она была виновата: нѣсколько недѣль тому назадъ къ нимъ заходила заказать себѣ бѣлье

дворовая дѣвушка, состоявшая при женѣ директора горничною. Бѣлье было сшито и на этомъ все дѣло и кончилось, несмотря на всю любезность разбитной дѣвушки, приглашавшей къ себѣ въ гости «компанію водить» и Марью Ѳедоровну, и Анну Андреевну. Тогда Марья Ѳедоровна даже и не думала о возможности знакомства съ этою горничной. Еще бы! Марья Ѳедоровна не долюбливала «бабья» и почти не имѣла знакомыхъ женщинъ даже въ своемъ чиновничьемъ кругу. Съ чего же она вдругъ стала бы водить знакомства съ крѣпостной служанкой?.. У нихъ, у Орловыхъ, собирались все-таки благородные люди, чиновники, и вдругъ среди нихъ появилась бы крѣпостная дѣвушка. Самъ Андрей Ивановичъ тогда не возражалъ женѣ ничего и только вскользь замѣтилъ: «она директоршей вертитъ». Это было сказано мелькомъ, не въ видѣ какого-нибудь совѣта, а просто какъ характеристика этой шустрой особы. Теперь было не то: Андрей Ивановичъ видѣлъ, съ одной стороны, что ихъ положеніе все ухудшается, а съ другой — и самъ замѣтилъ, и слышалъ толки товарищей, что его сослуживецъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Парамоновъ ловкую штуку устроилъ, пригласилъ въ крестные отцы своему сыну камердинера директора. Это обстоятельство невольно напомнило ему о горничной жены директора. Не мало пользы могла бы она принести, если-бъ ее приласкали. Марья Ѳедоровна не сумѣла сдѣлать этого. Онъ разсердился на жену. Впрочемъ, его раздраженіе длилось недолго: у него были спѣшныя дѣла, сотни мелкихъ служебныхъ заботъ, — думать о томъ, что было безвозвратно упущено, было некогда. Но Марья Ѳедоровна успокоилась не такъ легко. Упреки мужа подняли въ ней цѣлый рой думъ и размышленій; если-бъ эта горничная была обласкана ими, они могли бы черезъ нее добиться перевода Андрея Ивановича на болѣе выгодное мѣсто; можетъ-быть, эта горничная и заходила къ нимъ съ заказомъ бѣлья не спроста; такъ бы она не зашла къ нимъ, если-бъ у нея не было другихъ цѣлей, такъ какъ швей много. Но что же ей было нужно отъ нихъ? Она разспрашивала что-то о племянникѣ Андрея Ивановича, Васѣ: къ чему эти разспросы? Или это она такъ спрашивала о немъ, безъ цѣли?.. Всѣ эти думы и вопросы не давали Марьѣ Ѳедоровнѣ покоя въ теченіе нѣсколькихъ дней. Она ходила въ какой-то тревогѣ и, наконецъ, на что-то рѣшилась.

Одѣвшись однажды утромъ въ самое нарядное платье,

она вышла изъ дому, сказавъ Аннѣ Андреевнѣ, что идетъ по дѣлу. Дочери показалось нѣсколько страннымъ, что мать не сказала ей, по какому именно дѣлу она идетъ. Секретовъ и тайнъ между матерью и дочерью не было, а тутъ вдругъ мать такъ принарядилась и ушла, не сказавъ, куда идетъ. Прошло болѣе трехъ часовъ прежде ея возвращенія. Анна Андреевна начинала уже безпокоиться, какъ вдругъ раздались шаги матери, и передъ Анной Андреевной появилось сіяющее лицо Марьи Ѳедоровны. Давно Орлова не смотрѣла такъ весело.

— Работу, Аннушка, достала,—сказала она, бросивъ на столъ узелокъ и снимая шляпку. — Надо будетъ пофасонистѣе все сшить.

— Отъ кого?—спросила Анна Андреевна.

— Отъ Лизаветы Михайловны,—отвѣтила мать.—Попеняла я ей, что она насъ забыла, наврала, что сама все больна была, да вырваться не могла ради болѣзни и смерти тетки Дарьи. Ну, повѣрила, затарантила... Вотъ ужъ бойка на языкъ-то, такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ словами. Просто слушать устанешь...

Анна Андреевна смотрѣла на мать въ недоумѣніи.

— Да про какую Лизавету Михайловну вы говорите?— спросила она.

— Да про камеръ-юнгферу генеральши! Помнишь, что бѣлье-то отдавала шить, да все къ себѣ звала насъ?—отвѣтила Марья Ѳедоровна.

— Гдѣ вы ее встрѣтили?

— Да не встрѣтила, а говорю тебѣ—у нея была... Обрадовалась, не знала, куда посадить, кофеемъ угощала, завтракомъ... И все-то это у нихъ господское: и серебро, и хрусталь, и столовое бѣлье. Такъ и помыкаютъ всѣмъ, какъ своимъ... Она къ намъ въ воскресенье завернетъ въ гости. Спрашивала опять про Васю. Я удивилась, что она Васю знаетъ и такъ имъ интересуется, а она, видишь ли, встрѣчала Васю-то съ нашимъ отцомъ, разузнала, что онъ Андрею Ивановичу родной племянникъ, братнинъ сынъ, и что служитъ въ министерствѣ финансовъ. Сдается мнѣ что-то, что она норовитъ познакомиться съ Васей... Что-жъ, онъ человѣкъ молодой, холостой, одинокій, а она дѣвушка хорошая, добрая и, поди, кое-что скоплено. Да ужъ какъ не скопить при такомъ житьѣ-то: вѣдь она у генерала съ цѣлой семьей служитъ — и съ матерью, и съ братьями, и съ тетками. Какъ есть саранча, ей-Богу! Со всѣхъ сторонъ

домъ генеральскій облѣпили. Такъ тутъ можно на приданое скопить. Тоже Васѣ и въ его министерствѣ черезъ ея генеральшу могутъ повышеніе дать,—вѣдь у нихъ тамъ у всѣхъ связи, у генераловъ-то...

Марья Ѳедоровна говорила быстро, оживленно.

— Но развѣ Вася рѣшится жениться на крѣпостной горничной?—сказала Анна Андреевна.

— Не горничная, а камеръ-юнгфера, — сказала Марья Ѳедоровна. — Она иначе себя и не называетъ. Ну, да это что!.. Да и по другому вѣдомству она. Кто узнаетъ? Конечно, съ улицы стали бы ему ее сватать, можетъ-быть и отказался бы, по молодости лѣтъ, а то нашъ отецъ можетъ ему все это объяснить, какія она такія протекціи имѣетъ. Тоже мальчикъ на линію черезъ нее можетъ выйти. Лбомъ-то своимъ, да спиною, матушка, тоже не многаго добьется. Вонъ отецъ-то нашъ всю жизнь горбъ гнетъ, а гдѣ это наши капиталы-то, да чины? Отъ кого это намъ почетъ, да уваженіе?.. Нѣтъ, ужъ правду говоритъ пословица: что̀ твоя честь, коли нечего ѣсть! Прежде-то я и сама, вотъ какъ ты, разсуждала, а теперь познала все это, прошла эту науку-то.

— Да честная ли она хоть дѣвушка-то?—спросила Анна Андреевна.

— Ну, это темная вода, Аня, — отвѣтила Марья Ѳедоровна.—Да тутъ и не въ этомъ дѣло. Ужъ, конечно, если Вася женится на ней, такъ изъ расчета, значитъ, и нужно хлопотать только, чтобы не обочли...

— Ну, ужъ такъ-то лучше и не жениться, безъ любви-то...

— И съ любовью-то тоже не радость; скоро что-то эта любовь проходитъ, какъ любишь на голодное брюхо...

Анна Андреевна промолчала.

Вечеромъ пришелъ изъ должности Андрей Ивановичъ. Марья Ѳедоровна быстро сообщила ему новость. Онъ выслушалъ весь ея разсказъ молча, внимательно, не раздвигая сдвинутыхъ бровей. Когда она кончила, онъ коротко и сухо замѣтилъ:

— Ну, слава Богу, хоть разъ умнаго совѣта послушалась!

Эти слова были послѣднею каплей, переполнившею чашу горечи въ сердцѣ Марьи Ѳедоровны. Смотря на ея оживленное и бодрое лицо, никто и не подозрѣвалъ, что таилось у нея на сердцѣ въ этотъ день. Услышавъ слова мужа, она вдругъ поблѣднѣла и заговорила быстро, со слезами въ голосѣ:

— Грѣхъ тебѣ, отецъ, грѣхъ такъ говорить! Не въ первый разъ, не въ послѣдній я умнаго совѣта послушалась! Все я дѣлала, что могла, что умѣла. Не мнѣ разсказывать, какъ я билась, — самъ видѣлъ, что и не допивала, и не доѣдала, и не досыпала, чтобъ изъ нужды семью вытащить, чтобъ тебѣ помочь. Дармоѣдкой нельзя назвать...

— Да кто же говоритъ,—замѣтилъ-было Андрей Ивановичъ, не ожидавшій такого оборота бесѣды, но Марья Ѳедоровна не дала ему кончить.

— Нѣтъ, ужъ если за все, за все, что дѣлаю, да еще попрекать будутъ,—свои близкіе попрекать будутъ,—такъ лучше и не жить!—почти рыдая, проговорила она.—Все у меня наболѣло, всякій суставчикъ ноетъ, такъ еще новаго горя не доставало, чтобы свои же люди говорили, что я не хочу имъ помочь, что я отъ чего-нибудь отказываюсь. Да если бы мнѣ сказали, что для васъ я по грязи должна ползать, въ ногахъ у людей валяться, я и тогда ни слова бы не сказала напротивъ... А ты говоришь: въ первый разъ умнаго совѣта послушалась! Что-жъ, значитъ, я не слушалась тебя когда-нибудь, спорила съ тобой, привередничала, какъ другія жены?..

— Полно, мать, полно! — тихо сказалъ Андрей Ивановичъ, и въ его голосѣ послышались и мягкость, и грусть.

— Изстрадалась я за это время, изстрадалась!—продолжала она, рыдая. — И видитъ одинъ Господь Богъ, что одного только прошу я, чтобъ Онъ прибралъ меня поскорѣе! Пошло какъ все подъ гору, такъ и конца края не видно: тутъ нужда, тамъ потеря, въ семьѣ разладъ, добраго слова не слышно, сегодня ты попрекнешь, завтра, глядишь, дѣти корить станутъ, а ужъ тогда лучше и не жить, лучше и не жить...

Анна Андреевна, захлебываясь отъ слезъ, молча и неслышно вышла изъ кухни.

— Маша, голубушка, оба мы изстрадались, оба! — совсѣмъ ласково проговорилъ Андрей Ивановичъ. — Ты тутъ плакала, а у меня тамъ буквы, да строчки передъ глазами прыгали. Не отъ радости тоже, не отъ радости! Ты думаешь, мнѣ-то легко? Молчу я только, такъ что же говорить-то? Кто пособитъ? Чѣмъ пособить? А иногда вотъ молчишь, а въ душѣ-то точно кто-то сидитъ, да нашептываетъ: «Покончи, покончи все разомъ».

— Андрей Ивановичъ, Христосъ съ тобой!—воскликнула испуганно Марья Ѳедоровна.— Грѣхъ-то какой!

— Грѣхъ не грѣхъ, а вонъ и у тебя сорвалось, что только о смерти и молишь Бога... Видно, тоже отъ радости, да отъ счастья...

— Прошли онѣ, видно, радости-то!

— Вотъ то-то и есть, что прошли... И онѣ прошли, и все прошло, и ждать больше нечего...

Послѣ многихъ мѣсяцевъ, прошедшихъ со дня пожара, мужъ и жена впервые бесѣдовали теперь между собой, какъ бесѣдовали они когда-то въ вечерніе часы. Но, Господи, какая пропасть отдѣляла тѣ вечера отъ этого вечера! Тогда у нихъ были радужныя надежды, живые толки, веселыя шутки. Теперь они изливали другъ передъ другомъ все, что перестрадали они въ эти страшные мѣсяцы бѣды и горя и что они старались тщательно, упорно скрыть другъ отъ друга, безсознательно, инстинктивно щадя и въ то же время невольно терзая одинъ другого. Только одно общее было между тѣми вечерами и этимъ вечеромъ — это ихъ простая, искренняя привязанность другъ къ другу, къ дѣтямъ. Эта привязанность еще не была покуда убита, не погибла подъ всѣми развалинами былого счастья. Мужъ разсказалъ женѣ, какъ оскорбленъ и униженъ онъ былъ еще сегодня, попросивъ у начальства перевода на лучшее мѣсто и получивъ грубый отказъ. Она, въ свою очередь, передала мужу, какъ мучилась она въ теченіе трехъ дней, стараясь переломить себя, чтобы «поклониться кошкѣ въ ножки». Онъ жаловался на то, что его не поощряютъ, — что если онъ и не считаетъ себя очень большимъ умомъ, то все же онъ признаетъ себя лучшимъ работникомъ и честнымъ чиновникомъ; но, видно, не рвеніе и честность нужны начальству, а протекція и низкопоклонство. Она роптала на то, что ей впервые пришлось унижаться передъ этой барской барыней, что ей хотѣлось всегда добиться всего честнымъ трудомъ—своимъ трудомъ, а не заискиваніемъ Богъ знаетъ передъ кѣмъ, — что она сегодня какъ на горячихъ угольяхъ сидѣла въ людской съ лакеями и съ поварами за кофе.

— Безъ васъ, говоритъ, знаютъ, кто чего достоинъ, — разсказывалъ Андрей Ивановичъ про отвѣтъ, данный ему начальствомъ.—А кто это знаетъ-то? Они, начальники, что ли? Такъ ничего они не знаютъ, ничего не видятъ, а пляшутъ подъ чью-нибудь дудку. Однимъ секретарь ворочаетъ, другимъ камердинеръ, третьимъ любовница. И такъ все идетъ: есть протекція—ликуй и веселись, нѣтъ протекціи—

поколѣвай въ неизвѣстности... Тутъ поневолѣ съ горя-то махнешь на все рукой, да либо запьешь, либо руки на себя наложишь...

— Ироды, Ироды проклятые! — шептала Марья Ѳедоровна.—Недаромъ хамы-то ихъ носъ поднимаютъ, да свысока смотрятъ на насъ... Ты бы послушалъ, какъ они о чиновникахъ-то говорятъ, точно чиновники-то не царю, а имъ, хамову отродью, служатъ...

— Знаю я ихъ! Слава Богу, на первомъ мѣстѣ тоже сидятъ у многихъ изъ нашихъ...

— Да что говорить, что говорить! Станешь принимать ихъ, да кланяться имъ, какъ животы подведетъ...

— Не сладко оно только,—ой, какъ не сладко!

— Да ужъ что и говорить. Ты ему поклонись, да жди, когда онъ надъ тобой наломается. Даромъ хамъ тебѣ не услужитъ...

Мужъ и жена чутьемъ угадали теперь, почему онъ такъ рѣзко отвѣтилъ ей на ея радостную новость, и почему она такъ быстро перешла отъ этой радости къ истерическимъ рыданіямъ.

Анна Андреевна и дѣти покойной сестры Дарьи давно уже уснули крѣпкимъ сномъ, а въ кухнѣ все еще продолжалась бесѣда мужа и жены; они выплакали все наболѣвшее на душѣ, и словно имъ стало легче, точно они помолодѣли, точно имъ нужно было снова громко высказать другъ другу, что если они и были несчастны, то несчастіе все-таки покуда пощадило одно изъ ихъ сокровищъ—ихъ супружескую любовь, ихъ семейное согласіе.

— Ну, а на меня-то ты не сердишься?—спрашивалъ жену ласковымъ шопотомъ Андрей Ивановичъ.

— Я и не сердилась, больно мнѣ только было, подъ сердце точно что подкатилось,—отвѣчала она также тихо.

У Орловыхъ точно отлегло отъ сердца. Имъ казалось, что гроза, разразившаяся надъ ихъ семьей во время пожара въ ихъ домѣ и не перестававшая бушевать надъ ними въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, вдругъ улеглась, утихла. Впереди не предвидѣлось никакого новаго счастья, никакихъ новыхъ радостей; но они чувствовали, что для нихъ хотя на время настаетъ затишье. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они точно избѣгали другъ друга, точно не были мужемъ и женой, точно боялись приласкать одинъ другого. Теперь все словно выяснилось между ними, и у нихъ опять явилась возможность дѣлиться между собой и горемъ, и радостями.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Въ домѣ князя Александра Владиміровича Русова была устроена на второй день Рождества ёлка.

Княжеская ёлка отличалась всегда особеннымъ блескомъ и въ то же время какими-нибудь филантропическими затѣями. Хозяйка дома, княгиня Марья Львовна Русова, была большая охотница до этихъ затѣй. На этотъ разъ она хлопотала объ ёлкѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, придумавъ новое развлеченіе. Весь барскій домъ въ назначенный для ёлки день къ вечеру ярко освѣтился огнями. Съ улицы могло показаться, что бель-этажъ охваченъ внутри пожаромъ. На ёлку съѣхались сотни людей. Атласъ, бархатъ, кружева дамскихъ нарядовъ перемѣшивались съ блестящими статскими и военными мундирами мужчинъ. Драгоцѣнные каменья, золото и серебро дамскихъ украшеній, эполеты, ордена и звѣзды кавалеровъ—все это ярко блестѣло, озаренное сотнями свѣчей, все это отражалось и повторялось въ цѣломъ рядѣ зеркалъ. Среди взрослыхъ мелькали граціозныя фигурки дѣтей, дѣвочекъ въ воздушныхъ коротенькихъ платьяхъ, съ массами бантовъ и кружевъ, и мальчиковъ въ изящныхъ курточкахъ, въ мундирчикахъ пажей, правовѣдовъ и лицеистовъ. Во всѣхъ комнатахъ слышался оживленный шумъ отъ шелеста шелка, тихаго говора, сдержаннаго смѣха, легкихъ шаговъ по паркету! Въ освѣженномъ воздухѣ парадныхъ залъ, принявшихъ видъ волшебнаго сада, вѣяло тонкимъ ароматомъ распустившихся цвѣтовъ и духовъ.

Ровно въ восемь часовъ началась музыка, и подъ ея звуки всѣ группы гостей столпились въ одной бѣлой залѣ, въ два свѣта, гдѣ молоденькая хозяйка и пожилая гувер-

нантка съ дѣтей уже распоряжались, чтобы дѣти сошлись въ пары. Послѣ неизбѣжной путаницы и маленькихъ замѣшательствъ вереница дѣтскихъ паръ была составлена и, подъ предводительствомъ хозяйки, съ гувернанткой въ арріергардѣ, направилась черезъ круглую залу въ длинную столовую. Къ круглой залѣ съ одной стороны примыкала бѣлая зала; съ боковъ круглой залы находились двѣ длинныя комнаты—столовая и картинная галлерея. Эти двѣ комнаты, какъ и бѣлая зала, отдѣлялись отъ круглой залы громадными арками съ массивными портьерами изъ темно-краснаго бархата. Когда дѣти подошли къ столовой залѣ, портьеры раздвинулись, и передъ дѣтьми открылась длинная комната съ рядомъ столовъ, уставленныхъ небольшими ёлками и массой самыхъ разнообразныхъ вещей, шерстяныхъ косынокъ и шарфовъ, пестрыхъ ситцевъ и дѣтскихъ сапогъ. Ёлки были украшены свѣчами, фонариками, пряниками и орѣхами.

Кто-то изъ дѣтей тихо воскликнулъ:

— O, c'est charmant!

Кто-то другой также тихо замѣтилъ ему:

— Tais-toi, c'est pour les gueux!

Княгиня уже командовала, чтобы размѣстили дѣтей по мѣстамъ.

Къ каждой ёлкѣ начали разставлять по группѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, стараясь въ каждой группѣ поставить и кого-нибудь изъ взрослыхъ. Когда всѣ дѣти были разставлены по мѣстамъ, отворилась противоположная аркѣ дверь и въ нее хлынула толпа совсѣмъ иныхъ дѣтей. Тутъ не было, ни локоновъ, ни яркихъ цвѣтныхъ лентъ, ни воздушныхъ платьицъ, ни мундирчиковъ, ни перчатокъ. Грубые сапоги и башмаки, ситцевыя платья и рубашонки, шерстяные и бумажные платочки на головахъ дѣвочекъ, какія-то неуклюжія, пестрыя косынки вмѣсто галстуковъ на шеяхъ мальчиковъ—все это ясно говорило, что это-то и были тѣ gueux, та голь перекатная, для кого устраивалась здѣсь ёлка. Въ комнату пахнуло свѣжимъ воздухомъ улицы. Сначала вся эта толпа бойко хлынула въ открытую дверь, и въ комнатѣ раздалось даже нѣсколько громкихъ возгласовъ.

— Смотри-ка, смотри! Горитъ! Эва, какія ёлки!

И вдругъ разомъ все смолкло; маленькіе дикари увидали другихъ людей, баръ, и попятились пугливо назадъ, надавивъ на задніе ряды. Находившіеся сзади первыхъ ребя-

тишки приподнялись на цыпочки, и ихъ любопытные глазенки старались черезъ головы передовыхъ товарищей взглянуть, что дѣлается впереди. Въ комнатѣ послышалось тяжелое дыханіе стѣснившихся въ одну кучу ребятишекъ.

— Идите, идите, дѣти! Не бойтесь. Это для васъ. Подходите!—ободряла княгиня.

Дѣти не трогались съ мѣста и все пятились назадъ.

Княгиня, наконецъ, взяла за руку одну изъ дѣвочекъ, стоявшихъ впереди, и повела ее къ столу. Дѣвочка совсѣмъ потупилась, засунула палецъ въ ротъ и глядѣла исподлобья, повидимому, готовая расплакаться. Въ ту же минуту, совершенно неожиданно, изъ этой толпы, сильно работая локтями, выбирался одинъ мальчуганъ въ шумящей ситцевой рубашкѣ, съ густо напомаженною масломъ головой, съ вспотѣвшимъ отъ усилій лбомъ, и, бойко стуча на ходу большими сапогами, пошелъ впередъ. Въ толпѣ голи раздался удивленный шопотъ:

— Васька-то, Васька-то какъ духу набрался!

Въ толпѣ барскихъ дѣтей и гостей раздался легкій, сдержанный смѣхъ.

— Куда идти-то?—рѣзко спросилъ вдругъ Васька, останавливаясь по срединѣ комнаты и оглядывая присутствующихъ бойкимъ взглядомъ.

— Къ намъ, къ намъ!—дружно крикнули барскія дѣти, позабывъ въ минуту веселаго настроенія и приличіе, и чинность.

Васька увидѣлъ нѣсколько разомъ протянувшихся къ нему съ подарками рукъ и сталъ поспѣшно забирать все, что ему предлагали.

Этотъ веселый эпизодъ сразу ободрилъ остальную мелкую голь, увидавшую, что Васька набралъ полныя руки подарковъ, и она двинулась впередъ, на приступъ, протягивая руки за подачками. Въ комнатѣ начались шумъ, топотъ, говоръ, смѣхъ. Ребятишки смѣшались вмѣстѣ, толкались, обгоняли другъ друга. Княгиня была очень довольна оживленіемъ, царствовавшимъ на этой «благотворительной ёлкѣ». Столы быстро начали пустѣть. Нѣкоторыя изъ бѣдныхъ дѣтей, точно звѣрьки, схватившіе добычу, удирали изъ столовой; другія, заинтересованныя полученными подарками, вертѣли ихъ со всѣхъ сторонъ въ рукахъ, внимательно осматривая ихъ и сравнивая съ подарками товарищей. Однимъ казалось, что «Машуткѣ лучше ситецъ достался»; другіе утверждали, что «а лучше моего шарфа

ни у кого, братцы, пѣтъ». Не обошлось безъ мелкихъ споровъ, перебранокъ и даже щипковъ среди этой уличной мелкоты.

Наконецъ, комната совершенно освободилась отъ нашествія дикарей, и остался одинъ виновникъ всеобщаго оживленія, Васька. Онъ развязно обернулся къ присутствующимъ и спросилъ.

— Теперь, значитъ, можно идти?

— Можно,—отвѣтилъ ему кто-то.

— Значитъ, больше ничего не будетъ?—спросилъ онъ уже утвердительнымъ тономъ.—Ну, спасибо и на этомъ!

Онъ низко поклонился, встряхнувъ напомаженной головой, и, опять бойко стуча сапогами, пошелъ къ выходу развалистою походкой.

— Смотрите, смотрите, какіе у него сапоги!—вдругъ сдержанно воскликнулъ кто-то, обративъ, вслѣдствіе шума шаговъ, вниманіе на его ноги.

По всѣмъ лицамъ пробѣжала усмѣшка. На Васькѣ были отцовскіе сапоги, достигавшіе ему выше колѣнъ.

— C'est le chat botté!—сострилъ кто-то, и по комнатѣ пронесся дружный хохотъ.

«Котъ въ сапогахъ» не удостоилъ даже повернуть головы. Затѣмъ все общество, значительно оживившееся и жужжавшее, какъ пчелиный рой, двинулось изъ столовой черезъ круглую залу въ противоположную комнату. Видъ этой комнаты былъ дѣйствительно великолѣпенъ. Сотни картинъ на стѣнахъ въ золоченыхъ рамахъ, озаренныя придѣланными надъ ними лампами, два ряда бѣлыхъ мраморныхъ статуй у стѣнъ, десятокъ роскошно убранныхъ ёлокъ со свѣчами и фонарями, масса блестящихъ парижскихъ игрушекъ и бездѣлушекъ изъ бронзы, все это сверкало и поражало глазъ. Здѣсь тоже началась раздача подарковъ, здѣсь тоже слышался радостный шопотъ младшихъ изъ дѣтей, еще не умѣвшихъ скрывать и подавлять свои чувства и ощущенія.

Среди этой массы выдавался только одинъ ребенокъ, выдавался уже по одному своему костюму. Это былъ единственный во всемъ обществѣ гимназистъ. Въ тѣ времена еще рѣдко отдавали въ гимназіи дѣтей знати и высокопоставленныхъ лицъ. Когда дѣти сошлись, чтобъ идти попарно, княгиня взяла этого гимназиста подъ руку и съ милой улыбкой сказала:

— А ты будешь моимъ пажомъ!

Когда началась раздача подарковъ, она болѣе всего го-

ворила съ нимъ, болѣе всего заботилась о немъ. Такъ заботятся только о самыхъ привилегированныхъ посѣтителяхъ, желая выразить имъ вполнѣ свое уваженіе, или объ облагодѣтельствованныхъ бѣднякахъ, стремясь заставить ихъ забыть ихъ ложное положеніе въ блестящемъ обществѣ. Этотъ мальчикъ былъ впервые на такомъ вечерѣ, хотя въ домѣ князя Русова онъ бывалъ уже сотни разъ запросто, въ будничные дни, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и давно сдѣлался здѣсь своимъ человѣкомъ. Онъ чувствовалъ себя хорошо въ этомъ домѣ, любилъ мягкость княгини, любилъ благосклонность князя, любилъ радушіе ихъ дѣтей, любилъ просторъ и блескъ обстановки этихъ комнатъ, любилъ даже тотъ тонкій ароматъ фіалокъ, любимыхъ духовъ княгини, запахомъ которыхъ было пропитано все въ этомъ домѣ,— любилъ до того, что княгиня, шутливо называвшая его своимъ пажомъ, говорила, что онъ просто влюбленъ въ нее. Но сегодня... сегодня онъ впервые почувствовалъ себя такъ тяжело, такъ неловко, такъ не на своемъ мѣстѣ въ этомъ домѣ, что готовъ былъ бѣжать отсюда. При появленіи въ столовой бѣдныхъ дѣтей онъ вдругъ весь вспыхнулъ, точно испугавшись, что кто-нибудь изъ нихъ крикнетъ ему: «здравствуй, Митька!» А когда раздался стукъ сапогъ Васьки, въ головѣ мальчугана промелькнула мысль, что Васька точь-въ-точь его двоюродный братъ, сорванецъ Коля, десятки разъ сѣченный за свои продѣлки и уже не разъ убѣгавшій изъ пріюта. Юный гимназистикъ еще не зналъ слова «нервы», но они у него уже чувствовались, болѣли, тревожили его. Онъ уже понималъ, что какой-то лицеистъ не безъ удивленія осматриваетъ его, какъ нѣчто необычайное, какъ нѣчто невиданное въ этомъ обществѣ. Онъ уже сознавалъ, что княгиня взяла его подъ руку только потому, что она не рѣшилась выбрать ему пару среди этихъ нарядныхъ дѣвочекъ. Надо было много наслышаться дома съ колыбели о презрѣніи богатыхъ къ бѣднымъ, сильныхъ къ слабымъ, господъ къ мелкотѣ, чтобы дойти до возможности уже въ годы дѣтства улавливать всѣ эти мелочи. Но стоило взглянуть на эту худенькую высокую фигурку, на это блѣдное личико, то краснѣвшее, то блѣднѣвшее какими-то пятнами, на эти пристальные и серьезные темные глаза, то какъ-то зловѣще вспыхивавшіе огонькомъ, то вдругъ словно заволакивавшіеся слезами, и вамъ сразу стало бы ясно, что этотъ ребенокъ много видѣлъ, много испыталъ, много перечувствовалъ.

Княгиню между тѣмъ осадили дѣти; она не знала, какъ успѣть отвѣтить всѣмъ и каждому на реверансы и расшаркиванія, и мало-по-малу была оттерта отъ своего пажа. Онъ остался позади ея одинъ, всѣмъ чужой, смущенный. У него немного кружилась голова и темнѣло въ глазахъ. Въ эту минуту за нимъ послышался разговоръ.

— Сынъ генералъ-адъютанта, который бываетъ у папа?— скороговоркой говорилъ одинъ голосъ.

— Пѣть, кажется. А впрочемъ, не знаю!—отвѣтилъ другой.—Мнѣ самому только мелькомъ сказали его фамилію.

— Но онъ гимназистъ?.. Зачѣмъ его отдали въ гимназію?

— Я тебѣ говорю, что я ничего не знаю о немъ.

— Странно, если это графъ Орловъ...

Гимназистъ вдругъ обернулся и увидалъ за собою двухъ не очень большихъ пажей. Онъ, поблѣднѣвшій, со сверкающими глазами, прямо взглянулъ на нихъ и отчетливо, немного грубо сказалъ:

— Я не графъ Орловъ, я—просто Орловъ, и мой отецъ не генералъ-адъютантъ, а чиновникъ.

У него перехватило вдругъ духъ. Онъ взволновался теперь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ тотъ день, когда вся мелкота Захолустной улицы, увидѣвъ его впервые въ гимназическомъ мундирѣ, помчалась за нимъ съ гиканьемъ и криками: «Митька—красная говядина! Митька—красная говядина!» Пажи какъ-будто удивились этой неожиданной и, по всей вѣроятности, совершенно непонятной для нихъ выходкѣ. По ихъ лицамъ скользнула даже улыбка,—такъ смѣшна показалась имъ эта фраза: «я—просто Орловъ». Долго потомъ при встрѣчахъ съ Митей они говорили: «а вонъ и просто Орловъ идетъ». Митя между тѣмъ уже отыскивалъ Лампадова, пробираясь, какъ тѣнь, около стѣнъ, чтобы никого не задѣть и пройти незамѣченнымъ. Старикъ въ простомъ фракѣ старой моды, въ высокомъ бѣломъ галстукѣ, бесѣдовалъ съ какой-то важной особой, когда къ нему подошелъ Митя и шопотомъ сказалъ:

— Дядя, поѣдемъ.

— А танцовать?—спросилъ старикъ.

— Я же не умѣю.

— Ну, посмотришь на другихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!—тревожнымъ голосомъ настаивалъ Митя.

Лампадовъ пристально взглянулъ на него и удивился взволнованному выраженію его лица. Старикъ хорошо

изучилъ это лицо, измѣнчивое какъ море, то вдругъ озарявшееся какимъ-то блескомъ счастія, то вдругъ темнѣвшее подъ тучами нахлынувшей невзгоды.

— Ну, если хочешь, поѣдемъ,—сказалъ онъ, взявъ его за руку.—Я для тебя же пріѣхалъ.

— Да, да, поѣдемъ!—проговорилъ мальчуганъ.

Старикъ подошелъ съ нимъ къ княгинѣ.

Княгиня удивилась, что они уѣзжаютъ такъ рано. Вечеръ въ сущности еще не начинался: дѣтей ждали танцы, чай, конфеты; фрукты. Старикъ объяснилъ, что Митя не танцуетъ и, повидимому, усталъ отъ сильныхъ впечатлѣній. Вѣдь онъ впервые былъ на такомъ вечерѣ. Масса народу, движеніе, ароматъ цвѣтовъ, сильныя впечатлѣнія—все это утомляетъ, кружитъ голову, опьяняетъ. Княгиня вполнѣ понимала эти ощущенія. Она ихъ такъ любила. Она дружески протянула мальчику руку, онъ горячо поцѣловалъ ее. Княгиня улыбнулась. У ней никто не цѣловалъ такъ горячо и страстно рукъ, какъ Митя.

Дорогой старикъ еще разъ спросилъ у мальчугана, почему онъ такъ торопился, не чувствуетъ ли онъ себя нездоровымъ. Митя не могъ ничего отвѣтить. Все, что онъ испыталъ въ этотъ вечеръ, отозвалось болью въ его сердцѣ; но что именно испыталъ онъ, для этого у него не было выраженій, не было словъ. Онъ не зналъ разныхъ больныхъ словъ: «я тамъ не на своемъ мѣстѣ», «меня тамъ презираютъ», «княгиня меня точно защищала». Онъ даже не сознавалъ всего этого отчетливо и ясно, — ему было просто безотчетно тяжело, душно, неловко.

Старикъ и мальчикъ довольно долго ѣхали молча, какъ будто задремавъ среди своихъ размышленій, какъ вдругъ Митя отрывисто проговорилъ, точно подумалъ вслухъ:

— Я наступилъ одному господину на ногу и оборвалъ одной дамѣ воланъ!

Ламнадовъ расхохотался.

— Такъ вотъ отчего ты бѣжалъ!

Митя быстро возразилъ ему:

— Нѣтъ, нѣтъ, это я раньше еще!

Потомъ онъ опять замолчалъ.

Его теперь мучила мысль о его неловкости. Онъ вдругъ припомнилъ, какъ холодно взглянула на него эта дама, какъ пожалъ плечами этотъ господинъ, какъ онъ, Митя, сказалъ имъ: «пардонъ-съ». Ему казалось, что они, эти мужчина и дама, теперь говорятъ именно о немъ, говорятъ

какъ о неучѣ, невѣжѣ, уличномъ мальчишкѣ. Когда онъ будетъ важнымъ-важнымъ господиномъ, онъ нарочно наступитъ имъ на платье, на ноги и даже не извинится, ни за что не извинится, а только посмотритъ на нихъ, какъ смотрѣлъ на нихъ Васька, не боясь никого, не стѣсняясь ничѣмъ. И они не станутъ на него смотрѣть съ презрѣніемъ, а будутъ еще улыбаться ему, какъ улыбается его мать, принимая бывшую горничную жены директора. Кто богатъ и важенъ, того всѣ уважаютъ, что онъ ни дѣлай. Богатымъ и баллы лучшіе ставятъ въ гимназіи...

— Э, братъ, да ты ужъ и заснулъ! — послышался около него чей-то голосъ.

Онъ открылъ глаза: дядя уже разсчитывался съ извозчикомъ; они уже были въ Захолустной улицѣ, погруженной въ полнѣйшій мракъ.

Она, эта улица, со своими незатѣйливыми деревянными домами, покрившимися заборами и колеблющимися подъ ногами мостками, была все тою же мирною улицей, гдѣ лѣтомъ пыль слѣпитъ глаза, гдѣ осенью царствуетъ невылазная грязь, гдѣ зимой не выгребешься изъ снѣгу, гдѣ въ осеннія и зимнія ночи нѣтъ ни фонарей, ни свѣта въ окнахъ, ни шума экипажей, ни говора прохожихъ, гдѣ всѣ жители знаютъ одинъ другого по имени, отчеству и фамиліи и раскланиваются другъ съ другомъ, гдѣ время не производитъ почти никакихъ перемѣнъ, если не считать перемѣною то, что и здѣсь рождаются люди, подрастаютъ дѣти и умираютъ старики. И попрежнему эта улица интересовалась и Орлихой, и самымъ Орловымъ, и орловской незамужницей, и орлихинскимъ Митей. Еще бы и не интересоваться ей ими.

— Слава тебѣ Господи!—говорили захолустенцы:—и замужъ-то отъ насъ выходила Орлиха, и какъ Митя-то родился, всѣ знаемъ, потому сама-то въ тѣ поры чуть не умерла, и погорѣли-то они на нашихъ глазахъ, и ужъ чего не натерпѣлись тогда!..

Если бы слушать все, что знала въ лицѣ своихъ обывателей Захолустная улица про Орловыхъ, и въ годъ бы не переслушать толковъ, тѣмъ болѣе, что Орловы были уже не тѣми Орловыми, какими они были года четыре тому назадъ. Никто этого не зналъ такъ хорошо, какъ Митя. Онъ былъ ребенокъ, и при немъ не стѣснялись говорить все. Онъ помнилъ, что до пожара всѣ толки въ его семьѣ сводились къ одному: «сдѣлаемъ вотъ то-то и то-то, и

выбьемся изъ нужды, продохнемъ свободнѣе». Теперь было не то: надежды не было никакихъ; озлобленіе было на всѣхъ. Купца Пахомова иначе не звали, какъ Иродомъ-кровопійцей и Іудой-христопродавцемъ — за то, что онъ сильно поприжалъ семью при продажѣ мѣста и при расчетѣ процентовъ за домъ, и при этомъ шли обобщенія, толки вообще «о купцахъ-живодерахъ», о «проклятыхъ барышникахъ», о «толстопузыхъ разбойникахъ и грабителяхъ». Недостаточность жалованья Орлова давала безконечный матеріалъ для брани высшихъ лицъ, начальства, правительства, всѣхъ тѣхъ, кто сытъ и потому никогда не думаетъ, «каково бѣдному человѣку жить», «каково ему сводить концы съ концами», «каково смотрѣть на убивающуюся отъ нужды и горя семью». Сближеніе съ камеръ-юнгферой «генеральши» было источникомъ раздраженія противъ «холопскаго отродья, ворочающаго дѣлами»; эту «шваль» на порогъ не пустили бы къ себѣ Орловы, если-бъ она не имѣла «руки», если-бъ она «не вертѣла генеральшей»; но мало того, что она сама лѣзетъ, она за собой и своихъ товарокъ, своихъ родныхъ, своихъ пріятелей тащитъ, и «всѣхъ ихъ ублажай, да угощай», зная, что «имъ слово стоитъ сказать и напакостятъ хуже, чѣмъ какой-нибудь начальникъ», такъ какъ у насъ «царь милуетъ, да псарь не жалуетъ». Здѣсь съ крайнею желчностью критиковали и ругали весь общественный строй нашей жизни во всѣхъ ея мелкихъ, будничныхъ проявленіяхъ, насколько они отзывались на семьѣ. Тутъ разбиралось вкривь и вкось все — экономическое положеніе различныхъ классовъ, общественное и правительственное бездѣйствіе, равнодушіе въ отношеніи мелкихъ работниковъ и система протекцій, пролазничества, наушничества и фаворитизма.

Марья Ѳедоровна была возмущена до глубины души, когда ей пришлось предстать передъ «директоршей», и та фамильярнымъ тономъ барыни-помѣщицы обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Вы сватаете своего племянника за мою Лизу? Но хорошій ли онъ человѣкъ, моя милая?

— Онъ скромный мальчикъ, ваше превосходительство,— отвѣтила Орлова.

— Не пьетъ?.. Эти мелкіе чиновники всегда пьютъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, онъ и въ ротъ не беретъ вина.

— Да?.. Это хорошо. Я вамъ вѣрю, моя милая, потому

что было бы съ вашей стороны не честно, если бы вы меня обманывали. Я очень дорожу счастіемъ Лизы. Она молочная сестра моего сына, и я хотѣла бы, чтобъ она была счастлива.

Потомъ «директорша» небрежно замѣтила:

— Конечно, онъ бѣденъ?.. Но вы, моя милая, не безпокойтесь. Мой мужъ постарается вывести его въ люди, если онъ будетъ этого достоинъ. У насъ есть связи. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы Лиза терпѣла нужду... Я сама имъ помогу во всякомъ случаѣ.

Орлова стала благодарить.

— Ахъ, не благодарите, не благодарите! — сказала директорша.—Я сдѣлаю все, что могу. Скажите только своему племяннику, чтобъ онъ берегъ Лизу,—слышите?

Потомъ «директорша» протянула Орловой руку, но такъ, что эту руку пришлось поцѣловать.

— Точно съ холопкой, точно съ крѣпостной обошлась!— разсказывала дома Орлова про это свиданіе.—Въ глазахъ у меня помутилось, нутро все перевернулось... Да, впрочемъ, чего же и ждать,—сами къ крѣпостнымъ хамамъ въ родню лѣземъ! Такъ такъ намъ и надо. Еще слава Богу, что по щекамъ не бьютъ да въ шею не выталкиваютъ... Что-жъ, вѣдь съ нами и такъ обходиться можно,—не господа какіе-нибудь, а голь перекатная, разночинцы какіе-то!

И рядомъ съ этимъ озлобленіемъ шло лицемѣріе съ затаенною злобой въ сердцѣ, низкопоклонство съ проклятіями въ душѣ, знакомыя только тому, кто дошелъ до горькаго убѣжденія, что никакими усиліями, никакими трудами, никакими заслугами нельзя сдѣлать того, что достигается ползаньемъ въ грязи, лизаньемъ чужихъ рукъ, пресмыканьемъ передъ нужными людьми. Купца Пахомова звали въ глаза «отцомъ роднымъ», «благодѣтелемъ»; горничную «генеральши» называли «душечкой», «милочкой», «ангелочкомъ»; нужныхъ гостей изъ лакейства кормили и угощали на убой, приговаривая: «не обидьте», «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады», «право, не знаешь, куда васъ и посадить»... За глаза же имъ посылались тысячи чертей въ догонку и говорилось: «какъ ихъ не разорвало,—все слопаютъ, что ни поставь».

Не было дня, чтобы Марья Ѳедоровна кого-нибудь не выбранила; не было дня, чтобъ Андрей Ивановичъ не пожаловался на служебныя непріятности. И тутъ же подлѣ этихъ озлобленныхъ «каторжною жизнью» людей стояла

фигура покорной, безропотной мученицы Анны Андреевны, этой жертвы своей привязанности къ семьѣ. Въ памяти Мити навсегда запечатлѣлась эта фигура—худая, блѣдная, похожая скорѣе на призракъ, чѣмъ на живое существо. Мало того, что она работала, не разгибая спины, на семью,—она еще плакала за семью, она еще молилась за семью. Особенно яркимъ осталось въ памяти Мити выраженіе взгляда Анны Андреевны. Это былъ немного тусклый, полный грусти и холодной покорности, сосредоточенный взглядъ: когда она говорила съ кѣмъ-нибудь, то казалось, что она смотритъ не на собесѣдника, а куда-то дальше, въ безконечное пространство. Этотъ взглядъ, случайно подмѣченный собесѣдникомъ, заставлялъ его вдругъ обрывать начатый разговоръ; онъ точно говорилъ, что ее вовсе не интересуютъ посторонніе разговоры, что она говоритъ и отвѣчаетъ машинально, безсознательно, тогда какъ думы ея носятся далеко-далеко. Митя не могъ опредѣлить, что дѣйствовало на него болѣе подавляющимъ образомъ: желчность матери, или покорность сестры, — окрикъ матери: «да ужъ ты-то хоть не суйся подъ руки», или сочувственный вздохъ сестры: «бѣдный, бѣдный мальчикъ». Отъ того и другого у него было только два рода спасенія: онъ или учился у Лампадова, или мечталъ то одинъ, то съ Настей за той драпировкой, гдѣ когда-то жилъ «дѣдка».

Лампадовъ училъ Митю оригинально: онъ показывалъ ему, какъ надо читать и писать, а рядомъ съ этимъ поясняялъ, какія великія заслуги принесла грамотность, какіе геніи науки создались при помощи знанія, какъ легко пропасть человѣку, если у него нѣтъ знаній. Лампадовъ, невольно уклоняясь такимъ образомъ отъ первой и прямой своей задачи—обучить Митю грамотѣ, шутливо говаривалъ, что «имъ покуда торопиться некуда», и самъ не сознавалъ, повидимому, какъ сильно и поспѣшно они забѣгали впередъ, въ ту область, гдѣ иногда у Мити духъ захватывало отъ новыхъ ощущеній. Мальчикъ читалъ еще съ ошибками, но онъ уже мечталъ о Гуттенбергахъ, Фаустахъ, Уайттахъ, Ланкастерахъ, Песталоцци. Возвратившись домой отъ Лампадова, Митя забивался въ уголъ и весь отдавался мечтамъ. Онѣ начинались всегда почти съ одной и той же мысли: «я сдѣлаюсь ученымъ, ученымъ и меня произведутъ въ генералы». Затѣмъ шли фантазіи о томъ, какъ онъ «всему, всему научится» и какъ будетъ «самымъ, самымъ главнымъ генераломъ», и что будетъ онъ тогда дѣлать. Онъ и

теперь желалъ благодѣтельствовать человѣчеству, только теперь у него было болѣе опредѣленное понятіе о благодѣяніяхъ: онъ хотѣлъ учить, наставлять, просвѣщать человѣчество. Когда Лампадовъ свезъ его впервые въ домъ князя Русова, у Мити сердце замерло при видѣ роскоши барскаго дома, при встрѣчѣ съ хозяйкой этого дома. Ему казалось, что онъ попалъ въ какой-то очарованный замокъ. До этой минуты онъ и вообразить не могъ той роскоши, среди которой онъ вдругъ очутился. Но болѣе всего поразила его сама хозяйка дома. Княгинѣ Маріѣ Львовнѣ Русовой, одной изъ первыхъ красавицъ въ кругу петербургской знати того времени, было тогда всего двадцать шесть или двадцать семь лѣтъ. Граціозная, мягкая въ обращеніи, веселая и шаловливая, какъ молоденькая дѣвушка, она показалась девятилѣтнему мальчугану какимъ-то совершенно инымъ существомъ, чѣмъ всѣ остальныя видѣнныя имъ женщины.

— Феи, дядя, вотъ про которыхъ въ сказкахъ пишутъ, такія? — наивно спросилъ онъ у Лампадова, возвращаясь съ нимъ домой послѣ перваго визита къ Русовымъ.

Лампадовъ расхохотался и потомъ передалъ это замѣчаніе княгинѣ. Она тоже много смѣялась надъ этимъ замѣчаніемъ и сказала Митѣ, что она и постарается быть всегда его доброю феей. Она полюбила его — отчасти, какъ дѣти любятъ новую игрушку, отчасти какъ добрые люди любятъ нуждающихся въ ихъ помощи слабыхъ ближнихъ. Очень можетъ быть, что она отнеслась бы къ Митѣ менѣе симпатично, менѣе горячо, если-бъ онъ не поразилъ ее сразу оригинальностью своей красоты. Къ красивымъ дѣтямъ почти всегда относятся благосклоннѣе, чѣмъ къ некрасивымъ. Увидѣвъ его впервые, княгиня не могла дать себѣ сразу отчетъ, хорошъ онъ или дуренъ. Но она не могла оторвать отъ него глазъ, — такъ оригиналенъ былъ этотъ не по лѣтамъ высокій, худенькій мальчикъ, съ тонкими, правильными чертами лица. У него были прямые, совсѣмъ свѣтлые, мягкіе волосы, съ двумя большими вихрами надо лбомъ, выдававшимися впередъ по бокамъ пробора посрединѣ; при этихъ свѣтлыхъ волосахъ у него были довольно темныя брови и чуть не черные глаза; эти темно-сѣрые глаза то темнѣли, то прояснялись подъ длинными, слегка загнутыми вверхъ, темными рѣсницами; ихъ обычное выраженіе было задумчивое и всматривающееся; смѣна блѣдности и легкаго румянца на щекахъ и движеніе тонкихъ, крайне подвижныхъ ноздрей выдавали малѣйшія волненія

ребенка, слегка закусывавшаго иногда нижнюю губу. Княгиня какъ-то въ шутку сравнила его глаза съ моремъ, то темнымъ, то сіяющимъ, смотря по погодѣ.

— Да онъ и весь какъ море, — замѣтилъ Лампадовъ. — У него вѣчно приливы и отливы, затишье и бури. Я иногда просто боюсь за его впечатлительность.

— Но это прелестно,—сказала княгиня.—Въ его душѣ можно читать, какъ въ открытой книгѣ.

Порывистость и страстность во всѣхъ движеніяхъ этого мальчугана тоже не мало забавляли и привлекали княгиню. Ей было пріятно, когда онъ горячо цѣловалъ ея руку, какъ никогда не цѣловали ея рукъ ея дѣти. Она пришла въ восторгъ, когда Митѣ представили впервые ея восьмилѣтняго сына, и Митя порывисто обнялъ и расцѣловалъ его, вмѣсто обычныхъ расшаркиваній и рукопожатій. Ее обрадовало, что и ея Саша, забывъ всякую чинность и всякую натянутость, отвѣтилъ искреннимъ поцѣлуемъ на неожиданные поцѣлуи новаго товарища. Мальчики сошлись сразу.

Возвратившись домой послѣ перваго визита къ Русовымъ, Митя неумолкаемо разсказывалъ дома объ этомъ визитѣ.

— Сама красивая, красивая и пахнетъ духами, — говорилъ онъ:—и все, все духами пахнетъ! На ней бархатное платье, а шея спереди голая и все кружева. А кругомъ золото, и стулья золотые, и столы золотые, и все золотое. Полъ такой гладкій, блеститъ, и себя въ немъ видишь, а въ стѣнахъ большенныя зеркала и все цвѣты, цвѣты. Теперь ужъ цвѣтутъ у нихъ цвѣты. За столомъ блюда серебряныя, кофейникъ серебряный, все, все серебряное. А дѣти завитыя и въ бархатѣ, и въ шелку. Игрушекъ у нихъ много-много, вотъ сколько...

Митя показалъ отъ полу выше своей головы. Ему очень хотѣлось связно передать свои наблюденія, но онъ никакъ не могъ; онъ совсѣмъ не умѣлъ еще долго связно говорить, хотя въ его воображеніи такъ ярко рисовалась цѣльная картина всего видѣннаго имъ.

— А картинъ, картинъ сколько! Всѣ въ золотыхъ рамахъ и около нихъ каменные люди. Дядя сказалъ, что ихъ статуями называютъ. Большія такія, бѣлыя, бѣлыя и всѣ безъ одежды. Красиво!.. А лакеи во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ на однихъ мѣстахъ стоятъ на дежурствѣ. Княгиня руку дала поцѣловать; я поцѣловалъ, а она меня въ голову чмокнула и потомъ взяла за подбородокъ и посмотрѣла мнѣ въ глаза, а я покраснѣлъ. Князь самъ важный,

важный, потрепалъ меня по щекѣ и назвалъ фуфлыгой. Только онъ важный, а совсѣмъ простой. Сталъ обо мнѣ дядю выпытывать, все выспрашивалъ, а меня самъ по головѣ гладилъ. Я у него послѣ завтрака руку хотѣлъ поцѣловать, а онъ не далъ руки, поднялъ меня и въ губы поцѣловалъ. Потомъ дядя говорилъ, что я ему понравился. Онъ мнѣ тоже понравился.

Марья Ѳедоровна и Анна Андреевна улыбались, слушая болтовню возбужденнаго ребенка. Но онѣ слушали только наполовину этотъ разсказъ, думая, главнымъ образомъ о томъ, чтобы хоть князья Русовы оказали какое-нибудь благодѣяніе Митѣ. Болѣе внимательною слушательницей была Настя. Ей было уже одиннадцать лѣтъ, и она очень интересовалась всѣмъ, что испытывалъ и о чемъ мечталъ Митя.

Они были закадычными друзьями. Настя одна изъ всѣхъ дѣтей тетки Дарьи осталась жить у Орловыхъ, тогда какъ другія дѣти тетки — Николай, Алексѣй, Даша и Маша — были пристроены въ пріюты. Настя жила у Орловыхъ не безъ дѣла: ее посылали въ лавки, она, какъ и Митя, иногда приносила дрова и щепки со двора, она училась читать, писать и шить у Анны Андреевны. Она была сыта, обута, одѣта, но нельзя сказать, чтобъ ей жилось сладко и весело. На ней отзывался неровный характеръ тетки; на ней отзывалось и уныніе Анны Андреевны. Дѣвочка же была живая, бойкая, необузданная: съ матерью она жила въ нищетѣ, но на вольной волѣ, и сытая неволя страшно тяготила ее теперь. Съ Митей она сошлась быстро: Митя былъ ласковъ и нуждался въ ласкѣ; не мудрено, что онъ обласкалъ и Настю, и нашелъ откликъ на эту ласку у дѣвочки, не избалованной нѣжностями. У брата и сестры быстро явились свои секреты, свои радости, свои печали. Они жаловались другъ другу на взрослыхъ, они утѣшали другъ друга, они вмѣстѣ мечтали. И Настя, и Митя спали за драпировкой: Митя на постели покойнаго дѣда, а Настя на дощечкахъ, служившихъ еще недавно постелью Митѣ. Иногда Настя поздно вечеромъ подходила къ кровати Мити въ одной рубашонкѣ и садилась къ нему на постель. Она говорила шопотомъ о своихъ тайнахъ, печаляхъ и радостяхъ, или дурачилась и играла съ нимъ. Они возились, какъ маленькіе котята, тайкомъ, безъ шуму, сдерживая смѣхъ. Но иногда она позволяла себѣ вольности, и онъ конфузился и серьезно замѣчалъ ей:

— Не хорошо, Настя,— ты дѣвочка!

— Ахъ, голубчикъ, скука-то, скука-то мнѣ какая! Такъ бы вотъ, кажется, все вверхъ дномъ и перевернула! — оправдывалась она, дѣлая печальную гримаску.

Ему было жаль ее.

— Ахъ, если-бъ я была мальчикомъ, вотъ-то хорошо бы было! — говорила она. — Мы вмѣстѣ стали бы въ гимназію ходить, учились бы вмѣстѣ. Вотъ я школьникомъ-головорѣзомъ была бы. Не тебѣ чета! Нѣтъ, ты точно большой, степенный такой. Это тебя дядя Лампадовъ вымуштровалъ. Нѣтъ, меня не вымуштруютъ!

И дѣйствительно, ее было трудно обуздать. Иногда Митя даже сердился на нее, когда она начинала черезъ мѣру рѣзвиться, вертѣла, щекотала его.

— Полно... перестань!.. не хорошо!—шепталъ онъ, отбиваясь отъ нея.

— Ну, крикни! Ну, крикни!—приставала она къ нему.

Она знала, что онъ говоритъ шопотомъ, чтобъ Анна Андреевна или Марья Ѳедоровна не услыхали ихъ возни и не прикрикнули бы на маленькую забіяку.

— Что же, ты хочешь, чтобъ опять тебя заругали?— говорилъ онъ.

— Ну, да ужъ ты только крикни... крикни! — задорно настаивала она.—Ты вотъ боишься, а я не боюсь. Я ничего не боюсь!

— Ну, да тебѣ ничего не значитъ, что тебя ругаютъ. Какъ съ гуся вода...

— Пусть ругаютъ, пусть ругаютъ, а вотъ я хочу дурачиться и дурачусь...

Митя укоризненно качалъ ей головой.

— Погоди, еще сѣчь станутъ!—какъ-то замѣтилъ онъ ей.

— Ну, это еще подождемъ... Зубы-то у меня тоже есть: такъ-то кусаться начну, что любо-дорого, — отвѣчала она.

Митя зналъ, что это не простая похвальба. Настя была способна огрызаться и защищаться даже зубами.

Когда онъ пріѣхалъ впервые отъ Русовыхъ и сталъ передавать свои впечатлѣнія, она впилась въ него глазами и съ напряженнымъ, лихорадочнымъ любопытствомъ слѣдила за его разсказомъ. Вечеромъ она не утерпѣла и шопотомъ сказала Митѣ, чтобъ онъ разсказалъ ей еще разъ обо всемъ, что видѣлъ. Для нея этотъ разсказъ былъ волшебною сказкой, лучезарнымъ сномъ. Митя охотно повторилъ разсказъ и особенно распространился, между прочимъ, о красотѣ княгини.

— Это все отъ платья!—вдругъ со вздохомъ произнесла Настя.—Помнишь, наша генеральская фря говорила тетѣ, что хоть какого урода наряди, такъ красавицей покажется.

«Генеральская фря» на языкѣ Насти обозначала Лизавету Михайловну, бывшую горничную жены директора. Настя всѣмъ давала свои клички.

— Нѣтъ, не отъ платья. Она сама хорошенькая! — горячо вступился Митя за княгиню: — лицо-то въ платье не спрячешь. Если рожа, такъ и будетъ рожа. Вонъ Кузьминишну во что ни наряди, пугаломъ будетъ.

— Ты не знаешь, онѣ тамъ что-то подкрашиваютъ на лицѣ!—сказала Настя.—Вотъ наша генеральская фря говорила про свою барыню: «Тоже сурмитъ, сурмитъ себя, такъ какъ тутъ не быть авантажной, и все французскія притиранья». Вотъ-то бы посмотрѣла я на все это.

— Очень тоже нужно!

— Ну да, вѣдь я дѣвочка. Мальчику все равно, какой онъ: хоть на чорта похожъ, все же женится. А дѣвушку только хорошенькую замужъ и берутъ. Дурныя-то вотъ весь вѣкъ въ дѣвкахъ и ходятъ.

Настя опять вздохнула. Ужъ очень невесело ей жилось у тетки и дяди по цѣлымъ днямъ за работой. Ее одолѣвала скука. Ей казалось даже, что, голодая съ матерью, сестрами и братьями въ углу, она жила веселѣе,—тамъ хоть народъ толкался цѣлый день, тамъ хоть свобода была. Правда, хозяинъ того угла, гдѣ они жили, отставной «ундеръ» Ѳедоръ Гавриловичъ Рябовъ, даже билъ подъ пьяную руку ихъ, дѣтей, и особенно маленькаго Алешу, но ихъ, все-таки, не стѣсняли, не запрещали имъ бѣгать, не заставляли сидѣть чинно на одномъ мѣстѣ. Да, тамъ было холодно и голодно, но свободно. Скука начала томить Настю еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ Митя сталъ дѣлиться съ дѣвочкой своими впечатлѣніями и разсказами о важныхъ господахъ, пріѣзжавшихъ къ дядѣ, о томъ, что дядя разсказывалъ про далекіе края, о первомъ визитѣ къ Русовымъ, о блескѣ и роскоши иныхъ домовъ и иныхъ людей. Это были какіе-то яркіе сны, каждый разъ дѣвочка пробуждалась отъ нихъ среди той же сѣренькой обстановки орловскаго угла. Она скучала, когда ей приходилось безмолвно шить съ Анной Андреевной; она скучала, когда ей приходилось медленно обучаться грамотѣ подъ руководствомъ той же покорно вздыхавшей Анны Андреевны. Только и счастья для нея было, когда ее стали посылать уже не въ одну мелочную лавку,

а и съ заказами бѣлья. Тутъ дѣвочка оживлялась, глазѣла по магазинамъ, останавливалась передъ нарядными прохожими, засматривалась на блестящіе экипажи. Она всегда такъ долго ходила съ данными ей порученьями, что Марья Ѳедоровна говаривала:

— Тебя только бы за смертью посылать!

Настя, въ свою очередь, замѣчала Митѣ:

— Да я, кажется, такъ и не ушла бы съ улицы, все на людей смотрѣла бы!

Скука Насти усилилась еще болѣе, когда Митю пристроили въ гимназію. Впрочемъ, этотъ фактъ былъ событіемъ не для одной Насти, а для всей Захолустной улицы, гдѣ орлихинскій Митя былъ тогда единственнымъ гимназистомъ. Первые привѣтствовали его бывшіе его же пріятели, уличные мальчишки, бабочники и головорѣзы, окрестившіе его кличкой «красная говядина». Онъ вдругъ сталъ имъ точно чужой, точно недругъ. Мальчишки разнесли эту вѣсть по домамъ, и Захолустная улица заволновалась; въ мелочныхъ лавкахъ, у воротъ домовъ, въ углахъ только и толковъ шло, что объ Орловыхъ.

— Наворовалъ, видно, Андрей Ивановичъ, нагрѣлъ руки, такъ и сына въ гимназію пристроилъ!—рѣшили обыватели.—Теперь до нихъ рукой скоро не достанешь. Какъ же, племянника поженили на генеральской горничной. Шутка ли! У генеральши-то, видишь, сынокъ побаловался съ дѣвчонкой.—ну, такъ и надо было грѣхъ прикрыть. Тоже за такую невѣсту племянничекъ-то, поди, спасибо имъ не сказалъ. Ну, да ничего, не развѣнчается. Посажёными тоже на свадьбѣ были. Чего-жъ не нажиться? Домъ-то вотъ только въ трубу вылетѣлъ, а то совсѣмъ господами бы были... Ну, да что-жъ, можетъ, мальчишкѣ и въ прокъ пойдетъ ученье. Хоть въ люди выйдетъ. Тоже, поди, не сладко живется. Слава Тебѣ, Господи, на нашихъ глазахъ бѣдовали...

Въ другомъ мѣстѣ говорили:

— Вонъ и Пахомовъ, какъ узналъ, что Орлиха своего Митьку въ емназію отдала, тоже воспылалъ. «Что, молъ, они думаютъ,—говоритъ,—что мы тоже своихъ лоботрясовъ обучить не можемъ, денегъ, что ли, не хватитъ?»—Потѣха!.. Говорятъ, наровитъ тоже большенькаго-то парнишку упрятать въ емназисты... Что-жъ, хоть болтаться меньше будетъ...

Захолустная улица и завидовала, и радовалась, глядя на Орловыхъ,—завидовала и радовалась, какъ Настя, сказавшая Митѣ въ день его поступленія въ гимназію:

— Вонъ тебѣ счастіе, мундиръ надѣлъ!

Вечеромъ украдкой она упросила его дать ей примѣрить этотъ мундиръ. Митя резонно сталъ объяснять ей, что дѣвочки же не носятъ мундировъ. Но Настя настояла на своемъ и за драпировкой примѣрила на себя этотъ мундиръ съ краснымъ воротникомъ, съ золотыми пуговками. Ей такъ хотѣлось хоть во что-нибудь нарядиться, только бы не быть въ этомъ неуклюжемъ сѣренькомъ ситцевомъ платьѣ, изъ котораго она не выходила. Стоя передъ Митей въ мундирѣ, она съ грустью говорила, что, вотъ, онъ мундиръ имѣетъ и можетъ каждый день изъ дому уходить, а она—сиди тутъ, да кисни по цѣлымъ днямъ. Митя замѣтилъ ей, что и она скоро будетъ ходить изъ дому ежедневно. Настя удивилась. Она ничего не знала объ этомъ. Митя сказалъ ей, что онъ слышалъ, какъ Анна Андреевна говорила дядѣ, что Настю пора отдать въ магазинъ учиться шить платья, такъ какъ «однимъ бѣльемъ жить невыгодно».

— Да врешь ты!—воскликнула она.

— Чего мнѣ врать?—отвѣтилъ онъ.

— А побожись!

— Да что я стану тебѣ божиться...

— Нѣтъ, ты побожись, побожись, что не врешь!

— Ну, вотъ тебѣ крестъ!

Настя запрыгала по комнатѣ, хлопая въ ладоши.

— А куда отдадутъ-то?

— Не знаю, говорили только, что скоро пристроятъ въ магазинъ.

Отдать ее на житье въ магазинъ не хотѣли, а думали пристроить такъ, чтобъ она ходила учиться. Настя обрадовалась этому еще больше. Все же между людьми будетъ, и ходить ежедневно по улицамъ будетъ, и наряды шить будетъ. Она стала допрашивать, не знаетъ ли Митя, къ «русской» или къ «француженкѣ» отдадутъ ее.—Онъ не зналъ.

— Хорошо бы, если бы къ француженкѣ,—сказала она.

— Почему?

— А чтобы по-ихнему говорить научиться. Всѣ господа по-ихнему говорятъ.

Митя покровительственно объявилъ, что языкамъ и онъ ее можетъ научить.

— Да ты самъ не знаешь!—сказала Настя.

— Теперь мало знаю, но научусь скоро совсѣмъ,—отвѣтилъ онъ важно.

— Ну да, научишься!

— Да вотъ увидишь, что научусь... Я всему научусь, потому что мнѣ все знать надо... Больше всѣхъ знать надо!..

— Что такъ?

— А чтобы не высмѣивали. Теперь вонъ всѣ, всѣ на смѣшки готовы поднять, а тогда...

Онъ не докончилъ фразы и, сдѣлавъ серьезное лицо, проговорилъ:

— Да, да, мнѣ больше всѣхъ знать надо!

Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ ему совѣстно было, когда онъ долженъ былъ сказать маленькому князю Русову, что не знаетъ иностранныхъ языковъ. Въ тотъ же день онъ, во время своихъ мечтаній, далъ себѣ слово выучиться всему, всему. Въ немъ развилось непомѣрное самолюбіе: передъ обитателями Захолустной улицы онъ гордился своимъ мундиромъ, передъ князькомъ Русовымъ онъ краснѣлъ за незнаніе иностранныхъ языковъ; среди нарядныхъ дѣтей на русовской елкѣ онъ какъ-то страстно и въ то же время дѣтски-наивно давалъ себѣ обѣтъ никогда не ѣздить болѣе на такіе вечера, покуда онъ не будетъ самъ генераломъ; въ гимназіи одинъ учитель замѣтилъ ему при всемъ классѣ, что онъ, вѣрно, не понялъ заданнаго урока или пролѣнтяйничалъ, и послѣ этого замѣчанія Митя далъ слово хоть ночи не спать, а выучивать все заданное, чтобы не вызывать замѣчаній и не краснѣть передъ товарищами.

II.

Захолустная улица не ошиблась: семья Орловыхъ дѣйствительно немного «продохнула».

Андрей Ивановичъ, женивъ своего племянника на генеральской горничной, добился, наконецъ, своей завѣтной цѣли — попалъ въ справочное отдѣленіе, куда ежедневно приходили люди за справками о своихъ дѣлахъ, принося посильныя благодарности за эти справки. Но этотъ счастливый переводъ по службѣ достался не даромъ. Мало того, что Андрей Ивановичъ устроилъ бракъ своего племянника и генеральской горничной, онъ долженъ былъ поддерживать знакомство съ этой разбитной и шустрою особой, потому что, и выйдя замужъ за чиновника, она удержала свои связи съ генеральшей, гдѣ служили ея сестра и мать, дяди и братья, такіе же дворовые, какою она была сама. Эти слуги, «вертѣвшіе» господами, не только доставили мѣсто Андрею Ивановичу, но и сильно расширили число кліентовъ, дававшихъ работу Марьѣ Ѳедоровнѣ и Аннѣ Андреевнѣ.

Заказовъ у Орловыхъ появилось столько, что иногда приходилось брать на домъ поденныхъ работницъ-швей. Орловы начинали усматривать въ близкомъ будущемъ возможность нанимать квартиру только для себя, не впуская посторонних жильцовъ, и при томъ не такую квартиру, какою былъ ихъ подвалъ, какъ называла Марья Ѳедоровна занимаемое ими помѣщеніе. Но чѣмъ больше благодѣяній оказывали эти барскіе слуги бѣдной семьѣ, тѣмъ тѣснѣе приходилось сближаться съ ними, принимать ихъ, угощать. Въ домѣ Орловыхъ начинали появляться какія-то ключницы, буфетчики, камердинеры, лакеи, и всѣ они были «нужные люди». На что они были нужны Орловымъ, этого Орловы и сами не могли себѣ объяснить. Орловы помнили только одно то, что не сойдись они съ генеральскою горничной—и никогда бы не попасть Андрею Ивановичу въ справочное отдѣленіе, и, какъ выражалась Орлова, «обжегшись на молокѣ, дули и на воду». Впрочемъ, кромѣ доставленія новыхъ заказовъ, эта барская дворня доставляла Орловымъ и другія средства къ добыванію лишнихъ грошей: господа часто мѣняли платья, дѣлая новыя и продавая старыя; Орлова ухватилась за это дѣло продажи разныхъ поношенныхъ вещей и стала сбывать ихъ при помощи Кузьминичны, выгадывая себѣ кое-какіе барыши. Она не замѣчала, что среди этой новой дѣятельности, этого новаго образа жизни, ихъ квартира сдѣлалась какимъ-то базаромъ: сегодня сюда собирались вечеромъ поиграть въ картишки и попить разные цивилизованные столицей дворовые; завтра сюда одни тащили узлы съ продаваемыми нарядами, а другіе приходили торговать эти наряды: тамъ, смотришь, являлась какая-нибудь щеголеватая особа и съ оговорками, со вздохами выясняла свое желаніе «выйти замужъ, какъ вотъ вышла замужъ горничная генеральши, за какого-нибудь чиновника, такъ какъ она хотя и дворовая дѣвушка, но у нея чувства благородныя, и ей тяжело оставаться въ этомъ сословіи, а господа ея отпустятъ ее съ радостью на волю и мѣсто ея мужу предоставятъ, если только онъ ей понравится». Орлова иногда сама дивилась, что она стала и швеей, и торговкой, и свахой, и прибавляла со вздохомъ: «ну, да назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ». Ея самолюбіе страдало страшно. Она утѣшалась только тѣмъ, что у нихъ и посуды, и бѣлья, и платья прибавилось, и долговъ, слава тебѣ Господи, больше нѣтъ, и вотъ еще, глядишь, годика два такъ поживутъ, такъ и грошъ на черный день отложить

будетъ можно. Они, быть-можетъ, и скорѣе поправили бы свои дѣлишки, если бы не приходилось таскать гроши къ пріютъ дѣтямъ тетки Дарьи, особенно маленькому Лешѣ, надрывавшему сердце Марьи Ѳедоровны своими слезами и жалобами.

На Аннѣ Андреевнѣ и Настѣ перемѣна въ жизни Орловыхъ отозвалась даже благотворно. Обѣ дѣвушки на время какъ будто ожили «на людяхъ»: Аннѣ Андреевнѣ не было времени задумываться и плакать, Настѣ некогда было особенно сильно скучать. Но въ домѣ было страдающее отъ этой перемѣны въ образѣ жизни лицо—это Митя. Сначала эти люди, толкавшіеся въ ихъ квартирѣ, просто мѣшали ему учиться и заставляли его иногда убѣгать съ книгами. Потомъ его начало коробить отъ фамильярнаго обращенія съ нимъ этихъ людей, отъ ихъ лакейскихъ подшучиваній надъ нимъ. Онъ такъ много наслышался въ своемъ домѣ, какъ тяжело кланяться кошкѣ въ ножки, какъ эти «подлые холопы» наломаться стараются надъ человѣкомъ, какъ на порогъ бы ихъ не пустили, если бы не нужда. Онъ чувствовалъ къ этому «хамову отродью» отвращеніе и волновался при каждомъ столкновеніи съ ними. Онъ очень хорошо зналъ, что и мать, и отецъ, и сестра Анна Андреевна такъ же, какъ онъ, ненавидятъ этихъ людей, но взрослые умѣли притворяться, а у него на это не хватало ни силъ, ни умѣнья. Ненависть къ этимъ людямъ должна была еще болѣе усиливаться съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, какъ у мальчика расширялся кругъ товарищей въ гимназіи и въ домѣ княгини Русовой. Особенно глубоко врѣзался въ его память одинъ случай. Разъ Митя былъ у Русовыхъ, и дѣтей повезли кататься. Митя былъ приглашенъ тоже на прогулку. Въ сопровожденіи гувернантки дѣти сходили съ лѣстницы, весело болтая и дурачась. Когда они спустились по широкой мраморной лѣстницѣ на нижнюю площадку парадnаго крыльца, передъ ними поднялись съ мѣсть сидѣвшіе здѣсь лакеи. Митя совершенно случайно взглянулъ на одного изъ этихъ лакеевъ и узналъ въ немъ личность, часто бывавшую въ ихъ домѣ. Съ лица мальчугана сбѣжала краска, у него помутилось въ глазахъ. Ему вдругъ показалось, что этотъ лакей улыбается, что онъ хочетъ заговорить съ нимъ, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ протянетъ ему руку, и всѣ узнаютъ, что онъ знакомъ съ нимъ, съ Митей, что онъ говоритъ ему, Митѣ, «ты». Какъ-то трусливо, съежившись, Митя поспѣшно проскользнулъ съ дѣтьми къ коляскѣ и

вздохнулъ свободнѣе только тогда, когда экипажъ тронулся съ мѣста. Прогулка была отравлена. Митя только о томъ и думалъ, что этотъ лакей разскажетъ швейцару, что онъ знакомый отца Мити, что онъ говоритъ Митѣ «ты», что онъ благодѣтельствуетъ даже его семьѣ, такъ какъ она ему не только знакома, но и сродни приходится: его троюродная сестра замужемъ за племянникомъ старика Орлова. Все это передадутъ остальной прислугѣ, потомъ разскажутъ княгинѣ, и ей будетъ стыдно принимать у себя Митю. И точно, развѣ его мѣсто въ ея гостиной, а не въ лакейской, не въ людской? Эти мысли росли и развивались въ чудовищныхъ размѣрахъ въ головѣ мальчика и впервые, представляя себѣ, какъ его выгонятъ Русовы, онъ какъ-то болѣзненно повторялъ: «Ну, и пусть выгонятъ, и пусть выгонятъ! Пусть надругаются, пусть!» И какія-то чудовищныя картины «надруганія» стали развиваться въ его головѣ, заставляя усиленно биться и сжиматься его сердце. Но эта встрѣча осталась, повидимому, безъ всякихъ послѣдствій. О ней, можетъ-быть, никто бы и не узналъ, если бы черезъ два дня Орловыхъ не посѣтилъ этотъ лакей, такъ смутившій Митю.

— А, князекъ, мое почтеніе!—сказалъ онъ, увидавъ Митю, и обратился къ Маріѣ Ѳедоровнѣ.—Ишь, въ какія хоромы залѣзъ!.. Сижу я это на-дняхъ въ прихожей у княгини Русовой, съ господами пріѣхалъ, гляжу—по лѣстницѣ нашъ Дмитрій Андреевичъ фертомъ такимъ идетъ, а на насъ и глядѣть не желаетъ. Ну, думаю, Богъ съ тобой, что тебя конфузить!

— Онъ, Иванъ Ивановичъ, у нихъ, какъ свой, обласкапъ,—сказала Марья Ѳедоровна.—Пошли имъ, Господи, здоровья за то, что не гнушаются.

— Что-жъ, извѣстно, господа для развлеченія и для компаніи къ своимъ дѣтямъ всегда кого-нибудь изъ бѣдныхъ, изъ сиротъ или тамъ изъ дворовыхъ берутъ,—замѣтилъ лакей.—Забава тоже! Вонъ у меня крестникъ, нашей дворовой дѣвки сынъ, тоже у нашихъ господъ при дѣтяхъ содержится, тѣшитъ господскихъ ребятъ. Конечно, надо только умѣть не супротивничать, а то ничего... Бываетъ, что и въ люди такіе-то выходятъ... Голенькій-то «охъ», а за голенькимъ Богъ!.. Да, выходятъ иные въ люди!..

— Какъ не выйти, какъ не выйти, коли рука есть,—со вздохомъ сказала Марья Ѳедоровна.—Я вотъ всегда Митѣ говорю, чтобъ онъ держался этихъ людей, чтобы пере-

терпѣлъ, коли что и не по немъ будетъ. Тоже не баринъ какой, не сахарный... За всякимъ тычкомъ не угоняешься...

Митя, униженный и оскорбленный, не проронилъ ни слова. Въ эту минуту онъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, возненавидѣлъ этихъ холоповъ, и впервые ему стало досадно, что онъ бываетъ у князей Русовыхъ. «Точно нищій, точно нищій!»—вертѣлось въ его головѣ.

— Не будь-ка благодѣтелей и совсѣмъ погибли бы,—продолжала Марья Ѳедоровна.—Только ими и дышимъ, ими и живемъ...

Въ другой разъ въ гимназіи учитель русскаго языка, не разъ уже подмѣчавшій, что Митя произноситъ иногда такія фразы, какъ «работалъ рукамъ и ногамъ», «колидоръ», «надсмѣшки», «очень вами благодаренъ», «теперя», «окромя», сказалъ ему насмѣшливымъ тономъ:

— Что это вы, Орловъ, въ петербургскихъ лакейскихъ, что ли, русскому языку учились?

Фраза эта была сказана безъ всякой задней мысли, но Митя поблѣднѣлъ и взволновался. Ему уже казалось, что и учитель знаетъ, въ какомъ кругу онъ вращается, съ кѣмъ водитъ компанію. Болѣзненная раздражительность и мелкая обидчивость начали развиваться въ немъ не по днямъ, а по часамъ. Малѣйшая шутка или насмѣшка товарищей приводили его въ ярость, и мальчуганы знали, что значитъ задѣть его: онъ сжималъ кулаки и съ потемнѣвшими глазами, казалось, готовъ былъ убить противника. Иногда малѣйшіе пустяки выводили его изъ себя.

Какъ-то послѣ бани мать напомадила ему голову розовой помадой; онъ явился въ гимназію, чистенькій, приглаженный; вдругъ какой-то повѣса замѣтилъ въ классѣ:

— Господа, Орловъ розовой помадой напомадился; вѣрно какая-нибудь горничная дала.

Это была школьническая шутка мальчугана, уже знавшаго, какъ пахнутъ горничныя, но Митя чуть не прибилъ его и чуть не расплакался отъ злости. Дома онъ развоевался, рѣзко замѣтивъ матери, что она срамитъ его, чортъ знаетъ, чѣмъ ему голову напомадила, заставила его сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ. Марья Ѳедоровна даже смутилась, увидавъ его волненіе, услышавъ въ его голосѣ и злобу, и слезы.

— Очень нужно помадить! Точно маленькаго какого мажутъ,—говорилъ онъ.—И чѣмъ напомадили—розовой помадой!

— Помада хорошая,—замѣтила мать.

— Ну да, хорошая... Горничныя помадятся! Куда ни повернись, вездѣ на смѣхъ поднимаютъ. И то не такъ, и другое не этакъ!

Марья Ѳедоровна никакъ не могла понять, надъ чѣмъ могли смѣяться товарищи ея сына, и почему розовая помада послужила къ такой бурѣ съ его стороны. Она только мелькомъ замѣтила Аннѣ Андреевнѣ:

— Всѣ-то мы нынче точно на чорта посаженные, прости Господи!

Въ другой разъ Митя возвратился изъ гимназіи не менѣе блѣднымъ и раздраженнымъ, но онъ уже не поднималъ бури, а прошелъ прямо къ себѣ за драпировку и залился слезами. Къ нему зачѣмъ-то зашла Настя и удивилась, увидавъ его плачущимъ. Онъ почти никогда не плакалъ.

— Митя, голубчикъ, что съ тобой?—воскликнула она.

— Опять осрамили, опять,—заговорилъ онъ, всхлипывая.—Въ грязи, точно свиньи, живемъ; осмотрѣть ничего не могутъ; не заботятся, чтобы на человѣка хоть походилъ...

— Да скажи, что случилось?—допрашивала Настя, ничего не понимая.

— А то, что клопа занесъ въ гимназію!—отривисто отвѣтилъ онъ.

— Да что ты!

— Ну да! Клоповъ и блохъ развели, потому что чортъ знаетъ кто ходитъ, постелей опрятно держать не умѣютъ, отпускаютъ въ гимназію, не встряхнувъ одежды. Просишь, просишь, чтобъ посмотрѣли, все ли чисто. «Хорошо», говорятъ. Вотъ и вышло хорошо. Товарищи говорятъ: «По тебѣ клопы ползаютъ! Ты клоповъ заносишь!» Развѣ я виноватъ? Я съ уроками бьюсь съ утра до ночи, чтобы перегнать другихъ. У меня нѣтъ приватныхъ учителей, да и угла покойнаго нѣтъ, точно среди базара учусь. Гдѣ-жъ мнѣ еще за платьемъ смотрѣть, каждую вещь самому выколачивать да вычищать. Отдали бы въ пріютъ, если не умѣютъ держать гимназистомъ...

Его горе и волненіе были такъ искренни, что тронули Настю. Она обняла его и сказала:

— Да полно же, полно, голубчикъ, плакать!

— Не могу я, не могу!—шепталъ онъ сквозь слезы.—Вѣдь это каждый день повторяется, всѣ подшучиваютъ, точно сговорились! Здѣсь хамы подсмѣиваются: «ишь, совсѣмъ барчукомъ смотритъ». У Русовыхъ краснѣешь, когда при

тебѣ всѣ по-англійски говорятъ, а ты глазами только хлопаешь. Въ гимназіи учителя говорятъ, что русскому языку въ лакейской учился, а школьники смѣются, что у горничной помаду берешь!

Митя вычислялъ всѣ свои мелкія обиды, всѣ свои будничныя огорченія. Настя утѣшала, какъ умѣла. Ей такъ было жаль его, потому что она сама по опыту знала, каково человѣку, когда его всѣ «шпыняютъ».

— Я тебѣ сама буду мундиръ чистить,—сказала она, наконецъ.—Ты не бойся, я ужъ буду осматривать. Тоже знаю я, какъ не сладко, какъ всѣ надсмѣхаются. Вонъ намеднись мнѣ лавочникъ подъ пазуху палецъ засунулъ, потому платье-то продырилось тутъ, а самъ зубы скалитъ. «Отдушина у васъ, говоритъ, барышня, для прохлажденія!» Подлецъ, этакій, ему только бы понахальничать, а что меня въ краску бросило, такъ ему и дѣла нѣтъ.

— Да ужъ всѣмъ намъ проклятое житье!—замѣтилъ Митя.

— Такое проклятое, такое, что, зажмуривъ глаза, бѣжалъ бы!—съ горячностью подтвердила Настя.—Работай, работай, а ни привѣта, ни радости, и точно въ тюрьмѣ, точно въ тюрьмѣ!

— Бѣжать-то куда?—спросилъ Митя.

Настя махнула рукой

— Тебѣ, конечно, некуда, ты мальчикъ, тебѣ учится еще надо,—сказала она.—А я... Да захоти только я, сейчасъ найдется, куда уйти. Только сама я этого не хочу, потому, говорятъ, пропасть можно...

— Какъ пропасть?—спросилъ въ недоумѣніи Митя.

— Ну да, сманятъ дѣвушку, а потомъ и бросятъ, сманятъ и бросятъ,—сказала Настя.—Вонъ прошлый разъ, когда лавочникъ охальничать сталъ, Кузьминична тутъ была, стала ему выговаривать. «Дѣвчонка, говоритъ, уже на возрастѣ, такъ ты чего се съ пути сбиваешь? Стыда-то у тебя въ глазахъ нѣтъ, лупоглазый! Тебѣ-то смѣшки, а ей слезки. Вамъ только бы поиграть, да бросить». А потомъ мнѣ все отчитывала дорогой и тетѣ пришла говорить, что за мной теперь глазъ да глазъ нуженъ, что не увидишь, какъ время пройдетъ, черезъ два года и невѣстой буду.

Митя съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Настю.

— Невѣстой? А развѣ у тебя есть женихъ?—спросилъ онъ.

Она засмѣялась.

— Глупый ты, глупый, Митя!—проговорила она.—Жениха нѣтъ, а потому невѣстой буду, что мнѣ шестнадцать

лѣтъ будетъ. Коли дѣвушкѣ шестнадцать лѣтъ, она—и невѣста. Да это мнѣ что! Здѣсь и жениховъ-то нѣтъ. Не за лавочника же идти. Въ косыночкахъ-то ходить да у печки возиться съ ухватами—тоже не сладость. А не то канцелярист присватается, такъ это клади зубы на полку... Нѣтъ, я въ мастерицы пойду, въ магазинъ, такъ тамъ хоть на народъ посмотришь. Я вотъ люблю смотрѣть на господъ да на магазины и пуще всего, если гдѣ брильянты увижу. Иногда думаешь, что надѣнь-ка это все на меня, такъ и я хорошенькой буду.

Она вдругъ понизила голосъ до таинственнаго шопота:

— Ты вонъ посмотрѣлъ бы, какова я въ бальномъ платьѣ! Ахнулъ бы, ей-Богу, право!

Митя разсмѣялся.

— Да гдѣ у тебя бальное платье?

— Тише! Ты ни сестрѣ, ни матери не говори,—таинственно сказала Настя.—Тетя теперь продастъ бальное платье дочери генеральшиной. Такъ я его здѣсь тихонько примѣряла.

— Ну-у?—съ сомнѣніемъ сказалъ Митя.

— Ей-Богу, правда! Вотъ-то хорошо оно мнѣ пристало! Хочешь, я надѣну его, когда вечеромъ всѣ лягутъ?

— Что-жъ, надѣнь!—согласился Митя.

Она погрозила ему пальцемъ и прошептала:

— Ты только молчи!

Вечеромъ, когда всѣ уже легли спать, Настя пробралась за драпировку къ Митѣ. Они спали теперь въ одной комнатѣ одни, отдѣленные другъ отъ друга только ситцевой занавѣской. Анна Андреевна спала въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ во дни нужды жилъ жилецъ. Марья Ѳедоровна и ея мужъ попрежнему спали еще въ кухнѣ. Осторожно, говоря шопотомъ и стараясь не дѣлать ни малѣйшаго шума, Настя вынула изъ комода завѣтное бальное платье «генеральшиной дочери» и, стоя въ одной рубашонкѣ и юбкѣ, стала при помощи Мити надѣвать дорогой нарядъ съ открытымъ лифомъ и коротенькими рукавами. Она и вертѣлась, и смѣялась, оглядывая себя, когда платье было надѣто.

— Что, не узналъ бы меня?—говорила она Митѣ.

Онъ молча, съ удивленіемъ, разсматривалъ ее. Она была, дѣйствительно, неузнаваема. Онъ точно впервые увидалъ, какъ хороша ея стройная шея, ея граціозныя полненькія руки. А лицо? Митя, казалось, никогда не замѣчалъ прежде ни этихъ вьющихся темнорусыхъ волосъ, ни этихъ черныхъ

узкихъ глазъ съ темными обводами кругомъ, съ длинными густыми рѣсницами, съ тонкими, чуть-чуть закругленными бровями, ни этихъ ровныхъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ, выглядывавшихъ изъ-за открытыхъ улыбкою яркихъ губъ. Настя вся точно свѣтилась и блестѣла теперь, раскраснѣвшись до ушей.

— Теперь такъ бы и протанцовала!—съ увлеченіемъ прошептала она, вздыхая.

— Да развѣ ты умѣешь танцовать?—спросилъ онъ.

— Въ томъ-то и бѣда, что не умѣю,—отвѣтила она печально.

— Какая же тутъ бѣда?—спросилъ онъ, недоумѣвая.

— Какъ же не бѣда? Сидишь-сидишь, гнешь горбъ, такъ хоть бы поплясать. Иной разъ, ну, вотъ, не сидится на мѣстѣ, бѣгала бы, плясала бы, пѣла бы. Вотъ, какъ ты разсказывалъ, помнишь, давно, про елку, такъ я чуть тогда не заплакала. Ты тогда не остался танцовать. А я бы осталась, я бы осталась!

— Ну да, не умѣя-то!

— Этому выучишься сейчасъ! Чего тутъ не умѣть? Да пусти меня куда хочешь, я сейчасъ перейму...

— На смѣхъ людямъ...

— А пусть смѣются! Посмѣются да и перестанутъ... Нѣтъ, вотъ какъ теперь смѣются, такъ иной разъ злость береть! Чѣмъ другіе лучше, чѣмъ?

— Богаты, тѣмъ и лучше.

— Вотъ и я то же говорю. А гдѣ его возьмешь, богатство-то? Душу бы чорту продала, кажется...

— Ну, не говори этого,—грѣхъ!

— А такъ-то лучше? Грѣхъ-то отмолить можно. За деньги вонъ людей весь вѣкъ поминаютъ, да грѣхи ихъ отмаливаютъ, а безъ денегъ и не помолятся за тебя.

За стѣной послышалось, какъ повернулась на диванѣ Анна Андреевна и со вздохомъ проговорила:

— Господи, помилуй мя грѣшную!

— Сонъ, вѣрно, дурной увидала!—тихо прошептала со смѣхомъ Настя и вдругъ сказала:—Ну, довольно, а то еще услышатъ.

Она стала раздѣваться. Митя тоже вспомнилъ, что пора ложиться.

— Ну, прощай: сказалъ онъ.

Настя обняла его и крѣпко поцѣловала.

— Ты одинъ, Митя, у насъ добрый,—сказала она.—Я

вотъ только съ тобой и говорю, а имъ все лги да лги. Большой это у меня грѣхъ, а что станешь дѣлать. Скажешь правду, сейчасъ и заругаются...

Митя улегся, но заснулъ не скоро. Опъ то думалъ, какая хорошенькая Настя и какъ она, бѣдная, мучится, то размышлялъ о ея признаніи, что она все лжетъ передъ людьми. Эта фраза особенно сильно поразила его. Настя лжетъ. Но кто же въ ихъ домѣ не лжетъ? Мать, отецъ, сестра— всѣ лгутъ, принимая радушно ненавистныхъ гостей, продавая съ барышомъ поношенныя платья съ увѣреніями, что дешевле не уступаютъ, скрывая все упорнѣе отъ Лампадова положеніе своихъ дѣлъ изъ боязни, что онъ не станетъ помогать на воспитаніе Мити. Онъ самъ, Митя, тоже никогда не откровенничаетъ съ матерью и съ отцомъ, уходитъ къ Лампадову, говоря, что нужно попросить Лампадова помочь въ приготовленіи урока, а въ сущности спѣша только убѣжать отъ родительскихъ гостей; онъ просилъ мать не ходить въ гимназію, когда нужно было заплатить за него деньги, но онъ не сказалъ ей, что онъ проситъ ее объ этомъ, стыдясь показать ее директору или товарищамъ. Да, у нихъ всѣ лгутъ, и Настя, конечно, больше всѣхъ, потому что ее бранятъ и упрекаютъ за каждый шагъ. Неужели же и вездѣ такъ лгутъ люди? Неужели же нельзя говорить правду? А Лампадовъ? Развѣ онъ тоже лжетъ? Митя никакъ не могъ припомнить такого случая, когда можно бы было заподозрить Лампадова во лжи.

На слѣдующій день Митя, по обыкновенію, приготовлялъ уроки у Лампадова. Старикъ разбиралъ часы, тщательно складывая на отдѣльныя блюдечки разные винтики и колесики. Въ комнатѣ царствовала полнѣйшая тишина. Вдругъ Митя обратился къ старику съ неожиданнымъ вопросомъ:

— Дядя, отчего люди лгутъ?

Старикъ неторопливо вынулъ изъ глаза увеличительное стекло, повернулъ голову къ Митѣ и отвѣтилъ:

— Потому, что большая часть людей трусы.

Онъ вынулъ изъ кармана шелковый платокъ и сталъ протирать стекло.

— Они или боятся своихъ ближнихъ, или боятся предстать въ своемъ настоящемъ видѣ и лгутъ,—продолжалъ старикъ.— А ты съ чего задалъ мнѣ этотъ вопросъ? Въ урокѣ что-нибудь объ этомъ говорится?

Митя прямо вглянулъ на старика и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не въ урокѣ. А я вчера говорилъ съ Настей, и

она сказала мнѣ, что она много лжетъ. Я сталъ думать, думать, и увидалъ, что всѣ лгутъ.

— Всѣ?

— Да, всѣ. Я самъ лгу.

Старикъ усмѣхнулся и съ ласковой шутливостью сказалъ:

— Только не теперь?

— О, нѣтъ, нѣтъ, тебѣ я никогда не лгу!—торопливо воскликнулъ Митя.

— Ну да, совсѣмъ меня не боишься, отъ рукъ отбился!—опять пошутилъ старикъ.

Митя утвердительно кивнулъ головой, и по его лицу пробѣжала улыбка.

— А кому же ты лжешь?—спросилъ старикъ.

— Отцу, матери, сестрѣ, всѣмъ,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, вотъ, ты и подумай, почему ты лжешь,—началъ Лампадовъ.—Боишься за правду услышать брань или упреки отъ отца и матери, боишься, чтобъ отъ правды сестра не огорчилась и не расплакалась,—ну, и лжешь имъ.

Митя задумчиво слушалъ старика и молчалъ.

— Да это такъ и всегда бываетъ,—продолжалъ старикъ.—Конечно, потомъ ложь, какъ и все, входитъ мало-по-малу въ привычку, дѣлается второй натурой, и уже тогда человѣкъ лжетъ такъ себѣ, ни съ того, ни съ сего, даже и не сознавая, что онъ говоритъ неправду. Привыкнуть вѣдь ко всему можно. Привыкнешь, тогда и краснѣть перестанешь. Оттого-то и надо отучаться отъ лжи, покуда есть еще способность краснѣть за свою трусость. А трусость—подлѣе этого чувства и быть ничего не можетъ. Труса не только другіе презираютъ, но и самъ онъ себя презираетъ, не смѣя полагаться на свои силы, не смѣя ни съ кѣмъ бороться, не смѣя никому прямо взглянуть въ глаза.

Митя слушалъ, слушалъ и вдругъ воскликнулъ:

— Какой же я, значитъ, трусъ!

Лампадовъ изумился этому восклицанію и спросилъ, изъ чего сдѣлалъ мальчуганъ этотъ выводъ. Митя торопливо и не особенно связно началъ разсказывать свои мученья, какъ онъ боится, чтобы никто ни изъ учителей, ни изъ товарищей, ни у Русовыхъ не узналъ, что у нихъ бываютъ все лакеи, и лакеи, что его мать стала какой-то свахой и торговкой, что они живутъ грязно и бѣдно. Старикъ до конца выслушалъ исповѣдь мальчугана и потомъ спросилъ его:

— Ты когда-нибудь боялся трубочиста?

Мальчикъ засмѣялся, кивнувъ головой.

— Ну, вотъ, ты и теперь боишься трубочиста,—сказалъ старикъ.—Это страхъ не труса, а неопытнаго человѣка. Ты еще не знаешь, что ни бѣдности, ни происхожденія не слѣдуетъ стыдиться. Правда, есть люди, которые смотрятъ съ презрѣніемъ на бѣдняковъ, на низшихъ, но эти люди или глупцы, или негодяи, а дорожить уваженіемъ глупцовъ или негодяевъ не для чего. Конечно, насмѣшки и обиды всегда непріятны, кто бы ихъ ни нанесъ. Но вѣдь отъ этого не спасешь себя ложью. Ложь рано или поздно откроется, и тому же будетъ хуже, кто лгалъ. Человѣкъ долженъ стараться, чтобъ его уважали такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ онъ хочетъ казаться.

Старикъ долго говорилъ на эту тему, чувствуя, что мальчуганъ открылъ ему самое больное мѣсто своей души, и что его нужно ободрить, успокоить. Старикъ не ошибся. Митя долго думалъ и передумывалъ о томъ, что онъ слышалъ въ этотъ вечеръ отъ Лампадова, и сталъ спокойнѣе, началъ стараться побороть въ себѣ появленіе болѣзненнаго самолюбія, мелкой обидчивости. Онъ работалъ надъ собою съ недѣтскою серьезностью; онъ обнаруживалъ уже способность, называемую силой воли, твердостью характера. Мало того, что онъ теперь дѣлалъ надъ собой усилія, чтобы не краснѣть и не волноваться, когда у него появлялась заплата на сапогѣ,—онъ сталъ нарочно приглашать къ себѣ товарищей, чтобъ они видѣли, какъ онъ живетъ. Это было своего рода хвастовство. Показывая товарищамъ свою каморку, онъ говорилъ:

— Прежде мы хуже жили.

Когда ему жаловались пріятели, что имъ трудно учиться, онъ замѣтилъ:

— Нѣтъ, а вы поучились бы, когда угла спокойнаго нѣтъ, когда надо и сапоги самому чистить, и дровъ иногда наколоть, и щенокъ принести, тогда не то бы запѣли. Я вотъ это испыталъ.

Иногда онъ самъ себѣ казался героемъ: онъ шелъ первымъ въ классахъ, а сколько онъ вынесъ невзгодъ и огорченій, какъ тяжело подчасъ жилось ему дома, какихъ усилій стоили ему такія простыя вещи, какъ напримѣръ отвычка говорить языкомъ своей семьи, отвычка держать вилку и ножъ такъ, какъ ихъ держали у него дома, отвычка облизывать послѣ ѣды ложку, класть на скатерть грязные ножи и вилки за обѣдомъ, пить чай съ блюдечка, просить кофе

или чаю «въ прикуску, а не въ накладку». Онъ долженъ былъ не только учиться въ гимназіи, но и слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, за каждымъ своимъ словомъ, чтобы не конфузиться въ домѣ Русовыхъ. Онъ вращался здѣсь среди людей, говорившихъ инымъ языкомъ, имѣвшихъ иныя манеры, ѣвшихъ иныя кушанья. У этихъ людей онъ давился словомъ, произнося въ забывчивости какое-нибудь «намеднись» или «окромя», или стыдливо отказывался отъ ѣды, видя передъ собой артишоки, но не умѣя ихъ ѣсть. Здѣсь онъ разъ выпилъ душистую теплую воду, поданную послѣ обѣда для полосканья рта, и чуть не вызвалъ взрыва неудержимаго хохота, неожиданно сказавъ какому-то барину, когда тотъ чихнулъ за обѣдомъ: «будьте здоровы!» Свѣтскость доставалась ему не легко, и еще слава Богу, что семья Русовыхъ относилась къ нему крайне снисходительно и благосклонно. Онъ былъ здѣсь вполнѣ своимъ ребенкомъ, и ни князь, ни княгиня ни разу не дали ему почувствовать, что онъ здѣсь чужой, что онъ здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Дѣти были тоже очень ласковы съ нимъ: молоденькій князь Александръ и маленькая княжна Софія обращались съ нимъ, какъ съ братомъ. Но все же иногда, въ тяжелыя минуты, Митѣ приходило въ голову, что, можетъ-быть, князь Александръ значительно охладѣлъ бы къ нему, если-бъ увидалъ его домашнюю обстановку. Эта мысль начинала принимать чудовищные размѣры, и Митѣ уже казалось, что князь Александръ отвернется отъ него, станетъ его презирать, выгонитъ его, когда поближе узнаетъ, какъ и гдѣ живетъ онъ, Митя. Въ этихъ думахъ было что-то болѣзненное: Митя и боялся этого разрыва, и страстно желалъ скорѣе увидать, какъ князь Александръ отнесется къ нему, увидя его житье-бытье. Наконецъ, Митя не выдержалъ и сказалъ однажды князю Александру:

— А вотъ, ты бы посмотрѣлъ, въ какомъ подвалѣ мы живемъ.

Князь очень удивился.

— Да развѣ ты въ подвалѣ живешь?

— Да почти. Окна наши совсѣмъ на землѣ лежатъ. Когда много снѣгу, такъ отгребать его отъ оконъ приходится.

— Зачѣмъ же вы такъ низко живете?

— А потому, что денегъ нѣтъ. Были бы деньги, такъ въ такихъ же хоромахъ, какъ ты, жили бы. Вотъ ты пріѣхалъ бы когда-нибудь посмотрѣть, какъ мы живемъ.

— Я пріѣду, непремѣнно пріѣду!—сказалъ князь Александръ.

Онъ никогда не видалъ, какъ живутъ люди въ подвалахъ. Ему очень хотѣлось увидѣть это. Митѣ тоже страстно хотѣлось, чтобы князь поскорѣе увидалъ, какъ онъ живетъ. Мальчику продолжало казаться, что князь Русовъ сейчасъ же убѣжитъ изъ ихъ квартиры и перестанетъ не только говорить ему, Митѣ, «ты», но перестанетъ съ нимъ кланяться, «Ну, и пускай, тѣмъ лучше! Очень мнѣ нужны его поклоны, если онъ свинья!»—рѣшилъ Митя. Онъ волновался и злился заранѣе, и въ то же время зло смѣялся, представляя себѣ, какую кислую гримасу состроитъ маленькій князекъ, увидавъ ихъ жилище. Маленькому князю тоже очень хотѣлось взглянуть на невиданный имъ подвалъ. Наконецъ, желаніе обоихъ друзей исполнилось. Это случилось 11-го февраля, въ день именинъ Мити.

Княгиня Русова хотѣла послать Митѣ съ лакеемъ подарокъ, но сынъ упросилъ ее отпустить его самого къ Митѣ. Согласіе было получено не вдругъ. Сначала позвали на совѣтъ Лампадова и о чемъ-то пошептались съ нимъ. Потомъ вынесли приговоръ, что князекъ поѣдетъ утромъ къ своему другу съ Лампадовымъ.

Захолустная улица такъ и ахнула, когда въ ней появились роскошныя сани съ медвѣжьей полостью, съ воронымъ рысакомъ, съ кучеромъ въ синей бархатной шапкѣ. Въ саняхъ сидѣли Лампадовъ и маленькій князь Русовъ, прелестный курчавый мальчикъ, разгорѣвшійся отъ легкаго мороза и быстрой ѣзды. Лампадовъ провелъ мальчика по двору, спустился съ нимъ въ темный коридоръ и дошелъ, наконецъ, до обитой войлокомъ и рогожей двери.

— Вотъ мы и у цѣли,—сказалъ онъ, отворяя дверь.

Князекъ немного трусилъ и шелъ близко около старика.

— А я къ вамъ съ гостемъ,—сказалъ Лампадовъ, здороваясь съ Марьей Ѳедоровной и Анной Андреевной.—Вотъ князь.

— Ваше сіятельство... вотъ-то осчастливили!.. Позвольте, я васъ раздѣну... Митя, Митя, иди же!.. Кто пріѣхалъ-то, смотри!—суетливо говорила Марья Ѳедоровна, не зная, что дѣлать и какъ оказать вниманіе его сіятельству.

Его сіятельство былъ ужасно сконфуженъ и все за что-то благодарилъ Марью Ѳедоровну, приговаривая:

— Не безпокойтесь, я самъ, я самъ...

Но Марья Ѳедоровна чуть не снимала съ него калошъ. Лампадовъ стоялъ въ сторонѣ и добродушно улыбался. Онъ ждалъ выхода Митя. Наконецъ, явился и Митя. Онъ вы-

шелъ въ кухню съ напускною бойкостью, съ веселымъ видомъ и, смѣясь, проговорилъ:

— Что, не струсилъ? Ты, я думаю, воображалъ, что тебя въ медвѣжью берлогу везутъ? Нѣтъ, братъ, это наше логовище.

Князь Русовъ засмѣялся и бросился цѣловать его.

— Вотъ я далъ слово, далъ слово, что буду у тебя на именинахъ, и настоялъ на своемъ!—быстро проговорилъ онъ.—Это maman тебѣ прислала, а это я тебѣ дарю на память...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь и торопливо расшаркался, обратившись къ противоположной двери. Всѣ обернулись въ этомъ направленіи и увидали стоявшую въ дверяхъ Настю. Она широко открыла глаза, съ изумленіемъ смотрѣла на гостя.

— Это моя двоюродная сестра,—сказалъ Митя и, взявъ за руку князя, подвелъ его къ Настѣ.

Она, вся вспыхнувъ, неловко пожала протянутую ей руку. Князекъ тоже былъ почему-то сконфуженъ. Митя засмѣялся и проговорилъ:

— Вы точно козлы другъ противъ друга стоите... Ну, пойдемте ко мнѣ!..

Онъ потащилъ князька въ свою комнату.

Не прошло и пяти минутъ, какъ князекъ совсѣмъ пріободрился и развеселился. Его занимало все. Онъ разглядывалъ цвѣты на окнахъ,—онъ такихъ никогда не видалъ: гераніи съ вырѣзными листьями, золотыя деревья, простые кактусы, стручковый перецъ съ красными плодами.

— А это что?.. Это яйцо привѣшено зачѣмъ?—спрашивалъ онъ.

— Это не яйцо, а на деревѣ плодъ такой. Впрочемъ, у насъ это растеніе такъ и зовутъ яйцами,—отвѣтилъ Митя.—Чортъ его знаетъ, какое у него настоящее названіе. Въ казармахъ его всѣ солдаты держатъ.

— А ты вотъ тутъ и спишь? Это твоя комната?—разспрашивалъ князь, осматривая комнату.

— Да, я здѣсь сплю, а тамъ сестра за драпировкой,—отвѣтилъ Митя и вдругъ что-то вспомнилъ.—Да, хорошъ я хозяинъ и не угощаю тебя. Будешь у насъ ѣсть?

— Я не завтракалъ,—отвѣтилъ князь.

— Ну, и отлично. Пирога дадутъ, какого ты и не ѣдалъ. У меня, братъ, не поваръ, а сама мать стряпаетъ.

Митя побѣжалъ въ кухню.

— Мама, мама, пирога намъ и кофе!—сказалъ онъ.

— Да развѣ ихъ сіятельство будетъ?—начала Марья Ѳедоровна, успѣвшая припарядиться въ какой-то чепецъ съ пестрыми бантами и клѣтчатый палантинъ.

— Еще бы,—отвѣтилъ Митя и крикнулъ:—Ваше сіятельство, мать вонъ думаетъ, что ты и не ѣшь, и не пьешь.

— Что?—отозвался громко князь.

Марья Ѳедоровна укоризненно покачала головой Митѣ и заморгала глазами.

— Какъ же такъ можно, какъ можно!—прошептала она.

Но Митя уже удралъ изъ кухни къ пріятелю.

Не прошло и десяти минутъ, какъ всѣ усѣлись за столъ въ комнатѣ Анны Андреевны, такъ какъ эта комната носила названіе гостиной, и принялись за пирогъ. Митя дурачился, какъ никогда, и увлекъ своимъ примѣромъ Русова. Настя тоже оживилась и съ разгорѣвшимся лицомъ не спускала глазъ съ князька. Онъ казался ей какимъ-то херувимомъ съ вербы. Курчавые волосы, нѣжный цвѣтъ лица, крошечныя руки, граціозная фигура, щеголеватая одежда—все въ немъ поражало дѣвочку. Ей ужасно хотѣлось расцѣловать его.

Наконецъ пирогъ былъ истребленъ въ значительномъ количествѣ, кофе допитъ, и Лампадовъ напомнилъ князю, что пора ѣхать. Князь неохотно всталъ, расшаркался передъ Марьей Ѳедоровной и сталъ собираться домой, пожавъ руки присутствующимъ. Митя горячо обнялъ его и вдругъ совершенно измѣнившимся, взволнованнымъ голосомъ шепнулъ ему:

— Ну, спасибо, спасибо!.. Я тебѣ когда-нибудь разскажу, что я прежде думалъ...

— А что?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, это когда нибудь послѣ... Скверный я въ сущности мальчишка.

— Да что такое?

— Послѣ, послѣ!.. А теперь спасибо тебѣ... А матери своей поцѣлуй за меня всѣ, всѣ пальчики!..

— Куда же ты, куда? Сегодня холодно!—сказалъ ему князь, видя, что онъ идетъ провожать его на улицу.

— Ну да, ты думаешь, я не бѣгаю по двору въ одномъ сюртучишкѣ... Я вѣдь не ты! Ты думаешь, дрова-то со двора я въ шубѣ таскаю?—отвѣтилъ Митя.

Онъ проводилъ гостя до саней, усадилъ его и дядю въ сани и долго махалъ рукой повернувшему къ нему голову князьку.

Не прошло и получаса, какъ въ Захолустной улицѣ всѣ

знали, что у Орловыхъ былъ на именинномъ пирогѣ сынъ князя Русова. Оказалось вдругъ, что захолустенцы «доподлинно знали, что князь Русовъ самый полный генералъ отъ инфантеріи, самый что ни на есть первый милліонщикъ, у котораго самъ царь бываетъ».

— Ишь ты наши-то куда лѣзутъ!—говорили обыватели, и радуясь, и завидуя счастью Орловыхъ.

III.

Княгиня подарила Митѣ небольшіе золотые часы, а маленькій князь изящную карманную чернильницу изъ бронзы. Но Митя едва успѣлъ полюбоваться этими подарками въ день своихъ именинъ. Эти вещи въ тотъ день перешли черезъ десятки рукъ. Начиная съ Кузьминичны и кончая домовымъ дворникомъ, всѣ пересмотрѣли, что «нашему-то Митѣ» подарили князья Русовы. Всѣ со всѣхъ сторонъ перевернули эти вещи въ своихъ болѣе или менѣе грубыхъ рабочихъ рукахъ, и всѣ согласились съ тѣмъ, что «отецъ-то до сѣдыхъ волосъ дожилъ, да такихъ вещей не нажилъ, такъ что это цѣнить и помнить надо».

Но этотъ визитъ и этотъ день были знаменательны въ жизни Мити не ради этихъ подарковъ; они оставили въ душѣ мальчика неизгладимый слѣдъ; мальчикъ, правда, не сознавалъ, что совершилось въ его душѣ, но въ ней произошелъ какой-то переворотъ, крупный и рѣзкій, повліявшій значительно на всю будущую жизнь ребенка. Митя былъ весь этотъ день необыкновенно веселъ и самъ не замѣчалъ, что онъ разъ десять повторялъ одну и ту же фразу: «о, онъ очень, очень добрый мальчикъ!» Вечеромъ, когда онъ ложился спать, онъ вдругъ опять вспомнилъ, какъ онъ сомнѣвался въ томъ, что его другъ пріѣдетъ къ нему, какъ онъ предполагалъ, что князекъ брезгливо отнесется къ его обстановкѣ, и ему становилось и больно, и стыдно. Ему казалось, что онъ злой и неблагодарный человѣкъ, что онъ не умѣетъ любить и не умѣетъ вѣрить любви. Ему хотѣлось во всемъ скорѣе сознаться другу и увѣрить того, что онъ, Митя, любитъ его такъ крѣпко, крѣпко... ну, больше, чѣмъ отца и мать. Нервная, страстная натура ребенка сказывалась и тутъ, все преувеличивая, всѣмъ увлекаясь черезъ край. Митя былъ бы невообразимо счастливъ, если-бъ онъ могъ въ это время оказать какую-нибудь услугу, принести какую-нибудь жертву своему другу, чтобы на дѣлѣ засвидѣтельствовать свою преданность ему. Мальчуганъ, кажется,

разрыдался бы или выцарапалъ бы глаза тому, кто рѣшился бы сказать, что ни въ этомъ визитѣ къ нему князька, ни въ дружбѣ послѣдняго съ нимъ не было ничего необыкновеннаго, что восторгаться тутъ совершенно нечѣмъ. Но Митю никто и не разувѣрялъ, — напротивъ того, кругомъ него всѣ только и говорили объ одномъ, что «маленькій князь Русовъ видно въ отца и въ мать, что отецъ его генералъ, а такъ простъ, такъ простъ, что такихъ простыхъ людей и со свѣчей не найдешь», что «мать его и пріюты, и школы, и богадѣльни — все на свой коштъ содержитъ», что «крестьяне ихъ какъ у Христа за пазухой живутъ». О князьяхъ Русовыхъ въ Захолустной улицѣ, имѣвшей обо всемъ свои достовѣрныя свѣдѣнія, вдругъ выплыли на свѣтъ Божій цѣлыя легенды, въ родѣ легендъ о Гарунѣ-аль-Рашидѣ, ходящемъ переодѣтымъ по городу, чтобъ узнать правду о положеніи народа. Митя былъ въ восторгѣ отъ этихъ разсказовъ; они еще болѣе поднимали его душевное настроеніе. Онъ нетерпѣливо ждалъ первой свободной минуты, чтобы побывать у Русовыхъ, и впервые явился къ нимъ одинъ, безъ Лампадова, не дожидаясь приглашенія. Если бы кто-нибудь попристальнѣе взглянулъ теперь на встрѣчу двухъ юныхъ друзей, тотъ сразу бы понялъ, что между ними уничтожились навсегда всякія перегородки. Такъ встрѣчаются только любящіе братья послѣ разлуки, такъ встрѣчаются только подростки, узнавшіе впервые поэтическое чувство дружбы. У нихъ у обоихъ было такъ много чего-то такого, что̀ они хотѣли сообщить другъ другу, но все это вдругъ забылось и осталось одно чувство радости, что они вмѣстѣ. Они говорили о пустякахъ, но имъ было такъ весело, точно объ этихъ пустякахъ они только и могли наговориться другъ съ другомъ. Къ юному князьку привезли въ гости какихъ-то другихъ дѣтей, и онъ очень разсердился, что они не вовремя пріѣхали, что съ ними скука страшная, что они глупыя. Митѣ было очень пріятно сравнить, какъ относился теперь Русовъ къ нему и къ этимъ гостямъ; онъ понялъ сразу, что на своемъ мѣстѣ здѣсь онъ, а не эти дѣти важныхъ особъ. Впервые онъ чувствовалъ себя здѣсь вполнѣ дома, а не въ гостяхъ. Безсознательно онъ игралъ роль хозяина, показывалъ дѣтямъ книги князька, занималъ ихъ разговорами, и ему было весело, что онъ можетъ это дѣлать. Онъ нѣсколько разъ въ этотъ день повторилъ фразу:

— Мы съ Сашей!

Она ему очень понравилась.

Черезъ нѣсколько дней Русовы прислали за Митей экипажъ, чтобы привезти его прямо изъ гимназіи къ обѣду. Вмѣстѣ съ Митей выходилъ изъ гимназіи одинъ изъ учителей. Онъ замѣтилъ мальчику:

— Ого, какія у васъ лошади!

— Это не мои, а князя Русова,—отвѣтилъ Митя.

— Вы развѣ съ нимъ знакомы? — спросилъ учитель не безъ удивленія.

— Я съ его сыномъ друженъ,—отвѣтилъ Орловъ.

Онъ былъ радъ, что и учитель, и товарищи видѣли этихъ лошадей, этотъ экипажъ и знали, что онъ, Митя, друженъ съ княземъ Русовымъ. Онъ испытывалъ то же ощущеніе, какое испытываетъ человѣкъ, долго шедшій по трясинѣ и, наконецъ, добравшійся до твердой почвы: онъ хотѣлъ не просто идти по этой почвѣ, но надавливать на нее ногами, ступать тяжелѣе, чтобъ еще болѣе убѣдиться, что земля уже не колеблется болѣе подъ нимъ. Ему хотѣлось, чтобъ его видѣли съ князьями Русовыми не одни обыватели Захолустной улицы, не одни гимназисты и учителя, а «всѣ люди». Когда онъ впервые попалъ съ Русовыми въ театръ, ему казалось, что всѣ смотрятъ на него. Самъ не замѣчая того, онъ очень громко и слишкомъ часто говорилъ маленькому Русову «ты».

Этотъ періодъ продолжался, впрочемъ, не особенно долго: чистая юношеская привязанность скоро заглушила пустую суетность, мелочное тщеславіе, мѣщанское бахвальство. Юноша былъ слишкомъ самолюбивъ для роли приживалки и прихлебателя. Его каждый разъ сердили замѣчанія родныхъ и знакомыхъ о томъ, что Русовы — его благодѣтели, что онъ долженъ и сносить много отъ Русовыхъ, только бы они его не выгнали. Онъ всѣми силами протестовалъ противъ этого и старался держать себя независимо, на равной ногѣ съ Александромъ Русовымъ. Это было ему тѣмъ легче сдѣлать, что юный князь былъ гораздо слабѣе его по натурѣ, по характеру, и скорѣе подчинялся ему, чѣмъ подчинялъ его. Но, держась независимо, Митя все-таки чувствовалъ искреннюю привязанность къ князю. Онъ понялъ, какъ безгранична была эта привязанность въ его сердцѣ, когда онъ вдругъ узналъ, что молодой Русовъ заболѣлъ. Ни на одну минуту не промелькнуло въ его умѣ, какія послѣдствія можетъ повлечь смерть богатаго друга для него. Онъ просто боялся его потерять потому, что онъ любилъ его. Всѣхъ въ семьѣ Орловыхъ изумило горе Мити; никто изъ его домаш-

нихъ людей никогда даже и не предполагалъ, что онъ можетъ такъ сильно чувствовать. Марья Ѳедоровна замѣтила ему:

— Ну, голубчикъ, что же такъ убиваться-то! Если и умретъ князекъ, княгиня тебя теперь не забудетъ, въ память его.

— Что вы мнѣ говорите! — раздражительно воскликнулъ Митя.—Развѣ я нищій, что только о деньгахъ и могу плакать? Пусть они мнѣ ничего не даютъ, только бы онъ не умеръ! Ничего мнѣ отъ нихъ не надо, ничего! И безъ нихъ я пробью себѣ дорогу. Слава Богу, не дуракомъ родился. Я объ немъ плачу, потому что у меня никого кромѣ его нѣтъ...

Марья Ѳедоровна даже изумилась, какъ это у Мити никого, кромѣ князя, нѣтъ. А она, а сестра, а отецъ?

— Ну, чужіе-то лучше своихъ не будутъ,—не то наставительно, не то обидчиво замѣтила она.—Хороводитесь, пока малы, а подрастетъ онъ, такъ и знать, можетъ-быть, тебя не захочетъ...

Митя не слушалъ, не хотѣлъ слушать ее.

Княгиню сильно тронула привязанность мальчика къ ея сыну. Онъ ежедневно приходилъ справляться о здоровьѣ князька, онъ упросилъ княгиню со слезами на глазахъ, чтобъ она позволила ему провести ночь у постели больного, именно ту ночь, за которую такъ опасались доктора.

— Я не шевельнусь, не произнесу ни слова, — говорилъ онъ ей, цѣлуя ея руки.

Эти слезы, этотъ страстный шопотъ побѣдили княгиню, и Митѣ было дозволено продежурить вмѣстѣ съ сидѣлкой у постели больного. Больной перенесъ кризисъ и сталъ поправляться. Первый человѣкъ, которому онъ слабо улыбнулся, былъ Митя. Съ этой минуты уже не Митя просилъ, чтобъ его допускали къ больному, а за Митей посылали, если онъ запаздывалъ хоть на одинъ часъ. Князекъ и капризничалъ, и чувствовалъ себя хуже, когда около него не было его друга.

— Но ты запустишь свои уроки и совсѣмъ утомишь себя,—говорила Митѣ княгиня.

— Что мнѣ уроки, что усталость! Онъ бы только ожилъ! — говорилъ съ увлеченіемъ Митя.

Его глаза, его лицо свѣтились такимъ страстнымъ чувствомъ, что княгиня невольно засматривалась на него. Ея дѣти казались такими вялыми въ сравненіи съ нимъ.

Однажды вечеромъ онъ одинъ сидѣлъ у постели князька, страдавшаго теперь безсонницей. Больной смотрѣлъ на него съ ласковой улыбкой.

— Ты одинъ все со мной, всегда со мной!—проговорилъ онъ задушевно.—Спасибо тебѣ!

Онъ взялъ руку Мити и поцѣловалъ ее. Митя смутился.

— Что ты, что ты!—проговорилъ онъ и нагнулся поцѣловать его.

— Что-жъ, я не стыжусь... Я при всѣхъ, при всѣхъ поцѣлую тебѣ руку!—сказалъ больной.—Ты не знаешь, какъ я люблю тебя, за что я люблю тебя... Ты не знаешь, что я очень-очень несчастный!

Митя изумился этому признанію. Онъ никакъ не могъ себѣ представить, что князь можетъ быть несчастливъ.

— Ты... несчастный?—воскликнулъ онъ.

Больной вздохнулъ.

— Да, — сказалъ онъ. — Я никому, конечно, не говорю, потому что говорить о себѣ, о своихъ не слѣдуетъ, — это нехорошо, неприлично... Но тебѣ я могу все сказать, все, и о чемъ я думаю, и что чувствую... Я уже не маленькій. Мнѣ, какъ и тебѣ, четырнадцать лѣтъ...

— Мнѣ уже пятнадцать,—сказалъ Митя.

— Да, ты старше меня... Но и я не маленькій... Я все понимаю, что дѣлается кругомъ... Ты вотъ видишь, что я богатъ, и думаешь, что это счастье... А ты посмотри, я все одинъ и одинъ... Papa и maman у меня, ты знаешь, добрые, очень добрые... Это всѣ знаютъ — и знакомые, и дворовые, и крестьяне... Но я одинъ!.. У papa все дѣла, цѣлый день дѣла; у maman или гости, или комитеты. Ну, я и остаюсь одинъ... Утромъ скажешь: bonjour, maman! bonjour papa!—а потомъ ихъ и не видишь почти...

— Но у тебя столько знакомыхъ дѣтей, товарищей.

— Что это за товарищи!—воскликнулъ презрительно больной. — Такъ и кажется, что они все боятся курточки да мундиры измять. Ходятъ по стрункѣ, говорятъ, какъ ихъ научили говорить, живого слова не смѣютъ сказать.

Онъ вдругъ засмѣялся.

— Ты знаешь, съ какихъ поръ я тебя полюбилъ?—спросилъ онъ.—Съ того самаго дня, когда ты вдругъ такъ крѣпко-крѣпко обнялъ меня и поцѣловалъ въ губы при первой встрѣчѣ. Наши просто расшаркались бы и пожали бы мнѣ руку, а ты обнялъ и поцѣловалъ, точно родного... Я тебя тогда же и полюбилъ... А потомъ, когда, бывало, ты при-

ходилъ, мнѣ всегда становилось весело: ты всѣмъ интересовался, всѣмъ восхищался, тормошилъ меня, заставляя смѣяться вмѣстѣ съ тобой... Недаромъ тебя maman зоветъ: «нашъ маленькій ураганъ»...

Митя впервые слышалъ, что княгиня дала ему такую кличку.

— Ты знаешь, я не такой, какъ ты... Мосье Жобаръ зоветъ меня «кислымъ»... Рара какъ-то замѣтилъ, что я точно «нервная барышня»... Maman говоритъ, что это потому, что у меня поэтическая натура... Можетъ-быть, я не знаю... Но что-жъ дѣлать, не могу я быть веселымъ, когда мнѣ скучно... Я только при тебѣ и оживаю...

Князь тяжело вздохнулъ.

— И какъ я позавидовалъ тебѣ, когда былъ у васъ! — продолжалъ онъ.—Вы тамъ всѣ вмѣстѣ, всѣ вмѣстѣ, а тутъ, точно въ очарованномъ замкѣ — картины, статуи, цвѣты и ни души близкихъ. Только мосье Жобаръ тѣнью слѣдитъ по пятамъ, только лакеи замерли на вытяжку у дверей...

— Но у тебя есть сестры,—сказалъ Митя.

— Онѣ обѣ еще такъ малы и, притомъ, онѣ съ миссъ Пирсъ живутъ на отдѣльной половинѣ... Вѣдь у насъ не такъ, какъ у васъ; ты вонъ живешь съ сестрой въ одной комнатѣ...

Онъ вдругъ улыбнулся.

— Красавица она!—проговорилъ онъ.

— Кто это, Настя-то?—спросилъ Митя.

— Да, — сказалъ больной, кивнувъ головой. — Я maman разсказалъ все, что видѣлъ у тебя, и сказалъ, какая красавица у тебя сестра... А maman говоритъ: «О, ты уже начинаешь влюбляться!» Зачѣмъ она это сказала?.. Я и не думалъ влюбляться... Это очень скверно, что у насъ всѣ влюбляются и развратничаютъ...

— Развратничаютъ? — спросилъ Митя съ недоумѣніемъ.

— Ну, да... Отъ насъ, отъ дѣтей, хотятъ все это скрыть, но что мы знаемъ, что мы знаемъ!..

Онъ опять глубоко вздохнулъ.

— Я вотъ такъ возненавидѣлъ, такъ возненавидѣлъ одну женщину съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказали, кто она, что видѣть ея не могу.

— Кто же она?—спросилъ Митя.

— Она танцовщица въ балетѣ,—отвѣтилъ больной.—Ее зовутъ Андроновой. Ты ее видѣлъ, когда былъ съ нами въ балетѣ. Недавно мы опять были въ балетѣ. Намъ, дѣтямъ,

взяли ложу, а рара былъ въ креслахъ, у самаго прохода, у него тамъ въ первомъ ряду и кресло особое. Когда вышла Андронова, кузенъ Поль шепнулъ мнѣ: «Посмотри, какъ твой отецъ аплодируетъ»... Ты знаешь кузена Поля... того, что въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ теперь. Ему вѣдь семнадцать лѣтъ, и онъ какъ большой себя держитъ. Maman называетъ его повѣсой. Когда онъ сказалъ мнѣ про рара, я посмотрѣлъ въ ту сторону, и точно, рара аплодировалъ. «Она у него на содержаніи»,—шепнулъ мнѣ кузенъ. Я весь вспыхнулъ.—Ты лжешь,—сказалъ я:—maman такъ хороша, рара ее любитъ.—«Ну, да любитъ!—засмѣялся онъ.—А любовницу все же содержитъ. У всѣхъ у мужчинъ есть любовницы. И про это всѣ знаютъ». Мнѣ такъ стало тяжело, такъ тяжело! Maman такая добрая, такая хорошенькая, а у него любовница! Maman, должно-быть, очень это обидно, что рара любитъ другую женщину. И еще кузенъ Поль сказалъ: «А я думаю, она такъ-то его обманываетъ на сторонѣ». Скверная женщина!.. Я ее презираю, я ее ненавижу.

Онъ былъ сильно взволнованъ. Митя тоже смотрѣлъ невесело. Онъ никакъ не думалъ, чтобъ и здѣсь, среди богатства и роскоши, были свои невзгоды, свои страданія.

— И у рара тамъ есть другія дѣти отъ нея!—продолжалъ князь.—Онъ, вѣрно, все у нихъ и проводитъ время, когда говоритъ, что уѣзжаетъ по дѣламъ, а мы одни... Къ намъ онъ почти не заглядываетъ... Правда, онъ нашу Соню любитъ... Но вѣдь Соню всѣ любятъ, даже чужіе... Она такая ласковая... всѣмъ свои ручонки протягиваетъ... Вонъ и къ тебѣ, какъ только увидитъ тебя, на руки идетъ... А меня такъ рара, кажется, просто презираетъ...

— Полно!—сказалъ Митя.—Твой отецъ такъ добръ?

— Да, да, добръ, но не въ отношеніи меня... Онъ тебя больше любитъ, чѣмъ меня.

— Что это тебѣ приходитъ въ голову?

— Да, да, ужъ это такъ! Мнѣ иногда кажется, что онъ презираетъ, ненавидитъ меня... Я не знаю, почему, но я это чувствую...

Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Я радъ, что могу говорить съ тобой откровенно. Ты вотъ теперь знаешь, почему я несчастливъ... Другіе же... я имъ никогда, никогда не рѣшусь сказать этого! Кузенъ Поль вонъ смѣется и говоритъ: «Подожди годика два, и у тебя будутъ любовницы. Я въ твои годы уже завелъ интрижку

съ гувернанткой сестеръ, а потомъ проникъ въ дѣвичью въ деревнѣ. Правда, у васъ и гувернантки-то молодой нѣтъ, и дворовыхъ дѣвокъ не держите. Старуху какую-то трехъаршинную къ дѣвочкамъ взяли. А молоденькая сама научила бы тебя всему»... Онъ ужасно развратный, этотъ кузенъ Поль, и надо всѣмъ смѣется, всѣхъ чернитъ... Впрочемъ, у насъ почти всѣ такіе!.. Мосье Жобаръ тоже сторону кузена Поля держитъ, и они вмѣстѣ секретничаютъ и надо мной смѣются... Я же это вижу!

Больной долго не умолкалъ. Ему, казалось, хотѣлось высказать все, что наболѣло у него на душѣ, что онъ долженъ былъ скрывать отъ окружающихъ подъ маской приличія и спокойствія. Онъ жаловался немного плаксиво, малодушно, какъ слабая женщина. Изнѣженный, слабый и хрупкій, онъ точно просилъ помощи и защиты, ласкъ и утѣшеній.

Этотъ вечеръ оставилъ неизгладимый слѣдъ въ душѣ Мити, и юноша проникся еще большею привязанностью и благоговѣніемъ къ княгинѣ. Она представлялась ему теперь не только прелестною феей, не только безгранично доброю женщиной, но и страдалицей, безропотно выносящею свое горе. Митя удивлялся, какъ можетъ она такъ искусно скрывать свои чувства, являясь всегда съ улыбкой на лицѣ, съ словомъ привѣта на устахъ. Да она просто святая! Передъ нею нужно благоговѣть и преклоняться. Онъ такъ и сталъ смотрѣть теперь на княгиню. Его обожаніе этой женщины становилось такъ явно, такъ очевидно, что княгиня не могла этого не замѣтить, что иногда смѣшило ее, иногда смущало. Она, конечно, не знала, что Митя нашелъ и утаилъ у себя на память ея перчатку, какъ какую-нибудь святыню. Но она инстиктивно сознавала, что съ нея не спускаются глаза этого юноши, когда онъ находится въ ея присутствіи, что онъ ловитъ съ восторгомъ каждое ея слово, что онъ весь сіяетъ, когда она приласкаетъ его.

Разъ какъ-то онъ задѣлъ въ ея кабинетѣ за флаконъ и разбилъ его.

— Надо быть осторожнѣе!—проговорила княгиня, нервно вздрогнувшая отъ неожиданности.

Митя замеръ на мѣстѣ и поблѣднѣлъ, какъ полотно. Княгиня взглянула на него и испугалась. Ей показалось, что съ нимъ дѣлается дурно. Она быстро подошла къ нему и взяла его за плечи.

— Что съ тобой?—ласково спросила она.

Его душили слезы.

— Ради Бога... ради Бога... не сердитесь!—прошепталъ онъ, задыхаясь.

— Митя, Митя! какъ тебѣ не стыдно думать, что я могу разсердиться за такіе пустяки!—сказала она.

— Но это ваша вещь... ваша, а я разбилъ! — шепталъ онъ въ страстномъ волненіи.

Княгиня, улыбаясь, поцѣловала его въ голову. Онъ порывисто покрылъ поцѣлуями ея руку. Ей вдругъ стало какъ будто жутко: передъ ней стоялъ пятнадцатилѣтній юноша, а въ его поцѣлуяхъ предчувствовалась уже не дѣтская любовь.

— Дитя, у тебя все крайности, все порывы, ни въ чемъ нѣтъ мѣры, — сказала она серьезно. — Надо учиться быть сдержаннѣе, болѣе владѣть собой, подавлять внезапныя вспышки чувствъ и впечатлѣній... Такъ нельзя, это ведетъ къ неловкостямъ, можетъ стѣснять другихъ. Ты вотъ иногда такъ пристально смотришь, такъ впиваешься глазами, что дѣлается неловко. Тебѣ еще нужно быть ребенкомъ, играть, прыгать, а не...

Она вдругъ оборвала рѣчь и, потрепавъ его по щекѣ, вышла.

А онъ, не трогаясь съ мѣста, думалъ: «нужно быть ребенкомъ, играть, прыгать, а не...» Чего она не досказала? Господи, если бъ онъ могъ догадаться, онъ сдѣлалъ бы всѣ усилія, чтобъ исполнить ея совѣтъ. Но она не досказала, а онъ не догадывался! Это его мучило.

Сами обстоятельства, впрочемъ, сложились такъ, что съ нѣкотораго времени Митя сталъ рѣже видѣть княгиню: молодого князя Русова отдали въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Митѣ приходилось бывать у Русовыхъ поневолѣ только въ праздники, а въ праздники у княгини были вѣчно гости и гости.

Эта перемѣна обстоятельствъ была скорѣе благотворна, чѣмъ вредна для Мити: онъ могъ полнѣе отдаться гимназіи, менѣе развлекаясь визитами къ Русовымъ и разъѣздами съ ними по театрамъ. Онъ всегда учился хорошо, какъ учится большинство дѣтей съ сильно развитымъ самолюбіемъ. Но теперь онъ сталъ заниматься съ лихорадочнымъ рвеніемъ, стараясь заглушить безотчетную скуку, томившую его въ родномъ углѣ, гдѣ послѣ богатыхъ хоромъ князей Русовыхъ ему казалось и тѣсно, и неприглядно, гдѣ досаждали ему мелочныя заботы, знакомыя только бѣднякамъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ эти заботы начали расти очень замѣтно и главнымъ источникомъ ихъ, главною причиной ихъ была Настя. Ее уже давно пристроили въ модный магазинъ. Сначала она ходила на работу ежедневно, потомъ она начала иногда оставаться въ магазинѣ ночевать, наконецъ, она стала жаловаться на то, что ей тяжело ходить такъ далеко. Марья Ѳедоровна отчасти была бы рада отдать ее жить въ магазинъ, такъ какъ все-таки лишній ротъ убавится въ домѣ, лишнихъ же ртовъ было не мало: Орловымъ приходилось не только помогать дѣтямъ тетки Дарьи, бывшимъ въ пріютѣ, но и взять, наконецъ, къ себѣ въ домъ одного изъ ея дѣтей, Лешу, оказавшагося вполнѣ идіотомъ. Тутъ поневолѣ хотѣлось сбыть съ рукъ хоть одинъ лишній ротъ. Но, съ другой стороны, Орлова опасалась послѣдствій этой жизни.

— Избалуешься ты, дѣвка, тамъ съ товарками, — замѣтила какъ-то Орлова племянницѣ.—Тебѣ только бы съ глазъ тетки скрыться, чтобы концы схоронить. Тоже вонъ какая дылда выросла и все норовишь, какъ бы къ зеркалу подойти. Ишь, бантики да кружевца стала носить. Мы-то въ твои годы кромѣ ситцеваго платья никакихъ нарядовъ не знали. Моя мать благородная дама была, дворянка, своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ имѣла, барышней меня воспитала, а такъ-то бы отшлепала по загорбку, если-бъ я смѣла такія кудри распустить, какія ты распускаешь. Мы иной и прически въ наше время не носили, какъ гладенько волосы причешешь, да косу скромненько свернешь кренделькомъ на затылкѣ—вотъ и все. А ты, смотри, точно мамзель какая, только и думаешь, чтобы расфуфыриться.

— Да нельзя же въ магазинѣ какъ горничной ходить,— проговорила Настя въ свое оправданіе. — Къ намъ тоже господа ѣздятъ.

— На наряды ваши они смотрѣть ѣздятъ, что ли?

— Не на наряды смотрѣть, а тоже выйдешь къ нимъ замарашкой, говорить не станутъ. Наша мадамъ всегда намъ говоритъ:— «Дѣвушка должна стараться быть прилично одѣтой—это главное».

— Дура ваша мадамъ, дура! — сердито сказала Марья Ѳедоровна.—Не объ нарядахъ думать главное, а себя соблюдать—вотъ что главное.

— Да развѣ я себя не соблюдаю, тетя?—обидчиво возразила Настя.—Тоже, кажется, не маленькая, знаю, что ни за грошъ, ни за денежку пропадать не сладко.

— Соблюдаешь, соблюдаешь! — загорячилась Марья Ѳедоровна.—А самой пошелъ восемнадцатый годъ, а отъ жениховъ отказываешься. Видно не то уже на умѣ!

— Кто эти женихи-то? Лавочникъ-то Пановъ сваху подсылалъ... Такъ я еще и думать-то не стану о такомъ сиволапомъ мужикѣ!

— Глупая, глупая, да у этого-то сиволапаго мужика деньги!—съ упрекомъ сказала Марья Ѳедоровна.

— Ну, и пусть сидитъ съ своими деньгами!

— И будетъ сидѣть, тебѣ не отдастъ ихъ и плакать тоже не будетъ, что носъ отъ него воротишь.

— А мнѣ-то что, будетъ или не будетъ плакать?!.. Лавочницей-то все же не буду!

— Скажите, пожалуйста, генерала, вѣрно, ждешь! Да нынче только лавочникамъ и житье!.. Кто народъ обдуваетъ, да обвѣшиваетъ, кто съ живого и мертваго деретъ, кто капиталы сколачиваетъ, да дома строитъ? — Все лавочники... Небойсь, эти вороны не проглядятъ, всякаго заклюютъ.

Настя расхохоталась.

— Аттестовали, аттестовали жениха-то, нечего сказать! — проговорила она. — Да ужъ лучше камень на шею и въ воду, чѣмъ за такого кровопійцу идти!

— Дура, дура!—разсердилась Марья Ѳедоровна.—Ей добра желаешь, а она зубы скалитъ.

— Да вы, тетя, не сердитесь,—сказала Настя, подавивъ смѣхъ.—Я думаю, можетъ-быть, и выйду за кого-нибудь замужъ, а теперь еще рано. На шеѣ ни у кого я не сижу. Слава Богу, свой хлѣбъ заработать теперь могу. Конечно, мнѣ тяжело было, когда я знала, что у васъ кусокъ хлѣба отнимаю, да стѣсняю васъ. А теперь...

— Что же, я попрекала тебя когда кускомъ-то, что ли? — сказала Марья Ѳедоровна, обидясь въ свою очередь.

— Не попрекали, да вѣдь сама я знаю, что вамъ не легко. Вонъ и безъ меня рты у васъ на шеѣ: моимъ же сестренкамъ, да братишкѣ въ пріютъ то то, то другое тащите. Навязались мы вамъ на шею. Безъ насъ-то много бы легче было вамъ, голубушка...

— Ну полно!—обрывисто сказала Марья Ѳедоровна.—Я никому не жалуюсь, никого не попрекаю... Не чужіе вы намъ, слава Богу...

— А вотъ теперь еще Леша на шею сѣлъ...

— Ты Лешу-то въ покоѣ оставь... Леша — Божій человѣкъ. На него Господь Богъ пошлетъ...

— Пошлетъ не пошлетъ, а кормить мальчика тоже вамъ приходится.

— И накормлю... и накормлю!.. У людей Христа ради куска хлѣба для него не попрошу, какъ бы ни пришлось тяжело...

Орлова вздохнула.

— Только ты-то себя береги, дѣвка, пуще глаза береги!— проговорила она. — Разъ свихнешься съ пути, во-вѣкъ не оправишься. Тоже сама и слышала, и видѣла, какъ наша сестра-то гибнетъ. Не въ барскихъ хоромахъ росла, а на улицѣ, на народѣ, такъ знаешь, какъ да что на свѣтѣ дѣлается.

Марья Ѳедоровна начала подробно толковать о томъ, какъ гибнетъ «наша сестра», привела нѣсколько примѣровъ этихъ погибшихъ сестеръ, «въ школу ходившихъ и въ кабакѣ вѣкъ кончавшихъ».

Но Настя слушала ее разсѣянно, съ скучающимъ лицомъ; она все это сама знала, едва ли не лучше тетки, и уже давно говорила, что мужчины—всѣ «обманщики».

Довольно часто и долго повторялись эти сцены борьбы тетки и племянницы изъ-за вопроса, гдѣ жить послѣдней, дома или въ магазинѣ. Наконецъ, побѣда осталась за племянницей, и въ квартирѣ Орловыхъ убавилось еще одно лицо, близкое Митѣ. Съ Настей онъ привыкъ дѣлиться и горемъ, и радостями, и ему было тяжело разставаться съ ней. Она тоже жалѣла о немъ, только о немъ изъ всей семьи.

— Ты забѣжи какъ-нибудь ко мнѣ, — говорила она ему, обнимая и цѣлуя его на прощаньи. — Я тоже по праздникамъ буду приходить...

Она ушла. Въ квартирѣ точно пусто стало. Настя была здѣсь единственнымъ человѣкомъ, рѣшавшимся громко смѣяться, беззаботно пѣть, выкидывать шаловливыя штуки, въ родѣ навязыванія бумажки на хвостъ кошкѣ, въ родѣ танцевъ со стуломъ, въ родѣ передразниванья какого-нибудь солдата, кричавшаго на дворѣ: «Башмаковъ, башмаковъ!».

Безъ Насти прекратились и эти шаловливыя выходки, и въ домѣ воцарилось могильное затишье. Тяжелое настроеніе не ускользнуло даже отъ вниманія идіота Леши.

— Скучно вамъ, братецъ, безъ Насти? — спросилъ онъ какъ-то у Мити. — Лешѣ тоже скучно... Леша долго, долго плакалъ о Настѣ, а потомъ Ѳедоръ Гавриловичъ пришелъ и погрозилъ Лешѣ кулакомъ: «цыцъ, не смѣй плакать...» Леша замолчалъ, замолчалъ и не плачетъ...

Митя задумчиво слушалъ безсвязную болтовню идіота.

— Вы, братецъ, не скучайте, Леша будетъ съ вами,—продолжалъ идіотъ. — Леша васъ очень любитъ... Вы Лешѣ вотъ пряники носите, яблоки, а Леша васъ любитъ...

Митя приласкалъ мальчика, тотъ прижался къ нему, какъ жмутся котята, когда ихъ гладятъ.

— А хорошо у васъ братецъ сапоги вычищены?—таинственно спросилъ онъ.

— Хорошо. А что?

— Это я чистилъ-съ!

— Ты? Зачѣмъ же? Это дѣло кухарки...

Орловы уже держали служанку, такъ какъ Марьѣ Ѳедоровнѣ было трудно справляться одной съ хозяйствомъ.

— Леша не дастъ кухаркѣ, не дастъ кухаркѣ чистить сапоги братца... Леша самъ вычиститъ... Братецъ добрый, пряники носитъ, яблоки носитъ. Леша все ему самъ сдѣлаетъ...

— Добрый ты мальчикъ,—ласково сказалъ Митя.

— Добрый, добрый... А Ѳедоръ Гаврилычъ все ругается, бьетъ Лешу... Больно бьетъ!

Въ голосѣ идіота послышались слезы.

— Ну, полно, полно, я прогоню Ѳедора Гаврилыча, — сказалъ Митя.

— Прогоните Ѳедора Гаврилыча? А онъ и васъ прибьетъ?.. Не надо, не надо!.. Пусть ужъ меня только, пусть! — проговорилъ идіотъ.

Онъ былъ жалокъ.

На видъ Леша казался здоровымъ мальчикомъ. Бѣлый, краснощекій, полный и высокій, онъ былъ даже красивъ. Въ немъ поражали только безсмысленное выраженіе глазъ и улыбка, постоянно блуждавшая на его лицѣ. Эта улыбка была какою-то глуповатою и въ то же время плаксивою. Впрочемъ, немногаго было и нужно, чтобы мальчикъ перешелъ отъ этой улыбки къ горькимъ слезамъ. Присмотрѣвшись поближе къ нему, легко было замѣтить, что онъ не развитъ ни въ физическомъ, ни въ умственномъ отношеніяхъ. Онъ былъ только толстъ и высокъ, но формы тѣла оставались дѣтскими, непропорціональными. Онъ говорилъ довольно внятно, говорилъ обо всемъ, о чемъ говорятъ взрослые, но по смыслу это была болтовня ребенка. У него былъ страшный призракъ, вѣчно пугавшій его. Этотъ призракъ былъ Ѳедоръ Гавриловичъ, солдатъ, содержавшій тотъ уголъ, гдѣ жилъ Леша въ дѣтствѣ съ матерью. Вѣроятно,

пинки и потасовки Ѳедора Гавриловича были настолько ужасны, что воспоминаніе о нихъ навсегда осталось въ памяти идіота, и при каждомъ удобномъ случаѣ страшный образъ возставалъ снова предъ его глазами. На всѣхъ окружавшихъ Леша производилъ подавляющее впечатлѣніе скорби, пробуждалъ жалость, вызывалъ слезы,—такъ онъ былъ безпомощенъ и, сверхъ того, кротокъ и пугливъ. Марья Ѳедоровна говорила, что у нея «сердце поворачивается», когда она на него смотритъ. Не весело было смотрѣть на него и Митѣ, но онъ не рѣшался ни гнать его отъ себя, ни бѣжать отъ него, когда онъ чуть не плача просилъ Митю взять его вмѣстѣ погулять. Онъ привязался къ Митѣ, какъ собачонка. Онъ заглядывалъ ему въ глаза и угадывалъ его настроеніе. Онъ старался предупредить его желанія и услужить ему. Иногда онъ на цыпочкахъ выходилъ изъ комнаты Мити и махалъ присутствующимъ рукою.

— Тише, тише!.. Братецъ книгу учитъ,—говорилъ онъ, унимая разговаривающихъ.

Если присутствующіе не умолкали, онъ начиналъ волноваться.

— Братцу не выучить книги... Ѳедоръ Гаврилычъ придетъ, братца бить будетъ,—отрывисто произносилъ онъ, и его улыбающееся лицо становилось все печальнѣе и тревожнѣе, а затѣмъ уже слѣдовалъ и горькій плачъ.

Ужъ съ весны онъ сдѣлался неизмѣннымъ спутникомъ Мити, любившаго бродить то по Петергофскому шоссе, то по Екатерингофу, то по берегу Обводнаго канала, то около тоней близъ заводовъ Берда. Митя любилъ эти мѣста, гдѣ жила родная ему голь, гдѣ тянулись тѣ же заборы, стояли тѣ же лачуги, виднѣлись въ окнахъ тѣ же бальзамины, олеандры, кактусы, золотыя деревья, геранiи, какъ у нихъ въ Захолустной улицѣ. Онъ любилъ и деревянные мостики съ канавками и травой по сторонамъ, и тишину немощенныхъ и пыльныхъ переулковъ, и играющихъ въ бабки ребятишекъ, и группы женщинъ и мужчинъ у воротъ, гдѣ идутъ толки, слышатся звуки гармоникъ, грызутся подсолнечныя сѣмячки. Все это напоминало ему его родину, его дѣтство, его мечты о благодѣяніяхъ человѣчеству. Можетъ-быть, если-бъ онъ самъ не жилъ этою жизнью, не видѣлъ ся такъ близко, онъ никогда бы и не дошелъ до этихъ грезъ. А эти грезы помогли ему учиться, помогли ему стать на дорогу, помогли ему настолько выработать себя, что онъ глядѣлъ теперь впередъ безъ сомнѣній и боязни, самонадѣянно

и бодро. Онъ вступалъ въ жизнь, какъ смѣлый дуэлистъ, вызывающій на бой противника—общество. Можетъ-быть, онъ полюбилъ и идіота Лешу отчасти за то, что Леша былъ жертвой захолустенской жизни, что Леша былъ живымъ свидѣтельствомъ того, до чего легко могъ бы при другихъ условіяхъ дойти и Митя, что Леша въ своей болтливости все ярче и ярче рисовалъ и воскрешалъ передъ Митей картины жизни, переживаемой голью, и поднималъ въ его душѣ снова высокія мечты о борьбѣ за ближнихъ. Во время долгихъ прогулокъ, Леша, чинно выступая рядомъ съ Митей, обыкновенно болталъ не умолкая,— болталъ по поводу всего, что встрѣчали его глаза. Плакалъ ли на улицѣ ребенокъ, Леша тотчасъ же начиналъ разсказывать:

— Я плачу, а Ѳедоръ Гаврилычъ говоритъ: «не реви, подлецъ!»—и по головѣ, по головѣ долбитъ, все въ темя, все въ темя... я еще пуще. Я плачу, а онъ еще долбитъ... Я, братецъ, всегда буду плакать, когда меня долбить будутъ въ темя... Мнѣ больно, братецъ, я потому и плачу... А не то я вотъ возьму да и уйду на чердакъ и повѣшусь, какъ отецъ... Ѳедоръ Гаврилычъ только узнаетъ, пронюхаетъ это, вынетъ изъ петли—и опять, опять начнетъ долбить въ темя, все въ темя... Онъ и поджечь не дастъ: смотритъ, какъ я подкладываю огонь, и хвать меня за руку... «Ты, говоритъ, что это, подлецъ!» — и опять долбитъ, и опять долбитъ...

Митя зналъ, что это были не галлюцинаціи, а дѣйствительныя воспоминанія: Леша въ дѣтствѣ пробовалъ разъ повѣситься, а потомъ хотѣлъ поджечь домъ; оба раза былъ накрытъ Ѳедоромъ Гавриловичемъ. Иногда разсказы Леши становились болѣе ясными и осмысленными, въ особенности когда онъ разсказывалъ о пріютѣ.

— Меня тамъ, братецъ, много наказывали прежде,—разсказывалъ онъ.—Другимъ кисточки навѣсятъ, синенькія и красненькія кисточки, а мнѣ ничего. «Ты, говорятъ, лѣнивый». Поставятъ въ уголъ на колѣнки и велятъ стоять, а другіе съ кисточками играютъ, бѣгаютъ. А я на колѣнкахъ стою и плачу, а Ѳедоръ Гаврилычъ въ окно смотритъ и языкъ мнѣ показываетъ, дразнитъ, значитъ, меня, что я безъ кисточекъ стою въ углу. А потомъ мадамъ перестала меня и въ уголъ на колѣни ставить, когда узнала, что я глупый. «Съ тобой, говоритъ, и заниматься нечего, потому ты дуракъ!» И со всѣми занимается, говоритъ, а со мной нѣтъ. «Ты, говоритъ, дурачокъ». И всѣ стали меня дурач-

комъ звать. Ущипнутъ или за волосы дернутъ и кричатъ: «дуракъ, дуракъ!» А я плачу, плачу. Тетя придетъ, а я плачу, горько, братецъ, плачу, чтобы тетя взяла меня... А она и сама плачетъ, а меня не беретъ, не беретъ, а другіе опять щиплютъ и за волосы дерутъ... Потомъ вдругъ пришла тетя съ Ѳеопемптомъ Григорьевичемъ, показала ему меня; поговорилъ онъ со мной, покачалъ головой и такъ и ушелъ... А тамъ и повезли меня далеко, далеко къ горбатымъ...

Дѣло въ томъ, что Марья Ѳедоровна, видя, что Леша не можетъ учиться, принуждена была взять его изъ пріюта. Она посовѣтовалась съ Лампадовымъ, и тотъ, увидавъ Лешу, замѣтилъ, что мальчика надо пристроить въ убѣжище для калѣкъ, куда и свезли Лешу.

— Вотъ-то, братецъ, мнѣ тамъ было страшно!—продолжалъ онъ.—Тамъ такихъ, какъ мы съ вами, братецъ, нѣтъ... Тамъ другіе человѣки... Кто объ одной ногѣ, кто совсѣмъ ползкомъ безъ ногъ ползаетъ, кто съ горбами ходитъ: и тутъ горбъ, и тамъ горбъ,—а кто однимъ глазомъ смотритъ... Стра-шно!.. И всѣ злые, злые!.. Всѣ ругаются, всѣ дерутся, а сторожъ придетъ и кричитъ: «цыцъ, уроды проклятые!».. Сторожъ съ усами, братецъ, съ большими усами... Вотъ-то я, братецъ, тамъ боялся и плакалъ... Ночью, братецъ, Ѳедоръ Гаврилычъ разбудитъ меня, взгляну я кругомъ, а они какъ мертвецы лежатъ, бѣлые, бѣлые, и все съ горбами, все съ горбами... Разъ, братецъ, на меня рубашку съ большими рукавами надѣли и связали...

— Ты, вѣрно, дрался?—сказалъ Митя.

— Нѣтъ, братецъ, меня били, били, а тутъ Ѳедоръ Гаврилычъ пришелъ, въ углу стоитъ и подуськиваетъ: «бейте, бейте!»—Ну, я и сталъ кричать, кричать, кричать... бросился на полъ и бьюсь, и бьюсь... А надзиратель пришелъ и сторожа позвалъ... Сторожъ пришелъ и надѣлъ рубашку на меня и связалъ... А сторожъ, братецъ, съ усами... Страшно!.. Я тогда, какъ тетя пришла, сталъ плакать, плакать и ей все разсказалъ... И надзиратель ей все разсказалъ, и сторожъ ей все разсказалъ... А тетя заплакала и говоритъ: «Кровопійцы, злодѣи, ангельскую душу мучаете!»... Это я, братецъ, ангельская душа...

Леша понизилъ голосъ:

— Ахъ, братецъ, братецъ, какая тетя добрая: я заплачу—и она заплачетъ, я захочу чего-нибудь—и она дастъ... Я, братецъ, все для нея сдѣлаю, все... Вотъ я и теперь тихонько

учусь чулки вязать; это я для тети, братецъ... Она говоритъ: «чулокъ себѣ некогда связать», а я и свяжу... Я, братецъ, не дуракъ,—я понимаю... Вотъ и вы... вы меня ласкаете, а я все для васъ готовъ...

Леша начиналъ признаваться въ любви къ Митѣ, къ Аннѣ Андреевнѣ, къ Марьѣ Ѳедоровнѣ, ко всѣмъ, кто не обижалъ его. Митя чувствовалъ къ нему состраданіе, и ему было сладко заботиться объ этомъ безпомощномъ существѣ.

Прогулки Мити съ Лешей были продолжительны и часты. Митя въ часы, свободные отъ занятій, отъ чтенія, болѣе всего любилъ эти прогулки. Иногда къ двумъ юношамъ присоединялся старикъ Лампадовъ, ходившій довольно тихо, но зато не знавшій усталости. Разъ во время одной изъ такихъ прогулокъ Митя замѣтилъ дядѣ:

— Русовы, дядя, нынѣшній годъ уѣзжаютъ въ деревню.

— Знаю,—отвѣтилъ старикъ.

— Александръ меня приглашалъ ѣхать съ ними...

— Ну, и что же, поѣдешь?

— Нѣтъ, дядя, не поѣду...

— Что такъ?

— Я урокъ нашелъ на лѣто...

— А!.. ну да, поди, какой-нибудь грошовый?

— Восемь рублей въ мѣсяцъ...

— За ежедневные уроки?

— Да.

— Ну, изъ-за этого, братъ, не стоитъ отказываться отъ поѣздки. У Русовыхъ чудесное имѣніе...

Леша вдругъ встревожился и вмѣшался въ разговоръ:

— Братецъ, вы уѣдете?.. Леша опять одинъ будетъ... Леша, братецъ, плакать будетъ...

Митя ласково улыбнулся въ отвѣтъ броту.

— Нѣтъ, Митя не уѣдетъ и Лешѣ не придется плакать.— отвѣтилъ онъ. — Что-жъ грѣха таить, — обратился онъ къ Лампадову:—была минута, когда хотѣлось, очень хотѣлось, дядя, ѣхать, — ну, а вотъ пришелъ домой, поговорилъ съ матерью, съ сестрой, съ Лешей, увидалъ тебя, дядя,—нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ весельемъ въ чужомъ дому, когда вы не будете веселиться...

Лампадовъ шелъ молча.

— Знаешь, дядя, — продолжалъ въ раздумьи Митя: — я часто мечтаю о веселой и вольной жизни, но всегда мечты слагаются такъ, что весело и вольно живется не одному мнѣ, а всѣмъ намъ вмѣстѣ. Не могу я представить себя

счастливымъ, когда буду знать, что вамъ всѣмъ живется и не сладко, и не весело... Да и свободнѣе мнѣ здѣсь, не стѣсненъ я тутъ. Здѣсь я что хочу, то и дѣлаю: читаю, учусь, гуляю,—а тамъ надо бы было дѣлать то, что другіе захотятъ. Ты бы вѣдь такъ же на моемъ мѣстѣ поступилъ?

— Да,—отвѣтилъ Лампадовъ.

Митя былъ очень доволенъ своимъ рѣшеніемъ и не могъ пожаловаться на скуку въ это лѣто: онъ много читалъ, много гулялъ, много веселился, какъ веселятся юноши въ его положеніи. Какая-нибудь поѣздка на лодкѣ на острова, рыбная ловля гдѣ-нибудь около Гутуевскаго острова, прогулка пѣшкомъ къ Сергію съ ночлегомъ въ крестьянской избѣ—все это доставляло неисчерпаемый источникъ дешевыхъ удовольствій. Иногда Лампадовъ спрашивалъ его:

— А, поди, ты иногда жалѣешь, что не уѣхалъ къ Русовымъ въ деревню?

— Нѣтъ, дядя, тамъ я соскучился бы, а здѣсь и скучать некогда.

И онъ не лгалъ. Онъ не разъ задумывался надъ вопросомъ, гдѣ было бы ему лучше: въ деревнѣ у Русовыхъ или дома,—и всегда приходилъ къ заключенію, что здѣсь лучше, потому что здѣсь онъ самъ себѣ господинъ, потому что здѣсь онъ свободенъ, потому что здѣсь все слишкомъ близко и дорого ему. Въ немъ начало пробуждаться новое чувство—чувство гордости бѣдняка. Онъ былъ доволенъ этимъ чувствомъ. Онъ немножко носился съ нимъ, щеголялъ имъ. Подъ вліяніемъ этого чувства и чувства полной свободы и независимости онъ началъ впервые въ это лѣто писать стихи. Это были первые неумѣлые опыты, но въ нихъ уже звучали нотки, въ которыхъ сказывался его характеръ, его душевный строй. Особенно долго онъ носился съ слѣдующими четырьмя строчками, выливнимися изъ-подъ его пера и выражавшими вполнѣ его тогдашнія чувства:

Тѣсенъ ты, мой уголокъ,—
Тѣсенъ, но все же ты мой;
Черствъ этотъ хлѣба кусокъ,
Но это—хлѣбъ трудовой.

IV.

— Аня, Что это съ нашимъ отцомъ-то дѣлается?—со вздохомъ говорила однажды Марья Ѳедоровна, сидя вечеромъ съ дочерью за работой.

— Я ничего не замѣчаю такого особеннаго,—отвѣтила

Анна Андреевна, низко наклоняя слегка зарумянившееся лицо къ шитью.

Она давно уже замѣчала, что дѣлается съ отцомъ; но она старалась это скрыть, не думать объ этомъ. Андрей Ивановичъ съ нѣкоторыхъ поръ какъ будто совершенно стушевался въ домѣ. Его почти не видала семья, о немъ почти не говорили, его точно не было.

— Какъ не замѣтить-то, какъ не замѣтить!—произнесла Марья Ѳедоровна.—Посторонніе люди — и тѣ, чай, видятъ. Сегодня навеселѣ, завтра въ куражѣ... Этого, мать моя, не скроешь. Нѣтъ, это всѣ видятъ. И съ чего это онъ началъ, съ чего?

— Можетъ-быть, такъ... въ компаніи вчера былъ,— тихо отвѣтила дочь.

— Вчера, вчера! Да развѣ я о вчерашнемъ днѣ говорю? Ну, вчера на именинахъ былъ, третьяго дня обрученье было у знакомыхъ. А четвертаго дня, а на прошлой недѣлѣ?.. Да ты вспомни, когда мы его въ своемъ видѣ-то видѣли?

Дочь тоскливо молчала. Она знала лучше матери, что это горе началось не сегодня, не вчера. Она не знала, какъ и когда это началось; но она знала, что отецъ давно уже началъ попивать, быть-можетъ, съ самаго пожара или со смерти дѣдки, или со смерти тетки Дарьи, или съ того времени, когда въ ихъ домъ начали такъ часто заглядывать разные барскіе горничныя и лакеи.

— И не поймешь, съ чего это на него такая полоса нашла: не то съ горя, не то съ радости,—продолжала Марья Ѳедоровна, какъ бы думая вслухъ.—Ну, точно, много мы горя пережили, много. Теперь и не вѣрится, что все это перенести хватило силъ. Съ этого, пожалуй, и запить было можно. Ну, а теперь? Теперь радоваться только надо, что все впередъ идетъ, все не изъ дому, а въ домъ несется. Теперь надо бы думать, какъ бы на старость лѣтъ, на черный день лишнее сберечь, а не пропивать денегъ-то. Кабаки-то да трактиры—это бездонная пропасть, ея не забучишь: сколько ни клади въ нее денегъ, она все высосетъ, все!

Аннѣ Андреевнѣ щемило сердце. Она тихо, молящимъ голосомъ, возразила матери:

— Мама, да вѣдь отецъ же не такой пьяница. Если онъ...

— Не пьяница,—перебила ее Марья Ѳедоровна, раздражительно:—не пьяница!.. Да чего же еще нужно: чтобы онъ по улицамъ сталъ валяться, по участкамъ ночевалъ, съ бу-

дочниками домой приходилъ? Нѣтъ, ужъ если еще этого дождаться надо, такъ пусть лучше Господь заранѣе приберетъ, чтобы глаза мои не видали этого, чтобы передъ людьми не краснѣть... Вотъ, намедни, со стыда я сгорѣла, когда мнѣ сосѣдка со смѣхомъ сказала: «А вашъ Андрей Ивановичъ-то на именинахъ былъ, подкутили, вѣрно... Двери домой сыскать не могъ,—сосѣди помогли войти!» Да вѣдь такъ вся улица скоро намъ бока будетъ мыть...

— Ну да, другіе-то развѣ не пьютъ? Всѣ пьютъ!— отрывисто сказала Анна Андреевна.

— Всѣ, всѣ... Такъ что про нихъ и говорятъ?—замѣтила Марья Ѳедоровна.—Что-жъ, дождаться, чтобъ и намъ такъ же бока стали перемывать? Хорошая-то слава лежитъ, а дурная бѣжитъ. Сегодня скажутъ, что пьянымъ его видѣли, завтра будутъ говорить, что дома скандалъ подняли, придумаютъ еще, что драться начали...

— Мама,—молящимъ голосомъ сказала Анна Андреевна:— вѣдь онъ же мухи не обидитъ въ пьяномъ видѣ.

Марья Ѳедоровна вдругъ расплакалась.

— Знаю я, знаю я, маточка ты моя, каковъ онъ въ пьяномъ видѣ!—заговорила она.—Дитя точно малое, плачетъ, прощенья проситъ, сердце надрываетъ. Да это-то меня и терзаетъ, это-то мнѣ и душу выматываетъ. Ну, какъ я пьянаго вразумлю, какъ я ему все выскажу. Вѣдь все равно не поймётъ. А посмотри, каковъ онъ трезвый-то сталъ: ночь, ночь темная! Не подступись къ нему, не заговори съ нимъ. Нахмуривъ брови, глядитъ исподлобья, точно всѣхъ съѣсть хочетъ. Разъ я стала наставлять, а онъ какъ взглянетъ на меня звѣремъ да и буркнулъ: «Что, я глупѣе тебя, что не понимаю, что хорошо, что худо». Я его стала разспрашивать, съ чего это онъ, какое такое горе его грызетъ, а онъ какъ-то ехидно усмѣхнулся да и говоритъ: «А ты вотъ недѣльку послужи на моемъ мѣстѣ, да потомъ и спрашивай!» Такъ каково мнѣ, Аня? Пьянаго усовѣщевать—воду въ ступѣ толочь, трезвому выговаривать — на брань да ссору лѣзть. Вотъ ты тутъ и дѣлай, что хочешь. Я вѣдь знаю, хорошо знаю: ужъ онъ если что заберетъ въ голову, такъ не скоро вышибешь. Такой ужъ нравъ у него,—полосами на него все находитъ...

Марья Ѳедоровна смолкла на нѣсколько минутъ, утирая слезы и сморкаясь. Наконецъ, она вздохнула и снова принялась за работу. Но у нея на душѣ было слишкомъ тяжело, чтобы молчать, чтобы не высказать всего дочери.

— Знаешь что, Аня,—сказала она:—я къ гадалкѣ ходила.

— Маменька, не грѣхъ ли,—начала Анна Андреевна.

Мать ее перебила:

— Знаю, сама знаю, что грѣхъ, да что мнѣ въ томъ? Душу бы продала, чтобъ этого не было, чтобъ и въ семьѣ миръ былъ, и въ людяхъ толковъ не было... Ну, пошла я, узнать хотѣла, не испортили ли его... «Нѣтъ,—говоритъ гадалка:—а что горе на сердцѣ и печаль великая у самаго этого короля». Стала я разспрашивать, нельзя ли его вылѣчить. Дала она совѣтъ, не одинъ дала...

Марья Ѳедоровна оборвала рѣчь и задумалась.

— Ну, и что же?—спросила Анна Андреевна.

— Мошенницы всѣ эти гадалки!—рѣзко сказала она.— Идешь, чтобы душу только отвести, чтобы хоть обмануть себя, а ждать отъ нихъ нечего,—вздоръ мелютъ, вздоръ... «Возьмите, говоритъ, земли съ могилы раба божія Андрея и положите въ вино, а не то, говоритъ, девятью клопами настойте водку, а то»... Такихъ гадостей насовѣтовала, что и говорить-то тошно... Да ничего изъ этого не вышло и не выйдетъ... Тоже не дура же я, понимаю же я это...

Она задумалась и начала говорить совсѣмъ тихо:

— Господи, Господи! давно ли было время, когда всѣ только и говорили: «Вотъ примѣрные люди, вотъ почтенная семья, сейчасъ видно, что благородные». Благородные... Хамамъ кланяемся, по кабакамъ шляемся, дома другъ съ другомъ, какъ кошка съ собакой, живемъ... Что мудренаго, что Настя ушла. Не сладко ей, чай, было ласковаго слова не слыхать, добраго взгляда не видать. А до ласковыхъ ли словъ, до привѣта ли, когда на сердцѣ кошки скребутъ?.. Вонъ и Митя тоже все норовитъ изъ дому, да изъ дому... Отъ радостей не бѣгутъ, отъ доброй семьи не уходятъ...

— Митя насъ всѣхъ любитъ,—вступилась Анна Андреевна за брата.

— Знаю, знаю, что любитъ. Потому и тяжело ему на все это смотрѣть. Мальчикъ-то умный, все видитъ, все понимаетъ...

Въ комнатѣ воцарилось то тяжелое молчаніе, когда присутствующіе вполнѣ понимаютъ, что они молчатъ не потому, что имъ нечего сказать, а потому, что имъ уже слишкомъ тягостно говорить. Это молчаніе является безмолвнымъ продолженіемъ начатаго разговора: оно сопровождается то выкатившеюся изъ глазъ слезою, то подавленнымъ вздо-

хомъ, то скорбнымъ покачиваніемъ головой. Въ сущности, оно тяжелѣе мучительныхъ громкихъ рыданій, ропота и жалобъ. Мать и дочь въ этотъ вечеръ коснулись какъ разъ самыхъ больныхъ своихъ мѣстъ: загулы отца семьи, пребываніе Насти въ магазинѣ, почти постоянное отсутствіе изъ дому Мити—все это мучило и грызло ихъ, хотя онѣ покуда молчали объ этомъ, хранили это одна отъ другой втайнѣ. Мать, когда ей становилось не по силамъ тяжело, бѣгала тайкомъ къ ворожеямъ, къ гадальщицамъ, къ юродивымъ, она разыскала и отставного солдатика-еврея, гадавшаго подъ Смольнымъ по какой-то таинственной старой книгѣ, и Корабельщикову, гадавшую на картахъ въ Колокольной улицѣ, и юродивую Мароушу, жившую на Пряжкѣ и говорившую всякія несообразности. На время ей дѣлалось легче, а тамъ тоска опять подступала къ сердцу, давила его, сосала, какъ какой-то червь, высасывающій, не отдыхая ни на минуту, кровь. Дочь, когда горе душило ее, молилась по цѣлымъ часамъ въ своей комнатѣ—на колѣняхъ, съ земными поклонами, со слезами, до устали, до изнеможенія—и тяжелый сонъ, сонъ усталаго человѣка, смежалъ ея вѣжды, а потомъ... потомъ опять по утру являлись тѣ же думы, тѣ же сомнѣнія, тѣ же печали. Обмануть себя въ горѣ можно только на время. Не тѣ ли же попытки дѣлалъ и Андрей Ивановичъ Орловъ, заливая виномъ и водкой обиды, вынесенныя отъ просителей, рѣзкіе выговоры, услышанные отъ начальства, упреки самолюбія, смутно терзавшіе его душу, когда ему приходилось холопствовать передъ холопами, выжимать грошовыя взятки у нищихъ, сознавать, что онъ уже не прежній скромный, простой, но честный служака, а проныра, пролазъ, лихоимецъ, грязная и продажная душа? Всѣ эти люди, по своему положенію, по своему воспитанію, по своей прошлой жизни, вышли давно изъ того состоянія дикарей, въ которомъ добро и зло, пороки и добродѣтели, низость и гордость—все это различается очень смутно или даже не различается вовсе; но въ то же время они не доросли до того умственнаго и нравственнаго развитія, когда люди умѣютъ уже ясно и отчетливо высказать то, что ихъ волнуетъ, къ чему они стремятся, что нужно устранить въ ихъ жизни. Они мучились, что имъ живется не такъ, какъ бы имъ хотѣлось; но въ то же время они не могли ясно и точно опредѣлить, какъ бы имъ хотѣлось жить. Вслѣдствіе этого въ домѣ царствовало какое-то неопредѣленное раздраженіе, какая-то безпредметная тоска, какія-то

смутныя жалобы. Митя какъ-то разъ сказалъ Лампадову, что у нихъ въ домѣ точно кого-то постоянно отпѣваютъ и хоронятъ, и онъ былъ правъ. Въ домѣ, казалось, былъ какой-то невѣдомый покойникъ, котораго никто не видѣлъ, но всѣ оплакивали. Отъ этого настроенія бѣжала Настя, отъ этого же настроенія старался скрыться Митя. Дома его точно что-то угнетало и давило. Ему вспоминались слова молодого Русова о томъ, что онъ, князь Русовъ, позавидовалъ жизни Мити, гдѣ такъ уютно; гдѣ всѣ вмѣстѣ, тогда какъ онъ, князь Русовъ, готовъ бы бѣжать изъ своихъ золоченыхъ, вѣчно пустыхъ хоромъ. «А вотъ теперь и мнѣ хочется бѣжать изъ моего уютнаго гнѣзда, гдѣ всѣ вмѣстѣ гнетутъ другъ друга»,—думалось Митѣ. Онъ еще не зналъ, что такихъ бѣглецовъ, какъ онъ и князь Русовъ, можно встрѣтить у насъ на каждомъ шагу. Одинъ бѣжитъ отъ грубаго самодура-отца, другой скрывается отъ пустой гуляки-матери, третьяго гонитъ изъ дому нищенская обстановка, четвертый чувствуетъ себя забытымъ и заброшеннымъ дома.

Этимъ отщепенцамъ семейнаго очага нѣтъ конца, нѣтъ счету. Они бѣгутъ искать утѣшенія, отдыха, простора внѣ своего семейнаго дома и имъ открываетъ свои объятія товарищество. Оно знакомитъ ихъ съ иною жизнью: пробуждаетъ ихъ умъ къ новымъ интересамъ, зарождаетъ въ ихъ душѣ невѣдомые еще ей проклятые вопросы, заводитъ ихъ въ притоны разврата, научаетъ ихъ кутежу, даетъ тотъ или другой исходъ, то или другое направленіе кипучимъ молодымъ силамъ. Менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ находится у насъ подъ контролемъ старшихъ это товарищество молодежи; и это товарищество, и эта молодежь являются у насъ какъ-то особнякомъ отъ взрослыхъ, какимъ-то тайнымъ сообществомъ, какимъ-то обществомъ заговорщиковъ. Никто изъ взрослыхъ не знаетъ, въ какомъ направленіи работаютъ умы этой молодежи, къ чему она стремится, гдѣ очутится, узнаются только послѣдствія: одинъ кружокъ вдругъ дѣлается шайкой безшабашныхъ кутилъ, другой организуется въ какую-нибудь банду червонныхъ валетовъ, третій вдругъ является кружкомъ недовольныхъ, заговорщиковъ, политическихъ агитаторовъ. Начинается разборъ, кто «совратилъ съ пути» эти юные умы, кто далъ имъ то или другое направленіе, кто довелъ ихъ до той или другой цѣли. Отвѣтъ одинъ: товарищи, но не отцы и не матери,—отцы и матери даже не подозрѣвали того, что дѣлали товарищи. Разверните хронику разныхъ процессовъ,

въ которыхъ фигурировала молодежь, и вы найдете въ нихъ именно этотъ отвѣтъ. Митя тоже примкнулъ къ товариществу, началъ мало-по-малу вращаться въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ молодежи. Онъ читалъ книги, предпринималъ экскурсіи, отправлялся на прогулки съ этою молодежью. Онъ былъ уже не ребенокъ по лѣтамъ и еще менѣе ребенокъ по развитію. Его умъ уже занимали недѣтскіе вопросы, и онъ искалъ на нихъ отвѣта вездѣ—въ книгахъ, у взрослыхъ, у молодежи, у товарищей. Хороша или дурна была эта окружавшая его молодежь—рѣшить огуломъ трудно; тутъ были, какъ и вездѣ, и дрянненькія личности, и серьезные работники, и богатые, и бѣдные. Но дѣло было не въ характерахъ этихъ личностей, а въ томъ, что̀ ихъ занимало, о чемъ больше всего говорилось въ ихъ кружкахъ.

Если бы присмотрѣться, не зная текущихъ событій, къ этимъ подросткамъ и юношамъ, то мы были бы странно поражены: дѣти играли въ солдатъ, юношей учили маршировать, разговоры вертѣлись на побѣдахъ и пораженіяхъ, изъ рукъ въ руки переходили картинки военнаго содержанія, всѣми наизусть выучивались вызывающіе на бой стихи, и среди всего этого слышалось чаще всего одно грозное слово: «война». Не было положительно ни одной школы, ни одной улицы, ни одного двора, гдѣ мелкота не изображала бы солдатъ, не маршировала бы, не вела бы сраженій. Это была своего рода эпидемія: даже захолустные ребята дѣлились на турокъ, англичанъ, французовъ и русскихъ; даже они возвращались по вечерамъ домой ранеными съ полей битвъ, то съ синякомъ подъ глазомъ, то съ шишкой на лбу. Это была та страшная эпоха, когда всѣ неожиданно узнавали, что Россія очутилась вдругъ одна передъ лицомъ нѣсколькихъ націй, грозившихъ ей разгромомъ, уничтоженіемъ. Всѣ спрашивали, изъ-за чего началась война? Почему всѣ противъ насъ? Отчего у насъ нѣтъ союзниковъ? А что же нѣмцы,—мы вѣдь нѣмцамъ всегда помогали? Возьмутъ ли Одессу, Севастополь, Кронштадтъ, Петербургъ? Что тогда будетъ? Вопросамъ не было конца, и съ каждымъ новымъ пораженіемъ настроеніе дѣлалось все печальнѣе и мрачнѣе. Люди приходили въ уныніе и ужасъ, видя, какъ строятся ни на что ненужныя и негодныя, но тѣмъ не менѣе напоминающія о возможности взятія Петербурга батареи и укрѣпленія гдѣ-нибудь на «Стрѣлкѣ» Елагинскаго острова. На эти батареи и укрѣпленія тратились

тысячи: значитъ, Петербургъ въ опасности,—вѣдь не стали же бы даромъ бросать деньги. Куда же бѣжать, если возьмутъ Петербургъ? Правда, вездѣ и всюду пестрѣли лубочныя картины, изображавшія наши подвиги, нашихъ героевъ, каррикатуры враговъ. Правда, ежедневно появлялись новыя стихотворенія съ сильной патріотической окраской, написанныя институтками, непризнанными поэтами, ловкими аферистами. Но странно, что все это—и картины, и стихи—было безвкусно и баздарно, суздальски-ярко и грубо-риторично, и на всѣ эти похвальбы и угрозы какъ бы страшнымъ отвѣтомъ служили смутные слухи о пораженіяхъ и неудачахъ, объ опасностяхъ. Всѣ повторяли стихи Каратыгина: «Вотъ, въ воинственномъ азартѣ, воевода Пальмерстонъ поражаетъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ»; всѣ смѣялись, когда Самойловъ, балаганничая, распѣвалъ ломанымъ чухонскимъ языкомъ: «Лайба былъ моя не пустъ», и у всѣхъ вдругъ сжималось сердце, когда доносилось: «столько-то раненыхъ, столько-то убитыхъ».

— Десять убитыхъ и двадцать раненыхъ—это только такъ пишутъ. Вырѣзали цѣлый полкъ, убили однихъ офицеровъ до сотни!—говорилось въ обществѣ.

Никто не вѣрилъ ни во что утѣшительное, всѣ преувеличивали потери еще сильнѣе, чѣмъ ихъ уменьшали въ реляціяхъ. И опять, и опять повторялся вопросъ:

— Да изъ-за чего все началось?

Въ Захолустной улицѣ, да и во многихъ другихъ подобныхъ улицахъ, все досконально знали изъ самыхъ наивѣрнѣйшихъ источниковъ и разсказывали въ лавкахъ у воротъ, что «все началось съ того, что нашъ князь Меншиковъ пришелъ къ Дивану и заспорилъ съ самимъ Салтаномъ. Извѣстно, князь Меншиковъ — первѣющее лицо еще при Петрѣ былъ; ну, и Салтанъ тоже свой чинъ знаетъ. Заспорили они, заспорили, а князь и хлысть его по лицу хлыстомъ; съ этого все и началось». Въ гимназіи слухи были нѣсколько иного рода и говорилось, что «все началось ради того, что Наполеонъ III былъ обиженъ, получивъ изъ Россіи письмо, гдѣ его не называли братомъ, и что вся эта война—его дѣло съ Пальмерстономъ, съ которымъ Наполеонъ уже давно находится въ дружбѣ». Въ домѣ князя Русова Митя во время обѣдовъ уловилъ только отрывочныя фразы: «Это просто безуміе!.. Мы уронимъ себя этою войной на сотни лѣтъ въ глазахъ Европы... И что тамъ дѣлается: бездарности и воры, воры и бездарности»...

И съ каждымъ днемъ унынiе становилось сильнѣе, а ложные, пугающiе общество слухи все чудовищнѣе и чудовищнѣе: уже говорилось о томъ, что корпiю нашу продаютъ непрiятелямъ, что гдѣ-то нашли глиняныя пушки, что вмѣсто пороху открыли гдѣ-то песокъ, что нашъ комиссарiатъ состоитъ изъ настоящихъ грабителей, предателей и измѣнниковъ, что нѣсколько человѣкъ уже повѣшено за измѣну. Нѣтъ ничего опаснѣе подпольныхъ извѣстiй, шопотомъ передаваемыхъ новостей, таинственныхъ намековъ, когда все прикрывается канцелярскою тайной и для успокоенiя общества печатаются прикрашенныя реляцiи сомнительныхъ побѣдъ. А тогда канцелярскою тайной прикрывалось все: и будочникъ, ограбившiй прохожаго, и пораженiе, постигнувшее насъ на полѣ сраженiя. Вслѣдствiе этого въ обществѣ говорили, что всѣ будочники по ночамъ спецiально занимаются грабежомъ, а на войнѣ каждая битва кончается тѣмъ, что насъ разбиваютъ на голову. Какъ являются эти смутные слухи, какъ они растутъ до чудовищныхъ, до невѣроятныхъ размѣровъ—этого никто не знаетъ, но всѣ слышатъ эти вѣсти, всѣ ихъ повторяютъ. Стоитъ какому-нибудь праздному болтуну для развлеченiя общества выдумать какую угодно нелѣпицу, ее тотчасъ же подхватываютъ, прикрашиваютъ и разносятъ по городу. Черезъ день, черезъ два самъ создатель этой новости не узнаетъ ее и повѣритъ ей, какъ ей вѣрятъ другiе. И чѣмъ страшнѣе вѣсть, тѣмъ упорнѣе держится она въ обществѣ. Запуганное выраженiе всегда преувеличиваетъ въ дурную сторону, создастъ новые страхи. А тутъ еще въ каждомъ домѣ готовятся бинты, щиплется корпiя, собирается хлѣбъ и среди всего этого, напоминающаго о голодныхъ, раненыхъ и убитыхъ, являются женщины въ черномъ, въ крепѣ, въ плерезахъ. Призракъ смерти, кажется, носится въ воздухѣ.

Именно въ это время, когда послѣдній захолустенецъ узналъ, что у него есть отечество, молчавшее до этой поры общество заговорило, и заговорило крайне рѣзко, смѣло, озлобленно. Общественная бѣда была такъ близка, что никто, кажется, не думалъ о томъ, что за какую-нибудь рѣзкую фразу можно дорого поплатиться. Недовольство было всеобщее, гдѣ безсознательное, гдѣ сознательное, и никто не скрывалъ этого недовольства. Въ народѣ стали поговаривать объ освобожденiи тѣхъ, кто вступитъ въ ополченiе. Въ другихъ кружкахъ стали говорить, что надъ массою лицъ будутъ назначены слѣдствiя за злоупотребленiя. Разговоры

вездѣ и всюду вертѣлись около общественныхъ дѣлъ, только частная жизнь ни для кого не имѣла значенія. Въ домѣ князя Русова толки объ общественныхъ дѣлахъ приняли особенно мрачный отпечатокъ. Князь Русовъ былъ давно не у дѣлъ, давно засѣдалъ въ какихъ-то ни на что ненужныхъ комиссіяхъ и комитетахъ, давно считался человѣкомъ въ опалѣ. Онъ былъ бодръ и свѣжъ, и потому бездѣятельность раздражала, оскорбляла его. Теперь онъ негодовалъ на эту бездѣятельность еще болѣе, видя, кого предпочитали ему. Не разъ Митя слыхалъ желчныя выходки князя противъ существовавшихъ тогда порядковъ, но особенно сильно поразилъ его одинъ разговоръ.

Разъ Митя былъ на обѣдѣ у князя Русова. За столомъ собрался небольшой интимный кружокъ. Митю прежде всего удивило, что всѣ говорили исключительно по-русски, а не по-французски. Двѣ дѣвочки, дочери хозяевъ, были одѣты въ сарафанчики. Разговоръ за столомъ вертѣлся около злобы дня, войны.

— Вы видѣли государя?—спросила одна изъ обѣдавшихъ у Русовыхъ барынь, дальняя родственница князя.—Онъ на себя не похожъ. На десять лѣтъ состарѣлся.

— А кто же помолодѣлъ?—спросилъ желчнымъ тономъ князь.—Вы думаете, помолодѣли тѣ матери, у которыхъ тамъ гибнутъ послѣдніе пояльцы и кормильцы?.. Страдаютъ тысячи людей, страдаютъ всѣ, у кого еще бьется въ груди сердце!

— Но правда ли, что мы въ такомъ безнадежномъ положеніи?—спросила дама, сдѣлавшая замѣчаніе о государѣ.—Въ городѣ ходятъ такіе тревожные слухи, такія преувеличенія!

— Преувеличенія?—рѣзко сказалъ князь.—Да развѣ можно преувеличить бѣдствія, переживаемыя нами? Мы не преувеличиваемъ, а только съ ужасомъ убѣждаемся, надъ какою пропастью мы стоимъ. У насъ все сгнило, все разграблено, все запущено, и нѣтъ людей, на которыхъ можно бы было положиться.

— Но неужели же точно возьмутъ Севастополь?—нервно передергивая плечами, сказала дама.

— Что значитъ Севастополь?!.. У насъ Москву брали, такъ ужъ о Севастополѣ нечего тужить,—сказалъ князь.—Дѣло вовсе не въ Севастополѣ, а во внутренномъ положеніи Россіи, въ томъ, что будетъ послѣ войны. Мало того, что мы теряемъ значеніе въ глазахъ Европы, мы очутимся сами,

у себя дома, лицомъ къ лицу съ такими вопросами, которые рѣшишь не скоро и не легко. Теперь уже нельзя себя обманывать и восхищаться, что у насъ все идетъ отлично, что мы можемъ жить, спустя рукава. Мы острили, когда носились слухи о затратахъ на Исаакіевскій соборъ, когда толковали о постройкѣ московской желѣзной дороги, когда открылась растрата инвалиднаго капитала. Теперь мы должны съ ужасомъ сознаться, что грабежъ шелъ повальный, вездѣ и всюду, начиная съ мелкихъ чиновниковъ и кончая высшими лицами.

Лицо князя передернулось желчной усмѣшкой.

— И все это скрывалось подъ спудомъ, все это было канцелярской тайной, семейнымъ дѣломъ, о которомъ не смѣли толковать посторонніе,—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на испуганное выраженіе лица своей собесѣдницы.—Посторонніе... Но развѣ есть посторонніе, когда дѣло идетъ объ обществѣ, объ отечествѣ? Я думаю, это касается насъ всѣхъ, когда кругомъ идетъ общественная неурядица, когда вездѣ существуетъ повальный грабежъ, а между тѣмъ, кто говорилъ объ этомъ, тотъ былъ опаснымъ человѣкомъ, вредною личностью: ему надо было зажать ротъ, его нужно было устранить, чтобъ онъ не мѣшалъ другимъ грабить родину. Ну, вотъ мы и дождались того, что у насъ нѣтъ ни хорошаго вооруженія, ни хорошаго продовольствія, ни талантливыхъ людей,—дождались того, что объ этомъ говорятъ не вредные, не опасные люди, а всѣ, всѣ. Ловите ихъ, зажимайте имъ рты, высылайте ихъ—эту тысячеустную толпу, эту несмѣтную массу... Въ Сибири мѣста не достанетъ.

Онъ отодвинулъ отъ себя приборъ нервнымъ движеніемъ руки.

— Что же тутъ удивляться, что государь постарѣлъ на десять лѣтъ?—проговорилъ онъ.—Вѣдь онъ все это видитъ, понимаетъ.

— Несчастный человѣкъ!—вздохнула родственница князя.

— Россія несчастная, Россія. Вотъ кто вынесъ все это и вынесетъ на своихъ плечахъ!—глухо произнесъ князь, вставая изъ-за стола, и по его серьезному лицу тихо скатилась слеза.

Митя никогда не могъ забыть этой минуты. Въ большой столовой княжескаго дома царила мрачная, гробовая тишина, всѣ точно чего-то испугались и смолкли, и въ этой тишинѣ такой глубокой скорбью прозвучали слова хозяина,

что они у всѣхъ отозвались болью въ сердце. Митя видѣлъ много горькихъ сценъ, онъ слышалъ много горькихъ жалобъ, но никогда еще его не бросало такъ въ дрожь и въ холодъ, какъ въ эту минуту, точно предъ нимъ дѣйствительно промелькнула картина цѣлыхъ милліоновъ страдающихъ людей. Митя впервые понялъ вполнѣ ясно, что у него есть отечество—необъятное, великое, страдающее, находящееся въ опасности отечество, что это же отечество есть и у всѣхъ окружающихъ его людей, и что эти люди такъ или иначе сознаютъ свою связь съ этимъ отечествомъ. Онъ вдругъ позабылъ, что гдѣ-то въ Захолустной улицѣ у него есть ноющая семья; онъ позабылъ, что здѣсь сидитъ княгиня, страдающая отъ измѣны мужа; онъ позабылъ, что этотъ вставшій передъ нимъ баринъ, имѣя добрую жену, содержитъ любовницу, и смотрѣлъ чуть не съ благоговѣніемъ на князя,—такъ его поразилъ этотъ глубоко прочувствованный тонъ его рѣчи, вдругъ уяснившій юношѣ все, что смутно волновало его душу. Онъ порывисто всталъ изъ-за стола, и когда всѣ благодарили князя, горячо поцѣловалъ его руку. Князь удивленными глазами взглянулъ на него и увидалъ передъ собою нервное, поблѣднѣвшее лицо, съ глазами, полными слезъ. Князь какъ будто угадалъ безъ словъ все, что происходило въ этой молодой впечатлительной душѣ, взялъ за голову юношу и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Вамъ, молодежи, придется много поработать и дай Богъ, чтобы вы лучше работали, чѣмъ мы,—тихо и серьезно сказалъ князь.—Учиться надо больше, читать больше, честно относиться къ дѣлу.

Онъ взялъ одною рукою за талію юношу и, тихо разспрашивая его о гимназіи, объ учителяхъ, о ходѣ его ученья, направился съ нимъ черезъ круглую и бѣлую залы въ гостиную, гдѣ обыкновенно пили послѣобѣденный кофе, когда обѣдъ происходилъ въ интимномъ кружкѣ. Княгиня не безъ удивленія взглянула на мужа и Митю, когда они вошли въ гостиную. Князь до сихъ поръ былъ привѣтливъ съ Митей, какъ отецъ со своимъ ребенкомъ, но и только. Теперь онъ шелъ съ нимъ и говорилъ серьезно, внимательно, какъ съ большимъ, повидимому, заинтересовавшись его отвѣтами.

— Какъ выросъ, какъ выросъ!—проговорилъ князь, садясь въ кресло и указывая на Митю.—Все казался мнѣ ребенкомъ, а теперь совсѣмъ взрослый...

Онъ ласково улыбнулся юношѣ.

— И есть огонекъ, хорошій огонекъ!—сказалъ онъ и шутливо обратился къ сконфуженному, но сіявшему отъ счастья юношѣ.—Вотъ кончишь курсъ, возьму тебя себѣ въ помощники—управлять государствомъ...

Княгиня засмѣялась.

— Будущій министръ и его товарищъ!—проговорила она также шутливо.

— Кто знаетъ, кто знаетъ, до чего дойдутъ они, эти подростки!—сказалъ задумчиво князь.—Это только для насъ все кончено, только наша пѣсенка спѣта...

Онъ замолчалъ, сдвинувъ брови.

— А впрочемъ, кто знаетъ,—вдругъ произнесъ онъ, передернувъ плечами и какъ будто заканчивая вслухъ свои думы.

Въ десять часовъ вечера Митя, возбужденный, сіяющій, не слышавшій подъ собою ногъ, возвращался домой. Еще никогда въ немъ не было такого подъема духа, какъ теперь. Онъ подошелъ къ дому, гдѣ жила его семья, и увидалъ въ въ окнахъ свѣтъ. Онъ всмотрѣлся въ окна и увидалъ гостей, игравшихъ въ карты. Ему вдругъ представилось, какъ его встрѣтятъ: «А, нашъ князь пришелъ! Будущій генералъ пожаловалъ! О чемъ изволилъ философствовать?»..

Потомъ опять послышатся: «А мы вотъ вашу даму королемъ прикроемъ, такъ тутъ ей и капутъ,—не суйся подъ короля. Съ горя развѣ хватить ерофеичу да по селедочкѣ пройтись». Онъ вдругъ быстро повернулъ назадъ. «Можетъ-быть, дядя дома»,—мелькнуло въ его головѣ. Онъ направился къ Лампадову, все съ тѣмъ же сіяющимъ лицомъ, все той же легкою поступью, точно онъ не шелъ, а летѣлъ надъ землею. Старикъ былъ дома и удивился позднему визиту Мити.

— Да что съ тобой? — вдругъ спросилъ онъ, взглянувъ на него.

— О, дядя, что за человѣкъ князь Русовъ!—воскликнулъ Митя восторженно.

— Ты про старика это?—спросилъ Лампадовъ.

— Да, да!.. Но какой же онъ старикъ!.. Развѣ такіе старики бываютъ?—сказалъ съ воодушевленіемъ Митя.

Лампадовъ усмѣхнулся.

— И то правда, гдѣ имъ такими быть!

Митя разсмѣялся и обнялъ старика.

— Ты не въ счетъ! Ты не въ счетъ! — сказалъ онъ. — Ты вѣчный ребенокъ! Но князь, князь!.. Сколько въ немъ

молодости, горячности, благородной желчи!.. Если бы ты слышалъ сегодня, какъ онъ говорилъ, что говорилъ!..

Юноша съ увлеченіемъ началъ передавать все слышанное имъ сейчасъ за обѣдомъ. Лампадовъ слушалъ молча, но на его лицѣ выражалось удовольствіе. Онъ любилъ, когда хвалили князя, когда видѣли и признавали его хорошія стороны. Старику все казалось, что тутъ есть и его капля меду. Онъ, двадцатипятилѣтнимъ юношей, училъ князя, тогда еще мальчика пятнадцати лѣтъ.

— У него всегда была благородная душа и горячее сердце,—сказалъ старикъ, дослушавъ до конца восторженный разсказъ. — Если-бъ онъ захотѣлъ идти въ сдѣлки со своею совѣстью, если-бъ онъ захотѣлъ кривить душой, онъ игралъ бы одну изъ первыхъ ролей въ государствѣ, а теперь... князь въ опалѣ, въ загонѣ... Онъ хотѣлъ освободить своихъ крестьянъ, и это едва не обошлось ему слишкомъ дорого. Его чуть не выслали изъ столицы, чуть не отдали подъ опеку...

Старикъ началъ разсказывать юношѣ о князѣ. Это былъ благородный и умный человѣкъ; онъ много учился, много читалъ, много путешествовалъ; онъ искренно любилъ родину и желалъ ей служить; онъ ненавидѣлъ крѣпостничество и видѣлъ въ этомъ одно изъ главныхъ золъ Россіи; въ юности онъ спасся отъ каторги послѣ четырнадцатаго декабря только случайно, только какимъ-то чудомъ, хотя онъ всею душою былъ преданъ тѣмъ людямъ, которые такъ дорого заплатили за свои убѣжденія. Долгіе годы опалы, службы на Кавказѣ, быть-можетъ, успѣли охладить многіе порывы молодости въ этомъ горячемъ сердцѣ, но они не очерствили этого сердца, не истребили въ немъ любви къ человѣчеству, къ родинѣ. Старикъ Лампадовъ говорилъ съ увлеченіемъ, съ горячностью о князѣ, какъ говорятъ о любимомъ и достойномъ любви сынѣ, которымъ гордятся, имѣютъ право гордиться. Старикъ не могъ удержаться даже отъ замѣчанія о томъ, что когда онъ, Лампадовъ, встрѣтился послѣ долгой разлуки съ княземъ и сказалъ ему «вы», то князь обнялъ его и спросилъ: «Развѣ ты меня уже совсѣмъ разлюбилъ?»

При воспоминаніи объ этомъ эпизодѣ у Лампадова навернулись слезы.

— Кто умѣетъ такъ любить до старости, тотъ не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ!—сказалъ онъ съ чувствомъ.

Митя сіялъ, вспоминая, какъ приласкалъ и его этотъ

человѣкъ. Но въ его душѣ какъ-то болѣзненно шевелился одинъ вопросъ. Онъ не выдержалъ и спросилъ старика:

— Дядя, ты знаешь, что у князя есть... содержанка?

Старикъ удивленно взглянулъ на юношу и отвѣтилъ:

— Знаю.

Отвѣтъ былъ сдѣланъ спокойно и равнодушно.

— Дядя, но какъ же,—началъ юноша.—У князя жена... Она такая милая, добрая, красавица такая...

Лампадовъ положилъ руку на его плечо и серьезно сказалъ ему:

— Ты слишкомъ молодъ, я слишкомъ старъ, не будемъ же говорить объ этомъ. Скажу тебѣ одно: не суди за это князя, не думай объ этомъ дурно, не думай объ этомъ лучше вовсе до той поры, когда тебѣ все вдругъ станетъ ясно само собой.

Лицо Мити сдѣлалось грустно. Ему такъ хотѣлось разрѣшить этотъ вопросъ, разогнать это единственное облачко, омрачившее передъ нимъ лучезарный образъ. Лампадовъ, кажется, угадалъ это.

— Видишь ли что,—сказалъ онъ:—у тебя нѣтъ еще ни жены, ни любовницы, какъ же я объясню тебѣ то, что только тогда и можно понять, когда проживешь, испытаешь все это самъ?

Онъ ласково улыбнулся и замѣтилъ шутливо:

— Вонъ объясни кому-нибудь изъ постороннихъ людей, почему это молодой человѣкъ, имѣющій и сестру, и мать, и отца, идетъ чуть не ночью въ чужой домъ къ семидесятилѣтнему старику, чтобы подѣлиться своими радостями и сомнѣніями. Не поймутъ, голубчикъ, они этого, не поймутъ. Скажутъ, что дѣлиться радостями и сомнѣніями можно и дома съ кѣмъ-нибудь, а старику бы нужно и покой дать.

Митя звонко разсмѣялся и обнялъ дядю.

— Ну, уйду, уйду, — сказалъ онъ. — Ловко выпроваживаешь!

— Ужъ чего: уйду, уйду! Ложись здѣсь спать, у васъ, чай, и двери на замокъ заперли...

Старикъ и юноша улеглись, но Митя еще долго не давалъ Лампадову уснуть. Наконецъ, дядя замѣтилъ ему:

— Митя, попробуй, голубчикъ, минутъ пять помолчать...

— А что, дядя?

— Да я, можетъ-быть, въ это время усну, такъ тебѣ тогда будетъ удобнѣе ораторствовать...

Митя засмѣялся, перебѣжалъ босикомъ черезъ комнату,

поцѣловалъ старика и быстро снова юркнулъ подъ шелковое одѣяло.

— Я, дядя, уснулъ!—крикнулъ онъ.

— Слава тебѣ Господи, завтра свѣчку въ церкви за это поставлю,—отвѣтилъ старикъ.

V.

— Ты любишь читать?—спросилъ однажды, между прочимъ, у Мити князь.

— О, очень!—отвѣтилъ Митя.

— И что же читалъ?

Митя перечислилъ цѣлый рядъ книгъ.

— Ого, цѣлая библіотека... романовъ! А я думалъ, что ты еще книги для дѣтей читаешь,—сказалъ князь.

— Я ихъ и прежде не читалъ никогда,—отвѣтилъ Митя.— Я больше все съ дядей читаю; споримъ, толкуемъ о прочитанномъ...

— Ну да, это его метода. Онъ такъ и меня училъ,—съ улыбкой сказалъ князь.

Митя, дѣйствительно, почти никогда не читалъ книгъ для дѣтей, какъ это бываетъ съ большею частью русскихъ дѣтей.

Потому ли русскія дѣти почти не читаютъ дѣтскихъ книгъ, что хорошихъ дѣтскихъ книгъ у насъ почти нѣтъ, или потому у насъ вовсе не появляются хорошія дѣтскія книги, что наши дѣти не заявляютъ на нихъ спроса—это вопросъ открытый. Но въ дѣйствительности вѣрно то, что нигдѣ не начинаютъ дѣти такъ рано читать книги для взрослыхъ, какъ у насъ. Мы въ дѣтствѣ или не читаемъ вовсе, или читаемъ все то, что читаютъ большіе, безъ контроля, безъ разбора, безъ системы. Хорошо ли это, дурно ли, но это существуетъ. Еще менѣе дѣтскихъ книгъ было въ тѣ времена, когда пришлось расти и развиваться Митѣ: тогда не было ни Брема, ни Жюля Верна, ни Кота Мурлыки, а существовали скучные разсказы Фурмана, Бабушкины сказки, безцвѣтные розсказни Чистякова и, среди всей этой массы крайне незанимательныхъ вещей, одиноко стояли Робинзонъ-Крузе, да путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля. Дѣти увлекались не этими книгами: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Лажечниковъ, Загоскинъ, романы Дюма, Бальзака, Евгенія Сю, Жоржъ-Занда, Диккенса и Теккерея—вотъ тѣ книги, которыми зачитывались дѣти. Среди этой массы романовъ прочитывались дѣтьми и серьезныя статьи въ жур-

налахъ: Сенковскій и Бѣлинскій тѣми или другими сторонами своихъ статей увлекали дѣтей, переходившихъ въ юношество. Митя прошелъ тотъ же путь литературнаго развитія. Онъ читалъ много и прежде, но съ той поры, когда онъ тѣснѣе сошелся съ товарищами по гимназіи, страсть къ чтенію развилась въ немъ еще сильнѣе. Пылкій и увлекающійся, онъ забывалъ за книгами все окружающее и жилъ радостями и страданіями описываемыхъ героевъ. Онъ толковалъ о нихъ и спорилъ съ друзьями, съ Лампадовымъ, высказывалъ иногда по поводу книгъ оригинальныя мнѣнія. Но книгъ подъ руками, къ несчастію, было мало. Только послѣ памятнаго для него разговора съ княземъ для его любознательности открылась богатая сокровищница литературы. Князь предложилъ ему пользоваться своей библіотекой. Митя со всѣмъ увлеченіемъ страстнаго чтеца воспользовался этимъ предложеніемъ и поглощалъ одну книгу за другой, чуть не забывая изъ-за нихъ своихъ учебныхъ занятій. Его умственный ростъ пошелъ быстро. Иногда онъ бралъ книги на домъ, иногда, начавъ выбирать книгу, перелистывая ея страницы, онъ забывался и засиживался въ библіотекѣ князя по цѣлымъ часамъ. Въ этой огромной комнатѣ, примыкавшей къ кабинету князя, царила всегда невозмутимая тишина, и Митя полюбилъ это затишье. Князь нерѣдко заставалъ его здѣсь и, тихо, стараясь не развлекать его, бралъ какую-нибудь газету или журналъ и выходилъ изъ комнаты. Разъ какъ-то, замѣченный Митей, онъ разговорился съ нимъ о книгахъ и спросилъ, какого автора особенно любитъ юноша.

— Диккенса,—отвѣчалъ Митя.

— Да?.. Но почему же именно его?—спросилъ князь.

— Онъ болѣе всего волнуетъ меня. Онъ такъ горячо, съ такою любовью описываетъ сцены изъ жизни бѣдныхъ и несчастныхъ людей, что я какъ будто страдаю и плачу вмѣстѣ съ ними.

— А ты читалъ «Шинель» Гоголя и «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго?—спросилъ князь.

— Читалъ,—отвѣтилъ Митя.

— Ну, и что же?— спросилъ князь. — Тутъ тоже много искренней и горячей любви къ бѣднякамъ.

— О, да! Но у Диккенса шире захватъ. Тамъ — не изображеніе отдѣльныхъ забитыхъ личностей, вырванныхъ изъ жизни, а вся сложная путаница жизни.

— А, ты вотъ какъ смотришь! — сказалъ князь, внимательно всматриваясь въ него.

— Я жизнь бѣдняковъ знаю хорошо, по опыту,—продолжалъ юноша, увлекаясь своей мыслью: — но, только читая Диккенса, я понялъ вполнѣ всѣ условія, окружающія бѣдняковъ... Скажите, Александръ Владиміровичъ,—вдругъ спросилъ онъ, перемѣняя тонъ:—меня давно мучитъ этотъ вопросъ: есть ли такія книги, гдѣ бы указывались средства для избавленія людей отъ нищеты, отъ всѣхъ этихъ страданій? Вѣдь не вѣчно же это должно быть?

Князь улыбнулся.

— А, ты вотъ что хочешь знать! — сказалъ онъ. — Къ несчастью, такихъ книгъ нѣтъ. Правда, есть книги, — у меня въ библіотекѣ ты ихъ найдешь, хотя многихъ изъ нихъ и нѣтъ въ продажѣ, есть книги, говорю я, гдѣ болѣе или менѣе научно указывается на причины бѣдности, несчастій, страданій людей, но и только...

— О, этого же вполнѣ достаточно!—воскликнулъ Орловъ.— Если знаешь причины, то ихъ можно удалить.

— Какими средствами?—спросилъ князь.—Причины гораздо легче найти, чѣмъ средства для удаленія этихъ причинъ. Правда, разныхъ теорій и утопій для спасенія людей создавалось много, но всѣ онѣ разлетались въ прахъ, какъ только ихъ примѣняли къ дѣйствительности.

— Такъ неужели же это такъ и будетъ вѣчно, вѣчно?—воскликнулъ Орловъ.

— Вѣчно? Можетъ-быть да, можетъ-быть нѣтъ,—въ раздумьи сказалъ князь. — Прогрессъ къ лучшему во всякомъ случаѣ существуетъ, мы должны, по крайней мѣрѣ, вѣрить въ него, въ противномъ случаѣ оставалось бы только пустить пулю въ лобъ или сдѣлаться тунеядцами, такъ какъ если его нѣтъ и не можетъ быть, то стоитъ ли жить и стоитъ ли работать, когда эта работа—верченье бѣлки въ колесѣ?.. Нѣтъ, прогрессъ есть, долженъ быть. Но гдѣ его границы, до какой степени онъ можетъ улучшить положеніе людей—это все открытые вопросы.

— Вы много, много, должно-быть, читали!—въ наивномъ увлеченіи воскликнулъ Митя.

Князь усмѣхнулся.

— Далеко не столько, сколько бы нужно. Служба, практическая дѣятельность отнимаютъ всегда слишкомъ много времени у чтенія. Вотъ почему нужно въ юности запасаться этимъ сокровищемъ, пока еще можно забываться надъ кни-

гой, вотъ такъ, какъ ты. Къ несчастію, не всѣ юноши это понимаютъ, — есть и такіе, которые и одного пустенькаго романа въ годъ не осилятъ.

Въ голосѣ князя Митѣ послышалась грустная нота. Митя не могъ понять причины этой грусти.

— Однако, мы заболтались съ тобой,—съ улыбкой сказалъ князь и направился къ выходу; но, дойдя до дверей, онъ что-то вспомнилъ и обернулся: — Вотъ ты хотѣлъ съ серьезными книгами познакомиться. Возьмись за исторію. Тамъ есть исторія Франціи Мишле, Тьера, Луи Блана; найдешь Руссо, Вольтера и Гельвеція изъ старыхъ авторовъ. Сначала, можетъ-быть, покажется трудно, но попробуй.

Онъ назвалъ Орлову еще нѣсколько громкихъ именъ и знаменитыхъ произведеній западно-европейскихъ литературъ и ушелъ. Дней черезъ пять онъ мелькомъ спросилъ у Мити, взялъ ли онъ что-нибудь изъ серьезныхъ книгъ. Орловъ сказалъ, что взялъ «Essais sur les moeurs» Вольтера.

— Понимаешь?—спросилъ князь.

— Да, это такъ ясно написано,—сказалъ Орловъ.

— И не скучно?

— О, напротивъ, напротивъ!

Князь привѣтливо улыбнулся ему.

Между ними незамѣтно установился мало-по-малу обмѣнъ мыслей. Юноша спрашивалъ у князя совѣтовъ, разъясненій; князь очень охотно удовлетворялъ его желанія. Митя ясно видѣлъ, что это была не простая, свойственная князю, любезность, а искреннее сочувствіе и любовь къ нему. Князь нерѣдко замѣчалъ, что онъ выше всего цѣнитъ въ человѣкѣ стремленіе къ развитію, къ самообразованію, къ знанію.

— Добрыхъ и честныхъ людей на свѣтѣ немало, но иногда добрый и честный человѣкъ остается совершенно безполезнымъ или дѣлается даже вреднымъ только потому, что его умъ неразвитъ, — говорилъ онъ между прочимъ. — Чѣмъ полнѣе и разностороннѣе умственное развитіе человѣка, тѣмъ плодотворнѣе могутъ быть его доброта и честность. Однихъ добрыхъ инстинктовъ и добрыхъ намѣреній недостаточно: — не даромъ же говорится, что добрыми намѣреніями адъ вымощенъ...

Митя всегда засматривался на князя. Князь говорилъ плавно, ровно, спокойно, не торопясь и не повышая голоса, какъ человѣкъ, привыкшій къ тому, что его не перебьютъ, и что ему не нужно прибѣгать ни къ какимъ внѣшнимъ

эффектамъ, чтобы выразить свои ясные и опредѣленные взгляды или даже заставить себя слушать. Тутъ были замѣтны тактъ и самообладаніе опытнаго свѣтскаго человѣка, крупнаго барина, вѣчнаго члена комитетовъ и разныхъ комиссій. Только иногда въ его рѣчахъ звучали нотки скрытой желчи и горькой ироніи. Митя съ нѣкоторыхъ поръ хорошо узналъ эти нотки. Какъ-то при немъ княгиня явилась къ обѣду изъ засѣданія благотворительнаго дамскаго общества, гдѣ она была предсѣдательницей. Князь спросилъ:

— Ну, окончили ваши занятія? Много ли украдено изъ кассы?

— Ничего не украдено,—отвѣтила княгиня.—Почему это тебѣ кажется, что наша касса всегда должна обворовываться?

Князь усмѣхнулся.

— Для чего же онѣ и существуютъ, какъ не для того, чтобы могли грабить ловкіе люди? — отвѣтилъ онъ. — Вѣдь не для спасенія же бѣдняковъ отъ нищеты грошовыми подачками.

— Князь, вы неисправимы!—со смѣхомъ замѣтила одна изъ присутствовавшихъ за обѣдомъ барынь.—Вѣчно остаетесь непримиримымъ врагомъ филантропіи.

— Вы думаете?—вопросительно сказалъ князь и пожалъ плечами. — Впрочемъ, можетъ-быть, оно и такъ, можетъ-быть, я и врагъ филантропіи. Это, вѣроятно, потому, что мнѣ приходится слишкомъ часто читать письма моихъ управляющихъ.

— А при чемъ же тутъ управляющіе?— спросила барыня съ улыбкой.

— Все вотъ пишутъ то о неурожаяхъ, то о пожарахъ, то о рекрутчинѣ,—сказалъ князь, и что-то ѣдкое зазвучало въ его голосѣ: — а мы вотъ тутъ требуемъ съ этихъ нищихъ и голодныхъ побольше оброка, чтобъ имѣть возможность спасти тремя рублями отъ бѣдности какую-нибудь черносалопницу.

Барыня презрительно передернула плечиками.

— Я думаю, и безъ филантропіи они должны были бы платить оброки,—проговорила она.

— О, конечно, конечно,—согласился князь:—у насъ столько своихъ собственныхъ потребностей и нуждъ!..

Въ другой разъ Митя подмѣтилъ въ голосѣ князя какую-то горечь, какую-то грусть. Князь разспрашивалъ сына

объ училищѣ, о занятіяхъ. Молодой князь Русовъ, сильно выросшій и пополнѣвшій за послѣднее время, отвѣчалъ лѣниво и нѣсколько апатично на вопросы отца, какъ отвѣчаютъ люди, когда съ ними говорятъ о надоѣвшемъ имъ предметѣ. Изъ его отвѣтовъ трудно было уловить, что его занимаетъ, что его интересуетъ.

— Баклуши вы тамъ бьете больше, какъ кажется,—замѣтилъ старикъ.

— У насъ очень много занятій, — отвѣтилъ коротко сынъ.

— Которыя исполняются спустя рукава, — замѣтилъ отецъ.

— Я иду однимъ изъ первыхъ,—такъ же коротко отвѣтилъ сынъ.

Отецъ усмѣхнулся.

— Еще бы! Надо же поскорѣе дотянуть скучную лямку,—сказалъ онъ.

— Я и не спорю, что это скучно,—сухо отвѣтилъ сынъ.

Орловъ вдругъ вспомнилъ слова молодого князя Русова о томъ, что отецъ не любитъ его. Митѣ показалось теперь, что это было дѣйствительно такъ.

Въ этотъ же день князь долго говорилъ съ Орловымъ о его занятіяхъ и не безъ удивленія замѣтилъ ему:

— Но ты же утомляешься, должно-быть, очень сильно: учишься, даешь уроки и еще столько читаешь, — это не легко.

— Я здоровъ,—отвѣтилъ Митя.—Да иначе и нельзя мнѣ. Учиться надо; уроки даю потому, что деньги нужны; ну, а чтеніе—это ужъ отдыхъ. До прошлаго года денегъ меньше было нужно, а теперь самъ не знаю, куда уходятъ, а все-таки уходятъ. Еще скверная привычка привилась—курить сталъ.

— А за уши за это не дерутъ дома?—разсмѣялся князь.

— Нѣтъ, я вѣдь потихоньку,—сказалъ Митя шутливо.—Вѣдь все дурное потихоньку дѣлается...

— Ну, вотъ подожди, я когда-нибудь выведу тебя на свѣжую воду,—пошутилъ князь.

Онъ говорилъ съ нимъ, какъ съ сыномъ, тогда какъ съ сыномъ онъ говорилъ, какъ съ чужимъ. Это не ускользнуло отъ вниманія Мити. Не ускользнуло отъ его вниманія и то, какъ холодно относился молодой Русовъ къ отцу. Между ними, казалось, не было ничего общаго: старикъ былъ оживленъ, дѣятеленъ и мужественно твердъ и стоекъ, а

юноша былъ нѣсколько рыхлъ, апатиченъ и женственно изнѣженъ. Отецъ былъ добръ и снисходителенъ къ людямъ, какъ человѣкъ, много вынесшій, много видѣвшій, много думавшій и читавшій, — онъ былъ безпредѣльно добръ и снисходителенъ, зная, что люди нуждаются въ его добротѣ и снисходительности; сынъ, казалось, былъ мягокъ и добродушенъ по слабости, по безхарактерности, — ему какъ будто было лѣнь быть злымъ, онъ какъ будто брезгливо относился къ злобѣ. Они походили на дубъ, выросшій и окрѣпшій на чистомъ воздухѣ, согрѣтый солнцемъ и поборовшійся съ бурями, и на тропическое растеніе, выхоленное и изнѣженное въ теплицѣ, слишкомъ сочное и слишкомъ хрупкое для борьбы со стихіями, съ морозами и бурями нетепличной жизни. Митя начиналъ понимать именно такъ различіе между отцомъ и сыномъ и совершенно иначе относился къ тому и другому: онъ благоговѣлъ передъ старикомъ, онъ дорожилъ каждымъ его совѣтомъ, каждымъ замѣчаніемъ; на своего юнаго друга онъ смотрѣлъ, какъ на ласковаго ребенка, съ которымъ было бы жалко быть рѣзкимъ, котораго нужно было приголубливать, которому нужно было прощать многое, чтобы не огорчать его слишкомъ чувствительнаго сердца.

Разспрашивая Митю о занятіяхъ, старый князь, между прочимъ, спросилъ его:

— Ты хорошо пишешь?

— Такъ себѣ, почеркъ недуренъ,—отвѣтилъ Митя.

— Нѣтъ, я не о почеркѣ, а о слогѣ? — спросилъ князь.

Митя немного покраснѣлъ.

— Меня сочинителемъ зовутъ въ гимназіи,—отвѣтилъ онъ.

— Вѣрно стишки пописываешь?—улыбнулся князь.

— Грѣшу и стихами, — весело сказалъ Митя. — Но и прозой начинаю порядочно владѣть.

— Ну, и отлично, — сказалъ князь. — Вотъ выйдешь изъ гимназіи, поступай ко мнѣ въ домашніе секретари. Это будетъ лучше, чѣмъ бѣганье по урокамъ. У меня много дѣловой переписки съ моими управляющими, по разнымъ комиссіямъ и комитетамъ. Мнѣ нуженъ толковый и неглупый помощникъ.

Лицо Мити засіяло отъ радости и гордости: ему было очень пріятно, что князь признаетъ его толковымъ и неглупымъ человѣкомъ. Онъ теперь еще упорнѣе готовъ былъ приняться за ученье, чтобы только не прорваться на экзаменахъ и начать новую жизнь. Будущее ему улыбалось, и

онъ часто задумывался о томъ, какой онъ счастливчикъ, какой онъ удачникъ.

Осенній день вечерѣлъ, когда юноша вышелъ изъ княжескаго дома. Багровые лучи заходящаго солнца гасли, отражаясь на куполахъ церквей, въ окнахъ верхнихъ этажей высокихъ каменныхъ домовъ. По улицамъ гремѣли экипажи, толкался народъ. Митя шелъ не спѣша; ему дышалось легко, его душа была въ праздничномъ настроеніи. Ему не хотѣлось идти домой, ему хотѣлось подольше подышать свѣжимъ воздухомъ, помечтать одному, на свободѣ. Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ тише и тише дѣлалось вокругъ него. Громъ колесъ, говоръ народа оставались гдѣ-то позади, доносились, какъ рокотъ стихавшаго моря. Каменные дома стали смѣняться деревянными, потянулись, наконецъ, заборы, тротуары смѣнились мостками, каменная и торцовыя мостовыя—пыльною мягкою дорогой, и кое-гдѣ начали раздаваться звуки гармоникъ. Онъ дошелъ до роднаго захолустья. Изъ домовъ слышались визгливые звуки пилъ, мѣрные удары кузнечныхъ молотовъ; гдѣ-то пощелкивалъ ткацкій станокъ. Навстрѣчу стали попадаться закопченные, вымазанные сажей фабричные и мастеровые, на пыльныхъ улицахъ играли полуголые ребятишки, въ трактирахъ играла машина, въ кабакахъ слышалось пѣніе, раздавалась брань.

Въ умѣ Мити вдругъ промелькнула мысль: «вотъ моя колыбель, вотъ моя родина». И цѣлая вереница образовъ, событій, сценъ пронеслась въ его воображеніи. Чего онъ здѣсь ни насмотрѣлся, чего онъ здѣсь ни пережилъ! Сколько чужихъ мукъ видѣлъ онъ, сколько слезъ пролилъ онъ самъ!..

Вотъ встала передъ нимъ картина пожара: плачъ матери, болѣзнь дѣда, тихая скорбь сестры, молчаливый загулъ отца, лишенія и тоска подвальной жизни. «Каторжная жизнь, каторжная жизнь!» — звучали въ его ушахъ слова его близкихъ. Но вотъ другая картина смѣняетъ въ его воображеніи картину этой каторжной жизни: онъ видитъ темный уголъ, на полу, на какомъ-то ворохѣ тряпья умираетъ полунагая женщина, и точно волчата жмутся въ углу пятеро ребятъ: это тетка Дарья умираетъ, это ея дѣти, босыя и нагія, жмутся въ углу. Какъ же назвать эту жизнь?

Каторжникамъ, должно-быть, легче живется, чѣмъ жилось этой несчастной мученицѣ. У нихъ хотя есть вѣрный уголъ, вѣрный кусокъ хлѣба. Среди такой жизни люди совершаютъ

преступленія, чтобы попасть на каторгу. Что будетъ съ ея дѣтьми—злыми, дикими, испорченными?

Настю берутъ въ домъ тетки, потому что она можетъ уже быть помощницей, а остальныхъ разсовываютъ по пріютамъ,—пусть хоть сыты, да въ теплѣ будутъ, пока не будутъ въ состояніи добывать хлѣбъ. Чѣмъ они будутъ добывать хлѣбъ, какимъ трудомъ? Ихъ ничему почти не учатъ, ихъ только поятъ и кормятъ до поры до времени—вотъ и все, и никто не задумывается надъ вопросомъ: а что будетъ дальше? И до того ли этому голодному трудовому люду... Ну, подрастутъ, пойдутъ въ услуженіе, пристроятся въ мастерскія, въ чернорабочіе на фабрику или на заводъ, станутъ зарабатывать гроши, пить съ горя, а тамъ и смерть придетъ. «Братецъ, а я съ вами!.. Я безъ васъ, братецъ, не останусь» — раздался въ ушахъ Мити знакомый голосъ бѣднаго идіота Лёши, и въ головѣ юноши зароились мысли о томъ, что будетъ съ этимъ несчастнымъ созданіемъ, гдѣ преклонитъ оно въ будущемъ голову, какъ будетъ жить среди чужихъ, грубыхъ и озлобленныхъ людей.

«Голь, голь перекатная, съ проклятьемъ рожденная, съ проклятьемъ умирающая»,—мелькало въ головѣ Мити, и онъ чувствовалъ, что его сердце полно глубокой, безграничной жалости къ этой голи, изъ которой онъ вышелъ самъ, съ которой онъ еще не утратилъ связи, которая еще любитъ его, Орлихинскаго Митю. Ему вдругъ вспомнился «Ершъ»—пятнадцатилѣтній мальчуганъ-сапожникъ, съ волосами, стоявшими щетиной, съ запачканнымъ лицомъ, съ грубыми руками, съ вѣчнымъ запахомъ кожи и вара; этотъ «Ершъ» ублажалъ разъ, какъ добрая нянька, расквасившаго себѣ лобъ Митю, взявъ его на руки и гладя его мозолистою рукой по головѣ; а этотъ «Ершъ» считался уже и развратнымъ, и пьянчужкой, и всѣ говорили про него, что не было такой колодки, которую не обколотили бы объ его голову.

Потомъ ему вспомнился другой образъ привезеннаго изъ деревни мальчугана, отданнаго въ ученье къ мѣднику. Мать этого мальчугана говорила, что тамъ, въ деревнѣ, у нихъ и холодно, и голодно, и управитель—живодеръ. Этотъ мальчуганъ, тихій и робкій, поучился годъ-два у мѣдника, все блѣднѣя, все хирѣя, и вдругъ его нашли повѣсившимся въ чуланѣ. Видно, хорошо тоже жилось!.. Передъ Митей воскресли внезапно его младенческія грезы: «Когда я буду генераломъ, я всѣхъ, всѣхъ бѣдныхъ сдѣлаю счастливыми!»

Эти планы могли зародиться только въ головѣ ребенка, много вынесшаго горя, много видѣвшаго страданій. «О, если-бъ я хоть когда-нибудь, хоть что-нибудь могъ сдѣлать для нихъ!»—думалъ теперь юноша. И все выше, все выше дѣлалось его настроеніе душевное, все горячѣе становились его честныя стремленія и желанія.

Ему хотѣлось теперь дать громко торжественную клятву передъ людьми и передъ Богомъ, что онъ вѣчно, вѣчно будетъ слугой и защитникомъ этой голи.

— Накажи меня, накажи, какъ хочешь, Господи, если я когда-нибудь забуду свое обѣщаніе!—шепталъ онъ.—Эти люди дали мнѣ все, любили меня, учили меня, жалѣли меня. Не будь ихъ, не понялъ бы я, что значитъ любовь къ ближнимъ, страдающимъ и голоднымъ ближнимъ!..

И ему, восторженному и страстному, казалось, что Богъ именно для того и спасъ его, чтобъ онъ могъ быть защитникомъ и ходатаемъ этихъ страждущихъ людей. Да, онъ былъ избранникъ Божій,—Богъ не даромъ спасъ его, научилъ его, открывалъ ему широкій путь. Онъ, этотъ всемогущій Богъ, отмѣтилъ его среди тысячей погибшихъ людей, сдѣлалъ своимъ избранникомъ и возложилъ на него великую миссію служить этой голи, быть ея Моисеемъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

На дворѣ стоялъ холодный, но ясный февральскій день. Весь Петербургъ былъ уже съ утра на ногахъ. Сотни каретъ неслись по улицамъ, увозя нарядныхъ дамъ въ дорогихъ русскихъ костюмахъ и мужчинъ въ блестящихъ военныхъ и статскихъ мундирахъ. По тротуарамъ и посрединѣ улицъ шли массы простого народа съ возбужденными лицами, съ смутнымъ говоромъ о событіи дня. Все это стремилось по одному направленію, точно гонимыя вѣтромъ волны. Около Зимняго дворца стеченіе народа и экипажей было страшное, необычайное. Въ толпѣ толковали, что наканунѣ хотѣли разорвать и убить какого-то хромоногаго господина, принятаго чернью за доктора Мандта; въ другихъ группахъ повѣствовали, что за нѣсколько дней во дворцѣ къ государю явился неизвѣстно откуда пришедшій монахъ, въ которомъ царь узналъ преподобнаго Сергія; далѣе разсказывали, что въ послѣднее время надъ дворцомъ появился громадныхъ размѣромъ филинъ, и было небесное знаменіе, не предвѣщавшее добра. Народъ тѣснился на площади, смотря на окна нижняго этажа дворца, гдѣ царствовала полнѣйшая тишина, тогда какъ въ окнахъ средняго этажа мелькали нарядныя одежды знати, камергеровъ, генералитета, придворныхъ въ чулкахъ и башмакахъ. Тамъ тоже люди сходились въ группы, толковали, задавали вопросы о будущемъ. Возбужденіе было всеобщее: одни ждали себѣ повышеній, другіе видѣли свое близкое паденіе; всѣ сознавали, что будетъ во всякомъ случаѣ что-нибудь новое. Волненія и ожиданія были не только здѣсь, но и во всемъ городѣ, во всѣхъ уголкахъ Россіи, куда только дошла вѣсть

о совершившемся событіи. Орловъ, узнавъ облетѣвшую весь городъ новость, зашелъ къ Русовымъ и засталъ у княгини, чувствовавшей себя въ этотъ день не совсѣмъ здоровой, цѣлую группу дамъ, окружившихъ князя Александра Владиміровича. Князь, только что возвратившійся домой, былъ въ полной парадной формѣ. Выраженіе его лица было какое-то свѣтлое, сіяющее, возбужденное; онъ точно помолодѣлъ на десять лѣтъ.

— Ты уже изъ дворца?—спросила поспѣшно княгиня и поднялась съ мѣста, идя къ нему навстрѣчу.

Бывшія у нея въ гостяхъ дамы тоже сразу поднялись со своихъ мѣстъ и торопливо окружили князя.

— Ну, что, видѣли государя?—раздались вопросы.—Разсказывайте, разсказывайте!

— Видѣлъ, имѣлъ счастіе говорить,—проговорилъ князь.—Все тотъ же очаровательный, мягкій и добрый человѣкъ! Всѣ обворожены имъ, всѣ надѣются на лучшій исходъ дѣлъ. Я давно не былъ свидѣтелемъ такого праздничнаго настроенія. Главное—важно то, что въ него всѣ вѣрятъ, не могутъ не вѣрить. Это великое предзнаменованіе.

Князь былъ взволнованъ и говорилъ быстро, отрывисто.

— Вы думаете, что мы прекратимъ войну?—послышались вопросы.

— Россія нуждается въ мирѣ, и миръ недалекъ,—отвѣтилъ князь.—Это сознаніе носится въ воздухѣ, это слышится изъ всѣхъ устъ. Конечно, сразу этого нельзя сдѣлать.

— Но какихъ уступокъ, какихъ жертвъ это будетъ стоить!—воскликнулъ кто-то.

— Никакія жертвы не будутъ велики въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ быть выиграно прекращеніемъ этой несчастной войны,—сказалъ князь.

— Ахъ, именно несчастной!—послышалось чье-то восклицаніе.

— И для чего ее начали!—замѣтилъ кто-то.

— Ну, да теперь, слава Богу, все кончится, все затихнетъ... Но разскажите же про пріемъ... Кто былъ, что говорили...

Князь началъ передавать мелкія подробности, мелкія замѣчанія насчетъ всего того, чего онъ былъ свидѣтелемъ во дворцѣ въ это памятное утро.

Это было 19-е февраля 1855 года.

Всѣ усѣлись, но князь не садился и, несмотря на присутствіе дамъ, ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, не имѣя

силъ и не стараясь подавить свое волненіе. Иногда онъ останавливался на минуту, передавалъ какую-нибудь подробность, высказывалъ какое-нибудь замѣчаніе и потомъ снова начиналъ ходить изъ угла въ уголъ. Въ немъ словно все перевернулось внутри, все давно улегшееся пробудилось, забродило снова. На его лицо не набѣгало ни одной тѣни; въ его рѣчахъ не звучало ни одной нотки сомнѣнія или опасеній.

— Видѣли вы графа Клейнмихеля?—спросила его одна изъ дамъ.

— Царство Клейнмихелей прошло,—къ чему же отыскивать ихъ?—съ усмѣшкой отвѣтилъ князь.

— Вы думаете, будутъ большія перемѣны въ личномъ составѣ управленія?—спросили его.

— Да развѣ въ этомъ можно сомнѣваться?.. Перемѣны будутъ во всемъ—и въ лицахъ, и въ формахъ, а главное, главное то, что мы будемъ разбирать не чужія дѣла, а свои, свою крышу станемъ чинить...

Онъ опять заговорилъ о необходимости преобразованій, нововведеній, перестройки.

Орловъ любовался имъ, видя его впервые въ такомъ возбужденномъ состояніи, съ такимъ приливомъ бодрыхъ силъ и смѣлыхъ надеждъ. Князь, разсказывая и разсуждая, не скоро замѣтилъ юношу. Наконецъ, онъ какъ-то случайно взглянулъ на него и привѣтливо кивнулъ ему головой съ ласковой улыбкой.

— Вотъ счастливцы—это молодежь. Имъ придется больше увидѣть, чѣмъ намъ, старикамъ,—сказалъ онъ весело, указывая головой на Митю.

Всѣ обернулись въ сторону Орлова, какъ будто до этой минуты его никто и не замѣчалъ. Одна изъ дамъ даже поднесла къ глазамъ лорнетъ, разсматривая неизвѣстнаго ей молодого человѣка, какъ какую-то интересную букашку.

— Да, мы наканунѣ великихъ событій. Иначе не можетъ быть, иначе нельзя,—продолжалъ князь.—Эта молодежь переживетъ великую эпоху. Дай Богъ, чтобы только изъ нея вышло побольше честныхъ работниковъ. Государю нужны помощники, нужны умы и руки. Одинъ онъ ничего не можетъ. Дѣло слишкомъ сложно и велико, чтобы справиться съ нимъ безъ помощниковъ. Въ послѣдніе годы мы увидали, убѣдились на опытѣ, какъ мало у насъ было надежныхъ людей. Нужно побольше патріотизма, по

больше гражданскихъ чувствъ, чтобы спасти Россію отъ старыхъ язвъ.

И опять князь заговорилъ о томъ, что впереди все свѣтло, что всѣ глядятъ на будущее съ упованіемъ, что у всѣхъ замѣчается какой-то особенный подъемъ духа.

Онъ былъ правъ. Общество, утомленное неудачною, несчастною, непопулярною войной, жаждало мира, жаждало обновленія. Уже лѣтъ семь настроеніе общества все болѣе и болѣе омрачалось, принижалось, дѣлалось нестерпимымъ. Всѣмъ какъ будто было душно, всѣ какъ будто стремились куда-то вырваться на свѣжій воздухъ. По рукамъ въ извѣстныхъ кружкахъ ходило болѣзненно страстное, похожее на раздирающій вопль, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю; тайкомъ переходила изъ рукъ въ руки первая изданная за границей книга Герцена, полная отчаянья и пессимизма; шопотомъ всюду передавались разсказы о какихъ-то таинственныхъ явленіяхъ и пророчествахъ, предрекавшихъ близость переворота; крупныя дѣла по расхищеніямъ казенныхъ суммъ, дѣла Политковскаго, Тришатнаго, Костылева занимали всѣхъ, и всѣ знали, что въ эти дѣла замѣшаны сотни лицъ; толки о затратахъ на постройку московской желѣзной дороги, Исаакія, Благовѣщенскаго моста принимали размѣры фантастическихъ басенъ; каждое пораженіе на поляхъ битвъ вызывало смутные слухи объ измѣнѣ, предательствѣ, подкупѣ; въ народѣ то и дѣло возникали слухи объ освобожденіи на волю крестьянъ,—слухи, пугавшіе многихъ,—и рядомъ со всѣмъ этимъ бдительность третьяго отдѣленія и строгость цензуры доходили до послѣдней степени напряженія, такъ что вездѣ и всюду ходили анекдоты то о цензорѣ, запретившемъ въ поваренной книгѣ фразу «вольный духъ», то о приказаніи скрѣплять цензорскою подписью «транспаранты», то о какой-нибудь гувернанткѣ господъ Моисеевыхъ, высѣченной въ третьемъ отдѣленіи за то, что она разсказывала, какъ къ одной высокопоставленной личности голубь носитъ любовныя письма. Все это разсказывалось таинственно, и потому все это преувеличивалось. Толкамъ не было конца. Напряженное ожиданіе чего-то новаго, какой-то перемѣны носилось въ воздухѣ, когда наступило начало новаго царствованія. Теперь вдругъ у всѣхъ на языкѣ зазвучало слово: «миръ, миръ», какъ будто всѣ сознавали, что надо пожертвовать всѣмъ, только бы отдаться заботамъ о внутреннемъ устройствѣ Россіи, а не какимъ-то мечтамъ о первенствующемъ поли-

тическомъ значеніи ея въ Европѣ. Правда, миръ былъ вовсе не такъ близокъ, какъ многіе думали; но всѣ понимали, всѣ знали, что онъ неизбѣженъ, что онъ необходимъ. Ни для кого не было тайной, что у насъ въ застоѣ торговля, что у насъ разстроены финансы, что у насъ нѣтъ людей. Никогда еще не проявлялось въ такой силѣ самобичеваніе и самообличеніе, въ какой оно сказывалось теперь: въ арміи среди офицерства слагались не пѣсни о томъ, какъ «Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки», а «какъ восьмого сентября мы за батюшку-царя отъ французовъ ушли». Въ обществѣ уже говорили не о томъ, что «мы ихъ шапками закидаемъ», но о томъ, что «отчего это у нихъ, у враговъ, и желѣзная дорога тотчасъ появилась, и ружья лучше, и продовольствія больше». Все, что черезъ два года начало появляться въ литературѣ, теперь носилось въ воздухѣ, передавалось изъ устъ въ уста. Общество жило наканунѣ появленія «Искры», стиховъ Розенгейма, Курочкина, лучшихъ произведеній Некрасова, «Губернскихъ очерковъ» Щедрина, обличительной литературы, статей объ откупѣ, критики Добролюбова и Чернышевскаго. Рядомъ съ этимъ шли исканія человѣка,—исканія, выразившіяся потомъ въ литературѣ статьями Пирогова о томъ, что надо прежде всего воспитать изъ ребенка человѣка, комедіями Львова и графа Саллогуба съ добродѣтельными чиновниками, исправниками и становыми, страстными стихами Некрасова о поэтѣ-гражданинѣ, стихами Никитина о томъ, что «мертвые въ гробѣ почили—дѣло настало живымъ». Казалось, на общество подулъ предъ разсвѣтомъ освѣжающій вѣтеръ ожидаемаго дня. Сумерки еще не разсѣялись, но всѣ чувствовали, что утро близко. Тутъ были и послѣднія опасенія, и первыя надежды; одни и тѣ же люди, подобно человѣку народа, Никитину, и высказывали боязнь передъ тѣмъ, что у насъ нѣтъ людей, и восторженно пророчили, что мы двинемся бодро впередъ. Впереди всѣхъ другихъ вопросовъ стояли два главные вопроса: вопросъ о мирѣ и вопросъ о крестьянахъ. Ни тотъ, ни другой не были еще затронуты правительствомъ, не обсуждались гласно; но всѣ ясно или смутно предчувствовали, что ихъ вотъ-вотъ затронутъ не сегодня, такъ завтра. Этого завтра ждали лихорадочно, иногда раздражаясь, что этотъ день не наступалъ сразу. Войну продолжать было невозможно; вопросъ о крестьянахъ обойти было трудно. Правда, Севастополь еще держался, а новый министръ внутреннихъ дѣлъ

въ циркулярѣ къ губернскимъ дворянскимъ предводителямъ писалъ, что повелѣно ненарушимо хранить права, дарованныя дворянству. Но всѣ знали, что Севастополь долженъ пасть, и что затягивать войну далѣе нелѣпо; ни для кого не было тайной и то, что уже въ 1854 году и въ январѣ 1855 года въ народѣ по поводу ополченій стали ходить упорные слухи, что помѣщичьи крестьяне, идущіе добровольно въ ополченіе, получатъ непремѣнно свободу. Впрочемъ, положительнаго не было сдѣлано еще ничего, если не считать смѣны нѣкоторыхъ непопулярныхъ лицъ и замѣны ихъ новыми; въ обществѣ были только радостныя ожиданія и пугливыя тревоги. Это томительное состояніе ожиданія чего-то неизвѣстнаго усиливалось еще болѣе всеобщимъ трауромъ, отсутствіемъ развлеченій, прекращеніемъ театральныхъ представленій, музыки, баловъ.

— Мы постимся, говѣемъ и каемся въ старыхъ грѣхахъ передъ свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ,—говорилъ князь Русовъ, когда его спрашивали о новостяхъ.

Но онъ былъ бодръ и веселъ. Онъ получилъ новое, довольно видное, назначеніе и чувствовалъ, что для него снова наступаетъ пора дѣятельности, что его не обойдутъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, а можетъ-быть и при разрѣшеніи многихъ другихъ вопросовъ. Онъ работалъ теперь много. Кромѣ служебныхъ занятій у него была большая переписка по дѣламъ, касающимся его помѣстій.

Орловъ, кончившій гимназическое ученье и поступившій уже въ университетъ, мало-по-малу сдѣлался правою рукой князя. Онъ теперь ежедневно проводилъ нѣсколько часовъ въ кабинетѣ князя, работая съ нимъ, перечитывая приходившія къ нему отъ управляющихъ и старостъ письма и отвѣчая на нихъ согласно инструкціямъ князя. Князь былъ имъ доволенъ. Иногда, уставъ работать, князь закуривалъ сигару и начиналъ бесѣду съ юношей. Онъ говорилъ съ нимъ, какъ съ сыномъ, какъ съ молодымъ любимчикомъ, отъ котораго ожидаютъ многаго, котораго хотятъ поставить на хорошую дорогу. Ему нравилась воспріимчивость этого молодого ума, преданность этого пылкаго сердца. Князю хотѣлось сдѣлать изъ юноши выдающагося человѣка, полезнаго дѣятеля. Орлову иногда казалось даже странно, почему князь всегда такъ сдержанъ съ женою, всегда такъ холоденъ съ сыномъ, а съ нимъ нѣженъ, мягокъ и ласковъ, точно онъ, Орловъ, ему и ближе, и дороже ихъ. Орлову иногда смутно казалось, что тутъ кроется какая-то глубокая

семейная драма. Но, бесѣдуя съ юношей обо всемъ, князь почти никогда не заикался ни о женѣ, ни о сынѣ, точно ихъ не существовало на свѣтѣ, точно онъ не былъ ничѣмъ съ ними связанъ. Орловъ, наблюдательный отъ природы, видѣвшій немало людей, очень ясно понималъ, что это происходитъ вовсе не потому, что князь не желаетъ и не считаетъ возможнымъ говорить съ нимъ, съ юношей, о своей семьѣ, о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Нѣтъ, князь какъ будто избѣгалъ всякаго напоминанія о женѣ и сынѣ, какъ будто хотѣлъ совсѣмъ забыть въ своемъ кабинетѣ, о ихъ существованіи. Разъ какъ-то Орлова поразила горячность, съ которою князь коснулся вопроса о семейномъ разладѣ вообще. Это было въ минуту отдыха между работою. Князь мелькомъ замѣтилъ Орлову, что тому не приходится почти сидѣть дома и что, вѣроятно, его родителямъ это тяжело. Орловъ отвѣтилъ откровенно, что онъ очень горячо любитъ отца и мать, что они тоже готовы для него жизнью пожертвовать, но что онъ сознаетъ, что между ними и имъ точно что-то порвано, точно лежитъ какая-то пропасть.

— Я другимъ языкомъ говорю, чѣмъ они,—сказалъ онъ немного грустнымъ тономъ.—Они не интересуются тѣмъ, что интересуетъ меня; я бѣгу отъ того круга людей, который собирается около нихъ. Между нами нѣтъ ни ссоръ, ни раздоровъ, но мы не понимаемъ другъ друга.

Онъ улыбнулся невеселой улыбкой.

— Я вотъ не понимаю, какъ они могутъ сидѣть за картами цѣлые вечера, прикладываясь къ закускѣ и обсуждая семейныя дрязги своего муравейника,—сказалъ онъ:—а они еще менѣе могутъ понять, какъ можно придавать серьезное значеніе такимъ пустякамъ, какъ книги, гдѣ мало ли что разные сочинители пишутъ. Я зѣваю въ ихъ присутствіи, они зѣваютъ въ моемъ, если мы начинаемъ говорить...

Князь ходилъ по кабинету, куря сигару.

— Вѣчно старая, вѣчно новая исторія,—сказалъ онъ.—Семейная рознь, непониманіе однихъ членовъ семьи другими, распаденіе семейныхъ узъ... Это ужасно тяжело, потому что, несмотря на внутренній разладъ, люди остаются внѣшнимъ образомъ связанными, прикованными къ одной цѣпи. И еще слава Богу, если тутъ уцѣлѣетъ хоть животная, кровная привязанность, если тутъ еще не примѣшается сознаніе, что съ этими людьми человѣкъ не связанъ даже и узами крови, а живетъ только потому, что когда-то въ минуту увлеченія связалъ себя съ ними брачными узами,

а потомъ, по слабости характера, по ложнымъ соображеніямъ, далъ свое имя чьимъ-то чужимъ дѣтямъ.

Орловъ нѣсколько удивленными глазами смотрѣлъ на князя. Князь вдругъ какъ будто очнулся отъ тяжелыхъ думъ, какъ будто спохватился, что онъ думаетъ вслухъ, и, перемѣнивъ тонъ, равнодушно и сухо замѣтилъ:

— Впрочемъ, если перечислять всевозможныя комбинаціи, дѣлающія для иныхъ людей семейную жизнь адомъ, такъ и ввѣкъ не кончишь. Это—такой сложный и спутанный вопросъ. Одна Жоржъ-Зандъ цѣлую библіотеку романовъ написала по поводу этого вопроса...

Онъ вдругъ дѣловымъ тономъ перешелъ къ вопросамъ о продолженіи работы, о письмахъ, ожидавшихъ отвѣта. Отъ вниманія Орлова не ускользнуло, что въ душѣ старика происходило что-то неладное.

Въ другой разъ Орлова опять поразило нѣсколько выраженій князя. Правда, эти выраженія были вызваны довольно щекотливымъ обстоятельствомъ, совершенно неожиданно поставившимъ въ неловкое положеніе какъ Орлова, такъ и стараго князя. Разъ Орловъ пришелъ къ князю и встрѣтилъ въ гостиной юнаго Александра Русова. Тотъ, весь красный, въ волненіи ходилъ по комнатѣ.

— А, наконецъ-то!—нетерпѣливо и нѣсколько раздражительно сказалъ онъ, увидавъ Митю.—Я думалъ, что ты уже не придешь сегодня.

— Что ужъ не соскучился ли по мнѣ?—спросилъ шутливо Орловъ.

Они теперь видѣлись очень рѣдко и то на нѣсколько минутъ. Молодой князь весь отдался училищу, училищной жизни, училищнымъ товарищамъ. Иногда Орлову казалось, что молодой князь какъ будто охладѣлъ къ нему. Иногда онъ говорилъ съ нимъ, съ Орловымъ, какъ-то небрежно, съ ироніей, точно свысока.

— Дѣло, дѣло есть до тебя важное!—заторопился Русовъ.—Пойдемъ ко мнѣ.

Они пошли на половину молодого князя.

— Я сдѣлалъ большой долгъ,—сказалъ князь торопливо, безъ всякихъ приступовъ.

— Ну, братъ, это ужъ совсѣмъ глупо,—сказалъ Орловъ.

— Ахъ, это я и безъ тебя знаю,—нетерпѣливо отвѣтилъ Русовъ.—Но дѣло вовсе не въ томъ, чтобы ты мнѣ читалъ наставленія...

— Да я и не думаю тебѣ ихъ читать.

— Ну, и прекрасно, и прекрасно.

Князь нетерпѣливо ходилъ по комнатѣ, позвякивая шпорами, и смотрѣлъ куда-то въ сторону.

— Я обратился къ maman,—продолжалъ онъ отрывисто.—У нея нѣтъ свободныхъ денегъ. Вѣчно все раздастъ своимъ черносалопницамъ, всей этой канальѣ. Она посовѣтовала обратиться къ рара. Легко совѣтовать!.. Я недавно бралъ у него деньги, и онъ устроилъ цѣлую сцену.

— Ну, ужъ и сцену... Просто намылилъ голову молодому повѣсѣ!

— Нѣтъ, именно сцену, грубую и пошлую сцену упрековъ. Я его вовсе не понимаю. У насъ тысячи крестьянъ, а мы вмѣсто доходовъ съ нихъ чуть не разоряемся на нихъ же, строимъ какія-то образцовыя избы, заводимъ какія-то богадѣльни и школы по деревнямъ. Мнѣ нужны деньги, а онъ дѣлаетъ сцены. «Ты кутишь, ты развратничаешь!»—говоритъ мнѣ. Но позволь спросить, кто же подалъ первый примѣръ? Не онъ ли содержитъ Андронову? Наконецъ, я молодъ, я еще только начинаю жить, я не могу жить по-нищенски, пробавляясь даровыми амурами съ горничными. Притомъ у меня товарищи...

Орловъ слушалъ эту отрывистую исповѣдь и удивлялся: онъ вовсе не зналъ въ послѣднее время интимной жизни своего друга.

— Но при чемъ же я во всей этой исторіи?—спросилъ онъ, наконецъ.

— О, ты можешь многое сдѣлать. У васъ какія-то интимныя отношенія съ отцомъ,—сказалъ онъ не то презрительно, не то иронически.—Maman говоритъ, что отецъ тебя чуть ли не геніемъ считаетъ и, кажется, сожалѣетъ только объ одномъ, что не онъ былъ виновникомъ твоего явленія на свѣтъ.

— Что за глупыя шутки...

— Нѣтъ, я серьезно говорю. Maman мнѣ дала совѣтъ поговорить съ тобой: она убѣждена, что отецъ тебѣ не откажетъ ни въ чемъ и послушаетъ тебя.

— Это тебѣ сказала мать?

— Ну, да, она!

Орловъ пожалъ плечами.

— Убѣди отца, что мнѣ нужны деньги, — продолжалъ князь: — что въ наши годы есть потребности, требующія расходовъ, что я стою въ такомъ положеніи, что... Ну, да ты самъ знаешь, что нужно сказать... Я, право, не такъ уменъ, чтобъ учить тебя...

— Признаюсь тебѣ, мнѣ очень тяжело исполнить твое порученіе,—сказалъ Орловъ.

— Ахъ, мнѣ, можетъ-быть, еще тяжелѣе просить объ этомъ тебя!—сорвалось съ языка князя.

— Твой отецъ не изъ тѣхъ людей, которые допускаютъ вмѣшательство постороннихъ въ свои семейныя дѣла,—продолжалъ Орловъ. —Онъ разсердится не только на меня, но и на тебя за то, что ты обратился къ посреднику... Это совсѣмъ безтактно... Неужели твоя мать не могла этого сдѣлать сама?

— О, развѣ ты не знаешь положенія maman!—воскликнулъ князь. — Отецъ такъ холоденъ съ ней, она такъ несчастна, что ей было бы страшно тяжело хлопотать обо мнѣ въ этомъ дѣлѣ... Они совсѣмъ чужіе другъ другу...

Орловъ колебался.

— Да ну же, рѣшайся скорѣе!—вдругъ съ лаской и чуть не со слезами сказалъ князь. — Вѣдь тутъ замѣшана моя честь. Пойми ты это! Это — не прихоть, клянусь тебѣ. Ну, я зарвался, дѣйствовалъ очертя голову. Но нельзя же позорить меня ради этого. Конечно, ему все равно, опозорю я себя или нѣтъ, но вѣдь тутъ все же наша фамилія будетъ замѣшана... Мнѣ нужны деньги сегодня же или завтра утромъ, нужны до зарѣзу! Вѣдь ты выхлопочешь, да?

Онъ вдругъ бросился Орлову на шею.

— Я знаю, что я дурно дѣлаю, я знаю!—говорилъ онъ, обнимая его.—Но нельзя же меня губить за это... Ну, ты поругай меня, поругай, какъ хочешь, а все же сдѣлай, во имя нашей дружбы. Или ты сердишься на меня? Я въ послѣднее время какъ будто отстранился отъ тебя, но не думай, чтобъ я разлюбилъ или забылъ тебя. Нѣтъ, голубчикъ, нѣтъ... У меня на душѣ...

Онъ неожиданно оборвалъ рѣчь и вдругъ расхохотался громкимъ, натянутымъ смѣхомъ.

— Теперь чередъ любви, и потому дружба немного отодвинута на второй планъ. Это чисто физіологическія причины. Ничего не подѣлаешь... Я же такой пустой человѣкъ.

Орловъ пожалъ плечами и коротко отвѣтилъ:

— Я попытаюсь.

— Смотри, теперь же,—дѣло не терпитъ отлагательства.

— Хорошо, хорошо.

Орловъ оставилъ своего друга и направился въ кабинетъ стараго князя, сознавая, на какой рискованный шагъ онъ рѣшается. Его лицо было блѣдно, глаза немного потемнѣли,

выраженіе лица было тревожное. Онъ не зналъ, какъ деликатнѣе приступить къ дѣлу. Впервые онъ почувствовалъ то разстояніе, которое отдѣляетъ его отъ князя. При первомъ его словѣ князь могъ указать ему на его настоящее мѣсто. Князь, сидѣвшій у письменнаго стола, ласково протянулъ ему руку и по обыкновенію взглянулъ на него.

— Что-нибудь случилось?—спросилъ онъ тревожно, пораженный выраженіемъ его лица.

Орловъ не вдругъ собрался съ духомъ, зная, что его слова будутъ прежде всего тяжелы для старика, огорчатъ его. Наконецъ, онъ отвѣтилъ:

— У Александра случилась маленькая непріятность, Александръ Владиміровичъ,—онъ немного запутался въ денежныхъ дѣлахъ.

Князь нахмурилъ брови и ничего не отвѣтилъ. Орлову стало еще тяжелѣе продолжать начатый разговоръ.

— Ему надо помочь, если возможно. Это, кажется, слишкомъ тяжело отзовется на немъ, если его не выручить, такъ какъ тутъ идетъ вопросъ о чести,—продолжалъ онъ.

Орловъ говорилъ взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ, хотя онъ со своей точки зрѣнія далеко не вполнѣ сознавалъ все значеніе своего вмѣшательства въ дѣла этихъ отца и сына. Въ его кругу подобное вмѣшательство имѣло бы далеко не такое значеніе, какъ тутъ. Князь всталъ и заходилъ по комнатѣ. Выраженіе его лица сразу измѣнилось, сдѣлалось невообразимо холоднымъ и надменнымъ, почти отталкивающимъ.

— Это онъ прислалъ тебя посредникомъ?—спросилъ онъ отрывисто.

Орловъ не хотѣлъ ни изворачиваться, ни лгать и отвѣтилъ прямо:

— Да.

Князь передернулъ съ негодованіемъ плечами.

— Громоотводъ выставляетъ, прячется за чужую спину, чтобы первый гнѣвъ отразился на другомъ, — сказалъ онъ желчно.

— Ну, послѣдняго я не думаю,—сказалъ Орловъ.—Онъ просто труситъ, какъ ребенокъ.

— Не ребенокъ, а натура трусливаго зайца, — сказалъ князь съ презрѣніемъ и наставительнымъ, почти суровымъ тономъ прибавилъ:—но, признаюсь, я не понимаю и тебя, какъ ты взялся, какъ ты могъ взяться за это порученіе. Ты — не ребенокъ, ты не глупъ и долженъ понимать все

значеніе подобнаго вмѣшательства въ чужія дѣла. Или ты думаешь, что я не откажу тебѣ, если ты станешь просить за него,—откажу ему, но не откажу *тебѣ?*

Князь произнесъ послѣднія слова съ сильнымъ удареніемъ.

— Что за мысль! Онъ мнѣ сынъ, а ты...

Князь не кончилъ и оборвалъ начатую фразу.

— О, я вовсе этого не думалъ! — горячо воскликнулъ Орловъ. — Не можете же вы любить меня больше сына. Я просто являюсь изъ двухъ школьниковъ болѣе храбрымъ: одинъ напалилъ, а другой идетъ выгораживать его — вотъ и все. Я самъ вызвался, когда онъ сказалъ мнѣ...

— Не лги на себя и не выгораживай его. Ты самъ сказалъ, что онъ просилъ!—перебилъ его князь.

— Ну да, онъ просилъ, я предложилъ услуги, не думая о дурныхъ послѣдствіяхъ. Если бы вы были менѣе добры ко мнѣ, если бы вы меня не пріучили съ дѣтства смотрѣть на васъ, какъ на родного, какъ на отца, — повѣрьте мнѣ, я никогда не осмѣлился бы явиться къ вамъ, князь, съ такимъ порученіемъ. Если я ошибся въ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ, простите мнѣ эту ошибку и не считайте моей выходки за дерзость. Это только опрометчивость, не болѣе.

Въ голосѣ Орлова прозвучали какія-то новыя нотки вѣжливой холодности, сдержанной гордости. Онъ взялъ принесенный имъ портфель, вынулъ изъ него бумаги и письма, переписанныя и составленныя имъ дома, и, подавляя волненіе, сухимъ, немного невѣрнымъ тономъ сказалъ:

— Я, князь, написалъ все, что было нужно. Вы желали дать мнѣ на сегодня для провѣрки два отчета вашего управляющаго изъ Осиновки и Льговки. Могу я ихъ взять?

Князь посмотрѣлъ на него пристально.

— Ты это, что же, хочешь разыграть роль обиженнаго и оскорбленнаго?—спросилъ онъ насмѣшливо.

Орловъ сдѣлался еще блѣднѣе. Насмѣшка стараго барина кольнула его въ самое сердце.

— Я, князь, не желаю играть никакой роли,—съ достоинствомъ отвѣтилъ онъ.—Я всегда былъ и буду тѣмъ, что я есть! Я немножко взволнованъ, но ужъ, конечно, въ этомъ виноваты не вы, а я самъ. Вы совершенно правы, что я не имѣлъ никакого права брать на себя неподходящихъ порученій и фамильярничать тамъ, гдѣ...

Онъ не кончилъ фразы.

— Гдѣ что?—сухо спросилъ князь.

— Гдѣ будутъ меня терпѣть, конечно, только до тѣхъ

поръ, покамѣстъ я буду умѣть держать себя въ указанныхъ мнѣ моимъ положеніемъ границахъ,—ровнымъ голосомъ сказалъ Орловъ.

Князь не спускалъ съ него глазъ, и его лицо теперь слегка озарилось усмѣшкой взрослаго человѣка, смотрящаго на разсердившагося ребенка.

— А мы съ душкомъ!—проговорилъ онъ.—Съ норовомъ...

— Это понемногу, Богъ дастъ, удастся вырвать съ корнемъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Я извиняюсь еще и еще разъ и прошу васъ не вспоминать объ этомъ печальномъ для меня обстоятельствѣ.

Онъ сѣлъ на свое обычное мѣсто и, не поднимая глазъ отъ бумагъ, принялся за дѣло. Въ его головѣ былъ какой-то хаосъ; онъ чувствовалъ, что въ эту минуту онъ какъ будто поставилъ на карту свои будущія отношенія къ князю. Или онъ сдѣлается простымъ работникомъ у князя, или онъ завоюетъ себѣ право быть вполнѣ своимъ человѣкомъ у старика. Онъ самъ не понималъ, какъ все это приняло такой оборотъ, какъ онъ вспылилъ, сказалъ больше, чѣмъ слѣдовало. Но онъ не раскаивался. Въ его душѣ была только горечь, и ему вдругъ вспомнилось, что вотъ съ Лампадовымъ у него не вышло бы никогда такой сцены; съ тѣмъ онъ имѣлъ больше правъ быть вполнѣ самимъ собою, тогда какъ здѣсь нужно быть на-сторожѣ, носить маску, глубже обдумывать каждый свой шагъ. А что если порвутся навсегда его прежнія отношенія къ князю? «Ну, и пусть, и пусть порвутся! Не пропаду я и безъ него»,—думалъ онъ, и въ то же время ему думалось, что, можетъ-быть, эти отношенія станутъ теперь еще прочнѣе. Онъ работалъ, хотя его чуть не била лихорадка. Князь продолжалъ ходить по кабинету. Его шаги становились медленнѣе и ровнѣе. На его лицѣ разглаживались морщины. Наконецъ, онъ подошелъ къ Орлову и, закрывъ рукою лежавшія передъ нимъ бумаги, сказалъ:

— Брось, ты все равно ничего не поймешь въ нихъ теперь.

Эта фраза была произнесена спокойнымъ, добродушнымъ тономъ.

Орловъ поднялся съ мѣста.

— Ты правъ, я тебя обидѣлъ,—продолжалъ князь и, обнявъ его за талію одною рукой, снова началъ ходить по кабинету уже вмѣстѣ съ нимъ.—Ты имѣлъ полное право не считать себя чужимъ и не подозрѣвать такихъ глупостей,

какъ неприличіе вмѣшательства въ дѣла мои и Александра. Да, ты у насъ свой...

Онъ вдругъ улыбнулся и шутливо спросилъ:

— Прикажешь еще извиниться?

Орловъ только прижалъ локтемъ руку князя, охватившую его талію.

Князь ласково улыбнулся.

— Сколько у него долгу?—спросилъ онъ.

Орловъ сказалъ, что онъ справится.

— Хорошо, послѣ! Я, конечно, заплачу,—сказалъ князь.— Но скажи ему, что я очень-очень недоволенъ имъ. Что онъ кутитъ — это еще не бѣда. Кутятъ, къ несчастью, всѣ, подобные ему. Но скверно то, что онъ только кутитъ. Кутили и мы, но мы и людьми были, у насъ было и что-нибудь святое, завѣтное, ради чего эти кутежи часто отходили на послѣдній планъ, когда было нужно. А они...

Князь безнадежно махнулъ рукой.

— Мнѣ съ нимъ объясняться нечего,—продолжалъ онъ.— Я уже мѣсяцъ тому назадъ говорилъ съ нимъ, но мы говоримъ на разныхъ языкахъ и не понимаемъ другъ друга... вотъ какъ ты у себя въ семьѣ... Впрочемъ, онъ, я думаю, и никого не понимаетъ, кромѣ своихъ милыхъ пріятелей. Онъ, кажется, даже съ тобою совершенно разошелся?

— О, онъ вполнѣ искренно любитъ меня,—отвѣтилъ Орловъ.

— Да, да, онъ любитъ тебя; онъ вѣдь весь міръ любитъ!— сказалъ съ горечью князь. — А любить весь міръ, значитъ, не любить никого.

— Право, Александръ Владиміровичъ, онъ добрый, — вступился Орловъ за друга.

— Ему лѣнь быть злымъ, — отвѣтилъ князь. — Это еще далеко не доброта... Ну, да что-жъ тутъ толковать! Натуры человѣка не передѣлаешь: родился горбатымъ, горбатымъ и умретъ. Для такихъ, какъ онъ, только и есть одно средство: надѣть на нихъ узду и сдерживать ихъ хотя отъ нѣкоторыхъ глупостей, если нельзя ихъ сдѣлать умными.

Орлова страшно поражало одно обстоятельство: князь говорилъ о сынѣ, какъ о чужомъ, равнодушно, спокойно, холодно. Онъ скоро перешелъ къ другой темѣ, какъ будто спѣша покончить неинтересный разговоръ, и сталъ говорить о дѣлахъ.

Орлова изумляли эти отношенія старика Русова къ его женѣ и къ сыну. Княгиня была, несмотря на свои годы, хороша собою, она была добра и привѣтлива, она была та-

кимъ живымъ и веселымъ существомъ, а между тѣмъ князь измѣнялъ ей, содержалъ любовницу, былъ холоденъ и даже невнимателенъ съ женою. Князь также холодно относился и къ сыну, мало обращая на него вниманія, иногда раздражаясь слабыми сторонами юноши, порой относясь къ нему почти несправедливо и придирчиво. И между тѣмъ этотъ же князь былъ безупречно честнымъ человѣкомъ, былъ снисходителенъ и добръ съ посторонними и былъ способенъ на такую искреннюю привязанность и нѣжность, какую онъ оказывалъ Орлову. Орловъ сознавалъ, что только любящій отецъ могъ няньчиться такъ со своимъ сыномъ, какъ нянчился съ нимъ этотъ важный старикъ. Какъ объяснить эти противорѣчія? Гдѣ найти ключъ къ разгадкѣ этой тайны человѣческаго сердца? Орловъ не могъ рѣшить этого вопроса и чувствовалъ только глубокое сожалѣніе и къ княгинѣ, и къ Александру Русову, видя, какъ холодно относится къ нимъ этотъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ.

Но останавливаться на этихъ вопросахъ не было ни охоты, ни времени. Всѣ эти мелкія огорченія и радости частной жизни уходили какъ-то сами собою на послѣдній планъ, заслоняемыя иными интересами, иными событіями. Послѣдняя книжка журнала, новая, ходившая по рукамъ, записка о положеніи крестьянъ, первая напечатанная за границей статья Герцена о Россіи, Богъ знаетъ кѣмъ и какъ завезенная въ Россію, собраніе товарищей у кого-нибудь изъ студентовъ, страстные споры вкривь и вкось объ общественныхъ дѣлахъ, все еще хранившихся покуда по большей части въ глубокой тайнѣ, толки о женскомъ вопросѣ, о равноправности женщинъ съ мужчинами—все это занимало гораздо больше молодой умъ, волновало сильнѣе молодую кровь, чѣмъ размышленія о томъ, почему въ той или другой семьѣ идетъ разладъ, почему на ту или другую личность обрушились будничныя невзгоды. Орлова не особенно волновало даже событіе, касавшееся прямо его семьи. Это событіе — отставка его отца.

Въ одинъ прекрасный день молодой человѣкъ засталъ всю семью въ слезахъ.

Леша отозвалъ его въ сторону и таинственно сообщилъ ему:

— Дядю по шапкѣ... По шапкѣ дядю, а тетя плачетъ, горько плачетъ... Аннушка тоже плачетъ.

— Какъ по шапкѣ?—спросилъ Митя, ничего не понимая.

— Такъ по шапкѣ... погнали со службы. Ѳедоръ Гаври-

лычъ пришелъ и далъ ему по шапкѣ. «Убирайся, говоритъ, старый хрѣнъ...» Дядя и убѣжалъ, а тетя — ну, плакать... ну, плакать...

Орловъ началъ разспрашивать мать, и она, рыдая, отвѣтила ему:

— За штатомъ, за штатомъ отца оставили!.. Вотъ служилъ, служилъ и выслужилъ... Новое начальство назначили, такъ старыхъ служакъ и погнали... Это за службу-то, въ благодарность-то...

Молодой человѣкъ сталъ утѣшать старушку.

— Что-жъ, отцу пора и отдохнуть, — сказалъ онъ. — Довольно послужилъ. Нельзя же вѣчно тянуть лямку.

— Да чѣмъ мы жить-то будемъ, чѣмъ жить будемъ? — восклицала Марья Ѳедоровна.

— Ну, мама,- вѣдь кое-что скоплено, пенсія небольшая будетъ... Наконецъ, я теперь въ состояніи поддерживать васъ. Вы знаете, какъ князь щедро платитъ...

— Да это такъ, такъ, голубчикъ, а только за что же, за что обидѣли-то.

— Теперь нужны молодые чиновники, — сорвалось съ языка сына.

— Молодые,—съ негодованіемъ повторила мать.—Что-жъ, молодые-то лучше будутъ? Звѣздъ съ неба нахватали! Такъ ужъ лучше бы старыхъ-то прямо въ мѣшокъ, да въ воду! Легче бы было, легче бы! А то теперь осрамили. Безъ прошенія такъ прямо взяли да и вышвырнули. Да что люди-то будутъ говорить? Кто повѣритъ, что стараго человѣка, служившаго вѣрой и правдой, безъ вины отставили? Вонъ и то ужъ толкуютъ, что за взятки...

— Ну, что вамъ за дѣло, что будутъ говорить,—сказалъ нетерпѣливо Орловъ. — И говорить-то никто ничего не будетъ, потому не одного отца за штатомъ оставили, а вездѣ сокращаютъ штаты и старыхъ чиновниковъ новыми замѣняютъ.

— Ахъ, Митя, Митя, отца-то видно тебѣ не жаль! Или чужой онъ тебѣ?—не воздержалась и упрекнула сына Марья Ѳедоровна.—Онъ вотъ съ горя-то не въ своемъ видѣ пришелъ, разливается, плачетъ, такъ въ слезахъ и заснулъ. Конечно, тебѣ что? Ты—отрѣзанный ломоть!

Орловъ поблѣднѣлъ и сдержанно проговорилъ:

— Если-бъ отрѣзанный ломоть былъ, такъ не былъ бы здѣсь. Грѣхъ вамъ, мама, это говорить! И говорите вы это потому, что надо же на комъ-нибудь сорвать сердце. Одного

вы только, мама, не разсчитываете, что не весело вашимъ близкимъ, когда вы сегодня на мнѣ, завтра на сестрѣ, послѣзавтра на отцѣ срываете свое сердце. Тутъ поневолѣ убѣжишь изъ дому, станешь отрѣзаннымъ ломтемъ...

Марья Ѳедоровна вдругъ притихла, вдругъ принизилась.

— Знаю, знаю, голубчикъ, все знаю! — тихо заплакала она. — Сама не рада, сама не рада, что характеръ такой проклятый сталъ!.. Иногда, кажется, на свѣтъ не смотрѣла бы, въ могилу бы легла... Да, живется-то не легко, — охъ, какъ не легко! Тоже не отъ радости состарилась...

Она дѣйствительно была неузнаваема: похудѣла, пожелтѣла, сморщилась. Она все чаще и чаще жаловалась на біеніе сердца и одышку.

— А кому же легко-то? — тихо проговорилъ Орловъ со вздохомъ.

— Знаю, что всѣмъ не легко, всѣмъ жизнь-то каторга, да отъ знатья-то этого не легче, — продолжала плакать Орлова.

— Полноте, родная!.. Не думайте вы, кто что говоритъ будетъ; живите себѣ, какъ самимъ хочется, и все будетъ хорошо... Денегъ хватитъ,—ну, и слава Богу!..

— Да на шеѣ-то твоей не хочется сидѣть, твой-то вѣкъ заѣдать не сладко...

— Полноте! Считаться, что ли, еще грошами начнемъ?

Молодой человѣкъ поцѣловалъ мать, сказалъ еще какую-то успокаивающую фразу и ушелъ въ свою комнату. Ему было тяжело. Онъ долго въ волненіи ходилъ у себя, и странныя чувства поднимались въ его душѣ. Ему было вовсе не жаль отца за то, что тотъ потерялъ мѣсто; онъ даже почти радовался, что начали, наконецъ, хотя выметать всѣ эти старые канцелярскіе притоны,—можетъ-быть, новая метла будетъ лучше мести. Но среди этихъ размышленій его точно грызла мысль о томъ, что онъ какъ будто охладѣлъ къ семьѣ, сдѣлавшей для него все, что она могла сдѣлать. Однако, онъ помогалъ теперь этой семьѣ, онъ готовъ былъ отдать ей послѣдній грошъ,—значитъ, все-таки онъ любилъ ее? — Да. Но не была ли эта готовность помогать семьѣ просто слѣдствіемъ сознанія своего долга, слѣдствіемъ разсудочной благодарности, наконецъ, слѣдствіемъ гордаго желанія, чтобъ его близкіе не нуждались въ чужой помощи?.. Безпредѣльной любви тутъ уже не было, не было той любви, которая рыдаетъ надъ страдающимъ человѣкомъ, хотя бы его страданіемъ былъ спасенъ весь міръ. Но вѣдь именно

эта-то любовь — слѣпая, животная, безумная — и приводила къ тысячамъ бѣдствій общество: отецъ семейства грабилъ чужихъ людей ради своихъ любимыхъ дѣтей; мать готова была заморить голодомъ, обобрать постороннихъ дѣтей ради спасенія своего дѣтища; дѣти дѣлали всякія безобразія, если эти безобразія были угодны ихъ родителямъ. Не нужно ли освобождаться отъ этой любви, какъ отъ порока? И все-таки какая-то тупая боль была въ его сердцѣ. Въ немъ какъ будто боролись два чувства, два существа; внутри происходила какая-то мучительная ломка, точно разсудокъ и сердце вступили въ борьбу между собою и не могли одержать другъ надъ другомъ побѣды. Ему вдругъ вспомнились тѣ римскія и греческія матери-патріотки, которыя отправляли, какъ на пиръ, на борьбу за родину своихъ сыновей и плакали не тогда, когда ихъ дѣти падали за родину, а тогда, когда ихъ дѣти убѣгали живыми съ поля сраженія, не рѣшившись биться до конца. Ему вспоминалось стихотвореніе Гейне: «Что мнѣ жена, что дѣти мнѣ, когда императоръ въ плѣну!» Еще одинъ образъ промельнулъ передъ нимъ, чистый образъ Христа, говорившаго, что Ему мать, сестры и братья только тѣ, кто идетъ по Его стопамъ, раздѣляетъ Его убѣжденія. Орловъ точно хотѣлъ оправдаться въ чемъ-то передъ самимъ собою, передъ тѣми воззрѣніями, которыя прививали ему съ дѣтства. Эта ломка происходила въ его душѣ въ эти памятные дни уже не въ первый и, можетъ-быть, не въ послѣдній разъ.

Но волны житейскаго моря шумѣли кругомъ все сильнѣе, и сильнѣе и рыться много въ своей душѣ было некогда. Изъ дома опять потянуло къ товарищамъ или къ работѣ, отъ размышленій о своей семьѣ тянуло къ вопросамъ дня.

II.

— Чего они ждутъ? Чего они секретничаютъ?

Эту фразу все чаще и чаще повторялъ князь Русовъ, все болѣе и болѣе рѣзко говорившій объ общественныхъ дѣлахъ. Слѣдя изо дня въ день за его настроеніемъ, не трудно было замѣтить, какъ онъ отъ самыхъ яркихъ и смѣлыхъ надеждъ постепенно дошелъ до самыхъ мрачныхъ и боязливыхъ опасеній.

Это настроеніе начинало охватывать уже не одного его.

— Засѣдаютъ, толкуютъ, ничего не рѣшаютъ и все ограничивается покуда замѣной стараго титулярнаго совѣтника новымъ титулярнымъ совѣтникомъ, — говорилъ онъ какъ-то

сидѣвшему въ его кабинетѣ Лампадову. — Хотятъ, вѣрно, чтобы снизу началось? Броженія теперь не остановишь. О крестьянскомъ вопросѣ говорятъ всѣ, и никакими канцелярскими усиліями не сдѣлаешь его секретнымъ. Устроили секретный комитетъ, а о немъ чуть не на площадяхъ толкуютъ.

— Еще бы! — съ усмѣшкой замѣтилъ старикъ. — Достаточно, чтобы двѣ-три барыни знали, что ихъ мужья ѣздятъ въ этотъ секретный комитетъ, и объ этомъ заговоритъ весь городъ. Да, наконецъ, этого и отъ какихъ-нибудь лакеевъ и камердинеровъ не скроешь, а они секретничать не станутъ.

— И кто въ комитетѣ засѣдаетъ,—сказалъ князь. —Вѣдь повѣрить трудно, что туда избраны такіе люди! Одинъ непополярнѣе другого.

Онъ съ иронической улыбкой перечислилъ нѣсколько именъ.

— Почти всѣ люди враждебные дѣлу, — сказалъ Лампадовъ.

— Да, къ несчастію!.. И знаешь ли, кого эти господа боятся? Вотъ ихъ, — князь указалъ головой на Орлова:— профессоровъ и студентовъ. Это—фактъ!

Князь презрительно передернулъ плечами и передалъ ходившіе тогда въ городѣ слухи о томъ, что одинъ изъ членовъ секретнаго комитета, занимавшагося крестьянскимъ вопросомъ, говоря о недопущеніи въ печать статей о крѣпостномъ состояніи, замѣтилъ, что писать будутъ не помѣщики, а профессора и студенты.

— Да они тамъ почти всѣ противъ гласности въ этомъ дѣлѣ,—замѣтилъ князь.—Ну, что-жъ, и дождутся того, что ужъ не гласность, а воззванія будутъ появляться въ вольной русской типографіи. Вотъ починъ сдѣланъ.

Онъ указалъ на одну изъ брошюръ Герцена, пророча, что это дѣло разрастется, что нужно скорѣе начать все сверху, чтобы не дать ничему возможности начаться снизу.

— Обществу, чтобъ оно успокоилось, прежде всего нужна теперь ясная и опредѣленная программа будущей дѣятельности, — продолжалъ Русовъ. — Оно должно теперь твердо убѣдиться, что все пойдетъ не по-старому, а по-новому, и должно знать, какъ пойдетъ по-новому. Безъ этого, безъ ясной и опредѣленной программы, будетъ только расти смута, а горючаго матеріала накопилось уже довольно.

Князь въ послѣднее время часто раздражался и дѣлался все болѣе и болѣе желчнымъ. Орловъ очень хорошо пони-

малъ его настроеніе, потому что и въ его товарищескомъ кругу начинали смутно бродить тѣ же тревожные толки о проволочкахъ, о замедленіяхъ, объ откладываніяхъ по дѣлу одного изъ главнѣйшихъ вопросовъ. Недовольные этою нерѣшительностью не хотѣли и не могли принимать во вниманіе того, какая масса враговъ была противъ освобожденія крестьянъ, какъ трудно было совершить это дѣло разомъ, какая подпольная борьба велась противъ приверженцевъ предстоящей реформы.

Но недовольные проволочками составляли все-таки относительно небольшія группы людей среди безпечно ликующихъ и веселящихся гражданъ, вздохнувшихъ свободнѣе при вѣстяхъ о мирѣ, отпраздновавшихъ шумно дни коронаціи, отдавшихся снова театрамъ, клубамъ, баламъ, благотворительнымъ концертамъ и лотереямъ. Всѣ эти развлеченія и увеселенія теперь точно съ неба посыпались послѣ долгаго траура и продолжительной скуки. Люди, съ жадностью проголодавшихся, отдались возможности повеселиться, поразнообразить свою жизнь. Въ числѣ этихъ ликующихъ была и княгиня Русова.

Никогда еще не занималась княгиня такъ дѣятельно и оживленно благотворительностью съ музыкой, какъ теперь. Она, подобно сотнямъ другихъ такихъ же барынь, порхала и носилась вездѣ и всюду со своими аллегри, со своими концертами, со своими домашними спектаклями, сдѣлавшимися самыми модными развлеченіями. Присматриваясь теперь поближе къ ней, можно было замѣтить, что она точно ловитъ послѣдніе свѣтлые дни своей молодости и красоты, стоя на рубежѣ сорокалѣтняго возраста, этого страшнаго бабьяго вѣка. Живая по натурѣ, кокетливая, потому что ей вѣчно пѣли дифирамбы, легкомысленная, потому что ей всегда жилось легко, она была добра и привѣтлива. Ея подвижная натура не давала ей покоя, требовала дѣятельности, но этой дѣятельности не было: не за хозяйствомъ же смотрѣть женщинѣ, имѣющей сотни тысячъ годового дохода, не дѣтей же воспитывать, когда на это есть гувернеры и гувернантки. Она отдалась благотворительности, какъ дѣти отдаются игрушкамъ и играмъ. Ее занимали засѣданія комитетовъ, разъѣзды по бѣднымъ, безконечная дѣловая переписка, благотворительные концерты, елки, балы, аллегри. Она очень любила говорить о своей усталости отъ всѣхъ этихъ хлопотъ и сознавать, что она точно устаетъ. А тысячи мелкихъ столкновеній, мелкихъ интригъ, мелкихъ романовъ и похо-

жденій, все это таинственное и запретное такъ сладко волновало и возбуждало ее. Но годы брали свое, ее начинали заслонять новыя красавицы, новыя звѣзды первой величины, и она какъ-то лихорадочно старалась отогнать отъ себя мысль, что она скоро должна сойти со сцены и начать вывозить въ свѣтъ своихъ дочерей: княжны Ольга и Софья Русовы были уже не дѣвочками. Правда, княгиню еще окружали поклонники, но эти поклонники были теперь все больше юноши, едва начинающіе жить и увлекающіеся нерѣдко женщинами именно тѣхъ лѣтъ, какихъ была княгиня. Среди этихъ поклонниковъ былъ одинъ, пробуждавшій въ ней странное чувство, — пробуждавшій уже давно, чуть не съ дѣтства. Это былъ Митя Орловъ. Онъ все попрежнему благоговѣлъ передъ нею, но годы и опытность научили его быть сдержаннѣе, рѣже высказываться, рѣже смущать ее страстными взглядами. Онъ даже и встрѣчался съ нею рѣже, и она шутливо замѣчала, что мужъ похитилъ его у нея. Но это не мѣшало ей иногда давать ему порученія по части благотворительности, приглашать его въ распорядители на великосвѣтскихъ концертахъ и въ домашнихъ спектакляхъ наравнѣ съ цѣлой массой правовѣдовъ, лицеистовъ и тому подобной молодежи, толкавшейся въ кругу дамъ-благотворительницъ.

— Ты, Митя, ужасный дикарь!—говорила она ему смѣясь.—Нельзя же вѣчно возиться съ этими скучными бумагами и не пользоваться молодостью.

Она спрашивала, сколько ему лѣтъ. «Двадцать первый годъ? Боже мой, какъ время летитъ! Давно ли онъ былъ ребенкомъ девяти лѣтъ? А теперь... теперь онъ такъ выросъ, возмужалъ». Она всматривалась въ него и снова не могла дать себѣ отчета: дуренъ ли онъ, или поразительно хорошъ собою. «Нѣтъ, онъ просто красавецъ!»—рѣшила она, всматриваясь въ эти выразительные, измѣнчивые и глубокіе глаза, въ это нервное и подвижное лицо съ темными бровями, съ мягкими свѣтлыми волосами, съ капризнымъ вихромъ на лбу. Казалось, въ каждой чертѣ этого лица дышала нервность, страстность, возбужденность.

— Ты, Митя, могъ бы быть превосходнымъ актеромъ,— сказала она ему разъ.—Твое лицо говоритъ безъ словъ.

— Не думаю. Я притворяться не умѣю и сыгралъ бы только самого себя,—отвѣтилъ онъ.

— А Чацкаго?—спросила она мелькомъ.

— Чацкаго?.. Да, можетъ-быть, Чацкаго сыгралъ бы,— отвѣтилъ онъ.

— Ну, и прекрасно, и прекрасно!—обрадовалась она.— Я ловлю тебя на словѣ и будешь играть.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога!—воскликнулъ онъ.—Я струшу, растеряюсь и убѣгу со сцены. Я вовсе не желаю потѣшать вашихъ дамъ своимъ бѣгствомъ.

— Не принимаю никакихъ отговорокъ, не слушаю ничего, и ты будешь играть для моихъ бѣдныхъ!—сказала она.—А мы впередъ разгласимъ, что у насъ будетъ лучшій Чацкій, какого когда-нибудь видѣлъ Петербургъ, что мы открыли генія!..

— И этого Чацкаго ошикаютъ и освищутъ.

— Пожалуйста, не выдумывай! Во-первыхъ, шикать и свистать у насъ не принято, а во-вторыхъ, — ты будешь восхитителенъ...

Она смѣялась и радовалась новой затѣѣ. Ей предстояло еще одно развлеченіе: устроить новый спектакль и вывести на сцену новаго артиста. У княгини все дѣлалось быстро, по щучьему велѣнью, безъ отлагательствъ и безъ отговорокъ. Орловъ былъ смущенъ, узнавъ, что княгиня серьезно хочетъ устроить спектакль съ нимъ, и даже не могъ удержаться, чтобы не пожаловаться шутливо князю.

— Помилуйте, вѣдь я ступить не умѣю на сценѣ!—говорилъ онъ.

— Ну да, а онѣ, барыни эти, понимаютъ что-нибудь?— съ улыбкой сказалъ князь. — Смазливое личико, горячая рѣчь, красивая фигура,—ну, и будутъ аплодировать.

— Нѣтъ, это предательство со стороны Марьи Львовны,— говорилъ Орловъ.

— Ну, да уже теперь поздно отказываться! — сказалъ князь. — Надо было прежде спасаться отъ этихъ барынь. Впрочемъ, что-жъ, нынче вошло въ моду комедіи разыгрывать,—и на сценѣ, и въ жизни только и дѣлаютъ, что комедію разыгрываютъ...

Орлову волей-неволей приходилось принять участіе въ домашнемъ спектаклѣ. Это его немало смущало. Въ домѣ княгини между тѣмъ пошли репетиціи, въ режиссеры былъ приглашенъ одинъ изъ выдающихся артистовъ императорскихъ театровъ, роль Софьи взяла на себя одна изъ знаменитостей, сошедшихъ со сцены, Фамусова игралъ одинъ изъ важныхъ любителей сценическаго искусства. Отъ спектакля ждали очень многаго и приготовлялись къ нему тща-

тельно. Собственно составъ актеровъ очень мало интересовалъ публику, но всѣхъ занималъ составъ зрителей, блестящій балъ послѣ спектакля, выписываемые изъ-за границы наряды. Княгиня же заботилась, главнымъ образомъ, о спектаклѣ. Она впередъ разсказывала всѣмъ, что ничего подобнаго никто не видалъ, что одни танцы въ третьемъ дѣйствіи приведутъ всѣхъ въ восторгъ, такъ какъ танцовать будутъ первыя великосвѣтскія красавицы, и танцы будутъ аганжированы извѣстнымъ балетмейстеромъ. Всѣ волновались и ждали съ нетерпѣніемъ назначеннаго вечера. Орловъ готовъ былъ провалиться сквозь землю, серьезно опасаясь, что онъ сбѣжитъ со сцены, и мысленно ругалъ себя за то, что онъ согласился играть. Репетиціи шли довольно плохо. Софья и Лиза капризничали нестерпимо. Артистка, игравшая Софью, читала небрежно давно знакомую ей роль. Лиза будировала за то, что ей нужно явиться съ гладко причесанной головой и въ простенькомъ платьѣ. Фамусовъ, пожилой и чванный баринъ, не обращалъ никакого вниманія на режиссера и относился къ Орлову свысока, едва дѣлая реплики. Орловъ конфузился и отличался только знаніемъ роли, читая ее, какъ урокъ. Режиссеръ, повидимому, вовсе не заботился о немъ и увивался около остальныхъ артистовъ, хорошо знакомыхъ ему въ качествѣ меценатовъ.

Наконецъ, назначенный день насталъ. Въ домѣ князя съѣхались сливки петербургскаго общества. Самъ этотъ домъ былъ неузнаваемъ: онъ точно обновился, точно въ немъ прибавилось цвѣтовъ и зеркалъ. Онъ весь сіялъ и блестѣлъ. Наконецъ, движеніе зрителей начало стихать, на хорахъ послышались звуки музыки, потомъ она стихла и передъ публикой поднялся занавѣсъ; раздались за сценой звуки флейты и фортепіано; красивая плутовка Лиза, заснувшая въ креслѣ, очнулась... Пьеса началась.

— Вамъ, вамъ выходить!—послышался шопотъ надъ ухомъ Орлова, и онъ быстрою, неровною походкой вышелъ на сцену.

Его сразу ослѣпилъ блескъ зрительной залы; передъ глазами мелькнули сотни незнакомыхъ и знакомыхъ лицъ, блестящихъ дамскихъ туалетовъ, военныхъ и статскихъ мундировъ; потомъ все точно исчезло въ туманѣ: ему казалось, что ему дѣлается дурно; въ его умѣ мелькнула мысль о томъ, какъ расхохочутся всѣ эти господа, если онъ вдругъ упадетъ въ обморокъ,—онъ, какой-то студентъ Орловъ, сконфузившійся передъ ихъ сіятельствами. Все это какъ-то мо-

ментально пронеслось въ его головѣ, когда онъ началъ нервно неумѣло свой монологъ. Но это замѣшательство продолжалось двѣ-три минуты и нервная желчная фраза Чацкаго вдругъ зазвучала какой-то ѣдкой иронической ноткой, точно зловѣщее шипѣнье. Съ лицъ зрителей сбѣжали улыбки, невольно набѣжавшіе на нихъ при первыхъ, едва слышныхъ фразахъ Чацкаго. Всѣ вслушивались теперь въ каждое его слово, въ каждый его звукъ и не спускали съ него глазъ, какъ будто стараясь убѣдиться, точно ли потемнѣли его глаза, дѣйствительно ли блѣднѣло и краснѣло его лицо, или это оптическій обманъ. Его голосъ становился все свободнѣе и свободнѣе, все громче и громче. И вдругъ, когда Софья проговорила про него: «не человѣкъ, змѣя!» — въ первомъ ряду креселъ тихо, но отчетливо раздалось:

— Браво, бра-во!

Всѣ слегка обернули въ этомъ направленіи головы и увидали старика-генерала, съ серьезнымъ лицомъ знатока, слѣдившаго за артистомъ. Тихій шопотъ одобренія вдругъ сталъ перебегать по залѣ, какъ будто всѣ только и ждали этого сигнала одобренія. Какая-то старуха въ первомъ ряду креселъ спрашивала уже свою сосѣдку:

— Кто это?

— Орловъ.

— Графъ Орловъ?

— Нѣтъ.

— Я его никогда не встрѣчала.

— Онъ въ первый разъ появился здѣсь...

— Но онъ поразительно хорошъ собою и совсѣмъ gentilhomme. Манеры хорошія...

Занавѣсъ не успѣлъ опуститься, какъ всѣ разомъ зааплодировали и пронеслись крики:

— Орлова, Орлова!

Все общество забыло на мигъ обычай вызывать всѣхъ, не отдавая на подобныхъ спектакляхъ никому предпочтенія, такъ какъ тутъ важны не таланты, а благія намѣренія, благотворительныя цѣли. Занавѣсъ поднялся, вышли всѣ артисты-любители. Орловъ стоялъ сзади всѣхъ и, смотря какъ-то угрюмо, сухо, едва склонилъ голову, точно онъ еще не успѣлъ сообразить, что онъ уже не Чацкій, а Орловъ.

Его успѣхъ росъ съ каждымъ дѣйствіемъ. Игры, чтенія роли не было и слѣда. На сценѣ былъ, казалось, живой человѣкъ, переживавшій всѣ ощущенія героя комедіи. Когда онъ говорилъ: «иду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному

есть чувству уголокъ», всѣмъ показалось, что къ его горлу подступили слезы, что его дѣйствительно душатъ и желчь, и злоба, и горечь.

Успѣхъ былъ полный, небывалый въ этомъ сдержанномъ обществѣ. Вызовамъ не было конца, и всѣхъ дамъ, помимо страстной игры, поражала красота этого лица, гордость его выраженія, благородство манеръ этого человѣка.

— Ну, и обругалъ же ты ихъ всѣхъ за благодарность,— сказалъ, смѣясь, князь, входя въ уборную къ Орлову и пожимая ему руку.

Орловъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ.

— Да ужъ такъ, не оправдывайся! Ты не игралъ, а высказалъ имъ словами Грибоѣдова все, что не могъ бы сказать своими словами не со сцены...

— Такъ вы находите, что я былъ дуренъ? — спросилъ Орловъ.

— Превосходенъ, превосходенъ! Но не какъ актеръ. — сказалъ князь.—Ты больше никогда и ничего не играй. Ты актеромъ никогда не будешь. А Чацкаго... да его хоть каждый день изображай, если нервовъ хватитъ.

Князь былъ очень веселъ и радовался успѣху своего любимца.

— Вотъ что умъ-то значитъ. Вездѣ спасетъ человѣка,— говорилъ онъ Лампадову.—Никакого сценическаго таланта нѣтъ у человѣка, никакой подготовки, а умъ вывезъ.

— Ну, и горячности-то у него много,—сказалъ Лампадовъ.

— Да вонъ у Лизы еще болѣе горячности, а что вышло? Только съ ногъ чуть не сбила всѣхъ, — съ улыбкой замѣтилъ князь.

— Да, ужъ нечего сказать, набѣгалась сердечная! — засмѣялся старикъ, вспомнивъ о Лизѣ, едва не уронившей даже Фамусова въ порывѣ суетливости.

Когда Орловъ вышелъ изъ уборной въ залъ, гдѣ уже начались танцы, его привѣтствовали, какъ возникающую знаменитость, въ него всматривались, обращая въ его сторону лорнеты, съ нимъ старались обмѣняться нѣсколькими любезными словами. Имъ интересовались теперь люди, никогда не обращавшіе на него вниманія, какъ они не обращали вниманія на сотни другихъ дѣтей и юношей изъ бѣдныхъ и изъ крѣпостныхъ, воспитавшихся тогда въ разныхъ барскихъ домахъ, для развлеченія барскихъ дѣтей.

Въ числѣ первыхъ подошла къ нему княгиня Марья Львовна и горячо сжала ему руку.

— Я никогда не могла себѣ представить ничего подобнаго,—сказала она.—Вы были удивительны, неподражаемы!

Его поразило, что она ему говоритъ «вы».

— Я только теперь поняла, сколько вы пережили и перестрадали!—тихо сказала она, снова сжимая ему руку.

Ея лицо сильно горѣло.

Онъ поклонился ей, отвѣчая на рукопожатіе. У него на языкѣ вертѣлся вопросъ, зачѣмъ она говоритъ ему «вы».

— Я рада была, я восхищалась, что они поняли васъ, что они не устояли передъ этой бурей страстнаго чувства и неподдѣльной горечи,—продолжала она.—Сначала я струсила за васъ, а потомъ вдругъ увидала, что вы побѣдите! И вы сами довольны, рады, не правда ли? Вѣдь это такъ отрадно, успѣхъ!

Онъ также тихо отвѣтилъ ей:

— Да. Но этотъ успѣхъ, кажется, заставилъ васъ забыть, что вы мнѣ говорили всегда «ты», а не «вы».

Она вскинула на него глаза, какъ сконфуженная институтка семнадцати лѣтъ.

— О, вы уже не мальчикъ,—прошептала она какимъ-то страстнымъ, дрогнувшимъ голосомъ.

Орловъ уловилъ едва слышный вздохъ.

Къ нимъ подошелъ кто-то, черезъ минуту княгиня была уже оттѣснена отъ Орлова. Ей всѣ говорили о немъ. Какъ онъ ловокъ и изященъ. Какъ онъ хорошъ собою. Это не та правильная и нѣсколько мертвая красота, которая встрѣчается на картинахъ и въ статуяхъ. Нѣтъ, тутъ все правильно: и черты лица, и цвѣтъ лица, и краска на лицѣ; но все это сливается въ такую гармонію при помощи внутренней жизни, отражающейся въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи этого человѣка. Кто онъ? Студентъ петербургскаго университета? Да, но онъ правая рука князя. Князь его называетъ геніальнымъ мальчикомъ. Да развѣ онъ мальчикъ? Помилуйте! Мальчики такъ не чувствуютъ. Надо было много пожить, чтобы такъ чувствовать. О, у него вѣрно были даже сердечные романы, несчастная любовь. Говорятъ, онъ пишетъ стихи? Ахъ, такъ это, можетъ-быть, нашъ будущій Пушкинъ, Лермонтовъ?..

Старая барыня, разспрашивавшая объ Орловѣ во время спектакля, говорила теперь своей сосѣдкѣ:

— Ничему я не вѣрю изъ того, что они разсказываютъ про его происхожденіе.

— Да у него живы еще отецъ и мать!

— Такъ что-жъ изъ этого. Мало ли кого люди называютъ отцомъ и матерью только потому, что имъ сказали: «вотъ ваши отецъ и мать». Сынъ какого-то канцеляриста: статочное ли это дѣло? Вы взгляните на эту фигуру, на эти руки, на это блѣдное лицо!.. Тутъ благородная раса видна.

— Но что же вы предполагаете?

— Что? А то, что у князя тоже были свои романы. И съ чего бы князю няньчится съ нимъ. Что уменъ!.. Ахъ, что вы мнѣ говорите! Да мало ли умныхъ людей на свѣтѣ, однако, князь не няньчится ни съ кѣмъ изъ нихъ! Да, наконецъ, я помню князя молодымъ и, право, мнѣ кажется, что онъ стоитъ снова предо мною въ лицѣ этого юноши.

— Вы находите между ними сходство?

— Какъ двѣ капли воды. Конечно, я давно знала князя молодымъ. Но вѣдь еще, слава Богу, память-то и у меня свѣжа... Во всякомъ случаѣ тутъ есть тайна. Иначе не можетъ быть, и, конечно, какой-нибудь сынъ канцеляриста не попалъ бы сюда. Помилуйте, да тутъ мои дочери...

Отрывки подобныхъ разсужденій долетѣли и до Орлова. Молодой Русовъ спрашивалъ у него:

— Этотъ Грибоѣдовъ еще писалъ что-нибудь? Онъ хорошо написалъ это! Мнѣ нравится, какъ этотъ Чацкій всѣмъ правду въ глаза высказалъ. Только напрасно онъ влюбился въ эту лицемѣрку. Право же, всѣ наши барышни — такія, и изъ-за нихъ не стоитъ такъ мучиться. Конечно, приходится на нихъ жениться, такъ какъ нельзя же дѣлать разныхъ mesaillances. Но обмануть — онѣ всегда обманутъ. Ахъ, я теперь все это понимаю, понимаю, какъ я часто несправедливо обвинялъ рара и другихъ.

— Отца?.. За что ты обвинялъ отца?—спросилъ Орловъ.— Что ты хочешь сказать?

— Нѣтъ, такъ, — небрежно отвѣтилъ князь. — Я только говорю, что все это въ порядкѣ вещей, что мы, nous autres, поневолѣ иногда ищемъ на сторонѣ привязанностей, обманутые дома, у себя...

Князь вздохнулъ.

— Кстати о женщинахъ. Ты имѣешь свѣдѣнія о своей сестрѣ?—спросилъ онъ.

— Я же съ ней живу въ одной квартирѣ, — отвѣтилъ Орловъ.

— Нѣтъ, я не о той, не о родной твоей сестрѣ спрашиваю, а объ этой... Ну, какъ ее звали... красавица такая?

— О Настѣ?—спросилъ Орловъ.

— Настя ее звали?—сказалъ князь и задумался. — Настя... Нѣтъ, значитъ это не она... Та—Натали... Но какое сходство, какое сходство!..

— Да что ты хочешь сказать?—уже раздражительно спросилъ Орловъ.

— Такъ какъ это не она, то я могу тебѣ сказать,—проговорилъ князь. — Видишь ли, недавно появилась одна дѣвушка... изъ простыхъ... Съ ней познакомился одинъ изъ нашихъ, Михайловскій-Несмѣльскій, и показывалъ намъ ее. Она такъ похожа, такъ похожа...

— Что за пошлости ты выдумываешь!—злобно сказалъ Орловъ.—Моя сестра живетъ работой, а не...

— Но я же не о ней говорю!—перебилъ его князь.—Я говорю о сходствѣ... Это поразительное сходство, увѣряю тебя... Та же красота... Но я былъ бы даже опечаленъ, голубчикъ, если-бъ это была твоя сестра,—очень опечаленъ, потому что я во что бы то ни стало рѣшился отбить эту дѣвочку... Чего бы это мнѣ ни стоило, а отобью... Да, впрочемъ, и самъ Михайловскій-Несмѣльскій ее броситъ.

Орловъ пожалъ плечами.

— Вы только этимъ и занимаетесь тамъ! — проговорилъ онъ.—Есть деньги—покупаете любовь, не будетъ денегъ—сами продаваться станете.

— Мы только откровенно говоримъ о томъ, что мы дѣлаемъ, а такіе господа, какъ ты... — князь иронически засмѣялся и не кончилъ фразы.—Вѣдь не повѣрю же я, чтобы ты въ твои годы уже принялъ великое постриженіе, какъ выражается Поль Зуровъ.

Онъ слегка похлопалъ по плечу Орлова и прибавилъ, понизивъ тонъ:

— Впрочемъ, если у тебя интрижка съ одной изъ свѣтскихъ дамъ, то ты благородно дѣлаешь, скрывая это. Этого правила держимся и мы.

Онъ отошелъ отъ Орлова, чтобы вмѣшаться въ группы танцующихъ.

У Орлова вдругъ сдѣлалось какъ-то скверно на душѣ. Впервые послѣ долгихъ лѣтъ онъ опять почувствовалъ себя въ этомъ домѣ точно не на своемъ мѣстѣ, хотя именно въ этотъ вечеръ онъ былъ героемъ минуты, за нимъ всѣ ухаживали. Ему вдругъ вспомнились слова князя о томъ, что онъ обругалъ эту публику, играя Чацкаго. Онъ самъ не сознавалъ этого раньше, во время игры, но теперь ему было

ясно, что это было такъ; онъ точно сердился на этихъ людей, не обращавшихъ прежде на него никакого вниманія. Потомъ въ его умѣ промелькнуло воспоминаніе о странномъ обращеніи съ нимъ княгини. Почему она стала ему говорить «вы», почему она такъ странно смотрѣла на него? Что съ ней сдѣлалось?.. Это была для него необъяснимая загадка. А Александръ? Какъ онъ спросилъ его о Настѣ? Какой пошлый тонъ! Содержанку отбиваетъ у товарища. Только этимъ и занятъ. Смотритъ на хорошенькую дѣвушку, какъ на продажную тварь. Да развѣ онъ и можетъ иначе смотрѣть на какую-нибудь Настю? Вѣдь всѣ эти Насти — голь перекатная! Стоитъ ли съ ней церемониться?.. Будь Настя дочь какой-нибудь графини, княгини, финансовой знаменитости,—Александру и въ голову не пришла бы мысль о любовной интрижкѣ, о любовной связи: на тѣхъ дѣвушекъ смотрятъ какъ на невѣстъ, а на этихъ нищихъ смотрятъ какъ на продажныхъ и покупныхъ любовницъ. Ихъ не любятъ,—съ ними только тѣшатъ свои животныя страсти. За это никогда не придется отвѣчать, никогда не придется краснѣть: бѣдной дѣвушкѣ бросаютъ плату за ея ласки, и этимъ снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность. Если она или ея близкіе вздумаютъ протестовать, имъ зажмутъ рты силою, угрозами. Здѣсь полный произволъ однихъ и полное безправіе другихъ. Въ душѣ Орлова поднималась желчь. Онъ сознавалъ ясно, что онъ въ сущности ненавидитъ этихъ людей, — сознавалъ это именно въ тотъ день, когда эти люди впервые обратили на него вниманіе. За что они сегодня, такъ сказать, носили его на рукахъ? Потому, что онъ сумѣлъ расшевелить ихъ вялые нервы, потому, что они увидали въ немъ талантъ, могущій доставить имъ лишнюю минуту удовольствія, потому, что они разсмотрѣли его красоту, могущую служить украшеніемъ въ ихъ салонахъ, какъ служатъ въ нихъ украшеніемъ блестящіе мундиры, дорогія статуи, эффектныя картины. Да, онъ своими ушами слышалъ, какъ какая-то барыня такъ прямо и замѣтила: «Онъ, дѣйствительно, можетъ служить украшеніемъ любого бала!» Человѣкъ, внутренній человѣкъ для нихъ не существовалъ: честенъ ли, добръ ли, уменъ ли онъ, — до этого имъ не было дѣла. Имъ также не было до него дѣла, когда онъ былъ не болѣе какъ пригрѣтый князьями Русовыми бѣднякъ. Никто изъ этихъ людей не обращалъ на него вниманія, никто не интересовался, какъ ему живется. Если-бъ онъ вдругъ исчезъ изъ дома Русовыхъ, никто не спросилъ

бы: а что сдѣлалось съ этимъ юношей?.. Да, эти люди ему чужіе: болѣе чѣмъ чужіе, они его врагп. Они, именно они, давятъ и презираютъ всѣхъ, кто бѣденъ, кто незнатенъ, кто гибнетъ подъ ярмомъ труда, въ борьбѣ съ судьбою. Но развѣ онъ не обязанъ многимъ князьямъ Русовымъ, принадлежащимъ къ этому же кругу людей? Можетъ-быть и обязанъ; но вѣдь и князья Русовы приласкали его чисто случайно: они не искали его, они не спасли его ни отъ чего, они просто сначала терпѣли его въ своемъ домѣ, какъ родственника уважаемаго ими Ламнадова, потомъ заинтересовались имъ, какъ интересуются маленькой умной собачонкой, ученой обезьянкой, болтливымъ попугаемъ. И только, и только. «Неблагодаренъ, какъ рабъ», вдругъ промелькнула во головѣ Орлова гдѣ-то прочитанная имъ фраза, и на его щекахъ выступилъ даже румянецъ. О, нѣтъ, это не неблагодарность раба. Это — сознаніе независимаго человѣка, знающаго, что онъ ничѣмъ не обязанъ другому человѣку. Онъ выросъ бы и безъ князей Русовыхъ такимъ же человѣкомъ, можетъ-быть, даже лучшимъ человѣкомъ; никогда никакихъ благодѣяній не принималъ онъ отъ нихъ. Онъ вспомнилъ даже, какъ онъ еще давно, не желая быть имъ обязаннымъ, отказался разъ ѣхать съ ними на лѣто въ деревню, сказавъ, что у него есть въ Петербургѣ уроки. Но онъ получаетъ отъ князя жалованье?—Да; но вѣдь онъ работаетъ за двоихъ, и притомъ самъ князь сознаетъ и говоритъ всѣмъ и каждому, что Орловъ дѣлаетъ въ пять минутъ то, чего другой не сдѣлаетъ и въ часъ. Онъ не та бездарность, которая краснѣетъ за свою работу и стыдливо беретъ плату за трудъ, какъ милостыню. Но князья Русовы любятъ его теперь, какъ родного? Что-жъ изъ этого? Развѣ онъ не заслужилъ этой любви? Онъ ее заслужилъ и нужно бы быть совсѣмъ тупыми и безсердечными людьми, чтобы не привязаться къ человѣку, который въ столько лѣтъ успѣлъ заслужить, завоевать эту любовь. Нѣтъ и у князей Русовыхъ онъ самъ завоевалъ все, и ничего не дали ему здѣсь только во имя того, что онъ человѣкъ, и притомъ страдающій, нуждающійся въ любви и въ ласкѣ человѣкъ. И вновь ему вспомнился Ершъ, грязный, грубый Ершъ, поднявшій его на руки и утѣшавшій его, когда онъ въ дѣтствѣ разбилъ себѣ голову. Онъ плакалъ, и этого было достаточно, чтобы Ершъ приголубилъ его. О, сколько плачущихъ дѣтей видятъ князья Русовы и проходятъ мимо ихъ! Имъ, князьямъ Русовымъ, нужно отрекомендовать,

представить несчастнаго ребенка, тогда они займутся имъ, займутся не потому, что онъ несчастенъ, а потому, что это — protégé такого-то... А сколько добра могли бы они дѣлать! Но ихъ надо наталкивать на это добро, нужно указывать имъ на людскія несчастія, иначе они будутъ и глухи, и слѣпы. Да, ловкій руководитель можетъ забрать ихъ въ руки, направить ихъ по-своему, добиться при помощи ихъ извѣстныхъ цѣлей. Сила покуда всецѣло въ ихъ рукахъ: при помощи ихъ можно сдѣлать все, безъ ихъ помощи нельзя ничего добиться. И именно этихъ-то людей можно держать въ рукахъ, какъ держатъ ихъ въ рукахъ ихъ лакеи, камердинеры, горничныя, ключницы, старосты, управляющіе. О, никто лучше Орлова не знаетъ, что значитъ какой-нибудь барскій слуга въ дѣлѣ протекціи, доставленій мѣстъ, устройства подрядовъ. «Только наша братія, голь,— думалось Орлову: — знаетъ вполнѣ всѣ эти тайны лакейскихъ». Въ его горячей молодой головѣ зароились тысячи плановъ широкой плодотворной дѣятельности. Въ его умѣ слагался невольно одинъ девизъ всей будущей жизни: «Все черезъ нихъ, все не для нихъ». Да, дѣлать дѣло можно покуда только при помощи этихъ людей—угнетенныхъ и нищихъ. И снова въ этой страстной душѣ чувствовался необычайный подъемъ духа. Какой-то внутренній голосъ, надменный и самолюбивый, шепталъ ему: «Дерзай, ты можешь!» Недаромъ же, еще въ годы далекаго дѣтства, его, маленькаго Митю, посѣщали великіе замыслы о его могуществѣ и силѣ, о его благодѣяніяхъ бѣднымъ и слабымъ. Въ этомъ было какое-то предзнаменованіе, какое-то пророчество. Вѣдь сотни дѣтей росли вокругъ него, и никто изъ этихъ дѣтей не предавался такимъ мечтамъ, не предавался имъ такъ упорно. Это недаромъ. Какую-то безграничную самоувѣренность внушали эти мысли Орлову. Ему казалось, что онъ пойдетъ къ своей цѣли, какимъ бы то ни было путемъ, и добьется своего, какой бы то ни было цѣной. Въ его головѣ созрѣлъ одинъ планъ, и онъ тотчасъ же приступилъ къ его исполненію.

— А знаете ли, я хочу вступить членомъ въ ваше общество,—сказалъ Орловъ княгинѣ Русовой въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, сидя у нея за завтракомъ.—Конечно, если меня примутъ безъ особенныхъ гримасъ.

— О, наши дамы будутъ очень рады,—сказала княгиня.

— Что это, ты въ кого-нибудь изъ благотворительницъ влюбился?—спросилъ шутливо князь.

— Мнѣ хочется изучить дѣло нашей филантропіи,—отвѣтилъ коротко Орловъ.

— То-есть посмотрѣть, какъ люди въ бѣличьемъ колесѣ вертятся?—сказалъ князь.—Этого и изучать не стоитъ.

— Мы васъ тотчасъ же выберемъ въ секретари,—замѣтила княгиня, не обращая вниманія на слова мужа,—чтобы вы не думали, что это такое легкое дѣло.

— О, я буду очень радъ!—отвѣтилъ Орловъ.—Я вѣдь очень серьезно хочу заняться этимъ дѣломъ..

Княгиня не ошиблась: Орлова не только съ радостью приняли въ члены благотворительнаго общества, какъ принимали всѣхъ вносившихъ годовой членскій взносъ, но тотчасъ же предложили ему исправлять должность секретаря, такъ какъ въ этой должности никто не оставался подолгу, тяготясь ею. Про него, когда вопросъ шелъ о его вступленіи въ члены, иначе не говорили въ комитетѣ, какъ «это тотъ интересный молодой человѣкъ». Въ первое же засѣданіе комитета Орловъ явился на своемъ мѣстѣ, около княгини Русовой и любезно поблагодарилъ комитетъ за возложенную на него обязанность. Въ комитетѣ шли обычные доклады о посѣщеніи бѣдныхъ, о необходимости дать тому-то и тому-то три или четыре рубля пособія, о возложеніи на кого-нибудь изъ членовъ хлопотъ по помѣщенію какой-нибудь дѣвочки или какого-нибудь мальчика въ пріютъ. Все это было незанимательно и скучно, большинство членовъ, состоявшее изъ дамъ, шопотомъ болтало о театрахъ, балахъ, тряпкахъ. Нѣсколько оживленнѣе прошелъ вопросъ о лотереѣ, немного поспорили при вопросѣ о будущемъ домашнемъ спектаклѣ, и кто-то даже замѣтилъ любезно, что спектакль, конечно, можетъ быть удаченъ, если будутъ такіе актеры, какъ «нашъ любезный секретарь». Орлову оставалось только поблагодарить за любезность. Наконецъ, комитетъ кончился, всѣ стали разъѣзжаться. Остались только Орловъ да одна изъ родственницъ княгини Русовой. Орловъ укладывалъ на столъ въ кабинетѣ княгини бумаги.

— Ну, что вы скажете о нашемъ засѣданіи?—спросила его княгиня.

— Скучно, княгиня!—отвѣтилъ Орловъ.

— Ахъ, какъ не стыдно: былъ на одномъ засѣданіи и уже соскучился!—шутливо замѣтила хозяйка.

— Да вѣдь точно скучно!—недовольнымъ тономъ сказала родственница княгини.—Это совершенная правда, и monsieur

Orloff только громко высказалъ то, что мы всѣ испытываемъ тайно.

— Но что же дѣлать, что же дѣлать? Это жертва!—сказала княгиня.

— Я это понимаю и, ты видишь, ѣзжу на наши засѣданія,—отвѣтила родственница хозяйки.—Но не скучать на этихъ засѣданіяхъ, право, не могу.

— О, если бы только захотѣть, не было бы ни скучно, ни тяжело,—сказалъ Орловъ, стоя въ отдаленіи отъ дамъ и прислонясь къ маленькой этажеркѣ.—Скучно потому, что никто не видитъ пользы въ этой трехрублевой помощи, въ этомъ толченіи воды въ ступѣ, въ одномъ переливаніи изъ пустого въ порожнее.

— Ахъ, не говорите съ такимъ пренебреженіемъ о нашихъ пособіяхъ!—замѣтила княгиня.—Бѣдняки нуждаются иногда въ рублѣ...

— Я знаю, что они иногда и въ грошѣ нуждаются,—сказалъ Орловъ.—Но эти рубли никого ни отъ чего не спасаютъ. Взгляните на дѣло шире, создайте систему, которая прямо давала бы осязательные результаты, спасала бы бѣдняковъ отъ нищеты, породила бы между вами и ими нравственную связь, и тогда оживутъ не только они, но и вы оживитесь, будете волноваться, будете жить этимъ дѣломъ. Вы бросаете теперь подачки... кому? Какимъ-то неизвѣстнымъ людямъ, можетъ-быть, обманывающимъ васъ, можетъ-быть, пропивающимъ ваши деньги.

— Что-жъ дѣлать, если насъ обманываютъ!—сказала родственница княгини.—Это неизбѣжно.

— Не думаю,—возразилъ Орловъ.—Не нужно только разбрасываться и бросать деньги первому встрѣчному попрошайкѣ. Изберите нѣсколько человѣкъ, напримѣръ, женщинъ-работницъ, дайте имъ жилища, дайте имъ работу, устройте тутъ же школу для ихъ дѣтей, слѣдите за тѣмъ, какъ онѣ мало-по-малу воскреснутъ, какъ онѣ ободрятся, какъ станутъ развиваться эти дѣти. Это, быть-можетъ, будутъ будущіе полезные граждане, великіе люди, крупные таланты. Кто знаетъ? Когда мы ласкаемъ ребенка, когда мы пригрѣваемъ его, у насъ есть свѣтлая надежда увидѣть его честнымъ, умнымъ, здоровымъ человѣкомъ, и намъ сладки эти мечты, мы еще болѣе привязываемся къ этому существу за эти золотыя грезы. Вы знаете по опыту, княгиня, что иногда изъ облагодѣтельствованныхъ дѣтей выходятъ довольно порядочные люди,—съ улыбкой замѣтилъ Орловъ.

Княгиня разсмѣялась, понявъ его намекъ.

— Воспитывая дѣтей, можно по крайней мѣрѣ надѣяться на что-нибудь,—продолжалъ онъ.—А вамъ, при настоящемъ порядкѣ дѣлъ въ вашемъ обществѣ, и мечтать даже не о чемъ. Вы можете только сомнѣваться въ томъ, что ваши деньги пошли дѣйствительно на хлѣбъ, а не въ кабаки.

Онъ говорилъ оживленно, особымъ, свойственнымъ ему тономъ—то горячимъ, то холодно-ироническимъ, приковывая и поддерживая вниманіе слушательницъ этими переходами.

— Мнѣ часто грезится картина такого благотворительнаго общества, основаннаго на широкихъ началахъ съ тѣсною связью благодѣтелей и бѣдняковъ,—продолжалъ онъ.—Я вижу большой домъ со свѣтлыми и просторными комнатами, съ широкими коридорами, со свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ. Сюда стекаются изъ подвальныхъ угловъ, съ темныхъ чердаковъ, изстрадавшіяся, полуголодныя женщины, обремененныя дѣтьми. Онѣ находятъ здѣсь и теплый уголъ, и работу. За дешевую плату имъ готовятъ въ просторной кухнѣ обѣдъ, такъ что имъ не нужно отрываться отъ труда для кухонной стряпни. Ихъ дѣти бѣгутъ въ общій залъ—въ школу, гдѣ ихъ учатъ, развиваютъ, спасая отъ уличной грязи, отъ уличнаго разврата. Вы вѣдь не можете и представить себѣ, какое благо можетъ принести одна эта сторона дѣла. Надо вырасти въ этой средѣ, среди голи, чтобы знать, чего насмотрится, чего наслушается ребенокъ въ подвальномъ углу, на улицѣ, среди всякаго сброда и отрепья человѣчества. Я росъ въ этой средѣ, я это знаю по личному опыту. Когда кругомъ васъ царятъ развратъ и пьянство, когда кругомъ васъ одни пресмыкаются, другіе проклинаютъ,—тутъ нечего думать о дѣтской чистотѣ, о невинности, о цѣльности натуры; тутъ люди вырастаютъ искалѣченными, изломанными, испорченными, спасается изъ тысячъ одинъ, да и у этого случайно спасеннаго остается слишкомъ много горечи въ душѣ, чтобъ онъ могъ назвать себя вполнѣ счастливымъ. Я по крайней мѣрѣ сознаю, что что бы ни случилось со мною, какіе бы успѣхи не ожидали меня, въ моей душѣ навсегда останутся слѣды прошлаго, какъ у раненаго остаются рубцы зажившихъ ранъ, и, повѣрьте, у него вѣчно будутъ ныть эти раненыя мѣста передъ погодой... Отъ этого-то вы можете спасти десятки дѣтей, десятки будущихъ гражданъ.

Орловъ увлекся и увлекъ своихъ слушательницъ. Княгиня опять какъ-то странно смотрѣла на него съ разгорѣвшимся

лицомъ, съ затаеннымъ дыханіемъ. Орловъ ничего не замѣчалъ и продолжалъ развивать свой планъ, увлекаясь своимъ вдохновеніемъ.

— Все это не будетъ стоить вамъ больше, чѣмъ стоятъ ваши подачки, никого не спасающія отъ голода,—продолжалъ онъ съ жаромъ.—Вы будете давать работу женщинамъ, удерживая часть платы за квартиру и столъ, откладывая часть на школу. Бѣдняки только потому и бѣдны, что ихъ эксплоатируютъ всѣ, а они не умѣютъ соединиться вмѣстѣ, чтобы дать отпоръ эксплоататорамъ при помощи стачки. Большое помѣщеніе обойдется дешевле, чѣмъ обошлись бы сотни нанятыхъ въ разныхъ мѣстахъ угловъ; работу можно достать всегда выгодную по подрядамъ на разныя учрежденія; обѣдъ будетъ стоить дешевле, когда провизія будетъ закупаться оптомъ, а не по мелочамъ. Люди вообще слабы только потому, что они идутъ всѣ врознь и въ разбродъ. Войско не потому всегда побѣдитъ массу мужиковъ, что мужики слабѣе солдатъ, но потому уже, что солдаты идутъ плотно, сомкнутымъ строемъ, тогда какъ тѣ нападаютъ, какъ попало, разъединенною толпой. Сомкните въ одинъ строй работниковъ, и это будетъ непобѣдимая сила.

Слушательницы были въ восторгѣ отъ этихъ новыхъ для нихъ плановъ, даже и не подозрѣвая, сколько тутъ было ребяческой неопытности и молодого увлеченія несбыточными мечтами. Орловъ рисовалъ передъ ними широкими штрихами картину ихъ дѣятельности: устроить большую квартиру, мастерскую, школу, ѣздить хлопотать о заказахъ, устраивать въ пользу общества балы, спектакли и аллегри, устраивать въ самой мастерской балы, чтенія, елки—все это было такъ разнообразно! Орловъ говорилъ, что нужно будетъ наблюдать за мастерской, за обѣдами, за ученьемъ самимъ попечительницамъ, что онѣ должны будутъ все направлять, за всѣмъ смотрѣть. Это было что-то необычайное для нихъ. Передъ ними открывался какой-то новый міръ кипучей работы, обѣщавшій имъ спасеніе отъ скуки, выдвигавшій ихъ на сцену общественной дѣятельности.

Когда Орловъ удалился, родственница княгини воскликнула:

— Это просто геніальная идея!

— Онъ вообще необыкновенный человѣкъ!—сказала княгиня.—Онъ еще ребенкомъ изумлялъ меня своею страстностью...

— Онъ, вѣрно, много выстрадалъ...

— О, конечно, конечно!.. Онъ не любитъ говорить о себѣ, но я знаю отчасти его прошлое...

Княгиня задумалась.

— Ты, конечно, станешь его продюизировать?—сказала ея родственница.

— Да, да!—живо отвѣтила княгиня.

Разсказъ о планахъ Орлова разнесся на другой же день по десятку салоновъ, гдѣ успѣли побывать двѣ первыя поклонницы, двѣ первыя ученицы Орлова, уже просто-на-просто называвшія его геніемъ. Геній... Эта кличка нерѣдко такъ же легко дается людямъ, какъ названіе дурака, какъ всякое другое названіе, срывающееся съ языка у двухъ-трехъ лицъ въ минуту увлеченія или раздраженія. Когда князь Русовъ внезапно услышалъ, что его любимца называютъ геніемъ, онъ добродушно улыбнулся и замѣтилъ, что онъ, князь Русовъ, хотя и не считаетъ Орлова геніемъ, но признаетъ его очень неглупымъ человѣкомъ, а главное—видитъ въ немъ массу благородныхъ порывовъ и страстной впечатлительности. Всѣ знали, что князь остороженъ въ своихъ приговорахъ, и потому его отзывъ объ Орловѣ не охладилъ всеобщаго уваженія, а напротивъ того—какъ будто оправдалъ это увлеченіе.

Барыни только и толковали, что про Орлова.

— Самъ князь признаетъ его необыкновеннымъ человѣкомъ, а вы знаете, какой скептикъ князь.

— И что выстрадалъ этотъ молодой человѣкъ!.. Онъ выросъ среди нищеты и разврата. Необразованная мать, пьяница-отецъ, голодные братья и сестры,—о, это ужасно! Онъ чуть не съ колыбели долженъ былъ зарабатывать каждый кусокъ хлѣба, учась самоучкой всему...

— Да вѣдь стоитъ взглянуть на него, чтобы понять, сколько онъ пережилъ... На его лицѣ лежитъ печать горечи и печали.

Этимъ толкамъ не было конца. Орловъ былъ въ модѣ. Это былъ мученикъ и пророкъ.

Орловъ между тѣмъ уже выработалъ планъ новаго устройства благотворительнаго общества княгини, принявшись за дѣло со всѣмъ задоромъ увлекающейся юности, думающей пересоздать все человѣчество при помощи какой-нибудь увлекшей ее теоріи или системы. Эти увлеченія по большей части не переживаютъ свѣтлой поры нашей молодости; но кто не увлекался такъ, тотъ не знаетъ цѣлаго ряда наслажденій, чистыхъ и прекрасныхъ, какъ молодость. Орловъ

работалъ надъ развитіемъ своего плана, забывая объ отдыхѣ и снѣ, рисуя грандіозную картину будущаго, надѣясь быть создателемъ какой-то новой общины, разрастающейся, развѣтвляющейся все шире и шире, образующей своего рода государство въ государствѣ. Здѣсь, воспитываясь вмѣстѣ, дѣти выйдутъ хорошими людьми, полными чувства равенства и братства, готовыми дальше развивать ту общину, которая воспитала ихъ, которая спасла ихъ отъ гибели. Имъ уже не нужно будетъ руководителей и надзирателей; они сами пойдутъ своею дорогой, они будутъ сами знать, что имъ нужно. Иногда у Орлова духъ захватывало отъ восторга, когда онъ заглядывалъ въ лучезарную даль грядущаго.

III.

Никогда еще, быть-можетъ, не жила извѣстная часть петербургской молодежи такою шумною и разнообразною жизнью, какъ въ ту пору. Въ университетѣ уже начались сходки; въ различныхъ кружкахъ стали устраиваться безчисленные любительскіе спектакли; въ Пассажѣ, въ залѣ Руадзе, начались публичныя чтенія литературныхъ дѣятелей; зарождались частныя благотворительныя общества и школы; требовалось много новыхъ рабочихъ силъ въ области литературы для переводовъ, для отчетовъ о разныхъ засѣданіяхъ, для мелкой журнальной работы; масса людей, работавшихъ теперь по крестьянскому и другимъ поднятымъ тогда вопросамъ, искала помощниковъ, чернорабочихъ изъ среды молодежи, студентовъ. Въ Петербургѣ появилось не мало студентовъ, имена которыхъ стали дѣлаться болѣе или менѣе извѣстными, какъ талантливыхъ начинающихъ писателей, какъ актеровъ-любителей, какъ коноводовъ того или другого кружка, какъ людей, подающихъ много надеждъ. Въ числѣ ихъ были и дѣти высокопоставленныхъ лицъ, и сыновья откупщиковъ и финансовыхъ тузовъ, и богато одаренные отъ природы выходцы довольно темнаго происхожденія, выдвинувшіеся впередъ при помощи своего ума, своихъ талантовъ или своихъ знаній.

— Голь въ ходъ пошла,—говорилъ Орловъ, видя, какъ выдвигаются впередъ разные его товарищи по гимназіи и университету.

Онъ самъ былъ однимъ изъ яркихъ представителей этого нарождавшагося тогда типа дѣятельной молодежи: его знали студенты, его знали всѣ члены благотворительнаго общества княгини Русовой, его знали всѣ знакомые князя Русова,

какъ его домашняго секретаря, какъ его правую руку. Про него говорили, что онъ пробьетъ себѣ дорогу, что онъ пойдетъ далеко. Онъ самъ, болѣе чѣмъ кто-нибудь, былъ убѣжденъ въ этомъ и шелъ безъ сомнѣній, безъ страха за будущее.

— Я жилъ въ то время на улицѣ,—говаривалъ потомъ Орловъ, и онъ былъ правъ.

Дома онъ появлялся рѣдко, какъ метеоръ, преданный всецѣло своей лихорадочной дѣятельности, увлекаясь одинаково страстно и дѣлами товарищескаго кружка, и развитіемъ своихъ филантропическихъ плановъ, и усердною работой у князя, для котораго онъ по даннымъ ему матеріаламъ и инструкціямъ составлялъ теперь записки, отвѣты, отчеты по крестьянскому дѣлу. У князя завелась цѣлая домашняя канцелярія, гдѣ, кромѣ официальныхъ лицъ, работали и частные работники. Князь въ шутку говорилъ, что Орловъ у него теперь не секретарь, а редакторъ, такъ какъ Орловъ нерѣдко выправлялъ разныя черновыя бумаги, написанныя другими лицами для князя.

— Не слишкомъ ли сильно, однако, ты расходуешь свои силы?—говорилъ Орлову князь.

Но Орловъ удивлялся этому вопросу, не понимая, какъ можно утомиться оттого, что живешь. Это было сладкое опьяненіе молодости; отъ него не хотѣлось очнуться! Орловъ не утомился, не поблекъ среди этого опьяненія, а развился, возмужалъ, сформировался. Стройный, нервный, онъ сталъ еще красивѣе, и имъ любовались всѣ, начиная со старика Лампадова, Анны Андреевны и Марьи Ѳедоровны и кончая разными барынями-благотворительницами и въ ихъ числѣ княгиней Русовой.

Лампадовъ много слышалъ объ успѣхахъ Орлова; онъ нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ и видѣлъ, какъ развился «мальчуганъ».

— Съ неба звѣзды хватаетъ,—шутилъ старикъ.—Намъ и говорить-то съ нимъ надо подумавши, а то осрамишься,—такъ загоняетъ... Всѣмъ интересуется; обо всемъ читалъ, все старается узнать, точно въ котлѣ въ немъ все кипотъ.

Старикъ дѣлился своими свѣдѣніями объ успѣхахъ молодого человѣка, своими наблюденіями надъ его развитіемъ главнымъ образомъ съ Анной Андреевной.

Она успѣла сильно постарѣть и была точно восковая, точно прозрачная; она теперь меньше шила, такъ какъ братъ настаивалъ, чтобъ она и мать не утомляли себя работой и

жили бы на его средства. Онъ урѣзывалъ себя во всемъ, стараясь помочь имъ и удовлетворить ихъ небольшія требованія. Сестра понимала, что онъ приноситъ извѣстныя жертвы, помогая имъ, и еще болѣе боготворила его. Она любила его, какъ можно любить того, кому мы пожертвовали всѣмъ, для кого мы живемъ, кто является живымъ свидѣтельствомъ нашего самоотверженія, нашего самоотреченія. Любуясь имъ, она думала: «вотъ какимъ я его вырастила»; слушая его разговоры, она думала: «вотъ какимъ умнымъ я его сдѣлала»; когда онъ при ней говорилъ людямъ, какихъ страшныхъ усилій стоитъ спасеніе каждаго изъ «нашей братьи, голи, среди которой спасается одинъ изъ сотенъ, одинъ изъ тысячъ», она думала съ гордостью: «это я его спасла!» Да, она становилась между нимъ и матерью, когда та бывала не въ духѣ; она заслоняла отъ него собою семейныя дрязги и невзгоды; она для него убила на работу молодость; она, когда онъ цѣлые дни проводилъ у Лампадова, у князей Русовыхъ, у товарищей, ни разу не остановила его, не сказала ему, что ей тяжело быть вѣчно одной, что онъ могъ бы удѣлить и ей нѣсколько времени, что она только тогда и счастлива, когда она видитъ его, любуется имъ, слушаетъ его. Да, она все, все принесла ему въ жертву и ничего не требовала отъ него. Она этимъ гордилась, она ходила благодарить за это Бога въ церковь, она испытывала ощущеніе блаженства, когда ей удавалось вырваться на часокъ къ Лампадову и услышать желанныя слова:

— А что про нашего-то сокола говорятъ, такъ и ушамъ не вѣришь!

Она знала, что «нашъ соколъ» это ея братъ. Лампадовъ понималъ, что ее больше никто не интересуетъ. Въ этихъ бесѣдахъ проходили цѣлые часы. Аннѣ Андреевнѣ все казалось, что она еще не все выспросила, что Лампадовъ не все припомнилъ, что̀ говорятъ объ ея братѣ. Ея лицо принимало выраженіе блаженнаго восторга, ея тусклые глаза оживлялись, расширялись и смотрѣли куда-то вдаль въ нѣмомъ экстазѣ. Она торопливо шла домой и тамъ еще разъ припоминала вслухъ все, что слышала; она не разсказывала матери, а только припоминала вслухъ при Марьѣ Ѳедоровнѣ всѣ слышанныя подробности въ какомъ-то волшебномъ бреду. Марья Ѳедоровна иногда всплескивала руками отъ удивленія, услышавъ громкія имена людей, съ которыми былъ знакомъ ея сынъ, которые хвалили ея сына. Иногда

она крестилась, бросая умильные взгляды на образа и не находя словъ для выраженія своей радости. Иногда она вдругъ задавала практическій вопросъ дочери:

— А какъ ты думаешь, Аня, ему прямо, поди, директорское мѣсто дадутъ?

Анна Андреевна не слушала этихъ вопросовъ, потому что никакія мѣста не могли въ ея глазахъ сдѣлать его выше.

Она думала о братѣ, когда шила или, отдыхая отъ работы, безцѣльно глядѣла на улицу; она думала о немъ, когда отправлялась въ церковь или шла изъ церкви домой. Она не любила много говорить вообще, а съ посторонними въ особенности. Но когда ее спрашивали о здоровьи Дмитрія Андреевича, она оживлялась.

— Мой братъ, слава Богу, здоровъ. У него много дѣла, много занятій, но Богъ посылаетъ ему на все силы,—отвѣчала она.

— Подавай Господи, подавай Господи! — говорила ей какая-нибудь черносалопница.—Слухомъ-то земля полнится; слышала я отъ Пахомовскаго сынка, какіе господа съ вашимъ Дмитріемъ-то Андреевичемъ въ дружбѣ. Рукой не достанешь. А тоже честь ему дѣлаетъ, что васъ не оставляетъ и, нечего сказать, никѣмъ не гнушается, со всѣми привѣтливъ. Тоже вотъ меня намеднись встрѣтилъ: «А, говоритъ, Анфиса Мироновна, какъ живете-можете?» — «Ничего, говорю. Пока Богъ грѣхамъ терпитъ, копчу землю».— «Ну, говоритъ, и слава Богу. Тамъ-то еще всѣ належимся,— торопиться не для чего». И это за руку со мною, а взглядъ такой открытый, отважный. Нечего сказать, нечего сказать, учтливый человѣкъ!

— Ему это такое предопредѣленіе отъ Бога,—отвѣчала Анна Андреевна съ улыбкой умиленія.—Онъ, Анфиса Мироновна, еще маленькимъ совсѣмъ былъ, вотъ такой клопикъ былъ, а все говорилъ: «Буду генераломъ и всѣхъ облагодѣтельствую».

— Дай Богъ, дай Богъ! — со вздохомъ говорила черносалопница.

— Мы тогда смѣялись, думали, такъ ребенокъ болтаетъ, а вышло, что это ему отъ Бога было,—продолжала разсказывать Анна Андреевна.—Ему даже князья и графы удивляются,—такой у него умъ и ко всему способности. Другой бы, конечно, если-бъ это не отъ Бога было, возгордился, а онъ не возгордится. Онъ ко всему только и стремится, чтобы людямъ добро сдѣлать. Теперь вотъ богадѣльню для

трудящихся дѣвушекъ и вдовъ устраиваетъ, школу заводитъ для сиротъ по своему плану.

— А деньги-то, деньги-то развѣ есть? Поди тутъ какая прорва деньжищъ-то нужна,—замѣчаетъ черносалопница.

— Что деньги! Ему сказать стоитъ только князю или княгинѣ Русовымъ, или другимъ тамъ богачамъ, и сейчасъ дадутъ,—поясняла Анна Андреевна.—Онъ вѣдь это не для себя, а для бѣдныхъ и для Бога. Онъ вотъ какъ что придумаетъ, такъ всѣ такъ и ахаютъ. У иного и деньги есть, а такъ не придумаетъ, какъ онъ. Нѣтъ! «Я, говоритъ, самъ бѣдность видѣлъ, такъ знаю, какъ и что бѣднымъ людямъ нужно».

— Какъ не знать-то, какъ не знать-то! Тоже поди черствой-то коркой давился,—замѣчала черносалопница.

— Да, и не скрываетъ этого, не скрываетъ, а такъ и говоритъ: «Мы—голь перекатная—знаемъ, что значитъ голодъ да холодъ». Другой бы скрылъ, а онъ не скрываетъ этого, потому это ужъ ему такъ отъ Бога назначено. И апостолы босикомъ ходили, тоже простые да бѣдные люди были, такъ, значитъ, стыдиться тутъ нечего. Онъ такъ и мнѣ говоритъ: «Бѣдность, Аня,—не порокъ; подлость—вотъ чего надо стыдиться!» Конечно, это не всякій понимаетъ...

Но этихъ разговоровъ было мало для Анны Андреевны. Она выбирала для подобныхъ бесѣдъ самаго неустаннаго слушателя и собесѣдника, имѣвшаго способность толковать о Митѣ, не отдыхая, по цѣлымъ часамъ. Этотъ собесѣдникъ былъ Леша. Анну Андреевну не смущало и то обстоятельство, что Леша задавалъ ей иногда очень странныя и затруднительные вопросы.

— А братецъ видѣлъ Бога?—спрашивалъ онъ скороговоркой.—Богъ къ нему самъ приходилъ?.. Богъ у насъ, сестрица, старенькій?.. А сынъ у него молодой, такъ тотъ умеръ, сестрица?..

Потомъ Лешѣ вдругъ становилось страшно за Митю, и онъ допрашивалъ Анну Андреевну.

— А если Ѳедоръ Гаврилычъ придетъ и станетъ Митю бить, сестрица?.. Митѣ больно будетъ.

— Митю, Леша, никто не смѣетъ бить,—замѣчала она.

— Онъ сильнѣе Ѳедора Гаврилыча, сестрица?

— Сильнѣе.

— А то я боюсь, сестрица, за него, очень боюсь,—жалобнымъ тономъ, нараспѣвъ, говорилъ Леша.

Даже эти бесѣды были отрадны для Анны Андреевны,

потому что онѣ касались Мити. Притомъ же Леша, съ своей стороны восхвалялъ Митю.

— Я вотъ, сестрица, теперь шить научился, потому что Митя учителя нанялъ, — говорилъ Леша. — Вонъ жилетку слесарю сшилъ, рубль далъ... Я, сестрица, гостинцевъ купилъ на гривенникъ и тетѣ далъ девять гривенъ... Митя говорилъ: «Ты вотъ выучись портняжничать и гостинцы будешь покупать».—Я и выучился... Учитель всему выучилъ... И жилетки, и панталоны могу я, сестрица, шить... Деньги за это даютъ, сестрица, а деньги нужны... Митя говорилъ, сестрица, что безъ денегъ пропасть можно... Я, сестрица, копить буду деньги, чтобы не пропасть... Да, сестрица?

— Копи, копи, голубчикъ, это не мѣшаетъ, — говорила Анна Андреевна.

Ей казалось, что Митѣ дана свыше сила даже идіотовъ превращать въ умныхъ людей. Только Андрей Ивановичъ относился повидимому безучастно къ успѣхамъ сына, почти никогда не разспрашивая о немъ; но бѣдный старикъ самъ былъ теперь въ такомъ загонѣ, что никого не интересовало, какъ онъ относится къ тому или другому. Вся семья знала, что онъ послѣ пожара сталъ покучивать, выпивать; но это хотя и мучило семью, она все-таки старалась утѣшить себя тѣмъ, что «всѣ пьютъ». Выпивки не мѣшали службѣ, не мѣшали добыванію денегъ и кончались благополучно, если только Марья Ѳедоровна сама не начинала сценъ на другой день послѣ выпивки мужа. Но оставленіе за штатомъ точно сразу подкосило Андрея Ивановича. Онъ вдругъ окончательно упалъ духомъ, принизился, опустился. Онъ такъ привыкъ въ теченіе долгихъ-долгихъ лѣтъ ежедневно ходить въ одни и тѣ же часы въ должность, дѣлать въ теченіе извѣстнаго времени одно и то же дѣло, возвращаться въ опредѣленную минуту домой на отдыхъ послѣ трудовъ дня, что въ первые дни послѣ оставленія за штатомъ онъ вставалъ въ тѣ же часы, какъ и прежде, отправлялся изъ дому по той же дорогѣ, какъ и въ былые дни, доходилъ до мѣста своего прежняго служенія и съ какой-то горькой усмѣшкой, махнувъ рукой, шелъ далѣе, куда глаза глядятъ. Разъ какъ-то въ скорбныхъ мечтахъ онъ услышалъ звуки «машины» въ маленькомъ трактирчикѣ, недалеко отъ Никольскаго рынка, наигрывавшей «Не бѣлые-то снѣги въ полѣ забѣлѣлися», и вошелъ безсознательно въ «заведеніе», спросилъ чаю, выпилъ рюмку водки и сталъ слушать, опустивъ голову на руки. Худой, изжелта сѣрый, облысѣвшій,

маленькій и сгорбленный, онъ былъ жалокъ и безпомощенъ, какъ человѣкъ, выпущенный изъ больницы не потому, что онъ выздоровѣлъ, а потому, что у него неизлѣчимая хроническая болѣзнь, съ которой нельзя держать человѣка весь вѣкъ въ больницѣ, отнимая мѣсто у другихъ больныхъ, могущихъ еще выздоровѣть. Онъ просидѣлъ за чаемъ болѣе часу, прослушалъ и «Не бѣлые снѣги», и «Лучинушку», и «Среди долины ровныя», и наконецъ вспомнилъ, что пора идти домой. На слѣдующій день онъ уже прямо направился въ заведеніе и не спросилъ чаю, а просто велѣлъ дать рюмку водки и «лимончику пососать». Черезъ недѣлю, черезъ двѣ онъ сдѣлался настолько своимъ человѣкомъ въ заведеніи, что его даже не обругали, когда онъ, къ ужасу своему, увидѣлъ, что ему нечѣмъ заплатить за водку, и объявилъ объ этомъ буфетчику. Ему любезно отвѣтили:

— Помилуйте-съ, не въ первый, не въ послѣдній разъ насъ посѣщаете... Со всякимъ бываетъ забвеніе.

Это обстоятельство послужило предлогомъ для знакомства и разговора: и буфетчикъ, и Андрей Ивановичъ скучали одинаково сильно здѣсь по утрамъ: буфетчикъ оставался здѣсь по обязанности, хотя и зналъ, что никакого посѣтителя утромъ въ заведеніи не бываетъ; Андрей Ивановичъ заходилъ сюда потому, что ему некуда было дѣваться утромъ, хотя и зналъ, что въ заведеніи легче ему не станетъ. Теперь и буфетчикъ, и Андрей Ивановичъ нашли предлогъ для разговора. Они передали другъ другу всѣ свои будничныя впечатлѣнія, всѣ свои мелкія злобы. Буфетчикъ разсказалъ, кто содержитъ ихъ заведеніе, когда и какой народъ бываетъ въ заведеніи, почему *самъ* въ пренебрежительности держитъ чистую половину и даже машины новой поставить не хочетъ, потому что «все единственно купца Мамошина трактиръ всегда будетъ чистую публику у нихъ отбивать, такъ какъ онъ къ центрѣ ближе, а ихъ заведеніе только черной половиной и существуетъ и существовать будетъ». Андрей Ивановичъ, съ своей стороны, очень подробно распространился о своей служебной карьерѣ, о своей отставкѣ, о своемъ горѣ: не знаетъ теперь онъ, куда дѣвать время, за что приняться; конечно, онъ не нищій, онъ жить и безъ дѣла можетъ... у него сынъ... И вдругъ Андрей Ивановичъ весь словно измѣнился, упомянувъ о сынѣ.

— Онъ у меня образованный человѣкъ, съ князьями и графами на равной ногѣ, — небрежнымъ тономъ сказалъ Орловъ, важно приподнимая голову. — Я образованіе ему

хорошее далъ, въ гимназіи воспитывалъ, потомъ въ университетъ пустилъ. Пусть учится. Ну, и пошелъ впередъ. Вотъ князья Русовы, на что ужъ вельможи, а онъ съ ними на «ты» и съ князькомъ, и съ княжнами; на дорогѣ молодой человѣкъ стоитъ, министромъ, либо сенаторомъ кончитъ. Теперь молодежи дорога широкая открывается, времена новыя, порядки новые...

— Такъ-съ, — согласился буфетчикъ. — Съ образованіемъ-съ, конечно, все можно. Вотъ и Парамонъ Семеновичъ Пахомовъ молодца своего въ гимназію отдалъ, а теперь...

— Да вѣдь Пахомовъ-то и отдалъ мальчишку въ гимназію только потому, что я своего туда пристроилъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ.

— А вы изволили знать Парамона Семеновича?—спросилъ буфетчикъ.

— Еще бы не знать!—сказалъ Орловъ.

Разговоръ еще болѣе оживился. Оба обрадовались, что у нихъ нашелся общій знакомый. Стали толковать о Пахомовѣ и порядочно перемыли ему бока. Потомъ Орловъ снова перешелъ къ разсказамъ о своемъ сынѣ.

— Онъ мнѣ никогда ни въ чемъ не откажетъ,—говорилъ старикъ:—но я самъ никогда ничего не попрошу у сына; пусть живетъ для себя, его жизнь впереди, а я буду смотрѣть да радоваться на него. Никогда не стану я у него поперекъ дороги, никогда не обременю его своею персоною. Знаю я, самъ знаю по опыту, что̀ значитъ жить для другихъ, работать на чужіе рты. Истреплешься, исподличаешься, потому что видишь голодные рты, да думаешь, какъ бы ихъ накормить. Человѣкъ для себя жить долженъ, только тогда онъ и дышитъ вольнымъ духомъ. А тутъ тряпкой станешь, въ грязи ползать будешь, какъ за тобой папенька да маменька голодные да холодные, а передъ тобой жена да дѣтишки, просящіе супу да молочишка. Тебѣ на ногу каждый подлецъ наступаетъ, а ты молчишь, потому у тебя семья, дѣти.

— Это справедливо,—замѣтилъ буфетчикъ.—Я вотъ свою супружницу и дѣтокъ въ деревнѣ тоже оставилъ, пусть тамъ прокармливаются, потому одному мнѣ здѣсь не въ примѣръ вольготнѣе.

Затѣмъ буфетчикъ сказалъ, что, по его разсужденію, Андрею Ивановичу вовсе не слѣдуетъ приходить въ отчаянность, такъ какъ частныхъ дѣловъ всегда найдется въ сто-

лицѣ и даже у нихъ въ трактирѣ на черной половинѣ что ни день, то какіе-нибудь люди навертываются съ дѣлами и въ управѣ, и въ судѣ, и въ палатѣ. Андрей Ивановичъ удивился,—онъ до сихъ поръ не думалъ объ этомъ, хотя и зналъ, что по трактирамъ часто ищутъ ходатаевъ по дѣламъ; онъ объявилъ, что былъ бы очень радъ, если бы буфетчикъ когда-нибудь порекомендовалъ ему кого-нибудь изъ просителей. Буфетчикъ, съ своей стороны, былъ тоже радъ услужить «знакомому человѣку» и даже замѣтилъ, что Андрей Ивановичъ самую ихъ коммерцію можетъ поддержать, если будетъ заходить къ нимъ по дѣламъ. «У купца Мамошина тоже завсегда одинъ чиновничекъ этакій бываетъ и разныя кляузныя дѣла ведетъ». Орловъ ушелъ изъ заведенія довольно поздно и въ отличномъ настроеніи, выпивъ въ кредитъ три рюмки водки.

На слѣдующій день онъ не сразу вышелъ изъ дому. Онъ долго ходилъ по квартирѣ, тяжело вздыхая и кряхтя. Наконецъ онъ взялъ фуражку и совершенно равнодушнымъ тономъ мимоходомъ спросилъ у Марьи Ѳедоровны, нѣтъ ли у нея мелкихъ, двугривеннаго или четвертака.

— Нѣтъ, отстань ты,—рѣзко отвѣтила она.—Откуда у меня быть двугривеннымъ и четвертакамъ?

Эта фраза озадачила Андрея Ивановича.

— Да вѣдь, какъ же, есть же у насъ деньги,—замѣтилъ онъ, смотря съ недоумѣніемъ на жену.

Она взглянула на него вопросительно.

— Деньги?.. Ну, есть деньги! Кто тебѣ говоритъ, что ихъ нѣтъ,—сказала она.—Да мелочи нѣтъ.

— Такъ ты дай... ну, рубль, что ли,—сказалъ онъ.

— А-а!—протянула она, какъ-то сообразивъ что-то.—Нѣтъ двугривеннаго, такъ мы и рубль пропьемъ. Я думала, тебѣ мелочь нужна на извозчика, а это, значитъ, мы и отъ рубля, и отъ десяти рублей не откажемся. Въ кабакѣ-то не разсердятся, что много принесъ...

— Марья!—сурово проговорилъ Андрей Ивановичъ.

Однако она не сробѣла.

— Ты не стращай, пожалуйста!—громко сказала она.—Теперь вѣдь пропивать станешь, такъ добыть снова негдѣ, съ сына придется тянуть,—одинъ батракъ остался. Ты-то вотъ на подножный кормъ пущенъ; у меня да у Ани глаза ослѣпли, такъ, вѣрно, хочешь на сына приналечь. Что-жъ, отчего и не заѣсть еще его вѣкъ,—крѣпостной вѣдь, не сбѣжитъ...

Андрея Ивановича что-то пришибло. Онъ мялъ въ рукахъ фуражку, не трогаясь съ мѣста, и только тихо прошепталъ:

— Грѣхъ тебѣ, Марья!

— Что грѣхъ-то?—сказала она рѣзко.—Правду говорю. Ну, пропей, прогуляй все, что скопили, откуда же тогда возьмешь? Красть станешь? Нѣтъ, съ сына драть станешь послѣднюю копейку да кабачниковъ обогащать. Онъ что же?—онъ будетъ давать, чтобы мы по-міру не ходили да его не срамили; онъ будетъ давать, чтобы ты на улицахъ да въ кабакахъ не валялся, а все по благородному съ пріятелями на пирушкахъ да на вечеринкахъ кутилъ. Какъ не давать! Въ петлю затянется, а дастъ.

Андрей Ивановичъ тихо, но твердо отвѣтилъ:

— Не бралъ я и не возьму отъ сына никогда ни полушки. Издохну скорѣе, чѣмъ отъ него возьму...

Марья Ѳедоровна даже испугалась этого тона.

— Что-жъ, попрекалъ онъ тебя, что ли?—сказала она.

— Не попрекалъ, а самъ я эту лямку протянулъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Какую это лямку?—спросила Марья Ѳедоровна.

— Семью кормилъ... Семью кормилъ,—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Кормилъ, а теперь вотъ благодарность получаю!...

Онъ понурилъ голову и тихо, мелкими шажками, какъ пришибленный, вышелъ изъ дому. Между нимъ и женою точно что-то порвалось въ эту минуту. Они договорились до послѣдняго слова. Она была для него уже не жена, а только мать, отстаивающая грудью свое дитя отъ родного отца. Онъ былъ ей уже не мужъ, а человѣкъ, который можетъ погубить, разорить, опозорить ея сына. Они оба это чувствовали уже не первый день, хотя высказали это другъ другу впервые.

Аннѣ Андреевнѣ, слышавшей этотъ разговоръ, стало жаль и отца, и мать, и она оправдывала въ душѣ обоихъ, молясь только объ одномъ, чтобы Богъ послалъ имъ силы и средства не сидѣть на шеѣ у Мити. Пусть лучше они всѣ трое умрутъ, только бы не заѣдать вѣка Мити. Ей даже страшно стало при этой мысли, и она торопливо прошептала: «Господи, прости Ты мое великое согрѣшеніе!» Вечеромъ она горячо молилась у всенощной, стоя въ уголкѣ полутемной церкви на колѣняхъ и вперивъ неподвижный взоръ въ образъ. Она молилась за брата, за его спасеніе,

за его счастіе, и горячія слезы, не замѣчаемыя ею, катились по ея щекамъ, падали на ея одежду, на полъ.

Съ этого дня Андрей Ивановичъ приходилъ домой только ночевать. Почти цѣлые дни проводилъ онъ въ заведеніи, на пирушкахъ у мелкихъ купцовъ и мѣщанъ, обдѣлывая какія-то грошевыя дѣла и составляя прошенія. У него завелся обширный кругъ новаго знакомства, съ нимъ раскланивались всѣ лавочники Никольскаго рынка, онъ любилъ бесѣдовать съ каждымъ встрѣчнымъ, говоря довольно рѣзко о существующихъ порядкахъ, о дороговизнѣ, о томъ, что теперь за умъ взялись и реформы вводятъ, молодежь впередъ дѣловую выдвигаютъ, и при этомъ разговоръ неизмѣнно сводился къ одному концу:

— Да вотъ у меня у самого сынъ, умнѣйшая голова, такъ шагаетъ впередъ, что и не догонишь... Министромъ, либо сенаторомъ кончитъ. Въ гимназіи первымъ курсъ кончилъ, теперь въ университетѣ лекціи слушаетъ, съ первыми лицами въ государствѣ свой человѣкъ...

И затѣмъ шли безконечные разсказы о сынѣ. Фактическихъ свѣдѣній о жизни Мити у Андрея Ивановича было мало, но этотъ недостатокъ дополняла его фантазія, и его разсказы о Митѣ даже превосходили разсказы Анны Андреевны о братѣ. Другою любимою темой разговоровъ старика сдѣлался вопросъ о заѣданьи человѣка семьею.

— Семья-то, какъ ржа желѣзо, человѣка ѣстъ,—говорилъ старикъ.—Не успѣетъ человѣкъ на ноги встать—корми отца и мать; чуть въ лѣта вошелъ—жена на шеѣ повисла да дѣти. Женщина у насъ что? Убейся она надъ работой, все-таки грошъ только добудетъ, да и то невѣрный, не въ срокъ, не во-время. Мы хоть мало получали, да знали, что перваго числа придешь и получай денежки. А баба? Сегодня ей заплатили, а завтра нѣтъ; сегодня ее завалили работой, а завтра клади зубы на полку. Ну, она и виситъ на мужниной шеѣ. Она и сама не рада, она плачетъ и убивается, а виситъ, заѣдаетъ его, точитъ, какъ ржа желѣзо. Покуда она еще одна—ничего, а пойдутъ дѣти, такъ тутъ, какова ни будь, приналяжетъ на мужа. Извѣстно—мать! Она дитя носила; она слышитъ, какъ оно стонетъ и плачетъ, такъ тутъ станешь пилить да точить мужа. Тоже не отъ радости это дѣлается.

Эта тема съ каждымъ днемъ развивалась Орловымъ все полнѣе и полнѣе. Это было теперь его больное мѣсто. Являясь въ свою семью, онъ дѣлался все угрюмѣе и угрюмѣе.

Марья Ѳедоровна и Анна Андреевна замѣтили, что по какимъ-то непонятнымъ причинамъ эта мрачность еще болѣе усиливалась, когда начинались при немъ толки о Митѣ.

— Точно волкъ смотритъ, когда заговоришь о сынѣ,— сказала разъ не выдержавшая Марья Ѳедоровна дочери.

— И за что онъ его ненавидитъ, за что?—воскликнула Анна Андреевна, поднимая къ небу глаза.

Она точно обрадовалась, что мать замѣтила это, что это не ей одной бросалось въ глаза.

— Видно, смотрѣть-то стыдно на сына!—рѣшила Марья Ѳедоровна.

— А я ужъ боялась, что грѣшу я, что это только мнѣ такъ кажется,—сказала Анна Андреевна.

— Чего тутъ казаться! Не со вчерашняго дня я это замѣтила,—отвѣтила Марья Ѳедоровна:—не завтра это и кончится. Сама знаешь, у отца мыслей-то немного. Какъ какая-нибудь засядетъ въ голову, такъ онъ съ нею чуть не по годамъ носится, точно курица яйцо высиживаетъ...

— Только грѣхъ ему на Митю сердиться,—со вздохомъ сказала Анна Андреевна.

— Да онъ, можетъ, и не сердится на него, а стыдъ его заѣдаетъ,—сказала мать.—Совѣсть-то тоже есть, и понятія Богъ не отнялъ,—ну, и стыдно, за себя стыдно!..

Старикъ же на другой день ораторствовалъ среди своихъ новыхъ знакомыхъ:

— И что такое отцы и матери? Поднимаютъ дѣтей, чтобы даровыхъ батраковъ имѣть, чтобы какъ воловъ запрячь ихъ и загонять до послѣдняго издыханія. Туда же толкуютъ: мы любимъ своихъ дѣтей, мы не наглядимся на нихъ! А почему? Потому, что изъ этихъ дѣтей сокъ можно будетъ выжимать потомъ, поильцевъ и кормильцевъ изъ нихъ сдѣлать можно будетъ. Пусть ихъ затягиваются въ работѣ, было бы только намъ хорошо. Да, по мнѣ, отсохни моя рука, если я ее протяну къ своему сыну за помощью. Пусть для себя живетъ, пусть не грѣшитъ, проклиная часъ, когда его мать родила на работу каторжника. Объ этомъ каждый отецъ, каждая мать подумать должны!

Этимъ разсужденіямъ Андрея Ивановича не было конца, точно онъ никакъ не могъ исчерпать всей темы о заѣданіи человѣка семьею. Марья Ѳедоровна совершенно вѣрно замѣтила, что у него было мыслей немного и что онъ по годамъ способенъ былъ носиться съ какою-нибудь одною мыслью. Какъ когда-то онъ юношею носился съ мыслью о

женитьбѣ на румяной и полной Марьѣ Ѳедоровнѣ, какъ потомъ онъ няньчился съ мыслью о постройкѣ дома, какъ, далѣе, онъ задался мыслью о возможности всего достигнуть черезъ барскихъ слугъ,—такъ теперь онъ весь погрузился въ размышленіе о томъ, что семья заѣдаетъ человѣка, что она заѣла его, что она можетъ заѣсть его сына. Эта тема разрасталась въ его головѣ, онъ находилъ новые факты, новыя доказательства для подтвержденія своей мысли и не могъ отъ нея оторваться. Иногда онъ одинъ на улицѣ вслухъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ, обращая на себя вниманіе прохожихъ.

Дмитрій Андреевичъ даже и не подозрѣвалъ всѣхъ этихъ закулисныхъ событій въ своей семьѣ. Онъ видѣлъ только иногда, что дома дѣлается что-то неладное, но не желалъ вовсе вникать въ это дѣло, зная по опыту, что разспросами можно растравить больныя мѣста, но нельзя помочь бѣдѣ. Онъ зналъ, что его отецъ постоянно исчезаетъ изъ дому и попиваетъ, и глубоко жалѣлъ старика, сознавая, что спасти его отъ загуловъ нѣтъ возможности, что этотъ исходъ былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего пережитаго горя. Иногда при воспоминаніяхъ о семьѣ, при раздумьи объ ея положеніи, у молодого человѣка сжималось болѣзненно сердце, и поднималась желчь. Онъ болѣзненно любилъ и мать, и отца, и сестру, принесшихъ ему сотни жертвъ, и сознавалъ, что всѣ они загублены безповоротно, навсегда. Какъ человѣкъ очень нервный, впечатлительный, онъ нерѣдко лишался сна, когда ему приходилось случайно задуматься о своей семьѣ. Это было что-то въ родѣ раны, до которой стоило дотронуться, чтобы боль отозвалась во всемъ организмѣ.

Разъ какъ-то онъ возвращался вечеромъ домой. Онъ шелъ не спѣша по полутемной улицѣ, раздумывая о всемъ совершавшемся вокругъ, какъ вдругъ его вниманіе было остановлено шедшимъ передъ нимъ человѣкомъ. Это былъ невысокій ростомъ, худощавый и сутуловатый человѣкъ; онъ шелъ, слегка пошатываясь изъ стороны въ сторону. Дмитрій Андреевичъ сразу узналъ отца. Первою его мыслью было замедлить шаги и не нагонять отца, чтобы тотъ не зналъ, что сынъ видѣлъ его въ такомъ видѣ. Но не успѣлъ Дмитрій Андреевичъ пріостановиться, какъ старикъ Орловъ сильно пошатнулся и едва не свалился, придержавшись только за заборъ. Дмитрій Андреевичъ, ничего уже не думая, подъ вліяніемъ страха, что старикъ упадетъ, быстро подошелъ къ нему.

— А, это ты, Митя,—пробормоталъ старикъ-Орловъ, сконфуженнымъ голосомъ.

— Да, вотъ загулялся долго, возвращаюсь тоже домой,— сказалъ сынъ, взявъ подъ руку отца.

— И я... тоже на рожденіи былъ у пріятеля... Подгуляли немного, — сказалъ Андрей Ивановичъ, стараясь пріободриться и казаться развязнымъ.

— Ну, что-жъ, и хорошо... Иногда нужно повеселиться,— отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Какое веселье, какое веселье! — сказалъ старикъ.— Горе насъ гонитъ на это веселье, горе!... Ну, да ужъ не поправишь этого... Нѣ-ѣтъ, никакъ не поправишь!... Вотъ тебѣ не придется съ горя веселиться... Дай Богъ, чтобы не пришлось!..

Они пошли вмѣстѣ.

— Только ты береги себя, голубчикъ, береги... О себѣ думай,—продолжалъ старикъ.—Ты о насъ не думай... Чего о насъ думать? Мы жили и отжили, отжили—и ничего намъ не надо... Новой жизни не дашь, а себя изъ-за насъ не губи... На что? Что пользы? Затянешься, какъ кляча, какъ я затянулся,—затянешься, а намъ не поможешь, потому мы старички, мы отжили, Митя... А ты жить долженъ... И такъ сидимъ у тебя на шеѣ...

— Полно, отецъ!—ласково сказалъ Дмитрій Андреевичъ, изумленный и тронутый словами старика.

— Нѣтъ, нѣтъ, сидимъ на шеѣ и заѣдаемъ твой вѣкъ,— продолжалъ старикъ.—Мать жалуется, что достатки малы... Не слушай ея!.. На нашъ вѣкъ хватитъ; а не хватитъ— и такъ обойдемся... А ты о себѣ думай,—твоя жизнь впереди... Я вотъ пью, Митя, пью... Я изъ своихъ денегъ, голубчикъ, пью, и матери приношу, и у тебя на шеѣ сидѣть не буду...

— Отецъ, да развѣ я когда-нибудь говорилъ, что вы мнѣ въ тягость?—воскликнулъ Дмитрій Андреевичъ со слезами на глазахъ.

— Не говорилъ и не скажешь, потому ты—благородная душа, а я знаю все это, знаю!—проговорилъ старикъ.

— Да я жизнь готовъ бы отдать, чтобы вы были счаcтливы!—горячо сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Жизнь отдать, жизнь отдать!—повторилъ старикъ.—Не надо, голубчикъ, не надо... То-то я и говорю: сами дали человѣку жизнь и сами заставляемъ его отдать намъ эту жизнь... Нѣтъ, знаю я, каково жизнь другимъ отдавать,—знаю, и потому хочу, чтобы ты зналъ, что я не хотѣлъ сидѣть у

тебя на шеѣ, не хотѣлъ тебя заѣдать... Умру—на могилу мою придешь и скажешь: «Старикъ любилъ меня не за то, что я былъ его поильцемъ и кормильцемъ,—не за то, а за то, что я его сынъ былъ»... Да, такъ и скажешь...

Старикъ вдругъ остановился и, поднявъ вверхъ руку, торжественно проговорилъ:

— Митя, это я великое слово говорю: любилъ не за то, что ты моимъ кормильцемъ и поильцемъ былъ, а за то, что ты мой сынъ былъ!... Понимаешь?..

Онъ снова пошелъ дальше и продолжалъ говорить:

— Это вонъ онѣ, бабы, такъ Бога любятъ; дай намъ, говорятъ, корову, а мы тебя любить будемъ, да кланяться тебѣ будемъ... Не годится такъ, не годится, голубчикъ!.. Заѣдаютъ вѣкъ человѣка, ѣздятъ на немъ, послѣднюю шкуру съ него дерутъ, а говорятъ: мы тебя любимъ... Мы умирать скорѣе должны,—вотъ что мы должны, Митя,—а не чужой вѣкъ заѣдать.

— Ну, полно, голубчикъ! Никому ты не въ тягость и умирать тебѣ еще рано, — сказалъ ласково Дмитрій Андреевичъ, передъ которымъ открылся совершенно новый міръ взглядовъ его отца.—Еще погоди, какъ поживемъ, какъ поживемъ!

Старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Поздно, поздно!—пробормоталъ онъ.—Ты живи, а намъ умирать надо.

Они подъ руку тихими шагами дошли до дома.

Марья Ѳедоровна даже руками всплеснула, увидавъ, что сынъ пришелъ вмѣстѣ со старикомъ, и отъ ея глазъ не ускользнуло, въ какомъ видѣ пришелъ старикъ. Она встревожилась, засуетилась, прошептавъ торопливо мужу: «Ложись ужъ, ложись скорѣе!»—и прошла въ комнату къ Дмитрію Андреевичу съ испуганнымъ и смущеннымъ выраженіемъ лица.

— Прости ты его, голубчикъ, прости!—мягко заговорила она.—Срамитъ онъ тебя, срамитъ своимъ безобразіемъ...

— Полноте, мама,—отрывисто сказалъ Дмитрій Андреевичъ. — Что за срамъ, что старикъ выпилъ. Всѣ у насъ пьютъ. Почему же ему быть исключеніемъ?

— Да тебѣ-то каково, тебѣ-то каково?—воскликала она.— Ужъ если у меня все сердце изныло, такъ тебѣ-то и пуще того не легко.

Дмитрій Андреевичъ только рукой махнулъ.

Ему дѣйствительно было не легко, но не потому, что

отецъ пилъ, а потому, что въ головѣ молодого человѣка снова воскресли думы о томъ, что̀ пережила его семья, какія невзгоды и горе загубили всѣ эти существованія, сколько нужно было испытать для того, чтобы дойти до взглядовъ, высказанныхъ его отцомъ. Эти взгляды озарили старика-Орлова новымъ свѣтомъ въ глазахъ его сына. Они открыли передъ Дмитріемъ Андреевичемъ тотъ уголокъ человѣческой души, въ который вообще не легко заглянуть и еще труднѣе, когда эта душа принадлежитъ такому несообщительному человѣку, какъ Андрей Ивановичъ, мало говорившій и говорившій только тогда, когда онъ что-нибудь переболѣетъ въ своей душѣ. Дмитрію Андреевичу было тяжело теперь разсуждать съ матерью объ отцѣ. Она, какъ онъ ясно понималъ, не сознавала страданій, переживаемыхъ ея мужемъ.

Марья Ѳедоровна, однако, не выходила изъ комнаты сына и какъ-то опасливо, тревожно переминалась, точно желая и въ то же время боясь начать какой-то разговоръ. Наконецъ, она съ приступами, какъ она обыкновенно говорила съ сыномъ, начала рѣчь:

— Ужъ и то вся улица только и трезвонитъ, что объ Орловыхъ. Куда ни приди, всюду имъ, да имъ бока перемываютъ...

— Ну, мама, намъ-то что за дѣло до того, что̀ про насъ говорятъ!—сказалъ нетерпѣливо Дмитрій Андреевичъ.—За глаза и про царя говорятъ.

— Да не за глаза, не за глаза, а въ глаза насмѣхаются да издѣваются!—воскликнула Марья Ѳедоровна.—И то сказать, какъ не смѣяться, какъ не издѣваться. Самъ пьетъ, чуть по улицамъ не валяется, племянница собой торгуетъ...

Дмитрій Андреевичъ вскочилъ съ мѣста, какъ ужаленный.

— Настя?—воскликнулъ онъ.—Настя?.. Что вы говорите!

— Ничего не знаю навѣрное, ничего, а люди видѣли ее въ коляскѣ,—проговорила Марья Ѳедоровна.

Дмитрій Андреевичъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Подлыя сплетни! — рѣзко сказалъ онъ. — Охота вамъ все слушать, всему вѣрить!

— Не сплетни, голубчикъ, не сплетни, а меня предостеречь хотѣли добрые люди,—заговорила Марья Ѳедоровна.— Передаютъ, что такъ и такъ—разъ ее въ театрѣ въ ложѣ видѣли съ молодыми людьми, а потомъ въ коляскѣ проѣхала она... Ну, не утерпѣла я,—не чужая она мнѣ, слава Богу,—бросилась къ ней: дома не застала. Я другой разъ къ ней: тоже нѣтъ дома. Наказала я, чтобъ ее прислали,

говорю: «Тетенька, дескать, желаютъ видѣть, давно не видали, такъ соскучились»,—а сама, грѣшный человѣкъ, все выспрашиваю, какъ живетъ, гдѣ бываетъ, кто къ ней ходитъ... Ну, да такъ и узнаешь у этихъ мадамъ. Настя-то вѣдь теперь не въ магазинѣ живетъ, а надъ нимъ, въ меблированныхъ комнатахъ съ подругой, какъ говоритъ, комнатку снимаетъ. Ну, комнаты-то мадамъ какая-то, нѣмка, содержитъ, такая цирлихъ-манирлихъ, глазки въ землю опускаетъ. «У меня, говоритъ, все деликатные жильцы», а сама, вижу я, что бестія. Ну, говоритъ она, что фрейленъ Натали... Митя, вѣдь по-нѣмецки-то Настасья не Натали называется?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— То-то помнится, что не Натали... съ чего же это нѣмка-то Настю фрейленъ Натали величаетъ?—раздумчиво произнесла Марья Ѳедоровна, но тотчасъ же вспомнила, что надо кончить разсказъ, и перемѣнила тонъ:—ну, вотъ, говоритъ она, что фрейленъ Натали все за работой, все за работой въ магазинѣ, или развозитъ вещи по кліентамъ и заказчикамъ, и сама ни ногой въ гости и къ ней никто. Вижу я, что она вретъ и смѣется надо мной, а придраться нельзя. Такъ я и ушла, наказавъ еще, чтобы Настю непремѣнно прислали. Ну, жду день, другой; приходитъ...

— Ну, и что же?—нетерпѣливо спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Что? Извѣстно что. Пришла. Стала я ее спрашивать. Вретъ и не краснѣетъ! — сердито отвѣтила Марья Ѳедоровна. — Ты, говорю, съ кѣмъ это въ театрѣ была? — «Съ хозяйкой, говоритъ, и ея братьями». — А ты, говорю, это въ какихъ коляскахъ разъѣзжаешь? — «А это, говоритъ, заказчица экипажъ за мной прислала, чтобы заказъ у нея взять». — И сама это, точно вотъ передъ попомъ на духу, губки поджимаетъ, глазки внизъ, ручки на колѣняхъ сложила, хоть образъ съ нея пиши! Взорвало меня, начала я ее бранить, что она у насъ не бываетъ, что она ведетъ себя не путевымъ порядкомъ, а она только: «Тетя, да мнѣ некогда!.. Тетя, да что же я сдѣлала?..» И сама это и передо мной, и передъ Аннушкой лебезитъ-лебезитъ и ручки цѣлуетъ и обнимаетъ... Погибла дѣвка, погибла совсѣмъ чуетъ мое сердце!..

И вдругъ Марья Ѳедоровна, перемѣняя тонъ, въ упоръ обратилась съ вопросомъ къ сыну:

— Ну, изъ какихъ денегъ она брату помогаетъ, а?.. Изъ какихъ?

— Какому брату?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Да Николашкѣ... Я тебѣ ужъ во всемъ покаюсь, — сказала Марья Ѳедоровна. — Не хотимъ мы съ Аннушкой тебя разстраивать и уговорились съ ней ничего не говорить... Да вотъ теперь съ языка сорвалось... Николашку-то выгнали давно и изъ пріюта, и отъ портного, куда я его въ ученье пристроила, и продаетъ онъ слоновъ по улицамъ. Мальчишкѣ восемнадцать лѣтъ, а пьетъ какъ бочка. Встрѣтила я его какъ-то, говорю: побойся ты Бога, ни за тобой, ни передъ тобой ничего нѣтъ, а ты пьешь; коли на насъ надѣешься, такъ у насъ для тебя денегъ не припасено. А онъ: «Мнѣ, говоритъ, вашего и не нужно, — мнѣ сестра даетъ».—Какая сестра?—«А Настасья-то».—Да откуда у нея самой?.. Юбчонку послѣднюю отдастъ, что ли?—«Ну да, говоритъ, вы у нея въ карманѣ-то не считали, а на нашъ вѣкъ хватитъ».

Марья Ѳедоровна махнула рукой.

— Да вѣдь и Дашу она же изъ пріюта взяла, въ магазинъ помѣстила, пріодѣла, — сказала она. — Я-было не соглашалась, а она настояла на своемъ.

Передъ Дмитріемъ Андреевичемъ раскрывался цѣлый міръ новыхъ событій въ его семьѣ, о которыхъ онъ и не подозрѣвалъ. Ему стало какъ-то жутко.

— Зачѣмъ вы мнѣ раньше не сказали всего?—воскликнулъ онъ.

— Да что говорить-то! Развѣ поможешь? Только сердце твое будетъ надрываться,—сказала она.—И сегодня-то ужъ потому только начала, что опять толки въ улицѣ идутъ про Настасью. Опять видѣли ее въ парныхъ саняхъ... Ну, погибла, такъ ужъ не воротишь. Да вѣдь Даша-то при ней, тою же дорогой пойдетъ... Хоть бы ее спасти...

Дмитрій Андреевичъ заходилъ въ волненіи по комнатѣ, нахмуривъ брови и закусивъ губу.

— Я зайду къ ней,—сквозь зубы сказалъ онъ матери.

Она стала благодарить его и просить дать совѣтъ Настѣ.

— Хорошо, хорошо, мама, сдѣлаю все, что можно. Но теперь довольно, мнѣ надо отдохнуть,—сказалъ онъ отрывисто.

Мать поцѣловала его и вышла. Онъ вздохнулъ широкимъ вздохомъ, точно что-то сдавливало ему грудь.

Однако, отдохнуть ему почти не удалось. Онъ легъ, но спалъ недолго, плохо и тревожно.

Утромъ онъ отправился къ Настѣ. Когда онъ поднялся по парадной лѣстницѣ въ Большой Морской и позвонилъ у дверей квартиры, гдѣ жила Настя, къ нему вышла хозяйка квартиры, женщина лѣтъ сорока, одѣтая не безъ кокетства, скромно потупляющая лукавые глаза и говорящая вкрадчивымъ голоскомъ. Опытный наблюдатель могъ сразу угадать, смотря на эту личность, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Дмитрію Андреевичу вспомнилось невольно, что его мать назвала ее «бестіей». Онъ сказалъ, кого ему надо. Оказалось, что фрейленъ Натали нѣтъ дома. Дмитрій Андреевичъ объявилъ, что онъ желаетъ пройти въ ея комнату и тамъ подождать Настю. Хозяйка объявила, что фрейленъ Натали уноситъ ключъ отъ комнаты съ собой. Тогда онъ сказалъ, что онъ подождетъ хоть здѣсь, въ передней, такъ какъ когда-нибудь да придетъ же Настя.

— Я ея братъ, и мнѣ нужно ее видѣть,—закончилъ онъ.

Хозяйка смутилась и начала объяснять, что фрейленъ Натали никого, никого не принимаетъ, и потому она, право, не знаетъ, какъ быть.

— Я во всякомъ случаѣ не уйду и буду ждать или здѣсь въ коридорѣ, или у дверей,—сказалъ Орловъ.

— О, какъ вы горячо желаете видѣть вашу сестру!—съ улыбкой сказала хозяйка.—Вы ее очень любите? Она, впрочемъ, вполнѣ заслуживаетъ этого. Мнѣ только жаль...

Въ эту минуту вдругъ послышался голосъ Насти. Дмитрій Андреевичъ, уже не слушая хозяйку, двинулся впередъ, сказавъ рѣзко:

— Что же вы лжете, когда она дома?

Онъ быстро дошелъ до двери, откуда послышался голосъ дѣвушки, и постучалъ.

— Кто тамъ?—раздался вопросъ.—Идите!

Онъ вошелъ въ свѣтлую, мило убранную комнату.

— Митя!—раздалось восклицаніе Насти.

Она и смутилась, и обрадовалась.

— Къ тебѣ труднѣе попасть, чѣмъ къ иному министру,—сказалъ онъ, здороваясь съ нею.

— Я не велѣла никого пускать... Отъ работы отрываютъ... Я все работаю,—заговорила она торопливо и стала его усаживать.

— Я радъ, что теперь, по крайней мѣрѣ, не оторвалъ, кажется, тебя отъ дѣла,—сказалъ онъ, осматривая комнату, гдѣ не было и признаковъ работы.

— Да, я сейчасъ кончила, отослала внизъ... Ну, чѣмъ

тебя угощать?.. Вотъ-то я не ожидала, голубчикъ, что ты зайдешь... Давно мы не видались, очень давно... Была у васъ, такъ тебя не было, — быстро заговорила она, глотая концы фразъ и не зная, что говорить.

Онъ всматривался въ нее, удивленный происшедшей перемѣной. Онъ не видалъ ее мѣсяцевъ восемь. Она развилась и похорошѣла еще болѣе; теперь это была въ полномъ смыслѣ слова красавица, совершенно сформировавшаяся и перешедшая уже тотъ возрастъ, когда дѣвушка еще кажется полуребенкомъ. Но отъ его вниманія не ускользнуло и то, что выраженіе ея лица было далеко не веселое, не говорило о счастьи.

— Это ужъ не ты ли играешь на фортепіано? — спросилъ онъ, указывая на стоявшее въ ея комнатѣ фортепіано.

Она вся зарумянилась и начала путаться въ отвѣтѣ.

— Такъ... учусь... по слуху... Комната такъ отдавалась... съ фортепіанами... У меня столько, столько работы, что не до музыки... День-денской шьешь-шьешь, спины не разгибая, такъ тутъ не до музыки... Тоже не сладкая эта жизнь швеи-то... Ахъ, Митя, надо пожить этой жизнью, чтобы знать... Конечно, я...

Онъ все смотрѣлъ и смотрѣлъ на нее, слушая эту отрывистую, сбивчивую и торопливую рѣчь, и, видя, какъ молодая дѣвушка все болѣе путается, теряется, вдругъ сказалъ:

— Но ты даже и полнѣть начала отъ этой работы!

Онъ сказалъ это просто, безъ умыслу. Но Настя вдругъ поблѣднѣла и, закрывъ лицо руками, зарыдала.

— Несчастная я, несчастная! Развѣ я этого ожидала? Кто же это зналъ?—говорила она сквозь слезы.—Скоро людямъ показаться нельзя будетъ, изъ комнаты нельзя будетъ выйти...

Онъ вдругъ все разсмотрѣлъ, все сообразилъ, все понялъ. Онъ машинально провелъ рукой по своему похолодѣвшему лбу, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и ласково проговорилъ, наклонясь надъ ней:

— Ну, милая, перестань, перестань! Слезами теперь не поможешь. Что-жъ дѣлать. Надо только о будущемъ подумать.

Она подняла голову и порывисто, горячо обняла его.

— Митя, родной!.. Онъ вѣдь меня любитъ!—проговорила она уже безъ слезъ.—Какой хорошенькій самъ-то... И ты не думай, что изъ какихъ-нибудь... Его родители—важные

господа... Онъ самъ на какой дорогѣ стоитъ... Правовѣдъ былъ, недавно ученье кончилъ... Онъ, конечно, жениться теперь не можетъ...

— И никогда не женится, никогда! — рѣзко сказалъ Орловъ. — Поиграетъ и броситъ! Развѣ эти люди женятся на такихъ, какъ ты, на голи перекатной?..

— Ахъ, не говори! Онъ меня любитъ, — ничего, ничего для меня не жалѣетъ... У него свои капиталы... У его отца свои, а у него свои,—отъ бабушки остались... Я только не хочу, а онъ мнѣ все бы предоставилъ, потому онъ любитъ... «Мнѣ, говоритъ, товарищи завидуютъ, что ты у меня такая красавица...»

Дмитрій Андреевичъ сидѣлъ, низко опустивъ голову на руки. Ему было тяжело слушать. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Зачѣмъ же ты Дашу-то къ себѣ взяла? По той же дорожкѣ пустишь?..

— Митя! Митя! Богъ съ тобой, что ты говоришь!—воскликнула Настя.—Даша—счастливая, у нея женихъ есть, чиновничекъ молодой, тихій, тихій такой... Я ее замужъ выдамъ... Онъ бы и на мнѣ женился, да мой Коля не хотѣлъ...

Она вдругъ оборвала рѣчь, точно испугавшись, что сказала лишнее. Прошло нѣсколько минутъ въ тяжеломъ молчаніи. Наконецъ, она заговорила первая.

— Я вотъ, Митя, боюсь только, какъ тетѣ сказать о свадьбѣ Даши. Конечно, тетя будетъ рада даже, что Даша выходитъ замужъ за чиновника... Но какъ же я буду на свадьбѣ?.. Вотъ и ты замѣтилъ... Я ужъ какъ у васъ была, такъ и не снимала пальто... А на свадьбѣ замѣтитъ, непремѣнно замѣтитъ...

Дмитрій Андреевичъ махнулъ рукой.

— Мать не поѣдетъ на свадьбу... Это можно сдѣлать... Нужно думать не объ этомъ, — сказалъ онъ. — Но у меня голова идетъ кругомъ... Я не понимаю, какъ это такъ скоро все сдѣлалось: Даша только что вышла изъ пріюта, сейчасъ же познакомилась съ этимъ чиновникомъ и уже сдѣлалась невѣстой... Хорошій ли онъ человѣкъ?

— О, Коля говоритъ, что отличный... Онъ все надъ нимъ шутитъ... Онъ его Молчалинымъ зоветъ, а того совсѣмъ не Молчалинымъ, а Малоземовымъ зовутъ. А это правда, что онъ молчаливъ... Тихій, тихій совсѣмъ...

— Да при чемъ же тутъ твой Коля?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ, ничего не понимая.

Настя опять смутилась и замялась.

— Видишь ли, — начала она нерѣшительно: — я въ такомъ положеніи... Я сказала, что я ни за что, ни за что не брошу ребенка... Лучше ужъ все перенести, чѣмъ свое дитя бросить... Ну, вотъ Коля и придумалъ... Это не онъ, а отецъ его придумалъ... Отецъ его все узналъ, сердился очень... Онъ это и придумалъ... Даша, видишь ли, выйдетъ замужъ, — ну, ребенка и припишутъ законнымъ, то-есть какъ будто онъ ея ребенокъ, а не мой... Понимаешь, это чтобы онъ незаконнымъ не былъ, а дворяниномъ... Отецъ Коли хотѣлъ, чтобъ я вышла за Малоземова, но я не хочу, и Коля тогда сказалъ: «Я убью его, если онъ будетъ хоть названіе твоего мужа носить...» Коля такъ меня любитъ, такъ любитъ, что ревнуетъ...

— Негодяй!—прошепталъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ахъ, Митя, Митя, онъ ничего не жалѣетъ для меня,— вступилась за него Настя. — Отецъ Коли, конечно, не согласенъ, чтобы Коля женился на мнѣ, но Коля говоритъ, что старикъ правъ, что всѣ родные отъ нихъ отступятся, если Коля женится на мнѣ теперь... «Ты, говоритъ онъ мнѣ, Натали...»

— Съ чего это тебя величаютъ этимъ именемъ? — перебилъ ее Дмитрій Андреевичъ вопросомъ.

— Это такъ, случайно, — сказала Настя. — Видишь ли, голубчикъ, когда Коля первый разъ присталъ, то-есть увидалъ меня и спросилъ мое имя, я не хотѣла, чтобъ онъ зналъ, кто я, и сказала, что меня зовутъ Наташей... Онъ говоритъ: «Какое прелестное имя, Натали...» Ну, такъ онъ и сталъ звать меня, а тамъ ужъ мнѣ и совѣстно было сказать, что я солгала...

— Да вы, кажется, только и дѣлаете оба, что лжете другъ другу,—проговорилъ Орловъ.

Онъ поднялся съ мѣста.

— Митя, куда же ты?—спросила Настя.—Кофе не хочешь ли?

Онъ ничего не отвѣтилъ ей и проговорилъ:

— Дашу-то ты зачѣмъ губишь?

— Какъ гублю?—воскликнула Настя.—Она же замужъ выходитъ!

— За нелюбимаго человѣка, который и ея не любитъ.

— Да съ чего имъ не любить другъ друга?.. Онъ молодой, скромный, чиновникъ... И она—красавица... Мѣсто онъ черезъ нее получитъ... Тоже не вышелъ бы этотъ случай,

не сладко бы ей было. Вонъ въ пріютѣ попечитель и староста церковный, трактирщикъ Соболевъ, ее сманивалъ въ содержанки къ себѣ... Такъ съ этимъ толстопузымъ купцомъ счастье бы было? А такъ-то жить, въ горничныхъ или швеяхъ... Нѣтъ, ты, Митя, не знаешь этой жизни... Не сладка она нашей сестрѣ,—служи да работай на другихъ... Да ты что же торопишься?.. Кофе не хочешь ли?..

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Я домой иду...

— Ты не говори ничего, голубчикъ, тетѣ! — заволновалась Настя. — Она скандалъ подниметъ... Я боюсь... Коля тоже пуще всего этого не любитъ... Да мнѣ самой легче петлю, чѣмъ выносить эти скандалы...

Дмитрій Андреевичъ сухо успокоилъ ее.

— Ужъ вѣдь какъ я изворачивалась и лгала, чтобы все это скрыть отъ тети,—говорила Настя.—Я тоже знаю ее! Не легко бы ей было, если-бъ она все, все знала...

Онъ не дослушалъ ея и ушелъ. Онъ даже не замѣтилъ, что она будто что-то не договаривала, что въ ея словахъ слышалась затаенная горечь, что въ ея голосѣ были слезы. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы заглянуть поглубже въ ея душу. Его точно пришибло чѣмъ-то, точно ему нанесли тяжелое оскорбленіе. Онъ былъ золъ на весь міръ. Вечеромъ нужно было работать у князя, и князь спросилъ его, что съ нимъ, увидавъ, что онъ и пожелтѣлъ, и осунулся. Дмитрій Андреевичъ коротко отвѣтилъ, что у него чисто семейныя непріятности. Князь вздохнулъ и замѣтилъ, что съ этими непріятностями не сразу свыкнешься, что нужны долгіе годы, чтобы научиться уходить отъ этихъ личныхъ печалей въ міръ общественной дѣятельности.

IV.

— Ну, что, голубчикъ, былъ ли ты у Насти?—спрашивала Марья Ѳедоровна у сына.

— Былъ,—отвѣтилъ онъ.

— Видѣлъ ее?

— Видѣлъ.

— Ну, что же?.. Разсказывай, какъ она... Говорилъ ты ей?

— Мама, оставимте Настю въ покоѣ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Помочь мы ей уже ничѣмъ не можемъ...

Марья Ѳедоровна всплеснула руками.

— Погибла, значитъ, совсѣмъ погибла!—проговорила она и заплакала.

— Этого нужно было ждать,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Другого-то исхода, пожалуй, и не могло быть...

— Что же дѣлать-то теперь, какъ спасти?

— Ничего не приходится теперь дѣлать. Потеряннаго не воротишь. Все, что бы мы ни сдѣлали теперь, вызоветъ только скандалъ и больше ничего...

Дмитрій Андреевичъ горько усмѣхнулся, вспомнивъ слова Насти о «скандалѣ».

— Она вонъ и сама это понимаетъ, и только объ одномъ и проситъ, чтобы не дѣлать скандала,—сказалъ онъ.—И она права. Жаловаться на обольстителя—что изъ этого выйдетъ? Взять ее силой въ свой домъ?.. Но къ чему это поведетъ? Она убѣжитъ отъ насъ и пойдетъ на что-нибудь худшее. Заставить ее теперь полюбить нашу жизнь мы уже не можемъ, если не сумѣли прежде этого сдѣлать. Ей здѣсь будетъ и тяжело, и скучно.

Марья Ѳедоровна тихо плакала.

— Я объ этомъ продумалъ всю ночь,—продолжалъ Дмитрій Андреевичъ:—и пришелъ къ заключенію, что намъ нечего дѣлать. Пусть будетъ, что будетъ...

— А Даша что? Ее-то хоть взять,—сказала Марья Ѳедоровна сквозь слезы.

— Дашу замужъ выдаютъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Ну, и пусть выходитъ замужъ. Возьмемъ мы ее, но что ее ждетъ здѣсь? Бѣдность и вѣчный трудъ. Усмотримъ ли мы за нею? Убѣдимъ ли ее, что она должна жить честно? Не сманитъ ли ее, какъ Настю, первый встрѣчный негодяй? Вонъ ее и въ пріютѣ уже сманивалъ къ себѣ на содержаніе какой-то благодѣтель пріютскій, Соболевъ.

— Да, знаю я, знаю я этого стараго грѣховодника, трактиръ «Старый Китай» онъ содержитъ... Не одну дѣвушку сгубилъ, мерзавецъ,—сказала Марья Ѳедоровна.—А туда же на разные пріюты жертвуетъ, попечителемъ ихъ числится...

— Много ихъ такихъ!—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Вотъ отъ нихъ-то и не спасемъ мы Дашу, какъ не спасли Настю. Скучно ужъ очень у насъ, неприглядна ужъ очень жизнь-то наша, ну, дѣвочки и соблазняются, какъ имъ пообѣщаютъ и шелковыхъ платьевъ, и развлеченій, и музыки... Мы вѣдь ничего, ничего не можемъ имъ обѣщать, кромѣ вѣчнаго труда да сидѣнья вотъ здѣсь, въ этомъ углу.

— Да вѣдь сидѣли же мы-то въ этомъ углу... Вонъ и я, слава Богу, вѣкъ честно прожила, и Аня,—сказала Марья Ѳедоровна.

— Воспитали васъ, мама, и Аню иначе. Характеры у васъ другіе были,— отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ. — Вы вонъ и замужъ рано вышли по страстной любви, а Аня... Сами вы знаете, что Аня всю себя семьѣ посвятила, для васъ да для меня жила... Такихъ самопожертвованій нельзя отъ каждаго требовать, не каждый способенъ на нихъ. Святые-то люди рѣдко родятся...

Марья Ѳедоровна вздохнула. Она никакъ не могла помириться съ мыслью, что ей такъ и не слѣдуетъ пальца о палецъ стукнуть для спасенія племянницъ. Въ ея головѣ опять возникли мысли о томъ, что на нее сосѣди пальцами указывать будутъ, скажутъ про нее: «Хороша тетка, когда своихъ племянницъ бросила». Она сообщила эти опасенія сыну.

— Пусть говорятъ, пусть говорятъ!—отвѣтилъ онъ.—А вы ихъ спросите, что же вамъ дѣлать? Повѣрьте, никто не скажетъ, что дѣлать. Да и говорить-то много не станутъ. Даша выйдетъ замужъ, такъ тутъ и сплетничать будетъ не о чемъ, Настя же... Ну, про нее могутъ сплетничать, да тутъ вѣдь ужъ пособить ничѣмъ нельзя. Дѣло сдѣлалось, значитъ—и конецъ...

Онъ говорилъ, повидимому, спокойно, но у него у самого все переворачивалось въ душѣ отъ сознанія, что онъ совершенно безсиленъ въ этомъ дѣлѣ, что онъ не можетъ спасти сестеръ, не можетъ «наказать» обольстителя Насти, что онъ долженъ, напротивъ того, желать скорѣйшаго совершенія брака Даши и даже радоваться такому благополучному исходу дѣла, такъ какъ все могло бы кончиться и хуже. Ему было обидно и горько, что каждый его шагъ къ вмѣшательству въ это дѣло повелъ бы только къ еще болѣе дурнымъ послѣдствіямъ. Онъ обдумывалъ это дѣло со всѣхъ сторонъ и приходилъ къ одному заключенію, что въ его положеніи можно только «скандалъ сдѣлать». Объясненіе съ обольстителемъ Насти, насильное водвореніе ея въ семью, вмѣшательство въ предполагавшійся бракъ Даши, обращеніе къ суду—все это повело бы къ скандалу и ничего не поправило бы. «На дуэль развѣ выйти съ нимъ... Это ужъ будетъ самый крупный скандалъ»,—съ горечью думалъ Орловъ, и въ его душѣ поднималась желчь и злоба. Впервые въ жизни ему казалось, что онъ способенъ убить человѣка изъ-за угла, задушить его своими руками, раздавить, какъ гадину, и даже не покраснѣть, что онъ его убилъ, какъ разбойникъ. «Разбойниковъ только такъ и можно убивать,—

думалось ему:—а эти люди хуже разбойниковъ: разбойникъ хоть подвергаетъ себя опасности, а они воруютъ чужую честь, губятъ чужую жизнь, зная, что они даже ничѣмъ не рискуютъ. Что мы, голь перекатная, судиться съ нимъ будемъ, что ли, чтобы все потерять и ничего не выиграть? Или драться на дуэли я стану, не умѣя ни стрѣлять, ни фехтовать?.. Да и что изъ дуэли выйдетъ? Онъ убьетъ меня, его накажутъ легко, а у меня голодная семья останется; я его убью —меня сошлютъ, куда Макаръ телятъ не гоняетъ, и за мною опять-таки останется та же голодная семья. Нѣтъ, нашъ братъ можетъ только изъ-за угла убивать этихъ мерзавцевъ,— убивать не краснѣя, не мучась угрызеніями совѣсти, потому что они нападаютъ на насъ первые, и притомъ нападаютъ какъ воры, какъ негодяи. Или и въ самомъ дѣлѣ, когда на васъ нападаетъ разбойникъ, вы должны сказать: «Позвольте васъ, милостивый государь, вызвать за это на дуэль». Онъ былъ возбужденъ до послѣдней степени; нѣсколько дней онъ не могъ справиться съ собой.

Именно въ это-то время ему напомнили, что на слѣдующій день было назначено собраніе комитета у княгини Русовой. Дмитрій Андреевичъ былъ не въ духѣ, въ скверномъ, желчномъ настроеніи, но ѣхать было нужно. У него былъ уже окончательно составленъ проектъ предполагавшихся измѣненій въ уставѣ благотворительнаго общества княгини, и онъ долженъ былъ прочитать этотъ проектъ. Большинство членовъ комитета уже было подготовлено къ предполагавшимся нововведеніямъ, и нечего было опасаться, что проектъ новаго устава не будетъ принятъ; предстояло только выдержать обычныя нападенія меньшинства на предложеніе, очень хорошо зная, что эти нападенія можно даже и не отражать. Комитетъ благотворительнаго общества княгини состоялъ изъ предсѣдательницы, четырнадцати членовъ и двухъ кандидатовъ въ члены комитета. Составъ былъ довольно великъ въ виду того, чтобы членамъ общества доставить больше шансовъ попасть въ комитетъ, то-есть сдѣлаться какою бы то ни было властью. Но заправляла комитетомъ, по обыкновенію всѣхъ комитетовъ, предсѣдательница со своими адептами, проводившими въ комитетъ все, что она захочетъ. Другіе члены комитета были «стадо барановъ», какъ иногда рѣзко выражалась про нихъ княгиня. Среди этого стада выдѣлялись особенно рѣзко только три члена: старикъ сенаторъ Митусъ, при каждыхъ выборахъ попадавшій въ комитетъ за свои офиціальныя связи; такой же

старикъ князь Горинъ, выбиравшійся въ комитетъ изъ года въ годъ потому, что онъ былъ членомъ всѣхъ благотворительныхъ комитетовъ и безъ него точно чего-то недоставало въ комитетѣ; наконецъ, баронесса Гиршенцвейгъ, избиравшаяся въ комитетъ потому, что она была очень богата, и всѣ, вполнѣ зная ея невообразимую жадность, все-таки ждали отъ нея щедрыхъ подачекъ на доброе дѣло, а если ужъ не при жизни, то въ духовномъ завѣщаніи. Эти три члена постоянно составляли оппозицію въ комитетѣ: Митусъ смотрѣлъ на всѣ вопросы съ точки зрѣнія религіозной, и ему всегда казалось, что въ каждомъ дѣлѣ, пожалуй, и все хорошо, но недостаточно благочестія. Когда выдавали бѣдному помощь, онъ протестовалъ, зачѣмъ выдаютъ помощь не къ празднику, такъ какъ въ праздникъ бѣднякъ могъ бы поставить свѣчку въ Божьемъ храмѣ; если кто-нибудь давалъ отчетъ о бѣдности просителя, Митусъ сердился, что не справились, бываетъ ли проситель у святого причастія, и знаютъ ли его дѣти главныя молитвы. Князь Горинъ протестовалъ потому, что, по его мнѣнію, у насъ въ благотворительныхъ обществахъ все идетъ дурно; но когда его спрашивали, какъ помочь бѣдѣ, онъ говорилъ, что онъ не знаетъ, но что все идетъ дурно. Кромѣ благотворительныхъ комитетовъ, князь засѣдалъ въ десяткахъ правительственныхъ комитетовъ, комиссій и подкомиссій и велъ себя точно такъ же и тамъ, стяжавъ себѣ названіе «Князь—дурно-дурно». Онъ обыкновенно пріѣзжалъ въ комитетъ раньше всѣхъ, послѣ самаго обѣда, и сладко дремалъ во время засѣданій, переваривая пищу; когда же обсуждавшійся вопросъ пускался на голосованіе, онъ пробуждался, медленно надѣвалъ на носъ pince-nez, уставлялся оловянными глазами въ докладчика и начиналъ возражать, иногда вовсе некстати, распространяясь вообще о дурномъ веденія дѣла и сто разъ повторяя: «это дурно, очень дурно и все дурно». Баронесса Гиршенцвейгъ смотрѣла на все съ одной точки зрѣнія—со стороны денежной, и когда она возражала, можно было подумать, что она подъ столомъ дрожащей отъ испуга рукою зажимаетъ въ кулакъ свой кошелекъ, боясь, чтобъ у нея не спросили или не отняли денегъ. Она говорила осторожно, мягко и вкрадчиво, точно боясь, что за первую рѣзкость на нее нападутъ и ограбятъ ее. Всѣ члены комитета знали впередъ, что и какъ возразятъ эти люди на каждый вопросъ, и въ то же время всѣ знали впередъ, что эти возраженія не приведутъ ни къ

чему. Сами члены вѣчной оппозиціи знали на практикѣ, что ихъ возраженія ни разу еще не были приняты во вниманіе. Но, тѣмъ не менѣе, они возражали, и съ ними спорили, такъ что иногда выходили очень бурныя сцены, приводившія неизмѣнно къ одному результату: вопросъ голосовали, и онъ рѣшался утвердительно, такъ какъ изъ пятнадцати голосовъ отрицательныхъ было три. Эта комедія разыгрывалась изъ году въ годъ, изъ засѣданія въ засѣданіе, и къ ней такъ привыкли всѣ члены комитета, что имъ было странно, когда возраженій являлось только два, когда отрицательныхъ голосовъ было только пара. Всѣ начинали справляться, какъ это случилось, не произошло ли ошибки въ счетѣ, и успокаивались, видя, что въ засѣданіе не пріѣхали Митусъ или баронесса Гиршенцвейгъ. Князь Горинъ не пропускалъ ни одного засѣданія ни въ одномъ комитетѣ и иногда въ случаѣ отсутствія сенатора или баронессы говорилъ, что надо бы отложить вопросъ, такъ какъ не дурно бы выслушать, что скажетъ сенаторъ или баронесса. Онъ замѣчалъ въ этихъ случаяхъ, что вопросъ, можетъ-быть, рѣшился бы и въ другомъ смыслѣ, если-бъ они были въ засѣданіи. Орловъ, присмотрѣвшись къ комитетскимъ дѣламъ и порядкамъ, всегда подшучивалъ въ интимномъ кружкѣ комитета надъ этими тремя заговорщиками, какъ онъ называлъ князя, баронессу, и Митуса, и въ шутку говорилъ, что они рѣшаютъ трудную задачу, желая доказать, что три больше двѣнадцати. Онъ зналъ, что они будутъ возражать и на его проектъ, представленный въ комитетъ отъ имени княгини Русовой, но, конечно, нисколько не боялся ихъ возраженій. Однако, засѣданіе вышло, противъ всякихъ ожиданій, довольно бурнымъ и нападенія были такого сорта, что именно ихъ-то и не ожидалъ Орловъ. Когда онъ прочелъ проектъ измѣненія устава, скромно заявивъ, что онъ является только выразителемъ желаній княгини Маріи Львовны и нѣкоторыхъ изъ уважаемыхъ членовъ комитета, князь Горинъ вдругъ встрепенулся, очнувшись отъ сна. Онъ вытянулся, какъ палка, на своемъ креслѣ, неторопливо надѣлъ на носъ pince-nez и пристально началъ всматриваться въ Орлова, точно до этого времени онъ никогда не видалъ секретаря комитета. Насмотрѣвшись на него вволю, онъ тряхнулъ головой, чтобы сбросить pince-nez, и, не измѣняя своей деревянной позы, вдругъ произнесъ:

— Такъ вы думаете, что у насъ въ Россіи теперь все возможно дѣлать и коммуны даже устраивать?

Такой постановки вопроса со стороны «Князя—дурно-дурно» не ожидалъ никто и менѣе всего самъ Орловъ.

— Я не понимаю, на что вы изволите намекать, князь,— сухо отвѣтилъ Орловъ.—Тутъ дѣло идетъ о благотворительномъ обществѣ, а не о коммунѣ.

— И коммуны—тоже благотворительныя общества,—съ холодной насмѣшкой въ голосѣ сказалъ старикъ.—Какъ же не благотворительныя общества: все дѣлаютъ общимъ, всѣхъ одинаково содержатъ, всѣхъ одинаково обезпечиваютъ... Фурье еще объ этомъ писалъ, а у насъ за это петрашевцевъ на каторгу сослали.

Орловъ поблѣднѣлъ, но сдержалъ вспышку раздраженія и обратился къ членамъ комитета:

— Въ проектѣ, написанномъ мною по порученію княгини Маріи Львовны и нѣкоторыхъ изъ нашихъ почтенныхъ сочленовъ, предлагается нашему обществу расширить дѣятельность. Теперь мы хлопочемъ и кланяемся, чтобы нашихъ бѣдняковъ принимали въ богадѣльни, допускаемыя правительствомъ; въ проектѣ предлагается устроить кухмистерскую для удешевленія пищи бѣдняковъ, что, конечно, разрѣшается не только нашимъ, но и всякимъ, даже самымъ ретроградымъ правительствомъ. Теперь мы не знаемъ, въ какую школу, въ какой пріютъ помѣстить ребятъ бѣдняковъ; въ проектѣ предлагается основать свою школу, полагая, что правительство никогда и ничего не имѣло ни противъ школъ, ни противъ грамотности. Теперь бѣдняки ходятъ и ищутъ работы; въ проектѣ предлагается членамъ нашего общества, имѣющимъ связи, добывать заказы этимъ бѣднякамъ и, кажется, никто не увидитъ ничего преступнаго въ томъ, что какая-нибудь больница отдастъ именно намъ подрядъ на шитье больничныхъ халатовъ и колпаковъ. Нашъ уважаемый сочленъ, князь Василій Васильевичъ Горинъ, усматриваетъ въ этомъ коммунизмъ, даже предполагаетъ, что за это всѣхъ насъ, съ княгиней Маріей Львовной во главѣ, стоитъ сослать въ Сибирь; но я съ своей стороны смѣю увѣрить его, что такой же коммунизмъ существуетъ въ каждой богадѣльнѣ, въ каждой больницѣ, въ каждой школѣ, въ каждой мастерской, и, слава Богу, почтенные основатели этихъ учрежденій еще не попали на каторгу.

— Потому, что то—благотворительныя заведенія, а тутъ предлагается коммуна,—невозмутимо сказалъ князь Горинъ, смотря широко открытыми, оловянными глазами въ упоръ

на Орлова.—Конечно, въ настоящее время многіе думаютъ, что въ Россіи все возможно, все дозволительно!..

— Да я не понимаю, о чемъ тутъ споръ!—горячо перебила его княгиня Русова, ровно ничего не знавшая о коммунизмѣ.—Ну, это—коммунизмъ, и прекрасно, если имъ можно спасти сотни людей отъ нищеты, паденія и невѣжества. Что мнѣ за дѣло до названій, до средствъ...

— Да, да, цѣль оправдываетъ средства,—вставилъ князь Горинъ.—Такъ можно и убійства оправдывать, и грабежъ. У іезуитовъ такъ и говорится прямо въ ихъ книгахъ, что для достиженія извѣстныхъ цѣлей можно и убивать...

— Тутъ дѣло не объ убійствахъ идетъ, а о помощи бѣднымъ!—еще болѣе вспылила княгиня.

Орловъ спокойнымъ и ровнымъ тономъ вмѣшался въ споръ:

— Я, въ сущности, не совсѣмъ хорошо понимаю, чего собственно боится князь: того ли, что намъ не разрѣшатъ новаго устава, или того, что мы погубимъ всѣхъ этихъ бѣдняковъ? Если опасаются за первое, то не преждевременно ли предрѣшать вопросъ, какъ взглянетъ на это дѣло правительство, и не безтактно ли съ нашей стороны намъ самимъ высказывать опасенія, которыя, можетъ-быть, и не вздумаетъ высказать правительство?

— Да, я думаю, намъ даже неприлично компрометировать себя представленіемъ подобнаго устава,—сказалъ князь.

Орловъ, не слушая его и не возражая ему, продолжалъ:

— Если же опасаются за второе, то я желалъ бы знать, чѣмъ повредимъ мы бѣднымъ людямъ, давъ имъ теплый уголъ, кусокъ хлѣба, работу, возможность учить дѣтей?

— Ахъ, Боже мой, да это вопросъ рѣшенный, что надо хлопотать о разрѣшеніи новаго устава,—рѣзко сказала княгиня:—иначе мы вѣчно будемъ вертѣться въ какомъ-то бѣличьемъ колесѣ, безъ смысла и безъ цѣли! Самъ князь вѣчно жалуется, что дѣла въ нашихъ благотворительныхъ обществахъ идутъ дурно, дурно.

— И еще разъ повторю, что они идутъ дурно, дурно, очень дурно!—сказалъ князь.

— Ну, такъ мы и хотимъ, чтобы они шли лучше, мы и предлагаемъ исходъ.

— Только не такими средствами надо поправить дѣла...

— А какими же... Ну, посовѣтуйте!

— Я не знаю, какими. Это не мое дѣло. Я только могу засвидѣтельствовать, что дѣла идутъ дурно, очень дурно...

— Ахъ, это и безъ васъ всѣ знаютъ!—запальчиво сказала княгиня.

— И я утверждаю, что этими средствами нельзя поправить дѣла,—невозмутимо закончилъ князь.

— А вотъ мы увидимъ это!—сказала княгиня.

Князь Горинъ пожалъ плечами и заявилъ, что онъ остается при своемъ мнѣніи, видитъ въ новомъ проектѣ желаніе устроить коммуну и никогда не подпишется подъ прошеніемъ разрѣшить новый уставъ.

— Но позвольте вамъ предложить одинъ, одинъ только маленькій вопросъ,—слащавымъ, точно испуганнымъ голосомъ заговорила баронесса Гиршенцвейгъ.—Сколько будетъ долженъ вносить каждый членъ въ общество при новомъ уставѣ? Это очень, очень важный вопросъ.

— Членскій взносъ, баронесса, остается прежнимъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Наши карманы не пострадаютъ ни на грошъ.

— Ахъ, благодарю, благодарю! — радостно произнесла баронесса, дѣлая сладкую улыбку.—Такіе большіе расходы и прежній членскій взносъ,—это прекрасный, прекрасный проектъ, такъ какъ мы должны дѣйствовать экономично.

— О, баронесса, подождите, тутъ много еще будетъ экономіи,—съ улыбкой сказалъ Орловъ.—Мы магазинъ дамскихъ нарядовъ еще устроимъ при нашей коммунѣ и будемъ брать за работы дешевле всѣхъ модистокъ.

— Ахъ, это очень, очень важно!—серьезно согласилась баронесса.—Значитъ, у насъ все тутъ и шить будутъ по дешевой цѣнѣ?

— Да, по самой дешевой цѣнѣ и матерій не будутъ воровать, такъ какъ наши дамы-патронессы сами будутъ наблюдать за всѣмъ...

— Это же удивительно хорошо придумано, князь! — обратилась баронесса къ князю Горину, совершенно неожиданно выступая защитницей новаго проекта.

— Да кто вамъ разрѣшитъ этотъ уставъ, кто?—сказалъ князь.

— Отчего же? Если намъ будетъ такъ выгодно? Прежній взносъ и платья будемъ дома шить, своихъ модистокъ дома имѣть будемъ...

— Да я же вамъ говорю, что это—коммуна, и этого никогда не разрѣшатъ...

— Но если это выгодно для насъ? Такъ какъ же не разрѣшатъ...

Князь началъ тихо разъяснять баронессѣ значеніе и опасность коммунъ, говоря о Фурье и сорокъ восьмомъ годѣ. Баронесса слушала, моргая глазами, и съ совершенно тупымъ выраженіемъ лица повторяла вмѣсто возраженія:

— Но если это намъ выгодно?

Князь только пожималъ плечами.

Между тѣмъ выступилъ со своими возраженіями и Митусъ. Этотъ вѣчно безмолвный, вѣчно смотрящій исподлобья, волкомъ, старикъ, объявилъ коротко и рѣзко, что все же это просто разрушеніе семьи.

— Коммуна это или что другое, это все равно,—проговорилъ онъ.—Но мы разрушаемъ семью.

Всѣ обернулись въ недоумѣніи въ его сторону.

— Ну да, — шамкая и шипя, заговорилъ онъ: — всѣ будутъ жить вмѣстѣ, дѣти будутъ не при матеряхъ, а въ школѣ, распоряжаться дѣтьми будемъ мы, а не матери. Семья разрушится. Дѣти только тогда и вырастаютъ скромными и благочестивыми, когда растутъ подъ родительскимъ надзоромъ, въ своей семьѣ, принимая благія наставленія и смотря на хорошіе примѣры...

— Какъ развратничаютъ ихъ матери, и какъ пьянствуютъ ихъ отцы,—рѣзко закончилъ Орловъ, впадая въ тонъ рѣчи Митуса.—Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, вы говорите такъ потому, что вы не знаете, да и не могли, вѣроятно, знать, что̀ такое семья бѣдняковъ, семья голодная и холодная, семья скорѣе похожая на адъ, чѣмъ на какой-то мирный уголокъ рая. Вырвать ребенка изъ этой семьи, это не только значитъ спасти его отъ тысячъ дурныхъ примѣровъ, отъ массы горькихъ непріятностей, отъ ряда возмутительныхъ несправедливостей,—нѣтъ, это значитъ дать ребенку возможность не возненавидѣть свою семью, не проклинать ее.

— Хороши дѣти, которыя ненавидятъ и проклинаютъ своихъ родителей!—вставилъ свое слово Митусъ.

— Не хороши, вполнѣ согласенъ; но, къ несчастію, именно такими выходятъ дѣти бѣдняковъ. Это—фактъ, который видятъ тѣ, кто знаетъ эту среду. Вы, ваше превосходительство, высказали мнѣніе, не основанное на опытѣ или наблюденіи, а я вамъ высказываю мнѣніе, основанное на личномъ опытѣ, на личномъ наблюденіи. Я самъ сынъ бѣдняковъ.

— И ненавидите своихъ родителей?—спросилъ Митусъ.

— По счастію, я сынъ добрыхъ и честныхъ бѣдняковъ,—

съ достоинствомъ отвѣтилъ Орловъ:—и потому я принадлежу къ числу немногихъ, спасшихся отъ нравственной гибели. Я, ваше превосходительство, такъ глубоко люблю своихъ отца и мать, какъ дай Богъ, чтобы дѣти вашего круга любили своихъ отцовъ и матерей... Но, въ качествѣ бѣдняка, я видѣлъ близко тѣ семейные вертепы, тѣ притоны пороковъ и разврата, гдѣ нравственно гибнуть дѣти. Вообще, я долженъ сказать, что весь этотъ проектъ новаго устава нашего общества былъ отчасти слѣдствіемъ и моего личнаго опыта, и моихъ разсказовъ въ кругу нашихъ членовъ о жизни бѣдняковъ: у меня слишкомъ много наболѣвшихъ ранъ въ душѣ, и потому я хотѣлъ, я страстно желалъ сдѣлать хоть что-нибудь, чтобъ избавить другихъ отъ тѣхъ невзгодъ, которыя я вынесъ самъ. Въ моемъ лицѣ вы видите бѣдняка, который пришелъ къ вамъ, какъ къ добрымъ и честнымъ людямъ, строго держащимся евангельской заповѣди о томъ, что вѣра безъ дѣла мертва, и этотъ бѣднякъ говоритъ откровенно все, въ чемъ онъ нуждается, чѣмъ ему можно помочь, какія страданія можно ему облегчить. Отъ васъ зависитъ, бросить ли этотъ проектъ устава въ каминъ или сдѣлать еще одну попытку протянуть руку помощи бѣднякамъ. И вѣрьте мнѣ, что прочно и разумно организованная помощь бѣднымъ людямъ не грозитъ ни правительству, ни нравственности. Люди дѣлаются преступниками чаще всего потому, что у нихъ нѣтъ ни крова, ни хлѣба, ни труда, ни умѣнья трудиться, ни нравственныхъ и просвѣщенныхъ руководителей. Устранить хоть часть этихъ бѣдствій значитъ устранить и часть пороковъ и преступленій, и ужъ, конечно, руководимые нами, спасенные нами бѣдняки искренно помолятся за тѣхъ, кто далъ имъ возможность стать нравственными и честными тружениками. Я не знаю, примите ли вы новый проектъ...

— Да, да! Это же рѣшенный вопросъ!—вдругъ взволновались дамы.—Хлопотать объ утвержденіи новаго устава! Нанять квартиру... Учительницу подыскать...

Комитетъ пришелъ въ волненіе. Никто уже не хотѣлъ слушать возраженій. Княгиня съ разгорѣвшимся лицомъ пожимала руки присутствующихъ.

— Il est charmant!—шепнулъ ей кто-то.

— Какая горячность, какой ораторскій талантъ!—говорили въ другомъ концѣ.—Это что-то въ родѣ проповѣдника-апостола!

— Да, этотъ мальчикъ, должно-быть, человѣкъ святой

жизни,—серьезно сказала одна старуха, обращаясь къ Митусу.—У него и лицо такое—худой, блѣдный, только щеки горятъ... Что-жъ, Господь и устами младенцевъ можетъ проявлять Свою волю...

Митусъ серьезно всматривался исподлобья въ Орлова, точно желая прочесть въ его душѣ, благочествъ онъ или не благочестивъ.

Кто-то сравнилъ Орлова даже съ древними христіанами, проповѣдывавшими любовь и братство. Одинъ князь Горинъ не забылъ въ этой суматохѣ своихъ обязанностей и громко спросилъ присутствующихъ:

— На чемъ же мы остановимся? На вопросѣ объ уставѣ: представлять его на общее собраніе или нѣтъ?

— Да, да, представлять! Онъ принятъ!—говорили голоса.

— Что такое общее собраніе? Это мы же!—сказала княгиня Русова.—Точно общее собраніе можетъ противорѣчить!

— Но мы еще не голосовали вопроса,—сказалъ князь Горинъ.

— Нанять помѣщеніе и открыть школу,—сказалъ кто-то.

— Какъ, безъ разрѣшенія новаго устава?

— Ахъ, его разрѣшатъ!

Орловъ поднялся съ мѣста и заявилъ, что нужно голосовать вопросъ: представлять ли общему собранію проектъ устава? Голосованіе было кончено, и отвѣтъ получился утвердительный и, къ удивленію всѣхъ членовъ, противъ большинства былъ только одинъ голосъ. Митусъ и баронесса впервые измѣнили князю Горину.

— Но я слышу голоса о наймѣ помѣщенія, объ открытіи школы до разрѣшенія новаго устава: это—противозаконно, и я долженъ буду сложить съ себя званіе члена комитета,—сказалъ князь Горинъ, вставая.

— Ну, и прекрасно!—сказала княгиня.—Откладывать дѣла, все-таки, мы не будемъ...

— Я съ вами желалъ бы какъ-нибудь поговорить о вопросахъ религіи,—сказалъ Митусъ, подходя къ Орлову и дотронувшись до его плеча.

— Я всегда готовъ, ваше превосходительство, къ вашимъ услугамъ,—сказалъ Орловъ.

— Если вы надѣетесь, что мы при новомъ уставѣ можемъ воспитывать бѣдняковъ въ духѣ православія, то, конечно, вашъ уставъ великое дѣло, дѣло благочестія,—продолжалъ Митусъ.—Въ виду этого я рѣшился содѣйствовать

принятію вашего проекта. Но намъ надо будетъ серьезно поговорить объ этомъ. Я не потерплю, чтобы при новомъ устройствѣ нашего общества была забыта главная цѣль нашихъ стремленій—воспитаніе богобоязненныхъ, благочестивыхъ христіанъ.

Онъ протянулъ два пальца Орлову. Орловъ пожалъ эти пальцы, вѣжливо откланявшись съ уходившимъ сенаторомъ.

— Князь говорилъ о коммунизмѣ,—сказалъ Митусъ.— Но это пустяки. Коммуны бываютъ разныя. Монастырь— тоже община. Дѣло все не въ этой формѣ, а въ благочестіи. Я не согласенъ съ княземъ относительно коммунизма, потому что коммунизмы бываютъ разные...

Онъ медленно удалялся, продолжая разговоръ уже съ самимъ собой.

Члены комитета стали между тѣмъ мало-по-малу разъѣзжаться. Княгиня Русова горячо пожала Орлову руку и прошептала:

— Останьтесь!

Его поразилъ этотъ странный шопотъ, взволнованный, страстный. Ея лицо горѣло. Онъ еще не успѣлъ опомниться, когда она подошла къ нему снова, взяла его руку и крѣпко сжала ее. Они были одни.

— Пройдемте ко мнѣ,—тихо сказала она и направилась изъ гостиной въ свой маленькій кабинетъ, весь обитый малиновымъ бархатомъ и коврами.—Я просто схожу съ ума,—продолжала она въ волненіи, опускаясь на кушетку и продолжая держать его руку.—Я думала, что все давно замерло, застыло во мнѣ, и вдругъ снова все проснулось, все ожило...

Она вдругъ закрыла лицо руками.

— О, какъ я несчастна, какъ я несчастна среди этихъ людей, если бы кто это зналъ! — воскликнула она въ волненіи.—Я вѣчно одна и одна въ этой пустой и пошлой толпѣ. Я стараюсь обмануть себя этой лихорадкой пустыхъ развлеченій, ненужной филантропіей. Я стремлюсь скрыть подъ маской веселости и оживленія томительную пустоту, разочарованіе, скуку...

Она, казалось, плакала. Онъ опустился около нея и взялъ ея руку.

— Полноте, полноте, дорогая!—задушевно проговорилъ онъ, смущенный ея горемъ.—Какъ вы взволновались! Это я разстроилъ ваши нервы...

— Да, да, ты, потому что я только теперь поняла,

узнавъ тебя, что за люди окружаютъ меня... Я не могу теперь хладнокровно смотрѣть на нихъ,—такъ гадки кажутся мнѣ они!—порывисто воскликнула она.—Знаешь ли ты, что я иногда просто готова бѣжать отсюда... Но куда? Что дѣлать? Гдѣ искать людей?.. О, я просто схожу съ ума...

Она припала къ нему. Онъ забылъ все на свѣтѣ и покрывалъ поцѣлуями ея руки, ея лицо.

— Милый мой, милый, ты любишь меня? — прошептала она.—Да, я знаю это... Я сама люблю тебя, давно люблю...

Онъ не могъ говорить. У него перехватило горло. Онъ былъ блѣденъ, но его глаза горѣли. Это была первая женщина, сказавшая ему: люблю. Онъ эту женщину боготворилъ до этой минуты. Но ему никогда и въ голову не приходило, что онъ когда-нибудь будетъ обладать ею. Теперь она сама сказала ему, что она его любитъ, она сама сжала его въ объятіяхъ. Онъ опьянѣлъ отъ счастья, отъ восторга. Всѣ непріятности, всѣ огорченія послѣднихъ дней, такъ сильно возбудившія его нервы, теперь отхлынули куда-то далеко, и онъ съ какой-то болѣзненной, горячечной страстностью отдался внезапно охватившему его счастью. Княгиня никогда не думала, что въ человѣкѣ можетъ быть столько страстности, сколько было въ этомъ человѣкѣ. Ей было и хорошо, и жутко. Она даже и не подозрѣвала, что передъ ней стоитъ юноша, еще никогда не испытавшій чувства любви, еще никогда не ощущавшій на своихъ губахъ поцѣлуевъ влюбленной женщины, и она чувствовала только, съ какой жадностью онъ ловитъ эти поцѣлуи. Въ ея душѣ вдругъ проснулось невольное чувство какого-то смутнаго страха, точно она была глазъ на глазъ съ безумнымъ сумасбродомъ, готовымъ на все, съ которымъ опасно играть въ любовь, повѣсничать отъ скуки. По ней пробѣжала дрожь, и она первая вспомнила о времени.

— Милый, пора... иди... уже поздно!—тихо, упавшимъ голосомъ сказала она.

— Ты меня гонишь?—спросилъ онъ, цѣлуя ее.

— Нѣтъ... но люди... Иди... иди!—сказала она.

Она еще разъ быстро обняла его и поднялась съ мѣста. Онъ вышелъ отъ нея, ничего не помня, ничего не сознавая, еще вполнѣ счастливый, весь сіяющій. Онъ спускался по слабо освѣщенной лѣстницѣ, ничего не видя передъ собою, едва не спотыкаясь на ступеняхъ, почти не

чувствуя, что онъ касается ихъ. У него кружилась голова, кругомъ него носился какой-то туманъ.

— А, ты только что возвращаешься отъ насъ! — неожиданно окликнулъ его знакомый голосъ.

Передъ нимъ стоялъ князь Александръ, розовый, повидимому, безпечный, должно-быть, подгулявшій на пріятельской пирушкѣ. Отъ него пахло духами и виномъ. Его роскошные волосы падали ему на разгорѣвшееся, прелестное лицо, напоминавшее скорѣе лицо дѣвочки, чѣмъ лицо молодого человѣка.

— Вѣчно занятія, все занятія,—какъ тебѣ не надоѣстъ играть эту роль?—засмѣялся князь.—Когда же жить-то начнешь? Опять съ рара трудились надъ великимъ вопросомъ объ освобожденіи милліоновъ рабовъ? О, громкія фразы? И безъ васъ эти милліоны рабовъ освободятся! Жить надо самимъ—вотъ что важнѣе всего!

Князь Александръ смѣялся, прислонившись спиною къ перилamъ лѣстницы и смотря на Орлова насмѣшливыми глазами. Орловъ застылъ на мѣстѣ и стоялъ передъ княземъ молча, точно совершенно не понимая, что ему говорятъ.

— Впрочемъ, рара такъ забралъ тебя въ руки, что ты, кажется, думаешь его головой и говоришь его словами,— продолжалъ съ ироніей Русовъ.—Великая планета и ея маленькій спутникъ! Я васъ иначе не называю.

Орловъ вдругъ какъ будто очнулся.

— Зачѣмъ ты смѣешься надъ отцомъ?—тихо, тономъ упрека, сказалъ онъ, точно безсознательно, точно въ полуснѣ.

— О, пожалуйста, безъ нравоученій!—проговорилъ князь Александръ.—Онъ первый началъ смѣяться надо мною... Впрочемъ, что же говорить объ этомъ съ тобой! Я вѣдь знаю, что ты благоговѣешь передъ старикомъ. Еще бы, еще бы, вѣдь не даромъ же онъ тебя ставитъ мнѣ въ примѣръ и говоритъ о вашемъ духовномъ родствѣ.

Орловъ въ смущеніи опустилъ голову, какъ будто ему бросили въ лицо вполнѣ заслуженное оскорбленіе, и, не говоря ни слова, медленно сталъ спускаться съ лѣстницы. Какая-то горечь начинала подниматься въ его душѣ, къ горлу подступали слезы.

— Вотъ, подожди, завтра будутъ мнѣ ставить тебя въ примѣръ, указывать, какъ долго и усердно ты работаешь на пользу общества,—продолжалъ князь Александръ.—А я...

Орловъ, какъ ужаленный, вдругъ быстро обернулся, чего-то испугавшись, и поспѣшно, глухимъ, обрывающимся голосомъ сказалъ:

— Ты ошибаешься... Я... я не работалъ... У князя сегодня... У насъ комитетъ былъ... Я у твоей матери... Ты знаешь, я членъ комитета...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по лѣстницѣ и прошепталъ съ тоской:

— Господи, что же это такое!.. Что я надѣлалъ?..

Онъ торопливо дошелъ до швейцарской, накинулъ кое-какъ шинель и вышелъ, какъ разбитый, почти шатаясь. Въ его головѣ теперь была одна мысль, звучало одно слово: «негодяй!» Вспышки страстнаго увлеченія, животной страсти какъ не бывало; теперь работала только голова; въ душѣ было одно сознаніе, что онъ обманулъ довѣріе стараго князя, что онъ постыдно отплатилъ за всю доброту князя, что этотъ полупьяный сынъ князя завтра можетъ смутить мать своимъ разсказомъ о поздней встрѣчѣ съ нимъ. съ Орловымъ, и навести князя на неловкіе вопросы. Такой душевной пытки онъ еще не испытывалъ никогда. До сихъ поръ онъ иногда выносилъ униженія отъ постороннихъ людей, теперь онъ самъ унизилъ, забрызгалъ себя грязью въ своихъ собственныхъ глазахъ. Онъ презиралъ себя въ эту минуту. Онъ вспоминалъ мелкія подробности недавней сцены и не могъ припомнить ихъ ясно и отчетливо. Въ его головѣ теперь все путалось. Онъ вспомнилъ, что княгиня плакала и жаловалась на судьбу. Она изливала передъ нимъ душу, какъ передъ другомъ, какъ передъ сыномъ. Это было чистое, святое чувство довѣрія къ человѣку, выросшему на ея глазахъ. Иначе не могло быть. Она всегда относилась къ нему, какъ мать. Она сдерживала его порывы, когда онъ еще мальчикомъ относился къ ней слишкомъ страстно; тогда онъ, конечно, не сознавалъ, что въ этомъ страстномъ отношеніи его къ ней проявлялись первые, еще не выяснившіеся для него самого, животные инстинкты, но она какъ будто угадывала это и останавливала его мягко, но твердо. Она и теперь заговорила съ нимъ какъ мать, какъ сестра. Вѣдь ей не съ кѣмъ подѣлиться горемъ; она не любима мужемъ, она видитъ пустоту своего сына, она сознаетъ, какіе пошлые люди окружаютъ ее. А какъ отвѣтилъ на ея довѣріе, на ея ласку, онъ, Орловъ? Животное проснулось и убило въ немъ человѣка. Стоило ей только сказать, что она любитъ его, чтобъ онъ

забылъ, что передъ нимъ стоитъ женщина, заботившаяся о немъ, какъ мать, любившая его, какъ мать, и онъ насильно превратилъ ее въ свою любовницу. Онъ заставилъ ее пасть своею необузданною страстью, своимъ безумнымъ опьянѣніемъ. Онъ помнитъ выраженіе мольбы и страха на ея лицѣ. Еще бы: передъ ней стоялъ впервые во всей своей разнузданности дикарь, звѣрь, безумецъ, но не любящій человѣкъ. И развѣ она можетъ повѣрить, что онъ ее любитъ? Развѣ онъ можетъ любить ее? Ей сорокъ лѣтъ, а онъ чуть не мальчикъ. Нѣтъ, это не любовь, это—животная страсть. Если-бъ его заставили теперь вернуться къ этой женщинѣ, онъ только опустилъ бы со стыдомъ передъ ней голову... А князь? Какъ онъ, Орловъ, взглянетъ теперь въ глаза князю? Обманывать, притворяться, лгать надо, и если князь узнаетъ все, надо будетъ сказать: «Я запятналъ вашу честь не потому, что я страстно люблю вашу жену, а потому, что она первая подвернулась мнѣ подъ руку, и я, какъ фатъ, какъ хлыщъ, не остановился передъ вопросомъ о чужой чести...» И вдругъ въ его головѣ зароились желчные упреки себѣ за то, что онъ стремится блестѣть въ обществѣ, старается рисоваться, бьетъ на эффектъ. Онъ вспомнилъ всѣ подробности изъ своего прошлаго, изъ бесѣдъ въ кругу товарищей, изъ разглагольствованій въ комитетѣ, и старался съ болѣзненнымъ озлобленіемъ уловить вездѣ признаки рисовки, и только рисовки. Каждое его стихотвореніе казалось ему теперь только плодомъ желанія порисоваться, поднять на пьедесталъ свое *я*, заявить о себѣ, о своихъ гражданскихъ доблестяхъ, о своихъ великихъ стремленіяхъ. Ему точно было легче, когда онъ разбивалъ самого себя, разоблачалъ всю ложь и фальшь въ своемъ поведеніи.

«Тоже стыдно Настей быть, хочу, чтобы Натали называли,—промелькнуло въ его головѣ, и его лицо искривилось ироническою улыбкой.—Публичный мужчина!»

Онъ съ трудомъ добрался домой, бросился на постель и расплакался, какъ слабый ребенокъ, какъ истеричная женщина.

Когда онъ всталъ по утру, его трудно было узнать: онъ осунулся, пожелтѣлъ, глаза ввалились. Казалось, что онъ перенесъ продолжительную и опасную болѣзнь. Марья Ѳедоровна испугалась и начала его разспрашивать. Но онъ коротко замѣтилъ ей, что онъ усталъ, и просилъ не тревожить его, такъ какъ онъ хочетъ пролежать денекъ дома.

Онъ замкнулся въ своей комнатѣ, обдумывая, что дѣлать. Ему хотѣлось во всемъ сознаться князю, предложить князю какое угодно удовлетвореніе, уѣхать изъ Петербурга, покончить съ собою, написать княгинѣ, что онъ негодяй, воспользовавшійся гнусно ея минутной слабостью и беззащитностью. Все это были тѣ молодыя вспышки, которыя разбиваются тотчасъ же здравымъ смысломъ, не поправляютъ дѣла и не вносятъ въ душу спокойствія. Десятки составленныхъ имъ плановъ оказались никуда негодными; десятки начатыхъ писемъ къ княгинѣ и къ князю были разорваны. На душѣ же было все такъ же скверно, такъ же мрачно. Дмитрій Андреевичъ, измученный всей этой душевною тревогой, ослабѣвшій физически, пролежалъ дома вплоть до вечера, когда ему принесли записку отъ княгини.

«Приходи завтра. Сегодня у меня скучные гости. Завтра я одна весь вечеръ».

Вмѣсто подписи были двѣ буквы—«М. Р.». Дмитрій Андреевичъ читалъ и перечитывалъ эти строки и ничего не понималъ. Что это—продолженіе тяжелаго сна, болѣзненный бредъ? Она проситъ его не приходить сегодня, такъ какъ у нея скучные гости? Она зоветъ его къ себѣ завтра, потому что она будетъ одна? Она не упрекаетъ его, не обвиняетъ? Она — безгранично добрая женщина, она простила его?.. Нѣтъ, нѣтъ, такіе проступки не прощаются, не прощаются, по крайней мѣрѣ, на другой день послѣ ихъ совершенія! Значитъ, онъ увлекъ ее, обманулъ своею страстью, заставилъ ее думать, что это истинная любовь? О, этого еще недоставало!.. Онъ ходилъ по комнатѣ, онъ потиралъ себѣ лобъ, точно что-то давило ему голову. Гдѣ же теперь исходъ? Положеніе запуталось еще болѣе, вопросъ становился еще сложнѣе.

Наконецъ, Орловъ не выдержалъ и вышелъ изъ дому. Онъ шелъ скорыми шагами и съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица по направленію къ жилищу Лампадова.

— Дядя, мнѣ нужно переговорить съ вами!—скороговоркой сказалъ онъ, входя къ старику и торопливо пожимая его руку.

— Что съ тобой? Несчастіе случилось? Ты на себя не похожъ,—спросилъ испуганно и тревожно старикъ.

— Слушайте,—отвѣчалъ Дмитрій Андреевичъ.—Я, какъ послѣдній негодяй, обманулъ довѣріе князя Александра Владиміровича...

Старикъ широко открылъ глаза. Дмитрій Андреевичъ на-

чалъ съ лихорадочною поспѣшностью разсказывать происшедшее. Старикъ слушалъ молча, опустивъ при первыхъ же словахъ молодого человѣка голову на грудь. Когда Орловъ кончилъ, Лампадовъ покачалъ головой и со вздохомъ пробормоталъ:

— Нашла кого выбрать въ любовники, чуть не ребенка!

— О, нѣтъ, нѣтъ, дядя, тутъ я одинъ виноватъ! — съ жаромъ воскликнулъ Орловъ.—Это была грубая неожиданность, это было насиліе... Я, какъ послѣдній мерзавецъ, воспользовался...

— Что ты мнѣ говоришь! — сердито прервалъ его старикъ.—Двадцатый любовникъ — вотъ и все! Ихъ мѣняютъ, какъ старые корсеты. Ихъ держатъ при себѣ въ резервѣ и на смѣну, а онъ толкуетъ о насиліи. Двадцатый разъ совершается это насиліе въ ея будуарѣ... Бѣдный князь, бѣдный князь!

Дмитрій Андреевичъ стоялъ, какъ пораженный громомъ.

— Нужно стоять на такой нравственной высотѣ, на какой стоитъ онъ, чтобы сохранить внѣшнее спокойствіе и относиться съ холодною вѣжливостью къ такой женѣ, какъ она,—продолжалъ Лампадовъ.—Не прошло и года ихъ супружеской жизни, какъ у нея уже былъ любовникъ. Это была случайная, мимолетная связь легкомысленной женщины, но отъ этой связи родился старшій сынъ князя. Князь узналъ объ этомъ случайно. Ему стоило выгнать ее съ ребенкомъ, и она была бы опозорена. Его слишкомъ уважаютъ въ свѣтѣ, чтобы не принять его стороны. Но онъ простилъ ее и попробовалъ забыть все. Но это было только началомъ цѣлаго ряда паденій. Тогда онъ порвалъ съ ней супружескія отношенія, но онъ уже не рѣшился сдѣлать несчастными дѣтей, покрывъ позоромъ ихъ мать. А ты толкуешь о насиліи!.. Вчера былъ ты, сегодня приглашенъ другой, можетъ-быть, о тебѣ же говорятъ, смѣются надъ неопытнымъ мальчишкой...

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, опустивъ голову на руки, и чувствовалъ, что его душатъ слезы. Старикъ услышалъ его всхлипыванье и подошелъ къ нему.

— Полно, выпей воды, — сказалъ онъ, подавая племяннику стаканъ съ водой.

— Ни-чего, ни-чего! — проговорилъ съ конвульсивной улыбкой Орловъ.—Значитъ... комедію играли, дурачокъ попался...

Онъ и плакалъ, и хохоталъ. Нервы не выдержали, и

истерическій припадокъ повторился опять. Старикъ Лампадовъ, какъ могъ, успокоилъ его.

— Вотъ причина той холодности между ними, которую ты подмѣтилъ когда-то, спрашивая меня, почему князь содержитъ любовницу,—говорилъ старикъ, когда Орловъ немного успокоился.—Это не любовница, а честная женщина, вторая жена князя, преданная ему, любящая его. Онъ счастливъ только въ той семьѣ. Къ несчастію, и тамъ у него теперь горе. У него умерло въ эти годы двое дѣтей, а теперь сама Анна Андреевна Андронова все прихварываетъ... Я вѣдь у нея свой человѣкъ и вижу, какъ она таетъ... Ей бы нужно ѣхать за границу, но она никогда не рѣшится оставить князя. Ему же, ты знаешь, нельзя теперь, въ такое время, бросить дѣла... Хоть бы скорѣе покончили этотъ крестьянскій вопросъ.

Дмитрій Андреевичъ почти не слушалъ старика и въ волненіи ходилъ по комнатѣ. Онъ терялъ голову, не зная, что ему дѣлать дальше. До этой минуты онъ, какъ мальчикъ, какъ юноша, обожалъ княгиню за ея доброту, за ея ласки, за ея несчастія. Его обожаніе разразилось страстнымъ порывомъ при первомъ любовномъ поцѣлуѣ этой женщины—первой женщины, сказавшей ему «люблю» и отдавшейся ему. Но это былъ только порывъ, а не любовь. Теперь повязка спала съ его глазъ. Передъ нимъ была просто легкомысленная женщина, ловившая послѣднія минуты, чтобы еще насладиться любовными интрижками. Онъ могъ, пожалуй, играть съ нею въ любовь, но и только; любить онъ ее не могъ, зная ея прошлое и видя въ ней уже только сладострастную, стоящую на шагъ отъ увяданья женщину. Его теперь тяготила мысль о томъ, какъ онъ будетъ смотрѣть въ глаза князю. Правда, князь уже не считаетъ ея женою; его не можетъ ни волновать, ни раздражать лишняя интрига этой женщины; онъ даже, можетъ-быть, и не узнаетъ, что Дмитрій Андреевичъ сдѣлался любовникомъ этой женщины. Но самъ-то Дмитрій Андреевичъ очень хорошо это знаетъ, и его будетъ постоянно мучить мысль, что онъ запятналъ честь князя, любящаго его, какъ сына. Вѣдь онъ увлекся въ то время, когда онъ еще не зналъ, что эта женщина вовсе не дорога князю. Орловъ никогда еще не чувствовалъ такой глубокой любви, такого безпредѣльнаго уваженія къ князю, какъ теперь.

— О, если бы князь ничего не узналъ!—невольно воскликнулъ онъ.

— Князю совершенно все равно, сколько у нея любовниковъ и кто они,—сказалъ Лампадовъ.

— Да, но ему не все равно, когда онъ узнаетъ, что даже я рѣшился обмануть его за все, что онъ сдѣлалъ для меня,—проговорилъ Орловъ.

— Ну, этого онъ, вѣроятно, и не узнаетъ, если ты сумѣешь держать себя съ тактомъ,—отвѣтилъ Лампадовъ.— Тебѣ только будетъ тяжело смотрѣть на старика, потому что, какъ бы тамъ ни было, а ты все же обманулъ его довѣріе. Ты вѣдь сходился не съ брошенной и презираемой имъ женщиной, а съ его женой...

Дмитрій Андреевичъ ушелъ домой, но у него на душѣ не было ни легче, ни свѣтлѣе. Онъ сознавалъ, что онъ всталъ въ ложное положеніе и что онъ выпутается изъ этого положенія не скоро. Княгиня не броситъ его, не оттолкнетъ его. Она увлеклась имъ со всею страстью женщины, видящей, что ея молодость уходитъ. Если онъ скажетъ даже ей, что онъ не любитъ ея, она будетъ молить его не уходить отъ нея. Пусть онъ не любитъ,—она будетъ просить его, чтобъ онъ хотя позволилъ любить себя. Онъ горько улыбнулся, и въ его головѣ промелькнула желчная мысль:

«Что-жъ, нужна же какая-нибудь любовница, вѣдь безъ нея, безъ княгини, пришлось бы въ концѣ концовъ пробавляться грязными связями... Это, по крайней мѣрѣ, если и падшая женщина, то изъ барынь, не какая-нибудь нѣмка изъ Риги или солдатская дочь изъ казармъ, требующая за любовь столько-то, по своей таксѣ.

«Но князь? О, онъ ничего не узнаетъ. Онъ, Орловъ, сдѣлаетъ все, чтобы никто не могъ и подозрѣвать, что онъ близокъ къ княгинѣ. Въ отношеніяхъ же къ князю онъ будетъ еще болѣе преданнымъ человѣкомъ; онъ искупитъ свою вину безграничной привязанностью къ старику. Наконецъ, онъ, Дмитрій Андреевичъ, въ сущности и не такъ виноватъ. Вся его вина въ томъ, что онъ еще неопытенъ въ дѣлѣ укрощенія своихъ страстныхъ порывовъ. Каждый на его мѣстѣ поступилъ бы такъ же, не устоялъ бы. Если-бъ онъ былъ гулякой, въ родѣ юнаго князя Александра, онъ бы, конечно, не увлекся такъ. Но онъ еще никогда не любилъ и потому опьянѣлъ отъ перваго признанія въ любви».

«Сдѣлки съ совѣстью начались»,—съ злобною улыбкой думалъ онъ въ то же время, и его начинала бѣсить та

двойственность, которую онъ началъ съ нѣкоторыхъ поръ подмѣчать въ себѣ.

Эта двойственность была въ немъ уже давно: онъ хотѣлъ быть независимымъ и гордымъ человѣкомъ, и между тѣмъ въ какомъ упоеніи онъ былъ, когда онъ явился въ обществѣ рядомъ съ князьями Русовыми; онъ иногда страстно увлекался, говоря о бѣднякахъ, и тутъ же подмѣчалъ въ себѣ рисовку своими личными страданіями, стремленіе преувеличить эти страданія; онъ теперь сознавалъ себя виновнымъ и въ то же время старался уже найти себѣ оправданіе, примириться съ своею совѣстью. И вездѣ, вездѣ была эта двойственность, эта изломанность, это отсутствіе цѣльности натуры.

V.

Въ жизни Дмитрія Андреевича произошелъ рѣзкій переломъ. Такіе переломы въ жизни, конечно, испыталъ и пережилъ каждый изъ насъ. Молодому человѣку вдругъ захотѣлось уйти отъ самого себя, вычеркнуть что-то изъ воспоминанія, забыться, закружиться въ омутѣ жизни. Иногда среди занятій ему вдругъ что-то вспоминалось, и по его лицу разливался румянецъ, его мысли отвлекались отъ работы, его охватывало какое-то нервное раздраженіе, онъ бросалъ книги и записки и бѣжалъ куда-нибудь къ пріятелямъ, на вечеръ, въ театръ. У Русовыхъ онъ не былъ нѣсколько дней, написавъ князю и княгинѣ, что онъ слегка заболѣлъ. Но долго спасаться отъ этой встрѣчи, долго отговариваться болѣзнью было невозможно. Нужно было собраться съ силами и идти «разыгрывать комедію», какъ мысленно, въ желчномъ настроеніи, говорилъ Орловъ. Это было не легко. Ему было стыдно смотрѣть на князя, совѣстно отвѣчать на заботливые разспросы старика о болѣзни, больно слушать его совѣты беречь здоровье, не утомляться излишнею работой. Орловъ не смѣлъ взглянуть на княгиню при князѣ. Когда же снова остался съ нею наединѣ, и она впала въ сентиментальный тонъ, его всего передернуло, и онъ вдругъ со смѣхомъ сказалъ ей:

— Полно, полно! Ну, ты любишь, я люблю, мы любимъ и конецъ. Право, скучно спрягать этотъ глаголъ, какъ школьникамъ. Будемъ веселы, будемъ счастливы и будь, что будетъ! Мнѣ теперь хочется опьянѣть, забыть всѣхъ и все и наслаждаться, наслаждаться безъ конца!

Онъ безъ всякаго умысла, безъ всякой предвзятой мысли

обращался теперь съ ней не какъ влюбленный, а какъ любовникъ. Онъ смѣялся, сальничалъ, раздражалъ и ее, и себя цинизмомъ.

— Вотъ что значитъ чуть не четверть вѣка прожить монахомъ,—смѣялся онъ.—Является ненасытная жажда наверстать потерянное! Ты меня извини. Я немножко разнузданъ. Но я вѣдь не вашего круга человѣкъ,—во мнѣ есть кусочекъ животнаго...

Черезъ нѣсколько минутъ ему показалось, что кто-то ходитъ въ сосѣдней комнатѣ, и онъ прислушался.

— Что ты?—спросила она.

— Мнѣ показалось, что кто-то идетъ,—отвѣтилъ онъ.

— Сюда же никто не можетъ войти безъ спросу...

— Ну да, конечно... Мило бы было, если бы пришли... Впрочемъ, кто поручится за Александра. Онъ, безпутный, готовъ всюду ворваться. Тоже поучительно бы было...

Еще черезъ минуту, опять заслышавъ гдѣ-то шаги, онъ говорилъ ей:

— Нѣтъ, право, поѣдемъ куда-нибудь за городъ, одни, въ какой-нибудь ресторанчикъ, а здѣсь... Я просто перестану сюда ходить... Тамъ будетъ и свободнѣе, и веселѣе... Тамъ сама атмосфера располагаетъ ко всякимъ глупостямъ...

Она не оскорблялась; она не понимала, что онъ пересталъ ее уважать, что онъ просто презиралъ ее, и была счастлива, что ей больше не нужно надѣвать передъ нимъ маски жертвы и страдалицы. Это такъ скучно! Она явилась теперь передъ нимъ тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности: легкомысленной и сладострастной женщиной, не знавшей другихъ законовъ, кромѣ законовъ своего темперамента.

Такія женщины легко завладѣваютъ юношами, дѣлаются для нихъ необходимыми, втягиваютъ ихъ въ развратъ. Орловъ не могъ сказать, что онъ ее любитъ; онъ не испытывалъ съ нею чувства чистой любви; у него не было потребности окружать ее мелкими услугами и заботами, любоваться ею, засиживаться съ нею въ интимныхъ, мирныхъ бесѣдахъ; онъ не испытывалъ желанія влюбленнаго человѣка показать всѣмъ любимую женщину и сказать: «она моя»; онъ не ощущалъ чувства ревности при мысли, что еще кто-нибудь ухаживаетъ за нею, и не старался пробудить этого чувства въ ней, но онъ чувствовалъ, что она стала для него необходимой, не задумываясь въ то же время надъ вопросомъ: надолго ли? Иногда онъ бѣсился на себя, упрекалъ себя за развратъ, потому что иначе онъ не могъ въ

глубинѣ своей души назвать свои отношенія къ ней. Но тутъ же онъ говорилъ себѣ, что не она, такъ другая,—не все ли равно? А князь?—Но и для князя, если-бъ онъ даже зналъ объ отношеніяхъ его, Орлова, къ княгинѣ, не все ли равно—онъ или другой кто-нибудь состоитъ очереднымъ любовникомъ этой женщины? Въ то же время въ Орловѣ развилась крайняя щепетильность въ вопросѣ о томъ, чтобы на него не пало и тѣни подозрѣнія въ близости его къ княгинѣ, и онъ ясно созналъ, что онъ скрываетъ эти отношенія не изъ боязни передъ княземъ. Онъ созналъ это какъ-то внезапно, случайно. Былъ день его именинъ, и княгиня сдѣлала ему подарокъ. Онъ обозлился и вспылилъ:

— Что это: плата?—грубо и рѣзко спросилъ онъ, не принимая подарка.—Въ нашихъ отношеніяхъ можно только тогда дарить другъ друга, когда можно и отдаривать. Къ сожалѣнію, я не могу да и не желаю отдаривать.

Княгиня сконфузилась; она никакъ не ожидала этой выходки.

— Единственно, что оправдываетъ наши отношенія, такъ это—то, что въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ и тѣни расчетовъ и зависимости, — продолжалъ онъ. — Если у меня явится хоть тѣнь сознанія, что я обязываюсь чѣмъ-нибудь тебѣ, я буду презирать тебя и, кажется, возненавижу.

Она стала оправдываться, говоря, что она просто хотѣла подарить ему бездѣлушку, какъ дарятъ и другіе знакомые.

— Что могу я взять отъ знакомыхъ, того не могу я взять отъ тебя,—сказалъ онъ.—И эта вещь—бездѣлушка только въ твоихъ глазахъ, а не въ моихъ... Ты это очень хорошо знаешь... Если ужъ такъ хотѣлось порадовать меня подаркомъ, такъ ты бы букетъ мнѣ преподнесла. Нѣмки вонъ всегда букеты подносятъ предметамъ своего сердца. Впрочемъ, не станемъ говорить объ этомъ несчастномъ подаркѣ...

Этотъ несчастный подарокъ и вызванное имъ волненіе вдругъ пробудили въ душѣ Орлова сознаніе, что онъ усиленно скрываетъ свои отношенія къ княгинѣ именно потому, чтобъ его не заподозрили, что онъ пользуется отъ нея какими-нибудь выгодами. Его грызла и мучила мысль, что эти подозрѣнія могутъ возникать тотчасъ же, какъ только явится хоть тѣнь подозрѣнія насчетъ его отношеній къ ней. Вѣдь онъ—бѣднякъ, а она такъ богата. Изъ страха передъ этими подозрѣніями онъ относился къ ней при людяхъ сдержанно, холодно, почти невнимательно; онъ злился,

когда она останавливала на немъ свои взгляды или улыбалась ему въ обществѣ. Но, скрывая свои отношенія къ княгинѣ, свою сердечную жизнь, онъ нерѣдко прорывался желчными выходками, когда говорили про любовь.

— Что вы мнѣ толкуете про вашу «первую любовь»!— говорилъ онъ въ кружкѣ своихъ товарищей. — Первая любовь нашей братьи, столичной голи и столичныхъ богачей— это первый развратъ. Отцвѣтающія барыни, продажныя жертвы общественнаго темперамента — вотъ кто срываетъ наши первые поцѣлуи. А потомъ, когда мы развратимся, истреплемся, загрязнимся, мы отдаемъ свои изношенныя чувства невиннымъ и наивнымъ дѣвушкамъ, которыхъ дѣлаемъ своими женами. Первая любовь это почти всегда невинность съ одной стороны и развращенность съ другой И много ли тѣхъ счастливцевъ, которые вносятъ въ первую любовь одинаковую чистоту, одинаковую силу, одинаковую свѣжесть? Въ деревняхъ, въ средѣ народа—да, тамъ эти счастливцы есть, а у насъ...

Онъ безнадежно махнулъ рукою.

— Вліяніе природы, вліяніе весны, избытокъ свѣжихъ силъ—вотъ что тамъ навѣваетъ поэзію первой любви, — продолжалъ онъ, увлекаясь. — А у насъ? Духота больной атмосферы, обнаженныя плечи и руки, скабрезныя сцены и сальные разговоры, стремленіе забыть горе, или пустоту жизни въ развратцѣ — вотъ что пробуждаетъ наши животныя страсти и убиваетъ возможность узнать когда-нибудь поэзію первой любви.

Онъ сердился, онъ волновался все болѣе и болѣе, что онъ, какъ пьяница, съ наслажденіемъ, съ жадностью глотаетъ вино и проклинаетъ это вино въ минуты отрезвленія. Иногда онъ снова и снова упрекалъ себя за двойственность, не имѣя силъ оторваться отъ княгини и не удовлетворяясь въ то же время отношеніями къ ней. Онъ не могъ идеализировать ее, не могъ мечтать о ней съ замирающимъ сердцемъ, не могъ дорожить ею, боясь огорчить ее, боясь потерять ее,—не могъ даже ждать ничего отъ нея больше того, что она уже дала ему. Въ ихъ прошломъ у нихъ не было поэзіи, завѣтныхъ грёзъ другъ о другѣ, таинственныхъ встрѣчъ съ робкимъ шопотомъ первыхъ признаній, томительныхъ и сладкихъ ожиданій счастія и блаженства, а впереди—впереди была одна пошлая проза: надоѣдятъ они другъ другу, завяжутъ новыя связи—вотъ и все. Объ этомъ хотѣлось не думать, это хотѣлось забыть.

Отъ нея онъ шелъ въ товарищескіе кружки и тамъ отдавался новымъ сильнымъ ощущеніямъ, спорамъ о студенческихъ и общественныхъ вопросахъ, спорамъ смѣлымъ и оживленнымъ, возбуждавшимъ нервы, поднимавшимъ злобу, пробуждавшимъ молодую отвагу и задоръ. Ему все болѣе и болѣе хотѣлось забыться, закружиться въ этомъ обществѣ. Общественная жизнь въ то время была уже полна самыхъ жгучихъ вопросовъ, обличеній, порывовъ и тревогъ. Общество уже прочитало «Губернскіе очерки», покончило съ откупами, толковало о желѣзнодорожной горячкѣ, разсуждало о положеніи молодежи, о вопросѣ: созрѣли мы или не созрѣли? Это былъ тотъ разгаръ времени реформъ, когда обличались и зондировались старыя язвы и придумывались новыя лѣкарства. Однимъ хотѣлось, чтобы все сдѣлалось сразу; другіе были убѣждены, что какой-нибудь пластырь, положенный на зіяющую рану, будетъ вполнѣ достаточнымъ, такъ какъ онъ если и не залѣчитъ раны, то скроетъ ее отъ глазъ. Недовольство шло съ двухъ сторонъ: однимъ казалось все мало, другимъ казалось все много. Отношенія этихъ двухъ партій обострялись все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Первые кричали: нужно все взять силой; вторые шипѣли: нужно все обуздать силой. Съ одной стороны еще поэты пѣли о томъ, что мы «шагаемъ впередъ, какъ въ дни великаго Петра», что «мертвые въ гробѣ почили, дѣло настало живымъ»; съ другой уже слышались рѣзкіе звуки «Свистка» съ припѣвомъ: «мы стоимъ въ поганой лужѣ и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже всѣ себя грязнимъ». Оптимизмъ и пессимизмъ уже вели борьбу между собою, смѣнивъ беззавѣтное увлеченіе розовыми надеждами и криками: «впередъ безъ страха и сомнѣнія!» Это двойственное направленіе являлось не только въ цѣломъ обществѣ, но и въ отдѣльныхъ людяхъ, которые, какъ поэтъ Никитинъ, сегодня впадали въ мрачное отчаянье, а завтра носились орлами въ мірѣ радужныхъ грёзъ. Орловъ, вращавшійся въ обществѣ, собиравшемся въ домѣ князя Русова, лучше многихъ изъ молодежи зналъ, на что можно надѣяться, чего можно было ждать, и потому начиналъ смотрѣть на все далеко невесело. Онъ почти ежедневно слышалъ все болѣе и болѣе желчные выходки старика. Князь теперь не только занялъ довольно видный постъ въ администраціи, но и сдѣлался членомъ, какъ онъ самъ выражался, тысячи явныхъ и тайныхъ комитетовъ, комиссій и подкомиссій. Онъ не успѣвалъ почти прочитывать дѣлъ, докладовъ, записокъ, сообщеній, про-

ктовъ, поступавшихъ въ эти комитеты и комиссіи; онъ просиживалъ дни и ночи за работой и иногда говорилъ Орлову:

— Мы, кажется, скоро всѣ съ ума сойдемъ!

Въ этихъ словахъ не было преувеличенія: въ тѣ времена не одинъ изъ народныхъ дѣятелей доработался если не до сумасшествія, то до нервнаго удара. Кромѣ непомѣрной работы дѣятелямъ того времени, подобнымъ князю Русову, приходилось выносить безчисленныя непріятности, сталкиваясь съ людьми враждебныхъ лагерей, задѣвая чужія самолюбія, стараясь сдвинуть съ своей дороги упорныхъ противниковъ, всегда готовыхъ для самозащиты взяться за всякое оружіе. Клевета, доносы, личныя оскорбленія—все пускалось тогда въ ходъ противниками реформъ, которые не останавливались передъ тѣмъ, чтобы, напримѣръ, рискнуть публично въ присутственномъ мѣстѣ назвать шпіономъ Татаринова за его стремленіе ввести правильный контроль. Эта борьба хуже всякой чрезмѣрной работы разстраивала нервы и подрывала силы дѣловыхъ людей.

Князь Русовъ засѣдалъ въ комиссіяхъ, принималъ доклады отъ своихъ офиціальныхъ помощниковъ по службѣ и потомъ до поздней ночи работалъ со своимъ неизмѣннымъ домашнимъ секретаремъ, Орловымъ. Иногда князь поручалъ Орлову составить какой-нибудь докладъ по его наброскамъ, по офиціальнымъ документамъ, привезеннымъ имъ на домъ. Орловъ работалъ лихорадочно; онъ сознавалъ, что онъ вноситъ частицу своего меда въ тотъ гигантскій улей, который работалъ тогда. Его рвеніе еще болѣе привязывало къ нему князя, и старикъ только опасался, что Орловъ запуститъ лекціи. Но Орловъ, какъ и многіе другіе его товарищи-бѣдняки, дававшіе тогда уроки, писавшіе статьи, помогавшіе офиціальнымъ дѣятелямъ и выдвинувшіеся потомъ впередъ въ качествѣ писателей, присяжныхъ повѣренныхъ, профессоровъ, судей, дѣлалъ нечеловѣческія усилія надъ собою, чтобы поспѣть управиться со всѣмъ. Онъ самъ порою удивлялся себѣ, какъ онъ выдерживаетъ эту жизнь и, можетъ-быть, только при помощи сильнаго нервнаго возбужденія можно было работать столько, сколько работалъ онъ, сколько работали многіе его сверстники, потомъ завоевавшіе себѣ трудомъ довольно громкія имена. Но его поддерживала не только мысль, что онъ является главнымъ помощникомъ крупнаго общественнаго дѣятеля, но и надежда, что онъ самъ скоро выступитъ на поприще общественной

дѣятельности. Онъ не безъ волненія думалъ о томъ, что передъ нимъ предстоитъ блестящая карьера, широкое поле труда. Князь, конечно, тотчасъ же выхлопочетъ ему мѣсто, быстро двинетъ его впередъ, поставитъ его на дорогу не простой машины, а осмысленнаго работника. Иногда во время своихъ золотыхъ грёзъ о свѣтломъ будущемъ Орловъ съ улыбкою вспоминалъ о своихъ дѣтскихъ мечтахъ, когда онъ хотѣлъ облагодѣтельствовать всѣхъ, всѣхъ, и казнить купца Пахомова. Положимъ, ему было далеко до исполненія этихъ мечтаній, но онъ сознавалъ, что онъ все-таки выбивается изъ массы, стоитъ на той дорогѣ, на которой пріобрѣтется и сила, и значеніе, и имя въ обществѣ.

— Да, да, приходитъ царство Орловыхъ, Барановыхъ, Кобылиныхъ, Ивановыхъ и какъ тамъ еще зовутъ всю нашу братью, всю эту голь перекатную, двинувшуюся теперь завоевывать себѣ мѣсто въ обществѣ,—говорилъ Орловъ въ товарищескомъ кругу.—Помяните мое слово, что разночинецъ теперь въ ходъ пойдетъ. Руки вездѣ нужны, а людей нѣтъ,—ну, и становись къ дѣлу. Теперь нужно только не зѣвать, такъ непремѣнно генераломъ умрешь...

Онъ смѣялся и радовался, видя, что «разночинецъ въ ходъ пошелъ». Онъ даже съ пахомовымъ сыномъ сдружился, видя, что тотъ «парень ловкій» и «такимъ инженеромъ будетъ, что милліоны съинженеритъ».

— Это среднее сословіе, наше tiers état, создается,— говорилъ онъ съ оживленіемъ и уже пророчилъ, что это среднее сословіе завоюетъ себѣ права.—Не въ одной же Франціи люди пироги умѣютъ ѣсть. Теперь мы на очереди.

Университетскіе годы прошли быстро; онъ кончилъ курсъ отлично и тотчасъ же получилъ мѣсто черезъ князя Русова. Про него обыватели Захолустной улицы говорили:

— Въ сорочкѣ, видно, орлихинскій-то Митя родился!

Дѣйствительно, мѣста доставались вообще не такъ скоро, какъ досталось мѣсто ему. Но онъ не довольствовался тѣмъ, что онъ будетъ служить на официальной службѣ. Его волновали вопросы дня; ему хотѣлось такъ или иначе содѣйствовать скорѣйшему разрѣшенію этихъ вопросовъ. Въ былые дни мальчуганомъ шестнадцати-семнадцати лѣтъ онъ началъ пописывать стишки съ извѣстною яркою окраской, съ извѣстною долей громкаго фразёрства. То у него являлись строфы къ свободѣ, гдѣ онъ говорилъ:

Мила мнѣ въ лѣтній день природа,
Зимой топящійся каминъ,

Но изо всѣхъ даровъ одинъ
Всего дороже мнѣ—свобода,—
Свобода тѣхъ, кому пришлось
Терпѣть неволю въ вѣчномъ страхѣ,
И за нее сложить на плахѣ
Готовъ я голову безъ слезъ.

Въ другомъ стихотвореніи онъ говорилъ о родинѣ:

Вотъ онъ, мой край, вотъ родина святая,
Полей и нивъ необозримыхъ гладь...
Какая здѣсь таится благодать,
Когда весна придетъ, благоухая!
Вотъ та страна, гдѣ, мучась и страдая,
Своихъ цѣпей не въ силахъ разорвать,
Умѣлъ народъ геройски умирать,
Какъ Іисусъ, враговъ не проклиная.
Вотъ та страна, гдѣ я, чело склоняя,
Не въ силахъ слезъ горячихъ удержать...
Такъ смотритъ сынъ на мученицу мать,
Слѣды ея кровавыхъ ранъ лобзая.

Это были совсѣмъ молодые порывы и увлеченія въ духѣ того времени. Теперь онъ брался за перо для прозы, стремясь отозваться на животрепещущіе вопросы дня. Ему удалось напечатать нѣсколько небольшихъ статей и замѣтокъ. Онъ могъ сообщать нѣсколько новостей по крестьянскому дѣлу, къ которому очень близко стоялъ князь. Одно это уже открывало ему доступъ на столбцы газетъ. Но онъ не ограничивался сообщеніемъ сухихъ матеріаловъ по крестьянскому вопросу. Одна изъ статей касалась грамотности народа и возбудила толки своимъ остроуміемъ и язвительностью; другая касалась суда присяжныхъ въ Европѣ и прошла не безслѣдно не только потому, что это была довольно полная и трудолюбиво составленная компиляція, но и потому, что въ ней были сдѣланы бойкія и мѣткія замѣчанія о нашихъ судахъ и чиновникахъ. Никогда еще не было у насъ такого времени, когда бы читатель отыскивалъ такъ усердно въ каждой статьѣ между строкъ чего-то недосказаннаго, какъ тогда. Статьи и замѣтки Орлова отличались именно этимъ свойствомъ: онъ говорилъ о Китаѣ, и читатель понималъ, что Китай тутъ не при чемъ, что тутъ дѣло идетъ о Россіи; онъ говорилъ о католическихъ патерахъ, а читатель догадывался, что нужно читать православные попы. Онъ пользовался всѣми средствами, чтобы нападать на извѣстныя идеи и явленія и отстаивать другія, и печаталъ стишки въ «Искрѣ», мелкія замѣтки въ газетахъ, серьезныя статейки въ толстыхъ журналахъ.

— Если у меня не болѣе силъ, чѣмъ у комара, то я и тогда не перестану жалить,—говорилъ онъ шутливо.—Не даромъ же я училъ наизусть басню про комара и льва...

Слѣдя за его статьями, за его разговорами въ обществѣ, за его интимными бесѣдами съ княземъ, можно было постепенно прослѣдить, какъ бился тогда пульсъ извѣстной части нашего интеллигентнаго общества. Разочарованіе въ слишкомъ розовыхъ мечтахъ, недовольство медленностью разныхъ комиссіонныхъ работъ, жалобы на то, что новое вино вливается въ старые мѣхи, раздраженіе на злоупотребленія, продолжавшія, подобно стоглавой гидрѣ, поднимать другую голову, когда отрубали одну, желчные толки объ университетскихъ безпорядкахъ, о прекращеніи воскресныхъ школъ, потомъ, по поводу временного пріостановленія двухъ большихъ журналовъ, негодованіе на стѣсненія печати вообще—все это отзывалось въ его рѣчахъ. Онъ самъ не замѣчалъ, какъ на него начинали коситься нѣкоторые люди, уже съ негодованіемъ и ненавистью вычислявшіе всѣ прегрѣшенія молодежи, внося въ одинъ счетъ и сходки, и процессіи въ Колокольную улицу, и похороны Мартынова и Бозіо, и какія-то миѳическія «коммуны» и «смаргоніи», и еще болѣе миѳическіе «семиспальныя кровати», и длинные волосы юношей, и стриженные волосы дѣвицъ. Всякое лыко ставилось въ строку, и враги не хотѣли понять или дѣлали видъ, что не понимаютъ того, что дурныя стороны въ извѣстной части молодежи были вовсе не слѣдствіемъ тѣхъ или другихъ убѣжденій и взглядовъ, а просто слѣдствіемъ того, что она была плоть отъ плоти, кость отъ кости своихъ отцовъ,—что если, съ одной стороны, процвѣталъ развратецъ въ коммунахъ, то, съ другой—дебошъ, скандалъ и разные «карамболи» точно такъ же процвѣтали въ веселыхъ домахъ, трактирахъ, въ ресторанахъ, въ кафе: нравственность вездѣ и всюду была одна и та же. Пристрастное отношеніе къ извѣстной части молодежи не могло не раздражать такихъ людей, какъ Орловъ, и вызывало на рѣзкости, становившіяся уже не безопасными. Самъ князь Русовъ раза два мелькомъ замѣтилъ ему:

— Теперь нужно быть осторожнѣе!

Но старикъ самъ начиналъ смотрѣть на дѣла не менѣе мрачно. Онъ видѣлъ, какъ кругомъ сплеталась цѣлая сѣть мелкихъ интригъ. Всѣ, съ кѣмъ онъ расходился во мнѣніяхъ, дѣлались его личными врагами. Нигдѣ общественныя дѣла не сводятся такъ на личную почву, какъ у насъ, вѣчно

смѣшивающихъ казенный сундукъ со своимъ. Иногда князь вооружалъ противъ себя людей, даже и не подозрѣвая, что онъ наживаетъ себѣ враговъ, просто отзываясь хорошо или дурно о той или другой личности. Такъ онъ возбудилъ противъ себя нѣсколько человѣкъ, рѣзко отозвавшись о прошлой дѣятельности графа Клейнмихеля. Такъ онъ нажилъ еще больше враговъ, сдѣлавшись не только сторонникомъ, но и самымъ искреннимъ поклонникомъ Татаринова, съ такими нечеловѣческими усиліями совершившаго гигантское дѣло контроля. Орловъ это все зналъ и шутливо замѣчалъ князю

— Ну, не вамъ бы, Александръ Владиміровичъ, учить меня осторожности. Врачу, исцѣлися самъ, могъ бы я вамъ отвѣтить на это.

— Есть маленькая разница между нами...

— Знаю, знаю, что и сильному вихрю труднѣе справиться съ крѣпкимъ дубомъ, что легкому вѣтру съ маленькой щепкой...

— Я говорю не съ этой точки зрѣнія. Но ты начинаешь жить, а я кончаю, и мнѣ все равно, какъ умереть, на покоѣ или въ бою,—отвѣчалъ грустно князь:—тѣмъ болѣе, что и мои личныя дѣла, кажется, скоро заставятъ меня сойти со сцены...

— Ну, Богъ не выдастъ,—говорилъ Орловъ.—Да и въ чемъ такомъ я виноватъ, чтобы бояться?

А бояться было нужно: однажды Орловъ зашелъ къ одному изъ своихъ литературныхъ знакомыхъ и засталъ дома только его жену. Она въ волненіи и въ слезахъ передала Орлову, что у нихъ былъ обыскъ, что захватили бумаги ея мужа, что арестовали нѣсколько человѣкъ изъ его знакомыхъ. Орловъ поблѣднѣлъ. Въ бумагахъ этого знакомаго были и его бумаги, и письма. Въ нихъ не было ничего особенно компрометирующаго Орлова, но Орловъ хорошо зналъ, что одни сношенія съ подозрительною личностью могли навлечь на него подозрѣнія и повести къ обыску, къ допросу. Наскоро простившись съ хозяйкой, онъ помчался домой. У него были запрещенныя книги, какіе-то печатные листки нецензурнаго содержанія, «Колоколъ»,—однимъ словомъ, все то запретное, что могло тогда найтись у каждаго человѣка его круга. Главное, что его безпокоило, это было объясненіе съ матерью. Онъ долженъ былъ ее предупредить, что у нихъ будетъ или можетъ быть обыскъ. Онъ боялся не только того, что она испугается внезапнаго ночного посѣщенія, но и того, что она расплачется, будетъ унижаться передъ жан-

жандармами, разыграетъ нелѣпую сцену, не понимая сущности дѣла, не сознавая, что никакія просьбы и слезы не могутъ заставить этихъ исполнителей закона уклониться отъ возложенной на нихъ обязанности. Онъ прошелъ къ себѣ въ комнату, попросивъ мать приготовить чай, заперся у себя, открылъ трубу у печки и принялся жечь бумаги, брошюры, письма. Это продолжалось недолго, и когда ему сказали, что чай готовъ, у него уже все было кончено. Онъ снова закрылъ трубу и пошелъ къ чайному столу. Онъ былъ блѣденъ, но старался казаться спокойнымъ. За чаемъ онъ заговорилъ о тревожномъ времени, о безпорядкахъ, объ обыскахъ.

— Да что же, кража, что ли, какая сдѣлалась?—спросила Марья Ѳедоровна.

— Нѣтъ, дѣло не въ кражѣ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Просто идутъ волненія; вездѣ — недовольные; одни на одно, другіе на другое жалуются. Безъ этого ужъ не можетъ обойтись: простой домъ перестраиваютъ, такъ и то тревоги не мало бываетъ, а тутъ цѣлое государство хотятъ передѣлать, такъ какъ не быть волненью и жалобамъ...

— Да какъ, батюшка, не жаловаться-то?—перебила его Марья Ѳедоровна.—Вонъ возьми хоть насъ: отца-то такъ, ни съ того, ни съ сего, вышвырнули со службы,—живи, молъ, какъ знаешь. А того не знаютъ, что старикъ-то съ горя попивать началъ, да и намъ жить было бы нечѣмъ, если бы не ты помогалъ. Пожалуешься тутъ!

Дмитрій Андреевичъ улыбнулся.

— А жаловаться-то и нельзя, мама! Васъ за это возьмутъ да и посадятъ въ кутузку,—пошутилъ онъ.

— Да я хоть самому царю это скажу!—воскликнула Марья Ѳедоровна.—Развѣ это дѣло такъ-то за службу награждать? Что-жъ, въ воры идти, что ли, если со службы чиновниковъ гонятъ? А дороговизна-то какая вездѣ началась. Купцы теперь что ходятъ, то и дерутъ съ насъ,—ни таксы на нихъ нѣтъ, ни присмотру... Обвѣшиваютъ да обмѣриваютъ, гнилье да тухлятину продаютъ, а кто смотритъ?.. Комиссія тамъ какая-то есть, да она въ лавки-то и не заглядываетъ, а если и заглянетъ, такъ за деньги все скроетъ...

— Вотъ, вотъ за эти-то рѣчи и сажаютъ людей,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, отчасти радуясь, что мать облегчила, сама того не зная, его объясненія съ ней.—Я вотъ тоже такъ-то, какъ вы, говорилъ-говорилъ въ обществѣ, а теперь, пожалуй, и къ отвѣту за это потребуютъ.

— Да что ты!—воскликнула Марья Ѳедоровна, измѣняясь въ лицѣ.—Какъ къ отвѣту? За что это? За правду-то?

— Да. Не сегодня, такъ завтра, пожалуй, полиція да жандармы ночью пріѣдутъ, обыщутъ, нѣтъ ли какихъ книгъ или бумагъ запрещенныхъ, и къ допросу увезутъ на время,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Митя, да ты это вправду или такъ?—спросила проворно Орлова.

— Я не шучу. Очень можетъ случиться, что сегодня же пріѣдутъ обыскивать... Впрочемъ, вы не бойтесь, мама, все это пустяки. Это теперь чуть не каждый день дѣлается. Правительство тоже должно быть на-сторожѣ. Мнѣ ничего не сдѣлаютъ. Если только дѣйствительно возьмутъ меня къ допросу, то я оставлю Анѣ два письма, она передастъ ихъ дядѣ. А онъ уже снесетъ князю и княгинѣ. Только вы, мама, и сами будьте осторожнѣе. Теперь много жаловаться да роптать опасно.

Анна Андреевна и Марья Ѳедоровна сидѣли точно придавленныя, пришибленныя. Извѣстіе, сообщенное Дмитріемъ Андреевичемъ, поразило ихъ, какъ громъ. Въ Захолустной улицѣ еще и понятія не имѣли о томъ, что значитъ третьеотдѣленскій обыскъ.

— Но, главное, мама, не бойтесь, не теряйтесь, не плачьте, — продолжалъ Дмитрій Андреевичъ. — Вы теперь знаете, за что и почему могутъ меня взять. Я говорилъ про нынѣшніе порядки, сердился на нихъ, жаловался,—ну, за это и могу отвѣтить...

— Отвѣтить, отвѣтить! Да за что? За то, что кричишь, когда тебя за горло давятъ? Что же это тоже, поди, порядокъ, по-ихнему?—воскликнула Марья Ѳедоровна.—Да я, почитай, шестьдесятъ лѣтъ кричу да ругаюсь, что житья нѣтъ! Рта, батюшка, не зажмешь, коли за горло давятъ! Да я имъ всѣмъ въ глаза все выскажу, въ глаза наругаюсь...

— Нѣтъ, ужъ вы, мама, поостерегитесь,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Время теперь тяжелое, смутное,—надо молчать...

— Бьютъ, значитъ, и плакать не велятъ!..—сказала Марья Ѳедоровна.

— Да, пожалуй, что такъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ. — Главное, помните, что опасности особенной нѣтъ, что нѣтъ никакого тутъ позора...

— Батюшка, да какой же позоръ въ томъ, что ты за свое право, за свое добро стоишь, да тебѣ же ротъ за-

жать хотятъ!—съ горечью сказала Марья Ѳедоровна.—Не понимаю я, что ли, этого? Я сама, сама, хоть ты меня на клочки рви, буду и буду говорить, что обижаютъ бѣдныхъ людей, что истомились, истерзались бѣдные люди!

— Да, мама, не разъ это всѣ мы говорили и прежде, да другія времена тогда были,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Впрочемъ, можетъ-быть, еще все и такъ обойдется...

Чай допили въ тяжеломъ настроеніи, перекидываясь только отрывочными фразами.

Среди этого тяжелаго настроенія вдругъ раздался неожиданный шопотъ Леши.

— Сестрица, это Ѳедоръ Гаврилычъ придетъ къ братцу?—спросилъ онъ Анну Андреевну.

— Молчи ужъ, молчи, Леша!—тихо отвѣтила она, дергая его за сюртукъ.

— Да, Леша, Ѳедоръ Гаврилычъ придетъ,—сказалъ съ улыбкой Дмитрій Андреевичъ.—У каждаго человѣка есть свой Ѳедоръ Гаврилычъ, вотъ онъ и ко мнѣ придетъ...

— Братецъ, я боюсь... Мнѣ, братецъ, жаль васъ,—жалобно заговорилъ Леша.—Я къ нему самъ выйду, васъ не дамъ, братецъ... Пусть меня бьетъ, пусть!

— Полно, милый, не волнуйся,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, погладивъ его по головѣ, какъ ребенка.—Это все пустяки. Ложись спать съ Богомъ.

— А вы, братецъ? Я боюсь... Я очень боюсь!

Дмитрій Андреевичъ, какъ умѣлъ, успокоилъ бѣднаго юношу. Марья Ѳедоровна тайкомъ утирала слезы. Настроеніе сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ, и Орловъ спѣшилъ допить чай.

Послѣ чаю Дмитрій Андреевичъ сказалъ сестрѣ, что онъ напишетъ письма и передастъ ихъ ей для того, чтобы они были переданы, въ случаѣ надобности, Лампадову. Орловъ снова заперся въ своей комнатѣ и только теперь почувствовалъ вполнѣ, какъ сильно подѣйствовало на него полученное имъ извѣстіе объ арестахъ знакомыхъ ему лицъ. Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ думалъ о главномъ, о своемъ положеніи, о выходѣ изъ этого положенія, а рядомъ съ этимъ въ головѣ мелькали какія-то мелкія опасенія, раздражающія, волнующія чуть ли не больше, чѣмъ думы о главной опасности. Онъ не сдѣлалъ никакихъ крупныхъ проступковъ или преступленій. Онъ былъ только знакомъ съ обвинявшимися въ разныхъ проступкахъ и преступленіяхъ лицами; онъ только читалъ, а не распространялъ

разныя преступныя книги, разные подметные листки. Онъ иногда рѣзко, даже очень рѣзко высказывалъ свои мнѣнія, но онъ не предпринималъ ничего противозаконнаго для осуществленія своихъ желаній. Но это и все. Ни въ какихъ заговорахъ онъ не принималъ участія, хотя зналъ многое. Сотни, тысячи лицъ стояли тогда въ его положеніи. Изъ всего этого можно было выйти сухимъ. Не обвинять же его за то, что онъ не доносилъ. Да, онъ выйдетъ сухимъ. Да и нужно было выйти сухимъ. Было бы горько, постыдно погибнуть изъ-за пустяковъ. И какъ это онъ не сумѣлъ быть осторожнымъ! У него на рукахъ семья, у него впереди хорошая будущность, полезная дѣятельность. Фрондерствовать вздумалъ, велъ себя какъ мальчишка!.. Ахъ, если бы мать не растерялась и не расплакалась передъ полицейскими! Выйдетъ и смѣшно, и глупо. И что это отецъ не идетъ. Придетъ, пожалуй, пьяный. Милая сцена выйдетъ! Проклятое положеніе! Чужіе, ненавистные люди будутъ не только въ твоей душѣ грязными руками рыться, но въ твою семейную жизнь вторгнутся, въ твою постель, въ постель твоихъ родныхъ заглянутъ. Но надо скорѣе писать письма. Князь и княгиня могутъ спасти его, если даже его будутъ обвинять въ чемъ-нибудь серьезномъ. Но въ чемъ же, въ чемъ?.. Что о немъ уже извѣстно и чего еще не знаютъ о немъ? Что можно скрыть и что слѣдуетъ для своей же безопасности высказать? Однако, что написать князю и княгинѣ? Онъ сѣлъ къ письменному столу и написалъ короткое, дѣловое письмо къ князю, прося его заступничества. Потомъ онъ сталъ наскоро писать къ княгинѣ. Это было странное письмо, обличавшее его настроеніе. Онъ писалъ ей:

«Мой добрый другъ! Вы какъ-то упрекали меня за то, что я ничего не прошу, ничѣмъ не хочу пользоваться. Я сказалъ, смѣясь, что я не люблю брать по мелочамъ, сотни разъ кланяясь, и что если я попрошу когда-нибудь, то попрошу многаго за разъ. День этой просьбы насталъ, и я прошу у васъ: свободы, жизни, будущаго... Но шутки въ сторону! Мнѣ не до нихъ, и я шучу сквозь слезы... Нѣтъ, нѣтъ, я лгу: я не плачу, но злюсь, желчь душитъ меня. Изъ-за пустяковъ, изъ-за шалостей, изъ-за мальчишества меня везутъ въ тюрьму, лишаютъ свободы, отравляютъ жизнь, портятъ все, все, къ чему я стремлюсь, изъ-за чего я бьюсь. Спасайте, освобождайте меня! Объѣздите всѣхъ сильныхъ міра сего, скажите имъ, что они ошибаются, что

я *ихъ*, что я имъ пригожусь, что я—скажите имъ и это, если нужно—что я лучшій христіанинъ и ревностный поборникъ всего ретроградnаго, всего затхлаго, всего отжившаго. О, да вы сами лучше меня знаете, что сказать! Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи того, кто любитъ васъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ! Ей-Богу же, мнѣ скверно, скверно и скверно! Подробностей не пишу; ихъ передастъ вамъ дядя!»

Онъ перечиталъ это письмо и хотѣлъ его разорвать. Потомъ махнулъ рукой и запечаталъ его.

— Аня, вотъ письма,—сказалъ онъ сестрѣ, входя къ ней въ комнату.

Она поднялась съ колѣней.

— Молилась?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ ласково.

— Да,—отвѣтила она коротко.—Скажи, ты точно знаешь, что тебѣ ничего не сдѣлаютъ?

— Нѣтъ... Все пустяки!—отвѣтилъ онъ.

Въ эту минуту послышался стукъ въ двери и шумъ шаговъ. Анна Андреевна быстро спрятала за лифъ письма, торопливо обняла брата и вышла въ другую комнату. Туда уже входили полицейскій, жандармскій офицеръ, въ дверяхъ стоялъ какой-то унтеръ въ синемъ мундирѣ.

Дмитрій Андреевичъ слышалъ только отрывистыя фразы матери:

— Сына моего?.. Онъ вонъ тамъ живетъ, въ той комнатѣ... Пожалуйте...

Она говорила, повидимому, спокойно.

— Это тебя, Митя, зачѣмъ-то спрашиваютъ!—громко сказала она, входя въ комнату.

Дмитрій Андреевичъ не замѣтилъ ни слезинки на ея лицѣ. Онъ принялъ посѣтителей вѣжливо, холодно, немного свысока. Начался обыскъ. Конечно, не нашли ничего.

— Не угодно ли остальныя комнаты обыскать?—спросилъ сухо Дмитрій Андреевичъ съ презрительной гримасой.

— Вы вѣдь только эту комнату занимаете?—спросилъ жандармскій офицеръ.

Дмитрій Андреевичъ пожалъ плечами.

— Я могъ спрятать что-нибудь и въ другихъ комнатахъ!—проговорилъ онъ съ насмѣшкой въ голосѣ.—Я здѣсь не комнату нанимаю, а съ семьей живу.

Офицеръ любезно уклонился отъ дальнѣйшаго обыска и предложилъ Дмитрію Андреевичу собираться.

— А, арестъ!—прошепталъ Дмитрій Андреевичъ, сти-

скивая зубы, и въ его глазахъ сверкнула злоба.—Здѣсь ничего не нашли, такъ въ головѣ пороются...

Онъ обернулся къ матери и сестрѣ:

— Вотъ неожиданное приглашеніе получилъ. Нужно ѣхать.

Мать и сестра молчали, боясь расплакаться при первыхъ словахъ.

— До свиданья... Вѣроятно, не надолго,—говорилъ Дмитрій Андреевичъ, надѣвая пальто.

У него сдавливало горло. Онъ обнялъ мать и сестру, крѣпко сжавъ ихъ руками, какъ бы благодаря ихъ. Ни у кого изъ нихъ не вырвалось ни звука,—они боялись заговорить. Марья Ѳедоровна сама взяла свѣчу, чтобы посвѣтить уходившимъ посѣтителямъ и сыну. Подсвѣчникъ дрожалъ въ ея рукѣ, когда она, стоя наверху на лѣстницѣ, смотрѣла, какъ сходятъ внизъ, точно въ темную бездонную пропасть, эти люди, отнимающіе, уводящіе ея сына. Куда, зачѣмъ, за что? Развѣ она знала это?... Въ глазахъ ея начинало темнѣть. Наконецъ, бряцаніе шпоръ и сабель, шумъ шаговъ, дребезжаніе отъѣзжающей кареты—все затихло. Марья Ѳедоровна, вздрагивая плечами, качая опущенной на грудь головой, залилась слезами. Когда она машинально, передавъ кухаркѣ подсвѣчникъ и рыдая, вошла въ комнату, она увидѣла распростершуюся на полу передъ кіотомъ Анну Андреевну.

— Аня, Аня, голубушка, увезли!—проговорила, рыдая, мать.—Какъ вора, какъ мошенника, обыскали, схватили и увезли?.. Гдѣ же правда-то у Бога?

— Мама, не плачьте, милая... Святые и тѣ терпѣли,—сказала со слезами Анна Андреевна.

— Знаю, знаю, маточка, да не могу, не могу не роптать... Все во мнѣ надорвалось, все... Жизнь моя кончается... Позора этого я не вынесу...

Обѣ женщины обнялись, и ихъ горячія слезы смѣшались вмѣстѣ.

Въ то же время никѣмъ незамѣченный стоялъ въ темномъ углу, подъ лѣстницей какой-то человѣкъ. Онъ пришелъ тотчасъ вслѣдъ за полиціей, услышалъ, что полиція разспрашиваетъ о квартирѣ Дмитрія Андреевича Орлова, сразу сообразилъ все происходившее, проскользнувъ подъ лѣстницу, и переждалъ тамъ удаленія полицейскихъ. Онъ видѣлъ, какъ они сходили внизъ, какъ шелъ Дмитрій Андреевичъ, какъ свѣтила имъ Марья Ѳедоровна, и не трогался съ мѣста, понуривъ голову, затаивъ дыханіе. Онъ

едва утерпѣлъ, чтобы не крикнуть Дмитрію Андреевичу: «прощай», но стиснулъ зубы и только сдѣлалъ въ воздухѣ дрожащею рукою крестное знаменіе вслѣдъ удалявшемуся молодому человѣку.

— Пьяный отецъ... Посрамленіе... Не надо, не надо!.. Христосъ съ тобою, Христосъ съ тобою!—бормоталъ онъ, плотно прижимаясь къ стѣнѣ и глотая слезы.

VI.

Слегка морозное, но ясное весеннее утро. Было еще очень рано, и вся Захолустная улица спала мирнымъ сномъ. Но вотъ изъ воротъ небольшого деревяннаго дома мѣщанина Ивана Трифоновича Тимофѣева выбѣжалъ въ русской рубашкѣ мальчишка, тряхнулъ волосами и перекрестился на всѣ четыре стороны. Потомъ онъ вприпрыжку побѣжалъ къ дверямъ съ красовавшеюся надъ нимъ вывѣской: «Мѣлочная и овощная лавка и мушной лабазъ», и сталъ снимать съ нихъ желѣзные засовы. Открывъ двери лавки и лабаза, онъ юркнулъ въ нихъ, снова перекрестился, обратясь лицомъ къ переднему углу, и чрезъ минуту принялся подметать вѣникомъ полъ. Изъ внутреннихъ дверей лавки вошли въ нее хозяинъ и его подручный. Они тоже перекрестились на образъ, висѣвшій въ углу, и, позѣвывая, стали приводить въ порядокъ товаръ.

— Чего это у насъ ночью сегодня разъѣздились?—проговорилъ хозяинъ.—Легъ я; только первый сонъ вижу, какъ вдругъ на улицѣ загромыхало. Подумалъ, не пожаръ ли, подошелъ къ окну, гляжу, карета остановилась сперва у Челпановскаго дома, потомъ дальше тронулась къ Сысоевскому дому и тамъ остановилась.

— Къ Орловымъ, вѣрно,—отвѣтилъ подручный.—Коли къ Сысоевскому дому, такъ каретѣ больше не къ кому, какъ къ Орловымъ.

— Полуночники! Люди спятъ, а они по городу рыщутъ...

Въ эту минуту мелкими шажками вбѣжала въ лавку какая-то старушонка въ ситцевой теплой кацавейкѣ и въ пестромъ платкѣ на головѣ.

— Здравствуйте, здравствуйте, Иванъ Трифонычъ! Вѣсового, батюшка, фунтикъ отвѣсьте!—проговорила она.—Слышали, дѣла-то у насъ какія, ночью-то?

— А что?—спросилъ хозяинъ.

— Неужто не слыхали? Да мы какъ есть всю ночь не

спали. У Орловыхъ-то жандары, полиція, солдаты сына Орлихи, Дмитрія-то Андреевича ловили.

— Чего ты, старая, брешешь! Сонъ дурной видѣла, что ли,—сказалъ хозяинъ лавки.

— Чего сонъ, когда своими глазами видѣла! Кого ни спроси, всякій подтвердитъ. Да вонъ, Иванъ Сысоевскій идетъ. Онъ все разскажетъ. Ему доподлинно все извѣстно. Самъ и проводилъ полицію къ Орлихѣ.

Въ лавку вошелъ мужикъ, дворникъ изъ дома Сысоевыхъ.

— Какіе такіе гости у васъ ночью-то были?—спросилъ хозяинъ лавки.—Вонъ старушка Божія сонъ несуразный видѣла, да намъ его разсказывать пришла...

— Полиція съ жандарами за Митріемъ Андреичемъ пріѣзжала,—отвѣтилъ апатично дворникъ.

— Ну, что? Ну, что?—воскликнула съ торжественнымъ видомъ старушонка.—Какъ сказала, такъ и есть...

— Хорошихъ, значитъ, дѣловъ надѣлалъ!—проговорилъ въ раздумьи хозяинъ, качая головой.

Подручный и мальчикъ стояли, разинувъ рты, и слушали.

— Чего же это они ночью-то за нимъ пріѣхали да еще и въ каретѣ?—спросилъ хозяинъ лавки.—Не большой, кажись, баринъ.

— А днемъ, значитъ, онъ укрывался, въ бѣгахъ былъ, только на ночь домой и приходилъ, крадучись,—начала пояснять старушонка.—Вотъ они ночью и пріѣхали, чтобы его накрыть въ каретѣ, чтобы не сбѣгъ...

— Тебѣ-то кто разсказывалъ?

— Да всѣ говорятъ. У насъ стонъ-стономъ стоитъ, все объ этихъ дѣлахъ-то...

Въ лавку вошла еще одна покупательница и первымъ ея словомъ былъ вопросъ:

— Про Орловыхъ-то слышали? Оскандалились голубчики, совсѣмъ оскандалились!

Не прошло и часу, какъ по всей Захолустной улицѣ изъ мелочной лавочки разнесся этотъ слухъ. Захолустенцы такъ и ахнули отъ удивленія. Всѣ теперь только о томъ и говорили, «что ночью жандары къ Орловымъ пріѣзжали», что «сынъ-то Орлихи въ шайкѣ какой-то попался», что «нашего-то сокола взяли», что «и то сказать, залетѣлъ больно высоко». Захолустная улица захлебнулась этими толками, и у всѣхъ только и было одно желаніе—«самое-то, Орлиху-то увидать». Тутъ было и злорадное желаніе намекнуть ей: «а ты носа впередъ не задирай, не задирай»; тутъ было и сердо-

больное стремленіе замѣтить ей слезливымъ тономъ: «да не убивайся ты, мать, не убивайся, авось, Богъ грозу-то еще мимо пронесетъ, у Бога-то милости много». Слухи между тѣмъ принимали чудовищные размѣры. Одни говорили, что Дмитрій Андреевичъ «скралъ милліонъ», другіе толковали, что онъ «противъ самого царя пошелъ», третьи опредѣляли даже мѣру наказанія за его продерзости и говорили, что онъ «подъ красную шапку угодитъ, а не то такъ и въ каторгу попадетъ». Кто, вздыхая, замѣчалъ: «вотъ ужъ вѣрно пословица-то говоритъ, что отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся»; кто не безъ ехидства говорилъ: «Владимірка-то широка, всѣмъ на ней, братцы, мѣсто будетъ, тоже за это по головкѣ не гладятъ». Опредѣленно же никто не могъ сказать, почему нельзя отказываться отъ тюрьмы, и за что именно это не гладятъ по головкѣ.

Нужно было знать такъ хорошо Захолустную улицу, какъ знали ее Орловы, чтобы вполнѣ угадать впередъ все, что ихъ ждетъ на утро. Анна Андреевна, точно преступница, тайкомъ прокралась къ Лампадову съ письмами брата, прося въ душѣ Бога только объ одномъ, чтобы никого не встрѣтить по дорогѣ. Андрей Ивановичъ ранехонько утромъ исчезъ изъ дома, тоже стараясь проскользнуть никѣмъ незамѣченнымъ. Марья Ѳедоровна долго не рѣшалась выйти изъ дому за мясомъ, вполнѣ сознавая, что въ лавкѣ отъ людей не спрячешься. Она давно уже страдала сердцебіеніемъ, а теперь, какъ она сама говорила, сердце просто выскочить хотѣло. Наконецъ она собралась съ силами, одѣлась, и, какъ всегда, не послала кухарку, а сама пошла за закупками. Она вышла изъ дому суровая, нахмуренная и неприступная, какою она бывала только въ давно минувшіе дни, когда ее звали «королемъ-бабой», когда къ ней не очень-то смѣли приступать съ глупыми разспросами. Правда, теперь она не смотрѣла дюжей, здоровой и сильной женщиной, какъ въ тѣ времена, но, пожалуй, и въ настоящее время она, исхудалая, блѣдная, съ впалыми глазами, съ посѣдѣвшими волосами, смотрѣла еще болѣе строго и неприступно. На нее съ любопытствомъ смотрѣли встрѣчавшіеся съ ней люди, которые знали ее только по виду, но никогда не говорили и не кланялись съ ней. Ихъ мучило любопытство, имъ хотѣлось заговорить съ ней, но они словно чего-то боялись. Они перешептывались между собою и указывали на нее глазами: «это Орлиха!» Она шла, не смотря по сторонамъ, сдвинувъ брови, поджавъ сурово губы. Наконецъ, она дошла до мясной лавки

и вошла въ нее. За ней шмыгнули туда тотчасъ двѣ-три бабенки. Она, не обращая ни на кого вниманія, спокойно выбрала кусокъ мяса, спросила о цѣнѣ, велѣла отвѣсить три фунта. Все это говорилось коротко, отрывисто.

— Что это народъ-то толкуетъ, Марья Ѳедоровна?—спросилъ ее мясникъ тихимъ шопотомъ.—Несчастіе у васъ?

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ,—отрывисто отвѣтила она.

— Такъ, значитъ-съ, это точно, что Дмитрія Андреевича взяли-съ?—спросилъ онъ.

— Да,—коротко отвѣтила она.

— А смѣю спросить за что?—спросилъ онъ.

— А за то, что не смѣй подлецовъ подлецами называть,—отвѣтила она уже довольно громко.

Мясникъ удивился.

— Тебя бить будутъ, а ты молчи да пресмыкайся, вотъ и не попадешься,—продолжала она, еще возвышая голосъ.—Ну, а и песъ, если ему на хвостъ наступятъ, огрызается...

Она точно отрубала фразы, коротко, рѣзко, отрывисто.

— Тэкъ-съ,—согласился мясникъ.

— Люди-то только и есть такіе, что ты ихъ сколько не колоти, они все тебѣ руки лизать будутъ,—сказала она презрительно.—Вотъ мой-то сынъ не изъ такихъ,—ну, и позвали къ отвѣту.

— Да вѣдь уже выше начальства не будешь,—замѣтилъ мясникъ.

— Каково начальство: иное начальство-то такое, что путро поворачивается, смотря на него,—отвѣтила Марья Ѳедоровна.

Она забрала мясо и тою же ровною и степенною походкой вышла изъ лавки, не опуская головы, смотря прямо въ лицо людямъ. А сердце, ея горячее сердце такъ и билось, такъ такъ и билось, и стучало въ груди. На дорогѣ ее встрѣтила Митревна.

— Голубушка, Марья Ѳедоровна, горе-то экое надъ тобой стряслось!—воскликнула она, идя навстрѣчу къ Орловой.—Митрія-то Андреевича жандары, говорятъ, забрали, подъ судъ увезли.

— Ну?—спросила Марья Ѳедоровна, глядя на нее въ упоръ:—Ну, увезли, такъ кому до этого какое дѣло?

— Да какъ же!—воскликнула Митревна.—Чай свои люди, не чужіе.

— Свои люди!—усмѣхнулась Орлова съ горькой ироніей.—Поди, чай, радуются эти свои люди, что соколу крылья свя-

Зали, что орлу ноги перешибли. Свои люди!.. Это онъ-то ихъ своими людьми считалъ, а не они его, онъ-то толковалъ, что бѣдному человѣку житья нѣтъ, что бѣдный человѣкъ утѣсненъ, а они... они первые глаза ему выклевали бы, если-бъ ихъ воля надъ нимъ была. Какъ же, завидно, что выше ихъ сталъ, что въ гору пошелъ. Свои люди!.. Да я этихъ своихъ людей на порогъ къ себѣ не пущу, коли они съ разспросами да съ пересудами придутъ. Ноги я этимъ своимъ людямъ полѣньями обломаю, если ихъ языкъ при мнѣ повернется говорить о моемъ сынѣ. Наше это горе, наше, такъ до этого горя имъ и дѣла нѣтъ! Надъ ними ничего не стрясется, потому что забились въ свои норы, да имъ ни до чего и дѣла нѣтъ, хоть весь свѣтъ вверхъ дномъ перевернись. Будочнику каждому въ ноги готовы кланяться да руки у него лизать; бьютъ ихъ, жаль, мало,—не такъ бы, не такъ бы надо.

У нея захватило духъ отъ припадка сильнаго сердцебіенія. Она взялась рукой за грудь, точно стараясь придавить свое сердце, и быстро пошла своей дорогой, даже не простившись съ Митревной, даже не кивнувъ ей головой. Ей было страшно тяжело. Она никакъ не умѣла связно высказать всѣмъ захолустенцамъ, что ея сынъ—не воръ, не мошенникъ, не разбойникъ, а просто человѣкъ, у котораго наболѣло много на душѣ и который не скрываетъ этого наболѣвшаго передъ другими. Она, между тѣмъ, понимала, что теперь ей придется отгрызаться не день, не два передъ сотнею людей, что эти люди будутъ сочинять всякія небывальщины про ея сына. Они скажутъ: «Хороша семья: отецъ по кабакамъ шляется, племянница потаскушкой сдѣлалась, племянникъ—одинъ полоумный, другой—бродяга, сына—мошенникъ и воръ, полиціей изловленный». Обо всемъ этомъ будутъ говорить въ каждомъ домѣ, въ каждомъ углѣ. Это надрывало гордую душу Орловой, наполняло ее злобой. Когда Анна Андреевна пришла домой отъ Лампадова и замѣтила матери, что она пробѣжала домой «сторонкой», Марья Ѳедоровна вспылила и раздражительно замѣтила ей:

— Что-жъ, мы воры какіе-нибудь, что ли, что намъ надо отъ людей хорониться?

— Да все же,— начала-было Анна Андреевна.

— Что все же? Что все же?—перебила ее строптиво Марья Ѳедоровна.—Я всѣмъ прямо въ глаза смотрю, потому не укралъ мой сынъ ничего, не убилъ никого. А что онъ говорилъ громко про неправду всякую, такъ за это, сама же

вчера еще говорила, и святые вѣнецъ мученическій приняли,—и стыдиться тутъ нечего.

Анна Андреевна съ удивленіемъ взглянула на мать.

— Сама я такою же была, и онъ такимъ вышелъ,—продолжала Марья Ѳедоровна.—Головы наши непокорныя, непоклонныя, оттого ихъ и норовитъ каждый подлецъ силой къ землѣ пригнуть. Ну, да Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! Сама я все это извѣдала, какъ надъ тобой надругаться каждый хочетъ за то, что ты не кланяешься да рукъ ни у кого не лижешь. Тоже не мало пережила, не мало выстрадала. Если бы шею-то умѣла гнуть, такъ теперь въ своихъ экипажахъ ѣздила бы...

Старуха точно выросла, точно въ ней воскресла прежняя Марья Ѳедоровна съ строптивымъ, горячимъ сердцемъ, съ непоклонною, гордою головой. Анна Андреевна казалась передъ ней какою-то пришибленною, приниженною и мелкою личностью. Ей хотѣлось плакать и молиться, ныть и жаловаться, а у Марьи Ѳедоровны звучали только злобныя и суровыя ноты. Марья Ѳедоровна походила на бойца, закаленнаго въ житейскихъ битвахъ и не сдающагося врагу; Анна Андреевна походила на мученицу, умѣющую только прощать и молиться.

— Сердце-то вотъ мое только разрывается въ груди, дышать тяжело,—сказала Марья Ѳедоровна:—а то бы я еще поговорила съ людьми.

Она потерла себѣ лѣвую руку повыше локтя.

— Что вы, мама? Рука у васъ болитъ?—спросила Анна Андреевна.

— Ревматизмъ, вѣрно. Давно все побаливаетъ лѣвая рука. Ноетъ все...

— Помазать бы чѣмъ-нибудь...

— Ну ее, и такъ пройдетъ...

Марья Ѳедоровна принялась при помощи кухарки за стряпню въ кухнѣ.

Послѣ обѣда возвратился домой Андрей Ивановичъ и возвратился совершенно трезвымъ. Онъ смотрѣлъ серьезно и торжественно.

— Вотъ, мать, деньги,—сказалъ онъ, подавая Марьѣ Ѳедоровнѣ нѣсколько кредитныхъ билетовъ.—Поди, въ домѣ не очень-то густо.

— Ужъ гдѣ!—вздохнула Марья Ѳедоровна, удивленная этой неожиданностью.

Андрей Ивановичъ давно не приносилъ домой денегъ.

— Какъ-нибудь пробьемся, пока не выяснится дѣло,— продолжалъ Андрей Ивановичъ.—Я ужъ справлялся, гдѣ могъ. Кажется, все обойдется благополучно.

Марья Ѳедоровна оживилась.

— Ты узналъ о немъ?—воскликнула она.

— Узналъ!—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Тоже знакомые вездѣ есть... Вѣкъ переживешь, такъ и со шпіонами, и съ мазуриками не мало соли перешь...

— Точно разбойника какого схватила да засадили,—проговорила Марья Ѳедоровна.—Ни за что, ни про что срамять человѣка. Людямъ-то не растолкуешь, что онъ ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, что онъ добра имъ же желаетъ, а не воръ какой-нибудь, не убійца.

Андрей Ивановичъ нахмурился и спросилъ:

— Вѣрно, колотовки разныя ужъ забѣгали?

— Такъ я и пущу всякую сволочь!—сказала Марья Ѳедоровна.—А только знаю я нашу улицу. Рада чужому несчастію. Ей бы только чужіе бока перемывать.

— Гони, гони всѣхъ, кто ни придетъ!—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Не ихъ уму понимать это дѣло и судить Дмитрія. Пусть сошлютъ его, а все же не имъ судить его.

Анна Андреевна не выдержала и заплакала, услышавъ послѣднюю фразу отца. Андрей Ивановичъ нахмурился.

— Чего хнычешь? Всѣмъ не легко!—рѣзко сказалъ онъ.— Я вонъ вчера, можетъ-быть, больше васъ всѣхъ изстрадался, что родного сына обнять не смѣлъ, потому что сына арестуютъ, а подлецъ-отецъ подъ хмѣлькомъ изъ веселой компаніи идетъ. А видишь, не плачу, не хнычу! Потому теперь не плакать надо, а работать, вдвое работать, чтобы на его шеѣ не сидѣть, чтобы быть готовымъ ему самому помочь, если что съ нимъ случится. Да, я—старая крыса, я—сутяга, я—пьяница, но я отецъ. Умру, на могилу онъ ко мнѣ придетъ и скажетъ, что я отецъ ему былъ, истинный отецъ! А плакать, хныкать—на это у всякаго силъ хватитъ, ты только на это и способна...

Онъ махнулъ рукой. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, Марья Ѳедоровна набожно перекрестилась.

— Аня, Аня, видѣла ты, слышала ты?—спросила она шопотомъ.—Потрясло человѣка... Теперь онъ ночей не будетъ спать, работать будетъ... Я вѣдь его знаю, знаю... Не разъ воскресалъ онъ... Господи, подкрѣпи его!..

И опять у нея захватило духъ, такъ что пришлось присѣсть. Рука разнылась еще сильнѣе.

— Что это со мной сегодня! Совсѣмъ расклеилась,—проговорила Марья Ѳедоровна.—Охъ, старость, старость! Такою ли была когда-то! Бывало, все ни по чемъ...

Но она пересилила себя и опять принялась работать. Она упорно вступала въ борьбу съ зловѣщимъ недугомъ.

Лампадовъ между тѣмъ уже успѣлъ побывать у князей Русовыхъ. Они были очень изумлены, узнавъ объ арестѣ Дмитрія Андреевича, и, конечно, обѣщали все разузнать и похлопотать. Княгиня волновалась и наговорила цѣлую кучу либеральныхъ фразъ о гнетѣ, о несправедливостяхъ, о произволѣ. Князь только пожалъ плечами и замѣтилъ коротко: «Вѣчно все дѣлается наобумъ». Затѣмъ и мужъ, и жена поѣхали къ разнымъ знакомымъ, на содѣйствіе которыхъ можно было надѣяться, чтобы разузнать все о Дмитріи Андреевичѣ. Свѣдѣнія были очень неудовлетворительныя и смутныя: «покуда ничего нельзя сказать опредѣленнаго», «сношенія съ опасными личностями», «неосторожные разговоры», «подозрѣнія въ неблагонамѣренности» — вотъ все, что слышалось въ отвѣтъ на разспросы, и при этомъ говорилось въ утѣшеніе, что «все, разумѣется, кончится пустяками», что тутъ просто «молодая неосторожность», что, «вѣроятно, серьезнаго ничего нѣтъ». Княгиня горячилась, слыша эти отвѣты; князь выслушивалъ ихъ тоже съ видомъ неудовольствія, пожимая плечами. Было очевидно, что все вышло изъ пустяковъ, изъ неумѣнья отличить серьезнаго дѣла отъ праздной болтовни. Но эти пустяки могли отозваться очень дурно на цѣлой жизни человѣка. Вечеромъ Лампадовъ зашелъ къ князю, и князь сказалъ ему:

— Вѣроятно, онъ столько же заговорщикъ, сколько и я; но тутъ повторяется басня о пастухахъ и волкахъ; первые рѣжутъ теленка по праву, вторые дѣлаютъ преступленье, съѣдая его. Во всякомъ случаѣ, я не оставлю нашего друга.

Когда Лампадовъ выходилъ отъ князя, его остановила въ гостиной княжна Софья Александровна. Это была молоденькая, очень миловидная дѣвушка, невысокая ростомъ, съ мелкими чертами лица, съ довольно большимъ лбомъ, съ черными добрыми и задумчивыми глазами.

— Дѣдушка, неужели это правда? — тревожно спросила она старика, котораго всѣ дѣти князя называли дѣдушкой.

— Что, милая моя барышня, правда-то? О чемъ спрашиваете?—ласково сказалъ онъ, взявъ ея руку и гладя ее.

— Говорятъ, Митю взяли, арестовали?—сказала она.

— Да, да, бѣда такая случилась,—отвѣтилъ старикъ.

— Но за что же?.. Развѣ онъ—преступникъ?..

— Что вы, что вы, внучка милая!.. Такъ взяли, по недоразумѣнію,—заподозрили, что онъ злоумышленникъ...

— Злоумышленникъ?

— Ну, да, то-есть не злоумышленникъ, не злодѣй, а горячій человѣкъ...

Лампадовъ спутался и махнулъ рукой.

— Ну, заподозрили, что онъ говоритъ лишнее, чего не надо говорить. Черное чернымъ называетъ, а бѣлое бѣлымъ!—сердито закончилъ онъ.

Она тяжело вздохнула.

— Его выпустятъ?—спросила она, тревожно смотря на старика.

— Выпустятъ, выпустятъ, маточка. Вотъ похлопочутъ за него вліятельные люди, его и выпустятъ. Такъ-то бы, можетъ-быть, и не выпустили. Ну, а съ протекціей и не изъ такихъ исторій выпутываются...

Она задумчиво опустила голову.

— Ни за что взяли... Есть протекція, такъ выпустятъ,— процентала она въ раздумьи, какъ бы про себя, и потомъ, точно очнувшись, проговорила:—спасибо вамъ, дѣдушка, что объяснили... Я такъ встревожилась... Я думала, онъ что-нибудь дурное сдѣлалъ...

— Ахъ, вы, золотое сердце, — право золотое сердце! Всѣхъ-то вамъ жаль, обо всѣхъ-то безпокоитесь, — сказалъ старикъ...

— Да вѣдь онъ же у насъ свой,—отвѣтила задушевнымъ тономъ дѣвушка.

Дмитрій Андреевичъ сидѣлъ между тѣмъ въ III отдѣленіи и ждалъ допроса. Это были мучительные дни неизвѣстности и ожиданій. Онъ не зналъ, о чемъ его будутъ допрашивать, въ чемъ его будутъ обвинять, въ чемъ придется ему оправдываться, какія лица онъ можетъ запутать своими показаніями. Поневолѣ приходилось обернуться назадъ и провѣрить свое прошлое, прослѣдить шагъ за шагомъ пройденный путь. Эта внутренняя работа началась, и какъ удивился онъ, увидавъ, что въ сущности все, о чемъ его могутъ спросить, вполнѣ невинно или незначительно, а что значительно именно то, о чемъ его и не спросятъ, но за что приходится каяться въ глубинѣ души. Онъ сознавалъ, что онъ иногда былъ неосторожевъ, что онъ часто много болталъ, что онъ

порой мальчишествовалъ, тогда какъ онъ могъ тихо и спокойно работать на плодотворномъ поприщѣ. Онъ боялся теперь, что, ради своего легкомыслія и неосторожности, онъ потеряетъ возможность быть дѣйствительно полезнымъ членомъ общества. Отставятъ, вышлютъ административнымъ порядкомъ, загонятъ въ какую-нибудь глушь, что тогда? Всѣ мечты о полезной дѣятельности рушатся, придется бездѣйствовать, медленно умирать въ какой-нибудь трущобѣ отъ нищеты и скуки. А семья? Онъ и ея участь ставилъ на карту, не умѣя воздержаться отъ либеральной болтовни, отъ неразборчиваго отношенія къ людямъ. А между тѣмъ, именно въ его положеніи и нужно было быть прежде всего осторожнымъ. Будь онъ княземъ Русовымъ — о, тогда другое дѣло! Этимъ людямъ нужно надѣлать много дѣйствительныхъ преступленій, чтобъ ихъ заподозрили въ неблагонамѣренности. Да эти люди и въ ссылкѣ не пропадутъ: у нихъ есть деньги для существованія, для дѣятельности. А что такое онъ?—голь перекатная и больше ничего. Его могутъ раздавить, потому что его физіономія не понравилась, потому что его тонъ не по вкусу пришелся. Съ такими, какъ онъ, не церемонятся. Кто заботится, кто справляется, куда исчезаютъ эти Орловы, Ивановы, Ѳедоровы? И если-бъ еще онъ говорилъ дѣйствительно, какъ заговорщикъ, какъ агитаторъ, такъ нѣтъ! Онъ просто говорилъ рѣзкія фразы, потому что иногда было досадно, какъ медленно идутъ реформы и улучшенія, какъ плохо развивается общество на пути прогресса. Онъ досадовалъ на это, хотя въ глубинѣ души вполнѣ сознавалъ, что вдругъ ничего не подѣлаешь, что авгіевы конюшни общественной жизни никакой Геркулесъ не въ силахъ вычистить разомъ, несмотря на всю искренность желанія сдѣлать это дѣло. Но какъ бы то ни было, а равнодушно говорить объ этомъ, конечно, нельзя тому, кто любитъ родину, кто желаетъ ей добра. Вотъ онъ и говорилъ, горячась и волнуясь. А у насъ каждая горячность, каждое увлеченіе, каждая рѣзкость въ подобныхъ вопросахъ считается преступленіемъ, злонамѣренностью. И между тѣмъ, именно у насъ больше всего рѣзкихъ на словахъ людей, и менѣе всего дѣйствительныхъ серьезныхъ злоумышленниковъ. Нигдѣ не платятся люди такъ часто за простое легкомысліе, за увлеченія, за неосторожность, какъ у насъ, и нигдѣ не можетъ такъ хорошо укрываться осмотрительная злонамѣренность, какъ у насъ. Стоитъ только прикидываться овцой, и тебя такъ и будутъ

считать за овцу, пока ты не впустишь въ противниковъ своихъ волчьихъ зубовъ. Такой овцой надо будетъ прикинуться хоть теперь. Въ этомъ единственное спасеніе. Первая горячность, первая рѣзкость на допросѣ—и дѣло проиграно. Надо не унижаться, не подличать, не выдавать другихъ, но спокойно и хладнокровно отрицать всякую принадлежность къ числу недовольныхъ. Надо прикинуться дѣловымъ человѣкомъ, незнающимъ другихъ интересовъ, кромѣ работы. Надо даже явиться немного хлыщомъ и ловко замѣтить, что свободные отъ занятій часы проводятся не въ пустыхъ словопреніяхъ, а въ театрахъ и на балахъ. Лгать, лгать и лгать—вотъ единственное спасеніе здѣсь. Сумѣетъ ли онъ разыграть свою роль? О, да, онъ ее исполнитъ хорошо.

— Еще съ дѣтства напускать на себя чортъ знаетъ что научился!—желчно пробормоталъ онъ.

И передъ нимъ пронеслась картина всего прошлаго. Господи, сколько его ломала жизнь, какъ ненормально она сложилась. Вотъ онъ, ребенокъ, растетъ подъ вліяніемъ сумасшедшаго старика и доходитъ до чудовищнаго развитія воображенія; вотъ онъ, бѣднякъ, узнаетъ всю прелесть роскоши и богатства, играя роль пріемыша въ чужихъ палатахъ; вотъ онъ, ненавидящій въ душѣ богачей, завидующій въ душѣ сильнымъ, любящій всѣмъ сердцемъ голь, чувствуетъ чуть не суевѣрный страхъ передъ богачами и гордится возможностью быть у нихъ своимъ человѣкомъ; вотъ онъ, облагодѣтельствованный добрымъ старымъ барономъ, обманываетъ его, развратничая съ его женой; вотъ онъ, стремящійся содѣйствовать серьезнымъ начинаніямъ правительства, великой реформаторской дѣятельности высшей власти, попадается за болтовню въ тюрьму, стоитъ на краю гибели... И сотни другихъ мелкихъ противорѣчій, недоразумѣній, ошибокъ, мучительныхъ сценъ пронеслись въ его головѣ. А онъ еще былъ самый счастливый человѣкъ изъ окружавшей его съ дѣтства голи. Другимъ жилось еще хуже, другіе падали еще ниже, у другихъ жизнь убивала все—и честь, и совѣсть, и добрые порывы. Въ немъ тоже многое было искалѣчено, но онъ сознавалъ одно великое благо: онъ не потерялъ способности ловить и обличать самого себя при каждомъ проступкѣ, при каждомъ невѣрномъ шагѣ. Въ немъ точно жило два человѣка: одинъ вѣчно падающій и согрѣшающій, другой вѣчно наблюдающій за первымъ и произносящій приговоры этому первому. Эта двойственность была мучительна, — въ ней было что-то болѣзненное, — но

Орловъ теперь смутно сознавалъ, что для него было бы страшнѣе всего потерять именно эту двойственность: когда замолкнетъ въ его душѣ этотъ неумолимый судья, — онъ, Орловъ, перестанетъ быть человѣкомъ,—онъ будетъ чиновникомъ, литераторомъ, купцомъ, чѣмъ угодно, но человѣкъ въ немъ умретъ. Что-то успокоительное, что-то отрадное повѣяло на его душу послѣ этихъ размышленій. Онъ какъ будто ободрился и уже безъ всякаго волненія ждалъ не только допроса, но и рѣшенія своей судьбы.

День допроса, наконецъ, насталъ и къ величайшему удивленію какъ самихъ допрашивающихъ, такъ и самого допрашиваемаго оказалось, что допрашивать его вовсе не о чемъ: самъ онъ не былъ ни въ чемъ не замѣшанъ серьезно, сказать же что нибудь новое о лицахъ, серьезно замѣшанныхъ въ дѣло, онъ не могъ, да у него и не стали объ этомъ спрашивать, такъ какъ все было уже выяснено, взвѣшено, обсуждено и безъ него. Вмѣсто допроса вышелъ какой-то вѣжливый разговоръ съ массой ненужныхъ любезностей и оговорокъ о тяжелыхъ временахъ, о недоразумѣніяхъ. Когда ему объявили, что онъ свободенъ, у него къ горлу подступила желчь, и на языкѣ вертѣлся одинъ вопросъ: «но почему же, для чего же его лишали свободы на нѣсколько дней?» Онъ, однако, удержался отъ этого вопроса, зная, что онъ находится именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отчетовъ не даютъ ни въ чемъ и никому. Никогда еще онъ ни испытывалъ такого прилива безсильной злости, какъ теперь. Онъ и смѣялся, и стискивалъ зубы, вспоминая объ этой трагикомедіи ареста, стоившаго столькихъ страховъ и волненій не изъ-за чего. Ему было бы легче, если-бъ его стали въ чемъ-нибудь обвинять, если-бъ ему пришлось горячо оправдываться. Ему было точно обидно, что послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ тревогъ и опасеній его считаютъ какъ будто не стоящимъ даже и допроса.

Тотчасъ же по освобожденіи онъ пріѣхалъ домой, чтобы передать все семьѣ, успокоить всѣхъ и поѣхать къ князю. Но дома его ожидала непріятная новость: онъ засталъ мать въ постели. Ея лицо осунулось, глаза впали, грудь дышала тяжело, прерывисто. Больная, казалось, не дышала, а отдувалась. Она сильно обрадовалась пріѣзду сына, но эта радость окончательно захватила ея дыханіе и лишила ее на нѣсколько минутъ возможности сказать хоть слово.

— Мама, голубушка, что съ вами?—воскликнулъ Дмитрій Андреевичъ, склонясь къ ея рукѣ.

— Сердце... сердце болитъ... Рука ноетъ... Это пройдетъ, голубчикъ, пройдетъ,—шептала отрывисто больная.

— Доктора звали?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Былъ... Порокъ какой-то сердца нашелъ... Ну, да что они знаютъ... Вотъ ты — мой докторъ... Увидала тебя — и здорова, и ожила,— съ улыбкой твердила больная, но ея губы шевелились съ трудомъ.

Анна Андреевна, когда братъ сталъ ее разспрашивать о матери, шопотомъ объявила ему, что докторъ находитъ здоровье матери въ очень плохомъ состояніи.

— Малокровіе, говоритъ, и порокъ сердца, — сказала Анна Андреевна.—Это, говоритъ, у нея давно, но, вѣроятно, какія-нибудь непріятности обострили болѣзнь... Нужно, говоритъ, полное спокойствіе... Отека легкихъ боится...

Дмитрій Андреевичъ ходилъ по комнатѣ, покусывая ногти. Въ комнату вошелъ Андрей Ивановичъ. Онъ обнялъ сына и мимоходомъ замѣтилъ Аннѣ Андреевнѣ, чтобъ она шла къ матери.

— Плохо, Митя, плохо!—заговорилъ онъ, когда они остались одни.—Видѣлъ мать-то?.. Очень плоха!..

— Но, отецъ, ты не думаешь, что она опасно больна?— спросилъ сынъ.

— Опасно, голубчикъ, очень опасно!

— Господи, это ее убилъ мой арестъ!

— Нѣтъ, Митя, нѣтъ!.. Все убило, все... Жизнь убила!.. Не вчера эта болѣзнь началась!.. Давно сердце болѣло, давно рука ныла... Это не отъ ревматизма, а отъ сердца...

Старикъ отеръ глаза.

— А мы подливали масла въ огонь, подтачивали... Я-то, я-то одинъ, окаянный, сколько дней ей отравилъ, — проговорилъ онъ.—Своими руками яму ей разрывалъ... Въ эти-то дни все вспомнилось, все пришло въ голову... Хожу теперь за ней, хожу... Сперва жизнь отравилъ, а теперь хожу за ней...

Онъ въ слезахъ опустилъ голову. Дмитрій Андреевичъ обнялъ его.

— Полно, голубчикъ, полно! Всѣ мы—изломанные люди, всѣмъ намъ многое простится, потому что перенесли мы много,—сказалъ онъ.

— Много, много, Митя... Только тяжело, какъ вспомнишь, что самъ подливалъ еще близкимъ, дорогимъ, яду... Неумышленно, видитъ Богъ неумышленно, по своей слабости, по своей неумѣлости, а все же подливалъ...

— Но хорошій ли докторъ ее лѣчитъ? Не надо ли другого позвать?—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Я позову другого для совѣта... Надо все сдѣлать, чтобы спасти ее...

Онъ прошелъ къ больной, сѣлъ къ ея постели, взялъ ее за руку. Она тихо улыбнулась ясною улыбкой.

— Вотъ я и здорова... Докторъ мой около меня, я и здорова,—шептала она.—Я и умру спокойно, если ты тутъ будешь.

— Мама, съ чего это вы о смерти говорите! — сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— А что же? Пожила довольно, довольно. Я не боюсь смерти... Чего мнѣ бояться? Богъ проститъ, а вы... Вотъ вы всѣ около меня, любите меня всѣ — и Андрей Ивановичъ, и Аня, и Леша, и ты... Всѣ любятъ... Я счастливая... Жена счастливая была и мать счастливая... Всю жизнь всѣ любили, никогда не переставали любить...

Она на минуту закрыла глаза, потомъ открыла ихъ снова.

— Митя, отца береги... Добрый онъ отецъ,—проговорила она и снова какъ будто задремала.

Дмитрій Андреевичъ тихо поднялся съ мѣста и отправился къ доктору. Его душили слезы. Докторъ сказалъ ему, что положеніе Марьи Ѳедоровны очень опасно, что она можетъ прожить еще мѣсяцы и можетъ умереть сегодня же. Докторъ боялся отека легкихъ. Орловъ спросилъ докторъ, не считаетъ ли тотъ нужнымъ пригласить еще врача; но докторъ объявилъ, что болѣзнь вполнѣ ясна, что средствъ другихъ для лѣченія нѣтъ, и что приглашеніе другого врача не поведетъ ни къ чему. Отъ доктора Дмитрій Андреевичъ проѣхалъ къ князю. Князь уже зналъ объ его освобожденіи и крѣпко обнялъ его. Но лицо старика было не весело.

— Ну, ужъ другой разъ не попадусь! — проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.—Это такъ пошло, такъ глупо вышло, что, право, я успокоиться не могу...

— А главное — это будетъ имѣть такія плачевныя послѣдствія, — сказалъ князь грустно. — Я сейчасъ былъ у министра и тамъ мнѣ сказали, что тебя надо на время убрать...

Дмитрій Андреевичъ широко открылъ глаза.

— Какъ убрать?—спросилъ Орловъ, измѣняясь въ лицѣ.

— Тебя на время переводятъ въ провинцію на службу,— отвѣтилъ князь.

— Но это невозможно! — воскликнулъ Дмитрій Андрее-

вичъ.—Я поѣду, я объясню, что тутъ недоразумѣніе, что я признанъ ни въ чемъ невиновнымъ...

— Я это все объяснилъ за тебя, и все-таки мнѣ отвѣтили, что надо удалить тебя на время, чтобъ эта исторія забылась. Теперь тяжелое время!..

— Какая исторія, какая?—горячился Дмитрій Андреевичъ. — Та, что по ошибкѣ, по недоразумѣнію взяли человѣка и потомъ, чуть не извиняясь передъ нимъ, выпустили его? За это удалять въ провинцію? Да это безчеловѣчно! Я, наконецъ, подамъ въ отставку...

Князь сощурилъ глаза.

— А если тебя и тогда удалять отсюда, но уже не на службу?—спросилъ онъ.

Дмитрій Андреевичъ испуганно взглянулъ на него.

— Это ваше предположеніе?—спросилъ онъ.

— Это мое убѣжденіе!—отвѣтилъ князь.—Тамъ на тебя сердиты. Тамъ говорятъ, что даромъ не могли взять человѣка, что, конечно, ловкій человѣкъ можетъ скрыть концы, но что за нимъ нужны глаза и глаза... Они, быть-можетъ, правы...

Онъ положилъ руку на плечо Дмитрія Андреевича и мягко сказалъ ему:

— Не протестуй, покорись, уѣзжай, а я буду хлопотать здѣсь, чтобъ изгнаніе продолжалось недолго. Теперь у всѣхъ какіе-то красные призраки въ глазахъ, можетъ-быть, и не безъ основанія, и потому не слѣдуетъ ихъ дразнить. Я дамъ тебѣ рекомендательныя письма въ провинцію. Понемногу здѣсь забудутъ твою исторію, забудутъ, что ты былъ въ подозрѣніи, и тогда ты вернешься снова... Другіе отдѣлываются не такъ легко...

Дмитрій Андреевичъ опустилъ голову. Онъ не ждалъ такого результата всей этой исторіи. Его точно что пришибло.

— Но у меня умираетъ мать,—проговорилъ онъ.

— Что ты?—съ участіемъ сказалъ князь.—Что съ нею?

Дмитрій Андреевичъ разсказалъ.

— Я не могу ее бросить,—закончилъ онъ.

— Ну, тебя не станутъ торопить. Можетъ-быть, она еще поправится, и ее можно будетъ увезти на югъ... Въ этихъ болѣзняхъ климатъ много значитъ... Не нуждаешься ли ты въ деньгахъ?..

Орловъ поблагодарилъ князя. Онъ былъ въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа. Ѣхать въ провинцію на маленькое

мѣсто ему было страшно. Протестовать и остаться здѣсь— онъ самъ начиналъ бояться послѣдствій этого протеста. Кто могъ поручиться, что его не удалятъ? Не безъ причины же князь намекнулъ на это. Да если его и не вышлютъ, то что онъ будетъ дѣлать? Заниматься частной работой у князя, давать частные уроки, писать въ журналахъ? Перебиться такъ можно, но ему хотѣлось страстно быть дѣятелемъ въ официальномъ мірѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что у насъ только официальныя лица и могутъ сильно вліять на дѣла, дѣлать дѣло. Онъ жаждалъ одного—сдѣлать карьеру и стать въ число правящихъ, а не управляемыхъ. Онъ еще молодъ, очень молодъ, годы изгнанія пройдутъ быстро, онъ вынырнетъ снова на сцену и тогда...

— Я поѣду хоть въ Сибирь, но ради Бога не забудьте, что годы уходятъ,—сказалъ онъ князю рѣшительнымъ тономъ.—Я, князь, хочу быть дѣятелемъ и буду имъ, во что бы то ни стало. Если мнѣ люди загородятъ дорогу къ официальной общественной дѣятельности,—имъ же хуже. Безполезнымъ прозябаньемъ я не удовлетворюсь и только поставлю на карту эту жизнь, чтобы или все потерять, или все выиграть. Да, такъ или иначе я добьюсь своего. Но мнѣ покуда нужна поддержка!

— Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь забуду тебя?—отвѣтилъ старикъ, обнимая его.

Дмитрій Андреевичъ, на заглянувъ даже на половину княгини, прошелъ отъ князя къ Лампадову, чтобы разсказать ему все, что случилось.

Старикъ сидѣлъ дома со своей сестрой. Ольга Григорьевна, все попрежнему розовая и пухленькая, но сильно посѣдѣвшая старушка, что-то разсказывала брату и замолчала при входѣ Орлова. Племянникъ и старикъ расцѣловались между собою. Орловъ разсказалъ о своемъ арестѣ и освобожденіи.

— Ну, и слава Богу, что все такъ кончилось,—сказалъ старикъ, не дослушавъ до конца.—Но вотъ дома-то у тебя не ладно, мать-то плоха...

— Докторъ говоритъ...—началъ Дмитрій Андреевичъ и не кончилъ.

Въ квартиру Лампадовыхъ быстро вошла молодая служанка Орловыхъ, Марѳа.

— Не пришелъ ли молодой баринъ?—раздался ея голосъ въ передней.—Барынѣ худо, умираетъ совсѣмъ...

Орловъ вскочилъ съ мѣста.

— Ступай, ступай! -сказала Ольга Григорьевна. —Я сейчасъ оттуда, ей худо... .

Дмитрій Андреевичъ почти бѣгомъ пустился домой. Марья Ѳедоровна, поддерживаемая дочерью и мужемъ, сидѣла на постели, тяжело дыша, точно всхлипывая высоко поднимавшеюся грудью.

— Пришелъ, пришелъ,— заговорила она отрывисто, завидѣвъ сына, и заметалась.—Образъ... Благословить хоч благословить...

Ей подали образъ. Дмитрій Андреевичъ, весь похолодѣвшій, опустился на колѣни у постели. Мать дрожащими руками благословила его и въ изнеможеніи упала на подушки. Ея лицо осунулось, глаза были полузакрыты, губы обтянулись на деснахъ, грудь поднималась высоко, и изъ нея вылетали такіе звуки, какъ будто отдувался сильно запыхавшійся человѣкъ. Дмитрій Андреевичъ цѣловалъ ея руки и поминутно заглядывалъ въ ея лицо.

— Доктора, ради Бога, доктора!—шепталъ онъ молящимъ голосомъ.

— Послали, братецъ, послали за докторомъ!—отвѣтила Анна Андреевна.

Минутъ черезъ пять Марья Ѳедоровна слабо прошептала:

— Всѣ тутъ... родные!

Потомъ она снова замолчала, и ея дыханіе сдѣлалось рѣже. Полузакрытые глаза приняли холодный оттѣнокъ свинца. Въ комнатѣ послышались осторожные шаги доктора.

— Докторъ, ради Бога... Что дѣлать? — прошепталъ Дмитрій Андреевичъ.

Докторъ наклонился ухомъ къ груди больной и заглянулъ въ ея глаза, приподнявъ вѣки. Глаза не шевелились.

— Крѣпкаго кофе,—сказалъ докторъ.

Дмитрій Андреевичъ не спускалъ глазъ съ матери и, кажется, все понялъ.

— Нужно ли, докторъ?—спросилъ онъ тихо.

Докторъ махнулъ рукой. Грудь больной дышала все слабѣе и рѣже; наконецъ она вовсе перестала подниматься, изъ нея уже не вылетало ни звука; въ рукахъ Дмитрія Андреевича была мертвая рука, не отвѣчавшая на его пожатія...

Никогда не думалъ Дмитрій Андреевичъ, что смерть матери такъ потрясетъ его и отца, какъ это случилось. Онъ и его отецъ забыли всѣхъ и плакали, какъ дѣти, навзрыдъ, безутѣшно. Отецъ по десяти разъ въ сутки пробирался въ

комнату къ покойницѣ и цѣловалъ ее, какъ живую, орошая слезами ея лицо и руки. Иногда, встрѣчая около нея сына, дочь или Лешу, онъ съ конвульсивной улыбкой шепталъ сквозь слезы:

— Точно живая, точно живая лежитъ... Хорошая какая стала... Смотри, никто не боится... Всѣ приходятъ и цѣлуютъ, точно живую...

Только теперь поняли они всѣ, сколько глубокой любви было у нихъ другъ къ другу. Они сомкнулись въ тѣсный кружокъ,—для нихъ не существовало ничего, кромѣ ихъ горя и ихъ любви.

— Видѣлъ могилку-то?—говорилъ на кладбищѣ старикъ.— Зеленью выложили... Маму нашу въ зелень положатъ... Вонъ и солнышко туда заглянуло, грѣетъ ея постельку... Митя, мы тоже тутъ ляжемъ, голубчикъ... Вотъ тутъ: ты—тамъ, я—здѣсь, съ мамой рядомъ... Въ гости къ ней придемъ..

А крупныя, крупныя слезы старика такъ и лились въ эту могилу. Въ эту минуту кто-то тихо взялъ за руку Дмитрія Андреевича и мягкимъ голосомъ прошепталъ:

— Бѣдный мой, какое страшное горе!

Дмитрій Андреевичъ поднялъ глаза и увидалъ княжну Софью Александровну Русову, подошедшую къ нему подъ руку съ Лампадовымъ. Ея доброе, милое личико было орошено слезами. Дмитрій Андреевичъ крѣпко и дружески сжалъ ея руку. Его тронуло это искреннее участіе молодой дѣвушки.

— Я впервые сегодня видѣла твою мать. Какое доброе у нея было лицо,—сказала княжна.

Дмитрій Андреевичъ молча махнулъ рукой, захлебываясь отъ слезъ.

— Всю жизнь отдала семьѣ,—замѣтилъ Лампадовъ.— Святая женщина была.

Дмитрій Андреевичъ стоялъ безмолвно, а слезы такъ и лились по его щекамъ.

— Полно, добрый мой, полно!—сказала княжна.—Тебя должно утѣшить то, что и ты любилъ ее... Это такъ отрадно.

Она взяла его за руку и сказала:

— Пойдемъ въ церковь!

Онъ молча повиновался. Ему казалось, что объ руку съ нимъ идетъ добрая, нѣжная сестра. Ему было такъ отрадно это неожиданное участіе со стороны той, которую до сихъ поръ онъ считалъ только милою и ласковою дѣвочкой. Теперь она сдѣлалась ему вдругъ дорога и близка, какъ

родная. Когда они вошли въ церковь, тамъ начиналось уже отпѣваніе. Какъ прошла служба, какъ простился Дмитрій Андреевичъ съ матерью, какъ онъ донесъ гробъ до могилы—все это совершилось какъ бы во снѣ. Наконецъ все было кончено: возвышеніе свѣжей земли надъ могилой покрыли вѣнками и оставалось только ѣхать домой, гдѣ стало однимъ дорогимъ человѣкомъ меньше. Въ головѣ Дмитрія Андреевича мелькнула мысль о необходимости отъѣзда, о томъ, что въ этомъ домѣ убавится еще одинъ человѣкъ, что сестрѣ, Лешѣ, отцу готовится еще болѣе тяжелая участь, что остаться съ ними, избавить ихъ отъ горя нельзя, что чья-то чужая воля такъ или иначе вырветъ его, Орлова, изъ объятій любимой семьи. Эта мысль оскорбляла, угнетала, принижала молодого человѣка, какъ насмѣшка, какъ издѣвательство сильнаго надъ слабымъ.

Сборы Дмитрія Андреевича въ дорогу походили на вторые похороны. Онъ чуть не плакалъ, прощаясь съ близкими и знакомыми.

Онъ завернулъ наканунѣ отъѣзда къ Лампадову, просилъ дядю не оставлять Анну Андреевну, Лешу, Андрея Ивановича. Далеко за полночь бесѣдовалъ онъ со старикомъ. Онъ горько упрекалъ себя за ошибки и за увлеченія; онъ высказывалъ опасеніе за будущее; онъ сильно волновался и тревожился. Упадокъ его духа былъ полный. Но старикъ былъ серьезенъ и спокоенъ.

— Кто не дѣлалъ и не дѣлаетъ ошибокъ и промаховъ,— наконецъ сказалъ онъ:—тотъ не человѣкъ, а деревянный истуканъ. Ошибается только тотъ, кто еще стремится къ чему-нибудь, кто еще живетъ каждымъ нервомъ, и только этимъ путемъ можно дойти до чего-нибудь. Я знаю, что тебѣ теперь тяжело, что ты каешься и упрекаешь себя, но это ничего, это—хорошо, это—отрезвляетъ. Внутренняя гроза полезна, какъ и всякая другая гроза,—спертый воздухъ разрѣжаетъ. Не мало еще придется тебѣ пережить этихъ грозъ, и когда онѣ слишкомъ встревожатъ тебя, утѣшай себя тѣмъ, чѣмъ я утѣшалъ себя каждый разъ, когда дѣлалъ непоправимые промахи и ошибки,—помни въ этихъ случаяхъ, что у всѣхъ у насъ есть одно оправданіе: homo sum!

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Такъ-называемая аристократія одного изъ большихъ губернскихъ городовъ была сильно взволнована. Въ окружномъ судѣ должно было разбираться дѣло о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ, разныхъ купоновъ и другихъ тому подобныхъ мошенничествахъ, совершенныхъ цѣлою организованною шайкой злоумышленниковъ. Дѣло выходило изъ ряда обыкновенныхъ судебныхъ процессовъ, гдѣ фигурировали по большей части разные Иваны, не помнящіе родства. Въ этомъ дѣлѣ были тоже замѣшаны подобные Иваны, но коноводы шайки, втянувшіе этихъ Ивановъ въ дѣло, принадлежали именно къ тому кругу общества, гдѣ вращалась губернская аристократія. Они сорили легко наживаемыми деньгами, и потому передъ ними настежь открывались всѣ двери. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ этимъ людямъ, готовившимся теперь предстать на судѣ, пожимали руки видные губернскіе дѣятели; съ ними играли въ карты губернскіе тузы; съ ними танцовали на домашнихъ балахъ и въ общественныхъ собраніяхъ губернскія барышни, мечтавшія о нихъ, какъ о выгодныхъ женихахъ, при помощи ихъ протекцій получались мѣста. Теперь эти люди должны были явиться на скамьѣ подсудимыхъ, раскрыть всю закулисную грязь своей жизни, окончить каторгой или ссылкой въ отдаленныя мѣста свою блестящую карьеру. Тутъ было надъ чѣмъ задуматься, было отъ чего смутиться. Это дѣло давало многимъ горькій урокъ за неразборчивость въ знакомствахъ; оно указывало, на какіе пути заводитъ страсть жить шире своихъ средствъ; оно выяснило, какъ шатки у большинства понятія о честности, о нравственности, объ обязанностяхъ гражданъ. При раз-

борѣ подобныхъ дѣлъ, вспоминая пословицу: «скажи, съ кѣмъ ты знаешься,—я скажу, кто ты таковъ», приходится краснѣть не однимъ подсудимымъ, но и сотнямъ другихъ лицъ, называвшихъ этихъ подсудимыхъ своими добрыми знакомыми, своими пріятелями, своими друзьями. Это дѣло было однимъ изъ первыхъ подобныхъ дѣлъ, разбиравшихся гласно, и потому благовоспитанные люди не могли еще утѣшать себя даже и тѣмъ, что не одни они являются пріятелями подобныхъ негодяевъ, что это явленіе повторяется сплошь и рядомъ, что тысячи, повидимому, очень почтенныхъ особъ были, какъ оказывается, пріятелями и друзьями матери Митрофаніи, Овсянникова, Юханцева, Гулакъ-Артемовской и тому подобныхъ господъ. Въ то время такъ-называемое приличное общество еще не дошло до сознанія, что оно почти все состоитъ изъ подобныхъ кандидатовъ на скамью подсудимыхъ или изъ друзей и пріятелей такихъ господъ, и потому оно должно было испытывать чувство стыдливости при мысли о томъ, что господа подсудимые—его друзья. Но всѣ эти дѣйствительно серьезныя соображенія отступали на задній планъ передъ вопросомъ объ ожидавшемся на судѣ скандалѣ. Этотъ скандалъ—мелкій, ничтожный, пошлый самъ по себѣ—интересовалъ легкомысленную толпу болѣе всего, возбуждалъ ненасытное любопытство, былъ предметомъ безконечныхъ толковъ и сплетенъ. Дѣло въ томъ, что всѣ знали, что товарищъ прокурора и товарищъ предсѣдателя—«на ножахъ»; всѣ знали, что первый, во что бы то ни стало, старался потопить подсудимыхъ коноводовъ, а послѣдній, во что бы то ни стало, желалъ спасти ихъ дворянскую честь и во всякомъ случаѣ смягчить приговоръ. Мнѣнія товарища предсѣдателя высказывались явно: онъ былъ человѣкъ свѣтскій, онъ являлся въ домахъ губернской аристократіи, онъ велъ разсѣянную жизнь, съ нимъ сотни разъ говорили объ этомъ дѣлѣ вліятельныя лица, у него просили снисхожденія по этому дѣлу, да онъ и самъ говорилъ о подсудимыхъ—какъ о легкомысленныхъ и несчастныхъ людяхъ, не болѣе. Этимъ взглядамъ не могло не симпатизировать большинство губернской аристократіи, такъ какъ подсудимые все же принадлежали къ ея кругу, были связаны съ нѣкоторыми изъ ея членовъ даже узами родства, и потому никого не только не смущали взгляды на это дѣло товарища предсѣдателя,—напротивъ того, эти взгляды вызывали полное сочувствіе и убѣждали всѣхъ еще болѣе въ томъ, что онъ—милый и

любезный человѣкъ. Про его противника никто не могъ сказать того же. Товарищъ прокурора въ городѣ былъ человѣкъ чужой, пришлый, мало извѣстный кому бы то ни было среди губернскихъ властей, человѣкъ, интересовавшій всѣхъ только своею замкнутою жизнью, своимъ отчужденіемъ отъ общества, своею загадочностью. Про него знали только то, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ «удаленъ» изъ столицы въ провинцію, что у него въ прошломъ была какая-то «исторія», говорившая «о его неблагонадежности», что онъ не мало поколесилъ по провинціи, не уживаясь почти нигдѣ и попадая снова въ какія-то «исторіи», что онъ велъ себя и здѣсь какъ человѣкъ неуживчивый, съ тяжелымъ и неровнымъ характеромъ, что онъ «зубами вцѣпился» въ это дѣло о поддѣлкѣ билетовъ, точно подсудимые были его личные враги, что его хотѣли даже «устранить» отъ веденія этого дѣла, совершенно случайно попавшаго наконецъ въ его руки, но не могли. Онъ схватился за это дѣло съ такимъ рвеніемъ, что никто даже не могъ понять, почему явилось у него желаніе возиться съ этимъ запутаннымъ, далеко не легкимъ и даже не совсѣмъ безопаснымъ процессомъ. Чтобъ удержать въ своихъ рукахъ это дѣло, онъ пустилъ въ ходъ все и даже свои старыя петербургскія связи. Онъ написалъ объ этомъ дѣлѣ въ Петербургъ десятки писемъ, завелъ по поводу его какія-то кляузы, явился чуть не доносчикомъ, и все только для того, чтобъ у него не отняли этого дѣла. Его болѣе чѣмъ холодныя отношенія къ товарищу предсѣдателя сдѣлались просто враждебными съ той поры, какъ онъ взялся за это дѣло. Теперь ему приходилось встрѣтиться со своимъ врагомъ на судѣ, и кто зналъ характеръ товарища прокурора, тотъ могъ ожидать скандала изъ-за малѣйшихъ пустяковъ. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ этого турнира, какъ ждутъ перваго представленія новой оперы, новаго балета. Но никто не испыталъ такого лихорадочнаго нетерпѣнія передъ разборомъ этого дѣла, какъ самъ товарищъ прокурора. Товарищъ предсѣдателя въ шутку говорилъ про него въ обществѣ:

— Господинъ Орловъ высохъ и пожелтѣлъ надъ этимъ дѣломъ,—ему остается теперь только съ ума сойти до его окончанія.

И дѣйствительно, Дмитрій Андреевичъ Орловъ и высохъ, и пожелтѣлъ надъ этимъ дѣломъ, и порою ему самому казалось, что онъ сходитъ съ ума. Это дѣло было тою картой, на которую онъ ставилъ теперь все свое будущее. Онъ не

годъ, не два ждалъ подобнаго дѣла, скитаясь и изнывая въ провинціи. Крупное мошенничество—это всегда для прокурора и адвоката первый случай отличиться, сдѣлать имя, составить карьеру. Когда Орловъ очутился впервые въ провинціи, онъ находился въ самомъ угнетенномъ настроеніи духа. У него здѣсь не было ни связей, ни денежныхъ средствъ, ни громкаго имени. Здѣсь онъ сразу почувствовалъ всю тягость положенія голяка-чиновника, обязаннаго не только жить на скудное жалованье, но и помогать изъ этого жалованья роднымъ. Очутившись, что называется, на своихъ ногахъ, онъ вдругъ понялъ, что до сихъ поръ онъ жилъ, какъ мальчикъ, за чужой спиной, на готовыхъ хлѣбахъ. Здѣсь приходилось не только зарабатывать деньги, но и умѣть-ихъ распредѣлять: умѣть во-время сдѣлать себѣ бѣлье, заказать обѣдъ, справиться, принесла ли прачка чистую сорочку,—однимъ словомъ, подумать обо всемъ, о чемъ прежде думали за него мать, семья. Въ немъ явилось чувство какой-то безпомощности, сознаніе своей непрактичности, раздраженіе на то, что всѣ мы въ молодости чуть не всѣ науки сумѣемъ изучить, а при первомъ столкновеніи съ дѣйствительною жизнью чуть безъ сапогъ не ходимъ, не умѣя распорядиться деньгами. Ему же это умѣнье было нужнѣе, чѣмъ кому-нибудь. Каждое письмо изъ Петербурга говорило ему о томъ, какъ трудно перебиваться его семьѣ безъ его помощи. Его не просили о помощи, его не упрекали за то, что онъ мало присылаетъ, ему даже писали, чтобъ онъ не обрывалъ себя, что они, его близкіе, кое-какъ перебьются, что они снесутъ всѣ лишенія, что они могли бы вполнѣ сводить концы съ концами, если бы недавно не прихворнулъ отецъ, если бы зимою не расхворался Леша, если-бъ у Анны Андреевны не начали побаливать глаза, если бы не пришлось на зиму дѣлать новой теплой одежды... Орловъ чутьемъ угадывалъ то, что было между строками этихъ писемъ и волновался, мучился, а кругомъ не было ничего, что могло бы хоть отчасти успокоить и утѣшить его. Положеніе въ провинціи неизвѣстнаго никому чиновника безъ связей, безъ имени и безъ денежныхъ средствъ очень незавидно. Здѣсь даже и не скрываютъ, что на него смотрятъ какъ на полнѣйшее ничтожество. Тутъ отношенія проще, прямѣе, откровеннѣе и потому грубѣе. Съ первыхъ же дней своего появленія въ провинціи Дмитрій Андреевичъ понялъ, что ему нечего и думать проникнуть въ высшіе кружки общества, не имѣя денежныхъ средствъ, и что сблизиться

съ губернской аристократіей онъ можетъ только развѣ пронырствомъ, униженіями и подличаньемъ. Съ другой стороны, онъ увидалъ, какъ безцеремонно здѣсь предлагаютъ взятки и сдѣлки бѣдняку-чиновнику, не считая его даже способнымъ оскорбляться. Сотни мелкихъ, будничныхъ уколовъ самолюбія заставили Дмитрія Андреевича перемѣнить нѣсколько мѣстъ и, наконецъ, послѣ многихъ скандаловъ замкнуться въ четырехъ стѣнахъ и отдаться исключительно работѣ и работѣ. Онъ называлъ эту работу каторжною, онъ ненавидѣлъ ее, онъ проклиналъ ее, но онъ работалъ упорно, думая добиться успѣховъ своимъ рвеніемъ, своими знаніями, своею дѣловитостью. Но каждый день онъ долженъ былъ убѣждаться въ наивности этихъ надеждъ. Лучшія мѣста, крупныя награды, замѣтныя отличія доставались вовсе не за трудолюбіе, не за знанія; они доставались баловнямъ судьбы, разнымъ лицеистамъ и правовѣдамъ, сразу получавшимъ то, до чего нужно было добиваться упорнымъ трудомъ людямъ, подобнымъ Орлову. Мало того: какой-нибудь юнецъ, состоящій на побѣгушкахъ у жены того или другого губернскаго туза, имѣлъ всегда больше шансовъ выдвинуться впередъ, чѣмъ онъ. Онъ могъ работать, какъ волъ, и все-таки достаточно было какой-нибудь записочки «высокопоставленнаго» лица, чтобъ ему на голову посадили ни на что неспособнаго «protégé» того высокопоставленнаго лица. Практическое знакомство со службою раскрыло передъ Орловымъ такую картину всевозможной грязи, гнусныхъ сдѣлокъ, безсовѣстныхъ интригъ, что онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ среди всего этого люда. Иногда ему казалось, что онъ окруженъ не чиновниками, не представителями суда, а кандидатами на скамью подсудимыхъ. Только одинъ человѣкъ могъ бы помочь ему—это князь Русовъ. Но князь Русовъ, утомленный и физически, и нравственно своею общественною дѣятельностью, надломленный своими чисто семейными невзгодами, вдругъ совершенно неожиданно для посторонняхъ людей сошелъ со сцены и замкнулся сначала у себя въ деревнѣ, а потомъ за границей на водахъ съ медленно угасавшею Андроновою, тогда какъ его жена и дочери уѣхали сперва въ Парижъ, а потомъ въ Женеву. Князь самъ о себѣ писалъ Орлову, что отчасти его «вычеркнули изъ жизни другіе», что отчасти «онъ самъ созналъ необходимость стушеваться со сцены». Безпокоить князя въ такомъ положеніи мелкими просьбами было неловко, да это едва ли и повело бы къ какимъ-нибудь благимъ результа-

тамъ. У насъ ходатайства падшихъ особъ скорѣе вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу. Орловъ это понялъ и не безпокоилъ князя. Но жаловался на судьбу онъ и князю, какъ жаловался на нее и другимъ. Во все время этого тяжелаго періода жизни Орловъ писалъ сотни писемъ и въ Петербургъ, и за границу, желчно и безпощадно раздражаясь болѣзненными выходками противъ существующихъ порядковъ.

«Я только теперь понимаю, почему у насъ нѣтъ рукъ, нѣтъ головъ, нѣтъ людей,—писалъ онъ князю въ деревню.— У насъ въ большинствѣ случаевъ только привилегированное положеніе, имя, связи, богатство или пролазничество даютъ право на видныя должности, на видныя мѣста. Умъ, трудолюбіе, знаніе—все это топчется въ грязь, если нѣтъ протекцій, нѣтъ связей, нѣтъ способности къ пронырливости и низкопоклонству. Надо быть не знающимъ человѣкомъ, а правовѣдомъ или лицеистомъ, тѣмъ, кому бабушка ворожитъ, чтобы сразу занять хорошее мѣсто. При такихъ порядкахъ всѣ великія предначертанія высшей власти будутъ, конечно, всегда погибать и искажаться въ рукахъ бездарностей, въ рукахъ лѣнивцевъ, въ рукахъ шалопаевъ; ими же будутъ всегда вертѣть старые приказные, старые взяточники, старые кляузники. Всѣ эти матушкины сынки, баловни судьбы, золотые тельцы стоятъ каменною стѣной между благими стремленіями высшей власти и благомъ народа, и самыя лучшія предначертанія, пройдя черезъ эти руки, обращаются чуть не въ новый гнетъ для народныхъ массъ. Прежде я еще думалъ иногда, что ненависть къ этимъ баловнямъ судьбы вызывается въ моей душѣ чувствомъ обойденнаго судьбой плебея, но теперь... теперь я понимаю законность этого чувства, когда передо мною страдаютъ простые, темные люди только потому, что ихъ участь находится въ рукахъ какого-нибудь фата, нѣжащагося въ будуарахъ распутныхъ барынь въ то время, когда его ждутъ сотни нерѣшенныхъ дѣлъ и когда его дѣльцы-помощники дерутъ съ живого и съ мертваго взятки! Во мнѣ все переворачивается внутри, когда я вижу съ одной стороны эту приниженную, покорную массу, а съ другой—надменную наглость, легкомысленную небрежность, преступную бездѣятельность этихъ распорядителей судьбами тысячъ и милліоновъ людей. И о нихъ не смѣй даже и говорить... Я попробовалъ послать въ одинъ изъ петербургскихъ журналовъ статью о положеніи привилегированныхъ и непривилегированныхъ юристовъ, и мнѣ ее возвратили съ надписью: «не-

цензурно»... Что же, я противъ правительства, что ли, хотѣлъ дѣйствовать, желая ее напечатать? Развѣ не правительству вредятъ эти люди? Развѣ не ради нихъ нападаютъ на высшую власть, теряютъ довѣріе къ правительству? Развѣ, наконецъ, не они тяготятъ народъ? Но мы стоимъ въ такомъ положеніи, что правду нерѣдко считаютъ за злонамѣренность, что рѣзкое слово о какихъ-нибудь шалопаяхъ принимается чуть ли не за возмущеніе противъ правительства, что, зажимая ротъ преданнымъ слугамъ царя и отечества, заставляютъ этихъ людей поневолѣ или праздно сложить руки, или, мало-по-малу, сдѣлаться дѣйствительно опасными людьми и конспираторами».

Въ другомъ письмѣ къ князю онъ замѣчалъ между прочимъ о судѣ:

«Здѣсь истинное царство интриги, какъ, вѣроятно, и вездѣ, и всюду у насъ, на Руси. Здѣсь сошлись со всѣхъ концовъ Россіи люди разныхъ положеній, разныхъ убѣжденій, разныхъ состояній, и у всѣхъ у нихъ только одна цѣль—обогнать другъ друга. Собственно дѣла, задачи суда, общая польза—все это на самомъ заднемъ планѣ: объ этомъ никогда и никто изъ нихъ не думалъ, но каждый уже со школьной скамьи думалъ о чинахъ, объ отличіяхъ, о карьерѣ. Талантами, способностями, дѣловитостью, конечно, ничего не достигнешь, такъ какъ тамъ, въ Петербургѣ, откуда и сыплется манна небесная орденовъ, чиновъ и повышеній, никто не знаетъ, какъ кто здѣсь работаетъ. Тамъ только тогда узнаютъ о тебѣ, когда ты здѣсь забѣжишь къ мѣстной власти или тамъ найдешь «руку». Какъ же тутъ не интриговать? Если бы вы хоть день побыли въ этомъ омутѣ сплетенъ и дрязгъ, вы отвернулись бы отъ него съ омерзеніемъ... Всѣ толки здѣсь сводятся къ скандалу: «прокуроръ живетъ съ женой предсѣдателя»; «товарищъ предсѣдателя еще со школьной скамьи связанъ какими-то грязными отношеніями съ однимъ изъ вліятельныхъ лицъ въ министерствѣ»; «такой-то членъ суда занимается шпіонствомъ и наушничаетъ обо всемъ въ Петербургъ»; «такому-то товарищу прокурора дали плюху, и за это его повысили»... Вотъ все, чѣмъ мы живемъ, чѣмъ мы занимаемся. Не думайте, что я преувеличиваю или описываю исключительное явленіе,—нѣтъ, этотъ порядокъ существуетъ вездѣ и всюду. Я уже довольно поколесилъ по Россіи, чтобъ имѣть право утверждать это».

Къ княгинѣ, покуда она была еще въ Петербургѣ, онъ писалъ:

«Вы очень ошибаетесь, мой добрый другъ, насчетъ моего положенія. Вы говорите о моихъ способностяхъ, умѣ, ловкости, но все это здѣсь служитъ только къ моему вреду. Каждый старый взяточникъ и каждый молодой хлыщъ смотрятъ на меня враждебно. «А, ты изъ новыхъ, изъ выскочекъ, изъ задорныхъ,—ну, такъ вотъ мы и покажемъ, какъ мы умѣемъ такимъ-то обшибать крылья». И обшибаютъ. На каждомъ шагу—непріятности, на каждомъ шагу—сознаніе своего безсилія въ борьбѣ съ этой саранчою стараго чиновничества и молодыхъ хищниковъ. Если еще такъ протянется годъ или два, я, кажется, совсѣмъ погибну. Одно мое спасеніе—переводъ въ Петербургъ. Я могъ бы теперь же бросить службу и ѣхать въ Петербургъ; но если меня даже и не вышлютъ, что очень сомнительно въ нынѣшнее тревожное время, то вѣдь я—голь, нищій, я не могу пріѣхать въ Петербургъ, не имѣя почвы подъ ногами. Здѣсь я хоть сытъ, а тамъ первое время нужно будетъ голодать или бѣгать за случайною работой,—жить, не зная, чѣмъ прокормишься завтра. Мнѣ нуженъ переводъ въ Петербургъ, во что бы то ни стало. Вы—женщина, вы можете бить тревогу по этому дѣлу. Поднимите на ноги всѣхъ, толкуйте о несправедливости, изображайте меня мученикомъ, но вырвите, вырвите отсюда. Мнѣ иногда и горько, и смѣшно до слезъ, что мнѣ приходится, какъ нищему, просить о томъ, что я заслужилъ упорнымъ трудомъ, чего я достоинъ по своимъ способностямъ. Не бездарность же я, не лѣнтяй же я, не стоящій того, чтобъ ему открыли путь къ дѣятельности. Что я сдѣлалъ, чѣмъ я провинился? Былъ знакомъ съ вредными и опасными людьми?—Да кто же застрахованъ отъ встрѣчи съ подобными людьми? Ярлыки, что ли, есть на лбу у людей, говорящіе сразу, что они опасны и вредны?.. И за это-то меня держатъ здѣсь, губятъ мои лучшіе годы... О, употребите всѣ средства для моего избавленія отъ этой нелѣпой опалы! Если бы вы меня увидали, вы поняли бы безъ словъ, что я пережилъ и переживаю».

Къ одному изъ своихъ вліятельныхъ друзей въ министерствѣ онъ писалъ:

«Хлопочи о моемъ переводѣ въ министерство въ Питеръ—писаремъ, сторожемъ, чѣмъ хочешь, но только въ Питеръ. Здѣсь я не могу жить: я или сдѣлаю скандалъ, или издохну. У меня нѣтъ того вѣса, который открываетъ широкій путь въ провинціи; у меня нѣтъ той подлости, съ которой можно пролѣзть всюду въ провинціи. Вслѣдствіе этого я могу только

задохнуться въ этомъ омутѣ интригъ, крючкотворства, взя точничества и плутней, не имѣя никакихъ шансовъ под няться на видную ступень. Кто думаетъ, что новые суды создали новыхъ людей, тотъ, конечно, жестоко ошибается: новыя учрежденія не могутъ сразу создать новыхъ людей, а ветхіе люди всегда сумѣютъ въ значительной степени передѣлать на свой ладъ всякое новое учрежденіе. Въ нашихъ новыхъ судахъ существуютъ уже почти всѣ недостатки старыхъ судовъ, и горе каждому, кто вступаетъ въ борьбу съ этими порядками. Я это испыталъ на себѣ, и кто же не знаетъ меня теперь, какъ человѣка несноснаго, неуживчиваго, нетерпимаго и вздорнаго!.. Меня даже шопотомъ называютъ не только кляузникомъ, но и доносчикомъ, такъ какъ я считаю своимъ долгомъ раскапывать всякую грязь, выводить на свѣтъ Божій всѣ темныя продѣлки. Поговори при случаѣ съ патрономъ, представь ему резоны, скажи, что смѣшно держать меня здѣсь ни за что, ни про что, не давая мнѣ серьезнаго повышенія, не возвращая меня въ столицу. Чего они боятся или за что мстятъ? Можетъ-быть, они просто забыли обо мнѣ, такъ какъ гдѣ же имъ помнить разныхъ Ивановыхъ, Кобылиныхъ, Барановыхъ, Орловыхъ! Въ такомъ случаѣ, имъ нужно напомнить, нужно напоминать каждый часъ, пока я не буду тамъ у васъ».

Этихъ писемъ—желчныхъ, раздражительныхъ, проклинающихъ или ноющихъ—было написано безчисленное множество, и отвѣтъ, въ концѣ концовъ, получался одинъ:

«Надо подождать. Возвратить въ столицу покуда не находятъ удобнымъ. Лучше не напоминать о себѣ, чтобы все успѣло забыться. Говоря по правдѣ, ты еще счастливо отдѣлался. Другія за такія же связи, какъ твои знакомства, поплатились административною ссылкой и даже хуже. А ты просто переведенъ на службу въ провинцію, тебя даже повышаютъ понемногу. Напоминая о себѣ, ты можешь заставить вспомнить, что съ тобой обошлись только ради князя Русова слишкомъ милостиво. Муравьевы такъ не взглянутъ».

Орловъ выходилъ изъ себя, бѣсновался, доходилъ до малодушія. Особенно бѣсила его фраза о томъ, что «нужно ждать, чтобы все успѣло забыться». Что должно забыться? Что было помнить-то? Какія преступленія совершилъ онъ? Не былъ ли онъ жертвой недоразумѣнія и произвола одного или двухъ-трехъ лицъ? Эти мысли приводили его въ отчаяніе. Иногда онъ плакалъ отъ безсильной злобы; иногда съ горя

напивался у себя въ четырехъ стѣнахъ до безчувствія. Но ни слезы, ни вино не ослабляли жгучей боли, напротивъ того, эта боль еще усиливалась чувствомъ стыда за свою слабость. Пьянство всегда пробуждало въ Дмитріи Андреевичѣ чувство гадливости, омерзенія. Къ пьяному человѣку онъ относился съ нервною брезгливостью. Никогда еще онъ не чувствовалъ такого сильнаго прилива самолюбія, какъ теперь. Онъ походилъ на льва, запертаго въ тѣсную клѣтку, которую онъ тщетно пробуетъ изломать, измять, время отъ времени ударяя по ея рѣшеткамъ и потрясая ихъ мимоходомъ. Но рѣшетки были крѣпки и не поддавались его попыткамъ разбить ихъ, и онъ безсильно скрежеталъ зубами, срывалъ свой гнѣвъ на первомъ встрѣчномъ. Бывали дни, когда ему въ минуту отчаянья приходила въ голову мысль о женитьбѣ на какой-нибудь богатой купчихѣ. Хоть вѣдьму взять да съ деньгами. Съ деньгами все можно сдѣлать, черезъ всѣ преграды перешагнуть. Нигдѣ не уважаются такъ деньги, какъ у насъ. Эти мечты на мгновенье увлекали его. Но это были только мимолетныя мечты, разлетавшіяся при мысли, что подобная женитьба свяжетъ его навсегда Богъ знаетъ съ кѣмъ. Онъ съ омерзеніемъ отвертывался отъ этихъ плановъ и только изумлялся, сколько подлыхъ инстинктовъ таится въ человѣкѣ, гдѣ-то на днѣ души. Эти инстинкты въ ясные дни жизни до поры до времени скрываются въ какихъ-то темныхъ уголкахъ души и, какъ гады, въ эпоху житейскаго ненастья выползаютъ на свѣтъ Божій, какъ бы глумясь надъ человѣкомъ и указывая ему, на какія мерзости способенъ онъ. Иногда въ эти минуты Орловъ вспоминалъ былое, то время, когда онъ, дитя, мечталъ всѣхъ облагодѣтельствовать, всѣхъ спасти. Какъ далеко была эта пора! Теперь онъ думалъ только о себѣ, только о своемъ спасеніи, и сознавалъ, что иначе и быть не можетъ. Онъ говорилъ себѣ: «что же я могу сдѣлать, покуда я не вырвусь отсюда? Быть честнымъ прокуроромъ?.. Но развѣ я вѣрю въ пользу этой дѣятельности? Развѣ я могу принести существенную пользу обществу этою дѣятельностью? Только тогда, когда мнѣ скажутъ: «ты можешь идти на всѣ четыре стороны»,— только тогда я могу начать дѣлать то, что принесетъ пользу не мнѣ одному». Но, несмотря на эти успокоительныя думы, въ его душу закрадывались горечь на судьбу, тоска по тѣмъ дѣтскимъ возвышеннымъ грезамъ, опасеніе за то, что среди этой борьбы за свое существованіе онъ, мало-по-малу, очерствѣетъ, сузитъ свои стремленія, превратится въ одного изъ

тѣхъ героевъ карьеры и наживы, какими кругомъ него уже кишитъ все общество. Вѣдь и изъ нихъ многіе вступили на жизненный путь съ широкими мечтами о благѣ человѣчества.

Въ этотъ страшный для Орлова періодъ жизни, когда онъ сознавалъ, что внутри его происходитъ какая-то роковая ломка, грозящая не добрымъ концомъ, случай столкнулъ его съ однимъ изъ университетскихъ товарищей, съ Никаноромъ Благолѣповымъ. Благолѣповъ былъ изъ поповичей. Въ университетѣ на сходкахъ онъ умѣлъ перекричать всѣхъ и потому былъ своего рода извѣстностью, чуть не вожакомъ и рѣшителемъ разныхъ вопросовъ. Это былъ какой-то неуклюжій медвѣдь, созданный, что называется «изъ вольнаго лѣса», не складно, но плотно, широко, размашисто. Взглянувъ на него мелькомъ, можно было подумать: «не дай Богъ встрѣтиться съ нимъ ночью въ лѣсу»; присмотрѣвшись къ нему поближе, можно было сказать: «и создаетъ же Богъ такихъ большихъ младенцевъ». Орловъ встрѣтился съ нимъ неожиданно у буфета гостиницы.

— Ба-ба-ба! Кого вижу!—воскликнулъ громкимъ голосомъ Благолѣповъ, поворачивая свою косматую голову въ сторону Орлова. — Правда, что только гора съ горой не сходится. Въ Питерѣ разстались, — въ этой палестинѣ встрѣтились. Ну, выпьемъ на радостяхъ!

Онъ раскрылъ Орлову широкія объятія, точно готовясь задушить на своей могучей груди исхудалую, тщедушную фигуру Орлова.

— Ты какъ сюда попалъ? — спросилъ Орловъ, расцѣловавшись съ нимъ.

— Я—на родинѣ. Водворенъ, какъ блудный сынъ, подъ отчимъ кровомъ,—шутливо отвѣтилъ Благолѣповъ.—Водворенъ и отданъ подъ бдительный надзоръ для исправленія нрава. А ты?.. Ты, кажется, въ петербургской Коломнѣ родился, такъ какой же лѣшій занесъ тебя сюда, въ эту трущобу? Сюда вѣдь только всякая дрянь стекается и съ сѣвера, и съ юга матушки Россіи.

— Я служу. Переведенъ сюда товарищемъ прокурора,— сказалъ Орловъ.

— Ишь ты какая птица! То-то я слышалъ, что у насъ товарищъ прокурора Орловымъ прозывается. Ну, да мнѣ было и невдомекъ, что это ты. Мало ли Орловыхъ да Воробьевыхъ на Руси! А это ты-то и есть товарищъ проку-

рора. Ну, поздравляю! Дай тебѣ Богъ хоть оберъ-прокуромъ быть, а выпить все-таки слѣдуетъ.

— Да, да. Пройдемъ въ отдѣльный номеръ, — сказалъ Орловъ.

— А здѣсь-то тѣсно, что ли?..

— Не тѣсно, а чортъ знаетъ кто бываетъ.

— Неприлично, если увидятъ, что господинъ товарищъ прокурора заливаетъ?

— Неудобно говорить, особенно когда у человѣка такое горло, какъ твое.

— Ну, пойдемъ, — мнѣ все единственно, гдѣ пить. Я вездѣ пью...

Они прошли въ отдѣльную комнату.

Отношенія Орлова къ Благолѣпову въ былые дни были просто пріятельскія отношенія, никогда не переходившія ни въ особенную близость, ни въ прочную дружбу. Но Орловъ обрадовался этой встрѣчѣ, точно онъ сошелся послѣ долгой разлуки съ самымъ лучшимъ, съ самымъ дорогимъ другомъ. Среди чужого города, среди чужихъ людей, это былъ представитель родной стороны, родныхъ людей, родныхъ воспоминаній. У него можно было спрашивать объ общихъ знакомыхъ; ему можно было разсказывать о своихъ личныхъ дѣлахъ. Въ жизни среди чужихъ людей, среди новыхъ знакомыхъ, тяжелѣе всего то, что васъ не связываетъ съ ними прошлое, вмѣстѣ пережитое; вы начинаете имъ разсказывать о какомъ-нибудь дорогомъ вамъ періодѣ жизни и сконфуженно обрываете свою рѣчь, видя, что они не понимаютъ именно сущности того, что вы имъ передаете; они, въ свою очередь, начинаютъ вамъ восхвалять и описывать какое-нибудь дорогое имъ лицо, а вы едва удерживаете зѣвоту, такъ какъ вамъ вовсе не интересно знать доблести какого-нибудь никогда невиданнаго вами Петра Ивановича или Ивана Петровича. Съ людьми, пережившими съ вами частицу вашего прошлаго, вы сознаете сразу связь. Именно это ощущалъ теперь Орловъ, услышавъ нѣсколько вопросовъ Благолѣпова и, разспросивъ его въ свою очередь о знакомыхъ личностяхъ.

— Ты это за что же подъ надзоръ попалъ? — спросилъ, наконецъ, Орловъ у Благолѣпова сидя за бутылкой вина.

— А, должно-быть, за широкое горло. Оралъ много. Ну, взяли меня, поразспросили, зачѣмъ ору, увидали, что ничего—человѣкъ, какъ человѣкъ—и послали подъ надзоръ, чтобы не оралъ больше. А какъ мнѣ не орать, когда у меня

здѣсь и дѣла другого нѣтъ, какъ оранье. Ни меня на коронную службу не принимаютъ; ни меня въ частные учителя не берутъ. Извѣстно—прокаженный! Ну, да мнѣ наплевать! У меня дядя здѣсь архіерей,—у него на прокормъ хватитъ. Вотъ и живу на подножномъ корму, химію да сельское хозяйство на досугѣ изучаю. Имъ же хуже, что такого борова кормить даромъ надо. А ты знаешь, у меня натура широкая, — мнѣ мало не давай, мнѣ много нужно. На что мой архіерей — толстая мошна, а и тотъ иногда кряхтитъ. Лѣнивъ, а все-таки хлопочетъ, чтобы меня изъ-подъ надзора освободили, да въ общее стадо загнали.

Орловъ улыбнулся, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что называетъ широкими потребностями Благолѣповъ, одинъ изъ нетребовательнѣйшихъ смертныхъ.

— Ну, да что обо мнѣ толковать, — продолжалъ Благолѣповъ.—Ты-то какъ дѣлишки обдѣлываешь? Идешь въ гору?

— Да, въ гору... Сижу у моря, да жду погоды,—отвѣтилъ Орловъ.

— Что такъ? Развѣ мѣстомъ не доволенъ? Товарищъ прокурора—персона.

— Здѣсь-то?

— Ну, здѣсь плохо,—переведешься въ столицы.

— То-то и бѣда, что неблагонадеженъ тоже для столицы.

— Вонъ оно что!.. Значитъ—тоже въ опалѣ?

— Да, въ опалѣ. Смѣшно даже: преступниковъ обвиняю, а самъ чуть не подъ надзоромъ... Вотъ который годъ слоняюсь по провинціи, да бьюсь, чтобы получить право перебраться въ Петербургъ, да все говорятъ: «подожди!» Хорошо говорить: «подожди, да подожди», а годы-то уходятъ, силы тратятся даромъ, тогда какъ другіе свободно выбираютъ себѣ дорогу, идутъ впередъ...

— А честолюбіе-то такъ и сосетъ, такъ и сосетъ, какъ червякъ какой,—благодушно замѣтилъ Благолѣповъ.

— Да, я и не скрываю, что я честолюбивъ,—горячо сказалъ Орловъ, чутко уловивъ что-то въ родѣ насмѣшки въ тонѣ товарища. — Человѣкъ безъ честолюбія — это лежачій камень. Куда его броситъ судьба, тамъ онъ и порастетъ мхомъ, никуда не стремясь, ничего не желая. Если его и сдвинутъ съ мѣста люди, такъ потому, что онъ у нихъ поперекъ дороги лежитъ. Самъ онъ не сдвинется ни для своей пользы, ни для блага другихъ.

— Что говорить, подлецъ человѣкъ безъ честолюбія!— вставилъ Благолѣповъ.

— Я этого не говорю, — поторопился сказать Орловъ, боясь, что онъ задѣлъ за живое товарища.

— Нѣтъ, нѣтъ, подлецъ человѣкъ безъ честолюбія... Да и съ честолюбіемъ тоже подлецъ, потому что онъ ради честолюбія на все готовъ... Какъ, братъ, не кинь — все клинъ. И такъ, и этакъ переверни человѣка, а все подлецъ въ немъ сидитъ.

Благолѣповъ махнулъ рукой, налилъ стаканъ вина, выпилъ его, какъ воду, большими глотками, и вдругъ спросилъ у Орлова:

— Что, поди, и малодушествовать началъ?

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобы началъ,—уклончиво сказалъ Орловъ.

— Пить-то началъ, спрашиваю я тебя?—рѣзко спросилъ Благолѣповъ, перебивъ его.

— Пить?

— Ну да, малодушеству этому предаваться началъ съ горя?

Орловъ машинально отодвинулъ отъ себя стаканъ и сконфузился, точно пойманный въ тайной шалости школьникъ.

— Мнѣ некогда пить,—отвѣтилъ онъ нѣсколько сухо.

— Отговорка тоже! Пить всегда есть время! Въ твоемъ положеніи всегда заливаютъ. Червякъ-то сосетъ, сосетъ,— ну, и зальешь. Что-жъ, это ничего, это дѣло обыкновенное. Я вонъ тоже пью, отъ бездѣлья пью.

— Да ты, пожалуй, если-бъ и работалъ, такъ пилъ бы,— съ улыбкой сказалъ Орловъ.

— Еще бы!.. Какъ же это съ большой работы-то не пить? Это ужъ всегда такъ: лежитъ мужикъ на печи — съ бездѣлья пьетъ; въ работѣ надсаживается—отъ усталости пьетъ... Я, братъ, вотъ теперь на свободѣ предаюсь философствованіямъ о нашей жизни. Какъ это она такъ, подлая, сложилась-то. Сидишь ты сложа руки—чужой хлѣбъ заѣдаешь; примешься за практическое дѣло—сейчасъ эксплуатировать кого-нибудь станешь и опять чужой хлѣбъ заѣдаешь. Лѣнтяй ты безпардонный — подлецомъ зовутъ; дѣлецъ ты отъявленный — тоже подлецомъ, въ концѣ концовъ, прослывешь. Себя позволишь обижать—плохо дѣло; не позволишь себя обижать, такъ тебя оборвутъ, да въ бараній рогъ тебя согнутъ — тоже плохо дѣло. Такъ и во всемъ, куда ни взглянешь: одинъ подлецъ въ одну сторону, а другой подлецъ въ другую сторону.

— Нечего сказать, хорошіе философскіе выводы! — со смѣхомъ проговорилъ Орловъ.

— Да я еще до конца не додумался, середины вотъ все нищу,—сказалъ Благолѣповъ.—Какъ найду средину, такъ и скажу: «нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ»...

— Юродствуешь ты просто, какъ посмотрю я на тебя,— замѣтилъ Орловъ.

— Что-жъ, я промежду себя, въ дружеской компаніи юродствую, а вы вонъ тамъ публично, въ судѣ-то, юродствуете,—сказалъ Благолѣповъ.

— Мы?

— Ну, да. Вѣдь вотъ ты товарищъ прокурора, значитъ тамъ говоришь: «вотъ, господа присяжные, человѣкъ, укравшій пятиалтынный со взломомъ заржавленнаго замка, засадите его въ тюрьму,—непремѣнно засадите,—хоть я вамъ и не могу точно объяснить, что бы онъ долженъ былъ дѣлать съ голоду,—безъ работы, безъ помощи, и еще менѣе могу сказать, почему его, голодавшаго на волѣ, нужно посадить за наказаніе на казенные хлѣба, и вовсе не понимаю, какую пользу принесетъ обществу отправленіе его, неопытнаго воришки, въ высшую школу всякаго мошенничества и разбоя,—но все-таки засадите его, господа присяжные засѣдатели, засадите!» Это ли не юродство?

Орловъ разсмѣялся.

— Ты-то въ присяжные повѣренные пошелъ бы?

— Я-то?.. Никуда бы я не пошелъ,—хмуро отвѣтилъ Благолѣповъ, опершись локтями въ колѣни и опустивъ на ладони лицо.—Тѣ тоже юродствуютъ: «воръ, говорятъ, укралъ съ голоду, и вы сжальтесь надъ нимъ, вспомните, что милосердіе должно царствовать въ судахъ, и отпустите его, чтобъ онъ еще стянулъ что-нибудь съ смертоубійствомъ, такъ какъ тогда мы его упечемъ уже прямо на каторгу»... Нѣтъ, братъ, я никуда теперь ужъ не пойду, если только середины не найду...

Благолѣповъ налилъ себѣ еще стаканъ вина.

Орлову становилось не по себѣ. Имъ овладѣвало уныніе.

— А не пора ли намъ и по домамъ?—сказалъ онъ.

— Ты, что-жъ, боишься, что я нарѣжусь, да тебя оскандалю?—спросилъ Благолѣповъ.—Не бойся. Въ эту прорву сколько ни лей, на меня не дѣйствуетъ. Я всегда такой: маковой росинки во рту нѣтъ, а люди думаютъ: «да что онъ спьяна это болтаетъ, что ли»; пьянѣе вина напьюсь, а взгляну на людей и думается: «да что они спьяна, что ли, шиворотъ на выворотъ и думаютъ, и говорятъ, и дѣйствуютъ».

Онъ налилъ себѣ еще вина.

— Ты вотъ теперь глядишь на меня и думаешь: этакою свиньей сталъ человѣкъ, ничего не дѣлаетъ и пьетъ,—продолжалъ Благолѣповъ.—А ты подожди судить: самъ запьешь, непремѣнно запьешь, если только не повалитъ тебѣ вдругъ счастье,—станешь думать, думать и запьешь, чтобы только не думать больше. Знаешь, кто у насъ не пьетъ? — Тотъ, кто никогда не думалъ ни о своей жизни, ни о жизни другихъ людей, а жилъ такъ... зря, — шелъ, потому что ноги есть,—работалъ, потому что руки судьба привѣсила,—говорилъ, потому что языкъ во рту болтается. А кто хоть разъ сталъ залумываться о нашей жизни, тотъ запьетъ, или спеціалистомъ сдѣлается, допотопныя какія-нибудь кости станетъ собирать, какія-нибудь древне-русскія полотенца, да вышивки станетъ разыскивать...

Орловъ молчалъ и рисовалъ по столу узоры разлитымъ виномъ.

— Чего ты добиваешься?—настойчиво продолжалъ Благолѣповъ развивать свои мысли.—Карьеры и богатства, чтобы получить возможность приносить пользу обществу, потому что безъ власти и безъ денегъ, по твоему убѣжденію, нельзя приносить пользы? А когда ты этого добьешься? — Когда сѣдъ станешь, когда изъ ума, можетъ-быть, выживешь. Да если и раньше добьешься, то убѣжденъ ли ты, что принесенную тобою пользу не испакостятъ сотни подлецовъ? Вѣдь тебѣ-то нечего разсказывать, что у насъ на одного честнаго сотни мошенниковъ найдутся. Да этого мало: до какихъ чиновъ ты ни дойди, а все-таки вся твоя судьба будетъ зависѣть отъ расположенія какой-нибудь одной личности, ступенью повыше тебя; не понравится твоя физія и — полетишь ты, голубчикъ, кувыркомъ, кувыркомъ, хоть семи пядей во лбу будь. Это вѣрно. Устойчивости у насъ нѣтъ, почвы твердой никто подъ ногами не чувствуетъ. У насъ ни кружковъ, ни партій, ни единомышленниковъ нѣтъ, а всѣ идутъ въ одиночку, да въ свою дудку свистятъ, стараясь другихъ пересвистать, оттого и уходятъ всѣ наши силы на однѣ интриги, для кляузы. Пробивается, пробивается человѣкъ впередъ, а когда пробьется — глядишь, смерть за спиной стоитъ. Безъ вѣры въ прочность своего дѣла трудно отдаться всею душой этому дѣлу, а этой вѣры-то у насъ и не можетъ быть, потому что она только тогда является, когда ты сознаешь стоящую за тобой и за тебя массу, когда ты знаешь, что, умирая, ты можешь передать

свое дѣло своимъ же людямъ. На Западѣ, за каждымъ Тьеромъ Тьерики стоятъ; каждаго Пальмерстона свои Пальмерстончики окружаютъ. А у насъ вчера реализмъ поддерживали, сегодня классицизмъ ввели, завтра же, можетъ-быть, за славянщину примутся. Почему? Вкусы большинства, что ли, такъ ужъ перемѣнчивы у насъ? Условія и потребности жизни у насъ такъ быстро измѣняются, что ли? Флюгеры мы такіе, что ли, что ни одинъ французъ флюгарнѣе быть не можетъ?—Ничуть не бывало! Личный вкусъ двухъ-трехъ лицъ все измѣнитъ. Намъ нужны именно теперь-то и доктора, и инженеры, и механики, и сельскіе хозяева, а намъ именно теперь-то и сказали: не смѣйте и думать объ естественныхъ наукахъ, а зубрите латынь,—ну, и зубримъ. На что, кому она нужна? Кто доказалъ ея пользу? Кто убѣдился въ ея необходимости? Послѣ дождичка въ четвергъ до отвѣтовъ на это додумаешься!.. И во всемъ такъ, — во всемъ, куда ни взглянешь... Вотъ и вѣрь тутъ въ прочность своихъ начинаній. Поневолѣ запьешь съ горя, махнувъ рукой на все...

Орловъ посмотрѣлъ на часы. На него напало тоскливое расположеніе духа. Онъ слушалъ только наполовину то, что говорилъ Благолѣповъ, но въ его головѣ, какъ удары молота, повторялась фраза: «и ты запьешь, непремѣнно запьешь!» Ему было и горько, и досадно сознаніе, что онъ дѣйствительно пробовалъ иногда «запивать». Тоже нашелъ исходъ!.. Ничего еще не сдѣлалъ, ничего не добился, а ужъ упалъ духомъ. Нѣтъ, надо собрать всѣ силы и биться, биться съ ожесточеніемъ, чтобы достигнуть хоть чего-нибудь. Онъ поднялся съ мѣста.

— А знаешь, въ чемъ главное наше несчастіе?—проговорилъ онъ Благолѣпову, дружески ударивъ его по плечу.

— Ну?

— Говоримъ мы—государства цѣлыя пересоздаемъ; дойдетъ до дѣла—щепки мы съ мѣста не сдвинемъ...

— Потому что все равно другіе сейчасъ же ее на старое мѣсто положатъ...

— А ты все-таки сдвигай ее, авось и другіе призадумаются надъ тѣмъ, отчего это человѣкъ такъ упорно сдвигаетъ эту щепку съ мѣста,—есть же у него своя цѣль... Можетъ-быть, до чего-нибудь и додумаются... Я, братъ, глубоко вѣрю въ то, что если лбомъ стѣны и не прошибешь, то все же нужно о нее биться: разобьется объ нее сотня лбовъ, и наведетъ это людей на мысль, съ чего это люди

лбы объ стѣну разбиваютъ, нельзя ли найти другой способъ разбить ее, — и найдутъ... А не станешь о нее лбы разбивать, такъ она и будетъ стоять,—такъ и будутъ убѣждены люди, что ей тутъ и нужно стоять...

Орловъ въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Иногда и самъ не ожидаешь, какіе крупные результаты дастъ твоя дѣятельность. Вотъ мнѣ теперь вспоминается одинъ фактъ изъ моей жизни. Еще въ Питерѣ задумалъ я написать рядъ статей о положеніи русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ и началъ собирать исподволь матеріалъ. Офиціальныя свѣдѣнія оказались недостаточными, я какъ-то и придумалъ собрать кое-какія свѣдѣнія черезъ молодежь, разъѣзжающуюся лѣтомъ на каникулы по домамъ и на кондиціи въ провинцію. Написалъ я вопросные пункты и роздалъ знакомымъ студіозусамъ эти листки, прося ихъ раздать эти листки и ихъ товарищамъ. Ну-съ, затѣмъ меня попросили освободить отъ себя Питеръ. Отвѣтовъ на сто заданныхъ мною вопросныхъ пунктовъ я не получилъ и былъ убѣжденъ, что мое предпріятіе такъ прахомъ и разлетѣлось. Прошло не мало времени, какъ вдругъ недавно встрѣчаю я одного изъ бывшихъ студентовъ, получившаго отъ меня тоже листокъ съ вопросами. Разговорились мы. Съ первыхъ же словъ вижу я, что передо мной стоитъ ярый народникъ, весь поглощенный мыслью о благѣ народа, о средствахъ помочь народу. Прежде я въ немъ и не замѣчалъ этого направленія. Я ему высказалъ свое удивленіе. Онъ засмѣялся. «А вопросные-то пункты помните?—говоритъ.—Это они меня съ народными нуждами познакомили. Они у васъ наскоро, поверхностно были написаны,—много пробѣловъ въ нихъ пришлось пополнить,—да это ничего, на первый разъ и ихъ было достаточно»...

— Иванъ подлецъ, ты же ему пользу принесъ, а онъ же тебѣ шпильку подставилъ,— замѣтилъ съ усмѣшкой Благолѣповъ.

— «Ну, говоритъ, я ихъ дополнилъ потомъ,—продолжалъ разсказъ Орловъ, не обращая вниманія на замѣчаніе Благолѣпова: — да еще кое-кому роздалъ. Это школа хорошая. Молодежь-то или плохо знаетъ народную жизнь, или просто не задумывается надъ этою жизнью, а тутъ, какъ нужно все по пунктамъ разспросить, да разузнать, такъ поневолѣ и вникнешь въ дѣло. Я, знаете, какъ впервые-то сталъ все обслѣдовать, да разспрашивать, такъ меня слеза прошибла. Помните, молодъ я тогда еще очень былъ... Да, да, наши

пунктики принесли пользу нашей партіи. Пожалуй, что съ нихъ и началось хожденіе въ народъ».

Орловъ вдругъ оборвалъ рѣчь и прямо обратился къ Благолѣпову:

— Нѣтъ, братъ, сѣять нужно... Десять всходовъ погибнутъ, сотни ихъ погибнутъ, а все-таки хоть одинъ дастъ, наконецъ, желанную жатву... Вся бѣда наша въ томъ, что мы даже не пробуемъ ни пахать, ни сѣять, боясь разныхъ случайностей, сомнѣваясь въ успѣхѣ, и только сѣтуемъ, что жатва не является сама собою...

— Нѣтъ, братъ, я съ тобой не согласенъ,—серьезно сказалъ Благолѣповъ, поднимая голову.—Вопросъ весь сводится къ тому, что сѣять. Что ты своей статьей хотѣлъ сѣять и своими пунктиками посѣялъ, то и всѣ мы сѣемъ, и само оно сѣется. А кромѣ этого, въ настоящее время ничего и сѣять не стоитъ, потому все другое прахомъ пойдетъ.

— Да ты о чемъ говоришь?

— О недовольствѣ. Недовольство сѣять—это я понимаю; его всѣ сѣютъ, потому всѣ недовольны настоящимъ; оно само въ воздухѣ носится, его никакими компромиссами не заглушишь; оно только и дастъ плоды. А все другое... Да ты самъ, положа руку на сердце, скажи, вѣришь ли ты въ плодотворность всего другого? Ну, говори, въ земство, въ новые суды, въ городскія управленія, что ли, ты вѣришь безъ свободы личности, безъ свободы слова? Вѣришь ли ты, что какіе-нибудь законы спасутъ насъ отъ казнокрадства, взяточничества, міроѣдства, когда ты не можешь разоблачать этихъ язвъ, не имѣя свободы слова и не будучи увѣренъ, что тебя не отправятъ туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ? Я тебѣ вотъ что скажу: работаютъ теперь люди до поту въ лицѣ ради личной наживы, ради своей собственной карьеры, но такихъ людей, которые, если они не олухи Царя небеснаго и если они видятъ дальше своего носа, работали бы, какъ волы, съ твердою вѣрой въ общественную пользу своего дѣла,—такихъ людей нѣтъ, потому что мы переживаемъ переходную эпоху, и все, что мы теперь строимъ, строится только на время и должно перестроиться въ будущемъ. Вонъ я читалъ гдѣ-то въ журналѣ обвиненіе современнымъ людямъ, что ими руководитъ въ работѣ одно стремленіе — «жрать надо». А самъ-то этотъ писака почему толчетъ въ своихъ статьяхъ воду въ ступѣ, во имя чего? — Во имя того только, что ему тоже «жрать надо». Другой пользы изъ его писаній не выйдетъ, потому

что онъ пишетъ не о томъ, о чемъ, по его мнѣнію, надо писать, о чемъ, по его мнѣнію, полезно писать, а о томъ, о чемъ можно писать, — пишетъ онъ, сознавая, что онъ и вопросъ не такъ ставитъ, какъ слѣдуетъ, и выводы дѣлаетъ не такіе, какіе нужно бы сдѣлать. Онъ, положимъ, пишетъ о гигіеническихъ условіяхъ жизни; расписываетъ и размазываетъ, какъ полезны гигіеническое устройство городовъ, строгій надзоръ за пищею, созданіе хорошихъ условій жизни для рабочаго люда. Да прахъ его побери,—мы и безъ него знаемъ, что хорошее хорошо, а дурное дурно!.. А отчего же онъ не скажетъ намъ, почему у насъ многое дурно и какъ сдѣлать это лучше? Пользы-то для общества отъ такого предпринятаго ради жратвы писанія и нѣтъ, а если и есть польза, такъ она только въ одномъ замѣчается — въ сѣяніи недовольства существующимъ. И вездѣ, на всякомъ поприщѣ, дѣлаютъ люди только то, что можно дѣлать, а не то, что нужно дѣлать, — и дѣлаютъ, разумѣется, кое-какъ, зная, что завтра сдѣланное ими кто-нибудь, можетъ-быть, передѣлывать будетъ, а нѣтъ, такъ и просто разрушать станетъ.

Благолѣповъ усмѣхнулся горькой усмѣшкой.

— Я вонъ такъ ученичковъ разныхъ изъ латыни и греческаго учу. «Вы, говорю, зазубрите это для экзаменовъ,— послѣ-то вамъ эта пакость не понадобится. Только до экзамена старайтесь въ памяти удержать». Ну, разумѣется, знаніе-то и выходитъ формальное, а не серьезное. Но вѣдь иначе и быть не можетъ, когда я самъ не вѣрю ни въ пользу, ни въ прочность классицизма въ православной Россіи. При такомъ сознаніи можно выдѣлывать удивительныя штуки по части классической гимнастики, но только во имя того, что жрать нужно, а не во имя убѣжденія, что этимъ ты приносишь пользу обществу. И во всемъ теперь такъ. Пользу приноситъ только одно — сѣяніе недовольства, потому что оно, и только оно, приведетъ тебя къ исполненію твоей завѣтной мечты.

— Какой?—отрывисто спросилъ Орловъ.

— А положимъ, чтобы никто не могъ тебя послать безъ суда на житье въ такую трущобу, какъ наша, да чтобы никто не могъ зажать тебѣ произвольно рта, когда ты говорить хочешь.

Орловъ, взволнованный и блѣдный, молча прошелся по комнатѣ.

— Да, такъ ты вотъ до чего додумался! — сквозь зубы проговорилъ онъ.

— До того же, до чего и ты додумался,—отвѣтилъ Благолѣновъ.

Эта встрѣча, эта бесѣда «по душѣ» съ Благолѣновымъ точно озарили яркимъ свѣтомъ передъ Орловымъ и его завѣтныя стремленія, и страшную пропасть, зіявшую у его ногъ. Онъ увидалъ, что онъ былъ близокъ къ отчаянію, къ малодушному унынію, къ холодной апатіи, къ тому душевному настроенію, которое дѣлаетъ человѣка работающей машиной, заставляетъ его плыть, спустя рукава, по теченію, толкаетъ его искать забвенья въ картахъ, въ винѣ, въ развратѣ. Ему стало страшно, тяжело, обидно сознаніе, что и онъ можетъ стушеваться въ этой тысячеголовой безличной толпѣ пассивныхъ исполнителей чужой воли, дѣлающихъ все, что имъ прикажутъ. Ему точно кто-то далъ толчокъ. Въ немъ снова пробудилась энергія, страстное желаніе не сдаться малодушно враждебнымъ обстоятельствамъ.

II.

Свѣтлымъ лучомъ въ эти годы жизни Орлова въ провинціи являлись только письма Софьи Александровны Русовой, уѣхавшей съ матерью и сестрой за границу. Эта дѣвушка никогда прежде не играла никакой видной роли въ жизни Орлова. Онъ когда-то носилъ ее на рукахъ, когда она была ребенкомъ; потомъ онъ нерѣдко игралъ и бояталъ съ ней, какъ съ милой и ласковой дѣвочкой, далѣе онъ видѣлъ въ ней очень привѣтливую и кроткую барышню, смотрѣвшую на него, какъ на брата,—и только. Въ его воспоминаніяхъ о ней сохранилось одно представленіе, а именно то, что это кроткое созданіе любили всѣ окружавшіе, начиная съ прислуги и кончая княземъ Русовымъ. Ее и нельзя было не любить, такъ какъ она сама шла навстрѣчу каждому съ мягкою и привѣтливою улыбкой. Добродушіе было вообще въ характерѣ Русовыхъ, не имѣвшихъ никакихъ поводовъ для мелочного раздраженія, для угрюмой озлобленности; но у этого слабаго и хрупкаго ребенка оно проявлялось иногда какъ-то болѣзненно. Достаточно было ей увидать на чьемъ-нибудь лицѣ выраженіе грусти, чтобъ она тотчасъ же явилась съ вопросами, почему человѣкъ грустенъ, не случилось ли чего-нибудь съ нимъ, не нуждается ли онъ въ чемъ-нибудь.

— Ты, папа, здоровъ?—тихо спрашивала она князя, заглядывая въ его глаза, когда онъ былъ невеселъ.

— Здоровъ, крошка! А что?—спрашивалъ князь, поднимая ее на руки.

— Такъ. Ты скучный сегодня,—говорила она, цѣлуя его.—Ты на меня не сердишься?

— За что же я могу на тебя сердиться?

— Я не знаю, но можетъ-быть... Ты скажи, если сердишься...

Она ласкала князя, и онъ гладилъ ее нѣжно по головкѣ. Она не любила только свою гувернантку-англичанку—сухую и холодную женщину, старавшуюся только выдрессировать маленькихъ княженъ. Но княжна Софья была долго тщедушнымъ и слабымъ ребенкомъ и потому находилась чаще на рукахъ старой русской няньки изъ крѣпостныхъ, чѣмъ подъ надзоромъ гувернантки. Эта нянька, Ольга Родіоновна, не долюбливала англичанку и постоянно говорила:

— Развѣ онѣ знаютъ, какъ русское дитя воспитывать надо? Что ей наши дѣти?—чужія. Ей только бы онѣ въ струнку держались... А дѣтямъ ласка нужна, родная душа нужна.

Княжна страстно любила старушку, любила разсказы старушки, успокаивавшіе ребенка въ безсонныя ночи во время его недуговъ. Ольга Родіоновна была княжнѣ ближе матери, дороже матери. Княгиня Марья Львовна, вѣчно смѣющаяся, видѣлась съ дѣтьми только на минуту; Ольга Родіоновна оставалась съ болѣзненною княжной Софьей по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ ночамъ. Серьезная и степенная старушка, смотрѣвшая скорѣе старой барыней, чѣмъ слугой, слегка пощелкивая спицами за вязаньемъ шарфа, говорила съ княжной о деревнѣ, о мужикахъ, о родѣ и роднѣ князей Русовыхъ, о семейныхъ преданіяхъ. Отъ нея узнала дѣвочка, что народъ бѣденъ, что народу тяжело жить, что народъ одинъ плательщикъ за всѣхъ, но что русовскіе крестьяне самые счастливые, потому что князья Русовы на всю Россію споконъ вѣка извѣстны, какъ самые добрые господа.

— Такихъ-то другихъ господъ, можетъ-быть, и нѣтъ,—серьезно говорила старушка. — Всегда были печальниками за народъ. Одна тетенька твоя, княжна Софья Владиміровна, сколько добра народу сдѣлала; сама и замужъ не вышла, и въ монастырь ушла жить, а для другихъ все была отдать готова.

Княжнѣ очень нравилось выраженіе «печальники за народъ»; ее очень интересовала личность тетки.

— Тетя жива еще или умерла? — спрашивала княжна.

— Жива, слава тебѣ, Господи, жива, только изъ монастыря никогда теперь не выѣзжаетъ. Тебя и назвали въ честь ея Софьей. Да ты на нее и похожа. Такая же она росла маленькая, да хворенькая, а сердце ангельское.

— А ея нельзя увидѣть?— допрашивала княжна.

— Вотъ, можетъ-быть, въ деревню соберемся, тогда свозятъ въ монастырь. Княгиня-то Марья Львовна только не любитъ деревни, потому все здѣсь въ Павловскѣ, да Петергофѣ и чахнемъ, а ужъ чего бы лучше въ деревнѣ.

— Отчего же мама не любитъ деревню? — спросила княжна.

— Не нашего она рода,— сухо отвѣчала старушка, поджимая губы.

Старушка всегда говорила о княгинѣ Марьѣ Львовнѣ сдержанно, холодно и какъ бы презрительно.

Княжнѣ очень хотѣлось увидѣть и деревню, гдѣ такъ любятъ князей Русовыхъ, и тетку, отдавшую всю жизнь на благо ближнихъ. Наконецъ, желанія княжны сбылись, и князья Русовы провели одно лѣто въ деревнѣ. Съ перваго же раза деревня произвела неизгладимое впечатлѣніе на княжну, когда она увидѣла цѣлую толпу молодыхъ и старыхъ мужиковъ, вышедшихъ съ открытыми головами встрѣтить господъ съ хлѣбомъ-солью. Эти мужики, цѣловавшіе ея руки, называвшіе ее «нашей барышней», сразу представились ей близкими, родными, своей семьей. Это былъ тотъ народъ, печальниками за который были Русовы. Въ деревнѣ княжна совсѣмъ отбилась отъ рукъ англичанки, посѣщая съ Ольгой Родіоновной избы мужиковъ, принося бѣднымъ и больнымъ пособія и подарки, и миссъ Пирсъ даже пожаловалась княгинѣ Марьѣ Львовнѣ на Ольгу Родіоновну за то, что та самовольничаетъ и держитъ ребенка постоянно при себѣ, таскаетъ ее по мужичьимъ избамъ. Княгиня сдѣлала осторожно замѣчаніе старушкѣ. Старушка выслушала выговоръ безмолвно, но ея лицо приняло строгое и суровое выраженіе. Вечеромъ она улучила минуту, когда по залѣ проходилъ князь, и обратилась къ нему.

— Жаловаться, батюшка, пришла къ тебѣ,— проговорила она тѣмъ фамильярнымъ тономъ, какимъ говорила въ домѣ со всѣми только она.— Пирша-то наша, наемница-то, Сониччу отъ меня отбиваетъ. Дитя— слабое, хрупкое, нѣжное, такъ зачѣмъ же его на изморъ отдавать ей? И развѣ она знаетъ, какъ Русовыхъ-то воспитывали? Слава тебѣ, Господи,

безъ нихъ, безъ наемницъ, и покойная Ольга Владиміровна, и Софья Владиміровна выросли, — крѣпостной глазъ оберегъ отъ всякой напасти. Соничка-то вотъ плачетъ съ нею, а она на нее кричитъ, точно на холопку какую. Это ужъ совсѣмъ не резонъ.

Князь съ улыбкой смотрѣлъ на старуху.

— Кто же вамъ мѣшаетъ, Ольга Родіоновна, по своему-то сдѣлать, не жалуясь мнѣ? — спросилъ онъ, глядя ей въ глаза.—Кажется, вы — надъ дѣтьми командирша, а не кто другой.

— Знаю, знаю! Только не мнѣ бы командовать, а тебѣ. Ну, да на тебя-то, видно, рукой махнуть приходится. Отбился ты совсѣмъ отъ семьи.

Князь усмѣхнулся.

— Да вотъ княгиня Марья Львовна приказала мнѣ сегодня сдать Соничку на руки Пиршѣ,—сказала старушка:— такъ я и не смѣла ослушаться. Княгиня Марья Львовна не нашего рода, такъ она, конечно, и не знаетъ, что Соничка совсѣмъ заблекнетъ у какой-нибудь наемницы, оттого она и сдѣлала такое распоряженіе. А ты-то, батюшка, ужъ вели, чтобы все по-старому было.

— Да дѣлайте, какъ знаете,—сказалъ князь.— Если будутъ что возражать, скажите, что я такъ приказалъ.

Ольга Родіоновна кивнула головой.

— Я Соничку-то хочу завтра въ монастырь къ Софьѣ Владиміровнѣ свезти, — сказала она.—Пусть старушка полюбуется на дитя. Вѣдь Соничка-то вся въ нее, вся въ нее.

— Вы находите, Ольга Родіоновна?

— Еще бы! Какъ двѣ капли воды похожи. Одна въ нашъ родъ...

Князь сдвинулъ брови при этомъ щекотливомъ для него замѣчаніи.

— Отъ тебя-то, батюшка, будетъ какой-нибудь наказъ къ сестрицѣ?—спросила старушка.

— Я былъ уже у нея сегодня,— сказалъ князь.— Слаба становится, похудѣла... Вы кстати ѣдете къ ней, она просила, чтобы вы заѣхали на цѣлый день...

— Такъ что-жъ ты, батюшка, не сказалъ мнѣ? Память-то, видно, дѣвичья тоже стала, — сказала старуха, укоризненно качая головой. — Ей-Богу, просто не узнаю тебя, — не тѣмъ человѣкомъ ты сталъ. Бранить бы тебя надо, — ну, да ужъ Богъ съ тобой.

Князь разсмѣялся и поцѣловалъ старушку въ лобъ.

— Ворчунья вы!

— Ну да, не ворчи на тебя, такъ ты и совсѣмъ отобьешься отъ дому. Тоже хорошо: его просятъ сказать, чтобъ я пріѣхала въ монастырь, а онъ молчитъ... Завтра же, завтра же поѣду туда съ Соничкой...

— А Олю не возьмете?

— Соскучится она тамъ,—сухо отвѣтила старуха, очень холодно смотрѣвшая на бойкую и живую княжну Ольгу.

Она пошла на дѣтскую половину.

На другой день княжна Софья поѣхала съ Ольгой Родіоновной въ монастырь къ теткѣ. Ихъ провели по длинному пустынному коридору къ кельѣ матери Серафимы, бывшей княжны Софьи Владиміровны Русовой. Когда двери кельи растворились, посѣтительницъ, находившихся въ полутемномъ коридорѣ, облило яркимъ свѣтомъ солнца, заставившимъ ихъ на мгновеніе зажмурить глаза, и на нихъ пахнуло ароматомъ цвѣтущихъ розъ, левкоевъ и жасминовъ. Въ комнатѣ звенѣли голоса канареекъ, и одна изъ нихъ вспорхнула съ руки старушки, сидѣвшей у затянутаго газомъ открытаго окна. Старушка поднялась съ мѣста навстрѣчу гостямъ, и ея морщинистое лицо озарилось свѣтлою улыбкой. Это было изящное, маленькое, худенькое, слабое существо съ кроткими глазами, смотрѣвшими неопредѣленно вдаль. Она нѣжно обняла Ольгу Родіоновну, подругу своего дѣтства, и обласкала племянницу. Дѣвочка горячо прильнула губенками къ ея худенькой рукѣ.

— А я думала, она испугается меня,—мягкимъ голосомъ сказала монахиня.

— Что это ты выдумала, мать! Она тебя любитъ,—сказала Ольга Родіоновна, цѣлуя старушку.

— Любитъ?.. Но она же меня еще вовсе не знаетъ?

— Тетку-то родную не знаетъ?—произнесла съ упрекомъ Ольга Родіоновна.—Да что это ты? Развѣ я изъ нея какого-нибудь Ивана, не помнящаго родства, рощу? Слава тебѣ, Господи, тоже княжна Русова.

— Я знаю, тетя, тебя. Я на тебя похожа, — сказалъ ребенокъ.

— Да, да, одна изъ нашего рода, — сказала Ольга Родіоновна.

Мать Серафима тяжело вздохнула, приподнявъ глаза къ небу.

— Точно она похожа на меня. Ты, Ольга, это вѣрно замѣтила.

— Еще бы! Одна только и похожа! Дай Богъ, чтобы во всемъ была похожа.

— Я, тетя, и въ монахини пойду,—сказала дѣвочка.

— Зачѣмъ, дружокъ? Не всѣ же добрые люди должны идти въ монашество,—сказала ласково тетка, гладя ее по щекѣ.

— А ты, тетя, вотъ пошла,—сказала дѣвочка.

Старушка вздохнула, но ничего не отвѣтила на это.

— А тамъ все тоже, все тоже,—сказала тихо монахиня, обращаясь къ Ольгѣ Родіоновнѣ. — Я не разспрашивала Александра, но я все поняла сразу. Бѣдный!..

— Самъ виноватъ, самъ виноватъ... Твердости мало! — сказала Ольга Родіоновна.

— Мнѣ тяжело, что онъ отчасти подъ моимъ вліяніемъ понесъ эти вериги,—проговорила монахиня.

— Ну, да вѣдь иначе же было нельзя,—замѣтила Ольга Родіоновна.—Для дѣтей жертва.

Мать Серафима позвала молоденькую послушницу и попросила ее показать Сонѣ церковь, садъ, кладбище. Ей хотѣлось остаться наединѣ съ Ольгой Родіоновной, чтобы поговорить о семейныхъ дѣлахъ.

Соня снова очутилась въ безмолвномъ коридорѣ, гдѣ иногда, какъ тѣни, безшумно проходили женщины въ черномъ. Тишина келій, цвѣтущій садъ, кротость тетки, ласки молодыхъ послушницъ, собравшихся вокругъ ребенка, когда въ монастырѣ разнеслась вѣсть, что этотъ ребенокъ «княжна Русова»,—все это повѣяло такъ успокоительно на душу дѣвочки, что ей не хотѣлось ѣхать домой. Ей нравились и чинные поклоны монахинь, и однообразная черная одежда этихъ женщинъ, и отсутствіе всякой суетливости и тревоги. Здѣсь ничто не раздражало, а, напротивъ того, все успокаивало болѣзненно развитые нервы ребенка. Въ теченіе лѣта княжна часто уговаривала Ольгу Родіоновну съѣздить въ монастырь и каждый разъ возвращалась оттуда въ какомъ-то тихомъ и свѣтломъ настроеніи, какъ будто ей удалось крѣпко уснуть и увидѣть сладкій сонъ. Разъ она спросила Ольгу Родіоновну, почему тетка пошла въ монастырь.

— Свадьба когда разстроилась, она и пошла въ монастырь,—коротко отвѣтила Ольга Родіоновна.

— Какая свадьба?

— Женихъ у тетеньки Софьи Владиміровны былъ, а когда его не стало, она и пошла въ монастырь.

— Онъ умеръ, няня?

— Нѣтъ, голубчикъ, не умеръ... Услали его далеко-далеко.

— Какъ, няня, услали?

— Мала ты еще, не поймешь теперь этого, — коротко сказала Ольга Родіоновна.

Какъ часто приходилось Сонѣ слышать этотъ несносный отвѣтъ. Ей или прямо говорили: «мала ты, послѣ узнаешь», или просто уклонялись отъ отвѣтовъ, оставляя ее въ недоумѣніи. Такое недоумѣніе пробудилъ въ ней, напримѣръ, одинъ случай. Проходя однажды по портретной галлереѣ, Соня спросила Ольгу Родіоновну:

— Это ты, няня?

Она указала на одинъ изъ старинныхъ портретовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ.

— Нѣтъ, это твоего папеньки сестра старшая, покойная княжна Ольга Владиміровна Русова,—отвѣтила нянька.

Дѣвочка съ недоумѣніемъ смотрѣла на портретъ и, кажется, не вѣрила, что это не портретъ ея няньки.

— А его съ тебя рисовали? — наивно спросила княжна.

— Что это, Соничка, какія глупости ты говоришь!—сказала Ольга Родіоновна наставительно. — Это ея портретъ, значитъ, съ нея и рисовали его.

— Такъ отчего же онъ на тебя похожъ?

— Мало ли кто на кого похожъ... Всѣ люди по образу Божьему созданы.

Княжна недоумѣвала.

Потомъ она узнала многое и многое угадала. Она узнала, что женихъ тетки былъ декабристъ, товарищъ князя Александра Владиміровича, сосланный въ Сибирь. Невѣста хотѣла сперва слѣдовать за нимъ, а потомъ вдругъ она узнала о его смерти, почти все отдала въ пользу своихъ крестьянъ и пошла въ монастырь. Эти свѣдѣнія, добытыя дѣвочкой отрывочно, произвели на нее глубокое впечатлѣніе, надолго заставивъ ея мозгъ работать надъ размышленіями объ этихъ фактахъ, о томъ, почему и за что людей ссылаютъ, дурные ли это люди или хорошіе. Додумалась она впослѣдствіи, не разъ стоя передъ портретомъ княжны Ольги Владиміровны, и до того, что Ольга Родіоновна должна быть изъ ихъ рода. Она какъ-то услышала отъ отца шутливое замѣчаніе, что «Толстыхъ по длинному носу, а Русовыхъ по большому лбу сейчасъ узнаешь», и сообразила, что не даромъ у Ольги Родіоновны совсѣмъ русовскій лобъ. Но какъ же она имъ родня, если изъ крѣпостныхъ? И почему ее такъ всѣ уважаютъ, даже сама княгиня Марья Львовна? Отчего она держитъ себя такъ фамильярно съ отцомъ? Тутъ

есть какая-то тайна, недоступная дѣтскому уму. Впослѣдствіи все выяснилось, все понялось. Для этихъ думъ и размышленій было много свободнаго времени въ часы частыхъ недуговъ; на нихъ наталкивала та скука, отъ которой княгиня искала спасенія въ любовныхъ интригахъ, князь Александръ—въ кутежахъ, старшая сестра Сони—на балахъ и въ театрахъ. Когда княжнѣ Софьѣ было пятнадцать лѣтъ, она вступила въ дѣятельную переписку съ теткой монахиней, стала спрашивать у той совѣтовъ, просить у нея отвѣтовъ на волновавшіе молодую душу вопросы. Письма тетки—спокойныя, ласковыя, кроткія—говорили только одно: «Тебѣ Богъ послалъ богатство,—старайся употреблять его на пользу тѣхъ, кого обдѣлила судьба. Самое высшее счастье человѣка—въ сознаніи, что онъ всегда былъ другомъ и помощникомъ ближнихъ, потому что кто поможетъ слабому, кто накормитъ голоднаго, тотъ дѣлаетъ это для самого Бога. Наше личное счастье не прочно; прочно только свѣтлое сознаніе, что мы исполняли заповѣди Божіи и любили ближняго, какъ самихъ себя. У кого есть это сознаніе, тотъ перенесетъ все — и невзгоды, и горе, и вражду. Безъ этого сознанія и при самой счастливой жизни внутри насъ когда-нибудь да проснется совѣсть и будетъ мучить насъ. Страшнѣе упрековъ совѣсти нѣтъ на свѣтѣ казни; у кого спокойна совѣсть, тотъ съ улыбкой можетъ вынести всѣ мѵки за правду, какъ ихъ выносили первые христіане, погибавшіе за ближнихъ, за человѣчество». Подобныхъ совѣтовъ и наставленій въ письмахъ тетки было немало. Мать Серафима любила и умѣла писать, стараясь поддерживать въ людяхъ добрыя чувства и видя все спасеніе человѣчества въ нравственной чистотѣ, въ духѣ кротости и любви. Ея корреспонденція была очень обширна и подъ вліяніемъ ея писемъ не разъ созрѣвали такія рѣшенія, какъ рѣшеніе князя Александра Владиміровича Русова щадить свою жену ради дѣтей. Кроткая по натурѣ, по темпераменту, молоденькая княжна стала подъ вліяніемъ совѣтовъ тетки еще мягче въ отношеніяхъ къ людямъ. Она болѣе всего боялась кого-нибудь огорчить или обидѣть. Орловъ очень хорошо помнилъ, какъ разъ, увидавъ ее на домашнемъ балу, гдѣ она впервые появилась въ длинномъ платьѣ, онъ сказалъ ей «вы».

Она встревожилась.

— Митя, ты сердишься за что-нибудь на меня? — спросила она.

— Я?

— Да.

— За что же? Съ чего это вамъ пришло въ голову?

— Но ты говоришь мнѣ: «вы».

— Ахъ, Богъ мой!.. Вы уже теперь не дѣвочка, и было бы неловко... это непринято...

— Митя!—проговорила она ласково.—Я же считаю тебя за брата... Нѣтъ, ты говори мнѣ попрежнему: «ты», а то я буду всегда думать, что ты разлюбилъ меня.

Она крѣпко сжала его руку. Въ этотъ вечеръ впервые въ его сердцѣ отозвалось какою-то тяжелою болью опасеніе, что это милое дитя можетъ когда-нибудь узнать его отношенія къ ея матери. Эти «проклятыя», какъ называлъ онъ ихъ, отношенія тогда начинали уже сильно тревожить его. Глядя на княжну, онъ какъ бы стыдился за себя: онъ боялся, что она можетъ все узнать: онъ смущался при мысли, что княгиня Марья Львовна можетъ его приревновать къ дочери. Еще болѣе теплыя, болѣе глубокія отношенія къ княжнѣ возникли въ немъ въ тотъ день, когда она подошла къ нему со словами участія на могилѣ его матери. Онъ увидалъ въ этой дѣвушкѣ своего истиннаго друга, свою любимую сестру. Первое письмо, пришедшее къ нему отъ нея, влило въ его душу отраду. Впервые въ эти дни одиночества онъ долго думалъ о княжнѣ, припоминалъ черты этого кроткаго, задумчиваго личика съ серьезными и въ то же время ласковыми глазами.

Она писала ему:

«Кругомъ меня все цвѣтетъ, все благоухаетъ, изъ окна виднѣется синѣющее Женевское озеро, по дорогѣ мелькаютъ праздничныя лица гуляющихъ, а у меня на душѣ какъ-то пусто, какъ-то тяжело, какъ-то безотчетно грустно. Мнѣ хотѣлось бы быть тамъ—у насъ на родинѣ, въ нашей родной глуши, среди нашего родного народа. Меня точно давитъ здѣсь все—и эти горы, обступившія кругомъ Женеву и за которыя мнѣ хотѣлось бы унестись, и эти самодовольныя лица праздныхъ людей, чье счастье такъ же чуждо мнѣ, какъ чужды имъ мои печали, и этотъ блескъ южной природы, противорѣчащій моему душевному настроенію. Я сижу здѣсь, а мои мысли носятся далеко-далеко. Мнѣ грезится няня: что-то дѣлаетъ въ деревнѣ безъ меня моя старушка; я думаю, скучаетъ и ворчитъ на тѣхъ, кто Богъ знаетъ зачѣмъ и для чего отъ родного угла бѣжитъ за границу и увозитъ туда насильно дѣтей. А папа? Тебѣ нечего говорить о его несчастіяхъ. Ты, конечно, знаешь всю его

внутреннюю жизнь лучше меня. Я ее, къ сожалѣнію, узнала только недавно, только случайно. Бѣдный, бѣдный, какъ онъ долженъ былъ страдать всю жизнь, притворяясь и неся маску поневолѣ, когда его натура такъ пряма, такъ откровенна, такъ честна! Вспоминаешься мнѣ и ты. Тебѣ тоже не легко. Я случайно прочла твое письмо къ моей матери. Сколько у тебя непріятностей. Какъ бы хорошо было тебѣ, если бы мы всѣ были ближе къ тебѣ».

Орловъ долго раздумывалъ надъ этими строками: ему такъ ясно, ясно представлялось милое, задумчивое личико княжны; ему казалось, что онъ видитъ на бумагѣ слѣды ея слезъ... Это она плачетъ и о немъ. О, какъ бы горячо онъ обнялъ ее теперь, если-бъ она вдругъ явилась здѣсь передъ нимъ! У ея ногъ онъ излилъ бы всю свою душу, разсказалъ бы ей всѣ свои невзгоды... И вдругъ его смутила мысль: «Она читала мое письмо къ ея матери... Что я писалъ въ этомъ письмѣ? Не было ли тамъ какой-нибудь пошлости? Не могла ли она догадаться по тону этого письма о моихъ отношеніяхъ къ княгинѣ?» Онъ тревожно припоминалъ содержаніе всѣхъ своихъ писемъ къ княгинѣ. Нѣтъ, его письма были сдержанны и приличны. Его отношенія къ княгинѣ давно уже приняли характеръ простой пріязни. Его давно уже смѣнили тамъ другіе любовники. Если-бъ его письмо пробудило хоть тѣнь подозрѣнія въ душѣ княжны, она не писала бы ему такъ дружески, такъ тепло. Она слишкомъ сильно любитъ отца, чтобы быть ласковой съ любовникомъ своей матери.

Отъ княжны же приходили еще письма.

«Я здѣсь учусь педагогикѣ,—писала она.—Мнѣ хотѣлось бы изучить основательно этотъ предметъ. Можетъ-быть, хоть когда-нибудь сбудется моя мечта, и я устрою въ одной изъ нашихъ деревень большую школу и пріютъ для сиротъ. Въ послѣднее время мнѣ пришлось много слышать о народѣ, о его положеніи, о его нуждахъ. Насъ посѣщаетъ много молодыхъ людей. Матап либеральничаетъ съ ними, вторитъ ихъ рѣзкимъ фразамъ, играетъ какую-то новую роль недовольной, не сознавая того, что она-то не имѣетъ даже права быть чѣмъ бы то ни было недовольной. Надъ ней, кажется, смѣются эти люди, но они нуждаются въ ея деньгахъ, въ ея связяхъ и потому наружно ухаживаютъ за ней. Многіе изъ нихъ очень не нравятся мнѣ; они не лучше товарищей Александра; они принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые проповѣдуютъ воду и пьютъ вино, такъ что слово у нихъ идетъ

въ разрѣзъ съ дѣломъ; но я все-таки благодарна нѣкоторымъ изъ нихъ, такъ какъ они на многое открыли мнѣ глаза. Я всегда любила народъ, благодаря нянѣ, благодаря тебѣ, благодаря отцу, но я все же мало понимала сущность положенія народа. Теперь многое мнѣ стало ясно. Здѣшняя молодежь проповѣдуетъ разныя крайнія мѣры, составляетъ заговоры, толкуетъ о рѣзнѣ и крови; но, Боже мой, развѣ можно путемъ насилія и убійства водворить миръ и любовь? Впрочемъ, лично я думаю, что вообще никакія мѣры не принесутъ желанныхъ плодовъ, покуда народъ будетъ вполнѣ невѣжественъ: впотьмахъ мы сами можемъ постоянно заблуждаться; впотьмахъ насъ могутъ обманывать на каждомъ шагу другіе. Прежде всего нужно вывести народъ изъ этой тьмы, нужно позаботиться о его грамотности, о его развитіи, и на это дѣло я, кажется, отдала бы всю жизнь. Я пришла къ этимъ взглядамъ, можетъ-быть, потому, что я сознаю, что я по натурѣ создана для учительства. Сидѣть вдали отъ всякой суеты и гама среди дѣтей и учить ихъ — это такая доля, которая манитъ меня болѣе всего. Какъ пріятно, какъ сладко видѣть ребенка, мало-по-малу усваивающаго твои мысли, твои понятія, постепенно развертывающаго свои способности, свои таланты! За право жить такъ я отдала бы все».

Орловъ въ этихъ строкахъ узнавалъ знакомое ему «золотое сердце княжны», и ему казалось, что на него смотрятъ ся кроткіе и ласковые глаза. Его очаровывала эта цѣльность натуры, эта дѣвическая чистота его дорогой подруги. Нерѣдко онъ мечталъ теперь о ней, какъ влюбленный, и у него на душѣ становилось свѣтлѣе и легче, когда въ его душу закрадывалась надежда на встрѣчу съ княжною. Онъ упрекалъ себя иногда за то, что онъ не сблизился прежде тѣснѣе съ нею, что онъ такъ долго смотрѣлъ на нее только какъ на милаго ребенка. Теперь это былъ уже далеко не ребенокъ, а, вѣроятно, прелестная дѣвушка.

Да, ребенокъ не могъ бы написать ему того, что писала она ему въ послѣднемъ письмѣ изъ-за границы:

«Странныя чувства волнуютъ меня въ настоящую минуту. Мнѣ и тяжело, и весело; мнѣ хочется и плакать, и смѣяться. Я ѣду въ Россію, я ѣду въ деревню, я ѣду туда навсегда. Но какой цѣной это купилось? Ты знаешь несчастіе отца: онъ потерялъ дорогое ему существо. Это сразу подкосило его, и мы нашли его за границей, куда онъ ѣздилъ, чтобы спасти дорогую ему женщину, разбитаго параличомъ. Ме-

дицинская помощь спасла ему жизнь, но это уже не прежній твердый и сильный старикъ, а слабое, безпомощное созданіе, нуждающееся въ уходѣ любящихъ людей. Я провела у его постели не мало безсонныхъ ночей, и чѣмъ больше я отдавалась уходу за нимъ, тѣмъ яснѣе становилось въ моей душѣ сознаніе, что это не только святой долгъ, но что это сладкая обязанность. Я сознавала, что я дѣйствую безкорыстно; я сознавала, что онъ благодаритъ меня въ душѣ за каждую услугу; я сознавала, что онъ ищетъ постоянно глазами меня, и только меня, и впервые испытала, что значитъ счастье. Когда ему стало легче, я сказала ему: «Поѣдемъ домой, тамъ будетъ лучше, тамъ у тебя буду не одна я, но будетъ и Ольга Родіоновна». Онъ молча протянулъ къ губамъ мою руку, и на его глазахъ сверкнули слезы. Я поспѣшила сказать ему, чтобъ онъ не думалъ о какой-нибудь жертвѣ съ моей стороны, что мнѣ тамъ будетъ тоже лучше, что я буду учить крестьянскихъ ребятишекъ, что здѣсь мнѣ не хорошо. Онъ тихо прошепталъ мнѣ: «Да, здѣсь тебѣ не хорошо!» Я сознавала, что мы оба поняли другъ друга. Да, мнѣ нужно было порвать съ этою жизнью, порвать съ матерью и сестрой — безъ ссоръ, безъ сценъ, потому что мы — чужія, вполнѣ чужія другъ другу, по образу жизни, по взглядамъ, по стремленіямъ. Чѣмъ онѣ гордятся, того я стыжусь; чѣмъ онѣ радуются, то будитъ во мнѣ тоску. И вотъ мои мечты сбываются: я ѣду домой. Вчера, когда уже все было готово къ отъѣзду, я пошла прощаться—не съ матерью, не съ сестрой, а съ одинокою могилой, съ могилой той, которая одна умѣла озарить хотя слабымъ лучомъ счастія жизнь моего отца. Я поклонилась до земли передъ свѣжей насыпью этой могилы, передъ прахомъ этой женщины, спасавшей своею любовью моего отца».

Перечитывая это письмо и вспоминая все прошлое, Орловъ точно видѣлъ, какъ передъ его глазами росла и развивалась физически и нравственно эта дѣвушка, подобно прекрасной статуѣ, мало-по-малу формирующейся подъ рѣзцомъ художника изъ безформенной глыбы мрамора. «И красавицей, должно-быть, стала»,—думалось ему въ эти минуты. Ему страстно хотѣлось увидать ее, и онъ забылъ все—и службу, и дѣла, и личныя непріятности, когда къ нему неожиданно долетѣла записка:

«Мы пріѣхали и остановились въ гостиницѣ Европа. Отцу нужно отдохнуть съ дороги и кстати до отъѣзда въ деревню посовѣтоваться съ здѣшними медицинскими знаме-

нитостями. Приходи скорѣй. Я и отецъ хотимъ поскорѣй повидаться съ тобою».

Онъ земли не чувствовалъ подъ собой, торопясь къ князю, къ ней...

Доѣхавъ до гостиницы, онъ сбросилъ пальто и быстро пошелъ по коридору къ помѣщенію, занятому княземъ. Едва успѣлъ онъ отворить дверь, какъ къ нему навстрѣчу бросилась княжна.

— Митя, голубчикъ, сколько лѣтъ!—раздались ея отрывочныя восклицанія и, прежде чѣмъ Орловъ успѣлъ опомниться, она обняла и поцѣловала его, какъ любимаго брата.

Онъ цѣловалъ ея руки и не могъ насмотрѣться на нее. Какъ она выросла, какъ похорошѣла. Вся въ черномъ, съ гладко зачесанными волосами, безъ всякихъ золотыхъ бездѣлушекъ и украшеній, она поражала простотой и строгостью своей красоты. Это было то же хрупкое, стройное и граціозное созданіе съ мелкими чертами лица, съ тонкими темными бровями, съ большимъ спокойнымъ лбомъ; только ея щурившіеся, какъ у близорукихъ, глаза сдѣлались серьезнѣе, строже, да совершенно исчезло съ лица дѣтское выраженіе чего-то неопредѣленнаго, выраженіе наивности и недоумѣнія, почти постоянно появлявшееся на этомъ личикѣ въ былые годы, когда княжна о чемъ-нибудь разспрашивала, чѣмъ-нибудь смущалась. Теперь Орловъ сразу подмѣтилъ на этомъ лицѣ выраженіе задумчивости, сосредоточенности и грусти,—выраженіе, не исчезавшее даже и тогда, когда по ея лицу скользила улыбка.

— Пойдемъ къ отцу, онъ будетъ тебѣ радъ. Бѣдный, онъ не покидаетъ почти кресла,—говорила она.—Ты его не узнаешь: состарѣлся, посѣдѣлъ...

Орловъ прошелъ съ нею къ князю. Князь дѣйствительно былъ неузнаваемъ: онъ постарѣлъ на десятки лѣтъ. Длинные, сѣдые волоса падали ему на плечи, на лбу прорѣзались крупныя морщины, сѣдая борода опускалась на грудь, полнота стала рыхлой, болѣзненной. Онъ сидѣлъ въ креслѣ съ окутанными теплымъ пледомъ ногами. Услыхавъ шаги, онъ поднялъ голову и привѣтливо улыбнулся при видѣ Орлова.

— Вотъ, братъ, какую развалину пришлось увидать,—сказалъ онъ, обнимая и цѣлуя Дмитрія Андреевича.—Умирать собирался, да вотъ она приказываетъ жить.

Князь указалъ на Софью Александровну, и все его лицо озарилось свѣтлымъ выраженіемъ любви. Она нагнулась и поцѣловала его руку.

— А и онъ-то, Соня, измѣнился, сильно измѣнился,— сказалъ князь дочери, указывая на Орлова.—Похудѣлъ, пожелтѣлъ...

— Кого же, папа, жизнь краситъ,—со вздохомъ сказала княжна.—Тебѣ, Митя, тоже пришлось немало испытать въ эти годы,—обратилась она къ Орлову.

— Да, не весело прожилъ, много всего насмотрѣлся и натерпѣлся,—отвѣтилъ Орловъ.—Въ Петербургѣ было худо въ послѣднее время, а здѣсь еще хуже: интриги, сплетни, дрязги—вотъ и вся здѣшняя жизнь. На первомъ планѣ вездѣ не общественное дѣло, не общественные интересы, а личныя отношенія. Ради личныхъ столкновеній и дрязгъ люди готовы погубить каждое дѣло. Кто вдумаетъ честно относиться къ исполненію своего долга, тотъ непремѣнно почувствуетъ себя безсильнымъ, одинокимъ, опуститъ руки и придетъ къ заключенію, что одинъ въ полѣ не воинъ.

— У насъ и вездѣ такъ, не въ одной провинціи,—сказалъ князь.

— Да; но въ провинціи это сильнѣе сознается. И нельзя сказать, чтобы честныхъ людей не было вовсе, но именно эти люди и являются самыми плохими практиками, и потому они безсильны. Впрочемъ, что же я вамъ разсказываю: возьмите любой нумеръ газеты, и вы увидите, какъ идутъ думскія дѣла, каковы дѣянія желѣзнодорожныхъ дѣятелей, что дѣлается въ акціонерныхъ обществахъ, въ земствѣ. Если о правительственныхъ учрежденіяхъ нѣтъ такихъ же свѣдѣній, то только потому, что объ этомъ не смѣютъ писать.

— Считаютъ нецензурнымъ обличеніе тѣхъ, кто подрываетъ своими мошенничествами авторитетъ правительства,— съ ироніей сказалъ князь.

— Все та же старая пѣсня вѣчныхъ недоразумѣній, Александръ Владиміровичъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ и сталъ распространяться о всякихъ злобахъ дня.

Княжна слушала съ сосредоточеннымъ вниманіемъ разсказы о томъ, какъ плохо идутъ дѣла, и, наконецъ, тихо проговорила:

— И все это отзывается на народѣ.

— Да, да, и опять та же старая пѣсня, тотъ же припѣвъ: людей нѣтъ,—сказалъ князь.

— Теперь это вѣрно еще болѣе, чѣмъ прежде, потому что людей нужно гораздо больше, чѣмъ прежде,—замѣтилъ Орловъ.—Россіи правительство за послѣдніе годы дало

сильный толчокъ,—она сильно развила свою дѣятельность во всѣхъ отношеніяхъ,—а людей, подготовленныхъ къ этой дѣятельности, далеко не достаточно. Мы теперь какъ разъ переживаемъ переходную эпоху и, если можно такъ выразиться, стоимъ ниже существующихъ житейскихъ условій.

— Да, у насъ это всегда такъ было: съ одной стороны—великіе планы Петра, а съ другой—его исполнители, которыхъ нужно было бить дубинкою, чтобъ они дѣло дѣлали, какъ слѣдуетъ, какъ желаетъ царь,—сказалъ князь.

— Только теперь хуже уже потому, что всѣхъ не перебьешь одною дубинкой: жизнь сложнѣе стала,—замѣтилъ Орловъ.

— Гласность—вотъ дубинка, которою еще можно бы многое сдѣлать,—проговорилъ князь.

— Если-бъ она была,—замѣтилъ Орловъ.

Потомъ разговоръ перешелъ на разспросы Орлова о томъ, долго ли пробудетъ князь въ городѣ, какихъ докторовъ онъ хочетъ пригласить. Не касались только одного—вопроса о прошломъ, о семьѣ, о недавнихъ личныхъ событіяхъ. Орловъ угадывалъ, что князю было бы тяжело говорить о женѣ, объ утратѣ Андроновой, о причинѣ, побудившей княжну уѣхать съ нимъ изъ-за границы отъ матери. Мало-по-малу князь задремалъ, свѣсивъ голову на грудь.

— Пройдемъ въ другую комнату. Онъ позвонитъ, когда проснется. Теперь онъ часто такъ засыпаетъ днемъ,—тихо проговорила княжна.

Они вышли въ большую гостиную.

— Если бы ты зналъ, какъ я счастлива, что я здѣсь!—сказала княжна Орлову.—Тамъ, за границей, мнѣ все чужое; тамъ на каждомъ шагу я сознавала, что я—лишняя, ненужная. Здѣсь хоть что-нибудь, да буду дѣлать.

— Ты непремѣнно школу хочешь открыть?—спросилъ Орловъ.

— Я ни на что больше не способна,—просто отвѣтила княжна.—Это же дѣло полезное, хорошее.

— И не легкое,—замѣтилъ Орловъ.

— Не думаю,—сказала княжна.—Правда, бѣдной учительницѣ, работающей изъ-за куска хлѣба чуть не въ курной избѣ, трудно, а мнѣ... Я же могу хорошо обставить школу, я буду сыта, одѣта... Нѣтъ, мнѣ будетъ легко. Впрочемъ, я не боюсь, если-бъ и было трудно. Другого выбора нѣтъ: въ филантропію, какой у насъ занимались, я не вѣрю...

— Кстати,—сказалъ Орловъ:—ты совсѣмъ порвала съ матерью?

— Да.

Онъ вдругъ точно испугался случайно сорвавшагося съ его языка вопроса и не продолжалъ далѣе разговора на эту щекотливую для него тему; но княжна сказала:

— Я рада, что мы разстались. Я перестала ее уважать, а жить съ матерью и не питать къ ней уваженія—это невыносимо. Я уже далеко не дѣвочка, я уже чуть не старая дѣва, и мнѣ просто становилось тамъ неловко...

Орловъ молчалъ, задумчиво ходя съ княжной по комнатѣ.

— Ты, конечно, знаешь причину, зналъ все и прежде. Я же только недавно узнала все, все...—продолжала княжна.

Орловъ поблѣднѣлъ. Въ его головѣ вдругъ промелькнула мысль: «Неужели она знаетъ все и... обо мнѣ?»

— Бѣдный отецъ!—со вздохомъ продолжала она.—Я его полюбила теперь еще болѣе, когда мнѣ все стало ясно. Терпѣть и молчать столько лѣтъ, зная, что надъ нимъ, можетъ-быть, смѣются разные негодяи—это подвигъ, это жертва, принесенная ради дѣтей, ради насъ.

Орловъ чувствовалъ, что у него замираетъ сердце, точно онъ ожидаетъ, что вотъ-вотъ все раскроется, что онъ самъ проговорится, сознается ей, и она съ презрѣніемъ скажетъ ему: «А, такъ и ты былъ въ числѣ этихъ негодяевъ?»

— Жизнь калѣчитъ сотни тысячъ людей съ колыбели, она сгубила и твою мать,—тихо проговорилъ онъ, чтобы только не молчать.

— Я ея не обвиняю,—сказала княжна.—Я вообще не понимаю возможности обвинять людей,—я только считаю нужнымъ сторониться отъ тѣхъ, кого не могу любить и уважать...

Она сдвинула брови, и ея лицо сдѣлалось совсѣмъ строгимъ.

— Я вычеркиваю такихъ людей изъ своей жизни, изъ своей памяти,—проговорила она:—вотъ и все.

Въ ея голосѣ была какая-то холодность, сухость.

Ему вдругъ инстинктивно захотѣлось вступиться за княгиню, точно, отстаивая ее, онъ хотѣлъ отстоять отчасти и себя.

— Иногда надо прощать и примиряться,—сказалъ онъ.—Паденіе—тоже несчастіе.

— Да; но мнѣ кажется, что люди ужъ слишкомъ часто мирятся. Прощать—это я понимаю, потому что и не обвиняю никого; но мириться...—нѣтъ, я на это неспособна...

Потомъ она помолчала, смотря впередъ передъ собою прищуренными глазами, точно всматриваясь въ даль. На-

конецъ, она вздрогнула, слегка встряхнула головой, какъ бы отгоняя какія-то тяжелыя мысли, и совсѣмъ измѣнившимся, ласковымъ тономъ сказала:

— Но какъ, должно-быть, трудно тебѣ-то являться публичнымъ обвинителемъ несчастныхъ людей! Понимать, что они не виноваты, что они—загубленные обстоятельствами страдальцы и обвинять! Ты радъ бы, я думаю, освободиться отъ этой обязанности?..

— Я только къ тому и стремлюсь,—сказалъ Орловъ.

— Это ужасно—вѣчно идти не по тому пути, который нравится, вѣчно подчиняться чьей-то чужой волѣ. Ты думаешь, что тебѣ дѣйствительно еще нельзя пріѣхать въ Петербургъ?

Они заговорили о дѣлахъ, касавшихся Орлова. Она выслушивала его жалобы и надежды съ участіемъ сестры, разспрашивала подробно, какъ онъ живетъ, съ кѣмъ онъ близокъ.

— Я здѣсь совершенно одинокъ, и если бы не Благолѣповъ, я, кажется, съ ума сошелъ бы отъ тоски,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Да, ты мнѣ писалъ о немъ. Ты насъ познакомишь?

— Хорошо. Это добрый малый, большая, но едва ли не окончательно свихнувшаяся сила. Контитъ тоже здѣсь небо, потому что всѣ пути отрѣзаны къ дѣятельности. Впрочемъ, у насъ вездѣ такъ: одинъ опускаетъ крылья въ неравной борьбѣ, другому связали крылья при первомъ ихъ взмахѣ, и всѣ только жалуются и брюжжатъ. Вотъ поживешь здѣсь, на родинѣ,—увидишь, какъ все безрадостно, и, можетъ-быть, пожалѣешь о прежней жизни. Здѣсь иногда, кажется, бросилъ бы все и бѣжалъ бы...

— Куда?—коротко спросила она.

Онъ не нашелся, что отвѣтить. Онъ никакъ не ожидалъ этого простого вопроса. Она, какъ бы въ раздумьи, какъ бы про себя сказала:

— Этого чувства я, вѣроятно, никогда не испытаю. Ты говоришь, что кругомъ все безрадостно,—какъ же можетъ явиться мысль о бѣгствѣ, куда бы то ни было?

— Я думаю, и всегда бѣгутъ отъ горя, а не отъ радости,—замѣтилъ онъ.

Но она, не отвѣчая на это замѣчаніе,—продолжала тѣмъ же тономъ:

— Вотъ тамъ, за границей, когда кругомъ шли пиры, пикники и катанья, мнѣ все хотѣлось бѣжать и бѣжать.

Но когда я увидала больного отца, мнѣ вдругъ сразу захотѣлось быть при немъ, и только при немъ, не покидая его ни на минуту. Тамъ я чувствовала себя ненужной, лишней, а тутъ... Боже мой, тутъ каждое движеніе, каждый взглядъ говорятъ мнѣ, что я нужна, что я вношу отраду въ чужую жизнь. Нѣтъ, жить съ тѣми, кто страдаетъ, и хоть чѣмъ-нибудь облегчать страданія—выше этого нѣтъ ничего на свѣтѣ, потому что только это пробуждаетъ сознаніе, что ты не лишній.

— Ты осталась все такою же, какой была въ дѣтствѣ: тебѣ надо вѣчно кого-нибудь утѣшать, кого-нибудь пригрѣвать, о комъ-нибудь заботиться.

Она улыбнулась.

— Ты знаешь, какъ меня за это называлъ дѣдушка?

— Лампадовъ?

— Да.

— Нѣтъ, не знаю.

— «Властолюбивой принцессой». «Непремѣнно, — говорилъ онъ:—хочетъ она, чтобы каждый-то щенокъ былъ именно ей обязанъ своимъ спасеніемъ». Милѣйшій вормунъ!.. Ты знаешь, онъ вѣдь меня очень любилъ и, кажется, радовался именно тому, что я росла «властолюбивой принцессой». Но я понимаю, что онъ отчасти правъ: я люблю больше всего тѣхъ, кому я нужна... Можетъ-быть, если-бъ я была очень здоровымъ и крѣпкимъ человѣкомъ, выдающейся красавицей, или отличалась бы какими-нибудь особенными талантами, мое самолюбіе направилось бы въ другую сторону, какъ у сестры, вѣчно одерживающей побѣды надъ разными поклонниками,—ну, а теперь... теперь утѣшаюсь только тѣмъ, что я могу быть кому-нибудь нужна...

Она опять улыбнулась.

— Однако, я точно рекомендуюсь тебѣ,—сказала она:— и хочу сразу выложить передъ тобою всю душу. Впрочемъ, мы такъ давно не видались, и надо же знать, чѣмъ мы стали...

Въ его головѣ промелькнула мысль, что онъ-то, къ сожалѣнію, не можетъ передъ нею «выложить всю душу». А какъ бы ему хотѣлось это сдѣлать! Какъ бы ему хотѣлось разсказать ей все, все и выпросить у нея прощенье за мелкія ошибки во имя того добраго и честнаго, что еще уцѣлѣло въ немъ!.. Но можно ли сознаться именно передъ ней въ своихъ ошибкахъ, заблужденіяхъ и паденіяхъ? Ему вспомнились ея слова: «прощать—это я понимаю, потому

что и не обвиняю никого; но примиряться... нѣтъ, на это я неспособна». Да, она изъ тѣхъ, которыя примиряются только тогда, когда страсть заставляетъ ихъ забыть все. Ея же любовь къ нему—не страсть, а тихая привязанность сестры къ брату. Это онъ понялъ сразу. Чего бы онъ не далъ теперь, чтобы вызвать въ ней иное, болѣе сильное, болѣе горячее чувство! Тогда онъ все, все высказалъ бы ей, и она не только простила бы, но примирилась бы...

III.

Князю посовѣтовали пробыть нѣсколько дней въ городѣ. Княжна и Орловъ были очень рады этому обстоятельству. Они видѣлись каждый день и нерѣдко ходили вмѣстѣ на прогулку, пользуясь первыми теплыми весенними днями. Княжна уже не боялась оставлять отца, такъ какъ онъ былъ теперь не одинъ. Ольга Родіоновна не утерпѣла и пріѣхала въ городъ, чтобы поскорѣе увидать своихъ любимцевъ. Старушка отчасти заподозрила, что отъ нея скрываютъ опасность нездоровья князя, когда ей прислали телеграмму о томъ, что князь прибылъ въ городъ и останется тамъ на нѣкоторое время для отдыха и совѣтовъ съ докторами. Она была рада, что ея опасенія не оправдались, и что князь хотя и страдалъ довольно сильно, но все же находился не въ опасномъ положеніи. Тотчасъ же по пріѣздѣ она вступила въ роль домоправительницы и часто замѣняла княжну около больного. Орловъ очень былъ радъ возможности почаще бывать съ глазу на глазъ съ княжною.

Разъ, гуляя съ нею, Дмитрій Андреевичъ встрѣтилъ Благолѣпова. Тотъ поклонился Орлову и хотѣлъ поскорѣй ускользнуть. Онъ вообще дичился женщинъ, тутъ же сконфузился еще болѣе, сразу угадавъ, что Орловъ идетъ съ княжной.

— Постой, постой! Познакомить надо... Никаноръ Ивановичъ Благолѣповъ! Софья Александровна Русова!—сказалъ Орловъ, удерживая пріятеля.—Вы оба уже отчасти знакомы, такъ какъ слышали отъ меня другъ о другѣ.

— Слышать-то обо мнѣ нечего,—хмуро отвѣтилъ Благолѣповъ, сдвинувъ угрюмо брови.

Княжна дружески протянула руку.

— Я очень рада. Митя такъ много писалъ о васъ,—сказала она.

— Да чего обо мнѣ писать?..

— Что вы единственный добрый человѣкъ около него,— сказала она.

— Что-жъ, и на томъ спасибо, что хоть только за дурака считаетъ,—отвѣтилъ Благолѣповъ.—Добрые-то вѣдь всегда либо дураки, либо блаженные..

— Да ты ужъ не юродствуй,—проговорилъ шутливо Орловъ, потрепавъ его по плечу.—Софья Александровна не кусается.

— Это онъ, изволите ли видѣть, ободряетъ меня!—укоризненно сказалъ Благолѣповъ съ тяжелымъ вздохомъ.—Знаетъ, что мальчикъ-то застѣнчивъ,—ну, и ободряетъ его!

— Ахъ, я-то ужъ это знаю, какъ можно растеряться въ обществѣ,—весело замѣтила княжна.—Я на одной свадьбѣ шоколадъ на столъ пролила и батистовымъ платкомъ вытерла,—а спрятать-то платокъ и некуда... Очень ужъ я жалка была, должно-быть...

Благолѣповъ махнулъ рукой.

— Я въ грязныхъ калошахъ и въ шапкѣ въ залу проперъ къ одному генералу отъ самой этой застѣнчивости... Встрѣтилъ его въ передней; заговорилъ онъ, смутился я,— ну, такъ и поперъ за нимъ во всемъ облаченіи...

Княжна улыбнулась.

— Ну, поворачивай-ка и пойдемъ лучше съ нами, чѣмъ такъ-то стоять,—сказалъ Орловъ.

Благолѣповъ пожалъ плечами, точно хотѣлъ сказать: «да чего вы ко мнѣ пристали», но все же пошелъ съ Орловымъ и княжною.

— Онъ вѣдь все равно гранитъ мостовую и ничего не дѣлаетъ,—проговорилъ Орловъ, обращаясь къ княжнѣ.

— Извѣстно, паршивая овца,—сказалъ Благолѣповъ.

— Это вы сами о себѣ такого мнѣнія?—спросила княжна.

— Велѣли такимъ считаться,—ну, и считаюсь,—отрывисто отвѣтилъ Благолѣповъ.

— И не пробуете сдѣлаться чѣмъ-нибудь другимъ?— спросила она.

— Попробуешь тутъ, какъ состоишь подъ надзоромъ!

— Я все-таки попробовала бы.

— Ничего вы не понимаете въ этомъ, барышня!—отрывисто сказалъ Благолѣповъ.—Что-жъ, въ бѣга, что ли, пуститься?

— Отчего же и нѣтъ, если-бъ этимъ можно было спастись отъ бездѣйствія? Вѣдь такъ-то, должно-быть, ужъ очень тяжело и обидно жить ни для чего.

— Кто говоритъ, что сладко!

— Да; но вѣдь ты забываешь, что его найдутъ, если опѣ и уйдетъ отсюда, и тогда будетъ еще хуже,—сказалъ Орловъ, обращаясь къ княжнѣ.

— А развѣ есть надежда, что его скоро выпустятъ изъ-подъ надзора?—спросила она.

— Какія тамъ надежды!—угрюмо отвѣтилъ Благолѣповъ, безнадежно махнувъ рукой.

— Такъ что же можетъ быть худшее?—спросила княжна, смотря съ выраженіемъ недоумѣнія на него и на Орлова.

Благолѣповъ тоже съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Орлова, какъ бы вызывая его на отвѣтъ, и усмѣхнулся.

— Вострая барышня...—съ наивнымъ простодушіемъ сказалъ онъ.—Сейчасъ сообразила, что худшаго ничего изъ этого не выйдетъ: изловятъ и водворятъ опять подъ надзоръ—вотъ и все. Развѣ только посѣвернѣе водворятъ.

— Ну, положимъ, что худшаго ничего и не выйдетъ, да бѣжать-то для чего? Чтобы бездѣйствовать въ другомъ мѣстѣ?—загорячился Орловъ.

— А развѣ, Митя, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ онъ не могъ бы быть сельскимъ учителемъ, волостнымъ писаремъ, мало ли чѣмъ?—сказала она въ видѣ вопроса.

— Ну, это вы, барышня, сплоховали, не сообразили!—замѣтилъ Благолѣповъ.—Пигдѣ меня, во-первыхъ, съ вѣтру не возьмутъ, а во-вторыхъ, вездѣ узнаютъ, что я подъ надзоромъ.

Княжна передернула плечами.

— Я не знаю законовъ и не знаю вашего положенія, но я все-таки стала бы пробовать, пытаться, достигла бы чего-нибудь. Вы вотъ такой здоровый, бодрый, сильный—и ничего не дѣлать—это ужасно, ужасно обидно!

— Что-жъ, прикажите фальшивый паспортъ, что ли, выправить, уголовщину сотворить, чтобы какимъ-нибудь волостнымъ писаремъ быть?—сказалъ Благолѣповъ съ иронією.

— Если-бъ этимъ путемъ можно было освободиться отъ бездѣйствія, я бы пошла и на то! Да лучше поплатиться,—дорого поплатиться за это,—но только бы не сознавать, что пальца о палецъ не стукнешь для пользы ближнихъ. Вѣдь въ вашемъ положеніи до отчаянія дойти можно, до сумасшествія, до...

— До пьянства люди доходятъ этакъ-то, сложа руки сидя,—угрюмо вставилъ Благолѣповъ.

— А съ фальшивыми паспортами до Сибири,—закончилъ Орловъ.

— Ну, и что-жъ? Ну, и что-жъ?—горячо возразила княжна. Съ чистою совѣстью въ Сибири, вѣроятно, гораздо легче жить, чѣмъ здѣсь съ вѣчными угрызеніями совѣсти, съ вѣчнымъ сознаніемъ, что ты—ненужный, лишній, тунеядецъ...

Она вдругъ смолкла и измѣнившимся голосомъ, совсѣмъ сконфузившись, прибавила:

— Извините, пожалуйста... Я это говорю вообще, а совсѣмъ не о васъ... Я вовсе не хотѣла...

— Да ничего, ничего, валяйте! — сказалъ добродушно Благолѣповъ.—И не такихъ комплиментовъ наслушались.

Княжна сконфуженно молчала. Ей было ужасно больно сознавать, что она оскорбила Благолѣпова.

— Вы не сердитесь?—проговорила она ласково, спустя минуту, и стараясь заглянуть въ его глаза.—Я, право, лично о васъ самаго, самаго хорошаго мнѣнія! Митя такъ хвалилъ всегда васъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы не сердились на меня...

Она протянула ему руку. Онъ неуклюже сжалъ ее и сильно потрясъ.

— Въ доказательство того, что вы не сердитесь, заходите вечеромъ къ намъ съ Митей,—сказала она.

— Да съ чего вы взяли, что я разсердился!—сказалъ Благолѣповъ.—Я и не такъ еще самъ себя ругаю.

— Такъ придете?

— Ну, вечеромъ-то сегодня... —началъ Благолѣповъ, неловко подыскивая предлогъ для отказа и почесывая за ухомъ.

— Что ты, какъ это можно! Онъ и тебя, и князя боится,—проговорилъ Орловъ.—Вы вѣдь аристократы!

— Убирайся ты! Никого я не боюсь, а только что же вамъ во мнѣ?—сказалъ Благолѣповъ.—Такъ развѣ отъ скуки побаловаться...

Княжну точно что-то больно кольнуло при послѣднихъ словахъ Благолѣпова. Она вдругъ словно сжалась, словно ушла въ какую-то раковину.

— Ну, какъ хотите,—коротко проговорила.

Они дошли до гостиницы «Европа», и княжна наскоро простилась съ Орловымъ и Благолѣповымъ.

Оба товарища медленно пошли въ обратный путь. Благолѣповъ хмурился и не отвѣчалъ на вопросы Орлова. Наконецъ, онъ плюнулъ и отрывисто проговорилъ.

— Свинья, такъ свинья и есть!

— Ты это кого?—спросилъ Орловъ.

— Кого же, какъ не себя, отвѣтилъ Благолѣповъ.— Мнѣ человѣкъ руку протягиваетъ, а я свое свиное рыло въ сторону ворочу.

Орловъ громко разсмѣялся.

— Какъ ты думаешь,—спросилъ Благолѣповъ, спустя минуту:—теперь-то ловко будетъ, если я явлюсь вечеромъ?

— Да вѣдь она же звала,—отвѣтилъ Орловъ.

— А ты оглохъ, что ли, что не слыхалъ, какъ я отрѣзалъ?—сказалъ Благолѣповъ.

— Ну, теперь отказался, а вечеромъ нашелъ возможность придти—вотъ и все. Да ты чего это, не думаешь ли съ нею церемониться? Не начни сдуру ей говорить: «ваше сіятельство». Она, братъ, простой, сердечный человѣкъ.

— Ну да, всѣ глупѣе тебя, ничего сами не раскусятъ, если ты не разжуешь, да въ ротъ не положишь,—проговорилъ Благолѣповъ.

Вечеромъ Орловъ едва удержался отъ смѣха, когда за нимъ зашелъ Благолѣповъ, чтобы идти къ Русовымъ. Благолѣповъ былъ дѣйствительно смѣшонъ: на немъ былъ синій галстукъ съ бѣлыми горошинами, завязанный въ два банта; его большая, довольно красивая голова подпиралась невообразимо туго накрахмаленнымъ высокимъ воротничкомъ, вѣроятно, взятымъ у кого-нибудь на время, такъ какъ онъ былъ, повидимому, слишкомъ тѣсенъ для Благолѣпова; его волосы, всегда стоявшіе какой-то разметанной вѣтромъ копной, были густо напомажены очень пахучей помадой и тщательно приглажены. Онъ напоминалъ теперь не то мелкаго лакеишку, не то мѣщанина сидѣльца въ праздничномъ туалетѣ. Онъ старался смотрѣть чинно и серьезно, точно приготовлялся къ какому-то торжеству. Но чинность и серьезность смѣнялись все сильнѣе и сильнѣе тревогой, по мѣрѣ приближенія друзей къ гостиницѣ. Благолѣповъ былъ точно на иголкахъ и даже отеръ съ лица потъ.

— Что это, ты и платокъ надушилъ,—шутливо спросилъ Орловъ.

— Вотъ выдумалъ,—отрывисто отвѣтилъ Благолѣповъ.— Просто одеколонцемъ его намазалъ...

Почти у подъѣзда гостиницы онъ сквозь зубы проворчалъ.

— Вернуться, что ли?

— Чего ты?—спросилъ Орловъ.

— Да вотъ князь тамъ этотъ, старый хрѣнъ... Еще кого-нибудь встрѣтишь...

— Да, да, смотри, носъ откусятъ!

— Тебѣ хорошо зубы-то скалить, коли ты привыкъ передъ публикой у себя въ судѣ прохвостничать, а я...

— А ты не ругайся и иди, если пошелъ,—сказалъ Орловъ.

Они вошли въ гостиницу и прошли къ Русовымъ. Не прошло и получаса, какъ князь уже добродушно улыбался, слушая грубовато-шутливыя выходки и своеобразную рѣчь «молодого дикаря», какъ онъ называлъ потомъ Благолѣпова. Никаноръ Ивановичъ, уже нисколько не стѣсняясь, развязно разсказывалъ о себѣ, о своихъ похожденіяхъ, придавая самымъ горестнымъ воспоминаніямъ изъ своего прошлаго комическій оттѣнокъ. Вопросъ коснулся того, какъ и почему попался Благолѣповъ подъ арестъ и потомъ подъ полицейскій надзоръ, какъ неблагонадежный человѣкъ.

— Извѣстно, какъ. Это какъ дорвались мы до вопросовъ, ну, и стали орать. Орали, орали, насъ и сцапали, голубчиковъ. Вотъ и все!—пояснилъ Благолѣповъ.

— Я васъ немного не понимаю,—замѣтилъ съ улыбкой князь.—Вы говорите: «дорвались до вопросовъ». Что вы хотите этимъ сказать.

— Да, вотъ-съ, я замъ эту эпопею, ваше сіятельство, разскажу по порядку,—сказалъ Благолѣповъ.—Вы видите, я обломъ. А какъ же мнѣ не быть обломомъ, если объ меня всѣ ухваты въ дѣтствѣ обломалъ дядя, уча меня уму-разуму. Попивалъ человѣкъ съ горя, — ну, ему и нужно было на комъ-нибудь душу отвести. Бывало, колотитъ, колотитъ, даже притомится. А тетка-старушка плачетъ: «Варваръ, разбойникъ, измучилъ дядю родного, жалости-то въ тебѣ къ старику нѣтъ, душегубецъ!..» Извѣстно, жаль тоже ей было старика. Ну, такъ и росъ я обломомъ. Потомъ въ семинаріи одни драли, а другіе водку учили пить. При такомъ-то воспитаніи, ваше сіятельство, конечно, не только манерамъ какимъ-нибудь свѣтскимъ не научишься, но и о жизни-то дѣйствительной понятія какія-то несуразныя составишь, точно на лунѣ чуть не десять лѣтъ прожилъ. Потомъ пришлось мнѣ, воспылавшему скоропостижнымъ рвеніемъ къ наукѣ, чуть не Христовымъ именемъ побираясь, пѣшкомъ съ обозами проперетъ до Питера и тутъ ужъ коммуна началась. Сошлось насъ такихъ-то голяковъ да обломовъ, какъ я, головъ семь, и помѣстились

мы всѣ въ одной комнатѣ въ Гаванѣ. Двѣ выходныя пары платья у всѣхъ-то семерыхъ были; бывало, кто раздобудетъ деньги, на того счетъ и живемъ, пока опять кто-нибудь другой не достанетъ деньжищъ малую толику. Совсѣмъ коммунисты были: ничего своего, все—общее. Пристроились мы въ университетъ и стали работишки частной искать; съ одной стороны съ профессорами и студентами сошлись, а съ другой—съ практической общественной жизнью столкнулись носъ къ носу. Тутъ-то и начались у насъ, князь, вопросы: и на лекціяхъ профессора ихъ поднимаютъ, и студенты ихъ треплютъ, вкривь и вкось ихъ разрѣшая, и сама жизнь ихъ подсказываетъ, потому что тутъ тебя на урокахъ да на перепискѣ обочтутъ, тамъ передъ тобой какая-нибудь юница на притѣсненія родительскія плачется, въ третьемъ мѣстѣ на скандалъ какой-нибудь семейный напрешься. Ну, какъ дорвались мы, съ луны-то на землю упавшіе люди, до этихъ вопросовъ и пошли галдить, да орать. Это ужъ, батенька, всегда такъ: пригнусите голоднаго къ ѣдѣ, сейчасъ облопается. Это вѣрно. Ну, такъ-то вотъ и мы тогда этими вопросами облопались. Я, если бы мнѣ тогда волю дали, все государство въ одинъ мигъ перестроилъ бы: и женщинамъ права далъ бы, и закрытыя заведенія уничтожилъ бы, и латынь разную вывелъ бы, и коммуны устроилъ бы. Все ужъ такъ-то ясно я вдругъ понялъ, точно до меня люди никогда ни о чемъ и не думали, а я посмотрѣлъ на все своими ясными очами—да все сразу и сообразилъ. Тутъ-то я и сталъ горло драть... Ну, и остановили: «кто ты такой? Почему орать смѣешь? Развѣ это по твоему званію полагается?»... Оно вѣдь и точно, не въ такихъ я чинахъ былъ, чтобъ орать.

— Ну, а если бы не остановили?—спросилъ князь.

— Титулярнымъ, а то надворнымъ совѣтникомъ былъ бы теперь,—благодушно отвѣтилъ Благолѣповъ.

Княжна со вздохомъ замѣтила:

— Много же вы перенесли въ жизни!

— Много-то много, милая барышня, да жаль, что глупо какъ-то переносить все заставляли,—обратился къ ней Благолѣповъ.—За что надо было бить, за то не били. Чему надо было учить, тому не учили. Чему научили, то пришлось забывать, да переучивать. Да вотъ и теперь: считаютъ человѣка опаснымъ, а велятъ сидѣть сложа руки,—ну, человѣку-то и лѣзутъ всякія грѣховныя мысли въ голову. Такъ-то я, можетъ-быть, смиреннымъ учителемъ

физики или химіи сдѣлался бы, а теперь вотъ все злоумышляю отъ нечего дѣлать. Да это и во всемъ такъ: вонъ хоть, напримѣръ, засадятъ для исправленія мальчугана-воришку между опытными ворами въ тюрьму,—ну, глядишь, изъ него и выработается крупный артистъ по мошеннической части.

Разговоръ перешелъ на тему о разныхъ житейскихъ противорѣчіяхъ, о такихъ несообразностяхъ, какъ введеніе въ Россіи классицизма, когда страна нуждается въ развитіи промышленности, сельскаго хозяйства, желѣзныхъ дорогъ, горнаго дѣла,—однимъ словомъ, во всемъ такомъ, что можетъ процвѣтать только при помощи естествознанія и чего не двинутъ впередъ никакіе классическіе языки.

— Народъ бѣдствуетъ, государство въ долгу, все въ застоѣ, правительству люди нужны, а мы и ухомъ не ведемъ, учимъ себѣ дѣтей латыни, точно въ ней-то и спасеніе Россіи,—уже совсѣмъ серьезно говорилъ Благолѣповъ.—Что-жъ мудренаго, что на насъ нѣмецъ насѣлъ, да жидъ изъ насъ соки высасываетъ. Мы вѣдь точно младенцы безпомощные. Куда ни обернешься, вездѣ все другіе выдумываютъ, вездѣ все другіе устраиваютъ, да всѣмъ руководятъ. Вы посмотрите, кто управляетъ большими сельскими хозяйствами баръ—нѣмецъ, кто ворочаетъ фабричнымъ и заводскимъ дѣломъ—нѣмецъ; да однихъ врачей станешь считать такъ на двухъ Ивановыхъ, да Михайловыхъ десять Бауеровъ, да Кениговъ насчитаешь. Ну, а намъ и горя мало, зубримъ себѣ латынь, чтобъ отъ вольнаго духа, да безбожія спастись. Ей-Богу, иногда кажется, что какіе-то враги отечества подсказываютъ намъ, что дѣлать, чтобъ окончательно погубить родину.

— Не мудрено, что васъ выслали, если вы всегда такъ выражались,—вставилъ замѣчаніе князь.

— Ну-у! Вѣдь это же всѣ теперь говорятъ, всѣ ругаютъ эту классическую систему,—проговорилъ Благолѣповъ, удивленный замѣчаніемъ князя.

— Да дѣло не въ томъ, а въ тонѣ,—сказалъ князь.— Можно многое порицать, да умѣть это дѣлать.

— Ну, ужъ этого отъ него, Александръ Владиміровичъ, не требуйте,—шутливо замѣтилъ Орловъ. — Порицать и критиковать онъ не умѣетъ, а ругаться—на это онъ мастеръ.

— Что-жъ, извѣстно насъ приличіямъ, да манерамъ въ семинаріи не учили,—сказалъ Благолѣповъ. — Вонъ мужики

еще хуже ругаются, такъ за это нельзя же ихъ считать злоумышленниками...

— Кто говоритъ, — сказалъ шутливо князь:—у каждаго свой façon de parler.

— Именно, ваше сіятельство, такъ! Вотъ вѣрное слово сказали. У каждаго свой фасонъ. Всѣхъ на одну колодку не передѣлаешь,—согласился Благолѣповъ.

Часовъ въ десять князь, по обыкновенію, задремалъ. Молодые люди перешли въ другую комнату и проболтали тамъ еще съ часъ. Благолѣповъ самъ себѣ удивлялся, какъ онъ развернулся, и былъ очень доволенъ собою. Разсказывая княжнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ, Благолѣповъ мелькомъ, съ обычной шутливостью, замѣтилъ:

— Иногда просто тошно становится; только и отрады, что махнешь на все рукой. да и запьешь.

Княжна горячо замѣтила.

— Какъ это вы можете шутить такими вещами! Что можетъ быть отвратительнѣе пьянства.

— Вѣрно. боитесь, милая барышня, пьяныхъ?—пошутилъ Благолѣповъ.

— Вовсе не боюсь! Но что же можетъ быть хуже пьянства? Это добровольное помѣшательство. Пьяному нельзя ни въ чемъ довѣриться, за пьянаго никогда нельзя поручиться. Я просто не понимаю, какъ можетъ большинство мужчинъ, даже неглупыхъ и честныхъ, такъ хладнокровно относиться къ этому.

— Это потому, что всѣ у насъ пьютъ,—сказалъ Благолѣповъ.

— Хорошо оправданіе!.. У насъ и взятки почти всѣ берутъ, значитъ надо и на взяточничество хладнокровно смотрѣть.

— Ишь какая вы строгая!—пошутилъ Благолѣповъ.

— Да полноте балаганить! — раздражительно сказала княжна.—Есть вещи, которыми не шутятъ! Неужели вы ко всему такъ легко относитесь? Въ такомъ случаѣ, за что же вы ругаете тѣхъ, кто стоитъ выше васъ въ общественномъ положеніи?.. За то только, что они больше васъ могутъ пропивать. да безобразничать?

— Да я, можетъ-быть, за это ихъ вовсе и не ругаю.

— Такъ за что же?.. За то, что они плохо свои обязанности исполняютъ. Такъ вы и вовсе ничего не дѣлаете.

— Руки связаны...

— А вы развязать-то ихъ пробовали?

— Можетъ-быть, и пробовалъ, — сказалъ Благолѣповъ неохотно.

Княжна прямо взглянула ему въ глаза и покачала головой.

— Не къ лицу вамъ ложь, Никаноръ Ивановичъ,—сказала она грустнымъ тономъ.

Благолѣповъ вдругъ разсердился, на что, какъ всегда казалось Орлову, онъ былъ вовсе неспособенъ.

— Ну, не пробовалъ, не пробовалъ!—сказалъ онъ грубо.— Да вамъ-то что?.. Ну, да, пью я, и баклушничаю, и даромъ землю копчу, и не пробую развязать руки,—а вамъ-то что?

Княжна серьезно и пристально смотрѣла на него.

— Мнѣ что? Мнѣ вовсе нѣтъ до этого дѣла, если это дѣйствительно такъ,—отвѣтила она спокойно.—Мало ли людей ведетъ такую жизнь, всѣ почти такъ живутъ, иные еще и воруютъ, и взятки берутъ, и народъ обираютъ...

Она говорила такъ холодно и равнодушно, что Благолѣповъ вспылилъ еще болѣе.

— Что же, это вы хотите сказать, что, молъ, если ты такой же подлецъ, какъ и всѣ, такъ съ тобой и говорить нечего?...

— Напрасно вы сердитесь,—сказала княжна.—Вы сказали, что мнѣ нѣтъ дѣла до того, какъ вы живете, и я соглашаюсь съ этимъ—вотъ и все.

— А въ душѣ подлецомъ называете...

— Да вамъ-то до этого какое дѣло?—съ улыбкой спросила княжна.

Благолѣповъ вытащилъ изъ кармана платокъ и отеръ себѣ лобъ.

— Въ потъ вогнали!—сказалъ онъ уже своимъ обычнымъ тономъ.—Ну, полноте ругаться и помиритесь!

— Да мы еще не ссорились, Никаноръ Ивановичъ,—съ улыбкой отвѣтила она.—Вотъ поближе познакомимся, тогда будемъ и серьезно ссориться.

— Ты, братъ, съ ней держи ухо востро: она—строгая, ничего не прощаетъ,—проговорилъ Орловъ.

— Ну да, легко вамъ строгой-то быть, когда безгрѣшной выросли, потому что въ кружевныхъ пеленкахъ, сытою, обутою, да одѣтою росли,—сказалъ Благолѣповъ княжнѣ.— Экое диво, что человѣкъ воромъ не сдѣлался, когда своихъ деньжищъ не знаетъ куда дѣвать.

— А развѣ только изъ богачей и выходятъ хорошіе люди?—спросила княжна.

— Что выдумали!

— Да вы же сами сказали, что я выросла безгрѣшной потому, что росла среди довольства.

— А любите же вы, барышня, ловушки разставлять.

Она перемѣнила тонъ и серьезно замѣтила:

— Нѣтъ, Никаноръ Ивановичъ, долго будетъ, если станемъ добираться, почему одинъ хорошимъ выросъ, а другой дурнымъ, да это ни къ чему и не ведетъ. Ужъ лучше, не вникая въ причины, просто смотрѣть, хорошій или дурной человѣкъ стоитъ передъ нами, и съ хорошимъ сходиться, а отъ дурного отходить въ сторону, ограждать себя и другихъ отъ него.

— Паршивая, молъ, овца, такъ и пусть ее безъ призору гибнетъ...

— А было бы лучше, если-бъ оставлять гибнуть здоровыхъ овецъ, а паршивыхъ спасать?

— Да здоровыя-то и безъ насъ не погибнутъ...

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы о народѣ-то, о его благѣ, о работѣ на пользу его толкуете? Или народъ въ вашихъ глазахъ—паршивая, а не здоровая овца?

— Да, да, суровая моралистка, — проговорилъ Орловъ, вмѣшиваясь въ разговоръ: — а попадись тебѣ навстрѣчу какая-нибудь умирающая отъ нищеты дѣвушка, и ты начнешь нянчиться съ нею, хотя бы это было совершенно падшее созданіе.

— Ахъ, чувство жалости! Да развѣ отъ него можно отдѣлаться?—сказала княжна. — Но я никогда не задумалась бы въ выборѣ, кому помочь: десятку падшихъ нравственно или десятку честныхъ людей, если бы нужно было сдѣлать этотъ выборъ. А во имя жалости... я вотъ разъ какого-то совсѣмъ облѣзлаго щенка цѣлый мѣсяцъ лѣчила...

Благолѣповъ вдругъ разразился добродушнымъ смѣхомъ.

— Да вотъ и теперь желаете опять исцѣлить облѣзлаго щенка...

— Теперь?

— Ну да, не даромъ же мнѣ наставленія читали.

Княжна покачала головой.

— Да васъ точно надо бы вылѣчить... отъ всего напускного,—серьезно сказала она.

Благолѣповъ ушелъ отъ Русовыхъ въ сильно возбужденномъ и веселомъ настроеніи.

— Совсѣмъ точно свой товарищъ, — говорилъ онъ про княжну дорогою. — Бабы совсѣмъ въ ней не чувствуешь. Счастливецъ ты, право, Митька!

— Счастливецъ?.. Почему? — съ удивленіемъ спросилъ Орловъ.

— Да вотъ поженитесь...

Орловъ даже слегка покраснѣлъ.

— Что ты выдумалъ!

— Что выдумалъ! Извѣстно, женишься. Вѣдь, поди, влюбленъ въ нее?

Орловъ молчалъ. До этой минуты ему и въ голову не приходило, что онъ давно любитъ княжну гораздо болѣе, чѣмъ сестру. Онъ теперь ходилъ къ ней каждый день, онъ думалъ о ней всѣ эти дни, онъ забывалъ съ нею все, что было невеселаго въ его жизни; но онъ ни разу не задалъ себѣ прямого вопроса, почему она ему такъ дорога, къ чему ведетъ это сближеніе. Теперь вдругъ въ его головѣ мелькнула мысль: «Да, я могъ бы отдать ей всю жизнь». И тотчасъ же онъ точно чего-то испугался. А связь съ княгиней? Что сказала бы княжна, если-бъ она узнала это? Да каково было бы и ему сознавать, что онъ жилъ съ матерью и потомъ женился на дочери? Какъ взглянулъ бы онъ въ глаза женѣ, когда пріѣхала бы ея мать? Еще будь княжна иным человѣкомъ, это было бы позволительно, а съ нею... Нѣтъ, нѣтъ, она слишкомъ чистое созданіе.

— Чего языкъ-то прикусилъ? — сказалъ Благолѣповъ, хлопнувъ его по плечу.—Сердчишко-то, чай, заговорило...

Дмитрій Андреевичъ очнулся.

— Нѣтъ, братъ, не такого ей мужа нужно, — грустно отвѣтилъ онъ и махнулъ рукой.

— Да что ты?—спросилъ заботливо Благолѣповъ.—Чѣмъ ты ей не мужъ? Годы подходящіе, красивъ еще, на дорогѣ стоишь, любитъ она тебя...

— Любитъ, потому что не знаетъ...

— Тебя-то?

— Не спрашивай, все равно ничего не узнаешь, — сказалъ отрывисто Орловъ.—Скажу тебѣ только одно, что никогда не бывать мнѣ ея мужемъ... Гдѣ намъ!

И въ то же время въ его головѣ мелькнула мысль: «А чего бы я ни сдѣлалъ, какой жертвы ни принесъ бы, чтобы быть ея мужемъ!»

Онъ вернулся домой въ тяжеломъ настроеніи, съ опущенной головой. Образъ княжны теперь вставалъ въ его воображеніи съ такой поразительной отчетливостью. Какъ она хороша въ своей дѣвической чистотѣ, со своею кроткою любовью, со своимъ спокойнымъ и серьезнымъ взглядомъ

на жизнь! Онъ вспомнилъ, какъ когда-то она нѣжно обратилась къ нему на могилѣ его матери, какъ она встрѣтила его съ открытыми объятіями здѣсь въ городѣ, какъ она ухаживаетъ за отцомъ, какъ она обращается съ Ольгой Родіоновной. Сколько женственности, сколько искренности во всемъ этомъ! Такая жена можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ своею любовью. Кромѣ того у нея честные взгляды, желаніе добра ближнимъ; съ такою женой можно быть нравственнымъ и полезнымъ обществу человѣкомъ,— она можетъ будить, подталкивать къ дѣятельности. Ему представилась картина тихой семейной жизни въ деревенской глуши съ княжною, съ княземъ, среди дѣтей; онъ сталъ бы заниматься хозяйствомъ, служить въ земствѣ; она наблюдала бы за школой; они ввели много бы полезнаго въ своихъ имѣніяхъ, они были бы счастливы лично и приносили бы посильную пользу обществу. И вдругъ какъ-нибудь случайно, внезапно, она узнала бы все... Онъ сознавалъ, съ какимъ отвращеніемъ она взглянула бы на него. Да развѣ и могъ бы онъ лгать ей всю жизнь, скрывать передъ нею вѣчно тайну? Она—воплощенная искренность, съ ней и стыдно, и больно лицемѣрить. Если-бъ отыскать въ ней хоть какую-нибудь слабость, какой-нибудь недостатокъ, ему было бы легче, а то... Охъ, ужъ эти люди не отъ міра сего! Жутко становится съ ними простому смертному. Нѣтъ, нѣтъ, бракъ съ нею невозможенъ! А если бы?..

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней Орловъ зашелъ по обыкновенію къ Русовымъ и не засталъ дома княжны, уѣхавшей къ доктору. Заглянувъ къ князю, Орловъ увидалъ, что старикъ спитъ, и прошелъ въ гостиной въ открытую дверь на балконъ. Тамъ сидѣла Ольга Родіоновна и по обыкновенію вязала одинъ изъ тысячи связанныхъ ею шарфовъ. Онъ поздоровался съ нею и присѣлъ тутъ же. Узнавъ отъ старушки, что княжна уѣхала къ доктору разспросить о положеніи князя, онъ замѣтилъ, закуривая папиросу:

— Сказала бы мнѣ, а то ей не такъ ловко.

— Что-жъ, не дѣвочка пятнадцатилѣтняя она,—сказала Ольга Родіоновна.—Ей же за отцомъ придется въ деревнѣ ходить, такъ надо все знать, какъ и что дѣлать. Тутъ доктора-то не нашему деревенскому чета. Пашъ еще ошибокъ какихъ-нибудь надѣлаетъ.

Орловъ слушалъ разсѣянно, и въ головѣ его повторялась только одна фраза, что княжна уже не пятнадцатилѣтняя дѣвочка.

— Да, да, совсѣмъ невѣста,—сказалъ онъ безсознательно, точно думая вслухъ.

— Ну, Соничка-то, вѣроятно, и не выйдетъ замужъ,—сказала старушка.—У насъ въ родѣ дѣвушки-то почти всѣ такъ и оставались незамужницами. Да и не радость тоже замужество-то. Сама хороша—мужъ негодяй, сама негодяйка—мужа, смотришь, хорошаго загубитъ. Какъ въ лотереѣ, въ бракѣ-то: тысяча проигрышей, а выигрышъ одинъ...

— Ну, такъ разсуждать, Ольга Родіоновна, такъ и никому нельзя ни жениться, ни выходить замужъ,—сказалъ Орловъ.

— Отъ судьбы не уйдешь, а тоже такъ-то, зря, броситься на шею первому встрѣчному тоже не радость. Кому нужно, тѣ и выходи; кто и такъ можетъ прожить, лучше не рискуй. Вонъ у нея и женихи были, да, слава Богу, не пошла.

Ольга Родіоновна опустила на колѣни вязанье и повернулась лицомъ къ Орлову.

— Помнишь графа Николая Аркадьевича Грузина?—спросила она.

Орловъ утвердительно кивнулъ головой.

— Тоже имѣлъ наглость предложить руку. Какъ жилъ-то, я думаю, знаешь? Кутилъ, кутилъ, истрепался весь, такъ и вздумалъ жениться. Я даже испугалась, когда онъ сдѣлалъ предложеніе Соничкѣ. Хорошо, что сама она не любила его и отказала, а то не хотѣлось мнѣ, а пришлось бы разсказать...

— А что?—спросилъ Орловъ, немного смущаясь.

Онъ зналъ, что графъ Грузинъ былъ однимъ изъ его предшественниковъ у княгини.

— Такъ, хорошій ужъ очень человѣкъ!—сухо сказала старушка, принимаясь снова за вязанье.—Стыда и совѣсти нынче у людей нѣтъ. Святого ничего нѣтъ. Имъ все ни по чемъ. Сватаются за молодую дѣвушку, а на себя, назадъ-то, не оглянутся, съ какими глазами передъ Божьимъ алтаремъ предстанутъ. Безбожники!..

— Княжна принадлежитъ къ такому кругу, гдѣ вся молодежь кутитъ,—проговорилъ нерѣшительно Орловъ.—На это, Ольга Родіоновна, не приходится обращать вниманія, или, лучше сказать, не приходится смотрѣть слишкомъ строго, лишь бы можно было надѣяться, что въ будущемъ человѣкъ остепенится, исправится.

— Кутежъ кутежу рознь, — сказала Ольга Родіоновна сухо.—А иной негодяй сватается за дѣвушку, когда и въ глаза-то ей, кажется, должно бы было стыдно смотрѣть.

«Знаешь ты обо мнѣ что-нибудь или нѣтъ?»—вертѣлось въ головѣ у Орлова, всматривавшагося въ лицо старухи. Ему было не по себѣ отъ ея суроваго и рѣзкаго тона, точно она намекала ему на его собственное положеніе. «Если знаетъ, все разскажетъ Сонѣ при первой моей попыткѣ жениться»,—продолжало мелькать въ его головѣ. Онъ еще пристальнѣе всматривался въ это строгое и серьезное лицо, точно стараясь прочитать въ ея душѣ. Но это было вовсе не такъ легко, какъ казалось,—Ольга Родіоновна была. опытнымъ дипломатомъ, выросшимъ въ строгой школѣ стараго барскаго дома и умѣвшимъ скрывать свои антипатіи и симпатіи. Она ни разу, ни однимъ намекомъ, напримѣръ, не подала Орлову повода думать, что она смотритъ на него сверху внизъ, какъ на пригрѣтаго князьями изъ прихоти голяка, хотя въ душѣ она именно такъ смотрѣла на него. Орловъ никогда не слыхалъ отъ нея дурного слова, не подмѣтилъ ни одного недоброжелательнаго взгляда, но теперь въ его головѣ почему-то настойчиво мелькала мысль:—«Меня-то ужъ ты не пощадишь!» Онъ точно вдругъ понялъ эту старуху. Ему вдругъ показалось, что она навѣрное знаетъ про него все и презираетъ его.

Въ эту минуту вернулась княжна. Она заглянула въ комнату отца и тоже пришла на балконъ. Поздоровавшись съ Орловымъ и перекинувшись нѣсколькими словами съ Ольгой Родіоновной, она присѣла на стулъ. Ольга Родіоновна вышла, и молодые люди остались вдвоемъ.

— А мнѣ Ольга Родіоновна разсказала, что за тебя графъ Грузинъ сватался,—сказалъ Орловъ.—Ты мнѣ этого не говорила.

— Да что же объ этомъ было и говорить? Мало ли кто сватался! Я же довольно выгодная невѣста,—разсѣянно отвѣтила княжна, вынимая изъ бумаги купленныя ею по дорогѣ книги.

— Ну, не всѣ же ради выгоды могли предлагать тебѣ руку.

— Можетъ-быть... Я, Митя, по правдѣ сказать, вовсе и не задумываюсь надъ этимъ вопросомъ,—отвѣтила она равнодушно, поднимая на него свои глаза. — Я ихъ не любила, что же мнѣ было думать, почему и за что они любятъ меня? Изъ этого все равно ничего не вышло бы...

— Но вѣдь не думаешь же ты весь вѣкъ остаться въ дѣвушкахъ?—настойчиво допрашивалъ онъ.

— Объ этомъ, Митя, нечего впередъ думать и загады-

вать. Что будетъ, то и будетъ. Я знаю только, что безъ любви я не выйду замужъ...

— И ты никого не любила?

Она точно вдругъ испугалась этого разговора, точно чутьемъ угадала, до чего онъ можетъ довести, и торопливо отвѣтила:

— Нѣтъ, нѣтъ, не любила, не люблю... Мнѣ только всегда дѣлалось тяжело и грустно, когда мнѣ предлагали руку... Зачѣмъ они дѣлали это и шли на непріятный и для меня, и для нихъ отказъ?.. Когда любовь взаимна, все дѣлается само собою, безъ объясненій, безъ предложеній, угадывается чутьемъ... Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется.

Она сразу круто оборвала и перемѣнила разговоръ, и Орлову показалось, что она старалась быть съ нимъ какъ можно ласковѣе, какъ можно нѣжнѣе, точно ей хотѣлось изгладить въ немъ какое-то непріятное впечатлѣніе. Орловъ опечалился; онъ смутно сознавалъ, что она угадала его мысли, его намѣреніе и отклонила даже возможность объясненія съ его стороны. Какое-то горькое чувство пробудилось въ душѣ Дмитрія Андреевича: онъ досадовалъ даже на себя за то, что онъ началъ этотъ разговоръ. «Страстный вздыхатель рекогносцировки вздумалъ дѣлать!»—съ ироніей думалъ онъ, и его лицо искажалось недоброй, насмѣшливой улыбкой. Княжна, между тѣмъ, стала говорить о скоромъ отъѣздѣ, о своихъ планахъ, о школѣ. Во время этой бесѣды на балконъ снова вернулась Ольга Родіоновна.

— А мы вотъ бесѣдуемъ о вашей будущей деревенской жизни,—сказалъ ей Орловъ.—Завидую я вамъ. Хорошо у васъ тамъ, тихо. Вотъ Соня заведетъ школу. Ужъ не просить ли мнѣ князя взять меня въ управители,—шутливо добавилъ онъ.

— Ну, тебѣ еще въ люди надо прежде выйти, чиновъ нахватать,—сказала Ольга Родіоновна.

— А безъ чиновъ-то развѣ нельзя, Ольга Родіоновна?

— Ну да, не будешь же такъ весь вѣкъ разночинцемъ болтаться,—отвѣтила старушка.

— Да развѣ я разночинецъ? Я ужъ и теперь тоже не кто-нибудь, а товарищъ прокурора...

— Великая тоже птица!

Орлова точно раздразнило это пренебреженіе.

— Великая не великая, а съ меня этого довольно,—сказалъ онъ.

— Не возрадовался бы тоже, батюшка, если бы такъ и

пришлось всю жизнь отставнымъ товарищемъ прокурора остаться.

— Такъ вы думаете, что я за чинами гонюсь?

— Каждый гонится за тѣмъ, чего у него нѣтъ.

«Такъ вотъ ты какъ на меня смотришь»,—подумалъ Дмитрій Андреевичъ и почти съ ненавистью взглянулъ на Ольгу Родіоновну. Между нимъ и ею вдругъ точно пропасть легла. Ему опять пришла въ голову мысль о томъ, что она-то его не пощадитъ, если онъ присватается за княжну. Но знаетъ ли она что-нибудь? Да развѣ она можетъ не знать чего-нибудь, что дѣлалось въ домѣ князей Русовыхъ? Это—Церберъ, это—Аргусъ, это—всевидящее око князей Русовыхъ. А, можетъ-быть, она просмотрѣла его отношенія къ княгинѣ?.. Впрочемъ, что ему за дѣло до того, знаетъ ли она что-нибудь или нѣтъ? Его дѣло и такъ проиграно, по крайней мѣрѣ, покуда. А въ будущемъ?.. Развѣ можно ручаться за будущее?

IV.

— Что, братъ, прошли праздники, насталъ опять великій постъ?—говорилъ Благолѣповъ, входя къ Орлову.—Уѣхала наша барышня и оставила насъ однихъ, сиротъ горемычныхъ. Даже я, ужъ на что обломъ безчувственный, такъ привыкъ къ ней, что теперь точно чего-то недостаетъ. А вѣдь, кажется, что въ ней такого особеннаго? Ровно ничего. Распекала только меня хорошо, каждый разъ подъ ребро умѣла задѣть.

Дмитрій Андреевичъ молча ходилъ по комнатѣ. Ему было не по себѣ послѣ отъѣзда княжны, точно у него порвались послѣднія надежды. Благолѣповъ усѣлся въ своей любимой позѣ, облокотившись на колѣни и опустивъ подбородокъ на ладони, и продолжалъ разсуждать въ раздумьи:

— Вчера еще заходилъ къ ней. «Что, говоритъ, бранить надо?» — Да за что же, говорю, бранить? Видите, къ вамъ хожу, значитъ исправляюсь. Не исправился бы—не ходилъ бы.—«Жаль, говоритъ, что я не могу здѣсь остаться, тогда, можетъ-быть, и совсѣмъ бы исправились».

— Да ты къ чему мнѣ это разсказываешь?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ, мелькомъ взглянувъ на него.

— А потому, что я точно исправился бы, если-бъ она тутъ была, непремѣнно исправился бы.

— Влюбился, что ли?—съ насмѣшкой спросилъ Орловъ.

— Куда намъ съ суконнымъ рыломъ,—отвѣтилъ Благо-

лѣновъ.—Развѣ только, если-бъ ей очень ужъ скучно стало, попробовалъ бы объясниться въ любви, чтобы посмѣялась.

— Ну, этимъ ее не заставишь смѣяться, а только оттолкнешь. Не любитъ она разговоровъ о любви.

— Да тутъ и разговаривать-то не къ чему,—сказалъ Благолѣповъ.

Дмитрій Андреевичъ какъ-то искоса взглянулъ на него, и какое-то непріязненное чувство шевельнулось въ его душѣ. Ему было непріятно, что Благолѣповъ высказалъ взглядъ на любовь, высказанный княжною. Ему было непріятно сознавать, что именно къ такой любви, страстной, безумной, не требующей словъ и объясненій, въ его душѣ какъ будто не было уже способности.

Они молчали.

— Архіерей-то мой опять сталъ хлопотать о снятіи съ меня эпитимьи,—сказалъ Благолѣповъ.

— Что такъ?

— Я просилъ. Надоѣло мнѣ баклуши бить. Въ самомъ дѣлѣ свинство такъ-то жить.

— Несмысленочекъ какой, прежде-то не могъ до этого додуматься.

— Додумываться-то додумывался, да никто не подталкивалъ, а теперь...

Благолѣповъ приподнялъ голову.

— Вонъ вчера стала прощаться и говоритъ: «Вотъ если бы вы свободны-то были, пригласила бы васъ въ деревню, а теперь, можетъ-быть, и не встрѣтимся никогда»... Въ самомъ дѣлѣ, чортъ знаетъ, что за жизнь: ни себѣ удовольствія, ни другимъ пользы!

— Какъ, другимъ пользы не приносишь?.. А недовольство-то сѣешь?—съ ироніей сказалъ Орловъ.

— Да, кстати, я съ ней и объ этомъ. А она сейчасъ и поставила вопросъ ребромъ: «А многіе, говоритъ, вамъ-то вѣрятъ?» Да потомъ и отколола штуку: «Вотъ, говоритъ, папѣ посовѣтовали разъ гомеопатіей лѣчиться. Пришелъ къ нему докторъ желтый, худой, изможденный. Папа взглянулъ на него и спрашиваетъ: «Вы, докторъ, и сами тоже гомеопатіей лѣчись?»—«Да», говоритъ. «Папа промолчалъ, а на другой день и написалъ ему, что онъ раздумалъ лѣчиться у гомеопатовъ». Это, братъ, значитъ: исцѣлися самъ, а потомъ и лѣчи другихъ.

— Безъ нея-то этихъ великихъ истинъ не понималъ?

— Понимать-то понималъ и ругалъ себя, да слабъ чело-

вѣкъ; безъ поддержки, безъ толчковъ одинъ не скоро справишься съ собою. А она подталкивать умѣетъ.

Благолѣповъ продолжалъ говорить о княжнѣ, а Орлову становилось все болѣе и болѣе не по себѣ. Ему вдругъ стало какъ будто досадно, что его пріятель хвалилъ княжну, точно бередилъ умышленно его рану. Онъ остановился передъ Благолѣповымъ и похлопалъ его по плечу.

— Эхъ, ты простота, простота! — проговорилъ онъ.— Увлекся сразу и няньчишься съ ней. А знаешь, что ее ждетъ? Въ концѣ концовъ уйдетъ она въ монастырь, какъ ея тетка, или отдастся вся беззавѣтно какому-нибудь краснорѣчивому фразеру, который покоритъ ее своей страстностью или физическою силой,—вотъ и все.

— Ну?!—воскликнулъ съ удивленіемъ Благолѣповъ.

— Да ужъ такъ! Я знаю эти натуры. Неопытность, идеализмъ, доброе сердце и большое самолюбіе. Ей нужны подвиги и герои. Будничной прозаическою жизнью, будничной прозаическою личностью она не увлечется. Ей нужно приносить кому-нибудь жертвы, кому-нибудь посвящать себя на служеніе, и кто поразитъ ее еще большимъ самоотреченіемъ, только тотъ и покоритъ, только за тѣмъ она и пойдетъ. Нашего брата она можетъ, пожалуй, и любить, но только такъ, какъ вотъ она облѣзлаго щенка любила. Мы въ ея глазахъ тѣ же искалѣченные, ветхіе люди, какъ и всѣ другіе. Мы не можемъ вызвать въ ней энтузіазма, восторга, поклоненія, а безъ этого... безъ этого она, жаждущая служить человѣчеству, не отдастся одному человѣку, пожертвовавъ своею самостоятельностью, своею свободою, своею волею...

— Да, такъ ты вотъ какъ ее понимаешь... Ну, теперь мнѣ ясно, почему ты говорилъ, что тебѣ нельзя на ней жениться...

Орловъ молчалъ и снова уже ходилъ по комнатѣ. Онъ не разувѣрялъ Благолѣпова, что онъ вовсе не потому тогда считалъ невозможнымъ жениться на ней. Тогда?.. Развѣ же теперь тѣ причины устранены?.. Да, теперь онъ вовсе не думалъ уже о княгинѣ, о своихъ прошлыхъ отношеніяхъ къ ней. Этой помѣхи къ женитьбѣ на княжнѣ теперь точно вовсе не существовало для него; теперь передъ нимъ встали новыя, болѣе непреодолимыя преграды, теперь его только грызло одно все яснѣе и яснѣе возникавшее въ немъ сознаніе: онъ сознавалъ, что онъ въ глазахъ княжны слишкомъ блѣдная, слишкомъ будничная, слишкомъ обыденная личность, что княжна смотритъ на него скорѣе сверху внизъ,

чѣмъ наоборотъ, что она любитъ его, «какъ облѣзлаго щенка». Да, онъ и точно въ послѣднее время какъ-то опустился, принизился, обезличился въ этой будничной борьбѣ исключительно за свое существованіе. Что это—начало конца? Но онъ еще ничего не сдѣлалъ, ничего не достигъ, а между тѣмъ на немъ, на всей его дѣятельности, на всѣхъ его поступкахъ уже лежитъ печать той сѣренькой заурядности, которою отмѣчены и всѣ окружающія его личности. Онъ началъ припоминать всю свою переписку съ княжною, всѣ свои разговоры съ ней. Чѣмъ онъ являлся въ нихъ? Чиновникомъ съ неудавшейся карьерой, и только, и только! Гдѣ, когда и въ чемъ сказались его грезы дѣтства о служеніи бѣдному люду, о служеніи народу, родинѣ, о геройскихъ подвигахъ? Но вѣдь это было ребячество! Нельзя же весь вѣкъ мечтать о спасеніи человѣчества! И вдругъ, Богъ знаетъ почему, ему вспомнился Сенъ-Симонъ, котораго слуга долженъ былъ будить словами: «Вставайте, графъ, вы должны дѣлать великія дѣла!» Онъ иронически усмѣхнулся. Полусумасшедшій сумасбродъ! Да?.. Но такіе сумасброды ведутъ за собой тысячи, милліоны людей. Ему вспомнилась пѣсня Беранже «Les foux». И въ его головѣ одинъ за другимъ затѣснились образы этихъ историческихъ безумцевъ: вотъ они, босоногіе, почти нищіе, беззащитные, наивные, возстаютъ противъ великой религіи избраннаго Богомъ народа и противъ могущественной носительницы древней цивилизаціи, и передъ ихъ проповѣдью падаютъ всѣ происки еврейскихъ книжниковъ и фарисеевъ и оказываются безсильными всѣ оружія, всѣ тюрьмы, всѣ арены съ дикими звѣрями Римской имперіи. Вотъ такіе же безумцы, скромные монахи, ученые профессора и школьные учителя идутъ съ Библіей и Евангеліемъ провозглашать новое ученье, противное вѣковымъ догматамъ, обрядамъ и обычаямъ католицизма, и этотъ католицизмъ, поддерживаемый сотнями правителей, тысячами штыковъ, страшными пытками и кострами инквизиціи, безчисленными полчищами шпіоновъ и доносчиковъ, мало-по-малу, сдается на уступки, расшатывается, дѣлается отжившею религіей. А какими богатствами, какими связями, какими войсками обладали эти Вильгельмы Телли, которымъ обязана своею свободой Швейцарія? Не были ли эти люди безумцами, когда они чуть не безоружными шли противъ сильнаго и надменнаго врага?.. Въ головѣ Орлова ясно возникла одна сцена изъ его жизни, когда онъ, счастливый, возвращаясь отъ князя Русова домой и проходя среди ла-

чугъ родного захолустья, давалъ обѣтъ служить на пользу той голи, среди которой онъ выросъ, которой онъ былъ обязанъ всѣмъ. О, какъ далеко было это время! Теперь онъ бѣсится только за то, что его не повышаютъ, не переводятъ въ Петербургъ, а кругомъ его голь и голодаетъ, и холодаетъ, и жалуется, и стонетъ...

— Да, видно, безъ фальшиваго паспорта ничего не подѣлаешь,—вдругъ раздался голосъ поднявшагося съ мѣста Благолѣпова.

Этотъ голосъ Орловъ услышалъ точно гдѣ-то далеко. Онъ очнулся.

— Безъ какого фальшиваго паспорта?—спросилъ онъ.

— Да вотъ для меня... Что же въ самомъ дѣлѣ такъ-то киснуть...

— Въ Сибирь захотѣлъ,—громко сказалъ Орловъ.

— Ну, еще это какъ тамъ случится, бабушка тоже надвое сказала, а такъ-то ужъ и точно совсѣмъ скотомъ станешь... Положимъ, я и учусь, и работаю, и... Благолѣповъ не кончилъ фразы и проговорилъ, махнувъ рукою: — Да толку-то что? Годы уходятъ, а сила и знаніе не примѣняются къ дѣлу...

Онъ взялся за фуражку, потянулся и сталъ прощаться съ Орловымъ. Орлова какъ-то неожиданно поразила мощная фигура Благолѣпова, точно онъ его впервые разсмотрѣлъ въ эту минуту.

—Героемъ тоже вздумалъ сдѣлаться! — какъ-то особенно ядовито и желчно проговорилъ онъ.

Благолѣповъ не замѣтилъ этой непріязненной нотки и просто отвѣтилъ:

— Какимъ тамъ героемъ! Говорю тебѣ, что такъ-то совсѣмъ скотомъ станешь на подножномъ корму.

Онъ простился съ пріятелемъ и вышелъ. Дмитрій Андреевичъ уже въ душѣ ругалъ себя. За что это онъ вдругъ такъ враждебно взглянулъ на Благолѣпова? Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ его положеніе безысходно, скверно. Тутъ поневолѣ задумаешься и о фальшивомъ паспортѣ, только бы крылья развязать. Можетъ-быть, и онъ, Орловъ, на его мѣстѣ сдѣлалъ бы то же. Онъ и не въ положеніи Благолѣпова стоитъ, а чего бы онъ не сдѣлалъ, только бы вырваться отсюда, только бы попасть въ Петербургъ. Мысль о Петербургѣ какъ бы вернула Орлова къ дѣйствительности, къ мелкимъ дрязгамъ въ окружавшемъ его муравейникѣ, къ столкновеніямъ съ товарищемъ предсѣдателя.

Столкновенія съ товарищемъ предсѣдателя длились у него уже не день, не два. Орловъ только что принялся въ городѣ за дѣятельность товарища прокурора, какъ сюда явился новый товарищъ предсѣдателя. Это былъ Николай Николаевичъ Михайловскій-Несмѣльскій. Когда эта новость дошла до Орлова, съ нимъ чуть не сдѣлался обморокъ. Онъ ненавидѣлъ этого человѣка не за одно то, что тотъ, какъ и многіе другіе привилегированные юристы, обогналъ его по службѣ, но главнымъ образомъ за то, что этотъ человѣкъ первый внесъ безчестье въ его семью, соблазнивъ Настю. Это былъ его личный врагъ. Ему было трудно переломить себя, чтобы не растеряться при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ. Къ несчастью, Михайловскій-Несмѣльскій, повидимому, даже забылъ, гдѣ онъ отъ кого-то слышалъ объ Орловѣ, и помнилъ только, что онъ слышалъ о немъ. Это дало ему поводъ сказать Орлову любезнымъ тономъ:

— Мнѣ кажется, что мы гдѣ-то встрѣчались, или я отъ кого-то слышалъ о васъ. Право, не могу припомнить...

— Самое лучшее вовсе и не вспоминать объ этомъ, такъ какъ это, можетъ-быть, будетъ не особенно пріятно какъ для васъ, такъ и для меня,—рѣзко сказалъ Орловъ, стоя передъ нимъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

Михайловскій-Несмѣльскій поднялъ съ какимъ-то удивленнымъ видомъ брови и не могъ понять, чѣмъ вызванъ этотъ грубый и запальчивый отвѣтъ.

— Мнѣ кажется, личныхъ непріятныхъ столкновеній между нами не могло быть,— сказалъ онъ, равнодушно пожимая плечами:—такъ какъ знакомымъ съ вами я во всякомъ случаѣ не могъ быть, иначе...

— Да, вы со мной не были знакомы, но я-то зналъ васъ,—отвѣтилъ такъ же рѣзко Орловъ.

Михайловскій-Несмѣльскій вдругъ все вспомнилъ и закусилъ губу. «Ея двоюродный братъ!»—какъ молнія промелькнула въ его головѣ мысль, и онъ быстро отошелъ отъ Орлова. Ему было ужасно досадно, что онъ вспомнилъ это только теперь, а не минутою раньше,—вспомнилъ и эту фамилію, и то, что объ Орловѣ уже говорили ему, какъ о protégé Русова, и то, что именно двоюродный братъ Насти воспитывался у Русовыхъ. Если-бъ онъ раньше это вспомнилъ, онъ избѣжалъ бы щекотливаго столкновенія, а теперь поправить дѣло было уже невозможно. Эта встрѣча была послѣднею каплей, переполнившею чашу горечи въ душѣ Орлова. Онъ теперь готовъ былъ на все, чтобы насолить

этому человѣку и скорѣй вырваться отсюда. Съ этой минуты начался рядъ безтактностей съ обѣихъ сторонъ. Михайловскій-Несмѣльскій гдѣ-то проговорился, что «у него есть личные счеты съ господиномъ Орловымъ»; Орловъ замѣтилъ кому-то, что «эти хлыщи сами должны бы на скамьѣ подсудимыхъ сидѣть, а не судить другихъ». Вражда сдѣлалась открытой, и жадная до скандаловъ публика губернскаго города начала интересоваться новымъ товарищемъ прокурора, ловя даже въ его обвинительныхъ рѣчахъ намеки на товарища предсѣдателя. Одна изъ этихъ рѣчей, сказанная Орловымъ по поводу одного дѣтоубійства, превратилась изъ обвинительной рѣчи противъ дѣвушки-дѣтоубійцы въ обвинительную страстную рѣчь противъ безсовѣстныхъ соблазнителей подобныхъ дѣвушекъ, и всѣ ясно поняли, что всѣ эти обвиненія и желчныя выходки направлены противъ товарища предсѣдателя. Самъ товарищъ предсѣдателя во время этой рѣчи сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ и думалъ вовсе не объ участи подсудимой, не объ обстоятельствахъ этого дѣтоубійства, а о томъ, что онъ охотно бы задушилъ собственными руками этого «мерзавца». Провинціальныя барыни тотчасъ же собрали самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Михайловскій-Несмѣльскій похитилъ родную сестру Орлова, что онъ прижилъ съ нею ребенка, что этотъ ребенокъ умеръ сейчасъ же послѣ рожденія, что дѣвушку подозрѣвали въ дѣтоубійствѣ, что скандалъ потушили только при помощи денегъ и протекцій, что Орловъ вызывалъ на дуэль Михайловскаго-Несмѣльскаго, но тотъ отказался драться и получилъ пощечину. Однимъ словомъ, свѣдѣнія были самыя подробныя и полученныя изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Скандалъ былъ полный, громкій, разлетѣвшійся по всему городу. Эти два представителя судебной власти являлись въ судѣ точно не для суда, а для личной войны. Такой же личною войной должно было быть дѣло о поддѣлывателяхъ кредитныхъ билетовъ. Орловъ въ первую минуту, когда ему случайно попалось въ руки это дѣло, былъ радъ, что въ это дѣло были замѣшаны лица того круга, гдѣ вращался Михайловскій-Несмѣльскій, ему хотѣлось отыскать среди виновныхъ близкихъ знакомыхъ, друзей, родныхъ Михайловскаго-Несмѣльскаго, ему хотѣлось дать нравственную пощечину Михайловскому-Несмѣльскому, и онъ съ жаромъ взялся за распутыванье этого дѣла. Но чѣмъ глубже онъ вникалъ въ него, тѣмъ дальше отходила на второй, на задній планъ его личная ненависть, и тѣмъ болѣе его за-

интересовывали самая сущность дѣла и его общественное значеніе. Передъ нимъ открывался такой омутъ всякихъ мерзостей, злоупотребленій и злодѣяній, что его личная вражда мало-по-малу угасла передъ картиной неурядицъ, опутывавшихъ цѣлое общество. Онъ отдался этому дѣлу всецѣло, не спалъ ночей, вникая во всѣ подробности этой исторіи, и иныя чувства начали шевелиться въ немъ; онъ сознавалъ, что чѣмъ подробнѣе разберетъ онъ это дѣло, тѣмъ большую пользу онъ принесетъ обществу.

«Если бы мнѣ нужно было отдать полжизни на разоблаченіе всего этого дѣла,—писалъ онъ своему другу въ Петербургъ:—я и тогда не отступился бы отъ него, потому что я сознаю, какую пользу я принесу краю, уничтоживъ съ корнемъ эту шайку, разоблачивъ ея закулисную дѣятельность. Я, можетъ-быть, яснѣе, чѣмъ кто-нибудь, понимаю, что никакіе суды и наказанія не исправляютъ старыхъ злодѣевъ и не запугиваютъ новыхъ, но я сознаю, что обществу полезно указывать, надъ какою пропастью оно стоитъ, и если общество не приметъ своихъ мѣръ для огражденія себя отъ повторенія подобныхъ явленій, то его можно только пожалѣть. Во всякомъ случаѣ найдутся же люди, которые задумаются серьезно надъ этимъ явленіемъ и сдѣлаютъ свои выводы. Я буду доволенъ и этимъ результатомъ своего далеко нелегкаго и даже небезопаснаго труда. Что онъ не безопасенъ, это ты поймешь изъ этого, что одинъ судебный слѣдователь былъ отравленъ во время слѣдствія, что десятки лицъ были удалены съ мѣстъ ради этого дѣла, что тутъ есть и пропавшіе безъ вѣсти свидѣтели, и скоропостижныя смерти. Но даже эта опасность веденія подобнаго дѣла подстрекаетъ, бодритъ меня. Я вѣдь и взялъ его съ бою. Такіе лакомые куски не легко уступаются людьми; изъ-за нихъ прокуроры вцѣпляются другъ въ друга зубами. Но я побѣдилъ и теперь, точно на войнѣ окруженный непріятелями воинъ, стою постоянно насторожѣ и стараюсь не дремать. Довольно распутать два-три такихъ дѣла и указать ясно и категорически обществу на ихъ значеніе, чтобы сознавать въ душѣ, что и ты жилъ не совсѣмъ даромъ, что и ты успѣлъ дать обществу поучительные уроки. Воспользуется ли общество ими или нѣтъ — это его дѣло. Для учителя важно только сознаніе, что онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ его поученія были направлены къ добру и пользѣ поучаемыхъ».

Слѣдствіе приходило къ концу, когда объ этомъ дѣлѣ

вдругъ сильно заговорили въ газетахъ. Въ корреспонденціяхъ, въ столичныхъ газетахъ говорилось, какъ запутано это дѣло, какъ оно важно для общества, какихъ усилій стоило судебнымъ слѣдователямъ распутать его, какъ энергично дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ товарищъ прокурора Орловъ, извѣстный довольно многими статьями, касающимися современныхъ вопросовъ общественной жизни. Объ Орловѣ корреспонденты писали, что это возникающій талантъ, уже извѣстный въ судебной практикѣ по такимъ-то и по такимъ-то дѣламъ, что главное его качество—это умѣнье точно и подробно вникнуть во всѣ мелочи процесса, не зная усталости, не зная отдыха. Въ отзывахъ объ Орловѣ сходились органы прессы самыхъ противоположныхъ направленій. Среди губернской публики эти замѣтки и статьи производили немалое впечатлѣніе: всѣ точно вдругъ начали сознавать, что ихъ товарищъ прокурора дѣлается знаменитостью, стали удивляться, что такой талантливый человѣкъ живетъ такою замкнутою жизнью, смотритъ всегда такъ серьезно и скромно, скорѣе становится въ тѣнь, чѣмъ рисуется. Провинціальная жизнь такъ-называемаго образованнаго общества еще болѣе безсодержательна, чѣмъ столичная, и это общество всегда ищетъ и ждетъ темы для развлеченія: пріѣзда великаго Росси или представленій дрессированныхъ блохъ, скандала въ благородномъ семействѣ или загадочной личности, которую надо разгадать. Теперь всѣ разгадывали Орлова. Онъ сдѣлался героемъ дня. О немъ толковали, что онъ извѣстный писатель, пишущій подъ разными псевдонимами и чуть ли не писавшій «Горе отъ ума», о немъ разсказывали, что у него въ прошломъ была несчастная любовь къ одной «нигилисткѣ», что ради этой любви онъ замѣшался въ политическую исторію; кто-то разсказывалъ даже, что онъ былъ женатъ, и что жена его бѣжала съ гусаромъ. Орловъ же держался въ сторонѣ отъ общества болѣе чѣмъ когда-нибудь. Но онъ былъ сильно возбужденъ, точно чего-то ждалъ нетерпѣливо, болѣзненно, не находя себѣ покоя.

Слухи о немъ не миновали и ушей Благолѣпова, и Благолѣповъ очень обрадовался, что въ обществѣ заговорили объ его пріятелѣ. Онъ самъ съ грубымъ добродушіемъ и съ наивною гордостью трубилъ гдѣ могъ объ Орловѣ, изображая въ самыхъ яркихъ краскахъ его умъ и способности, и, при разсказахъ о разныхъ романическихъ похожденіяхъ Орлова, привирая не безъ юмора всякія нелѣпости о небывалыхъ подвигахъ пріятеля. Разъ онъ, сіяющій, пришелъ

къ Орлову и крѣпко сжалъ его руку въ своей медвѣжьей лапѣ.

— А ты, братъ, въ гору лѣзть начинаешь?—сказалъ онъ весело.

— А что?—спросилъ Орловъ.

— Ну да, еще спрашиваешь: «а что?» Точно самъ не знаешь, о чемъ говорю, — воскликнулъ Благолѣповъ. — Газеты-то, чай, читалъ тоже. Какъ расписали: «нашъ талантливый и дѣятельный товарищъ прокурора...», «опасности претерпѣлъ...», «неутомимый дѣятель...», «гигантскій трудъ...». Поди, какъ читалъ, такъ сердечко-то такъ и прыгало, точно у институтки, когда ей въ первый разъ офицерикъ въ любви изъясняется... Что-жъ, это хорошее чувство, это отрадно...

Орловъ ходилъ, иронически улыбаясь, по комнатѣ.

— Да ты не конфузься! Я это понимаю, — добродушно сказалъ Благолѣповъ. — Тоже пріятно, когда по головкѣ передъ всѣмъ обществомъ, передъ цѣлой, такъ сказать, Россіей гладятъ. Я, братъ, это чувствую. Тоже амбиція и у меня есть. Ну, и къ матеріальнымъ выгодамъ ведетъ это, и тамъ, какъ это вы называете, къ широкому поприщу общественной дѣятельности. Да, я на твоемъ мѣстѣ тоже былъ бы польщенъ, ей-Богу... Только гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить!..

Орловъ продолжалъ улыбаться, но это улыбку была невеселая, горькая. Когда Благолѣповъ кончилъ, онъ подошелъ къ нему и дружески похлопалъ его по плечу.

— Эхъ, ты, простота, простота! — проговорилъ онъ. — Лестно! Сердце прыгаетъ отъ радости! Замѣтили! По головкѣ погладили!.. Кто это насъ съ тобой, голь-то перекатную, замѣтитъ, кто погладитъ по головкѣ?..

— Да вотъ же замѣтили, пишутъ!..

— Это я самъ о себѣ пишу! — отрывисто и рѣзко оборвалъ его рѣчь Орловъ.

Широкое лицо Благолѣпова приняло невообразимо-смѣшное выраженіе недоумѣнія. Онъ даже не нашелся, что сказать или спросить, и во всѣ глаза смотрѣлъ на Орлова. Орловъ уже снова ходилъ по комнатѣ.

— Ну, да, самъ пишу! — говорилъ онъ. — И не то еще напишу. Про Александра Дюма-отца говорили, что онъ готовъ стать на запятки у своей кареты, чтобы люди подумали, что онъ держитъ въ услуженіи негра. Я это понимаю. Я тоже на это способенъ. Чтобы пустить пыль въ глаза?

Вовсе нѣтъ! А ради того, чтобы пробить себѣ дорогу, стать въ то положеніе, когда перестаешь быть рабомъ, безсловеснымъ животнымъ, машиной, когда получаешь возможность приносить людямъ дѣйствительную пользу. Этого только тогда и добьешься, когда о тебѣ станутъ говорить, когда ты надѣлаешь шуму. Вонъ Эмиль Жирарденъ ребенкомъ потребовалъ, чтобъ ему нацѣпили шпоры. «Зачѣмъ?»—спросили его.—«Для шуму!»—отвѣтилъ онъ. Ну да, человѣку нужно шумѣть шпорами, чтобъ его замѣтили, выдвинули. Если же не замѣтятъ, не выдвинутъ,—такъ и погибнешь, такъ и погибнешь. Эта мысль леденитъ мнѣ кровь. Когда я вижу, что золотые тельцы, матушкины сынки, привилегированные олухи обгоняютъ меня, я самъ не могу дать себѣ яснаго отчета, чего во мнѣ больше—простого ли честолюбія, ненависти ли къ нимъ, или любви къ той забитой толпѣ, которой я желаю служить. Ты, конечно, не поймешь этого...

— Чего не понять-то!—угрюмо проговорилъ Благолѣповъ, опершись локтями на колѣни и грустно опустивъ на ладони свое широкое лицо.

— Ну да, поймешь, но опять скажешь: «подлецъ человѣкъ».

— Это что! по моей философіи выходитъ, что и всѣ подлецы,—сказалъ Благолѣповъ.—А насчетъ прохвостовъ ты это вѣрно говоришь. Я тоже иногда, когда эдакій прохвостъ мимо меня промчится, да грязью обдастъ, такъ бы и закатилъ ему плюху... А проѣдетъ онъ, плюну ему въ догонку и заверну куда-нибудь въ увеселительное заведеніе. Малодушество меня одолѣло.

Благолѣповъ замолчалъ. Орловъ ходилъ въ раздумьи по комнатѣ. Прошло нѣсколько минутъ. Благолѣповъ вдругъ словно очнулся.

— А ты далеко пойдешь, — проговорилъ онъ. — Ты не пей, Митя, не пей, потому пить станешь — никуда не уйдешь. Водка съ ногъ свалитъ. Это я по себѣ знаю. Косая сажень въ плечахъ, а тряпкой человѣкъ сталъ. Ну, да что съ возу упало, пиши — пропало. Обо мнѣ что говорить! А что ты думаешь дальше дѣлать?

Орловъ началъ распространяться о своихъ завѣтныхъ мечтахъ—перебраться въ Петербургъ: тамъ широкое поприще для дѣятельности; дѣятелемъ можно сдѣлаться, только имѣя власть и деньги; голь перекатная можетъ только вертѣться въ бѣличьемъ колесѣ, не вліяя или мало вліяя на общественныя дѣла, или составлять заговоры. Но, кромѣ

того, ему, Орлову, надо, во что бы то ни стало вырваться, именно отсюда, такъ какъ товарищъ предсѣдателя — его личный врагъ. Орловъ разсказалъ свои отношенія къ Михайловскому-Несмѣльскому и отношенія послѣдняго къ Настѣ.

— Ты понимаешь, что я способенъ убить его, — закончилъ онъ разсказъ.

— Во всякомъ случаѣ такихъ подлецовъ бить надо,— сказалъ Благолѣповъ.—Я еще удивляюсь тебѣ, что ты рожи ему не своротилъ на сторону.

— Чтобы самому въ тюрьмѣ насидѣться?

— А я все-таки своротилъ бы.

Орловъ сдвинулъ брови.

— Надо добиваться того, чтобы не ему, а всѣмъ такимъ свернуть шею!—отрывисто сказалъ онъ.—Станешь ихъ отдѣльно бить—руки устанутъ... Я теперь рѣшился, что надо дѣйствовать тысячами путей: на одномъ потерпишь неудачу, на другомъ выгоритъ дѣло. Тутъ надо дѣйствовать, что называется, и золотомъ, и молотомъ, достигнуть своего не мытьемъ, такъ катаньемъ... Вонъ теперь обо мнѣ начали писать и, какъ ты говоришь, это мнѣ имя составитъ въ столицѣ. Если меня даже и не переведутъ, я рискну самъ туда перебраться,—авось, не вышлютъ, а тамъ безъ мѣста я явлюсь прямо пострадавшей личностью и привлеку на свою сторону симпатію людей извѣстнаго направленія,— голодать и не придется на первое время. Ну, а ужъ только бы перебиться первые дни, а тамъ не пропаду...

Благолѣповъ слушалъ, ухмыляясь широкой улыбкой.

— И вѣдь какъ посмотришь на тебя, въ чемъ душа держится, а ей-Богу десятокъ такихъ медвѣдей, какъ я, задушишь,—проговорилъ онъ.

— Нервы тоже сила,—отвѣтилъ Орловъ.

Съ этого дня Благолѣповъ еще болѣе проникся наивнымъ уваженіемъ и любовью къ Орлову. Онъ говорилъ ему съ добродушною шутливостью:

— Не знаю я, братъ, что ты совершишь тамъ, а что ты многимъ подлецамъ напакостишь—это ужъ вѣрно!

Орловъ смѣялся и шутливо называлъ Благолѣпова своимъ «единственнымъ поклонникомъ». Но онъ самъ не сознавалъ, какъ ободряетъ его это поклоненіе. Никогда онъ не нуждался такъ сильно въ чьемъ-нибудь сочувствіи, какъ теперь. Въ его душѣ послѣ отъѣзда княжны, послѣ выясненія того, какъ она смотритъ на него, пробудился страхъ, зна-

комый женщинамъ и дѣтямъ, затерявшимся въ толпѣ и сознающимъ, что ихъ не видятъ, не замѣчаютъ свои близкіе, родные. Ему хотѣлось приподняться, закричать, сдѣлать что-нибудь такое, чтобъ его замѣтили. И какъ же онъ былъ радъ, когда его замѣтили.

Однажды Благолѣповъ зашелъ къ Орлову и засталъ его въ отличномъ расположеніи духа. Передъ Орловымъ лежала на столѣ развернутая газета.

— Что новаго пишутъ? — спросилъ Благолѣповъ, замѣтивъ, что его пріятель читалъ газету.

— Да ничего... Все, кажется, идетъ по-старому, — отвѣтилъ Орловъ, подавляя волненіе и стараясь казаться равнодушнымъ. — Вотъ опять о нашемъ дѣлѣ пишутъ, такъ заинтересовался...

— Самъ настрочилъ? — равнодушнымъ тономъ спросилъ Благолѣповъ.

— Нѣтъ... Въ томъ-то и дѣло, что не самъ...

— Ой ли?

— Да право же, нѣтъ! Ей-Богу, не я. Чего мнѣ врать!

— И про тебя что-нибудь есть? — полюбопытствовалъ Благолѣповъ.

Орловъ даже покраснѣлъ.

— Да... такъ... нѣсколько фразъ...

Потомъ онъ не выдержалъ и горячо сказалъ:

— А хотѣлъ бы я знать, кто это пишетъ... Ну, положимъ, это не выраженіе общественнаго мнѣнія, это мнѣніе отдѣльной личности, — а все же это отголосокъ общества...

— Да ругаютъ тебя тамъ, что ли?

— Какое! Хвалятъ... Такъ тепло, такъ искренно написано...

Орловъ всталъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Какъ это глупо, какъ это глупо! — тихо проговорилъ онъ.

Благолѣповъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ и уловилъ, что Орловъ тихонько смахнулъ рукою съ рѣсницы слезу.

— Изнервничался я, — проговорилъ Орловъ, замѣтивъ взглядъ товарища и точно оправдываясь.—Совсѣмъ изнервничался, точно женщина. Лѣчиться мнѣ нужно, серьезно лѣчиться. Какъ женщина, готовъ отъ всякаго теплаго слова расчувствоваться, первому встрѣчному на шею кинуться. Это чортъ знаетъ что такое! Я думаю, тебѣ смотрѣть на меня смѣшно...

— Чего мнѣ смѣяться! Я вонъ, какъ баба, расплакался, да всю душу женщинѣ разъ отдалъ за то, что она одна меня пожалѣла, да приласкала, когда другіе только на смѣхъ поднимали или шпыняли меня,—добродушно сказалъ Благолѣповъ. — Я вѣдь тоже русскій человѣкъ: ты меня только погладь, да поласкай, а потомъ и дой, сколько хочешь... Ну, да что мы философствуемъ-то, надо бы на радостяхъ выпить за твою славу.

Орловъ велѣлъ подать вина и вплоть до поздней ночи, не умолкая, весело бесѣдовалъ съ Благолѣповымъ. Благолѣповъ тоже былъ въ ударѣ и безпощадно острилъ, отпускалъ каламбуры, говорилъ двусмысленности, въ то же время добродушно подсмѣиваясь надъ самимъ собою. Прощаясь съ Орловымъ, онъ крѣпко обнялъ его и сказалъ, что онъ очень, очень радъ, что тотъ хоть немного повеселѣлъ.

— Мы, братъ, Митя, не по одной дорогѣ пойдемъ, но къ одной цѣли,— проговорилъ онъ. — Дороги что: самъ не знаешь, которая скорѣе приведетъ,— наугадъ идешь. Цѣль важна. Она—главное.

— Конечно, конечно!—соглашался Орловъ.—И вѣрь мнѣ, какой бы дорогой я ни пошелъ, а въ сторону отъ нашей цѣли не сверну, подлецомъ не сдѣлаюсь...

Они расцѣловались въ самомъ радужномъ настроеніи. Въ сущности Благолѣповъ былъ счастливѣе самого Орлова. Возвращаясь домой, онъ все продолжалъ улыбаться, вслухъ говоря себѣ:

— Молодецъ, Никанорка, не проболтался... Тоже хитрить, подлецъ, научился... Ну, пусть его думаетъ, что другіе о немъ пишутъ... Тоже тяжко человѣку, когда его не замѣчаютъ... очень тяжко... А кто насъ, голь перекатную, замѣтитъ?.. Вонъ меня моя Липа когда-то приласкала, такъ вѣдь и то потому, что сама изстрадавшаяся, всего насмотрѣвшаяся была... Да, а скажи я ему, что это я статейку-то тиснулъ... Тсъ, подлецъ, не смѣй... никогда не смѣй!.. Пусть думаетъ, что другіе... «Это, говоритъ, конечно, не общественное мнѣніе, но все же это отголосокъ»... Толкуй: отголосокъ! Это Никанорка, за своихъ вступившись, заоралъ на всю Россію.

V.

Губернская «публика», собравшаяся въ залу суда въ день разбирательства надѣлавшаго не мало шуму дѣла, была сильно разочарована: скандала въ засѣданіи не вышло

никакого, а скуки было очень много. Дмитрій Андреевичъ Орловъ явился на своемъ мѣстѣ исхудалый и блѣдный, но онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы казаться спокойнымъ, чтобы говорить холоднымъ и равнодушнымъ тономъ. Онъ сразу замѣтилъ, что въ его сторону обращено нѣсколько дамскихъ лорнетовъ и даже биноклей, но дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого, придавъ лицу дѣловое, строгое выраженіе. Ему вдругъ захотѣлось обозлить эту праздную толпу городскихъ сплетниковъ и сплетницъ, заставивъ ихъ проскучать въ засѣданіи суда. «На театральное представленіе собрались,—мелькало въ его головѣ: —слушать, какъ приговариваютъ къ каторгѣ попавшихся въ томъ, въ чемъ ихъ еще не изловили». Съ первыхъ же словъ допроса подсудимыхъ и свидѣтелей, онъ вошелъ въ свою роль и началъ усердно выяснять все дѣло передъ присяжными засѣдателями. Онъ съ упорной настойчивостью опытнаго прокурора старался пролить свѣтъ на всѣ мелочи сущности дѣла, характера подсудимыхъ, степени ихъ преступности. Казалось, онъ добивался того, чтобы присяжные засѣдатели ни одной минуты не могли сомнѣваться ни насчетъ значенія этого преступленія, ни насчетъ того, что подсудимые не были побуждены къ нему нуждой, безвыходнымъ положеніемъ, недомысліемъ,—насчетъ того, что они случайно или только легкомысленно занутали въ это дѣло второстепенныхъ, не понимавшихъ ясно своихъ дѣяній, преступниковъ изъ простолюдиновъ. Его вопросы, его разслѣдованія, доходившіе до самыхъ послѣднихъ мелочей, сильно затянули эту часть судебнаго засѣданія и разочаровали многихъ дамъ, заставивъ ихъ порядкомъ поскучать. Зато присяжные засѣдатели при помощи его настойчивыхъ допросовъ такъ ясно поняли суть дѣла, что можно было впередъ сказать, что никакія адвокатскія рѣчи не поколеблютъ ихъ взглядовъ на это дѣло. Орловъ только этого и добивался. Какъ ловкій и умный стратегъ, онъ, окончивъ подготовительную работу, успокоился, сознавая, что его рѣчь можетъ быть теперь даже слабою и незначительною, что ея сила или слабость не будутъ имѣть никакого рѣшительнаго значенія.

— Господа присяжные,—началъ онъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ на третій день, когда пришелъ его черередъ говорить: — вы выслушали судебное слѣдствіе и ждете отъ меня строгой обвинительной рѣчи. Если-бъ обязанностью прокурора было только обвиненіе, то мнѣ почти нечего было бы говорить. Я сказалъ бы вамъ: «вы выслушали су-

добное слѣдствіе, разсматриваемое вами преступленіе совершенно выяснено, добавлять къ тому, что было сказано здѣсь, мнѣ рѣшительно нечего,—изрекайте свой приговоръ». Этой краткой рѣчи было бы вполнѣ достаточно, чтобы ваше рѣшеніе было строго и неумолимо. Но обязанность прокурора заключается не въ одномъ обвиненіи, во что бы то ни стало. Что такое прокуроръ? — Еще въ прошедшемъ столѣтіи укоренилась идея, что интересы государства и законность дѣйствій обезпечиваются правильными способами и средствами надзора. Вотъ въ этихъ-то видахъ въ 1711 году была учреждена должность фискаловъ. Что лежало на обязанности фискаловъ?—Они должны были тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, тако-жъ въ дѣлахъ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, того передъ судъ поставить и тамъ уличать. Они обязаны были возбуждать дѣла о преступленіяхъ, по которымъ нѣтъ челобитчиковъ; они были, такъ сказать, публичными обвинителями, но дѣйствовали тайными и скрытыми средствами. Они тайно провѣдывали, они тайно надсматривали. Понятно, что подобная должность по свойству и характеру своему должна была возбуждать всеобщее неудовольствіе. И вотъ въ 1722 году была учреждена должность прокурора. Члены прокурорскаго надзора стали дѣйствовать открытыми средствами, средствами явными, закономъ установленными. Они должны были противодѣйствовать безпорядкамъ и незаконнымъ рѣшеніямъ. Ихъ главная обязанность заключалась въ томъ, что они должны были накрѣпко смотрѣть, чтобы дѣла не только на столѣ вершились, но и самымъ дѣйствіемъ чинились по указамъ. Чинъ сей яко око наше и стрянчій о дѣлахъ государственныхъ. Про фискаловъ же сказано, что чинъ сей зѣло ненавидимъ. Такъ былъ намѣченъ типъ прокурора въ прошедшемъ столѣтіи. Чѣмъ является прокуроръ нынче?— Прокуроръ есть обличитель преступленія во имя закона, видамъ котораго еще болѣе противно осужденіе невиннаго, чѣмъ оправданіе виновнаго. Цѣлями прокурора должно быть раскрытіе истины, въ чемъ бы она ни состояла — въ виновности или въ невиновности подсудимаго. Прокуроръ, правда, поддерживаетъ на судѣ обвиненіе, но не домогается осужденія во что бы то ни стало. Онъ раскрываетъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ, предоставляя тѣмъ самымъ возможность подсудимому представить полное оправданіе. По 740 статьѣ устава уголовнаго судопроизводства прокуроръ можетъ даже отказаться отъ обвиненія, если признаетъ

объясненія обвиняемаго заслуживающими уваженія. Итакъ, вы видите, что въ гербѣ прокурорской власти — законы правды, а не произволъ и клевета. Во имя этихъ-то законовъ правды, прежде чѣмъ обвинять подсудимыхъ, прокуроръ обязанъ представить вамъ всесторонне дѣло этихъ подсудимыхъ, обстоятельства, при которыхъ оно совершено, ту среду, которая создала этихъ подсудимыхъ и повліяла на нихъ. Прежде чѣмъ обвинять, позвольте мнѣ во имя правды сдѣлаться на время отчасти историкомъ, отчасти романистомъ и набросать передъ вами картину того дѣла, разбирать которое мы явились сюда.

Орловъ на минуту прервалъ свою рѣчь. Въ публикѣ, собравшейся на этотъ разъ въ судъ уже въ меньшемъ числѣ, начали покашливать и сморкаться. Повидимому, всѣ были недовольны этимъ сухимъ и неинтереснымъ вступленіемъ. Легкое волненіе и шумъ еще не успѣли утихнуть, когда снова послышался голосъ Орлова, но это былъ уже не дѣловой, не сухой тонъ чиновника, а небрежный тонъ салоннаго болтуна. Орловъ крупными штрихами изложилъ сущность дѣла, перешелъ къ подробностямъ преступленія, повторилъ главныя свидѣтельскія показанія, выяснилъ степень преступности каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, дѣлая все это наскоро, съ умышленной сжатостью и неожиданно быстро окончилъ свою чисто фактическую рѣчь, еще разъ упомянувъ, что онъ могъ бы обойтись безъ всякой рѣчи, такъ какъ преступленіе выяснено вполнѣ и безъ того. Всѣ остались недовольны этою рѣчью: публикѣ, такъ нетерпѣливо и долго ожидавшей этого дѣла, показалось, что товарищъ прокурора просто посмѣялся надъ ней. Но адвокаты были еще менѣе довольны: имъ приходилось тратить свое краснорѣчіе въ отвѣтъ на эту вовсе не краснорѣчивую прокурорскую рѣчь и сознавать, что это краснорѣчіе потратится совершенно даромъ, что товарищъ прокурора, сказавшій такъ мало, въ сущности не оставилъ для нихъ никакой лазейки, такъ какъ за него было судебное слѣдствіе, за него были неотразимые факты и никакое кричащее краснорѣчіе не могло подкопаться ни подъ одинъ изъ этихъ фактовъ. Послѣ рѣчи Орлова былъ снова сдѣланъ перерывъ. Затѣмъ начались рѣчи адвокатовъ, послѣднія слова подсудимыхъ. Орловъ во все это время сидѣлъ на своемъ мѣстѣ съ скучающимъ видомъ человѣка, сознающаго, что около него идетъ совсѣмъ ненужная, ни къ чему не ведущая болтовня. Впрочемъ, противъ ожиданія, и рѣчи адвокатовъ вышли

довольно безцвѣтными. Всѣ предвидѣли, что повліять на рѣшеніе присяжныхъ почти невозможно, такъ какъ слѣдствіе слишкомъ ярко и опредѣленно выяснило все дѣло. Публика, значительно порѣдѣвшая, сильно утомленная, нетерпѣливо ждала только послѣднихъ словъ товарища предсѣдателя, полагая, что хоть онъ доставитъ ей какое-нибудь развлеченіе въ награду за нѣсколько дней скуки. Но и конецъ послѣдняго дня не оправдалъ этихъ ожиданій: Михайловскій-Несмѣльскій чувствовалъ себя какъ-то неловко и сказалъ смутную и сбивчивую рѣчь, совершенно не кстати замѣтивъ что-то о значеніи милосердія и снисходительности, о безпристрастіи и хладнокровіи, необходимыхъ при рѣшеніи каждаго дѣла. Быть-можетъ, его рѣчь была бы болѣе пристрастной, болѣе склонилась бы въ пользу подсудимыхъ, если бы рѣчь товарища прокурора хотя намекомъ задѣла его лично, раздражала его, какъ когда-то раздражила его прокурорская рѣчь по дѣлу дѣтоубійцы. Но въ настоящемъ случаѣ Орловъ, противъ ожиданія, не затронулъ его, не сказалъ ничего, что могло бы особенно сильно возбудить его. Публика была совсѣмъ разочарована: никакого скандала въ сущности не вышло. Присяжные засѣдатели удалились для совѣщаній и черезъ два часа вынесли обвинительный приговоръ всѣмъ коноводамъ дѣла; крестьяне были почти всѣ оправданы или получили право на снисхожденіе. Орловъ улыбался самодовольною улыбкой. Михайловскій-Несмѣльскій былъ мраченъ и раздраженъ. Въ коридорѣ суда около Орлова собралась кучка судебныхъ властей и присяжныхъ повѣренныхъ. Ему было сказано нѣсколько комплиментовъ, такъ какъ люди близкіе къ суду очень хорошо понимали, какъ онъ ловко провелъ это дѣло. Орловъ громко смѣялся.

— Что, господа, не ожидали вы такого результата такихъ безцвѣтныхъ рѣчей?—говорилъ онъ.—Мы вѣдь всѣ отличились, точно сквозь сонъ говорили, а кончилось-то круто для господъ подсудимыхъ. Факты-то оказываются посильнѣе краснобайства. Судебное слѣдствіе такъ было направлено, что даже никакія воззванія къ снисходительности и милосердію не могли уже поколебать убѣжденій присяжныхъ засѣдателей. Знаете ли, я хотѣлъ даже такую штуку выкинуть: сказать фразъ десять, да и кончить тѣмъ рѣчь. До того я былъ убѣжденъ, что одно судебное слѣдствіе заставитъ присяжныхъ засѣдателей вынести обвинительный приговоръ. А потомъ посмотрѣлъ я на этихъ дамъ, чортъ знаетъ зачѣмъ шляющихся по судамъ, — ну, и рѣшился

сказать всю рѣчь и проморить ихъ до-нельзя. Ничего, остались, я думаю, довольны.

Кто-то изъ присутствующихъ взялъ Орлова подъ руку и пошелъ съ нимъ по коридору.

— Послушайте, что же это такое?—замѣтилъ Орлову его собесѣдникъ: — развѣ это безпристрастное резюмированье всего говореннаго на судѣ?..

— Вы о предсѣдателѣ? — спросилъ Орловъ, сощуривъ глаза.

— Ну да, это просто мерзость, подлость! — горячо сказалъ его собесѣдникъ.

— Нѣтъ, не говорите этого... Это просто отсутствіе всякаго дарованія, — проговорилъ Орловъ. — Но вѣдь таланты отъ Бога, и человѣкъ не виноватъ, если онъ глупъ и бездаренъ. Онъ не понялъ ничего, что говорилось мною и защитниками, и ему не оставалось ничего, какъ пробормотать что-то о милосердіи и снисходительности.

Затѣмъ Орловъ засмѣялся и веселымъ тономъ замѣтилъ:

— Но я его очень люблю, какъ дѣти любятъ бумажнаго паяца; у него тоже есть веревочки, находящіяся въ моихъ рукахъ, и я могу, когда захочу, заставить его и обозлиться, и растеряться, и покраснѣть, и поблѣднѣть, а это, право, не малое наслажденіе...

Въ тотъ же день вечеромъ въ городѣ шли толки о только что кончившемся дѣлѣ: мужчины серьезно толковали, какъ удивительно ловко было произведено слѣдствіе при помощи Орлова, и называли его настоящимъ дѣльцомъ, не нуждающимся въ краснобайствѣ; дамы хотя и были разочарованы его рѣчью, но находили у него утомленный и страдальческій видъ и говорили, что сейчасъ видно, сколько онъ перенесъ. Особенно выдвинулся впередъ Орловъ, когда одна изъ большихъ петербургскихъ газетъ принесла фельетонъ, гдѣ разъяснилось значеніе только что конченнаго дѣла. Въ фельетонѣ писали:

«Лѣтъ девять тому назадъ въ нашемъ городѣ въ домахъ лучшаго общества, въ нашихъ собраніяхъ, на нашихъ балахъ появилась интересная личность безпечнаго и щедраго кутилы, носившаго старую, уважаемую фамилію, имѣвшаго большія связи въ столицѣ, обладавшаго значительными денежными средствами. Мы, конечно, обрадовались этому новому лицу и приняли его съ распростертыми объятіями въ свой кругъ —лишній ловкій танцоръ на балу, лишній богатый партнеръ за карточнымъ столомъ, лишній остроумный

болтунъ въ салонѣ — это всегда такая дорогая находка для скучающаго отъ вѣчнаго бездѣлья люда. Какова закулисная дѣятельность, какова нравственность, каковы убѣжденія этой личности, объ этомъ никто не справлялся: одѣвался онъ, какъ принято, говорилъ онъ, какъ принято, держалъ себя, какъ принято, — этого съ насъ довольно. Мы вѣдь всегда готовы не допустить къ себѣ самого Христа, если Онъ явится къ намъ не въ модномъ фракѣ, и готовы обнять разбойника, если онъ одѣтъ по послѣдней модной картинкѣ извѣстнымъ портнымъ. Мы хлопочемъ только о внѣшней изысканности и не заботимся о томъ, какая нравственная нечистоплотность прикрывается ею. Только благодаря этому обстоятельству, пріѣхавшій въ нашъ городъ господинъ могъ спокойно и хладнокровно начать приводить въ исполненіе свои преступные планы, завлекая въ свои сѣти сообщниковъ, организуя цѣлую шайку преступниковъ, вербуя въ ея члены людей хорошихъ фамилій. Вербовка должна была пойти удачно, такъ какъ вербовщикъ умѣлъ затронуть самую слабую струну большинства людей: онъ обѣщалъ имъ богатство, а кто не стремится у насъ къ обогащенію, когда всѣ бѣгутъ отъ труда и всѣ хотятъ жить широко. Онъ самъ по себѣ зналъ, что значитъ быть разореннымъ барономъ и страстно жаждать безпечальнаго житья, безпутной роскоши, безумныхъ кутежей». Затѣмъ въ фельетонѣ шла обрисовка главнаго организатора мошеннической шайки, только что осужденной на судѣ, и бойкими чертами былъ набросанъ образъ этой личности. Барское воспитаніе, отсутствіе какихъ бы то ни было нравственныхъ идеаловъ и серьезныхъ задачъ въ жизни, молодые кутежи праздная гуляки, разореніе и неутомимая жажда денегъ, во что бы то ни стало, вотъ что привело эту личность къ мысли о преступленіяхъ съ цѣлью наживы. «Планъ былъ составленъ преступникомъ ловко, смѣло и широко,—говорилъ фельетонистъ.—Сообщниковъ было найти не трудно, такъ какъ, при нашемъ небрежномъ воспитаніи, при отсутствіи нравственныхъ принциповъ, при жаждѣ наживы, легко увлечь юношей на какой угодно путь. Расчетъ былъ вѣренъ, и дѣйствительно сообщники нашлись. Имъ не было дѣла, что они запятнаютъ честныя имена своихъ отцовъ, такъ какъ мы не умѣемъ внушать своимъ дѣтямъ уваженія и любви къ родной семьѣ. Имъ было тогда все равно, какъ печально отзовутся ихъ продѣлки на дѣлахъ ихъ родины, потому что мы не умѣемъ воспитывать изъ своихъ дѣтей гражданъ и

патріотовъ; нашъ патріотизмъ не идетъ дальше пренебреженія къ иностранцамъ и похвальбы своею силой и удалью; мы можемъ обругать «сухопараго нѣмца» и заявить, что «мы всѣхъ шапками закидаемъ», но на этомъ и останавливается нашъ патріотизмъ. Говорить о родинѣ громкія фразы—это мы можемъ; но неуклонно исполнять свой гражданскій долгъ, неусыпно служить родинѣ, вѣчно заботиться только о ея благѣ, посвящая ей всѣ свои силы—о, это немногимъ изъ насъ по плечу. Гдѣ можно, тамъ мы расхищаемъ казну, кривимъ душою, пускаемъ въ ходъ незаконныя средства, дѣлаемъ проступки и преступленія, потому что своя рубашка къ тѣлу ближе, а родина—это для насъ что-то постороннее, чужое, чуть не враждебное. Вотъ передъ нами стоятъ десятки людей, изъ которыхъ, вѣроятно, каждый готовъ сказать, что онъ—«русскій человѣкъ», что онъ никогда не былъ измѣнникомъ своей родинѣ, что онъ никогда не сдѣлался бы ея предателемъ. А между тѣмъ вся дѣятельность этихъ людей была направлена не ко вреду какой-нибудь отдѣльной личности, а ко вреду именно той родины, сынами которой они осмѣливаются называть себя». Затѣмъ фельетонистъ подробно, до послѣднихъ мелочей и не безъ ловкости, съ отчетливостью и ясностью развивалъ всю исторію дѣятельности этой шайки, показавъ, какою сѣтью она опутала общество, всегда легкомысленное и чрезчуръ довѣрчивое. «Правда,—замѣчалъ онъ:—имъ и легко было дѣйствовать. Съ одной стороны, они вращаются въ хорошемъ обществѣ, они прилично одѣваются, они прилично держатъ себя, они живутъ широко и открыто,—какъ смѣть ихъ заподозрить въ мошенничествѣ. Съ другой стороны, когда являлись тайные слухи или доносы противъ нихъ и къ нимъ заѣзжали господа становые, исправники и другія власти, они устраивали завтраки, обѣды и ужины, и все разслѣдованіе кончалось веселымъ пиркомъ, а подгулявшіе гости сами же выбалтывали хозяевамъ, какіе слухи ходятъ о нихъ. При такомъ положеніи дѣлъ можно было дѣйствовать съ возмутительною наглостью, можно было организовать дѣло довольно прочно. Они катались, какъ сыръ въ маслѣ, не стѣсняясь ничѣмъ, не боясь никого. Но кромѣ насъ, представителей интеллигенціи, въ нашемъ отечествѣ есть еще темная, бѣдная, приниженная масса, проливающая потъ и кровь въ неустанномъ трудѣ, выносящая тягостное бремя лишеній и нуждъ, несущая на алтарь отечества свою лепту податей и повинностей; эта темная масса—

народъ. Она бредетъ во мракѣ, ее почти ещё не коснулось просвѣщеніе, она только еще чутьемъ можетъ отличить правду отъ неправды, добро отъ зла, законность отъ беззаконія, и ею легче всего воспользоваться злоумышленникамъ, ее легче всего сдѣлать слѣпымъ орудіемъ преступленій, обѣщая ей, голодной, кусокъ хлѣба, обѣщая ей, приниженной, выходъ къ независимому положенію. И людьми-то этой массы воспользовались злоумышленники, сдѣлавъ многихъ изъ ея членовъ членами своей шайки. На скамьѣ подсудимыхъ рядомъ съ блестящими представителями образованныхъ классовъ общества явились едва грамотные мужички: эти мужички явились жертвами болѣе образованныхъ людей». Въ статьѣ рисовалась печальная картина положенія нашего мужика очень яркими красками. Напирая сильно на преступность дѣйствій образованной части преступниковъ, фельетонистъ говорилъ о преступникахъ-мужикахъ, что эти люди «не вѣдаютъ, что творятъ». Вовлеченіе этихъ темныхъ людей въ преступленія онъ ставилъ въ вину коноводамъ этого дѣла, сравнивая ихъ съ тѣми взрослыми мошенниками, которые мало того что воруютъ сами, но еще устраиваютъ школу воровства, пріучая къ преступленіямъ дѣтей. Требуя обвиненія для этихъ интеллигентныхъ злоумышленниковъ, нельзя говорить объ этой темной массѣ безъ теплаго участія, и если не просить для нея полнаго прощенія, то все же нужно склонять въ ея пользу судей. Далѣе въ фельетонѣ говорилось, что именно въ этомъ духѣ направилъ дѣло и провелъ его товарищъ прокурора Орловъ, что всѣ симпатіи публики были не на сторонѣ защитниковъ, а на сторонѣ обвинителя, когда онъ говорилъ: «Вы скажете, что моя рѣчь вся состояла изъ отступленій, изъ уклоненій отъ главнаго предмета—отъ обвиненія подсудимыхъ, что она состояла изъ бѣглыхъ замѣтокъ о нашей общественной жизни,—замѣтокъ, сдѣланныхъ по поводу этого процесса. Вы ошибаетесь. Мнѣ было бы очень легко обвинить предстоящихъ передъ вами подсудимыхъ; я могъ бы сказать: «вотъ люди, обвиняемые въ томъ-то и томъ-то преступленіи,—осуждайте ихъ, выносите имъ обвинительный приговоръ, такъ какъ всѣ улики ихъ преступленій передъ вами налицо». Но въ такомъ случаѣ вы взглянули бы на дѣло легко, вы отнеслись бы къ нему не вполнѣ сознательно. Я избралъ другой путь. Я указалъ вамъ все общественное значеніе этого дѣла, я нарисовалъ вамъ картину, какъ совершаются подобныя дѣла, я ука-

залъ вамъ, къ чему они ведетъ. Теперь вы видите, что имѣете дѣло не съ случайнымъ преступленіемъ, совершаемымъ въ порывѣ возбужденія, въ минуту увлеченія, а съ тою язвой, которая разъѣдаетъ, подтачиваетъ подъ корень наше общество послѣдовательно, медленно, упорно. Для коноводовъ этого дѣла нѣтъ снисхожденія, нѣтъ смягчающихъ обстоятельствъ, нѣтъ милосердія. Мы стоимъ лицомъ къ лицу не съ простыми преступниками, а съ врагами нашего общества, нашей родины». Эта статья, служившая въ сущности перефразировкой рѣчи Орлова, возбудила тѣмъ болѣе толковъ, что она заканчивалась предательскою строкой: «Въ виду всего этого мы не понимаемъ нравственнаго кругозора тѣхъ, кто рѣшается въ подобныхъ дѣлахъ говорить о снисхожденіи и милосердіи». Всѣ поняли, въ чей огородъ былъ брошенъ этотъ камень, и всѣ догадывались, кѣмъ онъ былъ брошенъ. Среди всѣхъ этихъ толковъ въ общество откуда-то залетѣла фраза «о бумажномъ паяцѣ и его веревочкахъ, подергиваемыхъ Орловымъ».

— Неужели *онъ* такъ и сказалъ?

— Да, да! Я, говоритъ, держу эти веревочки въ своихъ рукахъ.

— Это про *него*-то?

— Да.

— Это прелестно, прелестно!

— Но я удивляюсь терпѣнію *того*.

— Значитъ, есть же что-нибудь такое, чего *онъ* боится.

— Неужели вы думаете, что дѣйствительно была какая-нибудь уголовщина?

— Уголовщина — не уголовщина, а вѣрно рыльце въ пушку.

Этимъ толкамъ не было конца. Праздному люду, повидимому, хотѣлось, во что бы то ни стало, раздуть вражду между Орловымъ и Михайловскимъ-Несмѣльскимъ и отравить обоимъ жизнь. И дѣйствительно, эти два человѣка чувствовали, что они не могутъ служить вмѣстѣ. Въ городѣ уже подробно разузнали въ новой редакціи всю исторію, послужившую причиной ненависти между этими двумя личностями, и толковали о ней вкривь и вкось. Михайловскій-Несмѣльскій въ одномъ обществѣ, когда зашла въ довольно ехидномъ тонѣ рѣчь о золотой молодежи, соблазняющей невинныхъ дѣвушекъ, замѣтилъ:

— Да, но эти невинныя жертвы иногда оказываются настолько практичными, что чуть не пускаютъ съ сумою сво-

ихъ соблазнителей. Вѣдь у каждой изъ этихъ жертвъ есть практики и дѣльцы—дяденьки, братцы, кузены.

Въ другомъ кружкѣ во время разговора на ту же тему Орловъ сказалъ:

— И что же вы станете дѣлать съ подобными хлыщами? Подставлять лобъ подъ ихъ же пули на дуэли или убивать ихъ, какъ собакъ, и нести за это наказаніе? Они знаютъ, какъ это невыгодно, и пользуются своимъ положеніемъ. Одно наказаніе существуетъ для нихъ — это названіе негодяевъ; но кто же изъ нихъ не утратилъ способности краснѣть?

Отношенія этихъ двухъ людей становились настолько невыносимыми, что самъ Михайловскій-Несмѣльскій писалъ въ Петербургъ письмо за письмомъ съ одной и тою же фразой:

«Уберите его отъ меня... Это какая-то бѣшеная собака, вцѣпившаяся въ меня зубами, — писалъ онъ. — Я могъ бы его игнорировать, если бы мы не сталкивались ежедневно на служебномъ поприщѣ. Нѣтъ ни одного дѣла, которое онъ не поставилъ бы такъ, чтобъ не насолить мнѣ, чтобы не взбѣсить меня. Наконецъ, я просто считаю его вреднымъ, такъ какъ онъ направляетъ дѣла, сообразуясь только съ однимъ правиломъ: привилегированный подсудимый или нѣтъ? Если да, то надо его утопить во что бы то ни стало; если нѣтъ, то надо его выгородить во что бы то ни стало. Въ послѣднее время онъ сталъ очень усердно разрабатывать вопросъ объ умопомѣшанныхъ, отыскивая разныя злоупотребленія въ дѣлахъ признанія сумасшедшими разныхъ субъектовъ, которые, по его мнѣнію, находятся въ здравомъ разсудкѣ и засажены въ сумасшедшій домъ только ради корыстныхъ видовъ родни. Онъ поднялъ нѣсколько такихъ дѣлъ, чтобы только напакостить людямъ извѣстнаго круга и произвести возможно большее число скандаловъ. И въ то же время, когда на скамьѣ подсудимыхъ является какая-нибудь баба-убійца, онъ направляетъ дѣло такъ, чтобы было признано, что она совершила преступленіе въ состояніи невмѣняемости. Въ обществѣ имъ крайне недовольны, видя въ немъ краснаго, демократа и нигилиста. Эти толки, быть-можетъ, не имѣютъ серьезнаго основанія, но во всякомъ случаѣ онъ самъ виноватъ въ нихъ: съ одной стороны, онъ каждый разъ считаетъ своимъ долгомъ на судѣ нападать на привилегированные классы, а съ другой — якшается съ какими-то темными личностями,

находящимися подъ надзоромъ полиціи. Чѣмъ скорѣе вы уберете его, тѣмъ лучше. У васъ тамъ на глазахъ онъ будетъ менѣе опасенъ и вреденъ».

Петербургскій другъ Дмитрія Андреевича, наконецъ, написалъ ему:

«Тебя рѣшились перевести въ Москву, и этимъ ты обязанъ Михайловскому-Несмѣльскому: онъ добился-таки того, что тебя рѣшились «убрать» оттуда. Теперь ты будешь на шагъ отъ Питера».

Дмитрій Андреевичъ скомкалъ это письмо, стиснувъ зубы отъ бѣшенства. Онъ просился въ Петербургъ, онъ бился изъ-за этого столько лѣтъ, онъ сдѣлалъ въ послѣднее время все, чтобы добиться этого, и вдругъ его хотятъ перевести въ Москву. А куда пошлютъ оттуда? Когда пошлютъ? Онъ не могъ даже хладнокровно разсуждать, что, дѣйствительно, Москва находится на шагъ отъ Петербурга, что переводъ въ Москву — естественное повышеніе, что въ Москвѣ онъ можетъ пробыть какой-нибудь годъ, а тамъ и въ Петербургъ переведутъ. Онъ только сознавалъ одно то, что его не хотятъ переводить въ Петербургъ, что онъ опять потерпѣлъ неудачу, что его обходятъ и будутъ вѣчно обходить, что къ нему относятся, какъ къ врагу, и что ему остается только платить тою же монетой.

Когда въ этотъ день къ нему зашелъ Благолѣповъ, онъ не узналъ Орлова.

— Да, что съ тобой, ты зеленый совсѣмъ?—сказалъ Никаноръ Ивановичъ.

— Въ Москву хотятъ перевести—а? Хорошо?—воскликнулъ Орловъ.

— Ну, и слава тебѣ, Господи! Все же ближе къ Питеру!

— Что ты понимаешь! Что ты понимаешь! Ближе къ Питеру!.. Да кто мнѣ поручится, что они оттуда, изъ Москвы, не ушлютъ меня прокуроромъ въ Кіевъ, въ Орелъ, куда Макаръ телятъ не гоняетъ. Что я—пѣшка у нихъ въ рукахъ, чтобъ мной играли? Мнѣ нужно быть въ Петербургѣ, и я буду... Я выхожу въ отставку... Вотъ вчера получилъ письмо отъ сестры: жалуется на тяжелое положеніе; пишетъ, что дядя Лампадовъ не можетъ успокоиться послѣ смерти своей сестры и самъ близокъ къ смерти, въ каждой строкѣ слышатся слезы. Мнѣ надо тамъ быть,—не могу я оставаться бездомникомъ...

Онъ большими шагами ходилъ по комнатѣ.

— Въ Москву переводятъ!.. Привыкай опять къ новымъ

людямъ, заводи новыя знакомства, подлаживайся къ новому складу жизни, а тамъ опять толкнутъ куда-нибудь... Для меня Петербургъ все: тамъ родня, знакомые, связи, возможность литературной дѣятельности, возможность осѣдлой жизни... Мнѣ надоѣли эти голыя стѣны, эта мебель отъ хозяевъ, эта холостая безалаберщина, эти цыганскія кочевки... Какимъ-то Иваномъ, не помнящимъ родства, дѣлаешься: сегодня здѣсь, завтра тамъ,—нигдѣ прочной связи, прочныхъ отношеній, все заводишь на время до новой перекочевки; и люди, и вещи, и мѣста—все становится не дорого, потому все это твое только на время... Я понимаю, что въ такомъ положеніи можно сдѣлаться человѣкомъ, которому все трынъ-трава, у котораго нѣтъ ничего святого и завѣтнаго, который равнодушно встрѣчается и равнодушно разстается съ людьми, проходящими передъ нимъ, какъ китайскія тѣни... Я не созданъ быть богемой и никогда не буду имъ. Мнѣ нужна твердая почва подъ ногами, мнѣ нуженъ тотъ клокъ земли, который бы я полилъ потомъ и кровью съ сознаніемъ, что это — мой клокъ земли, что это клокъ земли моихъ дѣтей, моихъ близкихъ, моихъ друзей... Довольно съ меня этой цыганщины, оставляющей въ душѣ только пустоту и равнодушіе!

Орловъ прошелся по комнатѣ.

— Да и не это главное, а главное то, что у меня здѣсь руки связаны, языкъ припечатанъ, — продолжалъ онъ въ волненіи.—Мы живемъ въ такое время, когда нужно отстаивать и проводить свои идеи всѣми путями — въ частныхъ кружкахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ печати. А здѣсь молчать приходится. Знаешь ли ты, что я отсюда даже писать не могу. Я пишу здѣсь статью и посылаю въ Петербургъ, а мнѣ пишутъ: «какъ жаль, что вы не прислали вашу статью раньше недѣлей; три дня тому назадъ вышло секретное предписаніе не касаться этого вопроса въ печати». И вѣдь это не разъ, не два случалось, а десятки разъ. Поневолѣ тутъ крылья опустишь, какимъ-то Пигасовымъ сдѣлаешься, который брюзжитъ, потому что ему брюзжать пріятно.

Благолѣповъ сидѣлъ, опершись локтями въ колѣни и опустивъ на ладони голову. Онъ хотѣлъ сказать Орлову, что вотъ онъ, Благолѣповъ, тоже, наконецъ, рѣшился уѣхать изъ города, завтра же уѣхать и притомъ навсегда, но промолчалъ. Онъ только спросилъ Орлова, когда тотъ уѣзжаетъ.

— На-дняхъ, черезъ недѣлю, черезъ двѣ, — отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, значитъ, еще разокъ увидимся, — сказалъ Благолѣповъ.

— И не разъ еще увидимся...

— Нѣтъ, мнѣ тоже надо на время уѣхать...

— Разрѣшили?

Благолѣповъ немного замялся и потомъ коротко сказалъ:

— Я на время...

— Смотри, не попадись...

— Ну, вотъ еще!..

Потомъ Благолѣповъ заговорилъ объ Орловѣ, объ его отъѣздѣ. Они разстались. На другой день Благолѣповъ на минуту зашелъ проститься съ Орловымъ. Онъ крѣпко обнялъ Дмитрія Андреевича и сказалъ:

— Не поминай лихомъ. Авось еще встрѣтимся гдѣ-нибудь.

— Смотри, чтобы не пришлось встрѣтиться на судѣ.

— Экъ выдумалъ что!

— Да вѣдь я тебя знаю. Тоже головушка-то буйная.

— Ну, что-жъ, попадусь,—защищать будешь!

Благолѣповъ вышелъ отъ Орлова и медленно пошелъ по направленію за городъ по пыльной дорогѣ. Онъ миновалъ послѣднія лачуги и пустыри городской окраины, вышелъ на большую дорогу и, что-то беззаботно насвистывая, побрелъ неспѣшно въ голубую даль среди полей и нивъ, тянувшихся за городомъ. Онъ, казалось, просто прогуливался, и никто не сказалъ бы, увидавъ его, что этотъ человѣкъ—«бѣглецъ».

Орловъ, между тѣмъ, торопливо сдавалъ дѣла и тоже собирался въ отъѣздъ. Черезъ двѣ-три недѣли онъ уже сидѣлъ въ вагонѣ второго класса и ѣхалъ въ Петербургъ.

На дворѣ стояли послѣдніе теплые дни, кругомъ все еще было зелено, сіяло на солнцѣ. На поляхъ шла спѣшная работа крестьянъ. Въ вагонѣ было и душно, и безлюдно, а тамъ, по сторонамъ полотна желѣзной дороги, разстилались нивы, тянулись зеленые холмы, синѣли лѣса въ безбрежномъ пространствѣ. У Орлова на душѣ было тяжело и скверно; его теперь угнетала даже мысль о томъ, что онъ, какъ батракъ, долженъ вѣчно работать, биться, не имѣя даже возможности отдохнуть и забыться въ этой зеленой глуши, на лонѣ всеоживляющей природы. Ему вспоминалось его скорбное дѣтство, когда онъ знакомился съ природой въ тощемъ Екатерингофскомъ саду, въ жалкихъ церковныхъ оградахъ, на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Тутъ ли было

развернуться здоровой и широкой натурѣ, тутъ ли было создаться цѣльному человѣку? А онъ еще былъ, быть-можетъ, самымъ счастливымъ изъ городской голи, изъ городскихъ пролетаріевъ, гибнущихъ въ духотѣ и пыли, увядающихъ, какъ увядаютъ чахлыя деревья городскихъ садовъ, лишенныя простора, чистаго воздуха и солнца.

— Станція Русовка!—раздалось у окна вагона.

Орловъ вскочилъ точно отъ электрическаго удара. Русовка!.. Это въ четырехъ, въ пяти верстахъ отъ села Русова, отъ *нея*. Какъ же онъ забылъ объ этомъ! Зачѣмъ онъ взялъ билетъ до Москвы? Убѣжать туда къ ней, забыться тамъ, вздохнуть свободно на вольномъ воздухѣ... Онъ схватилъ свой ручной чемоданчикъ и вышелъ, почти выбѣжалъ изъ вагона. Раздался звонокъ на станціи, но Орловъ уже бѣжалъ, завидѣвъ какую-то телѣгу близъ станціи. Черезъ двѣ-три минуты онъ уже сидѣлъ въ этой телѣгѣ и ѣхалъ по направленію къ Русову. Но у него былъ билетъ до Москвы? У него былъ багажъ въ багажномъ вагонѣ? Что за глупости. Стоитъ ли объ этомъ думать! Соскочилъ съ поѣзда и удралъ!.. Онъ смѣялся, какъ школьникъ, неожиданно убѣжавшій отъ гувернера въ лѣсъ, въ поле. Онъ даже обернулся на уносившійся вдаль поѣздъ и улыбнулся, точно говоря: «Что взялъ?.. Вотъ захотѣлъ и сбѣжалъ». За пять минутъ тому назадъ онъ и не подозрѣвалъ, что онъ способенъ на такое школьничество. Какъ онъ былъ радъ, что это такъ сдѣлалось! Какъ княжна удивится его пріѣзду, какъ она удивится его рѣшенію выйти въ отставку. Онъ проведетъ здѣсь день, другой, вдвоемъ съ нею, впервые съ нею въ этой благодатной глуши. Они будутъ гулять въ тихомъ паркѣ, въ лѣсу, среди полей; будутъ говорить безъ умолку, школьничать, какъ говорятъ и школьничаютъ только вдали отъ городовъ, вдали отъ гостиныхъ; кто знаетъ, можетъ-быть... Она говорила, что любящіе люди чутьемъ угадываютъ любовь, не объясняясь, не сватаясь... Можетъ быть, онъ, счастливый, сіяющій, замирающій отъ восторга, уловитъ это мгновеніе и тогда... Что ему карьера, что Петербургъ! Съ нею онъ будетъ вездѣ счастливъ! Она богата, но ему нужно не ея богатство: ему теперь нужнѣе всего женская ласка, тихій отдыхъ отъ мелкихъ дрязгъ, жизнь вдали отъ пошлыхъ людей. А мечты о крупной и широкой дѣятельности?—О, Богъ съ нею. Хоть бы мелкое дѣло дѣлать, но дѣлать его послѣдовательно, съ увѣренностью въ прочность, самостоятельно.. А вотъ и село.

— Это Русово?

— Да,—отвѣтилъ мужикъ, везшій Орлова.

— Гдѣ же господскій домъ?

— А вотъ тутъ свернемъ направо, а тамъ поворотимъ налѣво...

— Поѣзжай, поѣзжай, на водку дамъ!—заторопилъ Орловъ мужика.

Тотъ нахлесталъ лошаденку, телѣга запрыгала по мягкой, кочковатой дорогѣ, свернула направо, повернула налѣво.

— Вонъ господскій садъ!

— Стой, стой! Я черезъ садъ пойду!.. Ты свезешь чемоданъ во дворъ.

Орловъ выскочилъ изъ телѣги, расплатился и пошелъ по направленію къ саду. Это былъ старинный барскій садъ, съ широкой просѣкой на проѣзжую дорогу. Орловъ попробовалъ калитку чугунныхъ рѣшетчатыхъ воротъ: она была не заперта; онъ вошелъ въ нее и пошелъ просѣкой или главной аллеей къ дому. Вотъ и домъ виденъ, большой старинный домъ екатерининскихъ временъ; на широкой террасѣ, обставленной многолѣтними деревьями въ кадкахъ, съ каменными львами около нижнихъ ступеней, подъ бѣлыми спущенными маркизами, сидитъ въ креслахъ князь; въ сторонѣ на ступеняхъ террасы Ольга Родіоновна вяжетъ вѣчный шерстяной шарфъ; съ другого боку сидитъ она, княжна, и, по обыкновенію, неопредѣленно смотритъ куда-то вдаль, точно всматривается въ него, въ Орлова. Но кто же это тутъ еще сидитъ, повернувшись широкою спиной къ нему, къ Орлову? Орловъ еще не успѣлъ ничего сообразить, какъ княжна завидѣла его и бросилась ему навстрѣчу.

— Митя, какими судьбами!—воскликнула она и, сжимая ему руку, быстро проговорила тревожнымъ шопотомъ:— здѣсь Никаноръ Ивановичъ... Теперь его зовутъ Никаноровымъ.

Орлова точно холодной водой облили. Ему вдругъ какъ будто желчь подступила къ горлу. Ему вдругъ захотѣлось разразиться неудержимымъ злобнымъ хохотомъ надъ собой, надъ ними, надъ всѣми, кто подвернется подъ руку. Это было что-то невольное, безсознательное, непреодолимое...

— Заговорщики!— съ недоброй усмѣшкой прошепталъ онъ ей и направился къ террасѣ.

Князь, Ольга Родіоновна, Никаноръ Ивановичъ — всѣ удивились неожиданному пріѣзду Дмитрія Андреевича.

— Да вотъ пустился въ погоню за нимъ въ качествѣ

товарища прокурора,—сказалъ онъ, указывая на Благолѣпова. — Господинъ Никаноровъ сбѣжалъ вѣдь отъ насъ, укрывается. Надо же было прослѣдить.

Ему хотѣлось съ какимъ-то злорадствомъ напомнить о томъ, что Никаноръ Ивановичъ—поднадзорный.

— Ну, братъ, опоздалъ, опоздалъ!—добродушно сказалъ князь.—Съ него сняли надзоръ полиціи. Да и пустякъ это все было. Я такъ и полагалъ... Нѣтъ, а я-то хорошъ. Онъ прибылъ сюда, а я съ чего-то вообразилъ, что онъ носитъ другую совсѣмъ фамилію. Какъ я его, Соня, назвалъ-то?

— Благовѣщенскимъ, кажется, — отвѣтила княжна, подавляя смущеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, не такъ,—сказалъ князь.—Тоже память-то у тебя дѣвичья.

— Благолѣповымъ!—подсказала Ольга Родіоновна.

— Да, да, Благолѣповымъ!—сказалъ князь.—И съ чего это я? И какъ это пришло мнѣ въ голову?

— И благолѣпія-то во мнѣ никакого нѣтъ, — сказалъ шутливо Благолѣповъ, уже оправившись отъ смущенія.

— Ну, пойдетъ теперь самого себя вышучивать! — проговорилъ князь, махнувъ рукой, и обратился къ Орлову:— Ну, а ты какъ, что? Разсказывай все!

Всѣ усѣлись. Орловъ началъ разсказывать, что случилось за послѣднее время. Онъ говорилъ остроумно, ѣдко, саркастически. Казалось, въ этотъ мигъ ему все представлялось съ смѣшной, съ нелѣпой, съ глупой стороны. Надъ всѣмъ хотѣлось глумиться, издѣваться и прежде всего надъ самимъ собой. Онъ даже разсказалъ въ самомъ смѣшномъ видѣ, какъ онъ удралъ съ поѣзда сюда, какъ онъ чуть ли не языкъ показалъ кондукторамъ и пассажирамъ, удирая на телѣгѣ и уговаривая мужика нахлестывать лошадь.

— Ужъ очень горѣлъ нетерпѣніемъ увидать хоть на минуту, какъ это люди живутъ на землѣ въ раю,—закончилъ онъ съ ироніей свой разсказъ.

— Да, здѣсь Палестина!—проговорилъ Благолѣповъ.

— Ты тоже знаешь, гдѣ раки зимуютъ!—вскользь замѣтилъ Орловъ.

Онъ обернулся къ Ольгѣ Родіоновнѣ и сказалъ ей шутливымъ тономъ.

— Вотъ и я, Ольга Родіоновна, какъ уже говорилъ вамъ, мѣста хочу искать здѣсь сельскаго учителя или волостного писаря.

— Ну, а я тебѣ опять скажу, что тебѣ еще надо въ чины выйти,—сказала старушка, продолжая вязать шарфъ.

— Ахъ, вы опять старое повторяете. А я вотъ рѣшился крестьянскимъ ребятишкамъ носы вытирать... то бишь, учить ихъ складамъ, да сложенію и вычитанію...

— И совсѣмъ это ты глупости говоришь, и не къ лицу это тебѣ,—наставительно сказала старушка.

— Что это—глупости-то говорить?.. Это всѣмъ къ лицу!

— Нѣтъ, крестьянскихъ дѣтей учить не къ лицу тебѣ...

Орловъ почему-то вспылилъ.

— А Софьѣ Александровнѣ къ лицу?—спросилъ онъ.

— Разумѣется, къ лицу, если это доставляетъ ей удовольствіе и развлеченіе, а для другихъ доброе дѣло.

Орловъ засмѣялся.

— А, значитъ, отъ бездѣлья и то рукодѣлье!.. Такъ вы вотъ какъ смотрите, Ольга Родіоновна! Такъ и будемъ знать...

Онъ начиналъ уже бѣситься на себя за этотъ разговоръ и не могъ отъ него удержаться, не могъ перемѣнить тона, чувствуя всю пошлость своего положенія, своего тона. Ольга Родіоновна, какъ на зло, продолжала:

— Тебя бы на мѣсяцъ здѣсь запереть, такъ ты бы сбѣжалъ отсюда, потому привыкли вы тамъ, столичные-то, по балямъ, да по театрамъ порхать, а здѣсь человѣкъ самъ съ собой долженъ жить.

— Какъ это такъ самъ съ собой?

— Извѣстно, какъ. Тамъ ты работу кончилъ, да и полетѣлъ сегодня на балъ, завтра въ театръ, тамъ въ собраніе... Такъ вся жизнь и проходитъ подъ музыку. Ну, а здѣсь, какъ приходится сегодня, да завтра одному остаться, такъ и привыкнешь самъ съ собой жить, въ себя всматриваться...

— Съ круга спиваться,—закончилъ въ тонъ ей Орловъ.

— Да кому какъ. Одни съ круга спиваются, другіе людьми становятся...

Старушка опустила вязанье и начала его свертывать.

— Въ деревнѣ, какъ въ монастырѣ, либо совсѣмъ никуда негоднымъ человѣкомъ станешь, либо подвижникомъ сдѣлаешься,—сказала она.

— Да и въ городѣ, Ольга Родіоновна, тоже: либо подлецъ, либо честный,—сказалъ Орловъ, смѣясь.

Она посмотрѣла на него серьезнымъ взглядомъ.

— Ну, нѣтъ, ты этого не говори. Въ городѣ подъ одну

краску всѣ себя подгоняютъ. Тамъ человѣкъ не самъ идетъ, а вѣтеръ его гонитъ.

Она поднялась съ мѣста.

— Тамъ иному-то и въ годъ ни разу не удастся себѣ въ душу-то заглянуть: сегодня у самого гости, завтра самъ въ гостяхъ; тутъ подпоили, тамъ протанцовалъ до бѣла дня. Послѣ такой-то жизни деревня—адъ: тутъ вѣдь безъ этой музыки работать надо.

Ольга Родіоновна неторопливо ушла съ террасы. Въ головѣ Орлова опять мелькнула мысль: «а, такъ ты вотъ какъ на меня смотришь! Музыка мнѣ нужна для работы». Князь уже уснулъ, и Дмитрій Андреевичъ остался съ глазу на глазъ съ княжной и Благолѣповымъ.

— Ну-съ, такъ вы заговоръ здѣсь устраиваете?—сказалъ онъ.

— Какой заговоръ?—спросила княжна.

— Да какъ же: человѣкъ съ фальшивымъ паспортомъ!..

— Я же мимоходомъ зашелъ,—сказалъ Благолѣповъ, какъ бы извиняясь.—Хотѣлъ барышню повидать...

— Я вамъ сказала, что я васъ не отпущу,—замѣтила княжна, обернувшись къ нему.—Отецъ готовъ взять васъ въ управляющіе въ Русово. А то такъ въ волостные писаря поступите. Съ его рекомендаціей возьмутъ. Но лучше первое. Вы естественникъ, вы много читали по части сельскаго хозяйства и будете не безполезны...

— Да, я, пожалуй,—нерѣшительно замѣтилъ Благолѣповъ.

— Да вы, господа, точно младенцы разсуждаете,—сказалъ Орловъ.—Обо всемъ говорите, а паспортъ забываете...

— Да паспортъ въ порядкѣ. Какой чортъ узнаетъ, кто я—Благолѣповъ, Зломраковъ или Чортъ Ивановъ?—нетерпѣливо замѣтилъ Благолѣповъ.

— А если, милый мой, узнаютъ? Похвалятъ васъ за это? Одобрятъ Софью Александровну? Поблагодарятъ князя?

— О, папа стоитъ выше всякихъ подозрѣній, и я...

— Полагаешь, что ты такъ отъ всего и застрахована, потому что ты—княжна Русова?.. Конечно, смотря такъ на дѣло, отчего же и не пошалить...

Княжна вспыхнула.

— Тутъ дѣло не въ шалостяхъ вовсе. Я сама совѣтовала Никанору Ивановичу воспользоваться этимъ выходомъ. Можетъ-быть, это было необдуманно, опрометчиво, но онъ послушался, и я обязана теперь предложить ему мѣсто здѣсь, потому что здѣсь безопаснѣе.

— Да вы не безпокойтесь, — началъ Благолѣповъ, но она перебила его:

— И кромѣ того, я рада, что здѣсь будетъ человѣкъ, который будетъ дѣлать дѣло со мною, будетъ помогать мнѣ. Мнѣ еще нужны указанія, совѣты...

— Какъ учить дѣтей азбукѣ? Это даже старые дьячки умѣли дѣлать.

— Что это, Митя, какой ты сегодня странный?—грустнымъ тономъ спросила княжна.

Дмитрій Андреевичъ вспылилъ. Въ сущности, онъ не могъ дать себѣ отчета, на кого онъ теперь сердится: на себя, на нее, на Благолѣпова, — но сдержаться онъ былъ не въ состояніи.

— Да вѣдь это смѣшно, Соня!—воскликнулъ онъ.—Хочешь ты учить отъ скуки ребятишекъ; онъ хочетъ, чтобы не болтаться даромъ, поступить въ управляющіе, а говорите вы объ этомъ такимъ тономъ, точно міръ спасать намѣрены...

Княжна широко открыла глаза и въ недоумѣніи взглянула сперва на Благолѣпова, чертившаго что-то по землѣ палкою, потомъ на Орлова.

— Онъ, кажется, ничего не говорилъ, а я сказала, что онъ мнѣ можетъ помочь, вотъ и все,— просто сказала она.— Гдѣ же тутъ рѣчи о спасеніи міра? Я должна здѣсь жить, значитъ и приходится задуматься надъ вопросомъ, что дѣлать здѣсь. Онъ — ему тоже удобнѣе здѣсь жить, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ,—значитъ и онъ долженъ думать, что дѣлать ему здѣсь. Если я говорю, что мнѣ хотѣлось бы сдѣлать здѣсь что-нибудь хорошее, принести какую-нибудь пользу людямъ, то я думаю, что тутъ нѣтъ ничего смѣшного, ничего страннаго. Гранпасьянсы раскладывать намъ еще рано, сидѣть сложа руки—скучно, а придумывать, какъ бы насолить ближнимъ, — ты, вѣрно, о насъ не такого дурного мнѣнія.

«Мы», «насъ», «намъ»! Съ какой стати она употребляетъ эти выраженія? Что онъ ей? Что между ними общаго? Влюбилась? Нечего сказать, есть въ кого! Обломъ, неотесанный медвѣдь, бурсакъ! И зачѣмъ пріѣхалъ сюда онъ, Орловъ? На что онъ надѣялся? Развѣ онъ не понялъ княжну? Ей нужны или падшіе, чтобъ ихъ спасать, или герои, чтобы создать изъ нихъ идоловъ. «Властолюбивая принцесса»... Да, дядя Лампадовъ угадалъ ее: непомѣрное самолюбіе избалованной барышни-аристократки и фантазерство начи-

тавшейся романовъ и наслушавшейся громкихъ фразъ дѣвочки». Эти мысли вихремъ пронеслись въ головѣ Орлова, и онъ не замѣчалъ даже неловкаго молчанія, воцарившагося въ ихъ группѣ.

— Какъ ты думаешь, Митя, устроиться въ Петербургѣ?— спросила его княжна, желая прервать его молчаніе.

Въ головѣ Орлова мелькнула мысль: «Выживаетъ. Она была бы очень рада, если-бъ я сейчасъ же уѣхалъ».

— Почему я знаю?—отвѣтилъ онъ.—Войду въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ...

— Да, кстати, объ этомъ сегодня уже есть въ газетахъ,— сказалъ Благолѣповъ.

Дмитрія Андреевича всего передернуло. Онъ самъ сообщилъ объ этомъ въ Петербургъ, и его взбѣсило замѣчаніе товарища, точно онъ подозрѣвалъ, что Благолѣповъ хотѣлъ сказать ему: «А ты ужъ успѣлъ и напечатать объ этомъ».

— Вѣчно услужатъ не кстати! — отрывисто сказалъ Орловъ.—Очень можетъ быть, что я вовсе и не выйду въ отставку... Наконецъ, вопросъ объ адвокатурѣ вовсе еще не рѣшенъ мною,—можетъ-быть, я изберу карьеру ученаго... Слава Богу, не старъ еще, не отупѣлъ, не клиномъ свѣтъ передо мной сошелся...

— Тебѣ тяжело будетъ первое время,—замѣтила княжна.

— Въ матеріальномъ отношеніи?—спросилъ онъ.—Что-жъ, я не въ кружевныхъ пеленкахъ выросъ и никогда не жилъ въ роскоши. Мнѣ даромъ ничего не давалось, и если у меня когда былъ кусокъ хлѣба, такъ я зарабатывалъ его самъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Слава Богу, все могли отнять люди, все, только это право и оставили—право гордиться тѣмъ, что дармоѣдомъ не былъ и подлостью не зарабатывалъ хлѣба...

Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и, разсѣянно оглядываясь кругомъ, равнодушнымъ голосомъ замѣтилъ:

— А хорошо у васъ тутъ, только, должно-быть, скучно зимой... Ольга Родіоновна права,—я не ужился бы тутъ. Мнѣ все казалось бы, что я въ тюрьмѣ, связанный по рукамъ и по ногамъ.

Ему не возражали.

— Ты тоже въ концѣ концовъ соскучишься,—сказалъ онъ княжнѣ.

— Потому-то я и хочу придумать дѣло себѣ,—отвѣтила она.

— Учить дѣтей? Лѣчить больныхъ?.. Мелко все это, мой другъ, очень мелко, и потому скоро надоѣсть. Убѣдишься ты, что, уча дѣтей, ты только отбиваешь хлѣбъ у той бѣдной учительницы, которую ты могла бы нанять вмѣсто себя; занимаясь лѣченьемъ, ты убѣдишься, что докторъ сдѣлалъ бы это гораздо основательнѣе, и что ты сдѣлала бы гораздо лучше, нанявъ его, а не дѣлая за него того, что тебѣ мало знакомо. Вѣдь, какъ ты ни поворачивай вопроса, а все, что ты можешь сдѣлать здѣсь, будетъ тою же филантропіей, которой занимались и занимаются сотни другихъ барынь, и которая выражается простою формулой: возьми съ мужика-работника рубль и раздай изъ этого рубля десять копеекъ десяти тунеядцамъ—и прославятъ матушкой-барыней, матерью сиротъ и защитницей слабыхъ...

— Да, я тоже часто объ этомъ думаю,—коротко согласилась княжна.

Орлова опять взбѣсило, что она не противорѣчитъ, что онъ не можетъ вступить съ ней въ горячій споръ и разбить ея доводы.

— Думаешь, и все-таки хочешь заняться этимъ дѣломъ?—сказалъ онъ съ ироніей.

— Но, вѣдь, покуда живъ отецъ, что же я могу здѣсь дѣлать?—спросила она.

— Ахъ, такъ это покуда? Серьезное дѣло еще впереди... А послѣ что станешь дѣлать?

— Я боюсь, Митя, даже думать о смерти отца,—тихо, почти съ упрекомъ, сказала княжна.

Орловъ сконфузился и извинился.

— А я вчера получила письмо отъ Александра,—замѣтила княжна, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Кутежи свои описываетъ?—съ усмѣшкой спросилъ Орловъ.

— Кутежи?—почти съ удивленіемъ сказала княжна.—Ахъ, да, ты вѣдь давно ничего о немъ не слыхалъ и потому не знаешь... Онъ совершенно измѣнился, серьезно занимается, учится.

— Тоже въ сельскіе учителя готовится?

— Нѣтъ, онъ готовится къ земской дѣятельности.

— Вотъ какъ!.. Что-жъ, когда наслѣдственныя имѣнія есть, можно надѣяться сдѣлаться воротилой въ земствѣ.

Разговоръ опять оборвался.

Этотъ день тянулся для Орлова безконечно долго. На утро онъ хотѣлъ ѣхать обратно. Онъ уѣхалъ бы раньше.

но до утра не было поѣздовъ. Вечеромъ онъ простился съ княжной и съ княземъ, такъ какъ по утру онъ намѣренъ былъ выѣхать рано, чтобы не опоздать къ поѣзду. Князь, между прочимъ, говоря съ нимъ наединѣ, замѣтилъ ему, чтобъ онъ не стѣснялся и въ случаѣ нужды обратился бы къ нему. Старикъ сдѣлалъ это предложеніе теплымъ тономъ, въ осторожныхъ выраженіяхъ. Но Орлова точно укололо это предложеніе.

— Вы знаете, Александръ Владиміровичъ, что я въ этомъ отношеніи неисправимъ,—отвѣтилъ онъ.—Чѣмъ больше я люблю человѣка, тѣмъ тяжелѣе мнѣ нарушать эти отношенія денежными одолженіями, матеріальною зависимостью. Впрочемъ, мнѣ, вѣроятно, даже и не придется нуждаться,— не совсѣмъ же я безталанный и лѣнивый работникъ...

Проходя въ отведенную ему комнату, онъ долженъ былъ идти съ Благолѣповымъ, такъ какъ тотъ спалъ рядомъ. Они впервые остались въ этотъ день съ глазу на глазъ. Орловъ почти не говорилъ съ нимъ днемъ, и когда Благолѣповъ заговаривалъ съ нимъ, онъ сухо отвѣчалъ на его вопросы. Теперь ему было досадно даже и то, что Благолѣповъ, а не лакей, велъ его въ отведенную ему комнату. «Точно у себя дома, думалось ему. Что-жъ, «у попа завидущіе глаза», не даромъ пословица говоритъ. Хорошій кусокъ урвать здѣсь можетъ».

— Вотъ твое логово,—сказалъ Благолѣповъ, вводя Орлова въ комнату.—Я тутъ же рядомъ. Постучу завтра, когда нужно будетъ ѣхать...

— Да что, здѣсь слугъ нѣтъ, что ли, чтобы разбудить?

— Вонъ выдумалъ! Полкъ цѣлой дворни... А я потому, что я все равно тутъ рядомъ, сплю и встаю рано.

— Давно ты здѣсь?—не утерпѣлъ Орловъ, чтобы не спросить...

— Съ недѣлю или больше,—отвѣтилъ Благолѣповъ.— Вотъ какъ былъ тогда у тебя, такъ сюда и проперъ...

— Съ чего это таинственность-то напустилъ? Не сказалъ, что сюда идешь...

— Да что же болтать?.. Ты въ такомъ положеніи стоишь...

— Что это ты? Думалъ, что донесу?

— Ну!—проговорилъ не безъ удивленія Благолѣповъ.— Просто тебя путать въ это дѣло не хотѣлъ... Ты—человѣкъ служащій, самъ на дурномъ счету... Оно лучше, когда съ чистой совѣстью можешь сказать, что знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ...

— А ее путать въ это дѣло ничего?

Благолѣповъ замялся.

— Она что-жъ?.. Я мимоходомъ зашелъ... Она сама настояла, чтобъ остался... Да я и не запутаю ея, коли что случится... Скажу, что искалъ мѣста, что взяли они, а кто я дѣйствительно—того не знали... Выдать некому...

— Не такія, братъ, вещи раскапывали!..

Благолѣповъ нахмурился и махнулъ рукой.

— Что будетъ, то будетъ, а уйти я не могу... Да и она не пуститъ...

— Вотъ какъ! Она не пуститъ!..

— Ну да, не пуститъ человѣка бѣжать только ради того, что, можетъ-быть, изъ-за него когда-нибудь непріятности выйдутъ... Не такой она человѣкъ!

— Ты ужъ не влюбленъ ли въ нее? Не жениться ли на ней задумалъ?—спросилъ Орловъ и самъ устыдился этого вопроса.

Благолѣповъ серьезно взглянулъ ему въ лицо.

— Что-жъ ты не продолжаешь?—проговорилъ онъ.—Сказалъ бы еще, что она—выгодная невѣста, а мнѣ, молъ, голяку, это и на руку. Обойду ее, силой сдѣлаю любовницей,—ну, а потомъ придется за меня и замужъ идти... Эхъ, Дмитрій, Дмитрій, совсѣмъ тебя изломала жизнь!

Благолѣповъ махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

— Послушай... Ты извини!—крикнулъ ему сконфуженный Дмитрій Андреевичъ.

Благолѣповъ не отозвался. Дмитрій Андреевичъ слышалъ, какъ щелкнулъ замокъ въ его комнатѣ, какъ Благолѣповъ грузно легъ на постель и задулъ свѣчу.

Орлову не спалось. Онъ внутренно бранилъ себя за свою выходку, за свои разговоры въ этотъ день, за свою поѣздку сюда. Онъ чувствовалъ, что у него навсегда порвалась прежняя связь и съ княжной, и съ Благолѣповымъ. А съ кѣмъ же у него не порвана внутренняя связь? У кого вообще не порваны внутреннія связи съ ближними? Не есть ли этотъ всеобщій внутренній разладъ—знаменіе нашего времени?.. Онъ остановился на вопросѣ, была ли у него и прежде, до сегодняшняго дня, прочная внутренняя связь съ княжной и Благолѣповымъ?—Нѣтъ, ихъ сближеніе было чисто внѣшнее, случайное, безъ твердой вѣры другъ въ друга; оно должно было рано или поздно порваться, и порвалось изъ-за пустяковъ; если бы не случилось этого теперь, это случилось бы потомъ; даже хуже: потомъ на-

ступило бы просто полное охлажденіе. Они держались другъ за друга, покуда имъ было нужно дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими горестями и сомнѣніями. Но не потому ли онъ порвалъ съ ними, что въ немъ пробудилась ревность?— Нѣтъ, это была только послѣдняя капля, переполнившая чашу. Съ первой встрѣчи Благолѣпова и княжны съ нимъ, съ Орловымъ, можно было угадать, что между ними все порвано, или, вѣрнѣе, что прочной связи между ними и не было никогда, хотя они всѣ трое одинаково называли бѣлое бѣлымъ и черное чернымъ. Но они смотрѣли другъ на друга свысока, когда рѣчь шла о дѣятельности. Развѣ Благолѣповъ и княжна не видѣли въ стремленіяхъ Орлова одного стремленія къ карьерѣ и, быть-можетъ, только къ карьерѣ ради карьеры? А развѣ онъ не смотрѣлъ на мечты княжны о школѣ для народа, какъ на честныя, но очень мало имѣвшія затѣи доброй барышни? Не видѣлъ ли онъ, Орловъ, въ Благолѣповѣ силу, но свихнувшуюся, загубленную, способную растратиться, подъ вліяніемъ возбужденія, на какіе-нибудь грандіозные заговоры, но не способную на мелкій и упорный будничный трудъ? Онъ, можетъ-быть, даже еще ниже цѣнилъ Благолѣпова, видя въ немъ будущаго Пигасова или Ноздрева. Теперь все это вдругъ стало ему ясно: онъ внезапно вспомнилъ разные полунамеки, недосказанныя фразы, ироническія улыбки— все то, въ чемъ сквозила ихъ внутренняя рознь и что, повидимому, проходило прежде незамѣченнымъ, безслѣднымъ; онъ, точно озаренный какимъ-то новымъ свѣтомъ, понялъ ясно, почему между ними могло все такъ скоро, такъ разомъ порваться. Иначе и не можетъ быть, когда между людьми существуетъ связь чисто внѣшняя, безъ твердой вѣры другъ въ друга, безъ сознанія необходимости ихъ другъ для друга,—связь, основанная только на томъ, что они бранятъ одно и то же. Это повторяется у насъ вездѣ и всюду. Люди наживы, карьеры, узкаго эгоизма, по самому характеру своихъ жизненныхъ задачъ, глядятъ на окружающихъ—какъ враги на враговъ, стараясь урвать себѣ все и не дать ничего другимъ. Ихъ рознь съ ближними понятна сама собою. Но и люди, такъ или иначе любящіе родину, стремящіеся принести ей пользу, желающіе служить ей, расходятся во взглядахъ на пути и средства для достиженія желанной цѣли, не умѣютъ придти ни къ какому соглашенію съ единомышленниками, не умѣютъ дѣлать мелкихъ уступокъ другъ другу для того, чтобы сплотиться.

Это фактъ; но можетъ ли и быть иначе? Эти люди, съ одной стороны, по умственному развитію, по положенію въ свѣтѣ, по воспитанію принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ категоріямъ, не имѣя ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ ничего общаго между собою; а съ другой стороны, они не имѣютъ даже возможности сѣсться: говоря много и часто о томъ, что дурно, о томъ, что нужно передѣлать, они говорятъ о цѣляхъ и средствахъ только урывками, полусловами, намеками, тайкомъ, точно воры и злоумышленники, и потому въ ихъ средѣ что человѣкъ—то партія. Вотъ въ чемъ трагизмъ нашей жизни, жизни современнаго человѣка. Онъ сознаетъ, что дѣти разошлись съ отцами; но это еще не значитъ, чтобы дѣти нашли возможность создать что-нибудь новое, и не создадутъ они ничего новаго, покуда у нихъ не явится возможности сплотиться между собою, договориться громко и ясно до цѣлей и средствъ и размежеваться между собою на сплоченные кружки и партіи. Покуда не будетъ этого, наше поколѣніе будетъ хандрить, жаловаться, враждовать, сѣять недовольство—и только, и только. Безъ этого не будетъ ни у кого вѣры въ серьезность и въ прочность начатаго имъ дѣла, избраннаго имъ пути,—будетъ только толченіе воды въ ступѣ, выражающееся сегодня въ стремленіи княжны Софьи Александровны прежде всего обучить крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, завтра—въ поползновеніи Никанора Благолѣпова, въ качествѣ управляющаго, волостного писаря или чего-нибудь подобнаго, наставить, развить и оберечь отъ несправедливой власти мужиковъ, послѣзавтра—въ опасной пропагандѣ и подбрасываніи прокламацій какимъ-нибудь одинокимъ юнцомъ, а тамъ—годы тюрьмы за нѣсколько не принесшихъ никакой существенной пользы глупыхъ попытокъ, разочарованіе въ дѣятельности всей жизни, ссылка на каторгу, самоубійство въ припадкѣ отчаянья и сознанія своего безсилія или, что еще страшнѣе, ренегатство. Что же и ждать другого, когда желаніе блага народу, родинѣ покуда по необходимости слагается въ формы какихъ-то тайныхъ сообществъ, заговоровъ, преступленій—когда не умѣютъ открыто, всесторонне, серьезно и спокойно обсудить всѣхъ язвъ, разъѣдающихъ общество, вредящихъ его естественному росту, губящихъ производительныя силы? При такомъ положеніи, когда кромѣ высказыванья общихъ мѣстъ о честности своихъ стремленій, на что способенъ и каждый подлецъ, нельзя никому произнести громко свой

символъ вѣры, — не мудрено, если на каждаго будутъ смотрѣть подозрительно даже его единомышленники, если каждый будетъ чувствовать себя одинокимъ, не связаннымъ прочно ни съ кѣмъ. Да, въ настоящее время у всѣхъ или нѣтъ вѣры въ свое дѣло, или нѣтъ вѣры въ ближнихъ. Это сознается всѣми, но это сознаніе нисколько не облегчаетъ... Всѣ эти мысли всю ночь не давали покоя Орлову, и чѣмъ дальше развивались онѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе онъ сознавалъ, что надо бороться, бороться всѣми средствами, всѣми путями прежде всего за одно: за свободу слова, за свободу личности. Пока не будетъ этого, будетъ страшная рознь, страшная подозрительность, страшное приниманье своихъ за враговъ и враговъ за своихъ и та вѣчная ловля рыбы въ мутной водѣ со стороны аферистовъ, казнокрадовъ, взяточниковъ, міроѣдовъ, заговорщиковъ, всего того люда, которому на руки всякія недоразумѣнія.

Подъ утро Орловъ открылъ окно. На него пахнуло изъ сада прохладнымъ, бодрящимъ воздухомъ. Онъ постоялъ нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ пѣнію и щебетанью птицъ, къ шелесту листьевъ, вдыхая свѣжесть утра. Ему стало вдругъ какъ-то легко, на душѣ все точно улеглось и затихло. Въ ней не было ни озлобленія, ни сожалѣній. Ему захотѣлось вырваться поскорѣй изъ этого спящаго дома, пройтись пѣшкомъ. Онъ прошелъ въ коридоръ, нашелъ и разбудилъ слугу, сказалъ, чтобы прислали на станцію его дорожный чемоданчикъ, и вышелъ изъ дому.

— А какъ же вы, баринъ?—спросилъ лакей.

— Что-жъ, дойду и одинъ,—отвѣтилъ Орловъ.

Къ чему относились эти слова: къ вопросу лакея или къ думамъ о томъ пути, которому еще не видѣлось конца, и который называется жизнью? Дойду и одинъ!.. Одному труднѣе, чѣмъ вмѣстѣ... Но на нѣтъ и суда нѣтъ... Одному легче сбиться съ пути, легче упасть. Нужно быть постоянно насторожѣ, слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ. Вотъ Ольга Родіоновна говорила, что въ деревнѣ людямъ приходится жить съ самими собою. А тамъ, въ омутѣ столицы, развѣ ему, Орлову, не придется жить только съ самимъ собою?

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

Вечерній поѣздъ николаевской желѣзной дороги съ пыхтѣньемъ и свистомъ, скрипя заторможенными колесами, вошелъ подъ навѣсъ петербургскаго дебаркадера.

На платформѣ, довольно слабо освѣщенной газовыми фонарями, группы людей ожидали пріѣзжихъ. Нѣсколько темныхъ личностей сновало тутъ же, наперебой предлагая пассажирамъ, выходившимъ изъ вагоновъ, «гостиницы», «номера» и «меблированныя комнаты». Носильщики уже суетились у отгороженнаго деревянною рѣшеткой мѣста около багажнаго вагона. Среди толпы, торопливо выходившей изъ вагоновъ второго класса, только одинъ человѣкъ терпѣливо переждалъ, когда будетъ немного посвободнѣе выйти, и сталъ пробираться къ тому мѣсту, гдѣ выдавали багажъ. Его блѣдное, исхудалое лицо казалось усталымъ; онъ шелъ тихо, медленно, не всматриваясь въ лица окружающихъ его людей, не обращая вниманія на предложенія «номеровъ» и «комнатъ». Повидимому, онъ никуда не спѣшилъ, не ожидалъ никакой встрѣчи съ знакомыми или близкими, не нуждался въ наймѣ квартиры. Получивъ свой багажъ, онъ велѣлъ нести его за собой носильщику, вышелъ на боковой подъѣздъ дебаркадера и крикнулъ извозчика:

— Въ Захолустную улицу!—проговорилъ онъ и, не торопясь, сѣлъ на поданныя дрожки, расплатившись съ носильщикомъ багажа.

Дрожки тронулись, задребезжали колесами, проѣхали подъ аркой воротъ, и путникъ очутился на Знаменской площади. Его со всѣхъ сторонъ охватили тьма дождливой осенней ночи, немолчный стукъ колесъ, крики извозчиковъ, говоръ пѣшеходовъ, какой-то смутный гулъ звуковъ, похожій на

немолчный ропотъ бушующаго моря. Ему стало какъ-то жутко, точно страшно. Онъ родился въ Петербургѣ, онъ жилъ здѣсь безвыѣздно десятки лѣтъ, но никогда не испытывалъ онъ прежде этого ощущенія, охватившаго его теперь, когда онъ снова возвратился въ столицу послѣ долгаго пребыванія въ провинціи. Онъ сознавалъ, что и тутъ онъ всѣмъ чужой, и всѣ чужды ему, что тутъ его ждетъ борьба на жизнь и смерть, что тутъ вся задача жизни заключается въ стремленіи обогнать другого, перешагнуть черезъ другого, задавить другого. Какая-то щегольская карета пронеслась около его дрожекъ и обдала его съ ногъ до головы брызгами жидкой грязи.

— Чего ты спишь-то!—раздражительно проговорилъ онъ извозчику.—И не торгуешься съ вами, а все-таки, точно за покойникомъ ѣдете!

Онъ вынулъ платокъ и отеръ забрызганное грязью лицо. Но въ эту минуту пронесся еще экипажъ, и опять обдало его грязью.

— Черти, черти, точно на пожаръ скачутъ!—проворчалъ онъ и сердитымъ тономъ приказалъ извозчику:—Сверни куда-нибудь въ улицу,—по Невскому только грязи наглотаешься. И для чего не повезъ по Лиговкѣ?

— Дорога тамъ плоха,—отвѣтилъ извозчикъ и свернулъ въ Николаевскую улицу.

Чѣмъ дальше они отъѣзжали отъ Невскаго, тѣмъ тише становился шумъ, тѣмъ менѣе встрѣчалось народу, тѣмъ темнѣе становилось кругомъ.

Наконецъ, по сторонамъ начали появляться деревянные дома, потянулись заборы, фонари стали рѣже, шумъ умолкъ совершенно.

«А... вотъ и начало родного захолустья!»—промелькнула въ головѣ путника мысль, и по его лицу пробѣжала горькая, ироническая улыбка.

Еще два-три поворота изъ одной улицы въ другую—и дрожки въѣхали въ Захолустную улицу, увязая въ грязи. Путникъ указалъ извозчику, гдѣ остановиться. Онъ хорошо еще помнилъ всѣ дома въ этой улицѣ. Онъ расплатился, подъѣхавъ къ воротамъ указаннаго дома, взялъ чемоданъ и вошелъ во дворъ небольшого деревяннаго строенія, поднялся по темной лѣстницѣ, ощупью нашелъ дверь...

— Митя, голубчикъ!

— Братецъ!

— Дмитрій, здравствуй!

Дмитрій Андреевичъ Орловъ сразу узналъ голоса сестры, Леши и отца, и десятки поцѣлуевъ зазвучали въ квартирѣ Орловыхъ.

— Сейчасъ самоваръ подадимъ! Раздѣвайся, голубчикъ; отдохни съ дороги, усталъ, я думаю; тоже не шутка, сколько проѣхалъ! И какъ похудѣлъ-то, какъ измѣнился-то!— заговорила Анна Андреевна, засуетившись около брата.

Она была въ узкомъ черномъ платьѣ, худая и блѣдная, точно испостившаяся монахиня.

— Да, да, братъ, похудѣлъ, сильно похудѣлъ!—говорилъ Андрей Ивановичъ, смотря на сына.

— Вы теперь, братецъ, совсѣмъ къ намъ пріѣхали?— спросилъ Леша.—Я, братецъ, много плакалъ объ васъ... Вы тоже, братецъ, плакали?.. Худой вы теперь, худой... Прежде вы, братецъ, не были худымъ...

Анна Андреевна тихо вздохнула, и по этому тихому вздоху было ясно, что ей было тяжело увидѣть такую перемѣну въ братѣ. А онъ смотрѣлъ на нихъ, и ему казалось, что они все тѣ же, что вокругъ нихъ все то же, что они говорятъ все такъ же, точно они провели эти годы разлуки въ заколдованномъ царствѣ вѣчнаго сна. Онъ всматривался въ нихъ и не могъ сообразить, произошла ли въ нихъ хоть какая-нибудь перемѣна въ пролетѣвшіе надъ ними годы. Была ли сестра его тогда такъ же желта, или она пожелтѣла только за это время? Былъ ли Леша тогда такимъ же румянымъ и толстымъ, какъ теперь, или это онъ раздобрѣлъ такъ только во дни разлуки? А отецъ... Дмитрій Андреевичъ никакъ не могъ вспомнить, былъ ли совершенно лысымъ тогда отецъ или нѣтъ. Ему даже хотѣлось спросить объ этомъ отца, но стало какъ будто совѣстно. Да нѣтъ, отецъ и тогда былъ такимъ же лысымъ, иначе эта перемѣна сразу бросилась бы въ глаза ему, Дмитрію Андреевичу.

— А что дядя Лампадовъ?—спросилъ онъ.—Живъ еще?

— Что дядя! Живъ-то живъ, да совсѣмъ изъ ума выживаетъ послѣ смерти Ольги Григорьевны,—отвѣтила Анна Андреевна.—Совсѣмъ почти изъ дому не выходитъ, а и выйдетъ, такъ за нимъ, какъ за ребенкомъ, присмотрѣть надо. То безъ галстука уйдетъ, то безъ калошъ. Если бы не его Магдалина, такъ просто посмѣшищемъ бы сталъ. Она еще и пріодѣнетъ его, и оправитъ... А теперь уже и совсѣмъ плохъ, выходить пересталъ, не сегодня, завтра умретъ...

— Бѣдняга!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ задумчиво.—Еще слава Богу, что Магдалина такая преданная...

— Говорятъ, братецъ, что и нажилась зато она у него,— сказала Анна Андреевна.—Тоже онъ, я думаю, и самъ не помнитъ, что у него есть. И не одна она наживается около него: Ей-то и Богъ велѣлъ,—тоже бѣдная женщина,—а то другіе... Осѣтили его разные крестники, да посаженныя дѣти покойной Ольги Григорьевны и его—точно вороны около падали, прости, Господи, мое согрѣшеніе! Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ по кусочкамъ его добро.

Анна Андреевна вдругъ понизила тонъ.

— Слава Богу, что вы во-время пріѣхали, братецъ,— сказала она таинственно.—Вѣдь родныхъ-то только у старика и есть, что мы. Я потому и писала вамъ, просила пріѣхать... Мамаша всегда говорила, что кромѣ насъ никого у него нѣтъ наслѣдниковъ. Если умретъ, жаль все на вѣтеръ бросить. Не богачи мы какіе, чтобы наслѣдствомъ пренебрегать. У старика скоплено, скоплено,—это всѣ говорятъ.

— Ну, Богъ съ нимъ, съ чужимъ добромъ,—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Какъ, братецъ, Богъ съ нимъ?—воскликнула Анна Андреевна.—Что же, въ казну отдавать развѣ? Казна, голубчикъ, и безъ насъ богата. Сама со всѣхъ береть. Спасибо она намъ не скажетъ за то, что все ей отдадимъ на разграбленіе. А не возьмемъ мы, кто же имѣетъ право взять, кромѣ казны? Крестники—не наслѣдники. Да и не возьмете вы, братецъ, такъ вамъ же хоронить придется на свой счетъ,—чужіе хоронить не станутъ. А нынче времена-то какія, братецъ: все дорожаетъ, ни къ чему приступу нѣтъ...

И снова услышалъ Дмитрій Андреевичъ длинную исторію о томъ, какъ нынче трудно жить, какъ деруть купцы за все, какъ и правительство не думаетъ о бѣдныхъ людяхъ, какъ никто ни за чѣмъ не смотритъ, и всѣ грабятъ. Дмитрію Андреевичу казалось, что онъ только вчера слышалъ эти самые толки, желчные, вырывавшіеся изъ глубины души, вызванные тяжелымъ жизненнымъ гнетомъ. Его не удивляли эти толки, но его удивляло то, что онъ слышитъ ихъ уже не отъ покойной матери, а отъ сестры Ани, отъ этого человѣка не отъ міра сего.

— И ты, Аня, то же говоришь, что когда-то мама говорила,—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Я теперь хозяйничаю, братецъ,—коротко отвѣтила Анна Андреевна, заваривая чай.

— Да, да, братецъ, хозяйка она у насъ, — сказалъ Андрей Ивановичъ. — Такая экономка, что не приведи, Господи!

— Надо же концы съ концами сводить,—сухо проговорила Анна Андреевна.—Изъ дому-то всѣ умѣютъ тащить, а въ домъ что-то мало несутъ. А не хватитъ денегъ, никто не дастъ. Богатый пойди занимать, всѣ дадутъ, а приди съ голоду просить, всѣ откажутъ.

И опять послышались знакомыя фразы, знакомыя истины. Дмитрій Андреевичъ обвелъ глазами комнату; въ ней было все по-старому: та же неуклюжая старая мебель тусклаго краснаго дерева съ ситцевой обивкой, тѣ же жалкіе цвѣты на окнахъ, тѣ же фольговые образа въ кіотѣ въ углу, тотъ же крашенный, протертый ногами, полъ, тотъ же низенькій придавливающій, какъ крыша гроба, потолокъ. Онъ чувствовалъ, что въ комнатѣ былъ тотъ же знакомый ему запахъ—запахъ не то сырости, не то грязнаго бѣлья, не то человѣческаго пота, съ примѣсью деревяннаго масла и кислыхъ щей,—запахъ тѣснаго жилища въ старомъ деревянномъ домѣ. Здѣсь было тепло, но это было прѣлое тепло передбанника; въ немъ недоставало воздуха, свѣжести. Дмитрія Андреевича точно что-то придавило, принизило. Въ его головѣ, помимо его воли, вертѣлась мысль о томъ, что онъ не могъ бы теперь долго такъ жить, что онъ долженъ будетъ переѣхать, что ему придется, въ концѣ концовъ, разстаться съ семьей. Жить здѣсь, это значитъ видѣть ежедневно приниженныя физіономіи, заплаканные глаза и печальныя лица, слышать постоянно жалобы или ропотъ, опускаться все ниже и ниже въ тину мелкихъ будничныхъ заботъ и интересовъ. Онъ любилъ свою семью, онъ зналъ хорошо ея нужды, онъ сочувствовалъ ея горю, но слышать изо дня въ день, изъ часа въ часъ эти жалобы ему было теперь нестерпимо. Онъ отвыкъ отъ этого. Онъ сознавалъ съ горечью, что онъ не могъ настолько улучшить положеніе семьи, чтобъ она перестала жаловаться,—не могъ, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ. Ему вдругъ вспомнилась Настя, бѣжавшая тоже отъ этой скуки нищенской жизни. Онъ спросилъ Анну Андреевну о ней. Анна Андреевна безнадежно вздохнула.

— Изъ виду, голубчикъ, пропала!—сказала она.—Сестру выдала за чиновника. Слышали мы, что у той родился ребенокъ скоро; толковали, что будто этотъ ребенокъ не ея, а Настинъ. Потомъ говорили, что Настя на содержаніе

попала къ новому благодѣтелю. Богъ съ ней, пусть живетъ, какъ знаетъ...

— Вы и не встрѣчаетесь, значитъ, съ ней?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ,—что же сердце свое надрывать. Ея не исправишь, а только себя смутишь,—отвѣтила Анна Андреевна.— Не сладко тоже знать, что такая близкая родственница торгуетъ собой. Горько тоже въ своей семьѣ развратъ видѣть,—видѣть, какъ люди сами себя соблюдать не умѣютъ, какъ другихъ позорятъ своею грязью...

Въ тонѣ Анны Андреевны послышались какія-то шипящія, новыя для Дмитрія Андреевича, нотки. О комъ это она говоритъ? На что намекаетъ?

Андрей Ивановичъ, почти все время молчавшій въ продолженіе чаепитія, вдругъ поднялся съ мѣста и, какъ-то кисло, точно конфузливо улыбаясь, похлопалъ по плечу Дмитрія Андреевича, замѣтивъ ему:

— Такъ-то, братъ, у насъ все горе, да горе! Слова радостнаго не услышишь! Бѣжалъ бы, да некуда бѣжать отъ этого горя—по пятамъ оно само за тобою идетъ, вездѣ тебя преслѣдуетъ...

Въ голосѣ старика сынъ тоже уловилъ безконечную горечь, что-то въ родѣ жалобы. Спустя минуту старикъ рѣзко спросилъ у сына:

— Ты гдѣ квартирку будешь искать? Поближе отъ суда, я думаю? Отсюда...

— Господи, не успѣлъ братецъ пріѣхать, а вы его ужъ и выживаете,—тономъ упрека замѣтила отцу Анна Андреевна.—Помѣшаетъ онъ здѣсь кому, что ли? Братецъ— не чужой, тоже не взыщетъ, если что...

— Не выживаю, а нельзя же ему въ нашемъ захолустьѣ жить,—перебилъ ее сурово Андрей Ивановичъ.—Отсюда и въ часъ до суда не дотащишься.

Дмитрій Андреевичъ нерѣшительно отвѣтилъ:

— Да, конечно, отсюда далеко.

— А я-то радовалась, братецъ, думала: вотъ поживетъ онъ съ нами,—сказала Анна Андреевна.—Впрочемъ, и то сказать, неудобно вамъ въ нашей трущобѣ было бы,—тоже нужныхъ людей принимать придется, а ужъ здѣсь гдѣ... И радости-то тоже немного дома дождетесь. Это мы-то только здѣсь заржавѣли, такъ со всякими безобразіями свыклись...

И опять въ голосѣ Анны Андреевны послышались желчныя нотки, точно она кого-то упрекала.

— Какъ-нибудь послѣ вмѣстѣ устроимся,—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ, братъ, это пустяки!—рѣшительно сказалъ Андрей Ивановичъ, махнувъ рукою.—Мы обжились здѣсь, а тебѣ здѣсь не мѣсто. Намъ въ другомъ мѣстѣ не весело будетъ. Здѣсь все хоть среди своихъ точно: выйдешь на улицу, всѣ тебя знаютъ, оно точно и легче, а тамъ... чужелъ словно на выставку туда перевезешь насъ.

— Да, ужъ тамъ нельзя тоже жить такъ, какъ здѣсь, сдержаться надо,—шипящимъ тономъ вставила Анна Андреевна. Потомъ она перемѣнила тонъ и обратилась къ брату:—Вы, голубчикъ, къ дядѣ-то завтра же зайдите. Поговорите съ нимъ. Пусть духовную, что ли, напишетъ. Вѣдь часы его сочтены.

— Да лѣчитъ его кто-нибудь?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ. Да что доктора!.. Доктора тутъ не помогутъ. Старъ ужъ онъ очень. Надо вотъ только настоять насчетъ духовной, да насчетъ священника. Исповѣдываться не хочетъ. Я ужъ намекала ему, не разъ намекала, а онъ и слышать не хочетъ.

— Зачѣмъ же настаивать?..

— Братецъ!.. какъ зачѣмъ? А если вдругъ такъ-то умретъ, въ грѣхахъ не покаявшись?—почти съ ужасомъ воскликнула Анна Андреевна.—Такой старый человѣкъ и вдругъ умретъ безъ покаянія...

— Но если онъ не хочетъ, Аня...

— Я ужъ и не знаю, что это вы такое говорите! Мало ли чего человѣкъ не хочетъ...

— Вотъ, братъ, и я тоже говорю,—вмѣшался Андрей Ивановичъ.—Зачѣмъ раздражать старика, зачѣмъ?

— Ахъ, да вы-то что суетесь!—воскликнула Анна Андреевна.—Знаю я, есть люди, которымъ и каяться-то въ грѣхахъ стыдно, и высказывать-то стыдно, что на душѣ лежитъ. Ну, дядя не изъ такихъ,—дядя святой жизни былъ человѣкъ...

— Такъ въ чемъ же ему, и каяться? — проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.—Вообще, Аня, нечего намъ въ чужую душу залѣзать...

— Ну, ужъ нѣтъ, братецъ, въ этомъ я никогда, никогда не соглашусь съ вами.

Дмитрій Андреевичъ поднялся съ мѣста, чтобъ идти спать.

— Братецъ, вы сапоги выставьте... Я вамъ, братецъ, ихъ вычищу, самъ вычищу,—сказалъ Леша.

— Зачѣмъ же?.. Марѳа вычиститъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Вѣдь она у насъ еще живетъ?.. Кстати, я ея еще не видалъ...

Анна Андреевна мрачно потупилась. Андрей Ивановичъ тревожными глазами глянулъ куда-то въ сторону.

— Мы, братецъ, теперь не держимъ служанки,—дорого очень,—сухо проговорила Анна Андреевна.—Я и Леша—мы сами все дѣлаемъ... Полы мыть и бѣлье стирать поденщица ходитъ...

Дмитрія Андреевича точно что-то кольнуло въ сердце при этомъ отвѣтѣ. Онъ поблѣднѣлъ еще болѣе.

— Напрасно, Аня, ты такъ экономничаешь,—сдержанно замѣтилъ онъ.—Марѳа вѣдь брала что-то дешево, чуть ли не за три рубля служила... Зачѣмъ было отпускать?.. Женщина хорошая... Не такъ же мы бѣдны, не нищіе же мы...

Анна Андреевна промолчала и глянула въ сторону. Андрей Ивановичъ торопливо проговорилъ:

— Ничего, Митя, ничего, вѣдь у насъ хозяйство-то грошовое, и такъ обойдемся, и такъ обойдемся... А постелька-то тебѣ постлана ли?.. Не надо ли чего?

Онъ заторопился, засуетился, провожая сына въ отведенную ему комнату. Когда онъ вышелъ отъ сына, къ Дмитрію Андреевичу вошелъ за сапогами Леша. Онъ справился, хорошо ли «братцу» будетъ на диванѣ спать, не надо ли ему воды на ночь, въ какомъ часу его разбудить, и потомъ, боязливо оглядѣвшись по сторонамъ, заговорилъ таинственнымъ, тревожнымъ шопотомъ, наклонившись къ уху Орлова:

— Вы, братецъ, о Марѳѣ не спрашивайте!..

— Отчего это не спрашивать о Марѳѣ?—не безъ удивленія спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

Леша испуганно замахалъ руками.

— Тише, тише! Услышатъ еще!—сказалъ онъ въ волненіи.—Сестрица все дядю пилитъ за Марѳу, а дядя или разсердится, скажетъ: «Я уйду, я уйду, брошу васъ и погибайте вы тутъ», или плачетъ... Дядя всегда плачетъ, когда выпивши... Только онъ теперь рѣдко пьетъ, очень рѣдко, совсѣмъ рѣдко, а все больше сердитый, сердитый... Вы, братецъ, ради Бога, не говорите только, что я вамъ о Марѳѣ сказалъ,—сестрица наказывала мнѣ строго-настрого, чтобъ я вамъ не говорилъ... «Ты, говоритъ, не смѣй огорчать

братца, не смѣй!.. Подготовить, говоритъ, его надо!..» А мнѣ дядю жаль, потому вы о Марѳѣ заговорили, а сестрица такъ и смотритъ на дядю, точно съѣсть его хочетъ... Сестрица, братецъ, очень сердитая стала,—жалобнымъ тономъ заключилъ Леша.

Дмитрій Андреевичъ ничего не понималъ, но онъ сильно взволновался. Ему вдругъ стало уже вполнѣ ясно, что въ его семьѣ исчезъ даже миръ, исчезло даже согласіе. И здѣсь былъ разладъ, и здѣсь была рознь. Онъ не хотѣлъ дальше разспрашивать Лешу и простился съ нимъ, поцѣловавъ его.

На слѣдующій день Дмитрій Андреевичъ просилъ разбудить его попозже. Ему хотѣлось отдохнуть и провести день дома, посѣтивъ только Лампадова. Но, несмотря на усталость, онъ долго не могъ уснуть. Онъ думалъ и о семьѣ, и о предстоящей жизни, и какъ-то невольно задумался, наконецъ, о Лампадовѣ. Дѣйствительно ли у старика что-нибудь скоплено? Неужели въ самомъ дѣлѣ отдать все это въ казну, когда они сами нуждаются? Зачѣмъ? Эти деньги, если онѣ есть, принадлежатъ по праву его семьѣ. И какъ кстати были бы онѣ теперь ему. Но гдѣ доказательства ихъ родственныхъ связей? Какъ добыть метрическія свидѣтельства, когда онъ не знаетъ даже, гдѣ родилась его бабка, двоюродная сестра Лампадова? Надо добыть метрическія свидѣтельства, не зная, гдѣ ихъ добыть. Это невозможно. Конечно, Лампадовъ могъ бы сдѣлать духовное завѣщаніе. Но нельзя же говорить ему объ этомъ. Неловко настаивать. А между тѣмъ въ наслѣдствѣ Лампадова можетъ быть спасеніе всей семьи Орлова отъ недостатковъ, отъ труда, отъ лишеній. Кто знаетъ, сколько скопилъ старикъ. Самъ онъ, Дмитрій Андреевичъ, могъ бы отлично устроить свои дѣла, получивъ наслѣдство: ему только бы имѣть обезпеченіе хоть на годъ, на два, а тамъ литературныя занятія, адвокатура откроютъ ему путь къ благосостоянію; нужно только имѣть средства переждать извѣстное время. И что это старики такъ боятся духовныхъ завѣщаній. Сдѣлать духовное завѣщаніе—это въ сущности долгъ каждаго порядочнаго человѣка. Дмитрія Андреевича вдругъ точно передернуло. Онъ досадливо пожалъ плечами, сердясь на себя за то, что думаетъ о смерти Лампадова, о наслѣдствѣ. Въ его головѣ мелькали мысли:

— Вѣчно въ какую-нибудь лотерею выиграть хочется: на лотерейный билетъ домъ пріобрѣсти, въ карты большой кушъ сорвать, на богатой жениться, наслѣдство получить!..

Этакая проклятая жизнь! Работай - работай весь вѣкъ, какъ волъ, а спастись надѣйся только при помощи манны съ неба...

Онъ перевернулся на другой бокъ, закрылъ глаза и заснулъ тяжелымъ сномъ. Его душилъ страшный кошмаръ. Онъ видѣлъ, что онъ лежитъ въ гробу, и на него медленно сверху спускается тяжелая крышка. Ему душно и тяжело, а въ душѣ такъ ясно пробуждается сознаніе, что онъ одинъ, что помощи ждать не откуда. Вотъ-вотъ сейчасъ крышка опустится совсѣмъ, придавитъ его, въ груди замретъ дыханіе и—конецъ, конецъ. А ему такъ хочется жить... Онъ сдѣлалъ усиліе, онъ поднялъ руки, чтобы сбросить эту крышку, и проснулся, увидавъ, что онъ лежитъ, прижавшись лицомъ къ клеенчатой спинкѣ дивана. Онъ перевернулся на спину и вздохнулъ широкимъ вздохомъ. На дворѣ ужъ было свѣтло. Онъ всталъ съ утомленнымъ видомъ, въ тяжеломъ настроеніи. Въ квартирѣ Орловыхъ царствовала тишина: Андрея Ивановича уже не было дома. Леша, поджавъ по-портняжески ноги, что-то шилъ, заунывно мурлыча себѣ подъ носъ пѣсню: «Я у Бога сирота, отворяю ворота». Анна Андреевна, шушукаясь съ какой-то странницей, возилась въ кухнѣ. Дмитрій Андреевичъ напился чаю и вышелъ изъ дому.

Онъ уже подходилъ къ знакомому дому, гдѣ прошли лучшіе дни его дѣтства, какъ вдругъ кто-то громко окликнулъ его. Онъ повернулъ голову и увидалъ передъ собою отца.

— А я вотъ шелъ, думалъ, не у дяди ли ты, и вижу идешь ты,—ну, и окликнулъ, и окликнулъ!—сказалъ старикъ, очевидно поджидавшій сына на улицѣ.—Поговорить еще не удалось... Тоже давно не видались,—надо поговорить...

Дмитрій Андреевичъ взялъ отца подъ руку.

— Ты къ дядѣ теперь шелъ?—спросилъ старикъ.

— Да... Я думаю, онъ проснулся?

— Ну да, ну да, повидать нужно старика, нужно,—перебилъ его отецъ.—Да еще успѣешь,—теперь еще рано... Поболтать бы часокъ... Вотъ зайдемъ... Тутъ трактирчикъ. Чайку напьемся, поговоримъ...

— А дома?—не безъ удивленія спросилъ сынъ.

— Дома, знаешь, не одни... Хочется по душѣ, а тамъ не одни,—проговорилъ старикъ, смущаясь.—Тоже не чужіе,—ну, а тамъ Леша, Аннушка... Тяжелый у нея характеръ

сталъ, Митя,—у Аннушки-то, говорю я,—очень тяжелый характеръ... Извѣстно, въ дѣвушкахъ весь вѣкъ просидѣла, для другихъ жила... Тутъ, Митя, поневолѣ озлобишься,—ахъ, какъ озлобишься! Для другихъ жить, да радости не видать—тяжело, очень тяжело... Я ее и не виню, я это только къ слову сказалъ о ея характерѣ, Митя... Она-то этого не замѣчаетъ, а со стороны видно, всякому видно... Такъ какъ же, въ трактирчикъ-то зайдешь?..

— Отчего же нѣтъ, если хочешь,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, пораженный суетливостью и растерянностью отца.

— У насъ тутъ поблизости трактирчикъ завелся... Тоже прогрессъ и цивилизація... Хе-хе-хе!.. Потѣха!—старикъ тихо захихикалъ, махнувъ рукою.

Отецъ и сынъ вошли въ трактиръ. Тамъ было совершенно безлюдно въ просторныхъ комнатахъ съ яркими пестрыми обоями, со столиками, накрытыми бѣлыми скатертями, съ темными масляными картинами въ золоченыхъ рамахъ.

— Чаю!—скомандовалъ старикъ и усѣлся съ сыномъ въ дальній уголъ.—Видишь, ничего, чистенько тоже,—обратился онъ къ Дмитрію Андреевичу, указывая на скатерть.—Тоже, видишь, машину поставили, изъ оперъ играетъ... Дешевенькая, знаешь, а ничего, играетъ... И хорошо, что никого нѣтъ,—точно у себя дома можно поговорить...

Половой съ закинутой подъ мышку салфеткой подалъ порцію чаю. Старикъ сталъ разливать.

— Тебѣ наши-то ничего не говорили?—таинственно спросилъ онъ, понизивъ тонъ и видимо стѣсняясь.

Онъ искоса взглянулъ на сына.

— Нѣтъ, ничего особеннаго... Я еще и не успѣлъ...

— Ну, да, да, не говорили, а потомъ будутъ говорить... разскажутъ... Вдругъ-то только не хотятъ, а то разскажутъ непремѣнно... Ужъ никакъ не утерпятъ,—торопливо перебилъ старикъ, и въ его голосѣ зазвучала горькая иронія.—Гдѣ же утерпѣть, если человѣкъ погибаетъ, и его на путь истинный наставить надо, спасти надо!.. У насъ вѣдь, Митя, ладу нѣтъ въ семьѣ, раздоры идутъ—вотъ оно что!.. Я, конечно, самъ виноватъ, но вѣдь я—человѣкъ, Митя, слабый человѣкъ... Казнить-то меня ежедневно, ежечасно за что?.. Поѣдомъ-то меня, старика, ѣсть за что?

— Что случилось-то, отецъ?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

Старикъ заерзалъ на стулѣ и совсѣмъ тихо, немного нагнувшись къ сыну, сказалъ:

— Ты меня не суди, а выслушай. Ты мужчина,—ты это поймешь... Аннушка не понимаетъ этого, потому она не мужчина; она даже и не женщина, Митя, а старая дѣвушка... Ей трудно, ей совсѣмъ даже невозможно понять,—ну, она и сердится... Помнишь, ты вчера о Марѳѣ спросилъ, такъ какъ она зашипѣла?.. Я вѣдь тебя знаю, ты понялъ, что она шипитъ,—понялъ непремѣнно... И правъ ты, правъ, Митя, потому у насъ съ Марѳы все это шипѣнье и началось. Ты, Митя, помнишь, когда мать умерла, въ какомъ я положеніи былъ? Изстрадался я еще прежде, а тутъ тебя взяли, она захворала, потомъ ея смерть, отъѣздъ твой. Въ такомъ положеніи люди съ ума сходятъ, руки на себя налагаютъ... Вотъ это положеніе-то какое!..

Старикъ на минуту перевелъ духъ, смахнулъ съ рѣсницъ слезу и заговорилъ снова.

— Я, Митя, слабый человѣкъ, забитый человѣкъ, говорить много я не умѣю, а все внутри себя выношу, долго выношу... Такъ, вотъ, когда это все случилось, остался я одинъ, и стало это мнѣ все прошлое вспоминаться—и какъ я не довольно берегъ Машу, и какъ огорчалъ ее своими слабостями, и какъ я мало тебѣ ласки выказывалъ...

— Отецъ!—перебилъ его Дмитрій Андреевичъ ласковымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... ты постой!.. Я любилъ тебя, всегда любилъ, какъ, можетъ-быть, другіе-то отцы и любить не умѣютъ. Это и я знаю, и ты знаешь. А выказать это—на это у меня умѣнья никогда не было. Что-жъ, я простой человѣкъ, говорить красно не умѣлъ, работать, да молчать привыкъ, ласки... Какія же это у меня такія ласки могли быть? По головкѣ-то, бывало, мимоходомъ тебя поглажу—вотъ и все... Ну, вотъ сталъ я это все вспоминать, да обдумывать и просто на себя сталъ не похожъ, хожу, какъ тѣнь, плачу, а дома... Тяжело, Митя, у насъ дома стало!.. Аннушка,—ты вѣдь ее знаешь,—молчитъ и вздыхаетъ; Леша—Леша Божій человѣкъ, глупенькій—начнетъ говорить, такъ ужъ лучше бы молчалъ, а то только пуще сердце надрываетъ, душу выматываетъ... Въ это-то время, когда я чуть петли на шею съ тоски не надѣлъ, когда я на шагъ отъ грѣха великаго былъ, и случилось это дѣло...

Старикъ тяжело вздохнулъ и перевелъ духъ.

— И самъ я не помню, какъ это было, и самъ я, видитъ Богъ, не желалъ этого,—съ разстановкой продолжалъ онъ.—Сидѣлъ я это одинъ,—Аннушка ушла куда-то съ Лешей,—

подступило мнѣ къ сердцу, опустилъ я голову на грудь, расплакался я, въ головѣ черныя мысли бродятъ, кто-то точно нашептываетъ, подталкиваетъ покончить съ собой, а тутъ и вошла Марѳа. «Полноте, говоритъ, родной вы мой, убиваться-то: на васъ глядючи, голубчикъ, сама я изныла». А у самой, Митя, слезы, слезы...

Старикъ самъ захлебнулся отъ слезъ и отеръ рукой глаза.

— Вотъ вѣдь, вотъ глупый, съ собой не умѣю справиться, плачу,—съ жалобной улыбкой проговорилъ онъ. —Ты не смотри, это такъ отъ старости...

Онъ высморкался, прошелся по комнатѣ, обмахиваясь платкомъ, и снова присѣлъ къ столу.

— Такъ, Митя, я и поддался этой ласкѣ, этому слову доброму,—проговорилъ онъ, махнувъ рукой. — Вѣдь человѣкъ же я, Митя! Вѣдь нельзя же человѣку безъ ласки жить! Старикъ я, ты скажешь. Ну да, старикъ, старикъ!.. Да развѣ мнѣ любовница была нужна? Ласковое слово мнѣ было нужно, нужно было, чтобы кто-нибудь приголубилъ,— ну, рукой тамъ по старой головѣ провелъ съ лаской, что ли, присѣлъ бы рядомъ, да разспросилъ бы, что со мной, да какъ, а то... Митя, вѣдь песъ, песъ дворной—и тотъ спину тебѣ подставляетъ, чтобы ты ее погладилъ, а я, Митя, все же человѣкъ, человѣкъ еще...

Старикъ опять тихо плакалъ. Дмитрій Андреевичъ со слезами на глазахъ обнялъ его и крѣпко поцѣловалъ.

— Ну, спасибо, спасибо! Вотъ мнѣ и легче стало, и на душѣ просвѣтлѣло! — говорилъ старикъ, стараясь улыбнуться.—Это ничего, Митя, это я такъ... Вспомнилъ все,— ну, и всплакнулъ... Это я отъ старости... И тоже пилъ прежде... Теперь почти не пью, а прежде много пилъ, Митя,—глаза стали слабы: пустякъ какой-нибудь, а глядишь—на глазахъ ужъ и слезы... Книжку иногда читаю, пустяшную самую книжку, а самъ плачу...

— Ты успокойся немного, голубчикъ, погоди разсказывать,—ласково сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—А главное— не волнуйся, думая, что я тебя могу осудить. За что? Какое преступленіе ты сдѣлалъ? Развѣ мы, мужчины, не всѣ такъ сходимся съ женщинами и развѣ это можетъ иначе быть?..

— Да, да... Но я такъ скоро послѣ смерти матери, и тамъ, въ домѣ у себя,—началъ старикъ.—Это нехорошо, нехорошо... Я самъ, Митя, потомъ каялся, каждый день на могилку къ Машѣ ходилъ, плакалъ... Да, Маша проститъ,

она и простила, а вотъ Аннушка... Аннушка, Митя, мнѣ никогда этого не простить, никогда!

Онъ опустилъ голову на грудь.

— Если бы ты слышалъ, что у насъ было, когда она все подсмотрѣла, подслушала, точно шпіонка какая!..

Онъ махнулъ рукой.

— Позоръ, позоръ, одно слово—позоръ! Лешу она не пощадила! Онъ хоть и взрослый, а этого ничего не понимаетъ, потому что какой же онъ мужчина!.. Дитя онъ большое, а не мужчина,—и вдругъ при немъ она, дѣвушка, упрекать начала меня, старика!.. А вѣдь я для нихъ же тружусь, ихъ же кормлю. Если она тебѣ писала, что у насъ недостатки, такъ это потому, что она все монахамъ, да въ церковь попамъ тащитъ, панихиды служитъ, свѣчи ставитъ, на богомолья ходитъ... Средствъ же у насъ достанетъ, Митя, на нашу жизнь, потому я хоть старъ, но я дѣлецъ... Я, Митя, законы знаю и дѣлъ у меня у однихъ мировыхъ судей всегда на прокормъ хватитъ... А на монаховъ, да на странницъ, на панихиды, да на заупокойныя обѣдни—на это, Митя, денегъ не напасешься... Да этимъ, Митя, души и не спасешь. Честностью и добротой, Митя, угодишь Богу, а подкупить Бога нельзя,—нѣтъ, нельзя!.. Я на нее не сержусь, не обвиняю ея, потому я знаю, что и почему на свѣтѣ дѣлается; но больно мнѣ, что съ родною дочерью мы, какъ два медвѣдя въ одной берлогѣ, ужиться не можемъ... Не будь Леши, она, можетъ-быть, въ монастырь бы ушла, а теперь Леша на рукахъ... Ему тоже не сладко... Она и сама не замѣчаетъ, что она и его тиранитъ; пилитъ и точитъ она его, это я знаю... Онъ-то только, Божья душа, все терпитъ, да еще ей же угождаетъ, о ней плачетъ...

Дмитрій Андреевичъ задумался.

— Нельзя ли будетъ это какъ-нибудь устроить?—сказалъ онъ въ раздумьи.—Вотъ теперь я здѣсь. Не сказать ли ей, что я Лешу возьму къ себѣ...

— Что ты, что ты!—почти испугавшись, сказалъ старикъ.—Гдѣ тебѣ съ нимъ еще возиться! Нѣтъ, ты живи для себя. Мы доживемъ кое-какъ... Я не къ тому началъ, совсѣмъ не къ тому.

— Да я могу его и не брать къ себѣ, а просто скажу ей, что возьму его къ себѣ, тогда она, можетъ-быть, и выскажетъ свое желаніе идти въ монастырь, если только она точно думаетъ объ этомъ...

Старикъ покачалъ головой.

— Не пойдетъ она, пожалуй,—потому не пойдетъ, что за меня будетъ опасаться,—сказалъ онъ въ смущеніи.— Понимаешь, подумаетъ, что *та* въ домѣ поселится... Что-жъ, ужъ началъ говорить, такъ надо все говорить!.. Она, Митя, меня вѣдь на каждомъ шагу усовѣщиваетъ... Она монашекъ подсылаетъ обращать меня на путь истинный,—меня-то, старика-то!.. Говорятъ мнѣ: «Пожалѣйте дочь-то свою,— изстрадалась она... Что вы душу-то свою губите, дьявола-то тѣшите...» Это она, Митя, спасти меня хочетъ,—боится, что Господь Богъ меня отвергнетъ за мои прегрѣшенія...

Дмитрій Андреевичъ невольно усмѣхнулся. Старикъ это замѣтилъ.

— Да, да, Митя, смѣшно вотъ это намъ съ тобой, а ей это—мука... Я самъ знаю, что мука, да вѣдь человѣкъ я...

— Ну, это мы еще уладимъ какъ-нибудь,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Нужно же, чтобы кто-нибудь и при тебѣ былъ. Не жить же тебѣ съ однимъ Лешей...

Старикъ оживился.

— Вотъ и я тоже говорю... И не при мнѣ одномъ, а и при Лешѣ человѣкъ добрый нуженъ... Аннушка насъ зашла... Вѣдь мы, точно воры, съ Лешей къ Маѳѣ теперь бѣгаемъ.

— И Леша?

— Еще бы! Хитрить научился бѣдняга. Извѣстно, у Маѳы тамъ и смѣхъ, и свѣтъ... Ну, варенья, да сласти она ему даетъ,—онъ и бѣгаетъ къ ней. Маѳа — простой, добрый человѣкъ, живетъ какъ Богъ на душу положилъ, разныхъ этихъ воздыханій, да покаяній не зная,—мальчику тамъ и весело, и уютно... Онъ тамъ и на человѣка походитъ, Ѳедора Гаврилыча своего поминать пересталъ, — потому ему ласка нужна, нужно, чтобъ его не пугали, — а у Аннушки все адъ, да адъ... Успѣемъ еще въ аду-то тамъ всего натерпѣться, — для чего же изъ этой-то жизни еще другой адъ дѣлать?.. И такъ не сладко...

Потомъ старикъ, перемѣнивъ тонъ, спросилъ сына:

— Такъ ты думаешь, что все уладить можно? Намъ тяжело съ ней, Митя, вѣрь Богу, тяжело! Грѣшимъ мы только вмѣстѣ, ненависть какая-то въ душу закрадывается, къ родной дочери, къ святой дѣвушкѣ ненависть... А какъ же иначе и быть?.. Вѣдь вотъ какъ ты думаешь, отчего у насъ служанки нѣтъ?.. Думаешь, средствъ не хватаетъ?—Нѣтъ, это, видишь, меня Аннушка отъ соблазна спасаетъ!.. Я, видишь, сейчасъ шашни заведу... Ну, вотъ и не держитъ слу-

жанки, и сама все дѣлаетъ, и Лешу все дѣлать заставляетъ, и мнѣ даетъ понять, что это все изъ-за меня они мучатся, изъ-за меня надрываются... Это, Митя, тяжело.

Дмитрій Андреевичъ успокоилъ отца. Они еще разъ крѣпко обнялись и расцѣловались.

— А мы врозь пойдемъ домой, — пусть не знаетъ, что мы заговоръ-то устроили, — проговорилъ старикъ. — А то житья не будетъ, житья не будетъ...

— Я пройду къ дядѣ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ну, и отлично, и отлично! Не узнаешь его,—не тотъ человѣкъ сталъ... Бодриться старается все еще, книжки, да газеты читаетъ,—да нѣтъ, гдѣ ужъ!.. Вотъ она, старость-то, что значитъ...

Дмитрій Андреевичъ направился къ жилищу Лампадова. Давно онъ не былъ подъ этимъ дорогимъ для него кровомъ. Отворивъ дверь въ переднюю и поздоровавшись наскоро съ Магдалиной, Орловъ направился въ комнату Лампадова.

— Дядя, голубчикъ, здравствуй! — громко проговорилъ онъ, готовясь обнять Лампадова.

— А, ты... мальчуганъ... на развалины смотрѣть пріѣхалъ!—послышалось ему въ отвѣтъ.

Навстрѣчу Орлову въ волненіи поднялся съ кресла и въ то же мгновенье, едва переводя духъ, снова опустился на это кресло сѣдой, какъ лунь, желтый, какъ пергаментъ, исхудалый старикъ. Это точно была развалина. Орловъ невольно остановился передъ старикомъ: едва дышащій, сгорбившійся, съ опущенной на грудь головой, сидѣлъ теперь Лампадовъ на обитомъ кожей вольтеровскомъ креслѣ, глубоко прислонившись къ спинкѣ и тяжело переводя духъ. Его крупныя, но худыя и блѣдныя, точно восковыя, руки съ плоскими пальцами покоились на ручкахъ кресла, какъ бы застывъ въ этомъ положеніи.

— Ты боленъ, дядя?—проговорилъ Орловъ въ волненіи.

— Да, старость—болѣзнь... Нѣтъ, хуже: это—смерть заживо!..—отрывисто сказалъ Лампадовъ, дыша съ трудомъ.

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на Орлова.

— Не доживай, мальчуганъ, до старости, не доживай,— проговорилъ онъ.—И скучно, и тяжело, и не нужно, — никому, ни себѣ, ни другимъ, не нужно... И хуже всего то, что чувствуешь это, а живешь, потому что и храбрости, и силъ нѣтъ покончить все разомъ... Ну, вотъ и живешь, когда кругомъ всѣ только и ждутъ, когда ты уголъ очистишь...

— Что за мрачныя мысли, дядя!—воскликнулъ Орловъ.— Кому ты-то можешь мѣшать?

— Не мѣшаю, не мѣшаю, а все же, можетъ-быть, наслѣдство оставлю. Какъ же не ждать моей смерти!

Въ голосѣ старика звучала незнакомая Орлову нотка горечи.

— Ужъ очень мнѣ надоѣли эти напоминанія о смерти,— продолжалъ старикъ. — Самъ я знаю, что пора умирать, самъ хочу умереть, да торопить-то меня зачѣмъ? Вѣдь ужъ какъ не торопи, а проживу до тѣхъ поръ, пока не умру...

Онъ усмѣхнулся.

— Впрочемъ, люди не только о моемъ наслѣдствѣ заботятся, а и о спасеніи моей души,—сказалъ онъ. — Вотъ Аннушка.

Онъ перевелъ духъ и спросилъ Дмитрія Андреевича:

— Ты вѣдь уже видѣлся съ отцомъ, говорилъ съ нимъ?

— Да,—отвѣтилъ Орловъ.

— Значитъ, старикъ все разсказалъ о себѣ?

Дмитрій Андреевичъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головою.

— Ну, такъ вотъ Аннушка и его хочетъ спасти, и меня. Ты не повѣришь, до чего это мнѣ тошно. Сегодня одни придутъ, высматриваютъ, что у меня есть, выспрашиваютъ намеками, кому я все оставлю; завтра Аннушка придетъ, начнетъ говорить, какъ ужасно умереть человѣку безъ покаянія...

Старикъ опять усмѣхнулся.

— Они, Митя, того и не понимаютъ, что я, старикъ, все знаю и понимаю лучше ихъ, что я читаю въ ихъ сердцахъ, какъ въ открытой книгѣ.

Онъ помолчалъ и грустно вздохнулъ.

— Да, горько то, что, уходя отъ людей, прощаясь съ ними, уносишь въ душѣ только одно презрѣніе къ этимъ мелкимъ и пошлымъ душонкамъ рабовъ... Право, иногда не знаешь, чего въ нихъ больше—злобы или глупости. Вотъ я разскажу два случая изъ жизни покойной сестры. Ты помнишь, что это за человѣкъ былъ: для другихъ жила! И что же?—Ты знаешь, она все апельсинчики да пирожки собирала въ свой мѣшокъ для разныхъ голодныхъ ребятъ; сама не съѣстъ, а взять возьметъ, чтобы бѣднякамъ снести. Ну, вотъ, не задолго до ея смерти была она въ одномъ богатомъ домѣ, у людей близкихъ, хорошо знавшихъ ее, и все же нашлись тамъ шутники и остроумцы. Сговорились

они пошутить надъ ней: одинъ изъ нихъ какъ будто случайно сѣлъ на ея мѣшокъ, а тамъ апельсины были. Можешь представить, какая смѣшная сцена вышла... Правда, сестра расплакалась отъ этой шутки,—ну, а эти молодые шутники зато повеселились. Надъ побирушкой, видишь ли, потѣшиться можно! Побирушка!.. Да они ея мизинца не стоили, дармоѣды!.. Это вотъ у богатыхъ случилось, а у бѣдныхъ... Одинъ изъ крестниковъ, смиренникъ такой, ласковый такой, ухаживавшій за Ольгой, какъ за матерью, одинъ разъ подсмотрѣлъ со своею женой, что у Ольги въ ея мѣшкѣ деньги, такъ какъ она ему же и вынула изъ нихъ въ видѣ помощи двадцать пять рублей,—ну, подсмотрѣлъ, да и выкралъ деньги. Десятки лѣтъ жилъ со всей семьей на ея пособія, по ея стараніямъ мѣсто получилъ, ни разу не обмолвился словомъ противъ нея и все-таки, въ концѣ концовъ, ее же обокралъ... Ты скажешь, это—исключительные случаи? Нѣтъ, Митя, это правило, а исключеніе—это добрые и честные люди. Вотъ почему иногда просто гадко, омерзительно смотрѣть на людишекъ...

Дмитрій Андреевичъ замѣчалъ, какъ передъ нимъ мало-по-малу оживлялся и точно воскресалъ этотъ старикъ, упорно боровшійся со смертью и точно желавшій отстоять себя отъ ея разрушительнаго вліянія.

— Ну, да Богъ съ ними, чортъ ихъ возьми! — проговорилъ Лампадовъ. — Разсказывай о себѣ, говори, что пережилъ?

Дмитрій Андреевичъ началъ разсказывать и изумился, увидавъ, что Лампадовъ слѣдитъ за всѣми событіями, читаетъ книги, просматриваетъ газеты. Въ то же время Орлову бросились въ глаза извѣстная старческая неряшливость, забывчивость, слабость. На старикѣ сюртукъ былъ весь залитъ чѣмъ-то жирнымъ, — вѣроятно, супами и соусами; брюки были спереди не застегнуты; галстукъ повязанъ на шеѣ не сверхъ воротничка сорочки, а подъ воротничкомъ...

— Да что же это я и забылъ распорядиться чаемъ-то тебя угостить,—сказалъ, наконецъ, Лампадовъ.—Надо сказать домоправительницѣ...

— Ты не безпокойся, дядя,—замѣтилъ ему Орловъ.—Я...

— Ну, ты думаешь, я ужъ и чай пересталъ пить съ горя, что постарѣлъ,—шутливо перебилъ его Лампадовъ.—Это я только какъ взволнуюсь, такъ силы падаютъ... Въ сердцѣ, братъ, клапанъ не въ порядкѣ, такъ вотъ иногда

кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ умру. Начнутся эти осѣчки, дышать трудно, силъ нѣтъ, а потомъ и обойдется... Рука только лѣвая ноетъ... Сперва думалъ, ревматизмъ, да нѣтъ, это отъ сердца... Вотъ, какъ у твоей покойной матери... Ее только скрутило, а я живучъ... У меня вотъ тутъ вода,— указалъ онъ на грудь:—а живу, отстаиваю себя отъ смерти, заставляю людей ждать наслѣдства...

Онъ довольно бодро поднялся съ кресла и пошелъ въ кухню, незамѣтно придерживаясь на ходу за столы и стулья. Орловъ оглядѣлся. Его поразилъ видъ квартиры дяди. Въ ней была почти та же обстановка, но онъ не нашелъ цѣлой массы цѣнныхъ вещей, украшавшихъ когда-то это жилище. Куда дѣвались эти вещи? Неужели старикъ разстался съ ними? Онъ такъ дорожилъ ими, что трудно и повѣрить, чтобъ онъ могъ продать ихъ. Старикъ скоро снова вернулся въ комнату и заговорилъ съ Орловымъ.

— Да, такъ не сладко прошли для тебя эти годы,—сказалъ онъ.—Да и то сказать, кому нынче покойно живется?.. Всѣ точно изъ колеи выбиты. Съ кѣмъ ни встрѣтишься, всѣ жалуются, не въ своей тарелкѣ. Смотрю я на людей и все мнѣ кажется, что всѣ они въ новый домъ переѣхали: онъ и лучше, и просторнѣе, пожалуй, старой лачуги, а уютности, удобствъ, привычки къ нему покуда нѣтъ. Тамъ, глядишь, мебели и украшеній не хватаетъ, — и стѣны голыми кажутся; тутъ человѣкъ путается въ лабиринтѣ новыхъ комнатъ, не успѣвъ привыкнуть къ ихъ расположенію; въ третьемъ мѣстѣ тяготится человѣкъ, что въ новыхъ зеркалахъ отражается его невзрачная одежда, и хлопочетъ о новомъ одѣяніи; иной... да, ей-Богу, иного мучитъ даже и то, что онъ на новосельѣ и клоповъ-то еще не успѣлъ завести, и своего жилого промозглаго запаха не слышитъ.

Орловъ улыбнулся.

— Оно, конечно, со временемъ обживутся и клоповъ заведутъ, и промозглый запахъ напустятъ въ новый домъ,— продолжалъ Лампадовъ:—ну, а покуда никто не обжился въ новомъ домѣ, и всѣ недовольны. Ужъ чего, я здѣсь, въ захолустьѣ, почти безвыходно сижу, а и здѣсь то тотъ, то другой приходитъ съ жалобами. Помѣщикъ говоритъ, что его по-міру пустили, отнявъ крестьянъ и землю, и совсѣмъ забываетъ, что и ему Богъ руки для работы привѣсилъ. Мужикъ жалуется, что земли мало дали, что кабаковъ много съ дешевкой развели, что лѣсу нѣтъ у него дарового, что воля выгнала въ поле, и безъ управительской палки словцо

вдругъ разучился онъ работать, а безъ барской опеки отвыкъ сводить концы съ концами. Съ однимъ поговоришь: плачутся они, что мѣстъ нѣтъ, что работы найти не могутъ, что вездѣ большія требованія къ служащимъ предъявляютъ или только по протекціи принимаютъ на службу. Другихъ послушаешь, говорятъ: «Рукъ нѣтъ, дѣло стоитъ, взяться не за кого». Молодежь стариковъ ругаетъ крѣпостниками, да взяточниками, а старики глядятъ, какъ она, молодежь-то эта самая, дѣлишки обдѣлываетъ, да приговариваютъ: «Мы были хороши, а эти пошустрѣе насъ будутъ». Порядки-то вездѣ новые, а люди-то—люди вездѣ старые.

Старикъ дотронулся до руки Орлова и заговорилъ какъ бы въ раздумьи:

— Знаешь ли, что хуже всего у насъ? То, что никто изъ насъ не умѣетъ стоять на высотѣ своего положенія и проникаться задачами времени. У насъ законы, постановленія, порядки—это одна сторона, а исполненіе—это особая статья. Куда насъ ни поставь, что намъ ни вели дѣлать, вездѣ мы со своимъ «кое-какъ» явимся, вездѣ спустя рукава черезъ пень-колоду валить станемъ. Гражданскаго чувства у насъ еще недостаетъ, честности еще и въ заводѣ нѣтъ, патріотизма... даже и слова-то мы такого не знаемъ, если не считать патріотизмомъ способности кричать: «мы шапками всѣхъ закидаемъ». Да, русопеты у насъ, пожалуй, найдутся, а патріотовъ что-то не видно. Если бы мы дѣло-то умѣли дѣлать, такъ не то бы у насъ было. Ты посравни англійскаго или нѣмецкаго земледѣльца и русскаго: вѣдь это — небо и земля. Ты скажешь, что нашъ народъ только что всталъ на свои ноги, и ему трудно было сразу научиться самостоятельно и хорошо работать. Согласенъ. Ну, а бери выше: какъ нашъ мастеровой работаетъ и какъ работаетъ французскій рабочій? Какъ нашъ купецъ торговлю ведетъ или фабрикантъ фабрику устраиваетъ и—какъ какой-нибудь парижскій или американскій торговый домъ или фабрика работаютъ? А городскія управленія? А комиссаріатъ? А устройство флота? А порядки гдѣ-нибудь на почтѣ или въ полиціи?.. Да за что ты ни возьмись, вездѣ мы сами оказываемся и ротозѣями, и тунеядцами, и неряхами. Мы все на правительство. Да что такое правительство? Мы—правительство, мы—сами!.. Покажи мнѣ такое частное учрежденіе, совершенно независимое отъ правительства, гдѣ бы шли хорошо дѣла. Не устройство ли желѣзныхъ дорогъ, не банки ли, не фабрики ли, не благотворительные

ли пріюты, не частныя ли школы?.. Нѣтъ, правительство тутъ винить грѣхъ... Вонъ я—русскій человѣкъ, а всю жизнь шведу сапоги заказывалъ, а не русскому.

Онъ усмѣхнулся.

— Да мы же и плачемся, что насъ иностранцы обираютъ: тамъ жидъ обидѣлъ, тутъ нѣмецъ насѣлъ, въ третьемъ мѣстѣ французъ загонялъ. Экіе малолѣтки, что отъ всѣхъ оберегать, да опекать насъ нужно!.. Ей-Богу, злость меня разбираетъ, когда читаю въ газетахъ іереміады о томъ, какъ насъ какіе-нибудь жиды притѣсняютъ. Такъ и хочется сказать: «Стыдитесь, господа, говорить громко о своей глупости, да неумѣлости; защищайтесь сами, если на васъ нападаютъ; если же не можете защититься,—ну, такъ и погибайте, туда вамъ и дорога; ужъ если мы такіе глупые, да неумѣлые, что насъ каждый перехитрить, да притѣснить можетъ, такъ лучше и не жить намъ, не коптить неба, не стоять поперекъ дороги у другихъ людей».

— Долго, дядя, подъ опекой жили, вотъ въ чемъ вся и бѣда,—замѣтилъ Орловъ.

— Нѣтъ, братъ, бѣда въ томъ, что насъ такъ легко могли взять подъ опеку, да такъ долго держать подъ ней, не слыша отъ насъ серьезнаго протеста,—сказалъ Лампадовъ.—Скверно то, что не знаешь, опека ли вызвала въ насъ апатію, или апатія наша привела насъ къ опекѣ. Вотъ что скверно.

Старикъ махнулъ безнадежно рукой и потомъ заговорилъ снова:

— Теперь вотъ ко мнѣ много разныхъ бѣдняковъ ходитъ... Ольга покойная накрестила, да навѣнчала,—ну, да и самъ я, Господь знаетъ, какъ развелъ этихъ разныхъ крестниковъ. Такъ, Господи, что за народъ это! Или это—грабители, да хищники будущіе, или какія-то безпомощныя овцы, которыхъ только лѣнивый не будетъ стричь...

Орловъ усмѣхнулся.

— Да вѣдь это не мнѣ одному счастіе на такихъ крестниковъ,—продолжалъ старикъ.—А всѣ мы таковы: либо мы грабимъ, либо насъ грабятъ...

Орлову вдругъ вспомнился Благолѣповъ съ его исканіями «средины».

— Ну, дядя, нельзя же такъ рѣзко дѣлить людей,—сказалъ онъ.—Есть же и середина. Да вотъ ты самъ...

— Я, братецъ, былъ и остался человѣкомъ не отъ міра сего... ну, идеалистомъ, теоретикомъ, дуракомъ, что ли, какъ это теперь у васъ тамъ называется,—сказалъ старикъ, мах-

нувъ рукой. Такихъ-то, вѣрно, у насъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ государствѣ найдется,—непочатый ихъ уголъ у насъ,—да этихъ людей и вовсе со счетовъ нужно сбросить...

Магдалина, между тѣмъ, подала чай. Старикъ засуетился.

— Постой, постой, у меня англійское печенье есть, а то какъ же такъ безъ булокъ, — сказалъ онъ и досталъ изъ шкапа большой жестяной ящикъ.

Онъ дрожащими руками сталъ открывать крышку.

— Позволь я открою,—сказалъ Орловъ и открылъ крышку.

Изъ ящика поднялась пыль, и вылетѣло нѣсколько молей. Старикъ смутился и сконфузился. Онъ вдругъ точно опустился и дрожащимъ голосомъ заговорилъ:

— Извини... Давно, видишь, не открывалъ... Странно, не зналъ, что въ этомъ можетъ моль завестись...

Онъ опустилъ голову и, совсѣмъ хмурый, впалъ въ раздумье. Орловъ, видя смущеніе старика, поспѣшилъ взять стаканъ и началъ посторонній разговоръ.

— Какъ у Плюшкина, — тихо и грустно сказалъ старикъ.—Со стороны, должно-быть, смѣшно...

— Полно, дядя!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.

Старикъ мрачно махнулъ рукою.

— Умирать пора,—сказалъ онъ.—Винты не всѣ въ порядкѣ...

Какъ ни пробовалъ Орловъ оживить снова старика, тотъ уже не оживлялся, а былъ мраченъ и нѣсколько желченъ. На прощаньи онъ сказалъ Дмитрію Андреевичу:

— Ну, заходи, да, пожалуйста, успокой сестру: скажи, что я умру не скоро, что совѣсть у меня въ порядкѣ, что о душѣ моей заботиться нечего... Очень ужъ раздражаютъ меня эти заботы!

— Да я и не солгу, дядя, что и жизни въ тебѣ много, и грѣховъ на тебѣ нѣтъ,—отвѣтилъ Орловъ. — Вотъ я посидѣлъ у тебя и снова, какъ въ былые годы, забылъ, что у меня, можетъ-быть, дыра на сапогѣ...

Старикъ улыбнулся.

— Да вѣдь отъ этой дыры, голубчикъ, никто и ничто и не пострадаетъ, такъ о ней особенно много и думать нечего,—отвѣтилъ онъ.—Именно то-то и худо, что люди всю свою душу полагаютъ въ заботы о дырѣ на своихъ собственныхъ сапогахъ.

Орловъ вышелъ отъ Лампадова, и за нимъ послѣдовала на крыльцо Магдалина.

— Ну, какъ вы нашли, батюшка, нашего Ѳеопемпта Григорьевича?—спросила она.

— Плохъ онъ,—сказалъ Орловъ.

— Моритъ онъ самъ себя,—сказала старушка. — Почти ничего не велитъ готовить; чѣмъ питается, я и не знаю. «Чего, говоритъ, мнѣ, старику, лакомиться, да даромъ деньги бросать!» А вѣдь въ его положеніи только пищей хорошей и можно поддержать себя. Нельзя же ужъ тоже такъ надъ каждой копейкой для себя трястись...

— Да дядя же прежде никогда не былъ скупъ, — замѣтилъ Орловъ.

— Господь съ вами, батюшка, Господь съ вами! Развѣ это скупость?—сказала Магдалина.—На себя, говорю я вамъ, ничего не хочетъ тратить, а другіе его обираютъ...

Она махнула рукой.

— Вороны точно, ей-Богу, точно вороны! — заговорила старушка со слезами въ голосѣ. — Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ съ него все. Пробовала я не пускать ихъ къ нему,— письмами одолѣваютъ, на меня жалуются. Ну, сердится, коритъ, скаредомъ меня называетъ. «Что, говоритъ, старая, тебѣ жалко, что ли, что я бѣднымъ грошъ дамъ? Мало тебѣ, что ли, старая? Сама помрешь скоро. Въ могилу ничего не возьмешь». А развѣ я для себя? Мнѣ на саванъ хватитъ. Я вѣдь для него же, да для вашей семьи...

— Намъ ничего не надо! — быстро проговорилъ Орловъ.

— Что вы, батюшка! Вотъ сестрица тоже разсказывала, какія нужды терпите. А вѣдь вы его единственные наслѣдники. Анна Андреевна вонъ намеднись плакала. «Все, говоритъ, растащутъ, а свои родные чуть не по міру идутъ»...

— Глупости она говоритъ! Я вамъ повторяю, что намъ ничего не нужно,—сказалъ Орловъ.

Ему было и тяжело, и больно. Онъ сознавалъ, что ему нужно будетъ серьезно поговорить съ сестрой насчетъ Лампадова, и что этотъ разговоръ будетъ не изъ пріятныхъ.

II.

— Ну, вотъ я и свободенъ!—говорилъ Дмитрій Андреевичъ, получивъ отставку, и его охватило радостное чувство.

Теперь ему никто не предпишетъ: «переводится товарищемъ прокурора туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ», «назначается прокуроромъ туда, куда воронъ костей не заноситъ». Его не заставятъ обвинять Ивановъ, не помнящихъ родства, за то, что они крадутъ съ голода и уби-

ваютъ съ горя, не принудятъ подчиняться личностямъ, вставшимъ выше его иногда только потому, что эти лица успѣшнѣе его умѣли ловить рыбу въ мутной водѣ и пользоваться ворожбой бабушекъ. Но это была только одна сторона медали,—подъ этою свѣтлою стороной была другая, болѣе темная сторона. Онъ принадлежалъ по своему положенію, по своей подготовкѣ, по своему развитію и прошлымъ стремленіямъ къ числу людей, въ сущности не имѣющихъ возможности выбирать родъ дѣятельности: онъ могъ быть чиновникомъ, адвокатомъ, писателемъ, профессоромъ, человѣкомъ кабинетной работы, но и только. Онъ былъ чистѣйшимъ представителемъ мыслящаго пролетаріата, выросшаго на почвѣ петербургской жизни,—кабинетнымъ работникомъ, теоретикомъ и бѣднякомъ. Сдѣлайте его управляющимъ большимъ имѣніемъ, дайте ему въ руки большую фабрику, заставьте его вести большое торговое дѣло—и онъ окажется на каждомъ шагу несостоятельнымъ, его загонятъ первый неграмотный староста, простой машинистъ-самоучка, совсѣмъ неразвитой приказчикъ. Правда, именно изъ людей съ подобною подготовкой и выходили и выходятъ такъ-называемые заправилы, ворочающіе чуть не цѣлыми отдѣлами общественнаго механизма, но зато что же и происходило изъ этого: канцелярскія отношенія, канцелярскія предписанія, канцелярская переписка безъ конца и идущая въ разрѣзъ съ этою перепискою практика. Классику приходилось судить, годны или не годны въ дѣло рельсы новой желѣзной дороги, юристу приходилось изобрѣтать средства поднять народное хозяйство; выросшему съ пеленокъ въ столицѣ человѣку приходилось канцелярски точно и однообразно рѣшать, гдѣ насадить народныя школы, и каковы должны быть эти школы, когда онъ даже и представить себѣ не могъ тѣхъ деревень, гдѣ живутъ такіе-то Пилы и Сысойки, будто бы нуждающіеся въ его проектахъ для своихъ школъ, когда онъ даже приблизительно не зналъ, похожи ли эти Пилы и Сысойки, напримѣръ, на шустраго ярославца-полового изъ трактира Палкина, или на извозчика «пьяную Калугу», сумѣвшаго со своими земляками взять верхъ надъ всѣми другими извозчиками, или на оборваннаго профессіональнаго нищаго «изъ витебскихъ», ходящаго десятки лѣтъ съ протянутою рукой, прося «на погорѣльцевъ». Можетъ-быть, со временемъ и онъ, Орловъ, будетъ управлять чѣмъ-нибудь, положимъ, во флотѣ или устраивать механическіе заводы, но покуда онъ былъ еще настолько добро-

совѣстенъ, что не взялся бы и за большія деньги строить броненосныя суда, и былъ настолько пролетаріемъ, что никто бы и не предложилъ ему даже какого-нибудь мѣстишка капитана на самомъ маленькомъ пароходикѣ. Его свобода была понятіемъ очень условнымъ, и онъ былъ едва ли не менѣе свободенъ въ выборѣ профессіи, чѣмъ какой-нибудь сапожникъ: этотъ сапожникъ, потерпѣвъ неудачу въ своемъ ремеслѣ, могъ превратиться и въ лавочника, и въ извозчика, и въ лакея, и въ банщика, и въ артельщика, и если при томъ же онъ былъ изъ крестьянъ-собственниковъ, то за нимъ всегда стояли изба, нива, какъ мѣсто отступленія съ поля битвы городской жизни. Люди же, подобные Орлову, возвращаются послѣ неудачъ въ родное гнѣздо съ однимъ сознаніемъ, что это гнѣздо—наемный уголъ, не дающій хлѣба и требующій ежемѣсячной платы. Многіе изъ такъ-называемыхъ образованныхъ людей у насъ находятся въ такомъ положеніи: воспитаніе и образованіе юношества поставлено такъ, какъ будто Россія нуждается только въ канцелярскихъ дѣятеляхъ; знакомство съ роднымъ краемъ и его потребностями является почти исключительно книжнымъ; всѣ стремленія и идеи усваиваются чисто-теоретическимъ путемъ; способности къ практической дѣятельности въ широкомъ смыслѣ почти не развиваются, и потому вся практичность сводится къ умѣнью выслужиться, выкланяться, поддѣлать вексель, обокрасть общество, взять взятки или обсчитать ближняго. Всѣ эти недостатки должны были сказаться рѣзко и ярко именно въ то время, когда правительство и обстоятельства дали сильный толчокъ русскому обществу, призвавъ его къ болѣе разносторонней дѣятельности. Такое время именно и было тогда.

Съ перваго же взгляда на Петербургъ, Орловъ не узналъ въ немъ прежняго Петербурга. Въ годы его отсутствія городъ точно выросъ и принарядился: только что начавшаяся горячка домостроительства была въ полномъ разгарѣ; вездѣ воздвигались новые дома съ украшеніями кондитерскихъ пироговъ, вездѣ надстраивали этажи и прилѣпляли колонки, балкончики, арабески. Казалось, что весь городъ передѣлывается заново. Цѣлая масса новыхъ магазиновъ ослѣпляла своими вывѣсками и выставками товаровъ, всюду красовались новыя вывѣски банковъ, банкирскихъ конторъ, правленій акціонерныхъ обществъ. Кто зналъ Петербургъ въ предыдущее царствованіе или въ самомъ началѣ царствованія, тотъ не узналъ бы его теперь, когда уже терялся

счетъ разнымъ предпріятіямъ биржевиковъ и промышленниковъ. Слѣды наживы и гоньбы за наживой ярко бросались въ глаза человѣку, долго не видавшему столицы. Большая Морская, Невскій проспектъ точно принарядились въ парадныя платья. Особенно ярко бросилось это въ глаза Орлову, когда онъ попалъ впервые снова на эти улицы въ четвертомъ часу дня. По этимъ улицамъ неслись, точно на скачкѣ, обгоняя другъ друга, экипажи, блестящіе, легкіе, съ нарядными женщинами. Подкрашенныя лица, одноцвѣтные бѣлокурые парики, слишкомъ изысканные и бросающіеся въ глаза наряды, особыя позы этихъ полулежавшихъ въ коляскахъ дамъ ясно говорили, кто эти дамы. Ихъ обгоняли на эгоисткахъ щегольски одѣтые мужчины съ моноклями или pince-nez, похожіе на вывѣски парикмахеровъ или на модныя картинки. Орловъ смутно узнавалъ нѣкоторыя лица и не вѣрилъ глазамъ. Да, это его товарищи по университету, это вчерашіе бѣдняки, а теперь... Онъ вспомнилъ слышанные имъ разсказы: такой-то женился на богатой, такой-то нажилъ адвокатурой въ годъ состояніе, такой-то пріютился въ акціонерномъ обществѣ, такой-то просто живетъ на содержаніи. Ему вспомнились саркастическія слова одного его пріятеля:

— Если мы далеки отъ царства Ивановъ, не помнящихъ родства, то мы все же переживаемъ царство Ивановыхъ!

Да, всѣ эти богачи — какіе-то Ивановы, Барановы, Козловы, Кобылины; эта вчерашняя голь вдругъ пошла въ гору и рвала зубами выпавшую ей на долю добычу въ новыхъ учрежденіяхъ, въ акціонерныхъ компаніяхъ и комитетахъ. Новыя учрежденія потребовали цѣлыя полчища новыхъ людей. Этихъ людей пришлось поневолѣ вербовать не среди привилегированныхъ классовъ, захватывавшихъ прежде все только въ свои руки, а гдѣ попало, среди мѣщанъ, среди недоучекъ, среди голяковъ. Изъ этихъ людей сразу создался новый классъ разночинцевъ; ихъ, можетъ-быть, неловко было спрашивать о ихъ происхожденіи, о степени ихъ образованія, но ихъ нельзя было не принимать въ лучшихъ кружкахъ, потому что они ворочали дѣлами, потому что они имѣли денежныя средства и въ сущности были не лучше и не хуже своихъ предшественниковъ. Десятокъ лѣтъ тому назадъ ихъ отцы были крѣпостными, приказными, ростовщиками-евреями, а теперь они сидѣли въ первыхъ рядахъ партера въ итальянской оперѣ, они были почетными членами благотворительныхъ обществъ, они оказывали протек-

ціи ищущимъ мѣстъ юнцамъ, они ссужали деньгами золотую молодежь. Но эти новые дѣятели были дѣтьми своихъ отцовъ и предшественниковъ, кость отъ кости, плоть отъ плоти этихъ людей: ихъ число только возросло, ихъ способы наживы стали только разнообразнѣе, они брали только больше, такъ какъ во всемъ былъ прогрессъ,—всѣмъ захотѣлось жить такъ же широко, какъ прежде жила ограниченная кучка людей, высасывавшихъ все, что можно, главнымъ образомъ, изъ своихъ крестьянъ. Вчерашній обтерханный студентъ изъ мѣщанъ — сегодняшній знаменитый присяжный повѣренный, вчерашній забитый Ицка — сегодняшній желѣзнодорожный тузъ, вчерашній мелкій инженерикъ — сегодняшній желѣзнодорожный строитель, всѣ эти люди хотѣли и должны были жить согласно своему положенію въ обществѣ, примѣняя и къ себѣ правило noblesse oblige и не руководствуясь больше ничѣмъ. Грабежъ сдѣлался только общимъ, болѣе повальнымъ. Ничего иного нельзя было и ожидать. Такъ всегда бываетъ во время сильнаго прогрессивнаго переворота. Реформы преобразованія, новыя учрежденія создаются смѣлыми реформаторами легко и скоро, а новыхъ людей, при всемъ желаніи, однимъ почеркомъ пера не создашь. Нужно прибавить къ этому, что никогда не поднимали такъ высоко головы всякіе рыцари наживы, какъ теперь, уже и потому, что лучшіе люди какъ будто вдругъ ушли въ свои раковины, затворились въ четырехъ стѣнахъ, засѣли за работу въ тишинѣ. Это было именно то время, когда общество приходило все въ большее и большее смятеніе послѣ польскаго возстанія, каракозовскаго выстрѣла, смутныхъ слуховъ о новыхъ заговорахъ и арестахъ. У большинства людей срывались съ языка вопросы: «Чего хотятъ? Во имя какой программы дѣйствуютъ? Куда мы идемъ? Что будетъ завтра? Можно ли идти впередъ во время такой сумятицы? Не лучше ли погодить?..» У людей же наживы вмѣсто этихъ тревожныхъ вопросовъ созрѣвало одно убѣжденіе, что «нужно ковать желѣзо, пока оно горячо», что «въ мутной-то водѣ и ловить рыбу», что новая заповѣдь гласитъ: «не зѣвай!».

Всѣ эти мысли длинною вереницей проходили въ головѣ Орлова, когда онъ шелъ, отыскивая тотъ домъ, гдѣ жилъ одинъ изъ его старыхъ пріятелей, Андреевъ. Орловъ встрѣтилъ Андреева въ министерствѣ, куда завернулъ по своимъ дѣламъ и Андреевъ настойчиво взялъ съ него слово, что онъ обѣдаетъ у него, такъ какъ это «его день»: по четвер-

гамъ у него всегда обѣдаютъ пріятели. Орлову нужно было потолковать съ Андреевымъ, такъ какъ послѣдній былъ присяжнымъ повѣреннымъ и могъ ему разсказать многое о разныхъ закулисныхъ сторонахъ петербургскаго суда. Орловъ отыскалъ домъ, гдѣ жилъ Андреевъ, и поднялся по парадной лѣстницѣ. Ему открылъ двери лакей во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и провелъ его въ гостиную. По лицу Орлова скользнула невольная усмѣшка при видѣ убранства этой гостиной: шелковая мебель, бронза, картины. Все это было точно сейчасъ принесено изъ магазиновъ, и притомъ изъ разныхъ магазиновъ: изящные французскіе шкапики съ фарфоровыми и бронзовыми вставками не гармонировали съ такъ-называемыми подсвѣчниками въ русскомъ вкусѣ, поражавшими грубостью работы и бросавшимися въ глаза; роскошныя рамы писаныхъ масляными красками картинъ привлекали вниманіе гораздо сильнѣе, чѣмъ сами эти картины вѣнской рыночной фабрикаціи. Тутъ не было ни вкуса, ни пониманія, тутъ было одно желаніе разубрать гостиную всякаго рода вещами, случайно попавшимися на глаза и почему-нибудь понравившимися покупателю. Переступивъ порогъ гостиной, Орловъ услышалъ множество голосовъ, басовитый смѣхъ мужчинъ, визгливый хохотъ женщинъ въ сосѣднихъ комнатахъ. Черезъ минуту къ гостю вышелъ хозяинъ въ коротенькой бархатной визиткѣ, въ бѣломъ галстукѣ, завязанномъ большими бантами.

— Ну, спасибо, спасибо, что сдержалъ слово!—проговорилъ онъ, пожимая руку Орлова: — право, разсердился бы, если бы обманулъ. Пойдемъ въ кабинетъ. Мы уже думали, что ты не придешь.

Они прошли въ просторный кабинетъ, съ мягкою мебелью, съ мягкими коврами, наполненный гостями. Начались представленія.

— Наше восходящее свѣтило на поприщѣ адвокатуры!— шутливо говорилъ хозяинъ, представляя Орлова гостямъ.— А это Александръ Ивановичъ Щепятовъ. Ты, конечно, уже знакомъ съ его литературными произведеніями, подписанными псевдонимомъ Горева. А это вотъ усладитель нашего слуха, Иванъ Денисовичъ Николаевъ—нашъ незамѣнимый Рауль...

Орловъ даже смутился,—столько знаменитостей представили ему и, всего хуже, онъ не зналъ почти ни одной изъ этихъ знаменитостей. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ знаменитостей были знаменитостями будущаго, а нѣкоторыя зна-

менитостями прошлаго, третьи же были знаменитыми талантами довольно страннаго свойства: такъ, какой-то господинъ Кисъ или Рисъ,—Орлову даже потомъ показалось, что эту знаменитость звали господиномъ Бисъ, — отличался тѣмъ, что рисовалъ чѣмъ угодно и на чемъ угодно: пальцемъ на тарелкѣ, тряпкой на бумагѣ, употребляя при этомъ вмѣсто карандашей и красокъ уголь, мѣлъ, соусъ изъ-подъ жаркого, остатки кофе на блюдечкѣ и т. п. При этомъ господинъ Кисъ или Рисъ умѣлъ занимать гостей длинными рѣчами на всѣхъ европейскихъ нарѣчіяхъ, изъ которыхъ онъ зналъ въ дѣйствительности только два, что не мѣшало ему съ паѳосомъ произносить, напримѣръ, по-итальянски: «O santo Lucia, Napoli, macaroni, Milano, Garibaldi, tedesco» и т. д. Выходило что-то похожее на итальянскую рѣчь. Кромѣ того, не имѣя голоса, онъ пѣлъ комическіе куплеты больше жестами и гримасами, а когда бывалъ очень пьянъ, то даже плясалъ національные танцы. Всѣ эти знаменитости, видимо, скучали, слонялись изъ угла въ уголъ въ ожиданіи обѣда.

— Разсаживайся! Не хочешь ли сигару? Обѣдъ сейчасъ подадутъ! — говорилъ хозяинъ, придвигая Орлову кресло и указывая на сигары.

Орловъ закурилъ папиросу, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, онъ увидалъ, что всѣ знаменитости, мало-помалу, улизнули изъ кабинета.

— Я, кажется, помѣшалъ,—проговорилъ онъ съ улыбкой.

— Кому это? Имъ-то?—сказалъ Андреевъ.—Просто слоняются со скуки, пока не пропустятъ рюмки, другой. Къ бабью теперь, вѣрно, направились. Всѣ тоже юбочники. Да что имъ и дѣлать: таланты!

Онъ захохоталъ.

— Нѣтъ, вотъ нашему брату, талантами не отличающемуся, юбки-то не всегда на умъ лѣзутъ, тоже поработать приходится.

Орловъ улыбнулся.

— А я думалъ, что вы здѣсь всѣ не работаете, а наслѣдства отъ дядюшекъ изъ Америки получили.

— А что?

— Да я вотъ сегодня только и дѣлаю, что удивляюсь,— сказалъ Орловъ.—Встрѣтилъ Парамонова... Помнишь чумазаго Парамошку изъ нашей гимназіи?...

— Еще бы, онъ теперь въ правленіи царевококшайской желѣзной дороги служитъ,—замѣтилъ Андреевъ.

— То-то онъ на рысакахъ и ѣздитъ,—сказалъ Орловъ.— Потомъ встрѣтилъ Анучина, въ собственной коляскѣ ѣдетъ... Ты тоже, кажется, какъ сыръ въ маслѣ катаешься. Нѣтъ, право, у васъ, вѣрно, дядюшки въ Америкѣ были.

Андреевъ опять расхохотался.

— Да, теперь, братъ, иначе жить нельзя, если хочешь идти впередъ,—объяснилъ онъ.—Докторъ ты—тебѣ гроши будутъ платить, покуда не заведешь обстановочки; адвокатъ ты—къ тебѣ и ходить никто не будетъ, если ты не живешь баріномъ, потому, значитъ, ты—дрянь-адвокатъ, если и денегъ не нажилъ; служишь ты въ банкѣ, да биржевыя дѣла ведешь — безъ обстановки у тебя ни кредита не будетъ, ни связей. Кто живетъ теперь скромно, тотъ впередъ далеко не уйдетъ, многаго не получитъ. Теперь ужъ вѣкъ такой. Прежде, бывало, рекомендуется человѣкъ: помѣщикъ такой-то губерніи, графъ такой-то,—ну, ты и знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. А теперь говорятъ: «господинъ Андреевъ пришелъ». А чортъ его знаетъ, этого Андреева, что онъ такое: нищій-попрошайка, или человѣкъ порядочный и приличный господинъ? Ну, и надо, чтобы сразу какой-нибудь перстень брилліантовый или цѣпь во весь животъ заявили, что молъ господинъ Андреевъ знакомиться съ вами пришелъ, а не грабить васъ. И платить прежде знали сколько какому-нибудь дѣйствительному статскому совѣтнику или какому-нибудь князю, а Андрееву платятъ лишь столько, насколько внушительна обстановка Андреева. Да вонъ какой-нибудь Кисъ... Ты его сейчасъ видѣлъ, черномазый такой, онъ тутъ вертѣлся, когда ты вошелъ... Такъ и тому что его фокусы да куншткки приносили бы, если-бъ онъ не умѣлъ прилично пріодѣться да артистическія кудри на головѣ взбить? Такъ-то вѣдь цѣна человѣку грошъ, а погляди, какъ наживается. Къ французскому посланнику на вечеръ приглашали прохвоста балясничать!..

— Ахъ, вы, барышники, барышники!—проговорилъ Орловъ, слушая эту рѣчь.

— Ну, да. А чѣмъ прикажешь быть, какъ не барышникомъ, когда жить хочется? А жизнь-то стала—ой-ой-ой, какъ дорога!—сказалъ Андреевъ.—Вѣрь ты мнѣ, что съ голоду ты подохнешь, дѣятелемъ никогда не будешь, дѣлами государства заправлять во вѣки не будешь, если барышникомъ не будешь. Кто теперь все въ рукахъ держитъ? Банкиры, желѣзнодорожники, биржевики. Черезъ нихъ только и пролѣзешь въ люди, черезъ нихъ только и сдѣлаешься

дѣльцомъ, не лишнею спицей въ колесницѣ, а эти цари изъ Чухломы и Бердичева на порогъ тебя не пустятъ, если ты явишься къ нимъ обтерханнымъ, да оборваннымъ. Знаешь ли ты, кто теперь мѣста предоставляетъ, протекціи оказываетъ?.. Нѣтъ. Ну, такъ я тебѣ скажу. Вонъ въ балетѣ есть такая долгоногая балерина Двойкина, лошадью ее еще въ школѣ звали: черезъ нее можешь какое хочешь теплое мѣсто добыть, воротилой сдѣлаться, потому она—содержанка вліятельной особы. А попробуй къ этой дщери кучера и прачки безъ денегъ придти: дверей тебѣ не откроютъ. Да развѣ одна она изъ такихъ-то? А Эмма Ѳедоровна, а княгиня Дарья Андреевна Пустозерова? Вѣдь это тоже дѣльцы изъ кокотокъ, только разныхъ полюсовъ: одна—обогатившаяся перновская мѣщанка, другая—обѣднѣвшая русская аристократка, а деньги за протекціи обѣ берутъ одинаковыя...

Андреевъ вздохнулъ.

— Да, нашему брату не легко карьеру сдѣлать,—продолжалъ онъ.—Тоже остроуміе и сообразительность нужны для этого... Вотъ я тебѣ приведу одинъ примѣръ. Помнишь Ганьку Жербина?

— Какъ же, это сынъ лавочника. Селедкой еще звали его въ гимназіи...

— Ну, ну, онъ самый! Теперь, братъ, это модный докторъ. А какъ думаешь, почему въ люди вышелъ? У Коптилова, особы изъ лапотниковъ, сынишку годового онъ лѣчилъ и на рецептахъ прописывалъ «его превосходительству Александру Ивановичу Коптилову». Это годовой-то мальчишка его превосходительство! Такъ вотъ такъ это понравилось madame Коптиловой, что она Ганьку и ввела за уважительность въ моду...

Лакей вошелъ и объяснилъ, что обѣдъ поданъ. Пріятели вошли въ столовую, гдѣ гости, мужчины и дамы, уже поѣдали съ ожесточеніемъ голодныхъ волковъ закуску, а у обѣденнаго стола стояла щегольски одѣтая молодая женщина.

— Надежда Петровна,—небрежно отрекомендовалъ Андреевъ, представляя Орлова этой молодой дамѣ.

— Мой мужъ мнѣ уже говорилъ о васъ сегодня,—сказала хозяйка, протягивая руку Орлову.—Вы у насъ, вѣроятно, будете присяжнымъ повѣреннымъ? Непремѣнно поѣду васъ слушать!

Орловъ раскланялся и сказалъ, что онъ еще ничего не

рѣшилъ. Хозяйка поражала красотой, роскошными волосами, модным, нѣсколько вычурнымъ, костюмомъ. Орловъ быстро разглядѣлъ, что у нея подкрашенныя щеки, брови, глаза, слишкомъ много чужихъ волосъ. Ея манеры были слащаво-жеманны и черезчуръ кокетливы. Голосъ былъ слишкомъ искусственно пѣвучъ и мягокъ. Черезъ двѣ-три минуты всѣ усѣлись за столъ. Дамамъ Орлова не представляли, и только изъ разговоровъ за столомъ онъ узналъ ихъ имена и фамиліи.

— Я ужасно люблю ѣздить въ судъ,—это такъ прекрасно!—сказала хозяйка, разливая супъ и занимая разговоромъ Орлова.—И особенно люблю, когда Коля говоритъ. Онъ всегда до слезъ тронетъ, и самъ плачетъ.

Орловъ съ улыбкой взглянулъ на хозяина.

— Ты... плачешь?—спросилъ онъ.

— Да, это же особенность моего таланта,—отвѣтилъ Андреевъ, принимаясь за супъ.

— Онъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!—вставилъ Кисъ свое словцо.

— Да, да, онъ всегда плачетъ и заставляетъ плакать,—подтвердила хозяйка.—Вотъ Симоновича я просто слушать не могу, тотъ точно ругается, все язвитъ, язвитъ, и все такимъ птичьимъ голосомъ выкрикиваетъ, а самъ все почесывается. Совсѣмъ неприлично!.. Ахъ, но кто удивительно защищаетъ, такъ это Груздевъ: когда его слушаешь, то это точно музыка переливается, и все такія картины, картины, точно въ романѣ, а самъ весь блѣдный...

Хозяйка какъ-то особенно выговорила слово романъ, сильно напирая на букву о и закатывая глаза.

«Дура»,—промелькнуло въ головѣ Орлова.

— Она у меня съ сантиментами,—сказалъ небрежно Андреевъ.—Впрочемъ, мы съ нею чаще бываемъ у Берга, чѣмъ въ судѣ. Она вѣдь у меня сама актерствуетъ: въ клубѣ въ живыхъ картинахъ Елену Прекрасную изображала съ Монаховымъ.

— И вамъ нравится театръ Берга?—спросилъ Орловъ.

— Ахъ, это прелесть, прелесть! Я всегда хохочу до упаду!—воскликнула она съ увлеченіемъ.—Театры—это моя жизнь...

И вдругъ Орловъ услышалъ самые подробные разсказы о спектакляхъ у Берга, о канканѣ, о шансонеткахъ. Хозяйка чуть не пѣла, чуть не канканировала.

— Это восторгъ, восторгъ! — заключила она свой разсказъ.—Это опьяняетъ и кружитъ голову...

— Она, братъ, у меня на всѣ руки молодецъ!—сказалъ Андреевъ.

Орловъ совсѣмъ терялся, не зная, какъ говорить съ хозяйкой, чтобъ не обидѣть хозяина. Но остальные гости бесѣдовали съ ней очень развязно. Чѣмъ дальше шелъ обѣдъ, тѣмъ обильнѣе лились съ языковъ собесѣдниковъ сальности и двусмысленности, не уступавшія своимъ цинизмомъ холостымъ бесѣдамъ армейскихъ офицеровъ и золотой молодежи. Кисъ уже рисовалъ на тарелкахъ скарбезныя картинки и объяснялъ ихъ содержаніе съ невообразимою безцеремонностью. Дамы не уступали въ распущенности мужчинамъ и шептались, хихикая, съ сосѣдями. Орловъ совершенно терялся въ догадкахъ, что за люди были передъ нимъ, изъ какого сословія, какого положенія въ обществѣ. Обѣдъ еще не кончился, какъ трое изъ мужчинъ встали и сказали, что они пойдутъ доигрывать пульку до театра. Хозяинъ замѣтилъ, что они играютъ у него уже вторыя сутки. Онъ взялъ подъ руку Орлова и пошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Ихъ вѣдь вплоть до театра отъ бутылокъ не отгонишь,—сказалъ онъ Орлову про своихъ гостей.—Мы вѣдь по четвергамъ вечеромъ всегда ѣдемъ или въ циркъ, или къ Бергу, такъ какъ въ клубѣ ничего нѣтъ, потомъ на тройкахъ иногда закатимся куда-нибудь съ барыньками... Скучища вѣдь дьявольская у насъ, въ Питерѣ,—не знаешь, въ какой кабакъ кинуться...

— А твоя жена?—началъ Орловъ.

— Надежда Петровна? О, она у меня бабенка лихая... И ничего—рожица смазливая...

Орловъ не зналъ, что отвѣтить на эту оригинальную рекомендацію.

— Да вотъ, смотри, изъ простыхъ мѣщанокъ города Казани вышла, а ничего, отшлифовалась,—продолжалъ хозяинъ, развалившись на диванѣ и ковыряя перомъ въ зубахъ.—Скверно такъ одному жить, а жениться еще средствъ нѣтъ, да и невѣсты подходящей не нарывается,—ну, вотъ и содержу покуда ее, все юбка во всякое время въ домѣ есть и живешь не на холостую ногу, а это много значитъ для дѣлового человѣка...

— Такъ ты не женатъ на ней?—спросилъ Орловъ.

Андреевъ расхохотался.

— Да за кого ты меня считаешь? Ты же видишь, она и не далека, и не воспитана... Наконецъ, она и старше

меня,—моложава только... Просто въ гражданскомъ бракѣ обрѣтаемся... Я ее у одного литератора отбилъ... Онъ ее увезъ отъ ея мужа изъ Харькова, кажется...

Орловъ нервно передернулъ плечами отъ этой откровенности.

— Она вотъ подруга той барыньки, что съ Кисомъ рядомъ сидѣла. Та у Филиппова, который противъ тебя сидѣлъ, на содержаніи живетъ. Я у нея съ Надеждой Петровной и познакомился. Потомъ въ клубѣ встрѣчались, ея литераторъ ей понадоѣлъ,—ну, у насъ дѣло и склеилось.

— А этотъ литераторъ... какъ ты его назвалъ, Щенкомъ, что ли?

— Щепятовъ. Прохвостъ первѣйшій... И какой онъ къ чорту литераторъ!.. Репортерствуетъ гдѣ-то о томъ, чего никто не читаетъ, вотъ и все...

— Это онъ съ женою тутъ былъ?

— Съ женою! Только она живетъ не съ нимъ, а ее содержитъ присяжный повѣренный Комаровъ. У этого борзописца-то гроша за душой нѣтъ... Вѣдь кромѣ театральныхъ рецензій ничего и измыслить не можетъ...

— Позволь, позволь, но вѣдь тутъ и мадамъ Комарову мнѣ представляли за обѣдомъ.

Андреевъ залился смѣхомъ.

— Ну, такъ что-жъ? Мадамъ Комарова эта самая ужъ десятаго любовника мѣняетъ. У насъ въ клубѣ такіе скандалы съ нею бывали...

Андреевъ, развалясь на диванѣ, началъ распространяться о клубныхъ скандалахъ, о томъ, кто съ кѣмъ живетъ, кто у кого отбиваетъ жену или любовницу. Онъ говорилъ съ циничной откровенностью, ставя точки на і, напирая на подробности, точно это доставляло ему особенное удовольствіе.

Орловъ поднялся съ мѣста. Ему хотѣлось поскорѣй выбраться на воздухъ, на улицу. Онъ сталъ прощаться.

«Пакостники!»—вертѣлось въ его головѣ. Ему было и скверно, и скучно.—«Знаешь вотъ, что всякой гадины на свѣтѣ много, а попадаетъ подъ руку мокрица и—передернетъ всего»,—думалъ онъ, уходя отъ Андреева.

И чѣмъ ближе вглядывался Орловъ въ петербургскую жизнь такъ-называемаго образованнаго средняго класса, тѣмъ яснѣе видѣлъ онъ, что у большинства она идетъ именно такимъ порядкомъ, какъ у Андреева. Клубы, карты, Берги, загородные рестораны, любительскіе спектакли съ оргіями и развратцемъ—все это повторялось вездѣ и всюду, и всѣхъ

грызла скука, вездѣ замѣчалась какая-то безцѣльность жизни. Эти люди въ сущности только повторяли то, что дѣлалось и прежде, только теперь всѣ кутежи были съ одной стороны мельче, пошлѣе, а съ другой—ихъ число возросло, такъ какъ возросло и число людей, имѣвшихъ средства такъ жить. Прежде весь Петербургъ пальцемъ указывалъ на Яковлевыхъ, Волковыхъ, Пономаревыхъ и тому подобныхъ представителей разгула, теперь подобнымъ господамъ и счета не было.

Большинство людей, гнавшихся только за карьерой и за богатствомъ и такъ или иначе выдвинувшихся впередъ, точно опьянѣло отъ неожиданныхъ успѣховъ и въ сущности не знало, что съ собою дѣлать, какъ вести себя, какъ распорядиться выпавшими внезапно имъ на долю средствами. Въ каждомъ разговорѣ слышался только одинъ мотивъ: нажива и кутежъ. Это былъ лозунгъ большинства. Всѣ, казалось, стремились урвать у перваго встрѣчнаго только кусокъ мяса для себя, и чѣмъ легче доставалась пожива при помощи концессій, биржевой игры, банковыхъ операцій, повальнаго грабительства во всѣхъ частныхъ учрежденіяхъ, во всѣхъ вѣдомствахъ, тѣмъ шире развертывался разгулъ. Орловъ видѣлъ и въ провинціи безпечальное житье, но тамъ еще только начиналась эта эпоха «хлѣба и зрѣлищъ», бывшая уже во всемъ разгарѣ въ столицѣ. Орловъ не былъ ни аскетомъ, ни пуританиномъ, ни красной дѣвушкой, но ему на первыхъ же порахъ стало тошно смотрѣть на эти пошлыя, мелкія и грязныя вакханаліи, на эти неизбѣжныя, но все же печальныя явленія переходной эпохи отъ стараго къ новому.

Когда Орловъ случайно столкнулся съ дальнимъ родственникомъ князя Русова, Ивинымъ, однимъ изъ представителей золотой молодежи,—онъ увидалъ, что и здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, происходитъ почти то же, что въ кругу какихъ-нибудь Андреевыхъ,—отсутствіе какихъ бы то ни было серьезныхъ интересовъ и нравственное ничтожество. Ивинъ насильно затащилъ Орлова къ Дюссо.

— Ты помнишь Павла Хрущевскаго? Мы для него мальчишникъ справляемъ,—говорилъ Ивинъ.—На-дняхъ онъ женится на дочери коммерціи совѣтника Поздняковой. Рожа невообразимая, глупа феноменально, но приданаго пятьсотъ тысячъ деньгами,—какъ же не жениться? Хрущевскій вѣдь все промоталъ, и если бы не этотъ бракъ, ему пришлось бы петлю надѣть на шею.

— И потому онъ идетъ въ крѣпостную зависимость къ дочери коммерціи совѣтника?—съ усмѣшкой сказалъ Орловъ.

— Ну, кто кого заѣстъ—это еще вопросъ!—засмѣялся Ивинъ безпечнымъ смѣхомъ.—Ей тоже будетъ не сладко. Хрущевскій—не такой мальчикъ, чтобъ его легко объѣздить. А впрочемъ, можетъ-быть, его ждетъ то же, что князя Щербинскаго. Помнишь гусаръ... у Русовыхъ часто бывалъ...

— Ну что же съ нимъ случилось?—спросилъ Орловъ.

— Женили его при помощи одного высокопоставленнаго лица прямо изъ долгового отдѣленія на семидесятилѣтней старухѣ, Бронниковой, а ея родные обозлились и, какъ ходятъ слухи, отравили его,—отвѣтилъ Ивинъ.—Фактъ только тотъ, что онъ умеръ черезъ два-три мѣсяца послѣ свадьбы. Конечно, ея роднѣ была невыгодна эта женитьба, такъ какъ старуха могла передать все свое имущество по завѣщанію мужу, а между тѣмъ у нея были милліоны...

— И у васъ здѣсь такъ каждый день убиваютъ люди другъ друга изъ-за денегъ?—съ усмѣшкой спросилъ Орловъ.

— Ну, выдумалъ!—засмѣялся Ивинъ.—Но правда, теперь многимъ приходится изыскивать средства къ жизни, потому тратъ много, а доходовъ у всѣхъ меньше, то-есть меньше у тѣхъ, у кого прежде было больше. Крестьянская реформа подорвала многія благосостоянія. Къ хозяйству на новыхъ началахъ не вдругъ привыкнешь. Прежнихъ казенныхъ ссудъ подъ имѣнія не даютъ. Ну, средства къ жизни и уменьшились, а жизнь-то стала и шире, и дороже. Что-жъ мудренаго, что многіе изъ нашихъ уже фальшивые векселя стали выдавать. Жить вѣдь хочется. Ты знаешь ли, я теперь иногда едва-едва свожу концы съ концами, а между тѣмъ я—не бѣднякъ...

— Ну, да милліоны можно за окно выбросить,—сказалъ Орловъ.

— Нѣтъ, ты не говори этого. Я даже скупъ. Но все дорого стоитъ. Однѣ женщины... Ахъ, если бы ты зналъ, что онѣ нынче стоятъ!

— Точно о лошадяхъ говоришь.

— Да вѣдь я же говорю объ *этихъ* дамахъ.

— У васъ тутъ, кажется, идетъ какая-то вальпургіева ночь,—перебилъ Орловъ.—Я уже чуть ли не отъ десятаго человѣка слышу, что ему нужно денегъ, денегъ и денегъ, и что все стоитъ дорого и дорого. А что это все? Оказываются кутежи, женщины, рысаки, карты...

— А вотъ погоди, когда всѣ прокутимся, тогда посыплемъ

пепломъ главы, запремся въ монастыри и начнемъ поститься,— шутливо сказалъ Ивинъ.—Ты не знаешь нашей настоящей жизни. Это—какой-то вихрь, который кружитъ всѣхъ и не даетъ опомниться. И ты не думай, что всѣ теперь проживаются. Нѣтъ, въ нашемъ кругу начинаютъ каждый день появляться люди, у которыхъ вдругъ выросли милліонныя состоянія. Тотъ на желѣзную дорогу взялъ концессію и вышелъ съ капиталомъ, другой основалъ банкъ и ловкой аферой пріобрѣлъ сотни тысячъ въ одинъ день, третій... чортъ знаетъ, иногда кажется, что третій просто укралъ гдѣ-то сотни тысячъ, но тѣмъ не менѣе надо признать, что онъ богатъ, и пожимать ему руки. Всѣ эти люди кутятъ, входятъ въ высшій кругъ, соперничаютъ съ барами... О, ты не узнаешь теперь свѣтскихъ салоновъ... Помнишь княгиню Евдокію Кирилловну Долгополову? Она ли не недоступный идолъ была, а теперь у этой старой блюстительницы аристократической спѣси возсѣдаетъ жидъ баронъ Гиршбергъ въ салонѣ, и она, вздыхая, объясняетъ, что она приноситъ эту жертву для своихъ бѣдныхъ, и прибавляетъ: «Впрочемъ, онъ премилый». А старый князь Горинъ, противникъ разночинцевъ, либераловъ и прогрессистовъ, играетъ въ вистъ съ бывшимъ крѣпостнымъ графа Шереметева, съ вчерашнимъ откупщикомъ, съ нынѣшнимъ желѣзнодорожникомъ Кикинымъ, и все потому, что князь Горинъ пропустилъ все между рукъ, а Кикинъ прибралъ все къ рукамъ: теперь Кикинъ даетъ Горину деньги, а Горинъ выхлопатываетъ ему концессіи, чины, ордена.

Они подъѣхали къ ресторану Дюссо и черезъ минуту были въ отдѣльномъ помѣщеніи, гдѣ уже собралось нѣсколько человѣкъ изъ пріятелей и сослуживцевъ Ивина.

— Дмитрій Андреевичъ Орловъ, — отрекомендовалъ Ивинъ. — Вѣроятно, большинство изъ васъ помнитъ, знакомы... Притащилъ его силой...

Къ Орлову протянулось нѣсколько рукъ. Послышались восклицанія, замѣчанія и вопросы.

— Какими судьбами? Откуда? Давно ли? Васъ трудно узнать!

Но уже черезъ двѣ-три минуты разговоръ за завтракомъ принялъ обычное направленіе.

— Я тебѣ говорю, что Султанъ ни одного приза не возьметъ,—говорилъ какой-то гусаръ своему собесѣднику кирасиру.—Превосходныя статьи, и только у него.

— Онъ на Дюранъ похожъ: у нея тоже превосходныя

статьи, а дальше и нѣтъ ничего,—замѣтилъ кто-то черезъ столъ.

— Ну, ты про Дюранъ этого не говори! Она дорого обходится, зато и женщина!—отвѣтилъ гусаръ, чмокнувъ кончики пальцевъ.

Какой-то статскій, весь въ дорогихъ кольцахъ, доказывалъ, что брилліанты синей воды самые лучшіе, и что онъ нигдѣ не видалъ такихъ брилліантовъ, какіе продаются у одного француза-комиссіонера по торговлѣ рѣдкостями.

— Я вовсе не понимаю, что хорошаго находятъ въ черныхъ брилліантахъ,—съ апломбомъ знатока говорилъ онъ.—Ну, да, это оригинально, это рѣдко; но, клянусь же, не все оригинальное и рѣдкое хорошо. Горбатая любовница тоже, пожалуй, оригинальность и рѣдкость, но благодарю за такое пріобрѣтеніе.

— А, нѣтъ, ты развѣ не читалъ у Казановы?—перебилъ его другой статскій.

— У какого Казановы?—спросилъ господинъ, говорившій о брилліантахъ.

— У извѣстнаго Казановы, написавшаго свои mémoires,—отвѣтилъ собесѣдникъ.

— Я, мой милый, ни извѣстныхъ, ни неизвѣстныхъ книгъ не читаю, потому что и тѣ, и другія нагоняютъ сонъ, а я сплю и такъ отлично!—сказалъ любитель брилліантовъ.

— Протестую, протестую за Казанову!—вмѣшался въ разговоръ совсѣмъ юный офицерикъ.—Это... это... что-то такое,—ну, шампанское, возбуждающее тамъ, такія картины...

Любитель брилліантовъ снисходительно улыбнулся.

— Я предпочитаю натуру картинамъ и практику теоріи,—отвѣтилъ онъ.

Раздался смѣхъ; кто-то крикнулъ:

— Браво, браво!

Кто-то громко зѣвнулъ.

Несмотря въ лившееся въ стаканы вино, несмотря на сальничанья, всѣ въ сущности скучали. Никто не зналъ, о чемъ говорить. Ничто никого серьезно не интересовало. Только кирасиръ настойчиво допрашивалъ гусара:

— Нѣтъ, я все-таки не понимаю, что ты имѣешь противъ Султана. Я видѣлъ его, я читалъ его аттестатъ и, право, я въ восторгѣ отъ него.

— Да ты подожди,—говорилъ гусаръ.—Поѣдемъ вмѣстѣ,

и я тебѣ докажу по пальцамъ, что онъ гроша не стоитъ. Стоять въ конюшнѣ—да, такъ; но для скачки—его мой столѣтній Меркурій загонятъ. Ты повѣрь моей опытности, я тебѣ по ниточкѣ всѣ недостатки и достоинства каждой лошади разберу.

— Розовые брилліанты безспорно тоже хороши, но этотъ отливъ непроченъ,—продолжалъ любитель брилліантовъ.

Его, кажется, никто уже не слушалъ, такъ какъ юный офицерикъ, захлебываясь отъ избытка чувствъ, передавалъ отрывки изъ записокъ Казановы.

Орловъ въ полголоса бесѣдовалъ съ Ивинымъ. Онъ разспрашивалъ его о князѣ Александрѣ Александровичѣ Русовѣ.

— Я его отыскивалъ, но мнѣ сказали, что у него нѣтъ квартиры въ Петербургѣ,—сказалъ Орловъ.

— Да, это отчасти правда,—отвѣтилъ Ивинъ.—Числится, что онъ живетъ въ Царскомъ Селѣ, по мѣсту службы, но въ сущности онъ почти безвыѣздно здѣсь, только не въ своемъ домѣ...

— Что это, отъ долговъ скрывается?—спросилъ Орловъ.

— Ну, вотъ еще? Какіе у него теперь долги. Онъ просто отшатнулся отъ общества, заперся съ своей дульцинеей. Вообще съ нимъ произошло что-то странное. У него никто не бываетъ изъ нашихъ.

— Да, я мелькомъ слышалъ отъ его сестры, что онъ измѣнился... Хандритъ, вѣроятно; вѣдь это случалось съ нимъ и прежде, хоть и не мѣшало ему кутить...

— Какъ тебѣ сказать... Едва ли можно сказать, что онъ когда-нибудь кутилъ. На его деньги, правда, кутили многіе, а онъ... Баба онъ какая-то, кислый всегда былъ, трусилъ выпить лишнее... Ты помнишь, его всѣ и дома дѣвчонкой звали...

Кто-то изъ присутствовавшихъ, услышавъ разговоръ о князѣ, замѣтилъ:

— Ну, да, потому его и взяла подъ башмакъ его Настя...

Орловъ вздрогнулъ при этомъ имени.

— Теперь онъ живетъ совершеннымъ отшельникомъ; говорятъ, учится чему-то, что-то изучаетъ, хочетъ выйти въ отставку,—продолжалъ разсказывать Ивинъ.—Это продолжается не годъ, не два...

Но Орловъ уже не слушалъ его и прислушивался къ толкамъ собесѣдниковъ, заговорившихъ теперь о Настѣ, точно обрадовавшись новой темѣ для разговора.

— У нихъ это должно быть фамильное: его отецъ жилъ

съ Андроновой лучше, чѣмъ съ женой. Александръ, вѣроятно, въ концѣ концовъ, женится на этой Настѣ,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Ну, его Настя вовсе не то, что была Андронова,—замѣтилъ другой.—Всѣ эти балетчицы—кокотки, и больше ничего, а эта...

— У нея манеры есть, мягкости много,—перебилъ кто-то тономъ знатока.—И притомъ буквально красавица.

— Не мудрено, вѣдь она изъ порядочной семьи,—отвѣтилъ первый.—Мнѣ про нее разсказывали, что она помнитъ себя въ дѣтствѣ въ роскошныхъ палатахъ, среди золота и бархата. Потомъ вдругъ все это исчезло, какъ сонъ, и она очутилась ребенкомъ безъ средствъ, одна. Вѣроятно, какая-нибудь fille naturelle кого-нибудь изъ нашего круга...

— Это сказки все!—небрежно замѣтилъ второй изъ собесѣдниковъ.—Эти дамы всегда происходятъ отъ царствующихъ лицъ, если ихъ послушать. Надо же придумать какую-нибудь таинственную исторію или романъ, чтобы быть интересной. Она вѣдь прежде и не Настасьей, а Натали была. Звучнѣе!.. Впрочемъ, сказки про нее распускалъ для чего-то сначала Михайловскій-Несмѣльскій, а потомъ онъ самъ въ припадкѣ откровенности говорилъ мнѣ, что она просто дитя улицы и подвала. Онъ, впрочемъ, едва раздѣлался съ нею, такъ какъ она приняла эту связь за что-то серьезное.

Орловъ сталъ блѣденъ, какъ полотно, точно кто-то его ужалилъ. Его сомнѣнія были разсѣяны. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы подавить смущеніе, и спросилъ равнодушнымъ тономъ:

— И давно съ ней живетъ Александръ?

— Да съ тѣхъ поръ, какъ ее бросилъ Михайловскій-Несмѣльскій,—отвѣтили ему.

— Вотъ какъ, я и не зналъ... Я тогда еще былъ, значитъ, въ Петербургѣ...

— Да, но онъ вообще скрывалъ эту связь... Тутъ много непонятнаго...

— Впрочемъ, мы въ послѣднее время съ нимъ такъ рѣдко видѣлись,—коротко сказалъ Орловъ.

Эта новость страшно непріятно подѣйствовала на него. Опять было задѣто его самолюбіе, опять вспомнилось многое изъ прошлаго. Въ его душѣ шевельнулось враждебное чувство къ князю, ко всей этой кутящей молодежи, покупающей женскія ласки, безчестящей бѣдныхъ дѣвушекъ. Ему

на минуту стало какъ будто стыдно при мысли, что можетъ-быть, кто-нибудь изъ этихъ господъ уже знаетъ, что эта Настя приходится двоюродною сестрой ему, Орлову. Михайловскій-Несмѣльскій если и не разгласилъ еще этого, то, конечно, постарается разгласить объ этомъ при первомъ удобномъ случаѣ. Надо будетъ какъ-нибудь опровергнуть эти слухи. А впрочемъ, стоитъ ли? Что за дѣло ему, Орлову, до того, что̀ станутъ говорить про него разные хлыщи и фаты? Не дѣтей ему съ ними крестить! И зачѣмъ онъ пошелъ въ ихъ компанію? Зачѣмъ онъ вообще ходитъ чортъ знаетъ къ кому? Не лучше ли затвориться отъ всѣхъ, жить особнякомъ? Въ трактирахъ, въ кабакахъ, на публичныхъ площадяхъ нечего искать хорошихъ и честныхъ людей; съ дрянью же нечего и сходиться. Хорошіе, честные люди дѣлаютъ свое дѣло въ сторонѣ, въ тишинѣ: съ ними можно столкнуться на общей работѣ, на общихъ интересахъ, на общихъ стремленіяхъ, но не на этихъ оргіяхъ, кутежахъ и попойкахъ. Да и ему ли кутить, когда прежде нужно зарабатывать на хлѣбъ? Орлова потянуло въ свой уголокъ, къ труду, къ затишью, и мало-по-малу онъ почти безвыходно заперся у себя надъ литературною работой, надъ приготовленіемъ магистерской диссертаціи.

Возвращеніе въ убогую квартиру родной семьи послѣ долгой разлуки, скорбныя встрѣчи и разговоры съ родными, непріятныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ столкновеній съ пріятелями—все это странно повліяло на Дмитрія Андреевича. Онъ почувствовалъ не слабость, не уныніе, не приниженность,—въ немъ просто пробудилось сознаніе, что онъ долженъ стоять насторожѣ, слѣдить за собою, чтобы лавировать въ этомъ жизненномъ омутѣ и не дать затянуть себя въ какое-нибудь болото. Рядомъ съ этимъ онъ какъ бы почуялъ, что въ немъ началъ воскресать прежній Митя, страстный, ненавидящій и любящій Митя, желавшій спасти бѣдняковъ и казнить Пахомова. Покуда онъ жилъ въ разлукѣ съ семьею, въ немъ какъ будто замерли и эта любовь къ бѣднякамъ, и эта ненависть къ ихъ врагамъ, и было только одно страстное желаніе встать самому на ноги, спастись самому—чувство, знакомое утопающимъ, забывающимъ въ минуту опасности всѣхъ и все. А теперь... Вотъ онъ сидитъ дома за обѣдомъ, и случайно рѣчь заходитъ о матери: онъ какъ-то невольно взглянулъ въ передній уголъ, и ему показалось, что онъ видитъ ея гробъ, видитъ ея исхудалое мертвое лицо, слышитъ надорванный голосъ отца:

«Точно живая лежитъ, Митя, точно живая!» Ему вдругъ вспомнились и ея страданія, и ея послѣднія слова о томъ, чтобъ онъ берегъ отца: «добрый онъ отецъ, добрый»,— и онъ мысленно даетъ клятву беречь старика. Вотъ что-то началъ говорить Леша, глупое и несообразное, и Дмитрій Андреевичъ припомнилъ, какія мýки довели Лешу до идіотизма: Ѳедоръ Гаврилычъ, пріютъ, убѣжище для калѣкъ, все, загубившее этого несчастнаго идіота, вспомнилось Дмитрію Андреевичу, и онъ проклинаетъ снова все это, губящее сотни тысячъ людей. «Скучно у насъ братцу, скучно», сказалъ Леша, а въ головѣ Дмитрія Андреевича уже зароились мысли о Настѣ, бѣжавшей отъ этой скуки, обольщенной первымъ встрѣчнымъ хлыщемъ, опозоренной, брошенной имъ. Его что-то точно кольнуло при мысли о томъ, что и онъ самъ забылъ Настю, что онъ ничего не сдѣлалъ для ея спасенія, что если она и спаслась, то это—случай. Да и спаслась ли? Что такое ея таинственная связь съ княземъ? Новое паденіе и только. А онъ, Дмитрій Андреевичъ, не протянулъ ей даже руки для спасенія. Съ мечтами о принесеніи пользы всему человѣчеству носился, а рядомъ гибло дорогое существо! Каждый уголъ, каждое слово теперь говорили Дмитрію Андреевичу о томъ, что̀ терпитъ та голь, изъ среды которой вышелъ онъ и съ которой онъ связанъ всѣми симпатіями души. Онъ впервые послѣ долгихъ лѣтъ снова убѣждался, что онъ любитъ эту голь не напускною, не разсудочною любовью, а сердцемъ, болѣзненно, страстно, какъ частицу самого себя. Не будь эта голь съ нимъ органически связана, развѣ онъ взволновался бы, напримѣръ, при разсказѣ отца? Вѣдь со стороны все это только комично и мученія его отца, и страданія его сестры, а для него тутъ представляется драма, и въ этой драмѣ онъ такъ или иначе приметъ активное участіе, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не дождется того или другого ея конца. Никакія книги, никакія теоріи не могутъ замѣнить этой органической связи. Но онъ не только любитъ эту голь, онъ чувствуетъ къ ней теперь безконечную благодарность за то, что она научила его любить вообще бѣдняковъ, страдающихъ, народъ, и ненавидѣть враговъ всего обойденнаго, униженнаго, оскорбленнаго. Эту любовь и эту ненависть онъ всосалъ съ молокомъ матери. И эта любовь, и эта ненависть ни на минуту не оставляли его. Даже тогда, когда онъ исполнялъ поневолѣ ненавистныя ему прокурорскія обязанности, всѣ знали, чью сторону онъ

держитъ. Недаромъ же его звали «плебеемъ», «демократомъ», «нигилистомъ», «народолюбцемъ». Да, этимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Въ его жизни было много ошибокъ, заблужденій, проступковъ, но ни разу онъ не поступился именно этими чувствами и не поступится ими. Въ рѣшительную минуту, когда нужно будетъ встать на сторону слабаго или сильнаго, бѣднаго или богатаго, оскорбляемаго или оскорбляющаго, онъ встанетъ на сторону первыхъ, и теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, потому что въ немъ точно разбередились, точно заныли всѣ старыя раны; страданія членовъ его семьи, близкія его сердцу, какъ бы напоминали ему о страданіяхъ тысячъ и тысячъ такихъ же бѣдняковъ. Онъ чувствовалъ подъемъ духа, подобный тому, который ощущаютъ въ себѣ солдаты, попавъ на поле сраженія: за минуту до того на своемъ привалѣ они знали, что ихъ собратья сражаются съ врагомъ, но они смотрѣли довольно вяло и апатично, отдаваясь заботамъ о будничныхъ нуждахъ; но вотъ ихъ вывели на поле битвы, они увидали раненыхъ собратьевъ, они увидали лицомъ къ лицу врага—и духъ энергіи, храбрости и задора сразу проснулся въ нихъ.

III.

Однако, какъ ни бодрился Дмитрій Андреевичъ, но его не могли не тревожить два обстоятельства: какъ онъ уладитъ дѣло отца и какъ устроитъ свои собственныя дѣла. Свобода—дѣло прекрасное, но прежде всего нужно ѣсть. Годы службы не дали ему возможности отложить грошъ на черный день, а безъ этого гроша нечего было и думать сразу заполучить хорошую адвокатскую практику. Орловъ сознавалъ, что Андреевъ былъ правъ, говоря объ обстановкѣ. Присяжный повѣренный, живущій въ Захолустной улицѣ, въ жалкомъ деревянномъ домишкѣ, вообще не сразу найдетъ богатыхъ кліентовъ, къ тому же Орловъ былъ новичкомъ въ Петербургѣ и очень хорошо понималъ, что выгодныя дѣла у него всегда сумѣютъ вырвать изъ рукъ его старѣйшіе собратья. Надо было, прежде чѣмъ мечтать о крупныхъ кушахъ, пройти тяжелый искусъ, защищая разныхъ воришекъ и сторожа какое-нибудь громкое уголовное дѣло, гдѣ можно бы было развернуть свое краснорѣчіе, составить себѣ имя. И что такое «выгодныя дѣла»? Большая часть этихъ выгодныхъ дѣлъ—продажа своей совѣсти, сдѣлка съ своею совѣстью. Выгодныя дѣла, не заставляющія кривить душой, очень рѣдки, и особенно

рѣдки они въ рукахъ присяжныхъ повѣренныхъ, не стяжавшихъ еще громкаго имени, не извѣстныхъ всѣмъ и каждому во всѣхъ концахъ не только Петербурга, но и всей Россіи. Орловъ все это сознавалъ очень хорошо; онъ сознавалъ и то, что извѣстность присяжнаго повѣреннаго пріобрѣтается не одной ловкою защитой. Нѣтъ, онъ, такъ сказать, долженъ намозолить глаза публикѣ. Его должны встрѣчать вездѣ и всюду, его имя должно появляться по тому или другому поводу на страницахъ газетъ, онъ долженъ, подобно кокоткамъ, дойти до того, чтобы, встрѣчая его, всѣ говорили: «это Орловъ!» Тогда можно хоть ничего не дѣлать, а дѣла будутъ. Путь предстоялъ не легкій, и Орловъ прежде всего поспѣшилъ пристроиться постояннымъ сотрудникомъ въ одну изъ большихъ газетъ, чтобы заработать этимъ путемъ кусокъ насущнаго хлѣба. Съ первыхъ же дней газетной работы онъ увидалъ, что и на этомъ поприщѣ далеко не такъ легко развернуть свои силы. Какимъ-то тяжелымъ гнетомъ въ то прошлое смутное время лежало здѣсь надо всѣми одно сознаніе: «объ этомъ нельзя говорить». Это «нельзя говорить» тѣснило всѣхъ, заставляло изыскивать способы какихъ-то иносказаній, какого-то писанья съ намеками между строкъ, и иногда доводило до толченія воды въ ступѣ, до наполненія страницъ какими-то никому ненужными разсужденіями о томъ, что бѣлое бѣло, а черное черно, до безсодержательнаго фразерства. Орловъ сразу понялъ, что этотъ трудъ въ колодкахъ и подъ надзоромъ можетъ въ концѣ концовъ только обезличить человѣка и сдѣлать изъ него, какъ онъ выражался, «водовоза». Но выбора не оставалось, и волей-неволей нужно было работать именно въ этихъ условіяхъ. Рядомъ съ литературною работой Орловъ принялся за магистерскую диссертацію. Въ судѣ онъ появлялся рѣдко, и нѣкоторые изъ его товарищей удивлялись, что онъ, повидимому, совсѣмъ не заботится о расширеніи своей практики. Но Орловъ сознавалъ, что онъ идетъ къ своей цѣли, и шелъ къ ней твердо намѣченнымъ путемъ. Его имя снова появилось въ литературѣ, онъ самъ появился сначала въ кругу богатыхъ людей, старыхъ знакомыхъ князя Русова, потомъ въ отчетахъ двухъ-трехъ аристократическихъ благотворительныхъ обществъ проскользнули упоминанія о «предложеніяхъ и проектахъ», «объ энергической дѣятельности» члена этихъ обществъ, Орлова, и Богъ знаетъ, кто первый началъ говорить въ разныхъ гостиныхъ о томъ,

что у насъ не умѣютъ дорожить талантливыми людьми, даровитыми дѣятелями, при чемъ приводили въ примѣръ оставшагося безъ мѣста товарища прокурора Орлова и замѣчали, что это возмутительно, что человѣка гнали ни за что, что вся его вина состояла въ неимѣніи протекцій. Еще два-три года такой жизни, и Орловъ долженъ былъ добиться того, что когда онъ войдетъ въ партеръ театра, то тамъ и тутъ послышится шопотъ: «вонъ Орловъ!» Онъ сознавалъ это, онъ стремился къ этому, но на него нападали минуты мрачнаго настроенія, и онъ спрашивалъ иногда себя: «Въ чемъ кроется причина стремленія именно къ этому? Неужели его толкаютъ къ этому одно непомѣрное честолюбіе, одно самолюбивое желаніе сдѣлаться извѣстнымъ, одно стремленіе нажиться при помощи этой извѣстности?»— Нѣтъ. Съ одной стороны, оставшись не у дѣлъ и отдавшись литературной работѣ, онъ чувствовалъ, что его, полнаго энергіи и силы, не можетъ удовлетворить эта работа въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какихъ она поневолѣ должна была заключаться. Эта работа могла его кое-какъ кормить, но и только; при ней оставалась въ душѣ какая-то пустота, неудовлетворенность, потребность развернуться гдѣ-нибудь въ другой сферѣ. Вотъ почему онъ бросался и въ благотворительные комитеты, и въ ученыя собранія, и въ какія-то общества изслѣдователей шекспировскихъ драмъ, хотя и это все нерѣдко пробуждало въ немъ сознаніе, что и тутъ переливаютъ изъ пустого въ порожнее, что и тутъ шумятъ, шумятъ, и только. Съ другой стороны, онъ горькимъ опытомъ убѣдился, что ему, бѣдняку, плебею, добиться чего-нибудь можно только при помощи раздуванья своей собственной репутаціи, при помощи тѣхъ шпоръ, которыя нужны были «для шума» ребенку Жирардену, при помощи стоянія на запяткахъ собственной кареты, на что былъ способенъ Дюма, чтобы говорили, что онъ держитъ негра, при помощи тѣхъ телеграммъ о самомъ себѣ, какія, какъ хорошо зналъ Орловъ, посылаютъ сотни и сотни ему подобныхъ въ газеты, чтобы добиться извѣстности. Все это поднимало въ немъ желчь, и съ каждымъ днемъ онъ все чаще и чаще разражался рѣзкими выходками то въ томъ, то въ другомъ кружкѣ.

Какъ-то при немъ зашелъ разговоръ объ одномъ изъ героевъ-ташкентцевъ, посылавшемъ въ газеты реляціи и описанія своихъ собственныхъ подвиговъ.

— Это просто кокотка!—замѣтилъ кто-то,

— Да если-бъ онъ не былъ кокоткой, онъ такъ и пропалъ бы въ неизвѣстности, а теперь это — идолъ и потому сила, — желчно замѣтилъ Орловъ. — Въ обществѣ, гдѣ дѣйствительныя заслуги, умъ, таланты, энергія ставятся ни во что, каждому общественному дѣятелю приходится быть подобной кокоткой или погибнуть.

Онъ усмѣхнулся.

— Мнѣ вотъ вспоминается одинъ анекдотъ, разсказанный Гейне,—продолжалъ онъ.—Листъ какъ-то давалъ концерты съ знаменитымъ пѣвцомъ Рубини, и вездѣ при громѣ рукоплесканій имъ подносили букеты и вѣнки, вѣнки и букеты. Когда концерты кончились и были поданы счеты приходовъ и расходовъ, Рубини съ ужасомъ увидалъ, что громадныя деньги истрачены на аплодисменты, цвѣты и лавры. «А вы думали, что кто-нибудь станетъ намъ отъ себя хлопать и подносить вѣнки, если мы этого не купимъ?»—сказалъ Листъ.—Это превосходная иллюстрація къ описанію положенія современныхъ знаменитостей вообще, а у насъ въ особенности. Быть геніемъ—это еще не значитъ обезпечить себѣ кусокъ хлѣба и возможность дѣятельности,—нѣтъ, прежде всего нужно позаботиться о пріобрѣтеніи клакеровъ, о покупкѣ для себя лавровъ, о патентѣ на право считаться геніемъ, и только тогда можно спокойно примѣнять свои способности къ дѣлу.

— То-есть прежде всего нужно быть не геніемъ, а шарлатаномъ,—замѣтилъ ему кто-то.

— Да, шарлатаномъ, потому что чаще всего приходится имѣть дѣло съ дураками или подлецами,— отвѣтилъ онъ.— Скажите откровенно, гдѣ вы найдете такой «порядочный» кругъ людей, такое «образованное» общество, куда не пустили бы на порогъ какого-нибудь желѣзнодорожнаго туза изъ первѣйшихъ мошенниковъ, какого-нибудь милліонера-банкира изъ первѣйшихъ ростовщиковъ и куда приняли бы съ почетомъ честнѣйшаго труженика въ лохмотьяхъ, безъ титуловъ, безъ связей? Такихъ кружковъ, такихъ обществъ нѣтъ. Всѣ эти фарисействующіе печальники о бѣднякахъ и матушки-благодѣтельницы льнутъ только къ капиталу, къ титуламъ, къ знаменитостямъ, а приди къ нимъ самъ Христосъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ жилъ на землѣ, лакеи выгонятъ его съ крыльца этихъ друзей меньшей братіи. Нужно пройти вѣкамъ, чтобы мы признали бѣдняка за генія, за святого, за реформатора, а покуда онъ живъ, повторяется то же, что случилось съ Гейне: въ коммунистѣ

Вейтлингѣ онъ прежде всего брезгливо увидалъ, что это— портной, хранящій на себѣ слѣды чернорабочаго пота и грязи, а передъ другимъ портнымъ, передъ Іоанномъ Лейденскимъ, онъ былъ готовъ склонить колѣни, потому что этотъ портной умеръ нѣсколько вѣковъ тому назадъ.

Незамѣтно для себя самого онъ все чаще и чаще прорывался желчными выходками противъ фарисейства въ обществѣ, толкующемъ очень чувствительно о меньшей братіи, а въ сущности презирающемъ, угнетающемъ и оскорбляющемъ эту меньшую братію на каждомъ шагу. Ему иногда становилось душно и гадко среди людей, начинавшихъ заискивать въ немъ, не потому, что они видѣли въ немъ какія-нибудь достоинства, а потому, что онъ тоже умѣетъ быть ловкимъ шарлатаномъ. Это желчное настроеніе усиливалось тѣмъ болѣе, что и сама дѣятельность далеко не удовлетворяла его. Въ воздухѣ въ то время носились не вѣянія реформъ, а неизбѣжныя опасенія, сдерживанія, стѣсненія, вызванныя цѣлымъ рядомъ грустныхъ событій, недоразумѣній, смутъ. Чѣмъ ближе присматривался онъ къ общественной жизни, чѣмъ тѣснѣе сближался съ литературными кружками, тѣмъ яснѣе онъ видѣлъ, что покуда въ сущности нельзя ни о чемъ свободно говорить, ни на что серьезно надѣяться, что живутъ болѣе или менѣе счастливо и спокойно только люди, заботящіеся объ одной наживѣ и карьерѣ, объ одной своей утробѣ и своемъ гнѣздѣ. Онъ испытывалъ какое-то злорадное наслажденіе, когда ему приходилось тутъ или тамъ доказать людямъ, что они толкутъ воду въ ступѣ, мечутся и работаютъ, не принося никому пользы, совершаютъ трудъ бѣлки въ колесѣ. Эти почти мальчишескія выходки иногда бѣсили людей, но онъ не воздерживался отъ нихъ и радовался, видя, что на него злятся. Какъ-то при немъ зашли толки о театрахъ, и кто-то сталъ жаловаться на постепенное паденіе русской и французской труппъ.

— Да сколько вы ни толкуйте, а лучше не будетъ,— замѣтилъ онъ.

— Но объ этомъ уже начинаютъ въ газетахъ писать,— отвѣтили ему.—Это общее мнѣніе.

— И пусть на здоровье пишутъ, а лучше все-таки не будетъ,— сказалъ онъ.— Вотъ подождите, баронъ Кистеръ еще худшихъ артистовъ пригласитъ. Каждый, кто можетъ, свою любовницу на театръ пристроитъ, свою горничную въ труппу помѣститъ, тысячи назначитъ имъ въ жалованье, а вы будете смотрѣть и ничего не подѣлаете.

— Ну, всему есть предѣлъ!

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что нѣтъ предѣла. И совершенно напрасно это люди пѣтушатся у себя въ четырехъ стѣнахъ или въ газетахъ сыплютъ громы и молніи,—никто на нихъ и вниманія не обращаетъ. Захотятъ, чтобы собачью комедію смотрѣли — и будете только собачью комедію смотрѣть, потому что другого ничего вамъ смотрѣть не позволятъ. Это, впрочемъ, и прекрасно. Если общество ничего лучшаго не стоитъ, такъ не зачѣмъ и заботиться ему давать что-нибудь лучшее.

— То-есть какъ же это — общество не стоитъ ничего лучшаго?

— Да такъ же: если не даютъ,—значитъ, считаютъ, что оно не стоитъ.

— Но это все зависитъ отъ неудачнаго выбора завѣдующаго.

— А вы думаете, что болѣе удачный выборъ будетъ сдѣланъ ради толковъ въ обществѣ и въ литературѣ?

— Да... но такъ же нельзя...

— А выходитъ, что можно.

Онъ начиналъ ловить людей на этихъ мелочахъ, допекать ихъ разспросами, лучше ли пошло то или другое дѣло вслѣдствіе несочувствія къ нему общества, произвело ли какую-нибудь перемѣну въ дѣлѣ настроеніе общественнаго мнѣнія. Особенное нерасположеніе начали вызывать тогда, какъ всякая новизна, преподаваніе древнихъ языковъ и вызовъ для этого учителей-чеховъ. Орловъ иногда выводилъ изъ терпѣнія матерей и отцовъ, жаловавшихся на это въ тревогѣ за участь своихъ дѣтей.

— Что-жъ, нужно принудительныя мѣры употреблять, чтобы заставить дѣтей учиться, — съ серьезнымъ видомъ говорилъ онъ.

— Да, но вы поймите, что мы сами сознаемъ безплодность древнихъ языковъ и кромѣ того, при такихъ учителяхъ трудно учиться.

— Ну, да вѣдь этихъ языковъ для вашихъ дѣтей не отмѣнятъ, учителей лучшихъ не заведутъ, дипломы же вашимъ дѣтямъ нужны,—значитъ, и надо пристращать дѣтей и заставить ихъ хорошо учиться, во что бы то ни стало. А то вѣдь или выйдутъ изъ нихъ недоучившіеся агитаторы, или съ горя пулю они пустятъ въ лобъ себѣ, сорвавшись на экзаменахъ.

— Хладнокровно вы объ этомъ разсуждаете, потому что у васъ дѣтей нѣтъ.

— Ну, а вы что думаете сдѣлать? — насмѣшливо спрашивалъ Орловъ.

Отвѣта не находилось.

Эта желчность усилилась еще болѣе, когда въ одинъ прекрасный день Орлова позвали въ III отдѣленіе. Это было совершенно неожиданно.

— Митя, тебя спрашиваетъ какой-то жандармъ-солдатъ,— съ испугомъ проговорила Анна Андреевна, входя въ его комнату.

Дмитрій Андреевичъ вздрогнулъ. Жандармъ? Зачѣмъ? Онъ вышелъ въ кухню. Солдатъ подалъ ему повѣстку. Его приглашали въ III отдѣленіе. Въ повѣсткѣ не значилось ничего, что объясняло бы приглашеніе.

— Митя, это опять арестъ? — спросила пугливо Анна Андреевна.

— Нѣтъ... Какой-нибудь вздоръ... Но что имъ надо? Что случилось?—произнесъ Дмитрій Андреевичъ, разсматривая ничего не объяснившую бумажку.—Ты не безпокойся, Аня, это какіе-нибудь пустяки. Но надо ѣхать.

Онъ одѣлся и поѣхалъ. У воротъ противъ церкви Пантелеймона ему указали, куда идти. Пройдя дворъ, онъ вошелъ въ небольшой подъѣздъ, поднялся по лѣстницѣ въ узкій коридоръ и остановился. Тутъ было пусто. Черезъ нѣсколько минутъ онъ увидалъ какого-то солдата и спросилъ снова, куда идти. Его провели въ одну изъ дверей, и онъ очутился въ небольшой комнатѣ съ однимъ окномъ и тремя дверями. Передъ окномъ стоялъ большой покрытый сукномъ столъ. Прошло еще двѣ-три минуты, и къ нему вышелъ изъ дверей слѣва отъ окна, жандармскій офицеръ.

— Г. Орловъ?—спросилъ онъ.

— Да.

— Присядьте!

Офицеръ скрылся въ дверяхъ направо отъ окна. Прошла томительно четверть часа. Боковая дверь съ правой стороны снова отворилась, и въ комнату вошли два человѣка: тотъ же офицеръ и статскій. Статскій господинъ повторилъ вопросъ офицера.

— Какія у васъ были отношенія къ студенту Иванову?— спросилъ статскій.

— Къ какому Иванову? Я зналъ многихъ Ивановыхъ.

— Къ Аркадію...—статскій остановился и заглянулъ въ бумагу, бывшую у него въ рукахъ,—къ Аркадію Ардальоновичу Иванову,—сказалъ онъ.

— Никакихъ,—отвѣтилъ Орловъ.
— Нѣтъ, вы были знакомы.
— Можетъ-быть, встрѣчались, но и только.
— Припомните получше.
— Право, ничего не могу припомнить...
— У него нашли бумагу, писанную вашей рукой.
— Какую?
— Ну, ужъ будто вы не можете вспомнить!

Статскій господинъ пожалъ плечами. Орловъ отвѣтилъ отрицательно.

— У него была бумага, гдѣ вы спрашивали о положеніи рабочихъ.

— А! — воскликнулъ Орловъ, понявъ, въ чемъ дѣло. — Это просто программа для доставленія мнѣ свѣдѣній о рабочихъ. Я задумывалъ большой трудъ по этому предмету и просилъ Иванова во время лѣтнихъ вакацій собрать мнѣ отвѣты на мои вопросы.

— Но у него нашлось два экземпляра этихъ вопросовъ.

— Могло найтись и три, и четыре... Не одинъ же Ивановъ долженъ былъ собрать мнѣ свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ...

— А дальнѣйшія ваши сношенія съ Ивановымъ?

— Дальнѣйшихъ не было.

— Припомните.

— Чего же мнѣ припоминать, когда ихъ не было. Онъ даже не возвратилъ мнѣ не только отвѣтовъ, но и моихъ листковъ...

— Да?

Статскій господинъ взялъ листъ бумаги и положилъ его на столъ.

— Потрудитесь все это изложить здѣсь письменно,— сказалъ онъ.

Жандармскій офицеръ и статскій удалились. Орловъ остался одинъ. Онъ сѣлъ къ столу и наскоро написалъ показаніе. Писанье было давно кончено, а между тѣмъ никто не являлся. Кругомъ царствовала томящая тишина, точно кругомъ все вымерло. Минуты тянулись невообразимо медленно. Наконецъ дверь снова отворилась, и вошли тѣ же лица. Статскій господинъ взялъ исписанный Орловымъ листъ, прочелъ написанное, еще разъ спросилъ Орлова, все ли это, что онъ знаетъ, и наконецъ произнесъ:

— Теперь вы свободны!

— Я думаю!—сорвалось съ языка у Дмитрія Андреевича.

Статскій господинъ нахмурилъ брови.

— Да, но это вовсе не значитъ, что васъ не потребуютъ для очной ставки...

— Я думаю, это вовсе не нужно, такъ какъ господинъ Ивановъ не могъ же сказать ничего другого, кромѣ того, что сказалъ я, а мы, кажется, сговориться не могли.

— Да... но ужъ позвольте намъ знать, что нужно и что не нужно,—сухо сказалъ статскій господинъ и отдалъ кому-то приказаніе отворить выходную дверь.

Орловъ вздохнулъ свободнѣе, вырвавшись въ коридоръ, далъ зачѣмъ-то полтинникъ на чай сторожу, подавшему ему пальто, и безъ оглядки помчался домой. Дѣло было пустое, ничтожное, но этотъ визитъ оставилъ тяжелый слѣдъ въ душѣ. Его не забыли! Его могутъ еще позвать! А что если этихъ Ивановыхъ найдется не два, не три, а десятки? Какъ тогда взглянутъ на эти листки съ вопросными пунктами? Что если вдругъ опять... Онъ боялся договаривать эту мысль о новомъ удаленіи изъ Петербурга, сознавая, что теперь удаленіе будетъ окончательною гибелью для него. Теперь удалятъ не на мѣсто. Теперь удалятъ не въ большой городъ, не на югъ, а куда-нибудь въ трущобу на сѣверъ. И по дѣломъ, и жаловаться нельзя! Всѣ эти мысли вовсе не способствовали успокоенію, а напротивъ того еще больше поднимали желчь.

Въ такомъ настроеніи застало его событіе, отвлекшее его на время отъ общественныхъ интересовъ. Это событіе нужно было давно предвидѣть, но именно о немъ-то почти и не думалъ Орловъ. Старикъ Лампадовъ быстрыми шагами приближался къ могилѣ, попрежнему упорно отказываясь отъ призыва докторовъ и священника. Орловъ нерѣдко посѣщалъ старика, но какъ-то не всматривался въ него, не обращалъ вниманія на измѣненія въ больномъ, все еще старавшемся бодриться. Зато Анна Андреевна была насторожѣ, подмѣчала перемѣны въ больномъ, отмѣчала каждую новую морщинку на его лицѣ и устроила съ Магдалиной заговоръ противъ брата.

— Пусть братецъ говоритъ, что хочетъ, а нельзя же, Магдалинушка, такъ оставить человѣка умереть безъ покаянія и бросить его имущество казнѣ,—говорила она, шушукаясь тайкомъ съ вѣрною домоправительницей Лампадова.

— Что говорить, что говорить!—соглашалась добродушная и простоватая Магдалина.—Я и Дмитрію Андреевичу это говорила, такъ и слушать не захотѣлъ.

— Ну, да, братецъ тамъ какъ-то странно на это смотритъ, я и не пойму, какъ... Но мы и безъ него обойдемся, если иначе нельзя.

Анна Андреевна вздыхала: ей было тяжело сознавать, что братъ ея сильно измѣнился, что онъ не такъ смотритъ на вещи, какъ она, что онъ не долюбливаетъ ея монахинь и странницъ, что онъ скорѣе заодно съ отцомъ, чѣмъ съ ней. Еще ни разу не высказался Дмитрій Андреевичъ въ этомъ духѣ, но она это угадывала чутьемъ, по отрывочнымъ фразамъ, по досадливымъ восклицаніямъ брата:

— И что это къ намъ нынче эти плакальщицы шляются!

Анна Андреевна молчаливо выносила эти замѣчанія, извѣдавъ по опыту, что объясненія по поводу разныхъ монахинь могутъ привести къ плачевнымъ результатамъ. Она какъ-то разъ попробовала вступиться за нихъ.

— Братецъ, надо же намъ и о душѣ подумать!—сказала она.

— А онѣ оттого-то, вѣрно, и думаютъ о чужихъ карманахъ, что о своихъ душахъ имъ ужъ нечего думать,—отвѣчалъ братъ и довольно рѣзко добавилъ:—Спасая душу, ты бы лучше подумала о тѣхъ, кто гнетъ спину, добывая деньги: отцу пора бы и отдохнуть.

— Ахъ, братецъ,—воскликнула она:—вы не знаете...

Онъ перебилъ ее тономъ, не терпящимъ возраженія:

— Я знаю только то, что отецъ несетъ въ домъ деньги не для того, чтобы ты ихъ тратила на эту саранчу. И въ одинъ прекрасный день ты дождешься того, что онъ броситъ домъ и уйдетъ.

— Отъ него и этого можно ждать!—съ горечью сказала она.

— Да и отлично сдѣлаетъ, потому что потакать твоимъ желаніямъ—кормить эту орду—ему не приходится. Если бы ты, Аня, побольше о душѣ думала, такъ ты бы больше заботилась о старикѣ, чаще бы вспоминала предсмертныя слова матери о томъ, что мы должны беречь отца.

Анна Андреевна заплакала.

— Не я забыла маму, не я!—воскликнула она.—Вы не знаете, братецъ...

— Я знаю все и лучше всего знаю то, что старикъ никогда не слыхалъ отъ тебя ласковаго слова и все-таки кормитъ тебя,—твердо сказалъ Дмитрій Андреевичъ, не желая слышать отъ сестры никакихъ сплетенъ объ отцѣ.

Анна Андреевна какъ будто испугалась этого тона и молящимъ голосомъ проговорила:

— Если бы вы, братецъ, выслушали, что я разскажу про него...

— И вѣрно что-нибудь дурное, скверное?

— Да... вотъ послушайте...

— Стыдись, Аня! Не дочери разсказывать про отца и не сыну это слушать,—перебилъ ее Дмитрій Андреевичъ.— Въ какихъ это священныхъ книгахъ ты вычитала, что ты, дочь, смѣешь судить отца? Да если ты сотни лѣтъ будешь молиться, такъ Богъ тебѣ не проститъ именно того, что ты была дурною, очень дурною дочерью.

Анна Андреевна, вся взволнованная, со слезами на глазахъ, не ожидала такого оборота рѣчи и слушала брата съ широко открытыми глазами.

— И знай, Аня, что первое дурное слово объ отцѣ, которое ты мнѣ скажешь, заставитъ меня забыть все, все прошлое,—продолжалъ братъ.—Я многимъ обязанъ тебѣ; но если мнѣ придется выбирать между тобой и отцомъ, я, конечно, стану на его сторону, хоть бы тебѣ пришлось погибнуть. Слышишь? Я живу здѣсь, я не переѣзжаю отсюда только потому, что я вижу твои отношенія къ отцу и хочу хоть немного оградить старика отъ вѣчныхъ шипѣній и нападокъ. Ты думаешь, я слѣпъ? Ты думаешь, я не увидалъ съ перваго раза, что ты заѣдаешь его жизнь? Святоша, отъ которой родной отецъ готовъ петлю надѣть на шею! Не за это ли Богъ наградитъ тебя?

Анна Андреевна, задѣтая за самыя чувствительныя мѣста, разразилась рыданіями. Не обращая на нее вниманія, братъ вышелъ изъ комнаты. Она долго не могла придти въ себя и хоть немного успокоиться.

«Я же о нихъ, только о нихъ забочусь и убиваюсь, и они же всѣ на меня возстаютъ!—думала она.—Что-жъ, пусть, пусть! И святыя мученицы терпѣли. И ихъ гнали и мучили люди за то, что онѣ имъ же добра желали. Я, конечно, знаю, что и отцу, и брату не легко добывать деньги,— сама добывала, всю молодость, всю жизнь на это убила. Но развѣ можно жалѣть на церковь, на то, чтобы за насъ молились? Да я послѣднее съ себя оборву, во всемъ себѣ откажу, чтобы свою душу и ихъ души спасти! Они-то этого не понимаютъ, о земномъ только думаютъ, оттого имъ и жаль денегъ на святое дѣло. Конечно, если бы дядя Лампадовъ оставилъ намъ все, намъ бы легче было. И за его душу, и за свою было бы изъ чего приношенія дѣлать. Вотъ братецъ тоже и объ этомъ думать запрещаетъ. А куда

деньги старика пойдутъ? Развѣ казна станетъ молиться за него? Тысячи возьмутъ, а ни одной панихиды не отслужатъ, безбожники! Тоже и причаститься старикъ не хочетъ, такъ въ грѣхахъ и умретъ, если не настоять. Конечно, изъ ума выживаетъ, обдумать не можетъ, что его ждетъ. Такъ развѣ на это можно близкому-то человѣку равнодушно смотрѣть? У меня нутро все переворачивается, какъ я вспомню о старикѣ».

Эти думы все сильнѣе и сильнѣе развивались въ ея головѣ. Она раздумывала: «Скоплено, скоплено у Лампадова. Можетъ-быть, и выигрышные билеты есть. Тоже, имѣя билетъ, выиграть можно. Двѣсти тысячъ можно выиграть на одинъ билетъ! Господи, сколько бы можно вкладовъ сдѣлать въ храмы Божіи изъ двухсотъ тысячъ! Вѣчно, вѣчно поминали бы, и ко святымъ мѣстамъ можно бы съѣздить, въ Кіевъ, въ Соловки... Въ Іерусалимъ при такихъ деньгахъ-то можно бы съѣздить! А у дяди есть... Не даромъ же всѣ его крестники и крестницы и она сама никогда не получали отъ него отказа. То двадцать пять рублей сунетъ, то и пятьдесятъ. Не имѣя отложенныхъ денегъ, не станешь давать,—не изъ чего. Но гдѣ у него деньги? Если бы причастить его, можно бы уговорить священника, чтобъ онъ посовѣтовалъ старику сдѣлать духовную или такъ передать деньги изъ рукъ въ руки имъ, Орловымъ. Безъ духовной все можетъ пропасть: придетъ полиція, опечатаетъ. А получись наслѣдство, стало бы и имъ легче: братъ могъ бы и не давать денегъ на семью; отецъ... ну, пусть бы тогда несъ на сторону деньги,—она, Анна Андреевна, обошлась бы тогда и безъ его денегъ и замолила бы его грѣхи.

Старику Лампадову между тѣмъ становилось все хуже, и Анна Андреевна, несмотря на его волненіе и раздражительные отвѣты, часто приставала къ нему съ предложеніями позвать священника. Старикъ не сдавался, сердился и запретилъ ей говорить объ этомъ. Но она не выдержала. Въ одно прекрасное утро она рано вышла изъ дому къ ранней обѣднѣ; послѣ обѣдни она повидалась съ своимъ духовникомъ, отцомъ Павломъ, и потомъ пришла къ Лампадову. Старикъ былъ очень плохъ и сдѣлалъ недовольную гримасу при видѣ Анны Андреевны.

— Ну, какъ вы себя чувствуете?—заискивающимъ тономъ спросила она, цѣлуя его руку.

— А ты докторомъ сдѣлалась, Аннушка?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, но...

— Ну, а не докторъ, такъ и толку мало выйдетъ изъ того, что я скажу тебѣ, какъ я себя чувствую,—отрывисто проговорилъ онъ и закрылъ глаза.

Она помолчала, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Она все утро на колѣняхъ молилась о томъ, чтобы Богъ вразумилъ ее насчетъ этого дѣла; она совѣтовалась объ этомъ и съ отцомъ Павломъ, но тѣмъ не менѣе ее охватывало смущеніе при видѣ сурового старика.

— Вамъ бы могло гораздо лучше сдѣлаться,—начала она не смѣло.

— А ты думаешь, что я очень желаю, чтобы мнѣ лучше стало?—тѣмъ же насмѣшливымъ, слегка раздражительнымъ тономъ спросилъ старикъ, на мгновенье открывъ глаза.

— То-есть вы бы спокойнѣе стали, дядя, гораздо спокойнѣе, если бы пригласить батюшку, — сказала Анна Андреевна.

— Ты что же это меня, Аннушка, опять сердить пришла?—сурово сказалъ старикъ, уже волнуясь и тяжело дыша.—Я, Аннушка, не дитя и знаю лучше тебя, что мнѣ нужно и отъ чего мнѣ лучше и спокойнѣе. Можетъ-быть, мнѣ именно только то и нужно, чтобы ты не безпокоила меня.

— Дядя, голубчикъ, не сердитесь!.. Я для васъ же...

Она со слезами на глазахъ нагнулась поцѣловать его руку. Онъ слегка сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Оставь! Мнѣ поцѣлуи не нужны!.. Точно ребенка... раздразнятъ, а потомъ приголубливаютъ,—проговорилъ онъ.

— Да отчего же вы не хотите, дядя?

— Что я тебѣ стану объяснять? Не поймешь меня, все равно. Ну, не хочу, потому что для меня это дѣло не шутка, не игра. Вы вонъ накуралесите и къ попу бѣжите каяться,—думаете, что грѣхи-то, какъ съ гуся вода, съ васъ сойдутъ... Вѣришь въ это, такъ нужно къ этому съ благоговѣніемъ приступать, приготовиться... А такъ-то, какъ вы, это кощунство одно.

— Дядя, да вѣдь нельзя же безъ покаянія.

— Передъ кѣмъ каяться?.. Я, можетъ-быть, каждый день въ каждомъ грѣхѣ каюсь передъ Богомъ... А звать священника, игравшаго со мной въ картишки да ссорившагося изъ-за нихъ... Нѣтъ, Аннушка, ты не поймешь все равно этого... Никогда не поймешь...

Онъ нетерпѣливо махнулъ рукой, оборвавъ рѣчь. Ему было трудно говорить.

Но она рѣшилась идти къ своей цѣли.

— Вѣдь это не я одна говорю, дядя!—продолжала она.— Конечно, меня вы считаете глупой и неученой, но вѣдь это же говорятъ и почтенные люди, которыхъ нельзя не уважать...

— Аннушка!—чуть не съ угрозой произнесъ больной, постучавъ по ручкѣ креселъ.

— Вотъ мнѣ отецъ Павелъ попался сегодня...

— А, такъ ты и къ священнику уже забѣгала?!—воскликнулъ старикъ обрывающимся голосомъ.

— Онъ, дядя, мнѣ попался...

— Не лги, не лги!—крикнулъ Лампадовъ.—Какъ тебѣ не стыдно... лгать умирающему!.. Въ Бога-то вы не вѣрите, въ обряды одни вѣрите...

Онъ былъ внѣ себя отъ волненія. У него перехватывало дыханіе.

— Дядя, голубчикъ, не сердитесь! Я для васъ же, для вашей души!—со слезами воскликнула Анна Андреевна.

— Ступай, ступай!—махнувъ ей рукою, сказалъ старикъ.

Но она не уходила: ей нужно было кончить начатое дѣло, такъ какъ послѣ поздней обѣдни долженъ былъ придти къ Лампадову отецъ Павелъ.

— Вѣдь отъ этого вамъ не будетъ хуже, милый, дорогой!— заговорила она молящимъ тономъ.—Отецъ Павелъ умный человѣкъ,—ну, придетъ онъ...

Старикъ поднялъ голову.

— А, такъ ты ужъ и распорядилась? Да какъ ты смѣла, какъ смѣла?..

— Все же и распоряженіе сдѣлаете,—невольно сорвалось съ ея языка.

Старикъ съ расширенными зрачками вдругъ поднялся съ мѣста.

— Хищники и фарисеи!—хрипло крикнулъ онъ.—Вонъ, вонъ отъ меня!.. Слы-шишь?.. Слы-шишь?..

Онъ зашатался и грузно, задыхаясь, схватившись рукой за воротъ рубашки, упалъ снова въ кресло. Анна Андреевна бросилась къ нему. Онъ съ трудомъ дышалъ, одна рука судорожно сжимала ручку кресель, другая трепетала около шеи, точно безсознательно ища вороть рубашки, пуговицу у этого ворота, душившаго шею. Анну Андреевну охватилъ ужасъ. Она въ тревогѣ, какимъ-то глухимъ крикомъ, позвала Магдалину. Служанка вбѣжала изъ кухни. Старикъ вдругъ запрокинулъ назадъ голову и едва внятно прошепталъ:

— Господи, прости мои согрѣшенія...

Потомъ изъ его груди вылетѣлъ широкій полный вздохъ, рука скатилась отъ шеи на колѣни, и голова снова упала на грудь. Растерявшіяся женщины засуетились, схватили графинъ съ водою и стаканъ, стали ощупывать и тормошить старика: онъ былъ уже мертвъ.

— Умеръ, умеръ!—пронеслись воплемъ ихъ восклицанія.— Надо дворника позвать... Въ полицію дать знать... Господи, все опишутъ, все разграбятъ...

Стукъ сброшенныхъ на полъ въ кухнѣ дровъ заставилъ ихъ очнуться. Онѣ выбѣжали въ кухню; тамъ дворникъ укладывалъ дрова въ деревянный ящикъ.

— Случилось что-нибудь?—спросилъ онъ, увидавъ женщинъ въ такой тревогѣ, въ слезахъ.

— Умеръ, умеръ Феопемптъ Григорьевичъ!—воскликнула Магдалина.

— Надо полиціи дать знать,—сказалъ дворникъ.

— Господи, сейчасъ придутъ... опишутъ!—воскликнула Анна Андреевна.

Дворникъ вышелъ. Черезъ минуту въ кухню уже вбѣжала какая-то баба-сосѣдка, услыхавшая новость. Начались разспросы.

— Опишутъ, опишутъ все! Разграбятъ грабители!—кричала почти безсознательно Анна Андреевна, хватаясь за голову и мечась по кухнѣ.

— Да вѣдь вы одни наслѣдники,—замѣтила женщина.

— Одни, одни; никѣмъ никого нѣтъ больше,—сказала Магдалина.

— И хоронить намъ придется, а все въ казну, въ казну заберутъ,—плакала Анна Андреевна.

— Да ты посмотри, мать, что спасти можно! Не отдавать же такъ зря всего,—посовѣтовала баба.

— Онъ изъ бюра деньги доставалъ, тамъ бумажникъ, да портфель, да ящичекъ у него,—сказала Магдалина.

— Осмотрѣть нужно!—посовѣтовала сосѣдка.

Женщины бросились въ комнату покойника и столпились у бюро. У нихъ дрожали руки и ноги, и ключи не сразу попадали въ замки. Начались обыскъ и осмотръ всего, торопливое доставанье бумажниковъ, портфелей,—всего, въ чемъ можно было предполагать деньги.

— Бери, бери, мать, покуда не пришли! Что казна-то ему—сестра родная, что ли, что ей отдавать!—говорила сосѣдка.

— Хоронить-то они же будутъ, а не казна,—замѣтила Магдалина.

— Охъ, тошно мнѣ! Охъ, тошно!—рыдала Анна Андреевна, забирая вещи.

А покойникъ все еще покоился въ креслѣ съ опущенною внизъ головой и, казалось, улыбаясь холодною улыбкой, смотрѣлъ полуоткрытыми стеклянными глазами на этотъ грабежъ.

— Бѣги, бѣги, пока не пришли грабители-то!—говорила Аннѣ Андреевнѣ сосѣдка.

— А какъ же обмыть-то, положить на столъ,—сказала Анна Андреевна, взглянувъ невольно на покойника и почувствовавъ вдругъ, что у нея пробѣгаетъ по спинѣ холодъ. Полуоткрытые тусклые глаза, казалось, смотрѣли прямо на нее.

— Сдѣлаемъ все, безъ тебя сдѣлаемъ... Уноси только!— сказала сосѣдка, уже распоряжавшаяся и говорившая, какъ власть имѣющій человѣкъ.

Когда Анна Андреевна, пряча подъ верхней одеждой забранное имущество, ушла домой, сосѣдка проговорила:

— Слава тебѣ, Господи, хоть деньги-то спасли. Пусть рухлядь-то описываютъ. Тоже бѣдные люди, что осталось— пригодится...

Она и Магдалина принялись за покойника. Онъ уже остылъ.

Прошло нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ явился приставъ для описи. Онъ прежде всего спросилъ, кто былъ во время смерти старика, все ли въ цѣлости. Магдалина, сосѣдка и возвратившаяся въ квартиру Лампадова Анна Андреевна объявили, что въ минуту смерти были въ квартирѣ только онѣ, и что все находится въ цѣлости. Ихъ заставили расписаться. Сосѣдка-баба вдругъ заговорила жалобнымъ и плачущимъ тономъ, объявляя, что она, «вотъ-те Христосъ, неграмотная, пера въ рукахъ никогда отродясь не держала»; за нее расписался дворникъ и все время, покуда онъ расписывался, она крестилась и охала. Магдалина, когда пришла ея очередь, тоже не безъ страха взялась за перо и нацарапала дрожащею рукой очень неразборчиво свое имя и свою фамилію. Послѣ нея взяла въ руки перо Анна Андреевна и дрогнула. Ей стало вдругъ такъ жутко, такъ тяжело расписываться въ томъ, что было очевидною ложью. Она какъ-то растерянно поглядѣла въ уголъ, гдѣ лежалъ покойникъ, на мгновеніе отложила перо, перекрестилась дрожащею рукой и, снова взявъ перо, начала выводить какія-то кара-

кули на бумагѣ. Ее била лихорадка. Внезапно у нея исчезло сознаніе, что она была въ правѣ такъ поступить, что безъ этого все взяла бы казна, что нужно же было хоть для того взять, чтобы схоронить старика; въ головѣ стучало, какъ молоть, одно слово: «ограбили, ограбили!» И ей казалось, что всѣ уже это знаютъ, что приставъ глядитъ ей въ глаза какъ-то подозрительно и недовѣрчиво, что дворникъ недаромъ какъ-то многозначительно почесываетъ въ затылкѣ и вздыхаетъ. Всѣ страхи передъ полиціей, передъ судомъ, привитые къ ней уже съ дѣтства, вдругъ воскресли въ ея душѣ, и кто-то точно нашептывалъ ей знакомыя бѣднякамъ слова: «затаскаютъ, засудятъ, какъ липку оберутъ, съ полиціей только свяжись; отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся!» А покойникъ глядитъ на нее съ холодной улыбкой презрѣнія, точно хочетъ упрекнуть ее за то, что она глазъ ему не закрыла родственною рукой, принявшись за грабежъ, что она ради этого грабежа въ могилу его свела, на нѣсколько часовъ или дней сократила его жизнь. Она вернулась домой точно пришибленная, точно разбитая, съ помутившимися глазами...

Когда вечеромъ Дмитрій Андреевичъ вернулся домой и засталъ Анну Андреевну съ отцомъ еще не спящими, онъ чуть не вскрикнулъ. Сестра была неузнаваема. Она постарѣла на нѣсколько лѣтъ.

— Что съ тобой, Аня?—спросилъ онъ.

Андрей Ивановичъ махнулъ рукой.

— Дядя Лампадовъ приказалъ долго жить!—сказалъ онъ.

— Что ты? Ахъ, бѣдняга, бѣдняга!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ взволнованнымъ голосомъ.—Когда?.. Разскажите, какъ...

Онъ присѣлъ къ столу. Андрей Ивановичъ коротко сообщилъ, что̀ зналъ о смерти старика. Анна Андреевна тихо всхлипывала.

— Полно, Аня!—сказалъ ласково Дмитрій Андреевичъ.—Этого надо было ждать... Наконецъ, надо же было нашему доброму старику и успокоиться... Зачѣмъ себя разстраивать этою смертью: онъ самъ только ея и желалъ,—тоже не легко ему было жить въ послѣднее время одинокому, больному.

Анна Андреевна продолжала безмолвно плакать, не смѣя проронить ни слова. Она сознавала теперь вполнѣ, какія чувства взволнуютъ брата, когда онъ узнаетъ все и о ея грабежѣ, и о ложной подпискѣ...

— Митя,—сказалъ серьезно Андрей Ивановичъ.—Аннушка

не о томъ плачетъ... Ты не сердись и выслушай... Она женщина и человѣкъ простой,—ни законовъ тамъ разныхъ не знаетъ, ничего...

— Отецъ, что случилось-то? — спросилъ нетерпѣливо Дмитрій Андреевичъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Да ты не волнуйся и не горячись,—сказалъ ласково Андрей Ивановичъ.—Какъ вотъ умеръ старикъ, прибѣжала тутъ какая-то сосѣдка,—извѣстно, всегда эти вороны вовремя слетятся,—стала она съ Магдалиной ахать да охать, убиваться, что какъ, молъ, это духовной старикъ не оставилъ... Ихъ тоже это дѣло!.. Ну, и сунули Аннушкѣ, Аннушкѣ-то нашей, какіе-то бумажники и портфели, гдѣ у старика деньги были... Ну, Аннушка растерялась... Да какъ, Митя, и не растеряться... И мы бы съ тобой растерялись,—вѣдь старикъ-то такъ вдругъ умеръ у нея на глазахъ...

Дмитрій Андреевичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Андрей Ивановичъ положилъ свою руку на его руку, какъ бы желая успокоить и остановить его на первомъ словѣ.

— Аннушка-то, говорю я, растерялась и принесла все это домой,—продолжалъ старикъ.—Меня не было, къ несчастью, дома не было, а то я разъяснилъ бы... Ну, а тутъ за ней прислали, такъ какъ приставъ пришелъ туда... Или нѣтъ, сама она пошла туда и застала тамъ пристава... Ну, онъ опросилъ, все ли въ цѣлости, не бралъ ли кто чего, кто былъ при смерти, и заставилъ расписаться всѣхъ, что все въ цѣлости находится... Аннушка не знала, что ее могутъ заставить дать эту расписку... Оно пустяки, но знаешь, женщины-то—трусихи: боится, что взяла, а расписалась, что не брала...

Дмитрій Андреевичъ не могъ ни слова выговорить. Въ его ушахъ звучалъ такой мягкій голосъ старика, его руку сжимала старческая рука отца, какъ будто прося молчать, не горячиться, не выговаривать несчастной дѣвушкѣ. Анна Андреевна сидѣла, не шевелясь и тихо плача, какъ бы ожидая что вотъ-вотъ братъ крикнетъ на нее. Дмитрій Андреевичъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Надо перебрать эти бумаги,—сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Награбленное сосчитать! — рѣзко произнесъ Дмитрій Андреевичъ.

Анна Андреевна сильнѣе залилась слезами.

— Лежачаго, Митя, не бьютъ, голубчикъ... Не хорошо это,—сказалъ старикъ, покачавъ головою.—Считать много не

придется,—у старика-то если есть пятидесяти-рублевка, такъ и то слава Богу... Я-то вѣдь видѣлъ, какъ онъ вещи продавалъ, чтобы людямъ помочь... Говаривалъ онъ мнѣ тоже часто, что у него ничего нѣтъ... Бабье разное, родственники разные не вѣрили этому, а я-то зналъ старика, зналъ... Не лгалъ онъ никогда... Я и вѣрилъ ему, и всѣхъ убѣждалъ, что у него точно ничего нѣтъ... Ну, да люди самому Христу не повѣрятъ, когда дѣло идетъ о деньгахъ...

Онъ взялъ сына подъ руку и вывелъ въ другую комнату, гдѣ лежали вещи, принесенныя отъ Лампадова, черный потертый портфель, красный облупившійся бумажникъ съ выцвѣтшей вышивкой, какая-то шкатулка безъ ключа, пара завернутыхъ въ бумагу тетрадей и т. п. Взглянувъ на эти вещи, занимавшія очень немного мѣста, Дмитрій Андреевичъ вдругъ что-то сообразилъ и спросилъ отца:

— Но вѣдь приставъ, вѣрно, не дѣлалъ еще описи?

— Не дѣлалъ... Что же при покойникѣ-то опись дѣлать...

— Такъ отнести все это назадъ!.. Никто и не замѣтитъ. Не надо намъ этого...

Старикъ усмѣхнулся.

— Митя, Митя,—проговорилъ онъ:—это и сжечь можно,—намъ потери не будетъ и казнѣ убытка не будетъ... Хламъ это... Толковъ не выжжешь, изъ совѣсти сознанія не выжжешь у человѣка, что онъ о покойникѣ забылъ, а о грабежѣ думалъ... Вотъ, Митя, чего не поправишь...

Старикъ взялъ сына за руку и посадилъ рядомъ съ собою на диванъ.

— Не узналъ и я Аннушку, когда я сегодня домой пришелъ,—заговорилъ онъ тихо, держа Дмитрія Андреевича за руку.—Не узналъ! Немного часовъ прошло, а въ эти часы она десять лѣтъ пережила,—нѣтъ, больше, Митя, вѣка пережила... Сгоряча она все похватала, потому что ужъ очень бѣдность-то ее пришибла, очень хотѣлось наслѣдство получить на разныя богомолья, а какъ пришлось ей расписаться, что никто ничего не бралъ, какъ пришлось передъ людьми ложь написать да увидать, что и эти люди, и Богъ—всѣ знаютъ, что она лжетъ... Да какъ увидала она мертваго старика, забытаго ею въ минуту его смерти ради денегъ, тутъ, Митя, все перевернулось въ душѣ, все позабылось, все отпало, кромѣ грѣха... Я вотъ, Митя, когда пришелъ домой да рухнулась она къ ногамъ моимъ, стала мнѣ руки да ноги цѣловать, все понялъ... Четыре часа мы съ ней говорили, и понялъ я все, и все простилъ, Митя...

Старикъ положилъ на колѣни сына руку и продолжалъ:

— Вотъ я тебѣ говорилъ, почему я сошелся съ Марѳой... Вѣдь со стороны взглянешь—и дурно это, и смѣшно это, не по моимъ лѣтамъ; а вникни во все—и увидишь, что изстрадался человѣкъ и въ забвеніи на грѣхъ пошелъ... Такъ и она Аннушка-то наша, тоже изстрадавшійся человѣкъ... Нуждалась она, изъ чужихъ рукъ всю жизнь смотрѣла,—то у матери, то у меня, то у тебя должна была гроши выпрашивать, съ самой колыбели, до старости выпрашивать, и то выпрашивать, что даже и заработала сама,—а тутъ вдругъ—возможность разбогатѣть, и это богатство вотъ-вотъ и вырвутъ чужіе люди изъ рукъ,—ну, и согрѣшила, согрѣшила, забывъ всѣхъ и все... Согрѣшила въ минуту забвенія, а каяться... она, Митя, она до самой смерти каяться будетъ... Теперь каждая сосѣдка ей будетъ напоминать о грѣхѣ; теперь, Митя, если мы дядю плохо похоронимъ, ей будутъ говорить: «Ограбить-то ограбили, а похоронить-то порядочно не могли...» И еще тяжелѣе ей будетъ то, что тутъ ничего нѣтъ,—Андрей Ивановичъ указалъ на вещи Лампадова,—а мы, ея родные, близкіе разоряться должны, чтобы только ее не корили тѣмъ, что изъ награбленнаго и похоронить порядочно не хотѣли старика...

Старикъ поднялся съ мѣста и дѣловымъ тономъ сказалъ:

— Да, да, надо похоронить поприличнѣе, порастрястись... Тутъ-то, вѣрно, немного найдется...

Онъ подошелъ къ вещамъ Лампадова и сталъ разбирать ихъ. Денегъ нашлось около сорока рублей. Но зато тутъ было нѣсколько квитанцій на заложенныя вещи, нѣсколько расписокъ, говорившихъ, что у Лампадова куплены такія-то и такія вещи. Дмитрій Андреевичъ неохотно приступилъ къ разбору этихъ бумагъ, записокъ, тетрадей, но, мало-по-малу, его заинтересовали невольно всѣ эти бумаги. Вотъ квитанція, помѣченная числомъ мѣсяца и года, говорившая о залогѣ въ пятидесяти рубляхъ дорогой старинной вещи. А вотъ тѣмъ же числомъ помѣчено самимъ Лампадовымъ: «Слава Богу, удалось спасти Мишу. Голодаетъ съ семьею бѣдняга. Досадно только, что больше пятидесяти рублей не дали за часы, а вещь-то сотни рублей на охотника стоитъ». Въ другомъ мѣстѣ старикъ записалъ: «Аннушкѣ сунулъ деньжонокъ. Знаю, что на поповъ да на монашекъ истратитъ,—ну, да что-жъ, если это ее утѣшаетъ. Самъ перебьюсь какъ-нибудь, завтра оборотъ сдѣлаю». А на слѣдующій день тутъ же было написано: «Вотъ и опять съ деньгами я. Продалъ

подсвѣчники. Жаль было, вещи памятныя. Ну, да въ могилу, что ли, ихъ съ собой возьму. На что мнѣ». И этомъ списокъ продажъ и залоговъ, пособій и подарковъ тянулся безконечно. Кто зналъ, какую цѣну имѣли всѣ эти предметы въ глазахъ Лампадова, тотъ—и только тотъ—могъ вполнѣ понять значеніе всѣхъ этихъ продажъ и залоговъ того, съ чѣмъ связано было столько свѣтлыхъ воспоминаній въ душѣ старика. Въ одной изъ записныхъ тетрадей уже въ самомъ концѣ было написано: «Чувствую, что скоро умру. Всѣ напоминаютъ насчетъ духовной. Что завѣщать-то? Ничего нѣтъ. И для чего дѣлить оставшійся хламъ? Будутъ только ругать, что одного забылъ, другого обидѣлъ. Никому ничего не оставлю, можетъ-быть, лучше будетъ: сообразятъ, что и оставлять-то нечего было. А хоронить—Магдалинѣ сказано, чтобы дала знать, какъ умру, Петру Васильевичу Хрущову. Слава Богу, никому въ тягость и послѣ смерти не буду». Эти строки поразили Дмитрія Андреевича, и онъ быстро обернулся къ отцу:

— Вы не знаете, дала знать Магдалина Хрущову о смерти дяди? Онъ пишетъ тутъ.

— Не знаю!.. Такъ мы растерялись, что и не былъ я тамъ еще... Теперь поздно... Завтра ужъ спросимъ...

До поздней ночи просидѣли отецъ и сынъ надъ пожелтѣвшими отъ времени бумагами старика Лампадова, пересматривая трогательныя записочки, сухіе цвѣты, какія-то ленточки и незнакомые портреты, все то, что имѣло, быть-можетъ, такое глубокое значеніе для покойнаго и что теперь потеряло уже весь смыслъ для живыхъ людей. За вечернимъ чаемъ Анна Андреевна появилась безмолвною, подавленною, но воздерживавшеюся отъ слезъ. Андрей Ивановичъ былъ съ ней ласковъ и мягокъ. Дмитрій Андреевичъ тоже не прорвался ни словомъ упрека. На слѣдующій день рано утромъ отецъ и сынъ были уже въ квартирѣ Лампадова. Они спросили Магдалину, дала ли она знать Хрущову о смерти Лампадова. Магдалина такъ и ахнула:

— Изъ ума вонъ! Изъ ума вонъ!—воскликнула она.—А вотъ и записочка у образа на память положена. Строго-настрого баринъ приказывалъ идти по адресу. Да, обезумѣла старая, совсѣмъ обезумѣла...

Дмитрій Андреевичъ рѣшился самъ ѣхать къ Хрущову. Черезъ полчаса онъ былъ уже въ гостиной барской квартиры и къ нему, застегивая на ходу форменный сюртукъ, вышелъ скорой, молодцеватою походкой генералъ, не очень еще старый на видъ, живой и бойкій по манерамъ.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ любезно и пригласилъ рукою Дмитрія Андреевича занять мѣсто.

— Мой дядя Ѳеопемптъ Григорьевичъ Лампадовъ скончался,—началъ Дмитрій Андреевичъ.

— Что вы!—воскликнулъ генералъ и перекрестился.— Эхъ, дня три вотъ собирался къ нему да все дѣла проклятыя... Ну, какъ, раскажите, тихо умеръ, уснулъ, я думаю?..

— Да, въ такіе годы всегда такъ умираютъ... Я каждый день его видѣлъ и все-таки не ждалъ еще наканунѣ этой смерти...

— Да, да, преклонные годы... Я уже почти старикъ, а онъ меня училъ... Какъ же, какъ же, любимый учитель былъ... Ну, честно прожилъ, такіе люди рѣдки... очень рѣдки... Когда вы хороните его? Панихиды когда? Надо дать знать его знакомымъ! Вы, конечно, не всѣхъ изъ его старыхъ учениковъ знаете, такъ это ужъ я распоряжусь... Ахъ, да, я-то хорошъ, говорю о похоронахъ, а главное и забылъ... Извините, я сію минуту вернусь.

Онъ поспѣшно всталъ и той же молодцеватою походкой вышелъ изъ гостиной въ свой кабинетъ. Дмитрій Андреевичъ услышалъ щелканье замка, шуршанье денегъ и какъ-то безотчетно, въ волненіи, поднялся съ мѣста. Кровь хлынула ему къ сердцу.

— Вотъ деньги. Тутъ полторы тысячи,—послышался голосъ хозяина, подававшаго Дмитрію Андреевичу деньги.

— Я... не за помощью, — проговорилъ Дмитрій Андреевичъ, запинаясь.

Генералъ разсмѣялся.

— Я ее и не предлагаю,—отвѣтилъ онъ любезно.—Вы, вѣроятно, не знали, что у меня хранились деньги нашего покойнаго друга именно на этотъ случай...

Дмитрій Андреевичъ колебался. Ему показалось, что это была просто свѣтская любезность богача. Хрущовъ замѣтилъ это и любезно взялъ подъ руку Орлова.

— И я хорошъ! Даю деньги безъ расписокъ. Совсѣмъ нѣтреный генералъ!.. Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ.

Онъ провелъ Орлова въ свой просторный кабинетъ, вынулъ изъ стола большую шнуровую книгу и началъ ее перелистывать.

— Вотъ,—проговорилъ онъ, указывая на страницу.—Потрудитесь расписаться въ полученіи.

Дмитрій Андреевичъ прочелъ указанную ему на страницѣ строчку:

«Принято отъ Ѳеопемпта Григорьевича Лампадова тысяча пятьсотъ рублей (1,500 р.): выдать въ случаѣ его смерти Дмитрію Андреевичу Орлову или кому онъ прикажетъ».

У Дмитрія Андреевича точно тяжелый камень отвалился отъ сердца.

— Вы видите, что поддѣлать этого было нельзя. Да у меня имѣется кромѣ того и письмо нашего покойнаго друга объ этихъ деньгахъ,—сказалъ генералъ.—Онъ ихъ, какъ видите, давно оставилъ у меня. Въ послѣднее время онъ, правда, хотѣлъ было взять. Очень ужъ щедро онъ помогалъ направо и налѣво. Но я, признаюсь, наотрѣзъ отказался ихъ выдать, увѣривъ, что онѣ у меня въ дѣлѣ.

Генералъ разсмѣялся.

— Онъ такъ и былъ убѣжденъ, что я спекулирую на биржѣ на его капиталъ...

— И потому, когда ему было нужно, выдавали ему большіе проценты,—сказалъ Орловъ, вспомнивъ, что среди другихъ записей онъ видѣлъ и запись: «получилъ проценты отъ Петра Васильевича».

— Ну, у насъ были свои счеты, и кто у кого въ долгу остался, сочтемся на томъ свѣтѣ,—сказалъ серьезно Хрущовъ.

IV.

Маленькая квартирка Лампадова захлебнулась народомъ. Чиновные господа и важныя барыни, смиренные крестники и крестницы, захолустенскіе обитатели и обитательницы, попы и пѣвчіе—все это приходитъ и уходитъ, вздыхаетъ и охаетъ, философствуетъ и судачитъ вокругъ темнаго бархатнаго гроба, покрытаго тяжеловѣснымъ парчевымъ покровомъ. Старикъ лежитъ, какъ живой, съ покойною улыбкой на исхудаломъ, пожелтѣвшемъ лицѣ, точно видя и слыша все, что происходитъ вокругъ него среди этихъ «людишекъ». Но людишкамъ нѣтъ никакого дѣла до того, слышитъ ли онъ ихъ или не слышитъ, и продолжаютъ они свои толки и судаченья, разсматриваютъ они и гробъ, и покровъ, оцѣниваютъ, во что обойдутся похороны, разсуждаютъ о томъ, кто хоронитъ и изъ какихъ средствъ.

— Извѣстно, Орловы хоронятъ! Кому же больше. Другой родни нѣтъ.

— Ну, и вскочитъ же имъ въ копеечку! У самихъ-то не густо тоже. Сынокъ-то, какъ видно, высоко разлетѣлся, да низко сѣлъ. Что-то особыхъ капиталовъ не проявляетъ.

Вотъ сынокъ-то Пахомова второй домъ возводитъ, а этотъ полеталъ, полеталъ да на старый нашестъ сѣлъ.

— Видно, отъ покойника заполучили малую толику! Не раскошелились бы изъ своихъ-то денегъ.

— Гдѣ ужъ изъ своихъ! Видно, кое-что прибагорили. Тоже люди не промахъ,—охулки на руку не положатъ...

— Дѣло темное, а ужъ конечно не безъ того. Такъ-то бы съ чего имъ пыжиться.

— Молодой-то Орловъ, Дмитрій-то Андреевичъ, призвалъ это гробовщика и говоритъ: «Дѣлайте все, какъ для покойной сестры Ѳеопемпта Григорьевича дѣлали». И что стоитъ будетъ не спросилъ. «Какъ, говоритъ, тогда дѣлали, такъ и теперь тѣмъ же манеромъ и по тѣмъ же счетамъ дѣлайте».

— Ишь форситъ тоже!

— Не изъ своего-то можно!

— Это что говорить! Завсегда можно!

Кумушки начинаютъ шептаться о слухахъ, что Анна Андреевна успѣла кое-что взять.

— Много ли, мало ли — неизвѣстно, а взяла. Это ужъ вѣрно! Конечно, и она, и Магдалина, и Назарьевна,—вотъ та, что рядомъ со старикомъ-то живетъ,—расписку дали, что ничего не взято, да вѣдь бумага-то все терпитъ. Давай, что хочешь подписать, — подпишемъ. Совѣсть-то въ карманъ спрятать можно. Не высунется оттуда.

Къ Дмитрію Андреевичу подходитъ какая-то обтерханная, не первой молодости, женщина съ претензіями на благородство, выражающееся истрепаннымъ перомъ на шляпѣ и потрескавшимися отъ времени перчатками съ распоровшимися и развороченными концами пальцевъ на рукахъ. Она жеманно и слащаво проситъ не оставить ее.

— Папаша крестный всегда помогалъ мнѣ и говорилъ, что его наслѣдники и послѣ его смерти меня не оставятъ,— лжетъ она, не смущаясь, такъ какъ обличить ее ужъ некому.—Конечно, я не имѣю никакихъ правъ на наслѣдство, но я надѣюсь, что вы мнѣ поможете изъ того, что вамъ осталось.

— Мнѣ ровно ничего не осталось,—сухо отвѣчаетъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ну, все же... Вы такой близкій родственникъ... Папаша крестный и умеръ на рукахъ вашей сестры... Мы очень хорошо знаемъ, что у папаши крестнаго были средства,—онъ всѣмъ намъ никогда не отказывалъ, никогда...

— То-есть кому это вамъ?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Мнѣ и брату моему... Мой братъ говоритъ: «Мы, Вѣра, конечно, по закону не имѣемъ права чего-нибудь требовать, — законъ не за насъ; но Дмитрій Андреевичъ тоже благородный человѣкъ и поможетъ намъ, если ужъ все ему досталось, если папашу крестнаго отговорили сдѣлать формальное духовное завѣщаніе, гдѣ нашлось бы и намъ мѣстечко». Папаша крестный вѣдь всегда говорилъ мнѣ: «Вѣра, я тебя въ духовной не забуду».

— Мнѣ очень грустно, что вашъ братъ ошибся: я ничего не наслѣдовалъ и ничего не могу дать, — отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Это даже довольно странно слышать отъ васъ, когда всѣ говорятъ совсѣмъ противное, — проговорила благородная дама.

— Я могу только посовѣтовать вамъ не вѣрить всѣмъ слухамъ.

Дмитрія Андреевича начинало это бѣсить и тревожить. Онъ не зналъ, что дѣлать: сунуть что-нибудь этой попрошайкѣ—это значило заявить ей прямо, что онъ что-то получилъ послѣ дяди; не дать ей ничего—это значило раздражить ее и вызвать злыя сплетни. Его коробило при мысли, что онъ впутался по милости сестры въ очень непріятную исторію.

Андрей Ивановичъ тоже совершенно случайно уловилъ разговоръ двухъ неизвѣстныхъ ему лицъ, говорившихъ очевидно о наслѣдствѣ Лампадова.

— Да вотъ аукціонъ будетъ, все окажется. Я всѣ вещи его знаю. Изъ краснаго бумажника всегда деньги доставалъ...

— Да у него и книжка была, куда все записывалъ. Распутать-то все можно, какъ ни скрывай концы.

— Говорятъ, приставъ снялъ показаніе, что ничего не трогали...

— Ну, знаемъ эти показанія! Постращать старушекъ-то Божіихъ, такъ всю подноготную выложатъ.

— Это что говорить! Шила въ мѣшкѣ не утаишь! А не похвалятъ за это.

— Ужъ чего хвалить за грабежъ-то...

— Ссылаютъ за это...

— Еще какъ отлично!..

Андрей Ивановичъ, вечеромъ, тихонько позвалъ Дмитрія Андреевича въ его комнату, притворивъ за собою таин-

ственно двери, чтобъ его не слыхали ни Леша, ни Анна Андреевна, и шопотомъ сказалъ сыну, что онъ снесетъ всѣ взятыя вещи Лампадова обратно въ квартиру старика.

— Осторожность, Митя, не мѣшаетъ, — замѣтилъ старикъ. — Я слышалъ сегодня такой разговоръ, что нужно быть осторожнымъ...

— Да ужъ и я наслушался... Заварила Аня кашу!—раздражительно сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ничего, ничего, Митя... Все это пустяки... Ей-то, бѣдной, только тяжело... Не говори ей ничего, не намекай,— и такъ убита... Бояться намъ нечего... У покойнаго каждая копейка записывалась, такъ все дѣло-то, какъ на ладони, ясно... Ну, а снести вещи надо, чтобы при описи все было на своемъ мѣстѣ... Толковъ, конечно, теперь ничѣмъ не прекратишь... Ну, да вѣдь и такъ, и эдакъ сдѣлай, а люди все толковать будутъ по-своему...

Старикъ грустно усмѣхнулся.

— Вотъ мы говорили, что если бѣдно станемъ хоронить старика, скажутъ, что ограбили, да и хоронить порядочно не хотятъ... А теперь хоронимъ хорошо,—что, видно, много загребли денегъ, если такъ пыжатся... Ахъ, люди, люди, бѣднота горемычная!..

Старикъ началъ забирать лампадовскія вещи, еще разъ прося сына не говорить ничего Аннѣ Андреевнѣ, убитой горемъ.

И точно, Анна Андреевна была убита горемъ. Ни отецъ, ни братъ не намекали ей ни на что непріятное, но она какъ будто все слышала, все чутьемъ угадывала. Мало того, что она, въ суевѣрномъ ужасѣ, не могла смотрѣть на покойника, точно боясь прочитать на его лицѣ упрекъ за то, что въ послѣднюю минуту его жизни она думала не о немъ, добромъ своемъ покровителѣ, а о деньгахъ. Мало того, что она упрекала себя за то, что она какъ будто ускорила его смерть своими приставаніями насчетъ исповѣди,—она слышала вокругъ себя толки злыхъ языковъ о наслѣдствѣ, о томъ, что, слава Богу, ей удалось хоть что-нибудь спасти. Какъ простая женщина, не знающая законовъ, она рисовала въ своемъ воображеніи страшные ужасы. Ей казалось, что ее, брата и отца притянутъ къ суду за кражу имущества, что ихъ засадятъ въ тюрьму, затаскаютъ по судамъ, засудятъ и сошлютъ, какъ воровъ, въ Сибирь. Она сознавала теперь, что не только своего грѣха не отмолитъ никогда, но и погубитъ всю свою семью. Всю жизнь они прожили честно

и вдругъ по ея милости они сдѣлались ворами. И ничѣмъ, ничѣмъ теперь нельзя было помочь. Стали бы они хоронить Лампадова кое-какъ, — злые языки начали бы толковать, что они ограбили да еще и хоронить порядочно не хотятъ; хоронятъ они теперь хорошо старика, злые языки говорятъ, что, видно, порядочно хапнули, если такіе похороны устраиваютъ. Хуже всего для нея было то, что она боялась говорить объ этомъ съ отцомъ и братомъ, боялась ихъ упрековъ. А тутъ еще, какъ на зло, Назарьевна охаетъ и такъ длинно, длинно разсказываетъ ей, какъ у нея, у Назарьевны, и рученьки, и ноженьки отнялись, какъ у нея лихоманка сдѣлалась, когда ей приказалъ приставъ расписаться. Грѣхъ-то какой она, Назарьевна, взяла на душу; конечно, своему человѣку помочь хотѣла, не худа желала, а все же гдѣ рука, тамъ и отвѣтъ. Тоже на старости лѣтъ не сладко, если разузнаютъ. Она ужъ и молчитъ о томъ, какъ что было. Только одной своей товаркѣ, какъ на исповѣди, все разсказала, сердце облегчить хотѣла, а то умирать будетъ— попу на духу не скажетъ. Это была такая душевная пытка для Анны Андреевны, какой никогда въ жизни не выносила еще несчастная дѣвушка. Нервы были разстроены до послѣдней степени, а тутъ еще эти панихиды, заунывное пѣніе, монотонное чтеніе читальщика, жалкія и страшныя слова,—однимъ словомъ, все то, что точно нарочно придумано именно такъ, чтобъ окончательно измучить и безъ того измученную утратою и горемъ душу. Какіе-нибудь два дня до похоронъ показались несчастной дѣвушкѣ вѣчностью.

Наконецъ, похороны кончились и Аннѣ Андреевнѣ стало какъ будто немножко легче,—она, по крайней мѣрѣ, не видѣла теперь передъ собою этого мертваго человѣка, не слышала толковъ этихъ живыхъ людей, въ ея ушахъ не раздавалось тоскливаго пѣнія. Но облегченіе явилось только на время: она не могла подавить упрековъ совѣсти и не могла запретить людямъ врываться въ домъ къ ея семьѣ. Нѣсколько ночей подъ рядъ она просыпалась въ холодномъ поту отъ одного и того же сна: къ ней приходилъ Лампадовъ, такой страшный, съ такой насмѣшливой улыбкой, садился около нея и будилъ ее словами: «Аннушка, я вѣдь еще живъ!» Она плакала и молилась, и чѣмъ сильнѣе было ея нервное возбужденіе, тѣмъ чаще повторялось это страшное однообразное сновидѣніе. Оно пугало, оно доводило до ужаса именно своимъ однообразіемъ. Ложась спать, она уже съ

ужасомъ ждала, что вотъ-вотъ она закроетъ глаза, задремлетъ и тотчасъ же явится къ ней Лампадовъ, подойдетъ такъ близко-близко, сядетъ подлѣ нея, и опять услышитъ она тихій, протяжный голосъ: «Аннушка, я вѣдь еще живъ!» А днемъ—то какая-нибудь посаженая дочь старика, то какая-нибудь его крестница, то какой-нибудь его воспитанникъ являлись къ Орловымъ и просили помощи и помощи, дѣлая намеки на то, что Орловы получили наслѣдство, что Орловы въ своихъ интересахъ помѣшали старику написать завѣщаніе, что во всякомъ случаѣ дѣло сдѣлано нехорошее и незаконное. Одни говорили нагло, грозили доносомъ, бранились; другіе хныкали, упрекали, ноющимъ тономъ повторяли на всѣ лады: «Богъ вамъ судья! Богъ вамъ судья!» Трудно сказать, которые изъ этихъ людей больше терзали Анну Андреевну; ей были тяжелы объясненія и съ тѣми, и съ другими, а объясняться было нужно. Она боялась допускать этихъ людей до отца и брата, чтобы не подлить масла въ огонь, но сама она не умѣла говорить съ ними; она ныла и плакала при нихъ; она въ чемъ-то оправдывалась и путалась. И чѣмъ больше она путалась, тѣмъ наглѣе становились эти люди. У нихъ не было никакихъ правъ, но они пробовали половить рыбу въ мутной водѣ, они пробовали сорвать хоть что-нибудь при помощи застращиванія. Наконецъ, Анна Андреевна не выдержала, и въ одинъ прекрасный день Андрей Ивановичъ былъ сильно изумленъ и взволнованъ ею, когда она вдругъ бросилась къ нему съ рыданіями на грудь.

— Папа, голубчикъ, не могу я больше, не могу такъ жить!—зарыдала она.—Въ монастырь я хочу... Грѣхи свои замолить нужно... Грѣшница я окаянная... Всю жизнь была грѣшницей... Только о деньгахъ думала... Людей не любила...

Это были чисто-истерическія восклицанія и слезы.

— Аннушка, полно, полно, голубушка! — уговаривалъ ее смущенный старикъ.—Зачѣмъ же въ монастырь? Отдохнешь немного, успокоишься...

— Нѣтъ, нѣтъ, не отдохну, не успокоюсь я здѣсь... Молиться мнѣ нужно... Дядя все приходитъ, каждую ночь приходитъ... «Живъ я еще»,—говоритъ, и грозитъ, и грозитъ... Съ ума я сойду!..

Старикъ перекрестился и покачалъ головой.

— Все это суевѣрія, Аннушка, воображеніе и мечта только,—говорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — восклицала Анна Андреевна, плача:—

это онъ меня укоряетъ за то, что умеръ безъ покаянія... Самъ говорилъ мнѣ, что къ этому приготовиться надо. А я торопила... раздражала его, — въ сердцахъ онъ и умеръ... Грѣхъ этотъ мнѣ замолить надо... Знаю я, что люди будутъ говорить: «Вотъ старика отца бросила»... Да не могу я, голубчикъ, не могу здѣсь оставаться... И вамъ лучше будетъ. Я знаю, что Марѳа...

— Ну, что ты о Маро̀ѣ! — почти испуганно сказалъ старикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и передъ ней я много виновата... Я теперь передъ всѣми виновата и каюсь во всемъ...

Старикъ не возражалъ. Онъ даже не радовался теперь возможности поселиться съ Марѳой, возможности не слыхать упрековъ дочери. Все это замерло въ немъ, отошло куда-то въ далекое прошлое при видѣ ея мученій и ея душевной скорби. Ему вспоминалось только то, что она пережила, и онъ вовсе не думалъ о томъ, что онъ пережилъ изъ-за нея. Вечеромъ онъ сообщилъ о ея рѣшеніи Дмитрію Андреевичу и даже прослезился.

— Что-жъ, отецъ, пусть идетъ, тебѣ легче будетъ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Что обо мнѣ говорить! Я о себѣ и думать забылъ,— отвѣтилъ старикъ.—Ее заживо хоронимъ, а вѣдь тоже для насъ жила.

— Знаю, отецъ, знаю,—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ, тронутый словами старика.—И вѣрь мнѣ, что многое бы я сдѣлалъ, чтобы все сложилось иначе, да...

— Не говори, не говори, Митя!.. Развѣ я не понимаю, что ты тоже для насъ живешь... Слава Богу, что бы между нами ни было, какіе бы черные дни мы ни переживали, а любить другъ друга любили, дѣлали другъ для друга все, что могли... Потому-то и тяжело хоронить ее заживо...

Далеко за полночь бесѣдовали отецъ и сынъ объ Аннѣ Андреевнѣ. Имъ хотѣлось по возможности устроить получше ее въ монастырѣ, если ужъ нельзя было удержать ее дома. Они боялись, что ей будетъ тяжело на первыхъ порахъ быть чернорабочей въ монастырѣ, и именно отъ этого-то чернаго труда нужно было ее избавить, сдѣлавъ за нее вкладъ въ монастырь.

Но у Анны Андреевны точно камень съ души спалъ, когда она пришла къ этому рѣшенію, и ее вовсе не страшила мысль о томъ, что ее ждетъ грубая монастырская работа. Ей вдругъ стало легко. Ее охватило чувство сми-

ренія. Ей захотѣлось примириться со всѣми, вымолить у всѣхъ прощеніе. Теперь ее простятъ люди, а тамъ постомъ и молитвой загладитъ она свои грѣхи и передъ Богомъ. Если они простятъ, проститъ и Онъ. Онъ — сама любовь, сама благость. Она приготовлялась къ монашеству, какъ приготовляются къ смерти. Андрей Ивановичъ со слезами на глазахъ разсказывалъ Дмитрію Андреевичу, какъ Анна Андреевна посѣтила Марѳу и просила у той прощенія, просила ее беречь его, Андрея Ивановича.

— Руки цѣловала у нея, у Марѳы-то, руки цѣловала, Митя,—говорилъ онъ.—Просила меня беречь, Лешу беречь... А Марѳа... Марѳа простой человѣкъ, тоже плачетъ, — жаль ей Аннушку...

Съ тѣмъ же смиреніемъ просила Анна Андреевна прощенія у Леши, у отца, у брата. Она отыскала даже Настю и покаялась передъ той. И чѣмъ больше она каялась передъ ближними, чѣмъ больше смирялась передъ ними и унижала себя, тѣмъ яснѣе становилось у ней на душѣ, какъ будто отъ нея отпадало все житейское, всѣ мелочи, всѣ дрязги, всѣ грѣховные помыслы міра.

Когда она, затихшая, спокойная, удалялась изъ родного дома, удалялась навсегда, Дмитрій Андреевичъ невольно позавидовалъ ей. Кто такъ вѣритъ, тотъ имѣетъ еще въ жизни спасительную пристань отъ бурь и невзгодъ, тотъ можетъ хоть чѣмъ-нибудь наполнить въ душѣ пустоту, оставшуюся послѣ обманутыхъ надеждъ и разочарованій. А гдѣ эта спасительная пристань у тѣхъ, кто давно утратилъ эту вѣру? Гдѣ эта спасительная пристань у него? Кругомъ все идетъ скверно, всѣ надежды обманываются на каждомъ шагу, дѣятельность не даетъ никакихъ видимыхъ благотворныхъ результатовъ, въ душѣ зарождаются раздражительность, уныніе, отчаянье, апатія и наступаетъ ощущеніе какой-то пустоты, желаніе куда-то бѣжать, бѣжать. Но куда бѣжать? Убѣжать можно отъ окружающихъ событій, отъ близкихъ людей, но нельзя убѣжать отъ себя, отъ сознанія, что ты ничего не могъ сдѣлать, что ты оказался лишнимъ, что ты только вычеркнулъ себя изъ жизни, но не принесъ пользы ни другимъ, ни себѣ, ни своимъ трудомъ, ни своимъ бѣгствомъ. А она и ей подобные бѣгутъ отъ жизни съ твердою вѣрой, что именно теперь-то они и спасутъ и себя, и ближнихъ постомъ и молитвой, какими-нибудь великими подвигами и самопожертвованіями. Это — самообманъ. Да, самообманъ для тѣхъ, кто не вѣритъ, но не для того, кто

вѣритъ. Да что же, по большей части, какъ не самообманъ— и всѣ другія упованія и вѣрованія? Дмитрію Андреевичу вдругъ вспомнилась княжна: по странному сочетанію идей, она часто вспоминалась ему, когда онъ думалъ о сестрѣ, и наоборотъ, думая о княжнѣ, онъ часто вспоминалъ сестру, точно обѣ эти личности имѣли что-то общее между собою, родились для подвижничества и внѣ этого подвижничества не могли жить, не понимали смысла въ жизни. Развѣ княжна, бѣжавшая отъ свѣтской жизни, отдавшаяся обученію крестьянскихъ ребятишекъ и посильнымъ заботамъ объ окружавшемъ ее народѣ, пожертвовавшая этому дѣлу всѣми свѣтскими удовольствіями, всѣмъ личнымъ спокойствіемъ, всѣми удобствами праздной жизни богатой барышни, не была счастлива именно потому, что у нея была эта вѣра, эта способность къ самообману?

Именно этого не было у него, у Орлова, и потому онъ чувствовалъ, что онъ несчастнѣе этихъ людей. Онъ былъ трезвѣе ихъ, а трезвость, какъ говорятъ недаромъ поэты, есть уже начало несчастія. Хорошо живется на Руси только пьяному... Да нѣтъ, и вообще на свѣтѣ, по выраженію Бодлера, если хочешь быть счастливымъ, то долженъ чѣмъ-нибудь опьяняться. Онъ, Орловъ, работалъ, онъ лихорадочно брался за всякое дѣло, а внутри его какой-то злой духъ, казалось, нашептывалъ ему: «Опять въ бѣличье колесо залѣзъ, опять топчешься на одномъ мѣстѣ». Въ этомъ былъ трагизмъ его жизни и, можетъ-быть, трагизмъ сотенъ тысячъ людей, утратившихъ всякую вѣру, но еще не дошедшихъ до той грани, за которою люди говорятъ: «Было бы только мнѣ хорошо».

Что-то странное произошло въ семьѣ Орловыхъ съ отъѣздомъ Анны Андреевны. Дмитрій Андреевичъ сразу заторопился тоже устроиться по-новому, на отдѣльной квартирѣ, а Андрей Ивановичъ сразу понялъ, что теперь сынъ долженъ устроиться иначе, и что такъ будетъ лучше, хотя они еще не обмѣнялись по поводу этого ни словомъ, ни намекомъ. Оба какъ-то безсознательно, чутьемъ, угадывали, что старикъ стѣснится поселить въ своей квартирѣ Марѳу при сынѣ, а если и поселитъ, то отношенія будутъ неловкія, натянутыя; между тѣмъ, безъ Марѳы старику было уже трудно жить, и Дмитрій Андреевичъ сознавалъ, что она теперь его отцу гораздо нужнѣе, чѣмъ онъ, что онъ можетъ только дать средства отцу для безбѣднаго существованія, но и только, тогда какъ Марѳа создастъ для старика снова

домашній очагъ, семью. Но, сознавая это, Дмитрій Андреевичъ и Андрей Ивановичъ долго избѣгали начать объ этомъ разговоръ, какъ будто боясь, что ихъ толки объ этомъ будутъ невѣрно поняты, неловко перетолкованы. Наконецъ, Дмитрій Андреевичъ рѣшился коснуться этого вопроса первый.

— Ну, теперь мнѣ можно при случаѣ перебраться и поближе къ суду,—замѣтилъ онъ разъ вскользь, какъ бы мимоходомъ, точно говоря о пустякахъ.

— Да, да, очень далеко отсюда до суда, Митя, очень далеко,—согласился съ нимъ старикъ и началъ серьезно распространяться о практической, матеріальной части вопроса.

— Конечно, сразу на первую попавшуюся квартиру нечего бросаться,—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ. — Торопиться нечего...

— Конечно, конечно. Чего торопиться!—согласился старикъ.—Слава Богу, уголъ есть. А подыщется хорошенькая квартирка въ тѣхъ краяхъ, упускать не слѣдуетъ... Живя въ нашей трущобѣ, безъ практики насидишься... Я-то ужъ тутъ обжился, Митя, дотяну вѣкъ въ захолустьи, а тебѣ тоже не очень-то выгодно захолустенскимъ адвокатомъ быть... Хе-хе-хе, захолустенскій адвокатъ—тоже не важная птица.

Онъ засмѣялся старческимъ смѣхомъ. Услышавъ этотъ смѣхъ, Дмитрій Андреевичъ внезапно тоже повеселѣлъ, точно ему легче стало.

— Я къ тебѣ, отецъ, часто забѣгать стану,—сказалъ онъ.

— Приходи, приходи, голубчикъ... Не чужіе, слава Богу!.. Вотъ и я заверну посмотрѣть, какъ устроишься... Ты у меня смотри, заправскимъ адвокатомъ устройся, чтобъ это бронза, ковры вездѣ... Хе-хе-хе!

— Ну, да, бронза, ковры... А пироги-то все-таки къ тебѣ придется ходить ѣсть...

— Ну, насчетъ пироговъ — на это ужъ мы, захолустенцы,—спеціалисты... У насъ вѣдь съ чѣмъ угодно—и съ солеными груздями да съ кислой капустой, и съ сигомъ да съ вязигой,—одно слово, спеціалисты по пирожной части... А тамъ у васъ вѣдь все больше насчетъ устрицъ, да шампанскаго,—тоже не Богъ знаетъ какая сытость отъ этого...

Старикъ обернулся къ Лешѣ и потрепалъ его по плечу.

— Вотъ и молодецъ нашъ иногда спровѣдать тебя забѣжитъ...

— Я, братецъ, забѣгу, непремѣнно забѣгу... Я, братецъ, вездѣ дороги знаю, — скороговоркой отозвался Леша.—И скоро, скоро я хожу, братецъ!.. Мигомъ!

— Все, знаешь, легче, когда, вѣсточку получишь, какъ и что,—продолжалъ старикъ.—Свои люди, свои... Одному-то тебѣ, конечно, скучновато будетъ, да что дѣлать?—служба, дѣла... Такъ-то, безъ дѣлъ-то, безъ службы-то мы и все бы обнявшись сидѣли, а при службѣ нельзя... На, а тамъ, можетъ-быть, Богъ дастъ, и женишься, своей семьей обзаведешься... Твоя жизнь впередп...

— Ну, да, танцовать на свадьбѣ будешь, такъ женюсь, а то не хочу,—шутилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ахъ, шутникъ! Ахъ, шутникъ! Да ты только женись, а тамъ—вѣдь танцы-то послѣ вѣнчанья бываютъ,—ну, и не развѣнчаешься, если скажу, что ноженьки больше не пляшутъ...

Старикъ перемѣнилъ шутливый тонъ на серьезный:

— Нѣтъ, точно, Митя, плохо бобылемъ жить, плохо! Уголъ свой, гнѣздышко свое—вотъ что нужно человѣку... Что ты тамъ ни толкуй о дѣлахъ, о службѣ, объ обществѣ, а все же нѣтъ-нѣтъ да и скажется на душѣ, что бобыль ты, что и много у тебя заботъ, и много у тебя друзей, а все же одинъ и одинъ ты...

— Знаю, отецъ, знаю,—со вздохомъ отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ:—да спустя лѣто по малину не ходятъ!

— Ну вотъ, ну вотъ выдумалъ! Скажите перестарокъ какой!.. Ахъ, ты проказникъ! Да въ твои годы какъ разъ пора жениться!.. Да за тебя любая съ ногами и съ руками пойдетъ...

Повидимому, все сложилось отлично.

И все же тоскливое чувство охватило Дмитрія Андреевича, когда онъ вдругъ очутился одинъ въ новой квартирѣ. «Ну, вотъ, и пошла жизнь бобыля»,—невольно мелькнуло въ его головѣ. Онъ былъ одинокъ и въ провинціи, но тогда онъ еще рвался въ Петербургъ, къ семьѣ, мечталъ о женитьбѣ. Тогда у него были еще кое-какія иллюзіи. Теперь ничего этого не было. Онъ понималъ, что отъ своей семьи онъ отрѣзанъ, что для него умерла сестра, что отцу и Лешѣ лучше и удобнѣе безъ него подъ крыломъ и опекой простой деревенской женщины, что женитьба... онъ даже не могъ мечтать о ней, потому что изъ окружавшихъ его теперь женщинъ еще ни на одной не остановилось его вниманіе, ни къ одной онъ не чувствовалъ даже той чисто братской симпатіи, какую пробуждала въ немъ княжна. Годы той юности, когда человѣкъ способенъ на безумную страсть, на всевозможныя, самыя невообразимыя глупости, для него,

казалось, давно прошли. Вмѣстѣ съ этой юностью въ душѣ его давно исчезла чистота чувства въ сношеніяхъ съ женщинами и явилась извѣстная доля скептицизма и даже цинизма, подсказывавшаго, подобно злому демону, что вотъ эта женщина хочетъ себя продать повыгоднѣе, что вотъ ту женщину хотятъ продать ея ближніе, что одна выставляетъ, какъ приманку, на показъ свои таланты, знанія и умъ, подлавливая жениховъ, что другая для тѣхъ же цѣлей декольтируетъ свои плечи и грудь, щеголяетъ своими роскошными волосами и кокетничаетъ съ каждымъ встрѣчнымъ, такъ какъ среди этихъ встрѣчныхъ можетъ навернуться и женихъ. И чѣмъ удачнѣе шли его дѣла, чѣмъ громче дѣлалось его имя, чѣмъ извѣстнѣе становился онъ, тѣмъ болѣе скептически начиналъ онъ относиться къ женщинамъ и къ людямъ вообще. Онъ сознавалъ, что потому, что онъ входитъ въ моду, за нимъ начинаютъ ухаживать матери взрослыхъ дочерей, взрослыя дѣвушки начинаютъ кокетничать съ нимъ, чужія жены только того и ждутъ, чтобъ онъ соблазнилъ ихъ и увлекъ на адюльтеръ. Эти легкіе успѣхи не наполняютъ душевной пустоты, но подрываютъ въ душѣ послѣдніе остатки уваженія къ женщинамъ. Еще недовѣрчивѣе относился онъ къ массѣ людей, напрашивавшихся къ нему въ друзья, въ пріятели, въ товарищи. Явились у него вдругъ какіе-то товарищи по гимназіи, памятные ему только потому, что они насмѣхались въ гимназіи надъ его заплатанными сапогами, надъ розовою помадой на его головѣ и надъ заносимыми имъ въ классы клопами; отыскались у него и университетскіе пріятели, глядѣвшіе на него въ университетѣ свысока сквозь pince-nez и монокли, потому что онъ былъ просто Орловъ, а они—графы какіе-то и князья сякіе-то. Теперь эти люди по тѣмъ или другимъ причинамъ вдругъ оказались его лучшими друзьями. Они вспоминали свѣтлые годы юношеской пріязни, они разсказывали ему о какихъ-то трогательныхъ сценахъ изъ ихъ школьной дружбы и въ концѣ концовъ просили взаймы денегъ или совѣта, какъ бы вывернуться изъ грязнаго дѣльца чистенькими и сухенькими. И чѣмъ больше становилось число этихъ женщинъ, стремившихся съѣздить съ нимъ изъ маскарада къ Дороттy, гдѣ вчера они были съ другимъ мужчиной, чѣмъ больше было этихъ друзей дѣтства и юности, старавшихся, обнимая его, нащупать бумажникъ въ его карманѣ, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ одиночество и тоску. Ни литературная работа, стѣсненная внѣшними, условіями, ни адвокат-

ская практика съ ея вѣчными безплодными защитами голодныхъ Ивановъ, оправдываемыхъ для того, чтобы снова попасть на скамью подсудимыхъ, и съ гражданскими дѣлами, ведущимися только ради гроша, безъ сознанія чистоты и правильности иска, — ничто не могло наполнить душевную пустоту, и Орловъ все чаще и чаще заходилъ къ отцу поѣсть пироговъ Маѳы Ивановны, посмѣяться и побалагурить съ отцомъ и Лешей, отвести душу въ кругу этихъ совсѣмъ простыхъ людей.

Въ это время онъ все тѣснѣе и тѣснѣе сталъ сближаться съ княземъ Александромъ Александровичемъ Русовымъ и съ Настей.

V.

Прошло болѣе полугода съ того дня, когда Дмитрій Андреевичъ вернулся снова въ Петербургъ, но онъ все еще не могъ выбрать минуты, чтобъ отыскать князя Русова и Настю. Онъ нѣсколько разъ назначалъ себѣ день для этого, но когда этотъ день наставалъ, у Орлова являлись вдругъ неотложныя дѣла, другіе неизбѣжные визиты, и день свиданія съ княземъ и Настей откладывался снова. Орловъ самъ не сознавался передъ собою, что онъ словно боится этого свиданія, словно избѣгаетъ его. Можетъ-быть, этого свиданія и вовсе не произошло бы, если бы не случай. Какъ-то разъ Дмитрій Андреевичъ зашелъ въ одинъ изъ голландскихъ магазиновъ въ Гостиномъ дворѣ купить какія-то мелочи, носовые платки, кашне, галстукъ. Покуда онъ пересматривалъ поданныя ему вещи, сзади него раздался мягкій женскій голосъ. Онъ невольно быстро обернулся, узнавъ сразу этотъ голосъ, и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Настей. Она была одѣта вся въ сѣрое, скромно, просто, но изящно, со вкусомъ. У обоихъ разомъ вырвались восклицанія: «Настя!»... «Митя!»—и въ ту же минуту оба какъ будто сконфузились, точно испугались. Онъ сжалъ ея руку, пробормоталъ что-то о неожиданной встрѣчѣ, и оба купили не то, что имъ было нужно, торопясь вырваться изъ магазина, уйти отъ любопытныхъ взглядовъ, отъ случайныхъ свидѣтелей ихъ встрѣчи. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, чѣмъ-то безотчетнымъ.

— Митя, я только на-дняхъ узнала, что ты давно уже пріѣхалъ,—сказала она, выходя изъ магазина.—Я думала, ты сердишься...

— Нѣтъ, помилуй, за что же! — отвѣтилъ онъ, досадуя

на свое смущеніе. — Не могъ отыскать тебя... И времени не было—столько хлопотъ.

— Ты зайдешь ко мнѣ?—спросила она.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! Я такъ радъ...— проговорилъ онъ.

— Саша... мой мужъ... сказалъ мнѣ, что онъ разыщетъ тебя,—проговорила она. — Онъ тоже хотѣлъ тебя видѣть... Онъ немного удивился, что ты не разыскалъ его...

— Развѣ ты замужемъ?—спросилъ Орловъ, немного удивленный ея словами.

— Мы еще не обвѣнчаны, но я считаю его своимъ мужемъ, да и всѣ видятъ въ насъ мужа и жену... Покуда Сашѣ нельзя жениться,—ради отца нельзя...

— Такъ же, какъ и Михайловскому!—сорвалось невольно съ языка Дмитрія Андреевича.

Настя вся вспыхнула при этой фразѣ, совершенно неожиданно сорвавшейся съ языка Орлова, въ ту же минуту раскаявшагося въ душѣ за это восклицаніе.

— Митя, какъ тебѣ не грѣхъ попрекать прошлымъ! — проговорила она, и въ ея голосѣ послышались слезы.—Если Саша простилъ мнѣ прошлое, то кто же можетъ попрекать меня этимъ?

— Я и не попрекаю прошлымъ, но вѣдь и настоящее не лучше, кажется,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, и лицо его стало блѣднымъ.—И тотъ, и этотъ...

Она не дала ему договорить.

— Да развѣ можно ставить ихъ на одну доску? — воскликнула она. — Развѣ можно? Тотъ опозорилъ, погубилъ меня, а этотъ... Господи, что бы со мною было безъ него! Вспомнить теперь страшно... Никогда, никогда не забуду я, отъ чего онъ меня спасъ!

Она вся вздрогнула при воспоминаніи о прошломъ.

— Не большая заслуга, Настя, подобныя спасенія, когда люди дѣлаютъ это ради...

Она снова перебила его, и въ ея голосѣ зазвучала нотка горькаго и строгаго упрека.

— Митя, другіе и вовсе не подумали спасти меня...

— Ты это хочешь сказать про меня?—горячо перебилъ онъ ее.

— Да, Митя!—твердо отвѣтила она. — Я тебя не упрекаю, но согласись, что ты даже не вспомнилъ обо мнѣ, когда я могла умереть съ голода. Не такъ же я была грѣшна, чтобы сказать: «И по дѣломъ ей, пусть гибнетъ!»

Дмитрій Андреевичъ поблѣднѣлъ и еще болѣе смутился. Онъ искоса взглянулъ на нее; она шла съ нимъ рядомъ такая серьезная, строгая, что въ ней трудно было узнать прежнюю Настю.

— Я, — началъ онъ, подыскивая и не находя оправданія: — я...

— Я тебя не упрекаю, не обвиняю, я только говорю, что не тебѣ судить того, кто такъ или иначе спасъ меня отъ голодной смерти или отъ позора, когда всѣ отшатнулись отъ меня... Да этого мало: онъ сдѣлалъ изъ меня другого человѣка...

Они подошли къ дому, гдѣ жила Настя.

— Вотъ я и дома,—сказала она и протянула руку Дмитрію Андреевичу.

— Что же, ты сердишься и не приглашаешь уже меня?— спросилъ онъ, видя протянувшуюся къ нему на прощанье руку.

— Ты такъ смотришь на мое положеніе, ты такъ относишься къ Сашѣ, что...—начала она и какимъ-то оборвавшимся голосомъ заключила:—что же тебѣ въ насъ?

— Полно, Настя! — сказалъ мягко Орловъ, сконфуженный и задѣтый за живое.—Въ прошломъ я каюсь: я виноватъ, можетъ-быть, болѣе всѣхъ; а въ настоящемъ... развѣ я знаю твое настоящее, развѣ я могу судить о немъ?

Онъ взялъ ея руку и дружески пожалъ ее.

— Такъ можно зайти?

— О, сдѣлай одолженіе!—сказала она.

Она держала себя съ достоинствомъ, съ тактомъ, какъ-то необыкновенно спокойно и ровно. Нужно было многое испытать, многое пережить, чтобы такъ преобразиться. Орловъ это понялъ сразу. Она поднялась съ нимъ въ первый этажъ и позвонила у дверей. Двери отворила горничная.

— Дѣти дома, Маша?—спросила Настя.

— Нѣтъ, Настасья Даниловна, они гуляютъ съ Петромъ.

— А баринъ еще не пріѣзжалъ?

— Нѣтъ-съ.

Настя, сбрасывая верхнюю одежду, обратилась къ Дмитрію Андреевичу:

— Я хотѣла тебѣ показать дѣтокъ... Ну, да посидишь, увидишь...

— У тебя дѣти?—спросилъ онъ.

— Да, мой Коля и воспитанникъ. Взяли, чтобы Колѣ было не скучно, бѣднаго сироту. Милый мальчикъ вышелъ,

и я рада за Колю и за него. Саша ихъ такъ любитъ. У насъ у самихъ были свои дѣти, но не живутъ, — добавила она со вздохомъ.

Они вошли въ небольшую уютную гостиную съ скромной мебелью, обитой сѣрой шерстяной матеріей. Вся роскошь этой комнаты заключалась въ прекрасномъ роялѣ и въ массѣ цвѣтовъ на окнахъ и у оконъ. Въ комнатѣ царствовала замѣчательная чистота, былъ удивительный порядокъ. На всемъ лежали слѣды заботливости домовитой хозяйки. Орловъ присѣлъ въ кресло у стула. Настя подошла къ цвѣтамъ, пощупала землю и оборвала нѣсколько желтыхъ листьевъ.

— Ужасно только тяжело Сашѣ было справиться съ Малоземовымъ, — сказала Настя, продолжая говорить о дѣтяхъ.—Ты вѣдь знаешь, что, по милости отца моего Коли, Коля считается сыномъ моей сестры и Малоземова. Малоземовъ — это мелкій плутъ, стремящійся обирать меня и Сашу, имѣя право на Колю. Онъ двадцать разъ грозилъ отнять у насъ мальчика и требовалъ отступного, зная, конечно, что мы дадимъ, сколько ему угодно, лишь бы оставить Колю у себя. Много денегъ стоило это Сашѣ, и только въ послѣднее время Малоземовъ замолчалъ совершенно, когда Саша ему написалъ: «Пришлите кого-нибудь за своимъ сыномъ, такъ какъ одного его нельзя отправить къ вамъ на Кавказъ, а я вовсе не желаю тратиться на содержаніе или отправленіе чужого ребенка». Малоземовъ, къ счастію, струсилъ и уже самъ сталъ просить насъ содержать «его сына». Только надолго ли будетъ такъ — Богъ вѣсть. Это меня страшно мучитъ.

Она вздохнула.

— Да, прошлыхъ ошибокъ не исправишь, и хорошо еще, что Саша все прощаетъ, все терпитъ,—сказала она.—Ахъ, если бы ты зналъ, что это за безконечная доброта! Я не знаю, можно ли не любить такого человѣка, можно ли не благоговѣть передъ нимъ. Повѣришь ли ты, я ни разу не слыхала отъ него ни одного упрека, ни одного рѣзкаго слова...

— Вѣрно ты и не заслуживаешь этого,—замѣтилъ Орловъ.

— Да что же я?.. Правда, я стараюсь дѣлать то, что ему нравится, забочусь, чтобы все было такъ, какъ онъ любитъ, стремлюсь къ тому, чтобы меня не за что было упрекнуть. Но я же, Митя, не такая умная, не такая образованная, чтобы все предусмотрѣть, чтобъ онъ могъ дорожить мной. Если во мнѣ и есть что-нибудь хорошее, то

этимъ я обязана ему одному. Скажутъ: «хорошенькая я». Но вѣдь я старше его, и есть много женщинъ гораздо красивѣе меня... Да, наконецъ, кто я?.. А мое прошлое, проклятое прошлое?.. Вѣдь онъ не можетъ на мнѣ жениться, не бросивъ службы. Вѣдь онъ меня не можетъ ввести въ дома своей родни... Для меня онъ долженъ бросить все—и службу, и родныхъ, и прежнихъ друзей...

Она опять вздохнула.

— Я знаю, что это не мало мучило его прежде... Бывало, пріѣдетъ онъ иногда мрачный-мрачный, покусываетъ ногти, молчитъ... Тогда, Митя, на меня нападалъ ужасъ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ онъ меня броситъ... А онъ для меня былъ все, все, и кромѣ его не было у меня никого на свѣтѣ... Не думай, что я дорожила имъ за то, что онъ кормилъ меня и Колю... Нѣтъ, не деньги его мнѣ были нужны, а жить я не могла больше безъ его ласки, безъ его добраго слова, безъ его мягкаго взгляда, потому что только съ нимъ я узнала, что я могу быть честной женщиной, женой, матерью, любимымъ человѣкомъ, а не любовницей, къ которой заходятъ на полчаса, ночью, въ пьяномъ видѣ...

Въ ея глазахъ засверкали слезы, и она отвернулась, чтобы скрыть ихъ.

— Теперь все это прошло,—продолжала она черезъ минуту:—теперь мы оба счастливы и спокойны, у насъ есть добрые знакомые, ко мнѣ ѣздятъ порядочныя женщины. Я никого не обманываю, но во мнѣ никто не видитъ любовницы Саши...

Дмитрій Андреевичъ слушалъ ее внимательно и удивился перемѣнѣ, происшедшей въ ней.

— Извини, Настя, за нескромный вопросъ,—мягко сказалъ онъ.—Ты училась въ эти годы?

— Да вѣдь я же ничего прежде не знала,—просто отвѣтила она.—Нельзя же было такъ оставаться. Саша сдѣлалъ все, что могъ, чтобы поднять меня до себя...

Орлову какъ будто становилось совѣстно, что Русовъ далъ этой дѣвушкѣ все, тогда какъ онъ, Орловъ, ея двоюродный братъ, нѣжно любимый ею въ дѣтствѣ человѣкъ, оставилъ ее на жертву голоду, паденью, позору. Въ его памяти вдругъ воскресли картины прошлаго, воспоминанія о томъ, какъ она, эта добрая Настя, заботилась о немъ, осматривала его платье, чистила его мундирчики, жила его радостями и его скорбями. И чѣмъ онъ отплатилъ за все это?

Правда, Русовъ дѣйствовалъ не безкорыстно, онъ готовилъ себѣ изъ этой красавицы-содержанки жену, но это не оправданіе для Орлова.

Дмитрій Андреевичъ хотѣлъ что-то сказать Настѣ, но прежде чѣмъ онъ раскрылъ ротъ, въ передней послышался звонокъ и черезъ двѣ-три минуты въ гостиную вошелъ князь. Онъ былъ попрежнему очень моложавъ и только немного похудѣлъ. Орловъ сразу узналъ бы его среди какой угодно толпы.

— А, Дмитрій!—проговорилъ онъ, увидавъ Орлова, и къ Дмитрію Андреевичу протянулись двѣ руки, крѣпко сжавшія его руки. — Очень мило сдѣлалъ, что разыскалъ. Я только что на-дняхъ получилъ письмо отъ сестры изъ деревни, гдѣ говорилось о смерти Лампадова и упоминалось, что объ этомъ сообщилъ ты изъ Петербурга. Я хотѣлъ тебя разыскать.

— Да?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ, прямо взглянувъ ему въ глаза и какъ бы желая узнать, правду ли онъ говоритъ.

Дмитрія Андреевича немного смутила встрѣча съ княземъ, встрѣча безъ объятій, безъ поцѣлуевъ.

— Еще бы! — отвѣтилъ князь. — Старый другъ все же лучше новыхъ двухъ.

Настя, поцѣловавъ въ голову усѣвшагося въ кресло Русова, вышла распорядиться обѣдомъ.

— Въ послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ мнѣ казалось, что между нами пробѣжала какая-то сѣрая кошка,—сказалъ Орловъ.

— Причинъ было много,—коротко отвѣтилъ князь.

— Теперь-то я все понимаю,—сказалъ Орловъ:—а тогда...

— То-есть почему же теперь?—сказалъ Русовъ.

— Ты стѣснялся своими отношеніями къ Настѣ...

— А-а! — проговорилъ князь и покачалъ отрицательно головой.—Это менѣе всего стѣсняло меня, и если стѣсняло, то очень недолго. Я скоро понялъ, что за это упрекать меня менѣе всего можешь именно ты...

Орловъ вопросительно взглянулъ на него. Князь спокойно, дружески положилъ ему на колѣно руку и серьезнымъ тономъ проговорилъ:

— Правда, я отыскалъ ее, я сошелся съ нею, какъ сходятся обыкновенно съ хорошенькими дѣвушками люди, подобные мнѣ или, лучше сказать, подобные тому, какимъ я былъ тогда. Но легкомысленное увлеченіе хорошенькимъ

личикомъ скоро перешло въ серьезное чувство къ доброй и хорошей душѣ, и съ этой минуты я пересталъ уже считать себя виноватымъ передъ кѣмъ-нибудь за свои отношенія къ ней, передъ тобой же менѣе всего. Согласись, Дмитрій, что если передъ Настей кто-нибудь виноватъ, то ужъ, конечно, не я, а ты...

Дмитрій Андреевичъ молчалъ. Ему вспомнилось, что были минуты, когда онъ въ душѣ упрекалъ себя за Настю, и эти упреки еще громче стали раздаваться въ его душѣ теперь.

— Положимъ, я спасъ ее чисто случайно, безъ всякихъ благородныхъ побужденій, поддавшись прежде всего чисто животному чувству, но ты... ты вѣдь ничего не сдѣлалъ, чтобы даже справиться о ней, узнать, что съ ней сталось. Какъ же я могъ чувствовать себя виноватымъ за нее передъ тобой?

Князь говорилъ ровно, спокойно, не волнуясь. Въ его голосѣ было много прежней мягкости, но и слышалось что-то новое, твердость характера, выдержанность, серьезность. Всмотрѣвшись въ него попристальнѣе, Дмитрій Андреевичъ нашелъ теперь, что онъ дѣйствительно попрежнему моложавъ, но его брови немного сдвинулись, между ними залегла складка, взглядъ былъ сосредоточенъ, строгъ, нѣсколько холоденъ. Во всѣхъ его движеніяхъ, въ манерѣ говорить, въ выраженіи лица было много выдержанности, благородства, сознанія своего собственнаго достоинства.

— Ты не сердись на меня за горькую правду,—продолжалъ князь. — Я столько пережилъ, столько передумалъ за эти годы, что сталъ менѣе всего способнымъ упрекать и обвинять людей. Правда, тогда, прежде, я очень негодовалъ на тебя за то, что ты бросилъ свою сестру, за то, что, можетъ-быть, она дѣйствительно погибла бы, если бы не подвернулся я; но вѣдь тогда бывали минуты, когда я чувствовалъ чуть не ненависть именно къ тебѣ...

— Ненависть?.. Ко мнѣ? — воскликнулъ Орловъ весь блѣдный.

Князь снова дотронулся рукой до его колѣна, какъ бы желая остановить его порывъ, и спокойно сказалъ:

— Теперь все улеглось, все отошло и осталось сознаніе, что всѣ мы и заблуждаемся, и падаемъ, и наносимъ огорченія другимъ чаще всего по неопытности, по легкомыслію, по необдуманности.

— Но я тебя не понимаю. Чѣмъ я, именно я, виноватъ передъ тобой?—невольно воскликнулъ Орловъ.

— Ты?

Князь усмѣхнулся.

— Да, можетъ-быть, виноватъ тѣмъ, что стоялъ гораздо выше меня...

Орловъ хотѣлъ что-то возразить, но князь не далъ ему выговорить ни слова и тѣмъ же ровнымъ голосомъ продолжалъ:

— Или, вѣрнѣе сказать, тѣмъ, что давалъ мнѣ на каждомъ шагу чувствовать, что ты стоишь выше меня—давалъ чувствовать *это* и *больше ничего*.

— Но...

— И потомъ, когда это стало понятно всѣмъ и болѣе всего моему отцу, презиравшему меня, я вдругъ увидалъ, что ты, можетъ-быть, умнѣе меня, но не выше, что мнѣ стоитъ проронить слово и ты упадешь въ глазахъ отца,— нѣтъ, больше, не будешь вовсе существовать для него. Была минута, когда я и хотѣлъ это сдѣлать, но... тяжелое это было время!.. я махнулъ на все рукой и попробовалъ забыться въ кутежахъ, какъ глупый мальчикъ...

Орловъ былъ смущенъ и встревоженъ. Онъ понималъ теперь все, чего даже и не подозрѣвалъ въ былые годы, и какъ-то смутно, чутьемъ, угадывалъ, что вотъ-вотъ князь выскажетъ ему еще и еще новыя горькія истины. Въ эту минуту въ комнату вбѣжали два плотные и здоровые мальчугана и бросились къ князю. Онъ горячо расцѣловалъ ихъ и обратился къ Дмитрію Андреевичу:

— Взгляни, какіе молодцы! Что же вы не раскланиваетесь? Это вашъ дядя Митя. Онъ недавно пріѣхалъ въ Петербургъ.

Мальчуганы расшаркались передъ Орловымъ, глядя ему съ любопытствомъ прямо въ лицо. Онъ пожалъ имъ руки, все еще взволнованный и смущенный, не умѣвшій, можетъ-быть, впервые въ жизни овладѣть вполнѣ собою.

— Обѣдъ скоро?—спросилъ князь у мальчугановъ.

— Да, накрываютъ,—отвѣтили они.

— Ну; идите, торопите,—сказалъ князь.—Скажите, что папа и дядя хотятъ ѣсть.

Когда мальчуганы вышли, князь сказалъ, обращаясь къ Дмитрію Андреевичу.

— Я, впрочемъ, радъ, что многое перенесъ: это школа хорошая. Безъ этой школы я вотъ не понялъ бы, что мало усыновить, оставить у себя дома ребенка, но что нужно еще и любить его, и заботиться о немъ; я увѣренъ, что

эти дѣти никогда не упрекнутъ меня за то, что я имъ какъ какимъ-нибудь щенкамъ далъ уголъ, но не счелъ нужнымъ отдать свое сердце.

Князь всталъ. Орловъ тоже поднялся съ мѣста.

— Послушай,—какимъ-то глухимъ голосомъ сказалъ онъ князю:—ты задалъ вопросы, которые нужно или выяснить, или... между нами ляжетъ еще болѣе глубокая пропасть...

— Хорошо, послѣ... Теперь же пойдемъ обѣдать...

Князь обнялъ одною рукой Орлова за талію и сказалъ:

— Вѣрь только одному, что я не сержусь ни на кого и менѣе всего на тебя.

Они вошли въ небольшую столовую и усѣлись за скромно, но хорошо сервированный столъ. За столомъ прислуживалъ молодой лакей. У Орлова пропалъ аппетитъ,—ему хотѣлось поскорѣй объясниться вполнѣ съ княземъ. Настя замѣтила смущеніе брата и немного встревоженно взглянула на князя. Но князь былъ и спокоенъ, и мягокъ, какъ всегда. Онъ шутилъ съ дѣтьми, разспрашивалъ ихъ о прогулкѣ въ кунсткамеру, о томъ, что они видѣли.

— Съ ними занимается одинъ студентъ,—замѣтилъ онъ, обращаясь къ Орлову. — Такое счастіе для нихъ, что они могутъ развиваться подъ руководствомъ честнаго и добраго человѣка. Грустно будетъ, если когда-нибудь придется разстаться съ такимъ учителемъ. Они подъ его руководствомъ такими естественниками и латинистами стали, что, право, мнѣ завидно. Больше меня знаютъ. И то сказать, насъ вѣдь ничему не учили въ конской школѣ.

Дѣти во время обѣда болтали безъ умолку, но Орловъ ничего не понималъ, что дѣлалось вокругъ него. Онъ ждалъ только конца обѣда. Наконецъ, обѣдъ кончился. Дѣти ушли съ Настей. Князь прошелъ съ Дмитріемъ Андреевичемъ въ свой кабинетъ. Эта небольшая комната съ зеленымъ турецкимъ диваномъ, съ нѣсколькими мягкими креслами и съ письменнымъ столомъ была заставлена шкапами и этажерками съ книгами. На стѣнахъ не было никакихъ украшеній, и только надъ диваномъ висѣлъ небольшой портретъ Насти. При первомъ взглядѣ на эту комнату видно было, что ея хозяинъ позаботился, чтобы тутъ не было ничего лишняго, но чтобы въ то же время въ ней было удобно и уютно. Этотъ характеръ, какъ потомъ замѣтилъ Орловъ, былъ и во всѣхъ остальныхъ комнатахъ квартиры, во всей домашней жизни князя. Русовъ и Орловъ сѣли на диванъ и закурили папиросы. Имъ подали кофе.

— Ты, конечно, удивляешься всему, что видишь, — сказалъ Русовъ, замѣтя, что Орловъ мелькомъ взглянулъ на шкапы съ книгами, и впервые въ этотъ день Орловъ уловилъ въ его голосѣ горечь и иронію. — Легкомысленный князь Александръ Русовъ толкуетъ серьезно, недалекій князь Александръ Русовъ, повидимому, читаетъ книги, безпутный и пустой вѣтренникъ князь Александръ заявляетъ претензію на что-то въ родѣ характера,—какъ тутъ не удивляться?

— Я...—началъ-было Орловъ.

— Ты, какъ и всѣ другіе, смотрѣлъ на меня именно такъ,—неторопливо перебилъ его князь.—Но ты перестанешь удивляться, когда узнаешь все,—а тебѣ можно говорить даже о томъ, о чемъ я не могу говорить ни съ кѣмъ. Для тебя нѣтъ у меня семейныхъ тайнъ, потому что ты-то ихъ узналъ чуть ли не раньше меня... Ты, вѣроятно, помнишь ту ночь, когда я еще ребенокъ, въ слезахъ, жаловался тебѣ на свои несчастія, на скуку одиночества, на вѣчные разъѣзды матери, на развратъ окружавшихъ меня, на отца, имѣвшаго любовницу, когда у него была такая добрая, такая красивая жена?.. Это были дѣтскія жалобы, но онѣ вполнѣ выражали все то, что томило меня очень сильно, очень долго, и не ребенкомъ, а юношей. Что я былъ такое? Для гувернера—сентиментальная дѣвчонка, для отца—безхарактерный мальчишка, для такихъ, какъ ты, — добрый, но недалекій малый, капризный барченокъ, для Ольги Родіоновны—выродокъ не въ русовскій родъ, для друзей вообще — туго набитый кошелекъ, къ которому судьба пристегнула на что-то вялаго и скучнаго хозяина, хандрившаго даже во время кутежей. Слабый по натурѣ, я вслѣдствіе всего этого сталъ еще болѣе безхарактернымъ, слезливымъ, хандрящимъ человѣкомъ. Невниманіе и насмѣшки окружающихъ оскорбляли мое самолюбіе, и въ то же время я падалъ духомъ, сознавая, что я не могу ничего сдѣлать, чтобы поставить себя иначе. Не знаю почему — вслѣдствіе ли малыхъ способностей или вслѣдствіе небрежнаго воспитанія — я дѣйствительно былъ какимъ-то безпомощнымъ существомъ. Я сознавалъ это и, конечно, мучился еще больше. Но этихъ несчастій было мало. Въ одинъ прекрасный день меня поразилъ новый нравственный ударъ. Я случайно узналъ жизнь моей матери, узналъ только намекомъ. Но меня это поразило, потому что мать была послѣдней святыней, которой я еще молился, въ которую я еще вѣрилъ. Я какъ-то болѣзненно постарался разузнать все, и все узналъ, все оза-

рилъ свѣтомъ. Мнѣ было страшно тяжело, но въ то время я точно хотѣлъ выпить чашу до дна, точно хотѣлъ нанести себѣ послѣдній ударъ. Во мнѣ произошло что-то странное. «Такъ вотъ они — эти святыя женщины, эти безупречные люди!» — думалось мнѣ, и я горько смѣялся надъ своими дѣтскими слезами о несчастіяхъ матери. Въ это время меня уже окружала наша кутящая молодежь, и я закутилъ съ нею—безобразно, пошло, постыдно...

Князь Русовъ всталъ и началъ по привычкѣ, разговаривая, ходить по комнатѣ. Орловъ, взволнованный началомъ разсказа, тоже послѣдовалъ его примѣру. Онъ не прерывалъ его ни словомъ, весь поглощенный этою исповѣдью.

— Ты помнишь, какъ я сталъ относиться въ это время къ тебѣ?—продолжалъ князь.—Небрежно, насмѣшливо, свысока. Я презиралъ тебя болѣе, чѣмъ кого-нибудь... Смотря на тебя, я часто думалъ: «И этотъ-то человѣкъ относится ко мнѣ покровительственно, и этого-то человѣка любитъ и ставитъ мнѣ въ примѣръ отецъ, а мнѣ стоитъ сказать слово—и онъ будетъ раздавленъ, уничтоженъ».

Орловъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы порываясь что-то сказать. Князь движеніемъ руки остановилъ его и такъ же ровно продолжалъ свой разсказъ.

— Это время давно прошло, эти чувства давно прошли, но тогда мнѣ казалось, что я головой выше тебя, что если я и кучу, то я не обманываю никого, не втираюсь въ спальни къ чужимъ женамъ. Не знаю, чѣмъ бы я кончилъ, если-бъ я былъ болѣе здоровымъ и сильнымъ человѣкомъ, а не слабой натурищкой. Кутежи съ первыхъ же дней отозвались на моемъ здоровьѣ, и я испугался, сталъ воздерживаться отъ нихъ. Тутъ не было никакихъ высокихъ причинъ, никакихъ возвышенныхъ побужденій, а просто трусость богатаго юноши, не хотѣвшаго умирать. Прибавь къ этому, что въ это время я увлекся Настей, и она, сама того не зная, спасла меня. Да, когда я начинаю разбирать наши тогдашнія отношенія, — я, право, не могу дать себѣ отчета, кто изъ насъ кого больше спасъ: я ее или она меня. Переставъ кутить, я не могъ сразу перестать давать средства для кутежей своимъ товарищамъ и волей-неволей, почти трезвый, присутствовалъ на ихъ попойкахъ и оргіяхъ, за которыя платилъ я. Спартанцы были совершенно правы, показывая своимъ трезвымъ сыновьямъ пьяныхъ илотовъ. Дѣйствительно, нѣтъ ничего омерзительнѣе, какъ трезвому смотрѣть на пьяныхъ. Это я узналъ по опыту. Кромѣ того

мнѣ не хотѣлось возить Настю на эти попойки, въ общество гулякъ и кокотокъ. Тутъ опять-таки руководили мною не нравственныя побужденія, а что-то въ родѣ желанія сохранить ее для себя одного. Она, испуганная перспективой нищеты, перенесшая много позорныхъ сценъ, много униженій отъ негодяя, погубившаго ее, отдалась мнѣ съ такою кроткою любовью, съ такою благодарностью, съ такою почти рабскою покорностью, что я впервые почувствовалъ, что я кому-нибудь нуженъ. Ты едва ли поймешь весь смыслъ, все значеніе этого сознанія. Но для меня это сознаніе было очень важно. До этой поры я даже представить себѣ не могъ, что я могу быть кому-нибудь настолько нуженъ, что этотъ человѣкъ станетъ угадывать мои желанія, станетъ читать въ моихъ глазахъ мысли, станетъ переносить отъ меня всѣ мои капризы, мои недостатки,—однимъ словомъ, будетъ расцвѣтать отъ моей улыбки, плакать отъ моего малѣйшаго неудовольствія. И я нашелъ такого человѣка въ ней, потому что я спасъ ее отъ голода, отъ позора, отъ нравственныхъ оскорбленій, спасъ ради животнаго чувства, ради развратныхъ побужденій, но все же спасъ... И вотъ, переставъ кутить и тяготясь присутствіемъ на чужихъ кутежахъ, я уходилъ все чаще и чаще къ ней, въ нашъ тихій уголокъ, въ то гнѣздышко гдѣ никто не оскорблялъ, не унижалъ меня.

Князь на минуту смолкъ. Въ головѣ Дмитрія Андреевича вдругъ промелькнуло воспоминаніе о словахъ отца: «Митя, вѣдь песъ, песъ цѣпной—и тотъ спину подставляетъ, чтобъ ее погладили, а я—человѣкъ». У него точно защимило что-то на сердце.

— Я не психологъ,—продолжалъ, между тѣмъ, князь свою исповѣдь:—и не сумѣю тебѣ передать вполнѣ ясно того, что и почему произошло въ моей душѣ, но могу только сказать одно, что здѣсь, въ этой квартирѣ, во мнѣ произошелъ серьезный переворотъ. Можетъ-быть, потому-то мы съ Настей такъ и дорожимъ ею. Она намъ теперь немного тѣсна, но здѣсь я сталъ человѣкомъ, и мнѣ было бы тяжело оставить этотъ уголокъ. Какъ-то разъ вечеромъ я пріѣхалъ сюда и неслышно прошелъ черезъ столовую въ комнату, гдѣ спалъ обыкновенно сынъ Насти. Дверь была не закрыта, и я невольно остановился на порогѣ, увидавъ Настю присѣвшею на полъ около крошечнаго ребенка, стоявшаго на колѣняхъ передъ образомъ, висѣвшимъ въ углу и озареннымъ свѣтомъ ломпады. «Скажи теперь,—тихо говорила она:—по-

милуй, Господи, папу Сашу и дай ему здоровья». Ребенокъ дѣтскимъ языкомъ лепеталъ подсказываемыя ему слова и серьезно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ... «Гдѣ и кто еще молится за меня?—мелькнуло въ моей головѣ.—За кого молюсь я самъ? И стою ли я этихъ молитвъ? Дѣйствительно ли чисты мои помыслы и хороши мои дѣла? Что я такое? Добродушный, слабый, но пустой и праздный человѣкъ. Отчего?» Я тихо отошелъ отъ дверей, прошелъ вотъ сюда, заперся здѣсь и—я помню до сихъ поръ эту ночь, безсонную, долгую, полную слезъ и сомнѣній, но все же лучшую ночь въ моей жизни. Въ эту ночь я какъ будто вдругъ все понялъ, со всѣмъ примирился, все разрѣшилъ... Къ неожиданнымъ выводамъ приходитъ иногда человѣкъ, вдумавшись поглубже въ жизнь. Когда впервые я узналъ о прошломъ моей матери, я проникся уваженіемъ къ моему отцу: я понялъ, что онъ принесъ большую жертву, не опозоривъ нашу мать, не отказавшись отъ меня, отъ покойныхъ моихъ братьевъ и сестеръ, отъ сестры Ольги,—однимъ словомъ, отъ всѣхъ дѣтей, вышедшихъ, какъ выражалась Ольга Ѳіоновна, не въ русовскій родъ. Ты вѣдь знаешь, что въ русовскій родъ вышла одна Соня. Я чувствовалъ и благодарность, и уваженіе къ отцу за эту жертву, удивлялся даже ему, что онъ нашелъ силы принести ее. Но въ эту ночь, перебирая все, сдѣлавшее меня такимъ ничтожнымъ, слабымъ, пустымъ, я обвинилъ именно этого человѣка. Онъ не опозорилъ ни нашу мать, ни насъ; онъ не выбросилъ насъ изъ дома; онъ дозволилъ намъ быть князьями; онъ далъ намъ средства жить въ богатствѣ и почетѣ. Почему?.. Я не стану разбирать, было ли это сдѣлано просто изъ нелюбви къ скандаламъ, изъ барской брезгливости или вслѣдствіе какихъ-нибудь другихъ побужденій. Но, позволивъ намъ носить свое имя, признавъ насъ своими дѣтьми, онъ не далъ намъ своего сердца, своей любви. Онъ презиралъ насъ, по крайней мѣрѣ меня, за то, что я былъ не въ Русовыхъ, за то, что я былъ слабъ, за то, однимъ словомъ, что я не его сынъ. Онъ не обращалъ на меня вниманія, онъ не заботился о моемъ воспитаніи, онъ не скрывалъ отъ меня, что онъ не любитъ меня, что я чуждъ ему. Не думай, что я хочу этими словами набросить на него тѣнь. Нѣтъ, каждый дѣлаетъ, что можетъ, даетъ, что имѣетъ. Но, додумавшись тогда до этого, я, во-первыхъ, далъ себѣ слово не брать болѣе у отца денегъ и жить на свои средства, доставшіяся мнѣ отъ тетки моей матери. Эти средства были

относительно не велики, но я рѣшился жить на нихъ, и только на нихъ. Думая о своемъ воспитаніи, думая о будущемъ, я пришелъ къ заключенію, что я ничего не знаю, ни на что не гожусь, что мнѣ нужно начать съ азбуки, если я желаю сдѣлаться человѣкомъ... Но хватитъ ли у меня силъ и способностей?—спрашивалъ я себя. Я—такое ничтожество! Недаромъ же меня всѣ считаютъ безсильнымъ, неразвитымъ, недалекимъ. Но если это точно такъ, то неужели же я не могу быть порядочнымъ человѣкомъ, руководствуясь, по крайней мѣрѣ, добрыми чувствами, честными стремленіями? До сихъ поръ, топча меня въ грязь, люди все-таки признавали, что я добръ и честенъ. Правда, отецъ говорилъ, что я добръ потому, что мнѣ лѣнь быть злымъ. Другіе говорили, что я честенъ потому, что мнѣ не нужно подличать. Ну, что-жъ, все-таки они не отрицали во мнѣ ни доброты, ни честности. Можетъ-быть, Господь поможетъ мнѣ сдѣлать хоть что-нибудь, руководствуясь этими чувствами и инстинктами. И я горячо молился, чтобы стать инымъ человѣкомъ. Никогда я не чувствовалъ въ своей душѣ такого смиренія, какъ въ ту ночь; это не было ни отчаяніе, ни уныніе, ни безнадежность,—нѣтъ; это было смиреніе передъ судьбой; я думалъ, что я примирюсь со всякой долей, лишь бы остаться добрымъ и честнымъ человѣкомъ; я не замышлялъ ни о чемъ крупномъ и широкомъ, я хотѣлъ подготовить себя на самую скромную роль, только бы исполнить ее безупречно, безъ угрызеній совѣсти, безъ краски стыда за свои поступки, и это смиреніе спасло меня.

Князь заговорилъ какъ бы въ раздумьи.

— Можетъ-быть, я ошибаюсь, какъ ошибаются и всѣ люди. Но дѣло не въ томъ. Для человѣка важно увѣровать хоть во что-нибудь, остановиться твердо хоть на чемъ-нибудь. Безъ этого невозможно спокойствіе души. Это спокойствіе я почувствовалъ въ себѣ въ ту ночь, когда я рѣшился не гнаться ни за какимъ блескомъ, ни за какими успѣхами, а просто подготовить себя къ какому-нибудь скромному труду и дѣлать избранное дѣло такъ, какъ я только могу дѣлать, слѣдя въ то же время за каждымъ своимъ шагомъ, ни на минуту не обольщаясь мыслью, что я безупреченъ, что я не могу дѣлать промаховъ. Мнѣ казалось, что только тотъ, кто признаетъ внутри себя свою личность слабой и заблуждающейся, нуждающейся въ вѣчной повѣркѣ своихъ дѣйствій и въ наблюденіи за собой, только тотъ можетъ стать сколько-нибудь хорошимъ человѣкомъ. Мнѣ ка-

залось, что и всякія исканія однихъ великихъ подвиговъ и крупной дѣятельности чаще всего ведутъ только къ фразерству, къ бездѣлью, къ недовольству собою и людьми. Къ этому убѣжденію привели меня два обстоятельства. Съ одной стороны, сознаніе, что я дѣйствительно слабый, не особенно способный, плохо подготовленный человѣкъ, которому подъ силу только небольшое дѣло. Съ другой стороны, я убѣдился, что не все то золото, что блеститъ: мнѣ вспомнился мой отецъ, совершившій чуть не подвигъ, пощадивъ свою жену, пощадивъ насъ, а между тѣмъ эта возвышенная жертва не повела ни къ чему, такъ какъ у него не хватило силы довести дѣло до конца и спасти насъ своею любовью. Мнѣ вспомнился ты, блестящій, чуть не признанный геніемъ, человѣкъ, смотрѣвшій свысока, покровительственно на такихъ людей, какъ я, а между тѣмъ именно ты, потерявъ голову среди успѣховъ, не стоя настороже у своей личности, сдѣлалъ проступокъ скверный, низкій,—обманулъ того, кто любилъ тебя больше, чѣмъ сына... Мнѣ вспоминалось множество людей, которые ничего не дѣлали только потому, что у нихъ не было крупнаго дѣла, не представлялось случаевъ совершать подвиги. Подвиги, великія дѣла!.. Развѣ люди въ большинствѣ случаевъ призваны именно для нихъ, а не для будничнаго, мелкаго, чернаго дѣла? Стремиться только къ нимъ—это значитъ обречь себя на бездѣлье, на праздность, когда кругомъ столько мелкаго дѣла, безъ котораго нельзя жить, нельзя добиться чего-нибудь. Прежде, чѣмъ какая-нибудь геніальная мысль распространится по свѣту, нужно, чтобы нашлись простые работники для приготовленія бумаги, шрифта, набора книги. Прежде, чѣмъ вырастетъ самъ этотъ геній, нужна нянька для него, сапожники и портные для него, земледѣльцы и учителя для него. Я говорю тебѣ эти прописныя истины потому, что жажда подвиговъ и великихъ дѣлъ и отвращеніе отъ чернаго труда—эта болѣзнь вѣка и особенно въ Россіи: все интеллигентное съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе заражается этою болѣзнью. Не быть всю жизнь упорнымъ и честнымъ работникомъ, но сдѣлаться въ одну минуту героемъ, не быть серьезнымъ ученымъ, но дѣлать открытія, назвавъ своимъ именемъ какую-нибудь бабочку, комету, новое лѣкарство, не сочинять, не писать бумагъ, но предписывать и подписывать—вотъ стремленіе большинства такъ-называемыхъ развитыхъ людей и въ этомъ, быть-можетъ, главное несчастіе общества, главная причина бездѣятельности, главная причина скуки жизни.

Мнѣ трудно передать тебѣ все, что я передумалъ тогда, потому что передумалось много. Мнѣ тогда казалось, что передо мной вдругъ открылся новый міръ, что со мной совершилось какое-то чудо. Ты, конечно, поймешь, что этотъ новый міръ въ сущности открылся не вдругъ и никакого чуда тутъ не было, а просто въ эту ночь я подвелъ итоги всему тому, что бродило уже въ моей головѣ отрывочно, смутно и какъ бы безслѣдно раньше. Но ты поймешь также и то, что на другой день я проснулся человѣкомъ съ болѣе или менѣе опредѣлившимися взглядами, но не другимъ человѣкомъ: додуматься легко до многаго, но измѣнить себя на новый ладъ далеко не легко. Эта ломка продолжалась долго, и тутъ мнѣ помогла любовь Насти, терпѣливо и кротко сносившей неровности моего характера, помогли учиться студенты и профессора,—тѣ новые люди, съ которыми я сошелся, рѣшившись учиться и учиться.

Князь улыбнулся.

— Ломка была тоже не легкая. Нужно было, съ одной стороны, оградить себя и Настю отъ прежнихъ моихъ друзей, нужно было заставить новыхъ друзей увидать во мнѣ мало развитого, мало знающаго, но все же искренно стремящагося къ лучшему, человѣка; наконецъ, нужно было оставаться волей-неволей на службѣ и откладывать осуществленіе завѣтной мечты поселиться въ деревнѣ, сдѣлаться земскимъ дѣятелемъ... Да, я тебѣ еще не сказалъ, какой родъ дѣятельности я выбралъ... До разныхъ теоретическихъ выводовъ додуматься я могъ, но опредѣлить, что я могу дѣлать—это было далеко не такъ легко при моемъ тогдашнемъ развитіи и незнаніи нашей жизни. Только при помощи толковъ и споровъ съ болѣе развитыми, болѣе передовыми людьми я понялъ, что мнѣ, землевладѣльцу, другого выхода нѣтъ, какъ идти туда, къ народу, и работать тамъ вмѣстѣ съ нимъ. Къ этому дѣлу я сталъ приготовлять себя и особенно благодаренъ я одному изъ профессоровъ, упорно, основательно и горячо развившему мнѣ всѣ стороны этого вопроса. Къ несчастію, я покуда принимаю только пассивное участіе въ дѣлахъ своего имѣнія, являясь туда наѣздомъ. Везти туда навсегда Настю не женою я не хочу, выйти же въ отставку и жениться на Настѣ я не могу, покуда живъ отецъ: его дни сочтены, и я не хочу отравлять ему послѣднія минуты, не хочу объясняться съ нимъ. Ты, конечно, не знаешь, что было между нами въ эти годы, такъ какъ семейныхъ сценъ ни онъ, ни Соня не могли передать тебѣ. Дѣло въ томъ,

что, рѣшившись жить иначе, чѣмъ жилъ, я пересталъ брать у отца деньги. Старикъ это замѣтилъ и точно оскорбился или встревожился. Разъ онъ меня спросилъ, по обыкновенію, сухо и холодно, изъ какихъ средствъ я живу. Я сказалъ, что изъ своихъ. Онъ замѣтилъ мнѣ: «Но этого мало?»— «Не много; но если больше нѣтъ, то надо жить и на это»,— отвѣтилъ я.—«Это что-то новое,—насмѣшливо замѣтилъ онъ.—Прежде ты, кажется, не находилъ этого возможнымъ!»—«То было прежде, а теперь на многое приходится смотрѣть иначе»,—отвѣтилъ я. Но отвѣтъ не успокоилъ отца, и тутъ произошло памятное мнѣ прискорбное объясненіе. Онъ сдвинулъ брови и непріятнымъ, кольнувшимъ меня въ сердце тономъ замѣтилъ мнѣ: «Правда, теперь ты совершеннолѣтній, и тебѣ каждый ростовщикъ повѣритъ въ долгъ. Ты вѣдь и прежде имѣлъ милую привычку выдавать векселя, а теперь можешь и подавно дѣлать это». Я вспыхнулъ и сухо отвѣтилъ ему: «Я дѣлалъ долги, покуда мнѣ казалось, что за меня должны платить; но теперь я ихъ не дѣлаю, потому что знаю, что никто не обязанъ платить чужихъ долговъ, а у меня у самого для уплаты ихъ и нѣтъ, и, можетъ-быть, не будетъ средствъ». Я не знаю самъ, но, вѣроятно, тонъ моихъ словъ былъ жестокъ, рѣзокъ,—вѣроятно, я слишкомъ грубо подчернулъ слово «чужихъ». Отецъ поблѣднѣлъ и какъ-то глухо проговорилъ мнѣ: «А, такъ ты вотъ какъ смотришь на наши отношенія! Долги сына—чужіе долги; для уплаты ихъ въ будущемъ, можетъ-быть, не найдется средствъ, то-есть, значитъ, умирая, отецъ можетъ лишить тебя наслѣдства». Я почувствовалъ, что онъ все попрежнему презираетъ меня, смотритъ на меня сверху внизъ, и не сдержался: «Мнѣ такъ рѣдко давали чувствовать, что я—сынъ, что я не разсчитываю, не хочу разсчитывать ни на что,—отвѣтилъ я.—И если чего-нибудь желаю, такъ только одного, чтобы вы сознали когда-нибудь, что вашу доброту и нѣжность могъ чувствовать больше послѣдній слуга, чѣмъ я. Вы не любили меня, прежде чѣмъ не заслужилъ нелюбовь». Отецъ поднялся съ мѣста, грозный, готовый, кажется, раздавить меня ногой. Я никогда не видалъ его такимъ, не думалъ, что и въ немъ сидитъ звѣрь. «Молчи!»—глухо проговорилъ онъ и указалъ мнѣ на дверь.— «Вы не хотите даже объясняться, потому что это объясненіе *вамъ* не нужно, а до *меня*... вамъ никогда не было дѣла до *меня*»,—отвѣтилъ я и вышелъ изъ кабинета, черезъ порогъ котораго я уже не переступалъ больше... Потомъ я понялъ,

что я былъ виноватъ передъ нимъ, что я не имѣлъ права упрекать его за то, что онъ мнѣ не далъ того, чего не могъ дать,—любви. Мнѣ еще тяжелѣе стало это сознаніе, когда я узналъ потомъ, что этотъ разговоръ онъ началъ со со мною въ минуту добраго ко мнѣ расположенія: онъ узналъ, что я не кучу, что я учусь, что я живу какъ-то странно затворникомъ, что я не беру даже положеннаго мнѣ содержанія изъ домовой конторы, и ему захотѣлось убѣдиться, точно ли я исправляюсь, не начинаетъ ли изъ меня выходить порядочный человѣкъ. Но разговоръ съ первыхъ же словъ получилъ такой оборотъ, что мы разошлись. Потомъ еще разъ на минуту мы остались съ глазу на глазъ. Отецъ былъ боленъ за границей, и меня вызвали туда. Первыми нашими словами при встрѣчѣ были слова: «Я много виноватъ передъ тобой!» Эти слова сорвались съ языка и у него, и у меня, но на этомъ и кончилось все: онъ, кажется, ждалъ, что я попрошу его о деньгахъ, о помощи, опять обращусь къ нему, какъ къ отцу, а я боялся подать малѣйшій поводъ къ подозрѣнію, что я жду отъ него чего-нибудь, что мнѣ нужны его деньги, что я пріѣхалъ примириться, чтобы за примиреніе получить права на наслѣдство. Можетъ-быть, мною руководило ложное чувство, но иначе я не могъ поступить, хотя я чувствовалъ, видѣлъ, что ему принесла бы безмѣрную радость первая моя просьба о деньгахъ. Но сдѣлать это было выше моихъ силъ. Когда я уѣзжалъ, онъ уже немного оправился и на прощаніи сказалъ мнѣ врѣзавшуюся мнѣ въ память фразу: «Спасибо, что пріѣхалъ. Я знаю, что есть вещи, которыя не забываются, и потому благодарю тебя, что ты, все-таки, пріѣхалъ». Мы разстались не какъ отецъ и сынъ, а какъ примирившіеся друзья. И все-таки я почти не переписываюсь съ нимъ, не хочу сообщать ему о своихъ планахъ, не хочу выйти въ отставку до его смерти, не хочу жениться до его смерти. Объясняться съ нимъ я не могу: я не знаю, пойметъ ли онъ меня,—не знаю, не вспыхнетъ ли при объясненіи все то, что теперь покрыто пепломъ, но, можетъ-быть, далеко не угасло.

Передъ Дмитріемъ Андреевичемъ открылъ свою душу совсѣмъ новый человѣкъ, не похожій на прежняго Александра Русова. Въ этой исповѣди было много такого, что кольнуло въ сердце Дмитрія Андреевича. Онъ нѣсколько разъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, то порывался что-то возразить, но князь легкимъ жестомъ руки, мимолетнымъ взглядомъ останавливалъ эти порывы. Были двѣ-три фразы, которыхъ Орловъ

не пропустилъ бы безнаказанно никому. Но князь говорилъ такъ, какъ будто рѣчь шла не объ Орловѣ, но о какомъ-то третьемъ безразличномъ для нихъ обоихъ человѣкѣ, какъ будто онъ желалъ только констатировать факты, а не бросать человѣку въ лицо упрекъ или обиду. Въ его рѣчахъ замѣчалась удивительная способность смотрѣть на вещи объективно, въ нихъ чувствовалось умѣнье быть сдержаннымъ. Такъ могъ говорить только человѣкъ, выросшій при такихъ условіяхъ и въ такой средѣ, гдѣ приходилось прежде всего запастись умѣньемъ владѣть собой, не выдавать ничѣмъ своихъ завѣтныхъ чувствъ и мыслей. Особенно поразили Орлова слова князя о томъ, что мы, развитые люди, ужасно много судимъ и рядимъ обо всемъ и ужасно рѣдко заглядываемъ въ собственную свою душу, провѣряемъ себя, творимъ надъ собою судъ...

— А безъ этого мы никогда не выработаемъ ни нравственности, ни характера, ни устойчивости въ себѣ, а между тѣмъ только тогда мы и станемъ силой, когда воспитаемъ самихъ себя,—замѣтилъ Русовъ.—Къ несчастью, въ насъ менѣе всего развиваютъ именно эту способность къ внутреннему анализу своихъ чувствъ, дѣйствій, словъ. Намъ нужно много ударовъ судьбы, много толчковъ, чтобы мы, наконецъ, опомнились и смиренно взглянули въ себя, тогда какъ быть безпощаднымъ судьею другихъ изъ насъ умѣетъ каждый чуть не съ пеленокъ.

Орлову невольно вспомнилось, что и онъ, Орловъ, сталъ заглядывать въ себя только послѣ сотенъ и сотенъ толчковъ, данныхъ ему судьбой, и судилъ на каждомъ шагу другихъ. Въ его памяти вдругъ воскресли даже такія мелочи, какъ его недавнее раздраженіе на сестру за то, что она взяла вещи Лампадова, хотя онъ, Орловъ, не могъ поручиться за себя, что онъ не сдѣлалъ бы того же, если бы былъ тогда на ея мѣстѣ.

— Можетъ-быть, именно это значеніе имѣетъ рѣзкая фраза о томъ, что иногда нужна человѣку публично данная пощечина,—продолжалъ князь.—Дѣйствительно, у насъ только тѣ еще и вдумываются въ свои дѣла, кому судьба даетъ эти пощечины; а покуда мы счастливы, покуда насъ балуютъ успѣхи, покуда насъ носятъ на рукахъ, мы чуть не святые въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Орловъ удивлялся, какъ ясно, какъ полно, какъ цѣльно сложились всѣ взгляды князя. Съ нимъ можно было не соглашаться, можно было спорить, но въ то же время можно

было впередъ понять, что подорвать въ немъ вѣру въ правильность этихъ взглядовъ, пошатнуть его убѣжденія было уже невозможно. Онъ нашелъ въ этихъ взглядахъ разрѣшеніе всѣхъ мучившихъ его вопросовъ; онъ при помощи этихъ взглядовъ нашелъ путь къ обновленію; онъ, руководясь этими взглядами, могъ работать, сознавая пользу этой работы, не тяготясь ею, не порываясь отъ чернаго труда куда-то къ мечтательнымъ великимъ подвигамъ; при этихъ взглядахъ онъ сознавалъ, что будничный трудъ и черная работа вовсе не исключаютъ способности къ великимъ подвигамъ, что сегодняшній чернорабочій можетъ быть завтра героемъ, что онъ только стоитъ за одно—за то, чтобы люди не сидѣли, сложа руки, въ ожиданіи, когда явится возможность для широкой дѣятельности и для геройскихъ подвиговъ. «То-есть отъ бездѣлья и то рукодѣлье!»—вспомнились Орлову его собственныя слова, сказанныя имъ княжнѣ, по поводу ея мечтаній о школѣ, и тутъ же ему вспомнилось, какъ образно выразился на этотъ счетъ князь Александръ.

— Битвы не каждый день даются, — замѣтилъ онъ: — и въ ожиданіи битвы все же нужно и кормить солдатъ, и чистить ружья, и готовить заряды, и заботиться обо всемъ томъ, безъ чего нельзя выиграть никакого самаго ничтожнаго сраженія. Вотъ этой-то работы и боятся, и бѣгутъ у насъ всѣ, кто не народъ, точно только народъ обязанъ нести бремя чернаго труда, а всѣ остальные люди должны только пожинать блестящіе лавры славы...

Если общіе взгляды и отвлеченныя мысли князя поражали Орлова своею стройностью, то еще болѣе поразили его частности и примѣры, приведенные княземъ въ подтвержденіе высказанныхъ имъ взглядовъ, — поразили уже потому, что вызывали боль въ сердцѣ Орлова. Такъ, князь, говоря о томъ, какія послѣдствія иногда вызываютъ наше неумѣніе или нежеланіе слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, наше вѣчное витаніе среди однихъ какихъ-то широкихъ замысловъ и плановъ, замѣтилъ между прочимъ:

— Ты вотъ былъ далеко не глупымъ, не близорукимъ и не злымъ человѣкомъ, а между тѣмъ задумался ли ты, положимъ, надъ вопросомъ, что̀ выйдетъ изъ того, что сестру Настю выдадутъ за какого-то наемнаго негодяя-жениха и припишутъ ребенка Насти къ этой семьѣ? Если бы ты хоть на минуту остановился надъ этимъ вопросомъ, — ты спасъ бы отъ многихъ огорченій Настю и избавилъ бы ея маль-

чика отъ очень печальной участи быть сыномъ негодяя-отца, имѣющаго всѣ законныя права на этого сына.

— Я тогда совершенно потерялъ голову, — проговорилъ Орловъ.

— Полно, мой другъ! Ты самъ не вѣришь, конечно, въ свое оправданіе, — сказалъ князь. — Ты просто умылъ въ этомъ дѣлѣ руки—вотъ и все. А между тѣмъ, тебѣ стоило только вдуматься въ дѣло, обсудить его, и ты объяснилъ бы Настѣ, что ей вовсе не нужно выдавать замужъ сестру, что для ребенка будетъ меньшимъ несчастіемъ быть незаконнорожденнымъ, чѣмъ сыномъ какого-то мерзавца, что если она и будетъ брошена, то ты найдешь лишній грошъ для воспитанія ея ребенка.

Орловъ молчалъ, вспомнивъ, что, узнавъ о паденіи Насти, онъ прежде всего думалъ, какъ наказать Михайловскаго-Несмѣльскаго, и только. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обличеній, всѣхъ этихъ воспоминаній, Орловъ точно упалъ духомъ, точно растерялся, и у него какъ-то невольно сорвался съ языка вопросъ:

— Скажи, пожалуйста, какъ ты послѣ всего этого на меня смотришь?

— Я тебя попрежнему люблю,—отвѣтилъ князь.

Орловъ вопросительно взглянулъ на него.

— Любишь?

— Съ воспоминаніемъ о тебѣ у меня всегда связываются воспоминанія о самыхъ свѣтлыхъ минутахъ дѣтства. Ты первый далъ мнѣ возможность узнать чувство раздѣленной, взаимной любви.

— И послѣ нанесъ сотни мелкихъ уколовъ...

— Да кто же изъ насъ не вливалъ своей капли яда въ жизнь ближнихъ? Мудрецы и святые рѣдки...

Князь грустно улыбнулся.

— Я не говорю о своемъ прошломъ, о прошломъ безпутнаго кутилы-князька, когда дѣлались такія вещи, отъ воспоминанія о которыхъ не только краснѣешь теперь, но иногда чувствуешь боль въ сердце. Нѣтъ, что прошлое! Для него есть оправданіе въ незнаніи, въ неразвитости, въ испорченности. А теперь? Вотъ я, напримѣръ, знаю, что я отравляю жизнь человѣку, близкому мнѣ человѣку, которому я все-таки обязанъ всѣмъ, а между тѣмъ, поступить иначе—это свыше моихъ силъ покуда.

— Ты говоришь объ отцѣ?—спросилъ Орловъ.

— Да,—отвѣтилъ князь.—Я знаю, что его мучитъ раз-

ладъ со мною. Это сквозитъ въ каждомъ письмѣ сестры. Она пишетъ: «Отецъ все вспоминаетъ о тебѣ. Зачѣмъ ты ему пишешь такія сухія, такія офиціальныя письма? Зачѣмъ ты не говоришь съ нимъ откровенно о томъ, что ты дѣлаешь, какъ ты живешь? Вѣдь ты же не чужой ему!» И все-таки я не могу переломить себя и изгладить изъ его души раскаяніе, упреки за прошлое. Это не злопамятство, это не мелочное упрямство, а что-то такое, чего я не могу объяснить себѣ, и что выше меня.

Далеко за полночь продолжалась бесѣда Орлова съ княземъ, и они разстались друзьями. Князь на прощаньи обнялъ его и ласково проговорилъ:

— Вычеркнемъ изъ своей дружбы все, кромѣ воспоминаній дѣтства.

VI.

Орловъ ушелъ отъ князя въ странномъ настроеніи. Въ его умѣ вертѣлись только слова князя, что надо смириться и заглянуть въ себя съ безпристрастіемъ и строгостью судьи. Дмитрію Андреевичу вспоминалось теперь, что и у него бывали въ послѣднее время минуты, когда, негодуя на всѣхъ и все, онъ вдругъ на мгновенье останавливался на мысли: «а каковъ я самъ». Эта нотка повторялась въ его душѣ все чаще и чаще. Онъ начиналъ ее подмѣчать и въ другихъ. Что это такое? Слѣдствіе чисто русской склонности къ самобичеванію, къ самообличенію? Или это только знаменіе времени, того тяжелаго времени, когда всѣ сколько-нибудь развитые люди сознали, что кругомъ все скверно, что скверны и дѣла, и дѣятели, что нѣтъ такого уголка, гдѣ бы люди стояли на высотѣ своего положенія,—и разбивъ всѣхъ своихъ кумировъ, втоптавъ въ грязь все и всѣхъ, не находя во внѣшнемъ мірѣ ни одной свѣтлой и твердой точки опоры, попробовали уйти въ свой внутренній міръ и взглянуть на собственное я?.. «Какъ сестра Аня»,—вдругъ закончилъ Дмитрій Андреевичъ, и эта мысль бросила какой-то новый для него свѣтъ на этотъ вопросъ. Да, и Анна Андреевна всю жизнь хлопотала о другихъ, судила другихъ, старалась обратить на путь истины другихъ, но подъ ударами обстоятельствъ, когда всѣ ея надежды были разбиты, она вдругъ заглянула въ себя, и надъ ней громомъ грянулъ голосъ совѣсти:—«Прежде покайся сама!» «Въ грѣхахъ потонула и другихъ чуть не погубила своими грѣхами»,—смиренно созналась она и пошла на подвигъ покаянія. Это было бо-

лѣзненное явленіе, но развѣ наше время—не время больныхъ людей? Развѣ въ наше время не начинаетъ совершаться болѣзненный переломъ—переходъ отъ жизни внѣшними интересами къ жизни интересами внутренними? Эпоха преобразованій и движенія впередъ застала насъ ветхими людьми, не имѣвшими ни силъ, ни средствъ, ни времени подготовиться къ исполненію великой миссіи. Герои для подвиговъ нашлись, а честныхъ чернорабочихъ для упорнаго будничнаго труда не было. Первыхъ создаетъ минута, а вторые вырабатываются десятками лѣтъ. Но дѣло не ждало; руки были нужны; разбирать, какія руки предлагали услуги, было некогда. И вотъ закипѣла работа на новыхъ путяхъ по старымъ традиціямъ и сразу отовсюду послышались крики негодованія на хищничество, на грабежъ, на мошенничество, на неспособность, на недобросовѣстность, на искаженіе великихъ предначертаній. Негодовали даже и тѣ, кто самъ ничего не дѣлалъ, кто самъ портилъ всякое дѣло, кто самъ злоупотреблялъ въ ту или въ другую сторону. Эта эпоха повальныхъ недоразумѣній и повальнаго недовольства должна была кончиться, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ лицъ, такъ или иначе измученныхъ жизнью, невольнымъ желаніемъ уйти въ самихъ себя, заглянуть въ свою собственную душу, переставъ рыться въ чужихъ душахъ, въ чужихъ дѣлахъ. Всѣ эти мысли прошли въ головѣ Дмитрія Андреевича послѣ его перваго разговора съ княземъ, и его охватило мрачное настроеніе. Онъ взвѣшивалъ мысленно, сколько онъ сдѣлалъ въ жизни ошибокъ и сколько принесъ дѣйствительной пользы. Какъ много было первыхъ, и какъ ничтожны были плоды послѣдней. Но что же онъ могъ сдѣлать въ его положеніи? У него были, такъ сказать, связаны руки, связанъ языкъ. Хорошо князю мечтать о плодотворной земской дѣятельности, когда у него есть средства подготовиться къ этой дѣятельности, выйти на это поле битвы во всеоружіи, сдѣлаться сразу видною личностью въ этой сферѣ, имѣя за собою наслѣдственныя земли, родовитое имя, значеніе въ томъ уголкѣ, къ которому онъ прикрѣпленъ своею землей. Да, этимъ людямъ можно позавидовать, потому что у нихъ и, можетъ-быть, только у нихъ, да у народа, уже есть подъ ногами твердая почва: ея границы покуда не широки, стѣсненій у нихъ много, но все же у нихъ есть на что опереться твердою ногой. А у него, у Орлова, имѣющаго одно оружіе для борьбы—слово, гдѣ твердый оплотъ? О чемъ можетъ говорить, въ какихъ предѣлахъ онъ можетъ

говорить, чего онъ имѣетъ право желать? Всѣ эти думы были не веселы; онѣ какъ будто принизили, придавили его, а его настроеніе вслѣдствіе его семейныхъ дѣлъ было и такъ не особенно отрадно. Не мудрено, что онъ шелъ отдохнуть и забыться и къ отцу, и къ князю.

Онъ тѣсно сблизился съ Русовымъ, съ Настей. У нихъ дышалось легко и свободно, какъ у людей, вполнѣ спѣвшихся между собою, не имѣющихъ нужды раздражаться мелкими заботами о грошѣ, не волнующихся какими-нибудь честолюбивыми стремленіями и завистливыми чувствами передъ успѣхами ближнихъ. Судьба въ сущности дала имъ больше, чѣмъ имъ было нужно для счастья. Въ князѣ все поражало послѣдовательностью, цѣльностью, ясностью. Такой душевный строй Дмитрій Андреевичъ встрѣчалъ не у многихъ, между прочимъ у княжны, когда та ѣхала въ деревню съ рѣшимостью отдать себя всю крестьянской школѣ, у сестры Ани, когда та рѣшилась идти въ монастырь. Въ скромной квартиркѣ князя Орловъ отдыхалъ отъ мелкихъ дрязгъ, отъ мелкихъ неудачъ. Присматриваясь ближе къ князю, онъ увидалъ, что этотъ человѣкъ, мало говорившій вообще о себѣ, дѣлалъ свое дѣло упорно и настойчиво. Въ его имѣніи была заведена одна изъ лучшихъ школъ, тамъ было ссудо-сберегательное товарищество, тамъ были вечерніе классы для дѣвушекъ, обучавшихся рукодѣльямъ, необходимымъ для нихъ, вязанью фуфаекъ и шарфовъ, шитью и т. п. Онъ выписывалъ для хозяйства и ссужалъ кому угодно изъ крестьянъ разныя болѣе или менѣе простыя машины. Онъ завелъ образцовыя сыроварни и пробовалъ распространить ихъ среди крестьянъ. Все, что можно было получить съ имѣнія, шло на это же имѣніе. Онъ самъ жилъ процентами съ небольшого капитала, доставшагося ему вмѣстѣ съ имѣніемъ по завѣщанію одной изъ родственницъ со стороны матери. Самъ онъ покуда являлся въ имѣніе хотя и часто, но только на побывки, но у него тамъ были довѣренныя лица, управляющій и школьный учитель, орудовавшіе всѣмъ. Орловъ раза два видѣлъ у князя этихъ молодыхъ людей и сразу угадалъ, что это—люди готовые положить душу за народъ, горячія головы, страстно преданныя дѣлу и менѣе всего заботящіяся о себѣ. Иногда Орлову дѣлалось какъ-то тоскливо, когда онъ слушалъ оживленные толки этихъ людей: они были полны такой молодой энергіи, такъ вѣрили въ свое дѣло, такъ равнодушно относились къ своимъ личнымъ неудачамъ. Онъ сознавалъ, какъ-то чутьемъ угадывалъ, что

ихъ не сегодня, такъ завтра сдержать, остановятъ; но они-то вовсе и не думали объ этомъ «завтра» и въ этомъ было ихъ великое счастье. Орловъ сравнивалъ ихъ положеніе съ своимъ: они дѣлали дѣло, не заботясь, что̀ можетъ навлечь оно на нихъ, а онъ, принимаясь за перо, прежде всего думалъ о цензорѣ; они могли дѣлать дѣло, оставаясь «въ черномъ тѣлѣ», а онъ прежде, чѣмъ явиться на защиту въ судъ, на засѣданіе какого-нибудь комитета, долженъ былъ думать о фракѣ, о приличномъ видѣ, объ обстановкѣ. Иногда въ его душѣ пробѣгала какая-то тѣнь, что-то въ родѣ зависти къ этимъ людямъ даже и потому, что они были бобыли или умѣли отрѣшиться отъ семьи, а онъ какъ-то такъ сросся съ семьей, что его грызла мысль и о томъ, не нуждается ли Аня въ чемъ-нибудь въ монастырѣ, и о томъ, что отецъ можетъ нуждаться безъ его помощи, и о томъ, что Леша пропадетъ безъ его поддержки. Ему вспомнились великія слова, что, кто хочетъ служить провозвѣстникомъ истины, тотъ долженъ оставить и отца, и мать, и сестеръ, и братьевъ. О, это далеко не такъ легко, какъ кажется, когда человѣкъ хочетъ сдѣлать рискованный шагъ, а у его ногъ лежатъ въ слезахъ, любимыя имъ, взлелѣявшія его лица и дрожащимъ шопотомъ молятъ его: «Останься съ нами!» Но эти думы были только мимолетными тучками, и ему снова слышался мягкій и ровный голосъ князя:

— Полно, Дмитрій! Тебѣ-то ужъ стыдно жаловаться. Ты вышелъ изъ той среды, гдѣ спасается изъ тысячъ одинъ... Значитъ, приходится благодарить судьбу, что она тебя не загубила ни физически, ни нравственно и дала возможность приносить людямъ хоть какую-нибудь пользу. Право, братъ, все, на что мы жалуемся лично—такія пустяки, такія царапины, что и няньчиться-то съ ними стыдно.

При князѣ Дмитрій Андреевичъ не могъ даже особенно жаловаться на общественныя дѣла,—князь всегда полушутливо, полусерьезно замѣчалъ въ этихъ случаяхъ:

— Ну, ну, не навинчивайся!

Какъ-то Дмитрій Андреевичъ горячо высказалъ ему по поводу этого замѣчанія, что князь, повидимому, равнодушно относится ко всякимъ общественнымъ неурядицамъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Русовъ.—Но вѣдь ты знаешь всѣ эт неурядицы, и я ихъ всѣ знаю,—что же мы будемъ, как траписты, повторять это *memento mori*, расходовать свои силы на охи и вздохи, на брань и проклятья въ четырехъ стѣнахъ? Найдешь средство помочь какому-нибудь злу,—

ну, и трубн тогда объ этомъ злѣ, объ этомъ средствѣ, а такъ-то что же это за разговоръ о томъ, что бѣлое бѣло, а черное черно?..

— Значитъ, такъ и не раскапывать разныхъ золъ, покуда не найдется средствъ для ихъ уничтоженія?—сказалъ Орловъ.

— Нѣтъ, ты меня не понялъ: въ литературѣ, въ книгахъ, среди неопытныхъ новичковъ, все это имѣетъ свое значеніе но... вѣдь ты вѣрно давно пересталъ читать статейки,—ну, положимъ, о распространеніи пьянства въ народѣ, о развитіи извѣстныхъ болѣзней по деревнямъ, о дурномъ состояніи на фабрикахъ,—потому что ты-то знаешь все это отлично и безъ новыхъ подтвержденій... Такъ для чего же мы съ тобой будемъ изъ нашихъ разговоровъ именно такія статьи дѣлать, которыхъ мы и въ газетахъ не читаемъ? Право, многое въ жизни такъ гадко, что навинчивать себя на озлобленіе болтовней вовсе не надо...

И точно, жизнь князя сложилась такъ, какъ, можетъ-быть, должна бы слагаться жизнь каждаго работника: онъ много занимался, читалъ, учился, переписывался съ своими деревенскими друзьями, принималъ людей, приходившихъ къ нему отъ этихъ друзей, а въ свободные часы онъ превращался въ веселаго хозяина-семьянина, игралъ съ дѣтьми, занимался музыкой и пѣніемъ съ Настей, балагурилъ, погружался съ Настей въ разныя соображенія насчетъ устройства свадьбы ихъ горничной и лакея, насчетъ крестинъ у ихъ деревенскаго конторщика, и т. п. Отъ этой жизни вѣяло бодростью и здоровьемъ, и Орловъ не разъ завидовалъ этому счастью, купленному долголѣтней внутреннею ломкой, серьезной работой надъ собою. Но эта жизнь дѣйствовала заразительно: Орловъ втянулся въ нее. Его какъ будто стало утомлять слушаніе разныхъ разсказовъ о томъ, что случился еще такой-то и такой-то новый фактъ крупныхъ злоупотребленій, что тамъ-то и тамъ-то произведены грабежъ, подлогъ, казнокрадство, несправедливость. Окончивъ работу, онъ стремился въ ютный уголокъ Русовыхъ. Его стали интересовать друзья Русова съ ихъ молодыми планами и проектами. Онъ почувствовалъ потребность снова завязать сношенія съ Благолѣповымъ и княжною, чутьемъ угадывая, что и оттуда повѣетъ на него тою же бодростью. На первое же его письмо послѣдовалъ дружескій отвѣтъ, а спустя мѣсяцъ или полгода отъ Благолѣпова явился къ Орлову какой-то здоровый, загорѣлый юноша съ лакониче-

скою запиской отъ Никанора Ивановича: «Податель нуждается въ твоихъ совѣтахъ. Сдѣлай, что можно. Онъ изъ нашихъ». Изъ нашихъ?.. Орловъ началъ толковать съ подателемъ записки и узналъ, что это бывшій артиллерійскій офицеръ, потомъ студентъ лѣсного института, а теперь простой рабочій на механическомъ заводѣ. Онъ пришелъ по дѣлу заводскихъ рабочихъ, у которыхъ неправильно оттягали землю. Нужно было дать совѣтъ, что можно тутъ сдѣлать и какъ начать дѣло. Орловъ разсмотрѣлъ бумаги, сообразилъ, что можно сдѣлать, и предложилъ свои услуги.

— Вы, конечно, понимаете, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о большомъ вознагражденіи,—сказалъ податель записки отъ Благолѣпова.

Орлова точно что-то кольнуло.

— Я вовсе не имѣю въ виду никакихъ вознагражденій за подобное дѣло,—отвѣтилъ онъ.

Посѣтитель уловилъ въ отвѣтѣ нотку обидчивости и замѣтилъ:

— Я вамъ потому сказалъ объ этомъ, что я знаю, что вы вовсе не такъ богаты, чтобы разъѣзжать на свой счетъ по чужому дѣлу.

Орловъ улыбнулся.

— Вы, вѣроятно, еще бѣднѣе меня, однакоже, колесите по Россіи по этому же дѣлу.

— Я дѣло другое, втянулся въ эту лямку,—отвѣтилъ посѣтитель.

Они стали говорить о положеніи народа, о положеніи рабочихъ.

— Но вамъ, должно-быть, не легко на заводѣ?—сказалъ Орловъ.

— Не труднѣе, чѣмъ другимъ. Даже, если хотите, легче. У меня есть всегда возможность отступленія, а у тѣхъ, у настоящихъ рабочихъ, нѣтъ даже и этого. Правда, здѣсь на родинѣ, и у меня уже сожжены корабли за собою, но вѣдь если бы ничто не удалось здѣсь, если бы стало ужъ очень тошно, такъ міръ-то широкъ. Я знаю три иностранныхъ языка, я хорошій механикъ и тоже, какъ видите, мускулы есть.

Дѣйствительно, это былъ атлетъ.

— А у меня есть къ вамъ еще просьба, чисто личная,—сказалъ посѣтитель на прощаньи, видимо стѣсняясь.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ Орловъ.

— Можетъ-быть, я не успѣю убраться сегодня отсюда

и... видите ли вы, мнѣ не особенно ловко переночевать у товарищей,—окончилъ молодой человѣкъ.

— Моя квартира къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ Орловъ.

— Благодарю.

Вечеромъ онъ дѣйствительно явился къ Орлову и переночевалъ у него.

Съ этого дня у Дмитрія Андреевича вдругъ завелись новыя связи, новыя дѣла и эти дѣла были уже дѣйствительно чѣмъ-то такимъ, чему онъ радовался, чѣмъ онъ гордился, такъ какъ это уже были не гражданскія дѣла богачей, обдѣлываемыя исключительно ради гроша, ради наживы.

Говоря откровенно съ княземъ Русовымъ объ всемъ, что онъ дѣлалъ, Орловъ не скрылъ отъ князя и посѣщенія рекомендованнаго ему, Орлову, Благолѣповымъ лица. Князь выслушалъ его разсказъ и замѣтилъ:

— Отлично, что взялся помочь бѣднякамъ. Такія дѣла пріятно вести... Но ты немного смутилъ меня своимъ разсказомъ объ этомъ господинѣ. Это, очевидно, человѣкъ, скрывающійся подъ другою фамиліей, замѣшанный въ какое-нибудь политическое дѣло. Ты говоришь, что его рекомендовалъ Благолѣповъ. Значитъ, у нихъ есть сношенія. Не попались бы они. Соня можетъ пострадать.

Онъ закусилъ нижнюю губу и заходилъ въ раздумьи по комнатѣ.

— Ты знаешь, я не обвиняю этихъ людей, не отношусь къ нимъ со злобой, очень хорошо понимая, что они дошли роковымъ образомъ до своихъ убѣжденій. Но я противъ всѣхъ этихъ нелегательныхъ путей, такъ какъ не вижу возможности сдѣлать что-нибудь, идя въ этомъ направленіи. Тутъ неизбѣжно тратится громадное количество силъ на пустяки, на непроизводительныя хлопоты, въ родѣ добыванія фальшивыхъ паспортовъ, скрыванія отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ шпіоновъ, на попытки въ томъ или другомъ мѣстѣ сдѣлать что-нибудь, кончающіяся полнымъ фіаско, на сидѣнье въ тюрьмахъ. Но дѣло не въ томъ. Я боюсь, что Соня втянется именно въ этого рода дѣятельность. Женщинѣ, въ положеніи Сони, вообще трудно что-нибудь дѣлать, если она не хочетъ или не можетъ оставаться просто барышней-бѣлоручкой. Ну, за что ей приняться?.. За филантропію, сознавая ея безполезность? За какую-нибудь работу, чтобъ отбивать эту работу у нуждающихся?.. Право, и придумать трудно, чѣмъ она можетъ наполнить

пустоту своей жизни. Въ такомъ положеніи, живя въ деревнѣ и имѣя подъ рукой такого наставника, какъ Благолѣповъ, легко затянуться въ дѣло политической агитаціи.

— Ну, Благолѣповъ, можетъ-быть, замѣшается и замѣшался во все самъ, но онъ настолько честный человѣкъ, что не подведетъ Соню,—сказалъ Орловъ.

— Да тутъ вовсе не нужно быть безчестнымъ, чтобы подвести ее,—отвѣтилъ князь.—Не можетъ же Благолѣповъ не говорить съ ней о томъ, что онъ думаетъ, въ чемъ онъ убѣжденъ. Не можетъ же онъ опекать ее и удерживать, если она пойдетъ за нимъ по его дорогѣ. Въ жизни, братъ, все такъ просто слагается, что даже иногда становится жутко отъ этой простоты: малѣйшая несмотрительность, малѣйшая небрежность и—гибнетъ въ одну минуту то, что создавалось въ теченіе десятковъ лѣтъ.

Пріятели долго разсуждали о княжнѣ Софьѣ Александровнѣ и Благолѣповѣ, и имъ обоимъ стало какъ-то безотчетно тоскливо. Въ это время получилась изъ Русовки телеграмма, извѣщавшая объ опасномъ положеніи стараго князя. Русовъ рѣшился взять съ собою Настю и пригласилъ Орлова ѣхать съ ними въ деревню. Орловъ могъ пригодиться князю въ случаѣ смерти Александра Владиміровича, и кромѣ того самъ Орловъ былъ радъ провѣтриться, повидаться съ княжной и Благолѣповымъ.

Онъ съ удовольствіемъ покидалъ Петербургъ, гдѣ уже прожилъ три зимы...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Два съ половиной года въ Русовѣ шла мирная, тихая жизнь, походившая немного на жизнь отшельниковъ. Больной князь, старушка Ольга Родіоновна, княжна и Благолѣповъ, окруженные доживающими вѣкъ слугами, затворились въ барскомъ домѣ и были точно отрѣзаны отъ міра, сталкиваясь по дѣламъ почти исключительно съ крестьянами. Княжна и Благолѣповъ были очень довольны этою жизнью и, казалось, попали вполнѣ въ свою сферу, дѣлая свое будничное дѣло безъ шума, безъ фразъ. Это дѣло было скромное, не особенно широкое, но они были убѣждены въ его полезности и не порывались ни къ чему болѣе крупному. Благолѣповъ шутливо замѣчалъ, что ему среди сельскохозяйственныхъ заботъ, среди мужиковъ, привольно, какъ рыбѣ въ водѣ, и еще болѣе привольно было ему въ домѣ Русовыхъ, гдѣ всѣ быстро сжились съ нимъ, какъ съ своимъ человѣкомъ. Ломовая лошадь въ трудѣ, покладистый и не требовательный простякъ въ домашней жизни, онъ легко могъ ужиться вездѣ, а здѣсь онъ сталъ просто необходимъ: безъ него князю и княжнѣ казалось скучно, безъ него они были какъ безъ рукъ. У него были и практическій смыслъ, и неисчерпаемый источникъ бодрости, и умѣнье говорить съ мужиками, и много настойчивости въ проведеніи тѣхъ или другихъ, казавшихся ему полезными, плановъ. У князя было много имѣній и заводовъ. Всѣ они управлялись разными мѣстными управляющими, постоянно отдававшими письменные отчеты лично князю. Онъ неутомимо слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ этихъ имѣніяхъ и на этихъ заводахъ, отъ времени до времени посылая въ то или другое имѣніе для ревизіи ихъ разныхъ довѣренныхъ

лицъ. Въ давно былые дни ему помогалъ въ просмотрѣ отчетовъ управляющихъ и въ перепискѣ съ этими лицами Орловъ, какъ частный секретарь князя. Потомъ Орлова замѣнили другія лица. Только въ послѣднее время болѣзнь Андроновой, ея смерть и болѣзнь самого князя измѣнили обычное теченіе дѣлъ. Князь запустилъ всякія провѣрки, всякую переписку съ управляющими, предоставивъ все это домовой конторѣ въ Петербургѣ. Благолѣповъ явился въ Русово какъ разъ во-время: князь нашелъ въ немъ новаго секретаря и, присмотрѣвшись немного къ нему, понялъ, что этотъ смѣтливый и довольно хорошо знакомый теоретически съ дѣломъ человѣкъ можетъ при случаѣ съѣздить въ то или другое имѣніе и провѣрить на мѣстѣ то, что излагалось на бумагѣ мѣстными управляющими. Князь воспользовался способностями Никанора Ивановича, и первая же поѣздка послѣдняго въ одно изъ имѣній показала, что князь имѣетъ дѣло съ расторопнымъ и дѣловымъ человѣкомъ. Въ то же время первый отчетъ Благолѣпова показалъ князю, насколько были запущены дѣла въ послѣднее время. Надо было употребить не мало усилій, чтобы привести ихъ снова въ порядокъ, и Благолѣпову пришлось не мало поработать, чтобъ открыть въ томъ или другомъ мѣстѣ злоупотребленія и промахи. Но это дѣло было ему по душѣ, и онъ самъ сознавалъ, какъ онъ втягивается въ него, какъ онъ съ каждымъ днемъ начинаетъ понимать все яснѣе и яснѣе сущность этого дѣла. Сначала онъ какъ будто оробѣлъ, и въ его головѣ вертѣлась мысль: «Какой же я ревизоръ и управляющій, когда я ни разу не занимался практически этимъ дѣломъ?» Но, присмотрѣвшись къ дѣлу, Никаноръ Ивановичъ понялъ, что онъ въ сущности головой выше большинства управителей князя да и другихъ господъ, берущихся за подобныя дѣла. Какіе-то малограмотные неудачники, какіе-то едва говорящіе по-русски нѣмцы, какіе-то отставные военные и прокутившіеся помѣщики играли роль управляющихъ и часто удивляли Благолѣпова своимъ крайнимъ невѣжествомъ, а между тѣмъ они успѣли сдѣлать себѣ даже имя своею дѣятельностью. Онъ хоть теоретически зналъ то, о чемъ они не имѣли часто и понятія, ведя дѣло спустя рукава, наобумъ, по разъ заведенному порядку. Князь, правда, получалъ доходы, но эти доходы были крайне ничтожны сравнительно съ тѣмъ, что можно бы было извлекать изъ имѣній, и цѣлая масса несообразностей въ управленіи

этими имѣніями бросилась въ глаза даже малоопытному человѣку. Такъ, напримѣръ, въ двухъ смежныхъ имѣніяхъ князя было два конскихъ завода, тогда какъ одинъ конскій заводъ при половинныхъ затратахъ могъ бы давать тѣ же результаты, какіе получались съ двухъ. Такихъ промаховъ было не мало. Благолѣповъ изъ первой же поѣздки привезъ довольно неутѣшительныя свѣдѣнія и указалъ князю на необходимость измѣнить ходъ дѣлъ, взять другихъ людей. Слушая его, князь жаловался на недостатокъ добросовѣстныхъ людей и съ горечью замѣтилъ, что онъ считаетъ величайшимъ своимъ несчастіемъ то, что самъ онъ теперь не можетъ дѣятельно заниматься дѣломъ, а сынъ его...

— Мой Александръ, какъ видно, вовсе не интересуется положеніемъ нашихъ дѣлъ,—со вздохомъ замѣтилъ онъ.

—Папа, отчего ты не предложишь ему самъ взяться за это дѣло?—замѣтила княжна.

Князь махнулъ рукой.

— Нѣтъ, что же предлагать теперь... Скоро поневолѣ придется ему приняться за это дѣло,—грустно проговорилъ онъ.

Воспоминаніе о сынѣ пробуждалось въ князѣ каждый разъ, когда ему приходилось благодарить Благолѣпова за тѣ или другія услуги, какъ будто каждый разъ ему приходило въ голову, что все это могъ бы дѣлать вмѣсто чужого человѣка его сынъ. Эта мысль сильно мучила и угнетала старика, онъ нерѣдко высказывался въ этомъ смыслѣ,— онъ не могъ переломить себя и признаться откровенно передъ княземъ Александромъ, что онъ виноватъ. Онъ, подобно своему сыну, могъ сказать, что это «выше его». Волей-неволей приходилось довольствоваться услугами Благолѣпова и послѣдній являлся усерднымъ слугой. Чѣмъ больше у Благолѣпова, съ теченіемъ времени, накоплялось работы, чѣмъ сложнѣе становились его попытки и предпріятія, направленныя къ пользѣ окружавшей его массы, къ пользѣ народа, рабочихъ, тѣмъ менѣе, онъ походилъ на прежняго Благолѣпова. Онъ самъ на своемъ оригинальномъ языкѣ говорилъ про себя:

— Со мной вонъ то же случилось, что съ колесомъ иногда бываетъ на скверной дорогѣ: скачетъ оно, трещитъ, то туда, то сюда гнется, а вдругъ попадетъ въ колею—и покатится, какъ по маслу. Я вонъ тоже попалъ въ колею, такъ теперь на мнѣ хоть въ Сибирь поѣзжай.

Онъ бросилъ и «малодушество»; съ него, какъ онъ вы-

ражался, «многое соскочило», все напускное, все, вызывавшееся безсильною желчью, затаеннымъ недовольствомъ судьбою, празднымъ шатаніемъ, теперь отпало мало-помалу, и онъ самъ шутливо говорилъ, что «нѣкогда теперь бобы-то разводить». Дѣйствительно, работа его, подобно снѣжному кому, увеличивалась, усложнялась по мѣрѣ того, какъ онъ забиралъ въ руки дѣло, открывая все новые и новые источники для расширенія мѣстной производительности то въ томъ, то въ другомъ имѣніи князя, воюя все сильнѣе и сильнѣе съ разнымъ кулачествомъ и міроѣдствомъ. Только теперь онъ началъ понимать, что̀ значитъ быть теоретикомъ и что̀ значитъ быть практикомъ. На первыхъ же шагахъ онъ увидалъ, что въ практическомъ отношеніи его загоняетъ первый наметавшійся въ своемъ дѣлѣ мужикъ, что многое, казавшееся ему въ теоріи такимъ легкимъ, въ дѣйствительности было и сложнѣе, и труднѣе. Только при помощи чисто русской смѣтливости онъ успѣлъ набить руку, присмотрѣться ко всему довольно быстро, и сообразилъ, какъ и что можно было дѣлать. «Подтянуться-таки порядочно пришлось»,—говаривалъ онъ, шутя. Мужики, имѣвшіе съ нимъ дѣло, считали его умной головой, знали очень хорошо, что никто не дастъ имъ лучшаго совѣта, чѣмъ Никаноръ Ивановичъ, что Никаноръ Ивановичъ и прошеніе какое-нибудь сумѣетъ составить, и указать, куда нужно идти хлопотать по тому или другому дѣлу, что онъ никогда не тяготится разговорами съ ними, и шли къ нему. «Извѣстное дѣло, простой человѣкъ»,—говорили про него. Къ князю и княжнѣ онъ привязался искренно и откровенно, безъ всякихъ заднихъ мыслей и соображеній.

— Мы всѣ точно спѣлись,—шутилъ онъ и никогда даже не задумывался надъ вопросомъ, почему это такъ вышло.— Что-жъ, люди простые, дѣлить нечего, вотъ и все, — замѣчалъ онъ.

Онъ не задумывался даже и надъ тѣмъ, вслѣдствіе какихъ чувствъ онъ однажды вышелъ изъ себя и грубо, рѣзко напалъ на княжну, увидавъ ее выходящею изъ избы, гдѣ была оспа.

— Съ ума вы сошли! Да какъ вамъ не стыдно играть съ опасностью! Спасете вы ихъ, что ли, тѣмъ, что посмотрите на нихъ? Нѣтъ, вѣдь, а идете! Любопытство одно бабье и больше ничего! Это ни на что не похоже! Вотъ я, право, князю пожалуюсь, чтобъ запретилъ вамъ это,—горячо выговаривалъ онъ ей, не замѣчая даже того, что онъ вол-

нуется черезчуръ сильно и что ему никто не давалъ права на подобныя выходки.

Этихъ мимолетныхъ, проходившихъ незамѣтно, чертъ, говорившихъ о привязанности Благолѣпова къ княжнѣ, было не мало, но ни онъ, ни она не задумывались ни разу надъ вопросомъ: что это—слѣдствіе пріязни, дружбы или любви? Какое-то тяжелое, гнетущее чувство овладѣло Благолѣповымъ, когда внезапно умерла Ольга Родіоновна. Эта смерть страшно повліяла на князя, какъ вообще вліяютъ на больныхъ, приближающихся къ могилѣ, стариковъ всякія извѣстія о смерти знакомыхъ или близкихъ лицъ. Благолѣповъ почти ни минуты не тужилъ собственно о старушкѣ, не боялся онъ даже за старика, но онъ весь былъ охваченъ одною мыслью, мыслью о томъ, что княжна «изводится» теперь уходомъ за отцомъ. Въ его головѣ мелькали злыя думы о томъ, какъ слагается жизнь: тутъ старики томятся долгою болѣзнью, а рядомъ съ ними приходится блекнуть молодости въ уходѣ за ними, и отдыхъ для этой молодости настанетъ только тогда, когда, наконецъ, смерть убьетъ эту старость; тутъ ничѣмъ нельзя помочь, ничего нельзя совѣтовать, нельзя даже желать неизбѣжнаго исхода, такъ какъ это желаніе равносильно желанію смерти одному человѣку для блага другого. Въ эти дни болѣзни князя Благолѣповъ настойчиво отсылалъ княжну отдохнуть, и самъ просиживалъ ночи около старика. Когда княжна замѣчала ему, что онъ и безъ того устаетъ за день за работой, и что ему тяжело проводить еще безъ сна и ночи, онъ лаконически замѣчалъ:

— Что мнѣ, этакому-то быку, сдѣлается? Себя-то лучше берегите!

Князь же буквально таялъ, какъ воскъ. Быть-можетъ, это постепенное, медленное угасаніе, немного ускоренное смертью Ольги Родіоновны, продлилось бы нѣсколько дольше если бы не произошло еще одно небольшое событіе, встревожившее князя.

Въ Русовѣ случился пожаръ. Было часовъ семь вечера, когда вспыхнула одна изъ избъ и все село огласилось криками: «Пожаръ, горимъ!» Благолѣповъ сидѣлъ у князя въ кабинетѣ, когда его вызвалъ въ другую комнату камердинеръ князя. Князь спросилъ у дочери, зачѣмъ позвали Благолѣпова; она вышла справиться и черезъ минуту вернулась къ отцу, блѣдная и встревоженная. Она хотѣла скрыть отъ старика настоящую причину тревоги, но это ей не удалось: страхъ за участь крестьянъ, боязнь, что Благолѣповъ,

всегда слишкомъ горячій и неосторожный, самъ бросится тушить огонь, наконецъ томительное чувство неизвѣстности насчетъ того, что дѣлается тамъ, совсѣмъ подавили княжну и ей волей-неволей пришлось объяснить отцу, въ чемъ дѣло.

— Надо распорядиться... надо распорядиться,—взволнованнымъ голосомъ сказалъ князь.—Иди туда...

— Тамъ уже Никаноръ Ивановичъ, — отвѣтила княжна.

— Ну да, ну да, онъ будетъ заботиться о тушеніи... Народъ всегда въ этихъ случаяхъ теряется... Но тамъ ребятишки, семьи безъ крова... Надо приготовить пустые флигеля дворовыхъ, размѣстить... Не по міру же идти народу, не на улицѣ ночевать... Иди!.. Кому же, какъ не тебѣ, быть тамъ... Будь осторожна только... Къ огню, Соня, не подходи...

— Какъ же ты?—сказала нерѣшительно княжна.

— Что я?.. Трупъ живой!.. И что мнѣ сдѣлается?.. Иди, иди, Соня!

Князь поцѣловалъ дочь, перекрестилъ ее и махнулъ рукою.

— Ну, иди, иди!

Княжна позвала къ отцу его камердинера и, накинувъ на голову пуховый платокъ, быстро отправилась на село. Пожаръ былъ въ полной силѣ и, какъ всѣ деревенскіе пожары, свирѣпствовалъ страшно. Пожарныя трубы изъ барскаго дома и съ завода князя работали хорошо, но справиться съ огнемъ было не особенно легко. Никаноръ Ивановичъ распоряжался и командовалъ со всею энергіей, помогая мужикамъ и бросаясь то туда, то сюда, чтобъ оградить отъ огня еще не загорѣвшіяся строенія. Онъ, повидимому, позабылъ объ опасности и, осыпаемый искрами, увлекалъ за собою заводскихъ парней на трудный бой съ всепожирающимъ пламенемъ.

— Куда ты, Никаноръ Ивановичъ! Сгорѣть, что-ль, хочешь!.. Берегись, крыша-то придавитъ, не встанешь!—кричали ему молодые заводскіе парни, сами не сознававшіе, что они подвергаютъ себя еще большей опасности и работаютъ еще энергичнѣе, чѣмъ онъ.

Княжна въ это время уже прошла къ группѣ плакавшихъ и завывавшихъ бабъ и ребятишекъ и, утѣшая ихъ, распоряжалась о переводѣ ихъ во флигеля дворни, стоявшіе почти пустыми.

— Ничего, ничего, все построимъ, все поправимъ,—говорила она.—Лѣсъ, слава Богу, есть... Ребятишекъ-то только уводите...

Оказалось, что нѣкоторыя изъ бабъ и дѣтей выскочили

изъ избъ почти безъ одежды, въ одн҃хъ рубашкахъ. Нужно было хоть чѣмъ-нибудь снабдить ихъ на время, пока все не придетъ въ порядокъ. Въ барскомъ домѣ вся дворня поднялась на ноги. На селѣ ни одинъ человѣкъ не остался безъ дѣла. Хлопотъ и заботъ было не мало и среди бѣготни, работы и суеты никто въ сущности не отдавалъ себѣ отчета, насколько онъ набѣгался, насколько онъ измучился, насколько онъ былъ героемъ въ эти минуты всеобщаго бѣдствія, заставляющаго человѣка хоть на время забыть о себѣ и отдаться всецѣло ближнимъ. Случайными зрителями этой картины были только два пожилыхъ купца, проѣзжавшіе въ это время по почтовой дорогѣ мимо Русова и остановившіеся взглянуть на пожаръ. Любуясь этимъ зловѣщимъ зрѣлищемъ, они глубокомысленно разсуждали, сколько сгоритъ: все село или половина села,—дойдетъ ли огонь вотъ до той избы или остановятъ его на этой избѣ...

— Нѣтъ, много-то не выгоритъ, — вонъ какъ заводскіе приналегли, тоже народъ ловкій. Да и Никаноръ Иванычъ коли за что возьмется, такъ отстоитъ, — сказалъ ямщикъ.

— Какой Никаноръ Иванычъ? — спросилъ одинъ изъ купцовъ.

— Да управитель-то русовскій. Вонъ какъ работаетъ!— ямщикъ указалъ кнутовищемъ на Благолѣпова.

— Да, да! Я и не призналъ его съ перваго-то разу,—отвѣтилъ одинъ изъ купцовъ и обратился къ своему спутнику:—Силища тоже человѣкъ. Я его еще у преосвященнаго нашего Филоѳея видалъ. Племянникомъ онъ старику-то приходится. Молодецъ, право, молодецъ!

— Гляди, гляди, такъ въ огонь и лѣзетъ! Въ азартѣ-то не видитъ, что тутъ того и гляди балкой зашибетъ. Вонъ, вонъ!.. Эхъ, сейчасъ тарарахнетъ!

Купцы на минуту смолкли, ожидая, какъ тарарахнетъ Благолѣпова балкой. Раздался сильный трескъ и разбираемая горящая изба рухнула.

— Вывернулся... Ну, молодецъ!—воскликнулъ купецъ.

— Молодецъ-то молодецъ, а видно досталось тоже... Смотри, заводскіе что-то завозились около него.

— Ничего! Видно, по рукѣ смазало головней. До свадьбы заживетъ! А вонъ того-то парнишку, видно, получше пришлепнуло. Ишь присѣлъ сердешный...

— Присядешь, какъ прямо по головѣ свиснетъ,—сказалъ ямщикъ.

— А нешто по головѣ попало?

— По головѣ и есть.

— Вонъ Никаноръ-то осматриваетъ.

— Э-э, поднимаютъ,—видно, и идти не можетъ.

— Въ мозги, значитъ, попало.

— А пожаръ-то стихъ... Кажись, ужъ больше не разгорится...

— Чего разгорится, если путь пресѣкли! Не разбери они эти двѣ избы, все село смело бы.

— Ну, что-жъ, пора и въ дорогу.

Пожаръ дѣйствительно утихалъ, и картина перестала представлять интересъ. Купцы снова усѣлись и поѣхали дальше.

Въ селѣ продолжалась суета, но уже всѣ пришли въ себя, видя, что всякая опасность миновала. Десятокъ сгорѣвшихъ избъ превратился въ груды головней, догоравшихъ и дымившихся на землѣ. На мѣстѣ сгорѣвшихъ построекъ виднѣлись только печи, закоптѣвшія отъ дыма. Теперь хлопоты шли въ барскомъ домѣ, куда княжна перевела бабъ, ребятишекъ и стариковъ, да въ больницѣ, куда перенесли зашибленнаго въ голову заводскаго парня. Никаноръ Ивановичъ тоже вернулся домой, и здѣсь оказалось, что ему нужно было перевязать лѣвую руку. Она была слегка обожжена и ранена. Онъ смотрѣлъ на это дѣло какъ на пустяки и шутливо замѣтилъ, что «вѣдь это — лѣвая рука, такъ на что она ему». Княжна молча сжала ему руку, и въ ея глазахъ засвѣтилось такое хорошее, ласковое выраженіе. Внезапно онъ сталъ какъ будто и ближе, и дороже ей, чѣмъ прежде. Но останавливаться, задумываться надъ этимъ чувствомъ было не время. Съ одной стороны, теперь нужно было обсудить, какъ помочь погорѣльцамъ, а съ другой—на слѣдующій же день пришлось убѣдиться, что князь очень плохъ. Княжна боялась и думать, что это начало конца. Благолѣповъ тоже ничего не говорилъ. Но и онъ, и она ощущали какую-то щемящую боль. Они искренно любили старика, и кромѣ того, его потеря была существенно важна для обоихъ. Наслѣдникомъ былъ въ сущности князь Александръ Александровичъ. Княжна знала, что братъ сильно измѣнился къ лучшему. Но насколько? Какъ онъ распорядится? Останется ли она въ Русовѣ? Это имѣніе должно перейти къ ея брату. Эти мысли у нея промелькнули въ головѣ какъ-то безсознательно, мимолетно, но у Благолѣпова это былъ вопросъ существенный. Не придется ли ему опять удалиться отсюда. Куда? За что приняться? Во всякомъ случаѣ со смертью старика кругъ его дѣятельности сузится, онъ не

будетъ болѣе правою рукой хозяина, онъ, можетъ-быть, даже не сойдется съ молодымъ княземъ. «Хвалятъ его, а чортъ его знаетъ, что онъ такое! Никто его не знаетъ... Но, можетъ-быть, старикъ еще не умретъ. Надо спросить у доктора его мнѣніе». Докторъ объявилъ Благолѣпову, что часы старика сочтены. Старикъ, кажется, сознавалъ это самъ. Почувствовавъ себя худо, онъ позвалъ Благолѣпова и приказалъ телеграфировать сыну.

— Только ему?—спросилъ Благолѣповъ, вспомнивъ о женѣ и дочери князя, бывшихъ за границей.

— Только ему,—отвѣтилъ князь.—Торопите его пріѣздомъ.

Потомъ онъ призвалъ дочь.

— Худо мнѣ, Соня, очень худо,—сказалъ онъ слабымъ голосомъ.—Если-бъ Александръ поспѣлъ пріѣхать.

— Папа! — воскликнула княжна со слезами на глазахъ.

— Пора, Соня, пора!—проговорилъ князь.—Не плачь, не волнуйся! Сто лѣтъ нельзя жить и не нужно... Но я хотѣлъ съ тобой поговорить... Я могъ бы сдѣлать завѣщаніе, но есть причины, по которымъ я его не дѣлаю... Ты — не дѣвочка, ты знаешь все, и тебѣ можно говорить все... Я не хочу ни лгать, ни мстить передъ смертью, вотъ почему я не дѣлаю завѣщанія... Отказывать что-нибудь тѣмъ, кто чуждъ мнѣ, кого я не люблю, это значитъ фарисействовать... Лишать ихъ всего—это значитъ мстить... Пусть все сдѣлается по закону...

Онъ перевелъ духъ.

— Кромѣ того, я виноватъ передъ Александромъ, много виноватъ... Если я сдѣлаю завѣщаніе, я обижу его... Это будетъ имѣть видъ недовѣрія къ нему... Онъ—главный наслѣдникъ, и пусть онъ самъ распоряжается... Я хочу, чтобы онъ зналъ, что я довѣряю ему... Русово пусть отдастъ тебѣ... Ты его любишь... Александръ и отдастъ, я знаю.

Княжна не могла говорить, съ трудомъ сдерживая рыданія. Больной потиралъ грудь, точно его душило, и покачивалъ головой, видимо тревожась мыслью о близкой смерти.

— Во-время бы пріѣхалъ, скорѣй бы... Примириться нужно!—шепталъ онъ черезъ силу.—Есть вещи, которыхъ забыть нельзя, но можно простить...

Мало-по-малу, онъ впалъ въ забытье. Прошло съ часъ времени. Князь открылъ глаза.

— Соня, ты тутъ?—спросилъ онъ.

— Да, папа,—отвѣтила она.

— Который часъ?

— Два сейчасъ пробило.

— Поѣзда въ этотъ часъ нѣтъ изъ Москвы?

— Нѣтъ, папа.

Князь закрылъ глаза.

— Экстренный можно взять... Нужно поторопиться... Отецъ умираетъ,—шепталъ онъ полусознательно.

Онъ опять задремалъ на часъ, на два, и опять княжна услышала тѣ же вопросы. Наконецъ, прошелъ этотъ томительный день, настала тревожная ночь. Больной не могъ лежать и спалъ, сидя въ креслѣ, то немного бредя во снѣ, то вдругъ просыпаясь и спрашивая:

— Пріѣхалъ?.. Кто пріѣхалъ?

И прежде, чѣмъ успѣвали отвѣчать, онъ дремалъ уже снова. Только подъ утро сонъ его сталъ ровнѣе и крѣпче. По утру первый вопросъ князя былъ о сынѣ. Сынъ еще не пріѣзжалъ.

— Да, пока отпускъ получитъ... Но вдругъ это... опоздаетъ,—говорилъ князь.

Разъ, отлучившись на нѣсколько минутъ изъ комнаты отца къ завтраку, Софья Александровна застала отца въ слезахъ при возвращеніи ея въ спальню.

— Папа, что съ тобой? — воскликнула она, склоняясь къ нему.

— Опоздаетъ!—жалобно проговорилъ старикъ, тихо, почти по-дѣтски, плача.

У Софьи Александровны стѣснило грудь. Князю становилось все хуже и хуже. Его нетерпѣніе увидѣть сына, его страхъ при мысли умереть раньше пріѣзда сына возрастали съ каждымъ днемъ, и онъ иногда болѣзненно метался на своемъ креслѣ, томимый отчаяніемъ. Наконецъ, онъ потерялъ всякую надежду на пріѣздъ сына во-время.

— Священника, Соня, священника мнѣ! — проговорилъ онъ какъ-то по утру.

Тотчасъ же распорядились насчетъ приглашенія старика-священника, много лѣтъ уже служившаго въ Русовѣ. Отецъ Никита явился быстро, захвативъ съ собою св. дары. Онъ вошелъ въ домъ, сказалъ пару словъ княжнѣ и прошелъ къ больному. Больной и обрадовался, и взволновался.

— Умираю, батюшка, совсѣмъ умираю!—сказалъ князь.

— Никто, какъ Богъ!—отвѣтилъ отецъ Никита.—Не всѣ болѣзни къ смерти...

— Нѣтъ, я знаю... Мнѣ нужно сказать многое... Сына ждалъ, думалъ, что доживу до его пріѣзда, но нѣтъ... Вы

ему все передайте... Виноватъ я передъ нимъ, много виноватъ...

Отецъ Никита приготовился исповѣдывать больного.

— Вы знаете всю мою жизнь, отъ васъ никогда не было тайнъ,—началъ больной.—Вы знаете мои отношенія къ женѣ...

Отецъ Никита вздохнулъ.

— Я былъ обманутъ съ первыхъ же дней... Когда я узналъ, я готовъ былъ разстаться съ нею. Но она уже была матерью... Сестра Софья, покойная Ольга Родіоновна и, наконецъ, я самъ—всѣ мы поняли, что, наказывая мать, я накажу и ребенка... Да и она плакала, просила прощенья, каялась... Я простилъ... Потомъ мы жили долго сносною жизнью... Мнѣ даже казалось, что я если не особенно счастливъ, то все же и не несчастнѣе другихъ мужей изъ нашего круга... Вдругъ случай открылъ мнѣ глаза, поздно открылъ... У насъ уже былъ не одинъ ребенокъ, много дѣтей и... изъ всѣхъ этихъ дѣтей, можетъ-быть, только Соня была моею дочерью... Тогда я порвалъ всѣ отношенія къ женѣ и только оставилъ ее жить въ своемъ домѣ, только не отвергалъ дѣтей...

Больной перевелъ духъ.

— Я ихъ не отвергалъ, но я имъ не былъ отцомъ и никогда не любилъ ихъ,—продолжалъ онъ.—Только Соня видѣла мои ласки, и то не я обратился съ ними къ ней, а она завоевала ихъ... съ бою взяла... Александръ—не то... Онъ росъ безъ моей любви... Мало того, я мелочно придирался къ нему... Я не былъ мелочнымъ человѣкомъ, но онъ напоминалъ мнѣ другую ненавистную мнѣ личность... Онъ напоминалъ мнѣ, что ради него, да, только ради него, я пощадилъ эту женщину... Онъ казался мнѣ какимъ-то ничтожнымъ, безхарактернымъ, мелкимъ человѣкомъ...

Князь тяжело вздохнулъ.

— Я пренебрегъ его воспитаніемъ и раздражалъ его своимъ пренебреженіемъ... Въ этомъ великій мой грѣхъ... Безсознательно я мстилъ ребенку за мать... Богъ наказалъ меня за это... Изъ того, кого я хотѣлъ затоптать въ грязь, Онъ сдѣлалъ хорошаго человѣка...

Отецъ Никита, безмолвно слушавшій князя, тихо замѣтилъ ему:

— Это не наказаніе, а милосердіе Божіе.

— Да, да, я не такъ выразился... Да, это милосердіе Божіе... Наказаніе мнѣ было бы то, если бы онъ погибъ изъ-за меня... Но я не о томъ хотѣлъ поговорить... Дѣло

въ томъ, что Александръ узналъ все и все понялъ... Онъ исправился и сталъ хорошимъ человѣкомъ, но отъ меня онъ отстранился... Онъ меня не упрекалъ, но я знаю, что онъ чувствуетъ ко мнѣ... Онъ помнитъ, онъ вѣчно будетъ помнить, что я своимъ отношеніемъ къ нему могъ довести его до гибели... Многихъ дѣтей изъ нашего круга такія отношенія отцовъ погубили... Этого онъ не забудетъ...

— Значитъ, вы все еще не вполнѣ вѣрите, что онъ сталъ хорошимъ человѣкомъ?—спросилъ отецъ Никита.

Больной взволновался.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вѣрю, вѣрю... Но онъ, можетъ-быть, не вполнѣ сознаетъ, что я раскаялся, что я все понялъ, что я считаю себя виновнымъ... Я не хочу, чтобъ онъ думалъ, что я сталъ только снисходительнымъ къ нему, увидавъ, что онъ исправился, — я хочу, чтобъ онъ зналъ, что я считаю себя виноватымъ передъ нимъ... Тогда онъ, если не забудетъ всего, то проститъ... Тяжело умирать, сознавая, что ты не примирился съ обиженнымъ тобою невиннымъ человѣкомъ; еще тяжелѣе жить, затаивъ навсегда въ душѣ враждебное чувство къ тому, кого называлъ когда-то отцомъ... Передайте ему все это, скажите, что я исповѣдывался въ этомъ передъ вами, готовясь предстать передъ Богомъ...

Онъ вздохнулъ широкимъ вздохомъ, точно ему легче стало послѣ этихъ признаній.

— И еще я долженъ покаяться передъ вами,—продолжалъ онъ.—Высокомѣрія, гордости во мнѣ еще было много до этого часа. Изъ гордости я откладывалъ и священный долгъ, медлилъ исповѣдью... Все надѣялся, что пріѣдетъ онъ, и тогда мнѣ ненужно будетъ сознаваться въ томъ, въ чемъ я сознаюсь теперь... Это великій мой грѣхъ, грѣхъ всей жизни, и за него Богъ меня наказываетъ.

— Это не наказаніе, а милосердіе Божіе,—снова повторилъ отецъ Никита.

— Да, да, милосердіе... Я понимаю, Богъ далъ мнѣ силы, далъ возможность примириться со своею совѣстью,— прошепталъ больной.

Онъ поникъ головой и тихо слушалъ успокоительныя слова священника, читавшаго молитву.

Тяжелое, гнетущее чувство охватываетъ близкихъ людей, когда мимо нихъ проходитъ въ комнату больного священникъ съ св. дарами, когда передъ ними плотно затворяются двери комнаты умирающаго и тамъ происходитъ послѣдняя

исповѣдь, послѣдній расчетъ за грѣхи и ошибки всей жизни. До этой минуты въ сердцахъ окружающихъ все еще теплится искра надежды; въ эту минуту она вдругъ погасаетъ, и невольно кажется, что тамъ, за этой запертою дверью, уже происходитъ таинство смерти. Княжна не могла подавить своихъ слезъ, когда отецъ Никита прошелъ къ князю, когда за нимъ затворились двери, когда началось печальное таинство исповѣди. Она подошла къ окну и, тихо плача, замерла на мѣстѣ. Она не шевелилась и только по ея вздрагивавшимъ плечамъ можно было угадать, что она беззвучно рыдаетъ. Къ ней подошелъ Благолѣповъ и тихо взялъ ее за талію.

— Полноте, милая моя, полноте! — мягкимъ, ласковымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Очень мнѣ тяжело, Никаноръ Ивановичъ,—тихо отвѣтила она.

— Знаю, знаю, да что же дѣлать!.. Берегите себя... Ваша жизнь нужна...

Онъ безсознательно прижалъ ее къ себѣ, она также безсознательно опустила къ нему на грудь голову. Онъ гладилъ ея волосы, какъ гладятъ по головѣ, успокаивая расплакавшагося ребенка.

— Надо быть бодрѣе! Ваши слезы еще болѣе взволнуютъ старика. Это вѣдь неизбѣжный конецъ. Слава Богу еще, что вамъ не за что упрекать себя. Тяжело, когда теряешь человѣка, да еще сознаешь, что не все исполнилъ въ отношеніи его. А вы были хорошею дочерью. Всю себя отдали на служеніе ему.

Онъ, какъ добрая нянька, усадилъ княжну, принесъ ей воды.

— Освѣжитесь, пусть старикъ не видитъ вашихъ заплаканныхъ глазъ. Исповѣдь его успокоитъ, и вамъ не должно нарушать это спокойствіе своими слезами. Если уже ему суждено умереть, пусть умретъ съ ясною улыбкой...

Исповѣдь между тѣмъ кончилась, старикъ пріобщился и тотчасъ же тихо заснулъ. Онъ спалъ довольно долго и когда онъ открылъ снова глаза, княжну изумило выраженіе его лица,—такое выраженіе встрѣчается у больныхъ дѣтей, полное тихой, безмятежной грусти, съ томной улыбкой, съ утомленными глазами, словно только на минуту полуоткрывшимися въ отвѣтъ на ласки близкихъ и готовыми снова сомкнуться, быть-можетъ, на вѣчный сонъ, на вѣчный покой. Князь почти не говорилъ, не спрашивалъ уже о сынѣ; его

голова безсильно склонялась на плечо, глаза по большей части были закрыты, даже когда онъ не спалъ. Именно въ такомъ положеніи засталъ отца Александръ Александровичъ Русовъ. Онъ, наскоро поздоровавшись съ сестрою, вошелъ къ отцу. Лицо старика озарилось ясной полусознательною улыбкой, онъ мягко взглянулъ на сына, приподнялъ слабую руку.

Князь Александръ опустился передъ нимъ на колѣни.

— Милый... мальчикъ... Сынишка мой, — едва слышно прошепталъ больной.—Вотъ и помирились... и все простили, забыли...

Князь Александръ въ слезахъ цѣловалъ руки отца... Старикъ продолжалъ улыбаться, продолжалъ пожимать руку сына, все слабѣе. Наконецъ, онъ слабо вздохнулъ, закрылъ глаза, и все было кончено: рука замерла, голова свѣсилась на плечо, грудь перестала подниматься, только спокойная улыбка продолжала оживлять это лицо съ закрывшимися навсегда глазами. Всѣ, стоявшіе на колѣняхъ около кресла князя—сынъ и дочь, подошедшіе къ нему Орловъ и Благолѣповъ — точно замерли на минуту около этого старика, склонившаго свою голову съ сѣдыми длинными волосами. Они точно вдругъ всѣ сплотились вмѣстѣ въ одну, тѣсно связанную между собою семью. А весеннее солнце, косыми лучами взглянувъ въ окно, заливало комнату прощальнымъ блескомъ. День кончался; наступалъ вечеръ.

Орловъ живо запомнилъ эту минуту, и часто вспоминалась она ему. Когда все стало вполнѣ понятно всѣмъ присутствующимъ, когда рыданія княжны стали громче, онъ и Благолѣповъ подняли ее и увели въ другую комнату. Они ухаживали за ней, какъ братья, и ни на минуту въ Орловѣ уже не проснулось чувство ревности, чувство вражды къ Благолѣпову, когда тотъ тихо шепталъ княжнѣ:

— Полно, милая, полно! Надо беречь себя!..

II.

Со смерти князя прошло уже не мало дней, недѣль, мѣсяцевъ. Много событій произошло въ это время, и всѣ эти событія оставили неизгладимые слѣды въ сердцахъ всего кружка, тѣсно сплотившагося въ Русовѣ около гроба князя. Когда всѣ эти событія, пронесшіяся вихремъ надъ семьей князя, надъ Благолѣповымъ, надъ Орловымъ, стали дѣломъ прошлаго, Дмитрій Андреевичъ, отдыхая отъ тревогъ и опасеній пережитыхъ дней, перебирая въ своей квартирѣ

старыя бумаги, письма, телеграммы, невольно вспомнилъ все это недавнее прошлое и какъ бы пережилъ, переболѣлъ его снова.

Навсегда запали въ память Орлову всѣ дни и вечера, проведенные имъ въ Русовѣ тотчасъ послѣ смерти князя, кружокъ друзей тѣсно сплотился, какъ будто между всѣми этими людьми не было никогда никакихъ недоразумѣній, какъ будто всѣ они вдругъ инстинктивно поняли, что такъ или иначе они всѣ идутъ, или, по крайней мѣрѣ, могутъ идти къ одной цѣли. Правда, они всѣ шли разными путями, надѣясь на совершенно различныя средства, но они не спорили объ этихъ путяхъ и средствахъ, угадавъ чутьемъ, что эти споры не поведутъ ни къ чему, что каждый изъ нихъ на другомъ мѣстѣ, въ другой роли чувствовалъ бы себя неловко, что сама жизнь подсказала имъ, какъ и что долженъ былъ дѣлать каждый изъ нихъ. Новичкомъ въ ихъ кружкѣ была одна только личность — Настя. Но княжна сразу поняла, какое значеніе имѣла въ жизни ея брата эта женщина, не претендовавшая ни на какую роль, кромѣ роли подруги своего мужа, опоры своего мужа, помощницы своего мужа,—и встрѣтила ее съ распростертыми объятіями, какъ добрую подругу. Настя была тронута добротой княжны и сразу прямо объявила ей, что она давно полюбила княжну уже за то, что та «такая же простая, какъ князь».

— Мы такъ спѣлись, что хоть коммуну изъ насъ составляй!—шутливо замѣтилъ какъ-то Благолѣповъ.

И онъ былъ правъ: они спѣлись. Одинъ вопросъ только немного смущалъ и какъ будто страшилъ всѣхъ — вопросъ о княгинѣ Маріи Львовнѣ Русовой. И на этомъ вопросѣ сходились всѣ, хотя и не касались его въ разговорахъ. Ее не хотѣлось видѣть ни княжнѣ, ни князю, ни Орлову, ни Благолѣпову, ни Настѣ. Всѣ сознавали, что эта женщина будетъ лишнею въ ихъ кружкѣ, будетъ лишнею у гроба старика. Но дать ей знать о смерти мужа все-таки было нужно,—этого требовало приличіе,—это было необходимо и по дѣлу наслѣдства. Ей послали телеграмму за границу, и въ душѣ всѣ надѣялись, что телеграмма не найдетъ ее, такъ какъ княгиня жила то въ Парижѣ, то въ Римѣ, то въ Женевѣ. Надежды эти сбылись только отчасти: телеграмма дошла до княгини, но княгиня отвѣтила, что она не можетъ поспѣть къ похоронамъ, а что дочь ея, вышедшая замужъ въ Парижѣ, не пріѣдетъ вовсе, такъ какъ ея положеніе не позволяетъ ей пускаться въ далекій путь.

Отсрочка пріѣзда княгини какъ бы дала возможность этимъ людямъ передохнуть, подготовиться къ непріятной встрѣчѣ. Чѣмъ болѣе приближался день этой встрѣчи, тѣмъ тяжелѣе становилось на душѣ у всѣхъ.

Всѣ тайно спрашивали себя: «И зачѣмъ она пріѣдетъ? Разыграть ненужную комедію на могилѣ мужа? Разыграть комедію материнской любви въ отношеніи дѣтей?.. Для этого можно бы и не пріѣзжать». Орлову хотѣлось уѣхать до ея пріѣзда, чтобы не встать въ ложное положеніе, чтобы не напомнить никому о прошломъ. Настя тоже какъ будто трусила встрѣчи съ нею, хотя и князь, и княжна давно уже рѣшили въ душѣ, что они отрекомендуютъ Настю, какъ жену князя; Благолѣповъ ругалъ мысленно извѣстную ему только по слухамъ княгиню, соэнавая, что она взглянетъ на него или свысока, какъ на «какого-то» поповича-управляющаго, или, чего добраго, еще заподозритъ его отношенія къ княжнѣ.

И вотъ вспомнилось теперь Орлову, какъ вдругъ все неожиданно измѣнилось, какъ всякіе расчеты были спутаны, какъ всѣ были сбиты съ толку и совсѣмъ не тѣмъ, чего ждали. Какой-то ужасъ охватилъ всѣхъ въ одинъ прекрасный день, когда совершенно неожиданно въ Русово пріѣхали изъ города власти арестовать Благолѣпова и сдѣлали тщательный обыскъ въ занимаемомъ имъ помѣщеніи. Орловъ помнитъ мертвенно-блѣдное лицо Благолѣпова съ недобрымъ выраженіемъ въ глазахъ; онъ помнитъ, какъ, забывъ всѣхъ и все, княжна бросилась на грудь Никанора Ивановича и словно замерла, сжимая его въ объятіяхъ и какъ бы рѣшившись не выдавать, не уступать его никому; какъ князь сдержанно и съ достоинствомъ объяснялъ, что это все, вѣроятно, одно недоразумѣніе, простая ошибка; какъ Настя со слезами на глазахъ увела потомъ изъ комнаты Благолѣпова княжну и просидѣла у нея всю ночь, ухаживая за ней, какъ за больнымъ ребенкомъ. Всѣ они, казалось, потеряли головы,—такъ непредвидѣнно было это событіе.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало дней, недѣль, мѣсяцевъ, и теперь Орловъ зналъ уже всю закулисную сторону этой страшной катастрофы и понималъ, что ея нужно было ожидать съ часу на часъ; онъ распуталъ, въ качествѣ защитника Благолѣпова, всѣ нити этого происшествія и добрался до начала, до причины этой бѣды. Чѣмъ глубже вникалъ онъ въ это дѣло, тѣмъ яснѣе представали передъ нимъ образъ Благолѣпова и образъ княжны.

Когда Благолѣповъ былъ водворенъ на родинѣ подъ надзоръ полиціи, онъ остался безъ дѣла, безъ средствъ добывать хлѣбъ, безъ надежды выйти изъ этого положенія. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о душевномъ спокойствіи, объ умиротвореніи человѣка. Благолѣпову приходилось сидѣть сложа руки или заняться чемъ-нибудь безъ надежды на практическіе результаты этихъ занятій, на примѣненіе ихъ къ дѣлу. Онъ сталъ продолжать изученіе химіи и сельскаго хозяйства — предметовъ, любимыхъ имъ и прежде. Но какъ ни любилъ онъ ихъ, они не могли вполнѣ удовлетворить его въ его положеніи. Мало этого, у него подъ руками часто не было даже необходимыхъ книгъ, не было лабораторіи, не было руководителей. На каждомъ шагу онъ наталкивался на сознаніе, что при другихъ условіяхъ, при другой обстановкѣ онъ могъ бы не такъ работать. На душѣ начала накипать желчь. Дѣлиться ею приходилось поневолѣ съ людьми, такъ же выброшенными за бортъ изъ жизни, такъ же волновавшимися, какъ онъ. Не могъ же онъ ждать сочувствія къ себѣ отъ своего дяди-архіерея, отъ какихъ-нибудь находившихся при мѣстахъ «совѣтниковъ», отъ какихъ-нибудь занятыхъ своею коммерціей купцовъ. Участіе и пониманіе встрѣтилось въ иной средѣ, родственной съ нимъ по развитію, по взглядамъ, по участи. Въ это время только что начиналась эпоха хожденія въ народъ, только что начали появляться люди, взявшіеся за пропаганду извѣстныхъ идей, за распространеніе въ народѣ разныхъ книжечекъ и брошюръ съ извѣстнымъ направленіемъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей были старыми знакомыми Благолѣпова; другіе сами нашли его, потому что видѣли въ немъ подходящій элементъ. Когда Орловъ, впервые послѣ разлуки въ Петербургѣ, встрѣтился съ Благолѣповымъ въ провинціи, Благолѣповъ былъ уже въ сношеніяхъ со многими опасными людьми. Самъ Благолѣповъ не видѣлъ особенной пользы въ хожденіи въ народъ для распространенія разныхъ книжекъ, онъ горячо спорилъ по этому поводу съ пріятелями, но онъ не видѣлъ ни нужды, ни цѣли разрывать связь съ ними, такъ какъ онъ видѣлъ въ нихъ людей, раздѣлявшихъ его главныя убѣжденія, думавшихъ о народѣ, любившихъ народъ. Можно сказать даже больше: иногда бездѣятельная жизнь становилась ему такъ противна, что онъ былъ самъ готовъ идти въ народъ, только бы дѣлать что-нибудь. Мускульная сила, избытокъ здоровья, молодая кровь — все это требовало дѣятельности,

свободы, простора. Въ это время онъ нерѣдко запивалъ или, какъ онъ выражался, «малодушествовалъ и напускалъ на себя». Каково было состояніе его души, этого никто не зналъ тогда, и только послѣ мелькомъ онъ какъ-то замѣтилъ: «Что же было разсказывать, что не разъ башкой объ стѣну колотился, да волосы свои рвалъ. Помочь-то никто не помогъ бы, а только посмѣялся бы, что такой большой и такъ реветъ, какъ баба». Бывали въ это время такія минуты, когда Благолѣповъ чаще и глубже начиналъ задумываться надъ вопросомъ «о чистой отставкѣ», какъ онъ называлъ самоубійство. Столкновеніе съ княжной, разговоръ съ нею указали ему исходъ: онъ могъ попробовать свои силы въ качествѣ волостного писаря, управляющаго, конторщика, учителя, — однимъ словомъ, лица, могущаго стоять близко къ народу и приносить послѣднему посильную пользу, указывая мужику на его практическіе интересы, разъясняя его законныя права, давая тѣ или другіе совѣты вообще. Придумать этотъ исходъ было не хитро; о такой дѣятельности не разъ серьезно думалъ Благолѣповъ и до встрѣчи съ княжною; но княжна дала ему толчокъ, какъ-то сразу заставила рѣшиться. Ему стала улыбаться перспектива этой дѣятельности: онъ зналъ отлично народъ, выросши среди народа; онъ долго изучалъ естественныя науки, сельское хозяйство, а теперь ему говорили о возможности приложить знанія къ практикѣ,—говорили именно въ то время, когда имъ начинало овладѣвать отчаяніе. Но этотъ шагъ можно было сдѣлать только съ фальшивымъ паспортомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Сначала онъ не хотѣлъ оставаться въ Русовѣ, но княжна уговорила его. Да какъ было и не согласиться? Здѣсь просторъ для дѣятельности былъ полный, подъ руками были большое хозяйство, заводы, школы, больницы. Здѣсь были и лѣсъ, и рѣка, и желѣзная дорога подъ бокомъ. Здѣсь могъ быть сбытъ для всякой кустарной, заводской или фабричной производительности. Благолѣповъ остался здѣсь и энергично принялся за работу. Но Русово не на лунѣ. Въ Русово не запрещены входъ и въѣздъ никому. Что дѣлается въ Русовѣ, то не остается тайной для сосѣдей. И вотъ къ Благолѣпову нашли дорогу пріятели; въ его комнатѣ не разъ происходили крупные споры; къ нему не разъ долетали запрещенные листки, брошюры, книги, все, что было вовсе ненужно и что было опасно. Съ другой стороны, ни для кого не было тайной, что въ Русовѣ происходили какія-то вечернія чтенія для взрослыхъ

въ школѣ, что въ Русовѣ безъ разрѣшенія правительства устроилось что-то въ родѣ формальнаго техническаго училища при заводѣ, что въ Русовѣ завелась ссудо-сберегательная касса, что въ Русовѣ подняли заработную плату, что въ Русовѣ крестьяне могли выжидать съ продажею хлѣба при помощи ссудъ изъ кармана князя и могли въ случаѣ недостатка хлѣба покупать его по болѣе дешевой цѣнѣ, при помощи опять-таки тѣхъ же ссудъ. Какъ растетъ, катаясь, комъ снѣга, такъ росли съ одной стороны преступныя сношенія съ пріятелями, а съ другой—враждебныя отношенія съ окружающими лавочниками, кулаками, арендаторами, землевладѣльцами. И съ обѣихъ сторонъ шли преувеличенія: одни преувеличивали таинственное значеніе своихъ злоумышленныхъ плановъ; другіе преувеличивали реформаторскія попытки въ сущности еще не успѣвшаго ничего сдѣлать Благолѣпова. Его искали давно, уже у нѣсколькихъ арестованныхъ нашли его письма, уже въ немъ видѣли опаснаго агитатора, хотя сущность его дѣятельности и участія въ агитаціи и была еще не выяснена, но находить его не находили. Не нашли бы его, быть-можетъ, и еще нѣсколько лѣтъ, не нашли бы, быть-можетъ, и вовсе, если бы чисто случай не привелъ къ открытію его убѣжища.

Въ одинъ изъ храмовыхъ праздниковъ въ родномъ городѣ Благолѣпова преосвященный Филоѳей самъ служилъ обѣдню въ соборѣ. Народу въ церкви набралась масса; всѣ были въ праздничномъ настроеніи, всѣ восхищались архіерейскими пѣвчими и басомъ гиганта-дьякона. Среди извѣстной части купечества, тѣснившагося около свѣчной выручки, между крестными знаменьями и шепотомъ молитвъ, какъ это всегда бываетъ въ большія храмовыя торжества, шли толки и о преосвященномъ, и о пѣвчихъ, и о дьяконѣ. Какой-то старикъ-купецъ замѣтилъ между прочимъ:

— Вотъ, жаль, не пошелъ въ духовное званіе Никаноръ-то Ивановичъ, племянникъ-то его преосвященства. То-то знатный бы дьяконъ былъ. Косая сажень въ плечахъ. Намедни видѣлъ я, какъ онъ на пожарѣ въ Русовѣ работалъ, такъ что это за махина человѣкъ!

— Да что же онъ въ Русовѣ дѣлаетъ?.. При должности какой, что ли?—спросилъ кто-то.

— Управитель, кажись, у князя или секретарь,—отвѣтилъ купецъ.—Я еще вотъ преосвященному-то говорилъ. Хотѣлъ все молодца-то похвалить. Ямщикъ разсказывалъ, что такой-то славный парень изъ него сдѣлался. Мужички не нахвалятся.

— Заливать-то, вѣрно, пересталъ?

— Ужъ вѣрно, если князь при себѣ держитъ.

Купецъ сталъ распространяться о Никанорѣ Ивановичѣ, о своихъ отношеніяхъ къ преосвященному. Ему было очень пріятно даже прилгать, чтобы только всѣ знали, что онъ «свой человѣкъ у преосвященнаго» и чуть не на «ты» съ нимъ.

Кто слушалъ этотъ разсказъ? Кто передалъ о немъ, кому слѣдовало знать объ этомъ? Все это осталось неизвѣстнымъ. Извѣстно было только то, что Благолѣпова нашли, и онъ увидалъ при допросѣ, что противъ него имѣется цѣлая масса обвиненій, да такихъ, какихъ онъ и придумать не могъ бы самъ, заглянувъ въ свое прошлое. У него ночевалъ когда-то такой-то, ходившій въ народъ, пріятель,—его подозрѣвали, что у него былъ притонъ злоумышленниковъ. У него оставили двое знакомыхъ народниковъ двѣ-три однородныхъ брошюры, — его подозрѣвали въ томъ, что у него былъ «складъ запрещенныхъ сочиненій», что онъ намѣренъ былъ ихъ распространять. Откуда-то всплыли толки сосѣдей о томъ, что онъ вооружалъ народъ, побуждалъ къ стачкѣ рабочихъ, — и его подозрѣвали въ подстрекательствѣ. Все это было очень естественно, очень понятно. То была пора, когда дѣла подобнаго рода были чѣмъ-то совершенно новымъ, когда никто вообще—ни въ той, ни въ другой партіи—не составилъ себѣ яснаго понятія о нихъ, о ихъ размѣрахъ, о ихъ цѣляхъ, когда только видѣли, что тутъ кроются преступные замыслы; но въ какой мѣрѣ преступны эти замыслы, какое участіе принимаютъ въ этихъ замыслахъ тѣ или другія лица, кто изъ этихъ лицъ дѣйствительно раздѣляетъ эти замыслы и кто только виноватъ тѣмъ, что не доносилъ на виновныхъ — всего этого тогда никто еще не зналъ. Всѣ точно растерялись. Изъ первыхъ же допросовъ Благолѣповъ понялъ, что противъ него нѣтъ никакихъ крупныхъ уликъ; но тѣмъ не менѣе, онъ сознавалъ, что его не выпустятъ на всѣ четыре стороны, что слѣдователи будутъ докапываться настойчиво и упорно, чтобъ узнать, нѣтъ ли за нимъ чего-нибудь такого, что ускользало покуда отъ ихъ глазъ. Онъ понималъ, что его могутъ держать въ тюрьмѣ уже за одно то, что онъ бѣжалъ отъ надзора полиціи съ фальшивымъ паспортомъ. Отрицать этого было нельзя, оправдать себя въ этомъ поступкѣ было невозможно. Наконецъ, у него нашли нѣсколько записокъ, написанныхъ рукою захваченныхъ, замѣшанныхъ въ дѣло людей. Записки были пустыя, незначительныя, но онѣ говорили о сношеніяхъ.

Зачѣмъ онъ хранилъ ихъ? Конечно, только потому, что не придавалъ имъ значенія, забылъ о нихъ, не бросилъ ихъ тотчасъ же по полученіи. А между тѣмъ, онѣ-то и являлись уликами. Положеніе было безвыходное, впереди можно было ожидать только дурного. Но чаша горечи была бы далеко не полна, если-бъ могли оставить въ покоѣ княжну. Самъ Благолѣповъ готовъ былъ мужественно перенести все, сознавая, что онъ платился все-таки за что-нибудь — за неосторожность, за легкомысліе, за проступокъ; но когда онъ узналъ, что захватили и княжну,—онъ пришелъ въ отчаяніе. «Ее-то за что? Чѣмъ она виновата? Въ чемъ ее подозрѣваютъ? Какъ дошли до мысли объ ея арестѣ? Вѣдь за то, что онъ жилъ въ домѣ князя, взять ее было невозможно. Она могла и не знать, что у него фальшивый паспортъ, что у него были преступныя связи. Ея арестъ — крайняя несправедливость». Благолѣповъ проклиналъ тотъ день, когда онъ согласился вступить въ Русово управляющимъ, когда онъ согласился остаться въ княжескомъ домѣ. Онъ боялся даже и думать, что̀ дѣлается съ княжною, какъ она переноситъ тюремное заключеніе. Каково было это заключеніе, онъ зналъ уже по опыту. Онъ, человѣкъ простой, не брезгливый, съ трудомъ мирился съ грязью, съ ѣдою, съ воздухомъ провинціальной тюрьмы. А она?.. Что̀ она теперь чувствуетъ къ нему, Благолѣпову, виновнику всего этого несчастія? Вѣдь онъ былъ опытнѣе ея, онъ зналъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ знать, къ чему ведутъ сношенія съ опасными людьми; онъ игралъ съ огнемъ, забывая, что этотъ огонь можетъ испепелить другую, дорогую для него жизнь.

Въ Русовѣ шла не меньшая тревога, хотя совсѣмъ въ другомъ родѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не переживу этого позора! — звучали теперь въ ушахъ Орлова восклицанія пріѣхавшей въ деревню княгини.—Я всегда ожидала, что она кончитъ какъ-нибудь не такъ, какъ всѣ, но этого не ждала... Она была противъ всѣхъ этихъ революціонеровъ за границей, она спорила съ ними, она отзывалась о нихъ съ неуваженіемъ и — вдругъ сошлась здѣсь съ какимъ-то бѣглымъ!.. Александръ, мнѣ совѣстно, я боюсь выговорить это, но скажи мнѣ откровенно... Я — мать, я должна знать все, приготовиться ко всему!.. Этотъ человѣкъ... какъ его, Никаноръ?.. что, онъ въ связи съ нею?

Русовъ холодно взглянулъ на мать и сухо отвѣтилъ ей:

— Соня настолько чистое созданіе, что странно даже дѣлать подобные вопросы.

— Да, но вѣдь я — мать, я — мать!.. Она носитъ наше имя... Это можетъ все огласиться, запятнать...

— Ахъ, полноте, мало ли кто таскалъ въ грязи нашъ княжескій гербъ! Теперь надо заботиться не объ имени, а о человѣкѣ... Ее спасти надо...

— Да развѣ это возможно? Я знаю, что за люди эти агитаторы, эти негодяи, желающіе затопить въ крови Россію. Я близко узнала ихъ за границею. Это — изверги, безъ сердца, безъ чести...

И княгиня разразилась цѣлымъ потокомъ громкихъ фразъ о тѣхъ, съ кѣмъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ она кокетничала, играя роль недовольной чѣмъ-то и кѣмъ-то, воображая себя госпожею Роланъ.

— Да, это все послѣдствія матерьялизма, послѣдствія безбожія!—продолжала ораторствовать княгиня, вспоминая разныя вычитанныя ею гдѣ-то фразы.—Когда люди забываютъ о Богѣ, когда они не вѣрятъ ни во что, когда у нихъ нѣтъ ничего святого,—они, конечно, готовы на все, на грабежъ, на убійство...

Княгиня теперь давно уже бросилась въ новую крайность и бредила католическими патерами, какими-то чудесами, какими-то знаменіями. Католическіе патеры явились ей послѣдними утѣшителями и друзьями, и она такъ же повторяла теперь ихъ слова, какъ не особенно давно повторяла слова русскихъ эмигрантовъ, какъ прежде повторяла слова своихъ великосвѣтскихъ любовниковъ.

— Мнѣ кажется, вамъ лучше бы всего для своего спокойствія поселиться гдѣ-нибудь за границей,—спокойнымъ, но твердымъ тономъ посовѣтовалъ ей князь. — Здѣсь вамъ будетъ слишкомъ тяжело постоянно слышать о Сонѣ.

— Но развѣ я могу уѣхать, когда моя дочь... — начала княгиня.

Сынъ перебилъ ее.

— Вы все равно не видите ея, — сказалъ онъ. — Наконецъ, для чего вамъ и видѣть ее? Любить ее вы уже не можете, облегчить ея участь вы не можете, передѣлать ее вы не можете. Вы только напрасно будете отказывать себѣ въ удовольствіи жить тамъ, куда васъ тянетъ все...

Онъ былъ сухъ и холоденъ съ матерью, но сдержанъ и вѣжливъ. Но эта холодность смѣнилась въ его душѣ почти враждебнымъ чувствомъ къ ней, когда она какъ-то свысока

взглянула на Настю, услыхавъ отъ сына, что это его жена, что она приходится двоюродною сестрой Орлову. Княгиня, услыхавъ отъ сына, что онъ женился недавно, что онъ не писалъ объ этомъ, такъ какъ свадьба была тихая, скромная, сразу, чутьемъ угадала, что сынъ сдѣлалъ mésalliance, что его жена какая-то мѣщанка, что, можетъ-быть, это даже и не жена вовсе.

— Мнѣ кажется, все-таки можно бы было написать объ этомъ мнѣ!—сказала княгиня сыну.

— Мнѣ казалось, что это дѣло касается только меня и моей невѣсты,—коротко отвѣтилъ князь.

— Но я—мать!

Не отвѣчая на это восклицаніе, слишкомъ уже часто повторявшееся въ эти дни, князь спокойно сказалъ:

— Къ тому же я даже не имѣлъ отъ васъ извѣстій о томъ, гдѣ вы находитесь въ извѣстную минуту, и думалъ, что одного этого довольно, чтобы не безпокоить васъ своими письмами.

— Что это, упрекъ?—спросила она.

— Нѣтъ, я просто объясняю причину, почему я не писалъ. Сводить же старые счеты — это будетъ очень длинно и едва ли поведетъ къ чему-нибудь,—отвѣтилъ онъ.

Между матерью и сыномъ было все порвано, и оба они сознавали это. Княгиня начала даже какъ будто побаиваться сына. Ее не испугала бы его раздражительность или запальчивость, но ее пугала его холодная сдержанность. Она инстинктивно угадывала, что этотъ человѣкъ въ случаѣ необходимости не пощадитъ своего врага и сумѣетъ раздавить его желѣзною рукой. Были двѣ-три минуты, двѣ-три фразы, когда княгиня невольно подумала, что онъ видитъ именно въ ней такого врага и что въ случаѣ крайности не пощадитъ ея.

Еще холоднѣе, еще офиціальнѣе были отношенія между княгиней и Орловымъ. Онъ начиналъ чувствовать къ ней почти ненависть, по мѣрѣ того, какъ передъ нимъ раскрывалась теперь вся мелочность, вся пустота, вся пошлость, вся дрянность этой натуры. Онъ ненавидѣлъ ее за то, что она унижала его въ его собственныхъ глазахъ, напоминая ему собою, что онъ могъ когда-то преклоняться передъ этой женщиной, могъ любить ее. Она была ходячимъ свидѣтельствомъ его ошибокъ, заблужденій, недальновидности. Онъ бы не ощущалъ этой ненависти, если бы могъ хоть на минуту увѣрить себя, что онъ сошелся съ нею только какъ съ падшей женщиной.

Но она была когда-то его кумиромъ, и онъ бѣсился, что онъ могъ хоть когда-то благоговѣть передъ тѣмъ, что стоило только презрѣнія. Княгиня сразу угадала, что онъ презираетъ ее, и подняла передъ нимъ голову, едва отвѣчая на его поклоны и не обращая вниманія на его замѣчанія во время разговоровъ. Впрочемъ, никому въ сущности не было и дѣла до нея, такъ какъ теперь всѣ помыслы были обращены на одно—на стремленіе спасти и выгородить Благолѣпова и княжну.

— Не жалѣй ничего, ни денегъ, ни хлопотъ,—говорилъ Александръ Александровичъ Орлову:—но постарайся спасти ихъ обоихъ, обоихъ потому, что спасти одну сестру — это значитъ поправить дѣло только наполовину...

— Даже вовсе не поправить его, такъ какъ она пойдетъ теперь всюду за Никаноромъ,—отвѣтилъ Орловъ.

— Да, да, это вѣрно... Иначе и быть не можетъ! — согласился князь.

— Да кстати. Ты знаешь, что я хотѣлъ разузнать, нельзя ли при помощи протекцій и взноса денегъ взять Соню на поруки,—сказалъ Орловъ.—Я имѣлъ глупость сказать ей это, и она отказалась наотрѣзъ.

— Ты, вѣрно, не сказалъ, что мы будемъ хлопотать о томъ же и для Благолѣпова,—замѣтилъ князь.

— Я и это сказалъ. Но она спросила меня: «А другихъ тоже выпустятъ? Если нѣтъ, то я не воспользуюсь никакими льготами».

Князь задумчиво ходилъ по комнатѣ.

— Да, этого и нужно было ждать,—проговорилъ онъ.— Теперь все, что было въ ней только молодымъ броженіемъ, молодыми вспышками, войдетъ ей въ плоть и кровь, сдѣлается глубокимъ убѣжденіемъ, освященнымъ страданіями.

И вотъ Орловъ засѣлъ за это дѣло. Съ преданностью друга, съ умѣньемъ опытнаго дѣльца онъ слѣдилъ за ходомъ допросовъ, за характеромъ уликъ, за всѣми тѣми мелочами, которыя нужно было имѣть въ виду въ рѣшительную минуту. А дѣло все разрасталось и расширялось, такъ какъ къ нему припутывались десятки лицъ.

Для Орлова настала пора горячей дѣятельности. Кромѣ дѣла княжны и Благолѣпова на его рукахъ было теперь дѣло семьи Русовыхъ по вводу во владѣніе, по дѣлежу наслѣдства. Князь, вышедшій въ отставку и обвѣнчавшійся въ уѣздномъ городишкѣ съ Настею, занялся чисто хозяйственными дѣлами, перебравшись въ Русово, всѣ же судеб-

ныя и официальныя сношенія предоставилъ вполнѣ Орлову. Наслѣдство покойнаго князя представляло очень крупную цифру, имѣнія его были разбросаны въ нѣсколькихъ губерніяхъ, и потому возни было съ этимъ дѣломъ не мало. Александръ Александровичъ Русовъ предложилъ Орлову общепринятую плату за эти хлопоты, и цифра вышла довольно крупная. Орловъ стѣснялся, но князь просто замѣтилъ ему:

— Что же, ты хочешь, чтобы кто-нибудь другой взялъ еще больше и не сдѣлалъ бы почти ничего или затянулъ бы дѣло?

— Но мы съ тобой стоимъ въ такихъ отношеніяхъ, — началъ Орловъ.

— Что я знаю, что ты человѣкъ не богатый, и что ты ради меня теперь бросилъ всѣ другія дѣла,—докончилъ князь.

Орловъ очень хорошо понималъ, что дѣлать дѣло нельзя даромъ, что дѣйствительно изъ одной дружбы нельзя было бросить всѣ дѣла и отдаться дѣламъ князя, но его какъ-то досадливо смущало одно неотвязчивое сознаніе, что первое его очень крупное по доходу дѣло — было дѣло друга, что первая его яркая защита — будетъ защита друзей въ политическомъ процессѣ. Онъ мысленно сравнивалъ это съ чѣмъ-то въ родѣ того, что человѣкъ черезъ трупъ ближняго переступаетъ къ счастью.

— Мы, какъ доктора, аптекаря и гробовщики,—говорилъ онъ съ грустной улыбкой: — когда говоримъ объ удачѣ, о хорошихъ дѣлишкахъ, это значитъ, что Богъ далъ хоть маленькую холеру...

— Да вѣдь и въ большинствѣ случаевъ такъ бываетъ,— по крайней мѣрѣ, покуда, — сказалъ князь. — Кто-нибудь умретъ, и у кого-нибудь развязались руки, кому-нибудь очистилось мѣсто, кто-нибудь получилъ наслѣдство...

Онъ вздохнулъ.

— Вотъ и я въ отставкѣ, женатъ, живу здѣсь, потому что умеръ отецъ... А сколько іезуитовъ будетъ ликовать, узнавъ объ этой смерти отъ матери!.. Теперь она можетъ щедрою рукой разсыпать направо и налѣво свои собственныя деньги... Сдержать болѣе некому.

Всѣ эти событія, сцены, разговоры приходили на память Орлову, когда онъ приготовлялся къ защитѣ княжны и Благолѣпова.

Толкуя съ защитниками другихъ подсудимыхъ, долженствовавшихъ судиться въ одной группѣ съ княжной и Благолѣповымъ, онъ ясно сознавалъ, что его кліенты будутъ

оправданы, что если ихъ и постигнетъ какое-нибудь наказаніе, такъ это въ крайнемъ случаѣ водвореніе куда-нибудь на жительство подъ надзоръ полиціи, да и то эта участь могла постигнуть развѣ Благолѣпова, если ему не вмѣнятъ въ наказаніе долговременное содержаніе въ тюрьмѣ. Онъ сознавалъ, что ему, прослѣдившему ихъ дѣло до послѣднихъ мелочей, защита будетъ далеко не трудна, что онъ можетъ не только оправдывать своихъ кліентовъ, не только опровергать обвиненія, но даже можетъ напасть на тѣхъ, кто впуталъ въ это дѣло его кліентовъ, какъ подсудимыхъ, тогда какъ они если бы и могли фигурировать въ этомъ процессѣ, то развѣ только какъ свидѣтели и не болѣе. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ обвинять за разговоры, которыхъ никто даже хорошо не помнитъ, или за держаніе двухъ-трехъ запрещенныхъ книжекъ, которымъ не придаютъ никакого значенія, или даже за знакомство съ опасными людьми, за дѣятельность которыхъ странно отвѣчать постороннимъ и которые могутъ попасться намъ навстрѣчу на каждомъ шагу. Главная вина его кліентовъ въ томъ, что они не доносили на опасныхъ людей и не задерживали этихъ людей, но нельзя же ставить въ обязанность каждому гражданину исполнять роль доносчика и полицейскаго. Въ то же время, приготовляя свои рѣчи, Орловъ старался употребить всѣ усилія, чтобы защищать съ достоинствомъ и не ронять своихъ кліентовъ, сваливая ихъ поступки на легкомысліе, на необдуманность, на недомысліе. Онъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, зналъ, что дѣла сложились тутъ просто роковымъ образомъ, и что вовсе не легкомысліе заставило Благолѣпова уйти съ фальшивымъ паспортомъ работать, когда съ настоящимъ паспортомъ пришлось бы надѣть петлю на шею или спиться съ круга отъ бездѣйствія. Не при чемъ было легкомысліе и въ поступкахъ княжны, когда она, добрая, готовая помочь каждому, давала деньги на голодныхъ и холодныхъ людей, заброшенныхъ Богъ знаетъ куда безъ работы, безъ средствъ, безъ поддержки; если бы тогда было хоть какое-нибудь правильно организованное общество для вспомоществованія административно-сосланнымъ, то, конечно, тайная помощь имъ могла бы еще считаться слѣдствіемъ какихъ-нибудь преступныхъ сношеній съ этими людьми, но въ данномъ случаѣ эта помощь была просто добрымъ дѣломъ; за нее обвинять можно было настолько же, насколько можно обвинять въ соучастіи съ ворами и убійцами, въ сочувствіи къ ворамъ и убійцамъ тѣхъ, кто подастъ идущимъ на каторгу

милостыню. А кто же изъ русскихъ людей не подастъ гроша «несчастненькимъ», заключеннымъ? Ужъ, конечно, какія-нибудь кунчихи, развозящія калачи, сайки и пироги острогамъ, вовсе не выражаютъ этимъ желанія, чтобы воровъ и грабителей развилось побольше въ ихъ городѣ. Орловъ радовался и тому, что личности именно его кліентовъ являлись безупречными въ нравственномъ отношеніи, что ихъ нельзя было упрекнуть за развратъ, что въ ихъ прошломъ не было безчестныхъ поступковъ, что ихъ нельзя было назвать даже недоучками. Несмотря на все это, несмотря на убѣжденіе въ невинности княжны и Благолѣпова, Орловъ провелъ тяжелую ночь наканунѣ начала ихъ процесса. Это былъ одинъ изъ первыхъ политическихъ процессовъ, гдѣ обвинялась за разъ цѣлая большая группа лицъ, гдѣ высказались первые намеки на «организацію», на «общество». Не безъ волненія вошелъ онъ въ залу, гдѣ долженъ былъ засѣдать судъ, гдѣ уже все было полно народомъ, гдѣ царствовали какой-то зловѣщій шопотъ, какая-то зловѣщая суета, какое-то зловѣщее нетерпѣніе, однимъ словомъ все то, что предшествуетъ роковымъ возгласамъ среди внезапно наступающей тишины: «судъ идетъ», «введите подсудимыхъ», «прочтите обвинительный актъ», «признаете ли вы себя виновнымъ» и т. д. безъ конца. Шаги жандармовъ, появленіе взволнованныхъ лицъ подсудимыхъ, приводъ къ присягѣ свидѣтелей, короткіе вопросы и сбивчивые отвѣты, перешептываніе защитниковъ съ ихъ кліентами, все это дѣйствуетъ на нервы, особенно когда вдругъ раздается вопросъ прокурора, обращенный къ свидѣтелю, и кажется, что вотъ-вотъ свидѣтель спутается, заговорится, преувеличитъ показанія, дастъ новый мотивъ къ обвиненію, наброситъ новую тѣнь на то или другое лицо. Но вотъ конченъ долго тянувшійся мучительный допросъ свидѣтелей, вотъ поднимается прокуроръ, вотъ раздаются его первыя фразы, банальныя общія мѣста о томъ, что преступленіе есть преступленіе. Прокурору очень трудно говорить: несмотря на долгое слѣдствіе, несмотря на массу уликъ въ преступности тѣхъ или другихъ подсудимыхъ, онъ, прокуроръ, сознаетъ, что суть дѣла все еще остается не вполнѣ выясненною, что конечныя цѣли организаціи этого преступнаго сообщества ускользнули отъ глазъ правосудія, что волей-неволей приходится связывать живыми нитками всѣхъ этихъ подсудимыхъ въ одну группу, что слѣдствіе велось неумѣло. Орловъ это понимаетъ и не ждетъ отъ прокурор-

ской рѣчи ничего особенно сильнаго, такъ какъ въ данномъ случаѣ въ рукахъ у прокурора находится менѣе боевыхъ снарядовъ, чѣмъ у защитниковъ. Но что же это? Мало того, что прокуроръ обвиняетъ преступниковъ за ихъ преступленія, онъ говоритъ, что всѣ они безъ исключенія въ частной жизни развратны, что всѣ они желаютъ только зла и гибели отечеству, что всѣ они безсердечны, грубы и невѣжественны, что всѣ они достойны не одного наказанія, но и позора. Орловъ чувствуетъ на минуту, что у него поднимается желчь. Но прокуроръ продолжаетъ говорить гладко и ровно, немного цвѣтисто и театрально. Орловъ подъ звуки этой рѣчи мало-по-малу остываетъ и сознаетъ, что сердиться на прокурора вовсе не за что. Ему кажется даже, что онъ ждалъ именно этого оборота рѣчи, что онъ зналъ, что иначе не можетъ и быть. Самъ вѣдь былъ прокуроромъ! Это просто пріемы обвиненія, такіе же банальные, какъ бываютъ и пріемы защиты, разглагольствующей о невмѣняемости, дѣлающей изъ преступника-убійцы—жертву, а изъ павшаго подъ его ножомъ—злодѣя-убійцу. Таково уже положеніе прокурора и защитника, что имъ вообще приходится накладывать краски нѣсколько гуще и въ особенности тогда, когда у нихъ въ рукахъ мало фактовъ, когда у нихъ нѣтъ подъ ногами твердой почвы: ихъ рѣчь не есть сама истина, сама правда, а только пристрастный, односторонній взглядъ на дѣло; потому-то и приходится выслушивать ихъ обоихъ и осторожно, осмотрительно взвѣшивать, въ чемъ заключается правда, гдѣ истина. Но вотъ Орловъ слышитъ надъ собою шопотъ, онъ поднимаетъ голову и къ нему склоняется исхудалое, блѣдное женское лицо съ воспаленными глазами.

— Вѣдь мнѣ дадутъ, Митя, послѣднее слово?—слышится тихій голосъ княжны.

— Конечно!—отвѣчаетъ онъ.

— Ну, значитъ, я отвѣчу ему...

— Что ты хочешь сказать?

— О, зачѣмъ же онъ топчетъ въ грязь!

И Орловъ видитъ, что глаза княжны, устремленные куда-то вдаль, можетъ-быть, на образъ, висящій напротивъ, блестятъ какимъ-то лихорядочнымъ блескомъ. И точно, кончилась рѣчь прокурора, начались и кончились рѣчи защитниковъ, начали говорить подсудимые, заговорила и княжна. Что же это? Она не оправдывается отъ взводимыхъ на нее преступленій: она утверждаетъ, что она знала и о фальшивомъ

паспортѣ Благолѣпова, и видѣла приходившихъ къ нему людей, и давала деньги на высланныхъ, и сочувствовала тѣмъ-то и тѣмъ-то идеямъ. Боже мой, да вѣдь она губитъ себя, губитъ впечатлѣніе, произведенное защитительной рѣчью. Ея каждое слово чуть не новое преступленіе. Хоть бы ее остановили, лишили слова! Но нѣтъ, ее останавливаютъ, ей грозятъ лишеніемъ слова, а она, точно подталкиваемая какой-то сверхестественной силой, точно забывая всѣхъ и все, горячо, съ увлеченіемъ, съ яркимъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ защищаетъ свою нравственную чистоту, свое сердце, свою жажду добра и только добра. Ее хотятъ опять прервать, но она все-таки громко, отчетливо досказываетъ свое послѣднее слово:

— Пусть насъ обвиняютъ за незаконныя средства, но кто же можетъ топтать въ грязь наши цѣли.

— Наши! наши!—мысленно восклицаетъ Орловъ, чувствуя, что ему стало какъ-то жутко. — Чьи это наши? Твои или ихъ? Зачѣмъ ты заставляешь смѣшать себя вмѣстѣ со всѣми!

Орловъ уже не слышитъ, кто и что теперь говоритъ; онъ весь охваченъ страхомъ за участь княжны и, кажется, не за ея участь теперь, а за ея участь послѣ. А кругомъ вдругъ все стихаетъ точно въ комнатѣ умирающаго. Настаетъ именно тотъ роковой моментъ, когда уже нельзя ничего прибавить къ обвиненію, ничего присовокупить къ защитѣ. За минуту тутъ еще можно было топтать въ грязь этихъ людей и можно было ставить ихъ на пьедесталъ; за минуту тутъ шла простая борьба обвиненія и защиты, теперь тутъ ждутъ только рѣшенія участи; за минуту тутъ были только подсудимые, сейчасъ здѣсь будутъ преступники, осужденные, лишенные всѣхъ правъ, не люди, а только нумера. У Орлова захватывало духъ въ ожиданіи резолюціи суда. Для него дѣло шло не объ оправданіи или обвиненіи его кліентовъ, а объ участи его друзей, сдѣлавшихся ему за эти мѣсяцы, за эти годы почти родными. Онъ могъ не раздѣлять вполнѣ всѣхъ ихъ убѣжденій, ихъ взглядовъ, ихъ поступковъ, но онъ не могъ не болѣть за нихъ душой, зная изо дня въ день ихъ жизнь въ тюрьмѣ, ту жизнь одиночнаго заключенія, когда люди начинаютъ говорить съ мышонкомъ, прикармливать паука, учить таракана возить бумажныя тележки. Мало того, онъ пересталъ уже видѣть въ нихъ не только преступниковъ или виноватыхъ, но даже заблуждающихся людей, а видѣлъ только людей, много перестрадавшихъ, искалѣченныхъ, можетъ-быть, на всю жизнь,

съ потрясеннымъ организмомъ, съ больными нервами. Такъ близкіе родные смотрятъ на больного со слезами на глазахъ и ухаживаютъ за нимъ, не спрашивая, не думая вовсе о томъ, отчего онъ стоитъ на краю могилы, отъ разгула, отъ безпутной жизни, отъ пороковъ: передъ ними уже лежитъ больной, умирающій, а не грѣшникъ и подсудимый Кто не способенъ такъ относиться къ ближнимъ, тотъ уже не человѣкъ. Но, Господи, какъ долго длится совѣщаніе! Но вотъ судъ идетъ. Вотъ начинается чтеніе...

— Оправданы! оправданы! поздравляю!

У Орлова на глазахъ слезы, у него духъ захватываетъ. Вотъ и князь Александръ, и Настя подносятъ платки къ глазамъ, и въ то же время ихъ лица сіяютъ радостью.

Орловъ не забылъ ни одной мелочи изъ всѣхъ этихъ событій, кончившихся только наканунѣ. Онъ отдыхалъ отъ нихъ дома. Но ему не сидѣлось дома, ему хотѣлось быть тамъ, въ ихъ кругу, узнать, что они намѣрены дѣлать далѣе, какъ устроится ихъ участь. Онъ взглянулъ на часы, было семь часовъ вечера.

Онъ всталъ, одѣлся и поѣхалъ въ домъ Русовыхъ, гдѣ надѣялся застать въ сборѣ всѣхъ своихъ друзей.

III.

Послѣ долгихъ лѣтъ впервые Орловъ снова поднимался по лѣстницѣ барскаго дома Русовыхъ. Едва переступилъ онъ порогъ дверей, едва успѣлъ очутиться передъ широкою лѣстницей этихъ палатъ, какъ вдругъ въ немъ проснулось все давно минувшее прошлое и воспоминанія охватили его всего. Онъ вспомнилъ, какъ когда-то впервые робко входилъ онъ, дитя Захолустной улицы, по этимъ бѣлымъ мраморнымъ ступенямъ, какъ здѣсь красивѣлъ онъ, встрѣчая лакеевъ, ходившихъ въ гости къ его роднымъ, какъ на этой самой лѣстницѣ не разъ обнималъ и цѣловалъ его прелестный мальчикъ, его другъ, и какъ тутъ же онъ, Орловъ, впервые смутился до глубины души и назвалъ себя негодяемъ, встрѣтивъ этого же друга, уже юношу, и не имѣя силъ сознаться, что онъ только что вышелъ изъ будуара матери этого друга еще пьяный отъ ея жгучихъ ласкъ и поцѣлуевъ. О, сколько тутъ пережилось и свѣтлыхъ, и мрачныхъ, и полныхъ надежды, и полныхъ отчаянья дней! Да, полно, тѣ ли это палаты? Развѣ тогда освѣщалась такъ убого эта лѣстница? Развѣ были тогда такъ запылены эти статуи? Развѣ тогда тутъ не стояло массы цвѣтовъ? Теперь

здѣсь было какое-то запустѣнье, заброшенность. Орлову вспомнилось, что этотъ домъ продается. «И Богъ съ нимъ», промелькнуло въ его головѣ.—Едва ли кто-нибудь изъ Русовыхъ пожалѣетъ, что у нихъ не станетъ этого гнѣзда, гдѣ было много внѣшняго блеска и внутреннихъ терзаній, гдѣ всѣ хорошія отношенія были полны только лицемѣріемъ и прикрывались только мягкой приличія.

Дмитрій Андреевичъ поднялся по лѣстницѣ, прошелъ по слабо освѣщенной бѣлой залѣ, по гостиной, и ему стало жутко. Эта мебель подъ чехлами, эти люстры въ коленкоровыхъ мѣшкахъ, эти затянутыя кисеей картины походили на мертвецовъ въ саванахъ, а его гулко раздававшіеся въ пустынныхъ комнатахъ шаги точно говорили ему, что онъ идетъ по плитамъ катакомбъ. Да это и точно была могила стараго барства. Не сегодня, такъ завтра эти палаты купитъ какой-нибудь разбогатѣвшій царекъ изъ Чухломы или Бердичева, и здѣсь начнется новая, не похожая на прежнюю жизнь. Уже не мало такихъ барскихъ домовъ перешло въ новыя руки. Орлову нужно было пройти не мало комнатъ, чтобы добраться до «дѣтскихъ», гдѣ, какъ сказалъ ему швейцаръ, помѣстились господа. Наконецъ, онъ услышалъ голоса и отворилъ дверь въ комнату. Онъ сразу вспомнилъ, что въ этой комнатѣ онъ впервые узналъ, что и у князей Русовыхъ можетъ быть горе: именно здѣсь маленькій Саша въ тишинѣ ночи плакалъ передъ нимъ, говоря о своихъ несчастіяхъ. Онъ не успѣлъ еще осмотрѣться, какъ навстрѣчу ему поднялись княжна, Благолѣповъ, Пастя. Онъ обнялся и перецѣловался со всѣми.

— А Александръ?—спросилъ онъ.

— Уѣхалъ по дѣламъ,—отвѣтила княжна.

— За меня хлопотать поѣхалъ,—сказалъ Благолѣповъ.

— А что?—встревоженно спросилъ Орловъ.

— Да подъ надзоръ опять ссылаютъ,— отвѣтилъ Никаноръ Ивановичъ.

— Я такъ и зналъ, я предсказывалъ это. Куда же? Опять на родину.

— Въ томъ-то и бѣда, что не на родину! Тамъ жить— это еще половина бѣды, а шлютъ на сѣверъ—это ужъ совсѣмъ бѣда.

Орловъ покачалъ головой.

— Куда же поѣхалъ Александръ? Теперь поздно...

— Ему устроили свиданіе на одномъ обѣдѣ съ нужнымъ человѣкомъ,—сказалъ Благолѣповъ.

— Ну, дай-то Богъ, чтобы какой-нибудь толкъ вышелъ,— сказалъ Орловъ.

Всѣ снова усѣлись. Разговоръ не вязался. Благолѣповъ что-то безсознательно чертилъ карандашомъ на бумагѣ. Княжна, плохо оправившаяся, слабая, полулежала на диванѣ, прислонившись щекой къ подушкѣ; во всемъ ея существѣ чувствовалась слабость. Настя что-то вышивала, и по временамъ у нея невольно вырывались тяжелые вздохи. Повидимому, она работала какъ-то наобумъ, вовсе не думая о работѣ и принявшись за нее только для того, чтобы разсѣяться хоть чѣмъ-нибудь.

— Что, Настасья Даниловна, чай, не разъ деревня-то вспомнится? — спросилъ ее Благолѣповъ, затушевывая нетерпѣливо что-то написанное имъ на бумагѣ.— Велики эти хоромы, а тоже словно тюрьма...

— Могила какая-то,—тихо прошептала княжна.

— Да, не уютно стало тутъ, — замѣтилъ Орловъ, осматриваясь.

— И всегда было не уютно, всегда было тяжело,— сказала княжна.

— Ну, вѣдь это мы здѣсь на недѣлю, не больше,—отвѣтила Настя, стараясь быть бодрой.— Саша хотѣлъ остановиться въ гостиницѣ, но... тамъ еще хуже: любопытные взгляды, кругомъ все слышно... Тутъ все же мы одни...

— Одни съ воспоминаніями, — задумчиво произнесъ Орловъ.

Княжна бросила мелькомъ взглядъ на него и кивнула утвердительно головой.

— Чортъ возьми, что же это онъ не ѣдетъ! Какъ задержали!—воскликнулъ Благолѣповъ и, бросивъ карандашъ, нетерпѣливо заходилъ по комнатѣ.

Орлова вдругъ поразили два обстоятельства: онъ увидалъ, что Благолѣповъ сталъ за это время сутуловатымъ и ходилъ какъ-то зигзагами, заплетая немного ногами. Это были слѣды долгаго одиночнаго заключенія въ тѣсной кельѣ, гдѣ нельзя было размашисто расходиться, кружась почти на одномъ мѣстѣ, гдѣ въ постоянныхъ одинокихъ думахъ невольно какъ-то сгибалась спина, опускалась на грудь голова... А князь все не ѣхалъ. Орловъ ждалъ его тоже нетерпѣливо, какъ и всѣ присутствовавшіе здѣсь, но онъ былъ увѣренъ, что хлопоты князя будутъ безуспѣшны. Дмитрій Андреевичъ хорошо зналъ, въ какое время они жили; онъ зналъ, что оправданіемъ Благолѣпова вовсе не разсѣяны ни опасенія,

ни подозрѣнія насчетъ Благолѣпова, что Благолѣповъ не можетъ быть признанъ благонамѣреннымъ человѣкомъ и отпущенъ на всѣ четыре стороны. Онъ не ошибся.

Князь Александръ Александровичъ долженъ былъ въ этотъ день встрѣтиться на обѣдѣ у одной изъ своихъ высокопоставленныхъ двоюродныхъ тетокъ съ особой, отъ которой зависѣла вся участь Благолѣпова.

Это ворочавшее дѣлами лицо было въ очень хорошихъ отношеніяхъ со всей родней Русовыхъ, было когда-то даже связано по-пріятельски съ покойнымъ княземъ Александромъ Владиміровичемъ Русовымъ. Молодой князь, какъ ему казалось, могъ разсчитывать на успѣхъ своего заступничества за Никанора Ивановича. Но онъ глубоко ошибся. Выбравъ удобную минуту, онъ объяснилъ старому пріятелю своего отца, что онъ имѣетъ къ нему просьбу, и разсказалъ, въ чемъ дѣло. Эта просьба нѣсколько удивила старика. Почему князь хлопочетъ о какомъ-то Благолѣповѣ! Князь объяснилъ, что Благолѣповъ долго служилъ у нихъ, превосходно управляя дѣлами покойнаго отца князя.

— А да, да! Я совсѣмъ забылъ эту фамилію! — сказалъ по-французски старикъ. — Вѣдь онъ и замѣшалъ вашу сестру... Признаюсь откровенно, для него я ничего не могу сдѣлать.

Князь съ несвойственнымъ ему видимымъ волненіемъ сталъ настаивать по своей просьбѣ.

— Я прошу о немъ, наконецъ, потому что это женихъ моей сестры,—заключилъ онъ.

— Женихъ вашей сестры?—съ удивленіемъ, протяжно проговорилъ старикъ и вздохнулъ, пожавъ плечами. — Да, счастливъ вашъ отецъ, что умеръ во-время. Это былъ бы для него жестокій ударъ.

— Отецъ глубоко уважалъ способности и честность этого человѣка.

— Не предвидя, конечно, что этотъ человѣкъ будетъ на скамьѣ подсудимыхъ,—докончилъ старикъ.

— Онъ попался невинно: судъ оправдалъ его...

Старикъ усмѣхнулся какой-то недоброй, холодной усмѣшкой.

— Да,—сказалъ онъ пророческимъ тономъ:—оправданъ, нынѣшніе суды относятся къ дѣламъ этого рода съ позволительнымъ легкомысліемъ и только готовятъ намъ своими оправданіями двойную работу въ будущемъ... Повѣрьте моей опытности, что всѣ эти оправданные—только кандидаты на

новые процессы. Впрочемъ, tel maître — tel valet! Какъ относится общество къ этимъ господамъ, такъ относятся къ нимъ и суды. Общество смотритъ на все легкомысленно, сквозь пальцы, умываетъ руки въ дѣяніяхъ этихъ господъ, даже рисуется при случаѣ близостью съ ними, чего-то ждетъ для себя отъ ихъ преступной дѣятельности, и, можетъ-быть, не безъ основанія. Вѣдь эти господа должны подкопаться подъ прочно стоящее зданіе, а подкопаются — тогда и можно будетъ вылѣзть изъ щелей разнымъ мошкамъ и букашкамъ. Расчетъ вѣренъ. Вы, конечно, слышали рѣчи ихъ защитниковъ? Какъ вы думаете, что такое представляютъ изъ себя эти господа адвокаты? Только болѣе ловкихъ единомышленниковъ этихъ подсудимыхъ. Они не что иное, какъ главный штабъ этихъ застрѣльщиковъ и охотниковъ. А наши писатели, газетчики, наши учителя и профессора...

Старикъ вдругъ совершенно неожиданно рѣзко оборвалъ рѣчь и холоднымъ тономъ замѣтилъ князю:

— Если ваша сестра дѣйствительно желаетъ выйти замужъ за этого господина, то ей надо торопиться свадьбой... Я, конечно, не имѣю ни права, ни желанія вмѣшиваться въ это дѣло и ужъ, разумѣется, не стану разлучать молодыхъ супруговъ...

— То-есть, тогда Благолѣповъ можетъ жить въ имѣніи моей сестры?—торопливо спросилъ князь.

Старикъ усмѣхнулся.

— О, нѣтъ! Она можетъ жить тамъ, гдѣ водворятъ его... Я только потому говорю, что нужно торопиться свадьбой, что этого господина нельзя оставить здѣсь долго...

Князь поблѣднѣлъ. Впервые послѣ многихъ лѣтъ онъ чувствовалъ, что его душитъ злоба. Онъ началъ горячо объяснять старику, что именно это водвореніе Благолѣпова въ пустынномъ уѣздномъ городѣ натолкнетъ Благолѣпова на всякіе злые умыслы, что въ имѣніи жены онъ занялся бы хозяйствомъ, что мало-по-малу онъ увидалъ бы хорошія стороны легальной дѣятельности, могъ бы вступить въ земство.

— Я самъ отдаю себя всего земской дѣятельности и надѣюсь, что мой примѣръ благотворно повліяетъ на этого человѣка, — сказалъ князь. — Онъ, наконецъ, самъ всегда любилъ именно этого рода дѣятельность, онъ...

— Да, вотъ видите ли, — перебилъ его рѣчь старикъ:— если дозволять подобнымъ господамъ жить, гдѣ имъ угодно,

то нужно держать цѣлые полки полиціи по деревнямъ. Въ городѣ онъ, все-таки, будетъ на виду, а тамъ, въ имѣніи, да еще въ своемъ имѣніи... Нѣтъ-съ, это невозможно. Притомъ же онъ не одинъ стоитъ въ такомъ положеніи, нельзя же дѣлать для него почему-то послабленія...

Тонъ старика становился все болѣе и болѣе сухимъ и офиціальнымъ. Князь уже хотѣлъ откланяться, когда старикъ замѣтилъ ему интимнымъ тономъ:

— Я увѣренъ, что вы не раздѣляете убѣжденій подобныхъ господъ и потому видите, надъ какою пропастью стоитъ ваша сестра. Какъ братъ, какъ порядочный человѣкъ, употребите все свое вліяніе, чтобы помѣшать ея браку съ этимъ господиномъ. Это будетъ, конечно, трудно сдѣлать, но это необходимо сдѣлать. Конечно, она потужитъ, поскучаетъ, но отъ несчастной любви не умираютъ въ ея годы. Она вѣдь уже не дѣвочка. Я даю вамъ этотъ совѣтъ, какъ старый другъ вашей семьи. Я очень жалѣю, что я не распорядился высылкой этого господина тотчасъ же послѣ окончанія суда, вчера же. Это, можетъ-быть, спасло бы вашу сестру и избавило бы отъ новыхъ огорченій вашу несчастную мать.

Князь поблѣднѣлъ и глухо спросилъ:

— Мою мать?

— Да, она, проѣзжая послѣ смерти вашего отца черезъ Петербургъ, видалась со мной. Отъ нея я и узналъ, какую змѣю отогрѣлъ вашъ отецъ въ лицѣ этого господина...

Князю оставалось только откланяться.

Когда, возвратившись домой, онъ отворилъ дверь въ комнату, гдѣ собрался весь дружескій кружокъ, всѣ сразу угадали по его лицу, какой отвѣтъ онъ принесъ. Всѣмъ стало жутко, и никто не рѣшался первый предложить вертѣвшійся у всѣхъ на языкѣ вопросъ. Князь самъ положилъ конецъ этому тяжелому положенію, коротко сказавъ, что «ничего не удалось». Благолѣповъ снова уже чертилъ что-то на бумагѣ, опустивъ низко голову.

— Куда же насъ отправятъ?—спросила коротко княжна.

Благолѣповъ какъ-то безсознательно поднялъ голову и взглянулъ на княжну.

— Въ Шенкурскъ, кажется... впрочемъ, не знаю навѣрное... Надо будетъ еще похлопотать, нельзя ли хоть въ Вятку или... Я право, не знаю куда, — отрывисто сказалъ князь.

Княжна вздохнула.

— Зачѣмъ же?.. Не все ли равно, гдѣ жить, если ужъ нельзя жить въ Русовѣ...

Благолѣповъ все еще слушалъ ея слова съ какимъ-то страннымъ видомъ. Наконецъ, она поднялась съ мѣста, подошла къ Благолѣпову и, взявъ его за голову, поцѣловала его въ лобъ.

— Что-жъ, милый, попробуемъ... можетъ-быть, выдержимъ!

Онъ вдругъ порывисто всталъ и сжалъ княжну въ объятіяхъ. До этой минуты она ни разу еще не заикнулась ему о свадьбѣ. Ничего не разспрашивая, ничего не разъясняя, князь спросилъ ихъ:

— Когда же свадьба?

Орловъ замѣтилъ:

— Надо торопиться...

Княжна и Благолѣповъ отвѣтили, что они готовы хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

— Формальности разныя можно обдѣлать живо,—сказалъ Орловъ.—Я берусь за это.

Княжна подошла къ нему и обняла его.

— Вотъ, Митя, думалъ ли ты, что ты будешь устраивать мою свадьбу и при такихъ обстоятельствахъ?—проговорила она, ласково улыбаясь.

— Не этого я не думалъ, а не думалъ я никогда, что я тебя когда-нибудь буду такъ горячо любить, какъ теперь, и — ревновать не буду, — задушевно сказалъ онъ. — Вотъ чего я не воображалъ и не могъ бы вообразить.

Всѣ вдругъ точно обрадовались новой темѣ для разговора и наперерывъ стали вспоминать прошлое, свои взаимныя отношенія, недоразумѣнія, въ родѣ исторіи между Орловымъ и Благолѣповымъ. Орловъ изъ всѣхъ силъ старался какъ можно комичнѣе изобразить, какъ онъ тогда бѣжалъ со станціи желѣзной дороги въ Русово, какъ онъ пѣтушился и придирался къ княжнѣ и къ Благолѣпову, увидавъ въ нихъ жениха и невѣсту, какъ онъ ночью рылся въ своей душѣ и наконецъ утромъ, когда лакей спросилъ его, какъ онъ дойдетъ до желѣзной дороги, мелодраматически отвѣтилъ: «Что-жъ, дойду и одинъ», то-есть дойдетъ одинъ до могилы, отверженный всѣми герой. Комизмъ разсказа былъ натянутъ, краски были слишкомъ густы, но всѣ старались улыбаться, даже княжна. Благолѣповъ тоже пустился въ разсказы о себѣ и опять-таки билъ на смѣшную сторону прошлыхъ событій, стараясь развеселиться и развеселить всѣхъ. Имъ хотѣлось обмануть себя, обмануть,

во что бы то ни стало, придумывая остроты, смѣясь надъ тѣмъ, что вовсе не было смѣшно, изобрѣтая что-то такое, что заставило бы ихъ убѣжать отъ самихъ себя. Настя торопливо хлопотала около чайнаго стола и тоже шутила, глотая слезы. Князь весело замѣтилъ, что такъ какъ послѣ свадьбы они всѣ тотчасъ же уѣдутъ, то свадебный пиръ устраивается сегодня. Онъ присѣлъ къ піанино и заигралъ какой-то бурный вальсъ. Благолѣповъ замѣтилъ, что онъ очень жалѣетъ, что, медвѣдь этакій, не научился откалывать вальсъ. Кто-то, кажется, Орловъ, попросилъ князя что-нибудь спѣть. Князь позвалъ жену, и они вдвоемъ запѣли какую-то развеселую цыганскую пѣсню, потомъ еще и еще пѣсню, и, наконецъ, раздались звуки «Пловцовъ»:

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна,
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина...

Звуки пѣсни лились широко и стройно; два молодыхъ свѣжихъ голоса удивительно хорошо сливались между собою, точно пѣли не двое, а одинъ человѣкъ. Орловъ и Благолѣповъ подошли къ піанино и заслушались пѣнія. Вдругъ въ комнатѣ, позади группы, образовавшейся около піанино, послышались какіе-то странные звуки, похожія на тихія, глухія, подавленныя всхлипыванія. Друзья разомъ обернулись назадъ: княжна лежала на диванѣ, припавъ лицомъ къ подушкѣ, и все ея тѣло истерически вздрагивало. Пѣніе оборвалось на полусловѣ. Благолѣповъ бросился къ княжнѣ. За нимъ рванулись Орловъ и князь, но Настя удержала ихъ за руки и тихо шепнула имъ:

— Оставимъ ихъ однихъ!

Они все трое тихо вышли изъ комнаты.

Далеко за полночь проходили князь и Орловъ по пустынной столовой, бесѣдуя о княжнѣ и Благолѣповѣ.

— Ты и представить себѣ не можешь, какой страхъ охватываетъ меня за нихъ, — говорилъ князь. — Вплоть до сегодняшняго вечера я все еще надѣялся спасти ихъ. Я думалъ: поселятся они въ Русовѣ, волей-неволей займутся на первыхъ порахъ хозяйствомъ, школой, больницей, а тамъ пойдутъ у нихъ дѣти и ставить на невѣрную карту свою участь станетъ уже трудно, потому что въ случаѣ проигрыша поплатятся не одни они, а и тѣ, чьей участью играть они не имѣютъ права... А теперь, теперь я уже ни на что не надѣюсь. Я не знаю, что съ ними будетъ, но

хорошаго ждать нечего. Поселятся они въ маленькомъ городишкѣ безъ знакомыхъ, безъ занятій, безъ цѣли въ жизни, придетъ сознаніе, что одною любовью нельзя наполнить всего существованія, и что станется съ ними тогда, это страшный вопросъ, остающійся покуда безъ отвѣта.

— Надо будетъ употребить всѣ средства, чтобы добиться поскорѣе снятія опалы,—сказалъ Орловъ.

— Да, но хорошо, если они сами сумѣютъ до снятія опалы быть своими тюремщиками, своими зоркими стражами, если они сумѣютъ воздержаться отъ всего, что можетъ набросить на нихъ новую тѣнь, а если нѣтъ, тогда нечего и думать о спасеніи. Вѣдь теперь достаточно какого-нибудь донесенія о ихъ неблагонадежности со стороны властей, чтобы ихъ участи не облегчили уже никогда. А развѣ мало найдется причинъ быть недовольными ими. Это уже люди, которые лишены даже возможности носить маску. Достаточно взглянуть на нихъ, достаточно немного поговорить съ ними, чтобы понять, что дѣлается въ ихъ душѣ, а въ ней уже никогда не будетъ ни свѣта, ни мира, ни покоя.

Князь грустно улыбнулся.

— Эти люди уже не будутъ изъ практическихъ расчетовъ играть въ картишки съ исправникомъ, пожимать руки жандармскимъ офицерамъ, дѣлать въ видѣ взятокъ подарки женамъ и дочерямъ полицейскихъ, ну, а безъ этого не зарекомендуешь себя благонамѣреннымъ гражданиномъ тамъ, въ какой-нибудь трущобѣ. Я увѣренъ, что они сразу станутъ во враждебныя отношенія къ властямъ и сразу явятся волей-неволей центромъ всѣхъ поднадзорныхъ въ городѣ, которые придутъ къ нимъ уже потому, что будутъ нуждаться въ помощи. Достаточно будетъ двухъ-трехъ дѣйствительно нуждающихся личностей, нѣсколько ихъ разсказовъ о несправедливостяхъ, немногихъ столкновеній съ полицейскими властями, чтобы масло подлилось въ огонь...

Вся бесѣда двухъ друзей шла на эту тему, и оба они не могли отыскать ничего, за что бы можно было ухватиться, какъ за якорь спасенія. Передъ ними погибали ихъ близкіе, а они не могли даже протянуть руки для ихъ спасенія. Они могли говорить успокоительныя фразы, но и только, — говорить эти фразы и знать, что этимъ спасти людей нельзя. Они разстались въ тяжеломъ, гнетущемъ настроеніи, точно въ домѣ былъ опасно больной, безповоротно приговоренный къ смерти. Это была послѣдняя интимная

бесѣда князя съ Орловымъ въ этомъ домѣ. Черезъ нѣсколько дней этотъ домъ долженъ былъ опустѣть, чтобы никогда нога кого-нибудь изъ Русовыхъ не переступала этого порога. Домъ было рѣшено продать.

Не прошло и недѣли, какъ въ одной изъ небольшихъ церквей на окраинѣ Петербурга скромно, безъ гостей, только въ присутствіи трехъ свидѣтелей было совершено бракосочетаніе княжны Русовой съ Благолѣповымъ. Въ тотъ же день молодые отправлялись въ маленькій уѣздный городишко. Съ ними вмѣстѣ уѣзжали князь Александръ Александровичъ и его жена, спѣшившіе въ свое имѣніе. Орловъ проводилъ друзей на дебаркадеръ николаевской желѣзной дороги, и когда поѣздъ тронулся, онъ долго, долго стоялъ на платформѣ и слѣдилъ глазами за исчезающею цѣпью вагоновъ. Когда онъ очнулся, онъ былъ совершенно одинъ подъ темнымъ навѣсомъ дебаркадера.

IV.

«Нашъ талантливый публицистъ», «нашъ извѣстный присяжный повѣренный», «одинъ изъ нашихъ выдающихся дѣятелей по тюремному вопросу», «энергичный членъ комитета вспомоществованія неимущимъ классамъ столичнаго населенія», — всѣ эти эпитеты, всѣ эти титулы давно уже стали неизмѣнно сопровождать имя Дмитрія Андреевича Орлова, и въ газетахъ появлялись слухи о выборѣ его то въ гласные думы, то въ почетные мировые судьи, то въ члены того или другого ученаго общества, того или другого комитета, того или другого акціонернаго общества. Его имя повторялось въ печати и въ обществѣ очень часто, даже слишкомъ часто, и теперь ему уже почти не надо было посылать самому о себѣ замѣтокъ, статей и телеграммъ въ газеты. Его матеріальное положеніе за время его пребыванія въ Петербургѣ значительно улучшилось. Кромѣ большого вознагражденія отъ князя онъ заполучилъ значительныя суммы еще по двумъ, по тремъ дѣламъ и, стремясь служить по выборамъ въ столицѣ, купилъ себѣ домъ, гдѣ и помѣстилъ отца, Мароу и Лешу. Андрей Ивановичъ былъ въ восторгѣ, что онъ живетъ теперь въ домѣ своего сына, въ «нашемъ домѣ», какъ онъ говорилъ всѣмъ и каждому изъ своихъ захолустенскихъ знакомыхъ, объясняя имъ въ то же время, что сынъ его не живетъ въ своемъ дому потому, что ему далеко отсюда до суда, а купилъ онъ домъ именно здѣсь, а не въ центрѣ города собственно потому,

что онъ, отецъ Дмитрія Андреевича, привыкъ къ этимъ мѣстамъ.

— Все обо мнѣ, все обо мнѣ, старикѣ, заботится! — говорилъ Андрей Ивановичъ.—А чего мнѣ еще нужно?.. Какъ сыръ въ маслѣ катаюсь... Птичьяго молока развѣ только недостаетъ!..

И болѣе всего утѣшало старика то, что Дмитрій Андреевичъ нѣтъ-нѣтъ да и завернетъ къ нему въ воскресный или праздничный день въ гости.

— Отдохнуть къ тебѣ, отецъ, заѣхалъ, — говорилъ онъ, обнимая отца.—Пирогомъ накормишь?

— Ахъ, вотъ вѣдь бѣда-то какая, Митя! Пирога-то сегодня и не пекли!—съ лукавой усмѣшкой говорилъ старикъ.

— Что ты! Какъ же это я такъ безъ пирога останусь?—говорилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Можно изъ трактира, братецъ, принести, — серьезно замѣчалъ Леша.

— Ну да, слушайте ихъ!—отзывалась Марѳа Ивановна.—Два дня ужъ покою никому не давалъ Андрей Ивановичъ, все напоминалъ, чтобъ въ воскресенье непремѣнно пирогъ съ морковью былъ. Безъ него, видите, забыли бы...

Дмитрій Андреевичъ грозилъ пальцемъ старику и Лешѣ, усаживался въ кресло, начинались толки о житьѣ-бытьѣ, о домѣ, о томъ, что къ веснѣ надо бы кое-что поправить и ремонтировать. Андрей Ивановичъ пускался въ глубокія соображенія, какой краской окрасить лѣтомъ домъ, оставить ли его желтымъ или «изъ-зелена-бѣлымъ цвѣтомъ пустить», Дмитрій Андреевичъ предоставлялъ это на его вкусъ, соглашаясь, что и «изъ-зелена-бѣлый цвѣтъ» недуренъ, но что и желтый тоже хорошъ. Иногда всѣмъ вдругъ припадала охота утѣшить Лешу и поиграть въ «Акульку». Леша ничего не любилъ такъ, какъ эту игру въ карты. Эти дни оставляли въ душѣ Андрея Ивановича надолго свѣтлые слѣды. Онъ послѣ посѣщенія сына разсказывалъ всѣмъ и каждому, что вотъ у него какой сынъ: «съ аристократами свой братъ, во дворецъ даже ѣздитъ, а душу отвести никуда не поѣдетъ, какъ къ нему, къ отцу».

Старикъ былъ правъ: Дмитрій Андреевичъ, если и не ѣздилъ во дворецъ, то уже давно вращался въ высшихъ кружкахъ общества и былъ тамъ своимъ человѣкомъ. Важныя барыни, представляя его своимъ знакомымъ или говоря о немъ, выражались не иначе, какъ «нашъ милѣйшій», «нашъ добрѣйшій», «нашъ дорогой» Дмитрій Андреевичъ,

не считая даже нужнымъ прибавлять его фамилію. Одна высокопоставленная патронесса благотворительныхъ заведеній, услыхавъ, какъ читаетъ Орловъ, обратилась къ нему съ просьбой прочесть у нея въ интимномъ кружкѣ что-нибудь, и съ этой минуты онъ сталъ и у нея своимъ человѣкомъ, читая ей разныя новыя произведенія русскихъ писателей и при случаѣ добиваясь черезъ нее разныхъ милостей для разныхъ своихъ protégés изъ нуждающейся братіи. Онъ мало-по-малу вошелъ въ моду, и ему уже прощались и небрежные туалеты, и разные выходки, и даже приливы хандры и сплина, когда онъ являлся въ общество больше за тѣмъ, чтобы помолчать, чѣмъ для того, чтобы потѣшить это общество своимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ. Вставъ, такъ сказать, на обѣ ноги, онъ сталъ смѣлѣе, независимѣе. Онъ не пряталъ своихъ взглядовъ и убѣжденій, и вполнѣ понималъ, что теперь онъ можетъ говорить довольно открыто, не навлекая на себя сильныхъ подозрѣній въ неблагонадежности.

— Въ моемъ положеніи очень легко быть храбрымъ,—шутливо замѣчалъ онъ.

Особенно горячо онъ отстаивалъ молодежь. При немъ старались говорить о молодежи, попадавшейся въ разныхъ проступкахъ, осторожно, такъ какъ знали, что каждая рѣзкая фраза о ней найдетъ у него горячій отпоръ. Правда, этотъ отпоръ давался иногда иносказательно, большей частью, въ немъ слышались варіаціи на защитительныя слова княжны, но все же отпоръ давался.

— Можно не сочувствовать средствамъ этихъ людей, избранному ими пути, но кто же станетъ отрицать, что народу живется плохо?—говорилъ онъ.— Объ этомъ знаютъ и говорятъ всѣ, и такъ или иначе мы стоимъ наканунѣ именно той эпохи, когда народные интересы выдвинутся правительствомъ на первый планъ. Это духъ времени, это въ воздухѣ носится.

Когда же ему замѣчали о разрушительныхъ планахъ политическихъ преступниковъ, онъ говорилъ:

— Знаете ли что, вотъ у меня болитъ печень, разстроены нервы, и бываютъ минуты, когда хочется что-нибудь сломать, карандашъ, линейку, перо. Я знаю, что это не лѣкарство отъ печени, отъ нервовъ, и все-таки чувствую облегченіе, когда что-нибудь сломаю. Вѣдь и вино не поправляетъ плохихъ обстоятельствъ, но въ немъ иногда люди ищутъ забвенія. Нѣтъ, устраните причины болѣзненныхъ

явленій, дайте возможность людямъ вырасти здоровыми, откройте этимъ здоровымъ силамъ пути для плодотворной дѣятельности, а такъ... сегодня погибнетъ безъ пути, безъ толку десять, завтра народится двадцать такихъ же агитаторовъ.

Онъ нерѣдко говорилъ въ этихъ случаяхъ:

— Наша величайшая ошибка въ томъ, что мы только кричимъ и ругаемся, тогда какъ надо вникнуть въ дѣло и разобрать всѣ причины явленія. Скажите, пожалуйста, много ли выздоравливало бы людей, если бы доктора не лѣчили, а только кричали на больныхъ, да били бы ихъ за то, что эти больные хвораютъ, отъ чего бы то ни было, отъ недомыслія, отъ неосторожности, отъ дурной обстановки, отъ ненормальной жизни, однимъ словомъ, отъ всѣхъ причинъ, производящихъ всяческія болѣзни? Вы скажете, что это злоумышленники, что они опасны? Но что такое злоумышленникъ въ глазахъ незлоумышленника? Нравственнобольной человѣкъ, нравственно-испорченный человѣкъ и только. Значитъ, его нужно лѣчить, а не бить, и еще нужнѣе создать такую обстановку, при которой нравственные недуги были бы немыслимы въ будущемъ. Теперь вѣдь всѣ знаютъ въ медицинѣ, что важно не лѣченіе, а гигіена. Вы говорите: «но они опасны». Да, но почему же вы не запираете въ тюрьмы, не ругаете, не бьете всѣхъ страдающихъ заразными болѣзнями, почему вы ихъ лѣчите и стараетесь создать такую обстановку, чтобы зараза не повторялась? А вѣдь и они опасны.

Бывали нерѣдко случаи, когда онъ прямо замѣчалъ:

— Да и многіе ли изъ насъ, выросшихъ и развившихся въ послѣднія пятнадцать-двадцать шесть лѣтъ, могутъ, положа руку на сердце, сказать, что они никогда не стояли на шагъ отъ того, чтобы попасть подъ надзоръ полиціи, подвергнуться обыску, быть административно высланными?

И, принимая шутливый тонъ, онъ прибавлялъ:

— Дайте мнѣ власть, и я прежде всего сошлю всѣхъ полицейскихъ и всѣхъ жандармовъ, такъ какъ я вамъ могу привести десятки примѣровъ, что эти господа одно богатое лицо предупреждали впередъ, что у него завтра будетъ обыскъ, у другого тоже не бѣднаго лица дѣлали очень поверхностно обыскъ, чтобы его не скомпрометировать, третьему не бѣдному лицу доставляли тайкомъ необходимую корреспонденцію въ крѣпость и даже—увы!—во время владычества Муравьева. Это не фразы, не анекдотическіе слухи, а

факты. И все это дѣлалось за деньги, за взятки. Я самъ подарилъ отъ имени одного изъ моихъ знакомыхъ костюмъ дочери жандармскаго офицера за его незаконныя услуги. Какъ же не сказать, что даже эти господа у насъ кандидаты въ поднадзорные?

Въ обществѣ ходили слухи, что нѣкоторые изъ политическихъ преступниковъ изъ нелегальныхъ находили на время пріютъ у Орлова. Вслѣдствіе этого у него нѣсколько разъ дѣлались обыски, нѣсколько разъ его призывали къ допросу по разнымъ дѣламъ въ III отдѣленіе. Но онъ держалъ себя въ этихъ случаяхъ немножко свысока, немножко насмѣшливо, рисуясь.

— Помилуйте, я слишкомъ дорожу комфортомъ, я слишкомъ буржуа, чтобы рисковать собою,—съ ироніей говорилъ онъ.—Люди моихъ лѣтъ, получающіе десятокъ тысячъ въ годъ, плохіе заговорщики. Правда, я знаю большую часть этихъ господъ, идущихъ на вѣрную гибель, но вѣдь мнѣ уже не первый годъ приходится толкаться по тюрьмамъ, защищать разныхъ подсудимыхъ чуть не по два, не по три раза, что же мудренаго, что я ихъ знаю, какъ докторъ своихъ паціентовъ. Вѣдь нельзя же сказать, что докторъ самъ непремѣнно страдаетъ тифомъ, потому что онъ находится въ сношеніяхъ съ тифозными.

И точно, онъ былъ отчасти правъ. Гдѣ быть человѣку агитаторомъ въ духѣ большинства нашихъ политическихъ преступниковъ, когда у него спереди на головѣ уже значительно порѣдѣли волосы, когда у него уже сказывалась наклонность къ полнотѣ, когда у него на лицѣ уже были прорѣзаны морщины, кожа потеряла молодую упругость, губы стали менѣе ярки и нѣсколько вытянулись, а углы рта опустились, когда на этомъ лицѣ если и вспыхивалъ румянецъ, то его могло вызвать развѣ только вино, выпитое на пріятельской пирушкѣ. Онъ чувствовалъ, что еще годъ, два—и онъ совсѣмъ опустится, состарится. Состарится? А когда же онъ былъ вполнѣ молодъ? Онъ вѣдь даже ни разу не любилъ! Вѣдь не животная же мимолетная страсть къ княгинѣ была поэзіей молодости? Или чисто разсудочная привязанность къ княжнѣ, только показавшаяся ему любовью, была тѣмъ чувствомъ, которое краситъ жизнь? Нѣтъ, жизнь прошла безъ поэзіи—то въ черномъ трудѣ, то въ борьбѣ за право на свободу, то въ какихъ то похоронныхъ хлопотахъ,—прошла, какъ проходятъ у насъ тысячи жизней, однообразныхъ, сѣренькихъ, скучныхъ. Но какое

горькое чувство испытываетъ человѣкъ, когда онъ говоритъ себѣ: «жизнь прошла!» Прошла и принесла только матеріальное довольство и больше ничего. Одно утѣшеніе доставила она—сознаніе, что подъ старость не придется голодать, не придется умереть на улицѣ. Онъ испытывалъ чувство зависти, думая о семейной жизни князя Александра, осчастливленнаго, наконецъ, рожденіемъ ребенка, оставшагося въ живыхъ. Онъ завидовалъ даже Благолѣпову, страстно любимому женой. Вопросъ о семьѣ, о домашнемъ очагѣ сталъ мало-по-малу больнымъ мѣстомъ Орлова. Когда его спрашивали, отчего онъ не женился, онъ замѣчалъ:

— Не до женитьбы было въ молодости, когда приходилось думать о кускѣ насущнаго хлѣба. Поэзія любви—это роскошь богачей, это—гибель бѣдняковъ. Тяжело сознавать, что молодость прошла безъ этой поэзіи; но какъ разсудишь хладнокровно, такъ, право, нужно радоваться, что не наплодилъ нищихъ или не продалъ совѣсти для прокормленія дѣтей. У насъ вѣдь всегда такъ: бѣднякъ или пускаетъ по міру свою семью, или оправдываетъ всѣ свои грязные поступки однимъ мотивомъ «у меня жена, дѣти».

Когда его спрашивали, почему онъ не женится теперь, онъ говорилъ:

— Спустя лѣто, нечего по малину ходить. Моя пора прошла: на пожившей, на пожилой я не женюсь, а молодая сама за меня не пойдетъ,—по крайней мѣрѣ, не пойдетъ по любви,—по расчету же, пожалуй, пойдетъ и молодая, но избави Богъ отъ такого брака. Да, наконецъ, жизнь такъ дурна, мы живемъ въ такое время, когда трудно ждать чего-нибудь хорошаго въ близкомъ будущемъ, когда то и дѣло слышишь о самоубійствахъ съ мотивами «надоѣло жить», «невыносимо жить», когда каждый изъ насъ готовъ сказать, что лучше бы вовсе не родиться,—такъ имѣемъ ли мы право обрекать на испытаніе подобной жизни новыхъ членовъ общества, своихъ дѣтей?

Онъ такъ часто высказывалъ эти мысли, что одни привыкли къ этимъ фразамъ, другіе обвиняли его за нихъ въ рисовкѣ. Но какъ бы ни были иногда кудреваты эти фразы, какъ бы ни было въ нихъ много риторики, онъ все-таки высказывалъ ихъ искренно, страдая не на шутку своимъ одиночествомъ. Это одиночество еще сильнѣе почувствовалось имъ, когда совершенно неожиданно умеръ Андрей Ивановичъ. Это случилось поздно вечеромъ. За Дмитріемъ Андреевичемъ прикатилъ Леша, растерявшійся и взволнованный.

— Братецъ, братецъ, скорѣе!.. Дядѣ очень худо! — заговорилъ онъ, вбѣгая въ кабинетъ Дмитрія Андреевича.

Орловъ вскочилъ съ мѣста.

— Что случилось? Захворалъ? Вдругъ? — отрывисто спрашивалъ онъ, поспѣшно одѣваясь.

— Совсѣмъ худо, совсѣмъ худо!.. Онъ не приказывалъ васъ безпокоить... Говоритъ: пройдетъ!.. А я, братецъ, вижу, что не пройдетъ... Совсѣмъ покойникъ онъ, братецъ!..

— За докторомъ послали?

— Былъ, былъ, да что докторъ!.. Ему ужъ не встать, братецъ!

Дмитрій Андреевичъ уже ѣхалъ съ Леней къ отцу и все торопилъ извозчика.

— Господи, что за лошадь попалась!—то и дѣло восклицалъ онъ и уговаривалъ извозчика ѣхать скорѣе.—Пожалуйста, торопись... Заплачу за все, только гони лошадь... Да онъ живъ еще?—обращался онъ къ Ленѣ.—Ты говори прямо, не скрывай.

— Живъ, братецъ, живъ!—увѣрялъ его Леня.

Наконецъ, они доѣхали. Дмитрій Андреевичъ бѣгомъ поднялся по лѣстницѣ, сбросилъ въ передней пальто на полъ и прошелъ къ отцу. Андрей Ивановичъ сидѣлъ въ халатѣ на диванѣ, совсѣмъ скорчившись отъ боли. Увидавъ сына, онъ быстро распрямился, торопливо сталъ запахивать халатъ и, болѣзненно улыбаясь, проговорилъ:

— Вотъ вѣдь... встревожили-таки!.. Ахъ, какіе, право! Ну, чего всполошились... Такъ прихворнулъ... Не въ первый разъ...

Страшная боль заставила его смолкнуть, и онъ невольно схватился руками за грудь. Дмитрій Андреевичъ торопливо разспрашивалъ Мароу Ивановну, что велѣлъ дѣлать докторъ. Потомъ онъ быстро приказалъ отправить дворника снова за докторомъ. Между тѣмъ, Мароа Ивановна и служанка дѣлали уже компрессы.

— Ахъ, сколько хлопотъ надѣлалъ, сколько хлопотъ!—шепталъ Андрей Ивановичъ. — Просто на людей смотрѣть совѣстно... Всѣ ужъ, поди, спятъ, а тутъ около меня возиться надо... Тебя-то, Митя, съ постели, чай, подняли!

— Нѣтъ, я еще не спалъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ну, слава Богу... А то это со сна подняли бы такъ человѣка... Напугаютъ тоже... Вотъ тоже у насъ домъ загорѣлся, нашего мальчика, сыночка нашего, съ постели подняли, испугали... Маленькій мальчикъ былъ,—умереть тоже могъ со страху...

Онъ начиналъ бредить.

— Ты лягъ, отецъ, тебѣ легче будетъ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, укладывая старика.

— Да, да, лечь надо, лечь... Только хлопотъ-то сколько... Ты не сердись, Митя... А тамъ расходы опять, опять расходы... большіе... Похороны опять...

Дмитрій Андреевичъ наклонился къ старику.

— Да ты не волнуйся, не тревожься. Это главное!—сказалъ онъ и, взявъ его руку, поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Старикъ впалъ въ забытье. На слѣдующій день его уже не стало.

Напрасно утѣшалъ себя Дмитрій Андреевичъ, что старикъ довольно пожилъ, что ему, Дмитрію Андреевичу, было легче потерять отца, чѣмъ было бы отцу похоронить его, что отецъ умеръ, проживъ хоть послѣдній годъ въ полномъ довольствѣ, ни въ чемъ не нуждаясь, на рукахъ преданныхъ людей. Но всѣ эти разсудочныя утѣшенія отходили на задній планъ, забывались при мысли о томъ, что теперь онъ, Орловъ, одинъ, одинъ, совершенно одинъ. Не явись онъ завтра въ обществѣ, не явись послѣзавтра, кто спроситъ о немъ? Развѣ только случайно какъ-нибудь замѣтятъ, почему его давно нигдѣ не видать. «Да онъ умеръ»,—послышится отвѣтъ.—«Неужели?»—удивятся люди. Поразспросятъ, какъ и отчего умеръ, и успокоятся. Вѣдь онъ имъ чужой. Имъ ни тепло, ни холодно отъ того, что онъ живетъ. Умеръ онъ, на его мѣсто явятся другіе хорошіе собесѣдники, добрые пріятели, хорошіе адвокаты. Какое-то болѣзненное чувство пробуждалось въ немъ каждый разъ, когда кто-нибуть при немъ спѣшилъ домой, говоря, что его ждутъ жена, дѣти, мать, сестры. Его, Орлова, дома никто не ждалъ! Подобно большинству холостяковъ, онъ сталъ ощущать припадки мнительности. Каждая легкая болѣзнь начинала тревожить его, точно въ тишинѣ своей спальни онъ прислушивался къ біенію своего пульса, къ трепетанію своего сердца, къ дыханію своихъ легкихъ. Самъ не замѣчая того, онъ сталъ раздражительнѣе, въ характерѣ появились неровности, явилось какое-то желаніе забыться въ холостыхъ кутежахъ и въ то же время отвращеніе къ этимъ кутежамъ. Никогда прежде не игравшій въ карты, онъ теперь иногда садился играть и непремѣнно «по большой», чтобы возбудить свои нервы, разгорячить себя, хоть на минуту очнуться отъ апатіи. Онъ пробовалъ даже играть на биржѣ. Но, къ величайшей его досадѣ, ему везло и въ

картахъ, и въ биржевой игрѣ, а нервы попрежнему не возбуждались.

Иногда ему становилось такъ невыносимо скучно и тяжело, что онъ какъ бы безсознательно, какъ бы машинально отправлялся подышать воздухомъ, шелъ безцѣльно впередъ, доходилъ до своего дома, поднимался въ квартиру покойнаго отца и говорилъ.

— Леша, пойдемъ къ отцу и къ мамѣ!

— Я, братецъ, сейчасъ... Я радъ,—оживленно говорилъ Леша.—Я третьяго дня тамъ съ Маѳой Ивановной былъ, новые вѣнки мы снесли туда, братецъ...

И они шли на Митрофаньевское кладбище, отмыкали дверь чугунной рѣшетки, поднимались по ступенямъ въ ограду, окружавшую могилы отца и матери Орлова.

— Вотъ, Леша, и мы тутъ ляжемъ. Это нашъ домъ,— говорилъ задумчиво Орловъ, садясь на скамью и смотря на мраморныя плиты съ надписями: «Марья Ѳедоровна Орлова», «Андрей Ивановичъ Орловъ».

— Вы, братецъ, меня куда положите: подлѣ дяди или подлѣ тети?—спрашивалъ Леша.

— Гдѣ хочешь, голубчикъ... Прежде меня придется положить... Это ужъ ты съ Маѳой Ивановной распорядишься,— отвѣчалъ Орловъ.

— Я не хочу, я не хочу, братецъ, чтобы вы прежде... Не надо, братецъ!... Я—глупый, мнѣ можно, а вамъ нельзя еще, братецъ... Вонъ Маѳа Ивановна все молится за васъ, говоритъ, если бы не вы, голодать бы намъ пришлось...

У Орлова подступали къ глазамъ слезы. Онъ вдругъ поднимался съ мѣста. Ему становилось еще тяжелѣе. Безмолвныя могилы не давали ни утѣшенія, ни успокоенія.

Онъ не выдержалъ и передъ Пасхой уѣхалъ къ князю Александру въ имѣніе. Его пріѣздъ обрадовалъ всѣхъ, и на Орлова точно пахнуло свѣжимъ воздухомъ. Онъ вдругъ почувствовалъ, что онъ хоть здѣсь «свой»—такой же свой, какъ въ родной семьѣ. Его до глубины души тронули восклицанія юношей: «дядя Митя, дядя Митя пріѣхалъ!» Онъ сразу понялъ, что тутъ, за вечернимъ чаемъ, въ своемъ кружкѣ, говорятъ о немъ, говорятъ тепло, не какъ о чужомъ, а именно какъ о дядѣ Митѣ. Настя провела его въ дѣтскую и подвела къ маленькой кроваткѣ.

— А вотъ и твой крестникъ,—сказала она.—Мы вѣдь записали крестнымъ отцомъ тебя, а крестною матерью Соню.

Дмитрій Андреевичъ горячо пожалъ руку сестры. Есть

неуловимыя мелочи, по которымъ человѣкъ угадываетъ симпатіи къ нему его ближнихъ, и эти мелочи проявились здѣсь во всемъ, сразу подкупивъ Орлова. Но, кромѣ того, въ домѣ князя и вообще дышалось легко. Здѣсь замѣчалось, какъ и въ петербургской квартирѣ князя, стремленіе избѣжать всего лишняго и устроить все необходимое для удобства и комфорта. Во всемъ домѣ не было почти никакихъ украшеній, никакихъ дорогихъ, но ни на что не годныхъ бездѣлушекъ, никакихъ картинъ, обыкновенно надоѣдающихъ самимъ хозяевамъ и накупаемыхъ только на показъ. Но въ то же время сразу можно было угадать, что этотъ домъ принадлежитъ людямъ богатымъ, далеко не скупымъ и не лишающимъ себя удовольствій: рояль и піанино, масса книгъ и нотъ, выхоленные цвѣты, превосходный залъ съ гимнастическими принадлежностями, бильярдъ, мастерская съ токарнымъ станкомъ, съ принадлежностями химической лабораторіи, съ большимъ верстакомъ — все это говорило о вкусахъ хозяевъ. Орловъ сразу почувствовалъ, что здѣсь живется уютно, весело и мирно.

— Ну, ты, кажется, вполнѣ доволенъ своею жизнью?— спросилъ онъ у князя за вечернимъ чаемъ.

— Нужно удивляться, какъ люди въ моемъ положеніи не умѣютъ сдѣлать свою жизнь счастливою, — отвѣтилъ князь.

— Да, это правда, — сказалъ Орловъ. — Ты не испытываешь главнаго несчастія жизни—мелкой борьбы съ людьми изъ-за гроша. Это иногда дѣлаетъ человѣка трусомъ и мелочнымъ, и даже подлецомъ... Ну, а твоя дѣятельность!

— Какъ тебѣ сказать, — говорилъ князь. — И тутъ не мудрено мнѣ быть ею довольнымъ. Ты знаешь мои денежныя дѣла. Я получаю, при всемъ желаніи не быть кулакомъ и эксплуататоромъ, столько, что этихъ доходовъ хватило бы на десятокъ не бѣдныхъ семействъ. При такомъ положеніи можно многое дѣлать, многое осуществлять изъ того, что кажется полезнымъ. Ты знаешь мои взгляды: я не вижу возможности дѣйствовать нелегально, такъ какъ это, по моему мнѣнію, стоитъ многихъ жертвъ и дастъ самые печальные результаты. Да, наконецъ, и не человѣку въ моемъ положеніи прибѣгать къ этимъ средствамъ. Вслѣдствіе этого мнѣ часто приходится убѣждаться, какъ узки права земскихъ дѣятелей съ одной стороны и какъ, можетъ-быть, именно потому плохи сами эти дѣятели. Это сознаніе, конечно, портитъ много крови, но, однако, не настолько, чтобъ

опускались руки, чтобы всякое дѣло валилось изъ рукъ. У меня такъ много своихъ собственныхъ земель, заводовъ, школъ, больницъ, разныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ на рукахъ, попечительствъ о бѣдныхъ, что если заниматься только всѣмъ этимъ, какъ слѣдуетъ, то и тогда едва достанетъ времени. А не забудь, что мнѣ, какъ и всякому другому, еще хочется удѣлить хоть часокъ въ день лично на себя, на мою команду.

Онъ, улыбаясь, взглянулъ на жену и дѣтей.

— Положимъ, она научилась уже помогать мнѣ въ работѣ чтобы только быть около меня,—замѣтилъ онъ: — ну, а эти баши-бузуки никакъ не могутъ понять, какъ это я цѣлый день не являюсь къ нимъ посмотрѣть, какъ они безчинствуютъ...

Онъ ласково погладилъ по головамъ своихъ «баши-бузуковъ», и было видно, какъ нѣжно, какъ искренно любитъ онъ ихъ. Ходя потомъ съ Орловымъ по залѣ, онъ говорилъ ему:

— Да, я вполнѣ счастливъ. Намъ удалось такъ сплотиться вмѣстѣ, что мы испугались бы и мысли о томъ, что мы можемъ жить порознь, разойтись. Но чѣмъ свѣтлѣе моя собственная жизнь, тѣмъ грустнѣе мнѣ думать о жизни Сони...

— Да, кстати, — сказалъ Орловъ. — Я получаю иногда письма отъ Сони и Никанора, но эти письма, дружескія, ласковыя, всегда какъ-то лаконичны, коротки, сдержанны. Я пробовалъ разузнавать о жизни Сони и Никанора, но слухи такъ странны...

— И дѣйствительность еще страннѣе, закончилъ князь: — страннѣе, правда, для постороннихъ, а не для насъ, знающихъ хорошо этихъ людей...

— Ты знаешь подробности?

— Да.

Князь началъ разсказывать, что онъ зналъ о жизни Благолѣповыхъ. Пріѣхавъ въ маленькій захолустный городишко, Благолѣповы сразу столкнулись, какъ и слѣдовало ожидать, съ другими высланными подъ надзоръ полиціи и сразу Софью Александровну, еще не окрѣпшую, еще не успокоившуюся послѣ тюрьмы, поразила нищета, безпомощность, безвыходное положеніе этихъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ жили въ углахъ, едва кормились, ходили въ лохмотьяхъ. Былъ одинъ изъ нихъ, молодой мѣщанинъ, страдавшій чахоткой, у котораго не было вовсе одежды, такъ что, если бы

даже немного поправился, то все-таки не могъ бы выйти изъ дома. О работѣ въ такомъ городѣ нечего было и думать. Продолжать учиться и развиваться — это было тоже немыслимо здѣсь. Подъ руками не было ни книгъ, ни библіотеки, ни развитого общества. Нѣкоторые изъ сосланныхъ сюда, особенно изъ живущихъ тутъ давно, сильно запивали. Другіе, сосланные сюда еще недавно, мечтали только о бѣгствѣ, жили исключительно этою надеждою. Картина жизни этихъ людей произвела потрясающее впечатлѣніе на Софью Александровну. Молодая женщина спрашивала, неужели административно сосланные вездѣ такъ живутъ? Ей отвѣчали, что почти вездѣ, такъ какъ ссылаются большею частью бѣдняки, ссылаются почти всегда въ глухіе города. Не въ столицахъ же ихъ держать? Не пенсіи же имъ за ихъ вины назначить? «Вездѣ такъ живутъ? Всѣ такъ живутъ! А вотъ она, Софья Александровна, можетъ жить со своимъ мужемъ иначе, можетъ цѣлый домъ нанять, лошадей завести! Еще бы! Она привилегированный человѣкъ, у нея наслѣдственное есть, ей легко было рисковать и играть въ заговоры, зная, что съ богатствомъ вездѣ рай. Начни она жить здѣсь широко—къ ней первыя власти городскія, первые богачи станутъ ѣздить!» И ей стало какъ-то тяжело, какъ-то неловко отъ этихъ думъ. Ей вдругъ показалось, что она наняла съ мужемъ слишкомъ большую квартиру, что сосланные смотрятъ какъ-то странно на удобства этой квартиры. Она рѣшилась перемѣнить помѣщеніе и поселиться въ двухъ комнатахъ. «Да, иначе ей нельзя жить. Всякія ея излишества будутъ оскорбительны для бѣдняковъ, окружающихъ ее». Разъ она проснулась и увидала въ окно, что Никаноръ Ивановичъ раскалываетъ на дворѣ дрова. Она спросила его, что ему вздумалось это дѣлать. Онъ отвѣтилъ коротко, что «не баринъ же онъ», что и «надоѣло, наконецъ, сидѣть сложа руки, да ждать, когда поднесутъ все готовое». Странно, она тоже давно думала объ этомъ: они оба ничего не дѣлаютъ, только читаютъ, гуляютъ, разсуждаютъ, да наслаждаются любовью, а кругомъ люди надрываются въ черномъ трудѣ изъ-за куска хлѣба. Она сообщила объ этихъ думахъ мужу; онъ сказалъ, что и онъ давно началъ задумываться объ этомъ.

«Раздай имѣніе и иди за Мной», вспоминались ей еще въ дѣтствѣ поражавшія ее великія слова любви. Она стала помогать служанкѣ въ работѣ, и, наконецъ, когда эта служанка лѣтомъ ушла въ деревню на полевыя работы, при-

нялась дѣлать все сама. Никаноръ Ивановичъ не протестовалъ: напротивъ того, онъ уже давно самъ кололъ дрова, приносилъ изъ колодца воду. Его мускулы просто требовали работы, дѣятельности. Онъ понималъ, что его жену за работой не будутъ такъ грызть тоска и скука. Большая часть получаемыхъ Благолѣповыми доходовъ пошла на помощи, таинственно отдавалась, неизвѣстно кому и на что. Иногда они горячо разсуждали вдвоемъ, какъ хорошо было бы, если бы имъ позволили открыть въ городѣ школу, библіотеку, мастерскую, что-нибудь, однимъ словомъ, что дало бы имъ занятіе и принесло бы пользу городу. Но имъ не позволяли и заикнуться объ этомъ, не могли позволить этого, а, напротивъ того, косились на нихъ за то, что они жили «не по-людски», что у нихъ исчезали куда-то получаемыя ими деньги. Имъ ставили въ вину и то, что они жили, какъ простые люди, исполняя черную работу, и то, что они обращались за панибрата съ простымъ народомъ, и то, что они отклонили отъ себя знакомство съ семьей исправника. Вѣдь это и точно было ненормально. Князь попробовалъ похлопотать о переводѣ ихъ въ лучшій городъ, но ему отвѣтили, что ихъ положеніе нельзя улучшить, что еще на-дняхъ за за ними удвоенъ надзоръ.

— Все это вполнѣ понятно и естественно и тутъ некого обвинять,—сказалъ князь.—Они сами роютъ себѣ пропасть. Но отъ этого нисколько не легче... Дней пять тому назадъ я получилъ отъ нихъ письмо, и въ немъ есть что-то зловѣщее...

Князь досталъ изъ кармана это письмо и подалъ Орлову. Оно было написано рукою Софьи Александровны; но въ немъ вездѣ говорилось «мы», то-есть она и ея мужъ. Она писала между прочимъ:

«Трудно тебѣ описать наше положеніе. Мы, какъ прокаженные, отрѣзаны отъ всего остального міра, отрѣзаны отъ всякой дѣятельности. Мы не можемъ даже обмануть себя какимъ-нибудь трудомъ, какой-нибудь работой бѣлки въ колесѣ, такъ какъ намъ закрытъ путь ко всему. Мы сознаемъ, мы чувствуемъ, что за каждымъ нашимъ шагомъ слѣдятъ. Каждое наше письмо прочитывается, каждая, присылаемая къ намъ, строчка просматривается. Это общая участь ссыльныхъ подъ надзоръ. Но наша участь въ десять разъ хуже участи другихъ. Наши письма не просто просматриваются по обязанности, но ихъ перечитываютъ, въ нихъ вчитываются съ злостнымъ желаніемъ открыть что то

Говорятъ, что мы сами виноваты во всемъ, что именно мы могли бы быть поставлены иначе, могли бы чуть не первыми лицами быть въ городѣ. Можетъ-быть, это и правда. Но есть вещи, есть чувства выше насъ. Мы не можемъ сказать, что мы не *желали* войти въ сдѣлки съ нашими надсмотрщиками, надѣть улыбающіяся маски въ сношеніяхъ съ ними; нѣтъ, мы не *могли*, не въ силахъ были этого сдѣлать. Намъ нужно было переродиться, чтобы поступать иначе. Да, мы не предвидѣли тогда, что надо поступать именно такъ, а теперь поздно... Да, теперь поздно переламывать себя, учиться хитрости и лицемѣрію, поздно уже потому, что теперь намъ и не повѣрятъ. А продолжать жить въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы живемъ, уже нѣтъ силъ. Мы чувствуемъ, что въ насъ надламывается все: и энергія, и здоровье, и даже то, что было намъ всего дороже, любовь къ нашей семейной жизни. Мы любимъ, горячо любимъ другъ друга, но иногда бываютъ минуты, когда думается, что порознь мы были бы свободнѣе, что порознь мы были бы смѣлѣе, что порознь легче бы было, ну, хоть руки на себя наложить... Мы знаемъ, что эти мысли просто слѣдствіе разстроенныхъ нервовъ, болѣзненнаго состоянія мозга, но тѣмъ не менѣе эти мысли приходятъ... Да, такъ жить дольше нельзя. Это нужно какъ-нибудь кончить, поставить на одну карту все, — или окончательно погибнуть, или спастись... Что бы ни случилось—не обвиняй насъ, не суди насъ, потому что нужно все это пережить, чтобы имѣть право судить тѣхъ, кто не вынесъ этого».

Все письмо Софьи Александровны было написано въ этомъ тонѣ, отрывочно, болѣзненно, похожее на какой-то глухой стонъ. Орловъ прочелъ его и машинально взглянулъ на число.

— Ты говоришь, что ты получилъ его дней пять тому назадъ, а оно написано назадъ тому три недѣли,—сказалъ онъ князю, указавъ на число.

— Да? Я на это какъ-то не обратилъ вниманія, — сказалъ князь, смотря на помѣтку.

Эта помѣтка дѣйствительно была едва замѣтна, такъ какъ тутъ значилось только «12 м.», что, вѣроятно, должно было обозначать 12 марта.

— Впрочемъ, и не мудрено, что письмо дошло поздно. Оно было прислано не по почтѣ, а черезъ одно лицо, заѣзжавшее къ сестрѣ,—проговорилъ князь.—Ты видишь, что это письмо дышитъ чѣмъ-то зловѣщимъ, намекаетъ на что-то, на какое-то рѣшеніе. Что они задумали?

— Бѣжать, — отвѣтилъ Орловъ.

— Бѣжать, бѣжать... но куда? Остаться въ Россіи—это значитъ быть каждую минуту въ опасности, вѣчно бояться ареста, ничего не выиграть и потерять даже право на свой уголъ... За границу?.. Но я даже боюсь и думать объ этомъ...

Орловъ вопросительно взглянулъ на князя.

— Развѣ ты не знаешь Соню и Пиканора,—сказалъ князь.—Развѣ они способны именно теперь удовлетвориться одною спокойною семейною жизнью тамъ? Развѣ они не возьмутся за дѣло, не изобрѣтутъ себѣ этого дѣла? А что же могутъ они изобрѣсти тамъ, чѣмъ могутъ они удовлетвориться тамъ, не порываясь сюда?

Онъ махнулъ рукою.

— Нѣтъ, лучше не заглядывать впередъ, не загадывать ничего.

Опять какое-то гнетущее чувство охватило и князя, и Орлова. Они чувствовали, что гдѣ-то тамъ, далеко, съ дорогими имъ людьми, можетъ-быть, въ эту минуту совершается роковая драма. Недаромъ же она, Софья Александровна, писала: «но жить такъ дальше нельзя». И вдругъ всѣ опасенія, всѣ гаданія, всѣ сомнѣнія разрѣшились, когда, на третій день Пасхи, юноши вбѣжали въ кабинетъ князя съ криками:

— Папа, папа, письмо изъ-за границы! Мама сказала, что это отъ тети Сони...

Князь торопливо разорвалъ конвертъ и развернулъ коротенькую записку:

«Христосъ воскресъ, Саша, Настя! Обнимаемъ васъ и поздравляемъ съ свѣтлымъ праздникомъ. Поздравьте съ нимъ и насъ. Мы въ Женевѣ. Не знаемъ, что будетъ. Но прежде всего, намъ нуженъ отдыхъ, отдыхъ и отдыхъ. Писать подробно будемъ послѣ. Адресъ: Женева, до востребованія. С. и Н. Б.».

Князь опустилъ письмо и вздохнулъ широкимъ вздохомъ.

— Свободны! На долго ли?

Съ тяжелымъ чувствомъ грусти покидалъ Дмитрій Андреевичъ семью князя, точно разставался съ родной семьей.

— Да, завидую я тебѣ, Александръ, — говорилъ Дмитрій Андреевичъ.—Какъ бы ни было невелико твое дѣло, но это уже дѣйствительно дѣло. Ты можешь работать съ народомъ и для народа. Пусть рамки дѣятельности тѣсны и узки, но и въ нихъ можно что-нибудь сдѣлать человѣку, искренне

преданному народу. Я скажу больше, я завидую даже такимъ людямъ, какъ Никаноръ и Соня. Пусть это маніаки, фанатики, столпники, но у нихъ есть уже вѣра въ то, что они дѣлаютъ. Для нихъ даже отрѣзанъ путь къ общему стаду, какъ говорилъ Никаноръ. А я?..

Онъ усмѣхнулся.

— Платоническій любовникъ свободы слова и личности, ждущій всю жизнь появленія своей возлюбленной! Я работаю и чувствую, что у меня подъ ногами нѣтъ твердой почвы; я говорю и не вѣрю въ то, что я говорю, потому что мнѣ приходится говорить половину истины, приходится высказывать истину, когда уже ее не нужно высказывать, когда ее уже поздно высказывать.

Онъ на минуту смолкъ и потомъ продолжалъ:

— Я часто возвращаюсь къ одной мысли, поразившей меня еще въ юности. Когда окончилась севастопольская война, когда мы уже все безвозвратно проиграли,—множество лицъ попало подъ судъ, и въ литературѣ начались обличенія разныхъ злоупотребленій, совершенныхъ во время этой войны. Я слѣдилъ тогда уже за газетами и журналами, и мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: «какая польза въ томъ, что теперь судятъ и обличаютъ этихъ людей?» Ну, ихъ обвинятъ, опозорятъ, накажутъ. Но воротятъ ли украденные милліоны? Поправятъ ли военныя ошибки? Воскресятъ ли погибшихъ отъ этихъ злоупотребленій людей? Пойдетъ ли все въ будущемъ лучше, ради того, что были раскрыты злоупотребленія и мошенничества предшествовавшихъ дѣятелей? Тогда у меня не нашлось положительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Но время показало мнѣ, что у насъ вообще раскрываютъ истину только тогда, когда зло уже сдѣлано, и что это запоздалое раскрытіе истины не предупреждаетъ будущихъ золъ, такъ какъ они снова творятся подъ покровомъ непроницаемой тайны. Это сознаніе не покидало меня ни на минуту и парализовало мои силы. Я зналъ всегда, что если мнѣ можно касаться какой-нибудь язвы, то это значитъ, что эта язва уже принесла свои страшные плоды и отболѣла. Я знаю, что найдется много людей, которые скажутъ, что я не пробовалъ говорить, что я въ сущности трусилъ, что я былъ человѣкомъ-тряпкой? Я отвѣчу имъ вопросомъ: а вы... какое зло раскопали вы во-время? Вы тоже критиковали дѣятелей, когда они слетали съ мѣстъ; вы тоже обличали интендантовъ, когда они уже были обвинены судомъ; вы тоже указывали на хищничество, когда

все уже было разграблено. Я знаю, что настанетъ день, когда станутъ смѣло обличать всѣ злоупотребленія нашего времени, но это будетъ тогда, когда наше время пройдетъ, когда вредъ будетъ принесенъ, когда злоупотребленія примутъ уже новую форму... Вотъ что грызло и грызетъ меня всю жизнь.

Въ его голосѣ слышались желчныя ноты.

— Я знаю, что есть счастливцы, стоящіе въ такомъ же положеніи, какъ я, и обманывающіе сами себя. Они высказываютъ запоздалую правду съ апломбомъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что они даютъ урокъ обществу, что они поднимаютъ нравственность, объясняя дѣтямъ, что ихъ отцы были воры, и что воровать не хорошо. Къ сожалѣнію, я не принадлежу къ числу такихъ людей. Я знаю, что «Ябеда» Капниста была написана давно, что потомъ о томъ же писалъ Гоголь, что дальше то же повторялъ Щедринъ, а взятки и казнокрадство процвѣтаютъ у насъ и донынѣ, такъ какъ обличать если и можно все это, то только въ отвлеченной формѣ или въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о мелкихъ воришкахъ, гласнаго же контроля,—контроля во-время надъ болѣе крупными дѣльцами по этой части нѣтъ и не можетъ быть покуда.

Князь замѣтилъ ему:

— Но ты берешь только одну сторону своей дѣятельности—публицистическую...

Орловъ повернулъ къ нему голову.

— А ты думаешь, что я дорожу какими-нибудь другими сторонами своей дѣятельности?—спросилъ онъ.—Не защитой ли двухъ-трехъ бѣдняковъ? Не гражданскими ли дѣлами?.. Тутъ—или мелкая филантропія, или нажива и—только! Правда, я членъ такихъ-то и такихъ-то обществъ вспомоществованія кому-то и разработки чего-то. Но, милый мой, этого, конечно, и ты не считаешь за что-нибудь серьезное. Такой-то дѣятельности моей и въ годъ не перечтешь. Я вонъ даже написалъ изслѣдованіе о количествѣ риѳмованныхъ строкъ у Шекспира и о томъ, гдѣ и когда появляются у него риѳмы, и какой характеръ носятъ преимущественно тѣ его строки, гдѣ есть риѳмы... Знаешь ли, одного этого достаточно, чтобы понять, что я иногда дохожу до отчаянья. Писать объ этомъ въ странѣ, гдѣ голодаютъ сотни тысячъ людей, гдѣ живутъ чуть не въ нищетѣ милліоны, гдѣ нужны для всякаго чернаго дѣла и руки, и головы,—это вѣдь прямо похоже на то, если бы врачъ въ зачумленной странѣ сталъ

разучивать арію изъ итальянской оперы. Но если-бъ онъ дѣйствительно сталъ тратить время именно на это, а не на лѣченіе больныхъ, то это значило бы—если онъ не пустой и не ничтожный человѣкъ, что онъ отчаивается въ силѣ своихъ медицинскихъ средствъ. Это отчаяніе часто охватываетъ меня. Будь у меня земля, будь я воспитанъ ремесленникомъ, купцомъ, не будь я мыслящимъ пролетаріемъ,—о, я дѣлалъ бы свое скромное дѣло! Но, къ сожалѣнію, обстоятельства поставили меня въ ряды тѣхъ людей, гдѣ все сильнѣе и сильнѣе развивается одно сознаніе, что безъ свободы слова и безъ свободы личности мы не двинемся ни на шагъ впередъ, что подъ кровомъ тайны будутъ искажаться всѣ великіе планы правительства, что само правительство будетъ постоянно неувѣрено въ томъ, дѣйствительно ли дѣлается то, что оно желаетъ, или его желанія остаются только одною мертвою буквою.

Онъ вдругъ что-то вспомнилъ и разсмѣялся.

— Хочешь я тебѣ передамъ одинъ курьезъ, какъ иллюстрацію къ тому, какъ все дѣлается у насъ. Это не анекдотъ, а фактъ. Въ одномъ изъ нашихъ министерствъ открыли злоупотребленія въ какой-то школѣ, гдѣ директоръ чуть ли не заставляетъ учителей служить у него за лакеевъ. Началось дѣло. Оно тянулось уже десятокъ лѣтъ и все еще было не кончено, когда назначили ревизію. Увидали, что по этому дѣлу исписано уже до тридцати тысячъ—да, *до тридцати тысячъ*!—листовъ... Лѣтъ черезъ десять оно, вѣроятно, заняло бы тысячъ сорокъ листовъ и все же не кончилось бы. Ну, какъ ты думаешь: возможно ли было бы что-нибудь подобное при существованіи гласности? Безъ нея же такіе факты повторяются на каждомъ шагу. Подобные факты и создали изъ меня главнымъ образомъ маніака.

Князь вопросительно взглянулъ на Орлова.

— Ну, да вѣдь каждый человѣкъ помѣшанъ на той или другой идеѣ,—сказалъ Орловъ.—Можетъ-быть, и моя мысль о томъ, что безъ свободы слова и безъ свободы личности мы не на шагъ не двинемся впередъ, несмотря на всѣ усилія, есть точка помѣшательства, своего рода маніачество. Но оно развилось очень естественнымъ путемъ. Я росъ именно въ той средѣ, гдѣ ежедневно говорилось о всевозможныхъ злоупотребленіяхъ, гдѣ ежедневно появлялись люди, совершившіе злоупотребленія, гдѣ, наконецъ, ежедневно слышался одинъ припѣвъ: «а попробуй-ка раскрыть всю подноготную, такъ зашлютъ туда, куда Макаръ телятъ не го-

пяетъ». Я всосалъ все это въ плоть и кровь, когда ты, напримѣръ, даже и не подозрѣвалъ еще, что у насъ все идетъ такъ скверно, что у насъ воръ вора погоняетъ, что у насъ идетъ повальный грабежъ, взяточничество, казнокрадство. Можетъ-быть, первыя фразы, врѣзавшіяся мнѣ въ память, были фразы о томъ, что бѣдныхъ людей вездѣ притѣсняютъ, что бѣднымъ людямъ житья нѣтъ, что истомились бѣдные люди. Что-жъ мудренаго, что я ребенкомъ, оставаясь одинъ въ нашей квартирѣ, вскакивалъ на стулъ и говорилъ воображаемымъ слушателямъ рѣчи, какъ христопродавецъ Пахомовъ, мой тогдашній злѣйшій врагъ, всѣхъ грабитъ и какъ полиція за купцами не смотритъ, какъ бѣднымъ людямъ приходится кланяться и кошкѣ въ ножки, какъ подлостью и мошенничествомъ въ люди пролѣзть можно, какъ я буду казнить всѣхъ злыхъ и спасать всѣхъ добрыхъ. А потомъ, когда я сталъ взрослымъ, когда я сознялъ, что я могу сказать многое, когда у меня нашлись бы и слушатели, я вдругъ сознялъ, что у меня нѣтъ главнаго права— права свободнаго слова. Въ этомъ былъ весь трагизмъ моей жизни... жизни цѣлой массы людей изъ нашего поколѣнія.

Онъ обернулся къ князю.

— Вотъ ты какъ-то замѣтилъ мнѣ, что у насъ большинство образованныхъ людей много говоритъ и мало дѣлаетъ. Этотъ упрекъ повторяется часто. И я не разъ въ увлеченіи говорилъ то же. Теперь это время прошло. Я теперь понимаю, что дѣлать дѣло можно только тогда, когда твердо вѣришь въ его благіе результаты. А гдѣ у насъ эта вѣра. Возьми въ примѣръ доктора. Его призываютъ къ больному и говорятъ: «Помогите ему!» Онъ хочетъ прежде всего естественно сдѣлать діагнозъ болѣзни, но ему говорятъ: «Этого вы не дѣлайте!» Скажи, можно ли винить доктора, если онъ станетъ лѣчить больного кое-какъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, уже потому, что онъ самъ не убѣжденъ, точно ли онъ понялъ болѣзнь, точно ли хороши его средства. А мы стоимъ въ такомъ положеніи. И кто понялъ это, тотъ или работаетъ изъ однихъ корыстныхъ видовъ, или работаетъ плохо, нерадиво, безъ вѣры въ свою работу.

V.

Вернувшись въ Петербургъ отъ князя Русова, Дмитрій Андреевичъ захандрилъ еще болѣе, почувствовавъ себя еще болѣе одинокимъ. Въ его головѣ уже начинала серьезно возникать мысль послѣдовать совѣту князя Русова, купить

клочокъ земли по сосѣдству съ Русовыми и поселиться въ деревнѣ. Князь, шутя, замѣтилъ Орлову, что онъ и Настя приготовятъ ему невѣсту. Дѣйствительно, тамъ, въ деревнѣ, около Русовыхъ, онъ все-таки будетъ чувствовать себя не такъ одиноко. И что у него здѣсь дорого?—Одинъ могилы?.. А Леша?—Что-жъ, Леша будетъ вполнѣ счастливъ, если его взять въ деревню. Кстати и Марѳа Ивановна можетъ туда перебраться, экономкой у него будетъ... А дѣятельность? А всѣ мелкіе и крупные успѣхи, сопровождающіе его дѣятельность, льстящіе его самолюбію?—Что ему въ нихъ? Да онъ и въ провинціи не затеряется, можетъ наслаждаться такими же успѣхами... Да, да, надо будетъ рѣшиться, а то и печень начинаетъ болѣть въ этомъ проклятомъ климатѣ, среди этой безпутной столичной сутолоки, начинающейся чуть не въ пять часовъ утра. Въ этомъ духѣ онъ началъ высказываться все чаще и чаще.

— Нѣтъ, батенька, встряхнуться вамъ просто нужно, за границу, что ли, съѣздить,—говорилъ въ отвѣтъ на это нѣкто Лопатинъ.—Засидѣлись вы въ Питерѣ, расхандрились, вотъ и все. Деревня васъ не спасетъ. Знаю я деревню, самъ изъ нея бѣжалъ. Экую сладость нашли жить въ берлогѣ съ медвѣдями!

Николай Николаевичъ Лопатинъ принадлежалъ къ числу цѣлой массы дѣльцовъ, прошедшихъ огонь и воду и мѣдныя трубы. Онъ былъ когда-то кулакомъ-помѣщикомъ, гусаромъ-ремонтеромъ, какимъ-то чиновникомъ на новомъ мѣстѣ и, наконецъ, попалъ, при помощи связей и ловкости, въ директора одного изъ акціонерныхъ обществъ. Вѣчно сіяющій, вѣчно лоснящійся, тучный, но крайне подвижной, смѣющійся громкимъ смѣхомъ надъ своими мнимыми остротами, довольный всѣмъ и всѣми и прежде всего самимъ собой, онъ былъ въ сущности человѣкомъ себѣ на умѣ, порядочнымъ сутягой и очень любилъ говорить про себя добродушнымъ тономъ: «Мы что, ротозѣи, все мимо рукъ пропускаемъ». Съ Орловымъ онъ познакомился года три тому назадъ и ухаживалъ за нимъ, какъ за нужнымъ человѣкомъ, такъ какъ этотъ человѣкъ, по знакомству, глядишь, и даромъ совѣтъ дастъ.

— Право, махните за границу,—настаивалъ онъ.

— Подняться трудно... Да, наконецъ, тамъ-то что я буду дѣлать?—лѣниво отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, вотъ еще! Себя показать, людей посмотрѣть—вотъ что дѣлать.

— Стоитъ ли подниматься изъ-за этого?

— Да въ какомъ это уголкѣ въ васъ Обломовъ-то засѣлъ? Гоните его, гоните въ три шеи!—шутливо проговорилъ Лопатинъ, трепля по плечу Орлова.—Ну, лѣнь одному подняться, поѣзжайте съ нами. Я съ цѣлымъ войскомъ ѣду.

— Надо подумать.

— А вотъ заѣзжайте послѣзавтра отобѣдать, тогда и потолкуемъ.

Орловъ далъ слово, но уже на слѣдующій день началъ каяться въ этомъ. Что онъ будетъ дѣлать за границей? Ѣхать съ чужой семьей, чтобы смотрѣть на ея семейное счастье? Наконецъ, кто поѣдетъ изъ семьи Лопатина: самъ Лопатинъ съ женой, дочь ихъ Маша съ мужемъ? Ну, а если еще ребятишекъ этой Маши заберутъ? Отъ одного рева убѣжишь. Нѣтъ, надо отказаться отъ предложенія, во что бы то ни стало. Твердо рѣшившись на это, онъ отправился къ Лопатинымъ. Лопатинъ жилъ богато, на широкую ногу, нѣсколько по-купечески. Сбросивъ у швейцара пальто, Орловъ поднялся по лѣстницѣ, вошелъ прямо въ переднюю, такъ какъ дверь была открыта, и остановился. На полу сидѣла дѣвушка лѣтъ семнадцати или восемнадцати и раздѣвала сидѣвшаго на стулѣ ребенка, закутаннаго въ разные шарфы, теплыя рукавички и теплые сапожки. Орловъ не сразу узналъ эту дѣвушку, но она тотчасъ же узнала его.

— Здравствуйте! — проговорила она привѣтливо, приподнимая голову.—Взгляните, какой пупсикъ! Это кузины Маши сынъ.

Она ухватила мальчугана за обѣ щеки и чмокнула его въ губы.

— Ты пупсикъ?

— Пу-псикъ!—повторилъ ребенокъ.

— Это его такъ тетя зоветъ,—объяснила дѣвушка, стараясь стащить съ ребенка сапожки.

Это ей не удавалось.

— Помогите, милый Дмитрій Андреевичъ! — обратилась она къ Орлову.—Не могу справиться.

Орловъ опустился на полъ и сталъ помогать дѣвушкѣ снимать сапоги съ мальчугана. Она вдругъ засмѣялась.

— Вотъ, если бы кто вошелъ, увидалъ бы картину. Усѣлись на полъ и возимся вдвоемъ надъ однимъ сапогомъ. Ай,—вдругъ воскликнула она какимъ-то плачевнымъ тономъ:—вы въ свѣтло-сѣрыхъ перчаткахъ! Какъ же это вы ихъ не сняли! Теперь совсѣмъ испортили!

Она взяла руку Орлова и начала разсматривать его перчатки, съ сожалѣніемъ качая головой. Орловъ успокоилъ ее, что это ничего.

— Ну, тетя узнала бы, такъ задала бы мнѣ гонку!—сказала дѣвушка.—Да вѣдь я не виновата, что я не могла справиться одна. А вотъ лакею все-таки не дала раздѣть пупсика.

Она опять съ любовью поцѣловала мальчугана.

— Вы очень любите дѣтей?—спросилъ Орловъ.

— Да развѣ ихъ можно не любить?.. Вы вѣдь тоже, вѣрно, любите?—спросила она.

— Да.

— А у васъ уже есть дѣти?

— Я еще не женатъ...

— Отчего же?

— Ни одна дѣвушка не хотѣла замужъ выйти,—шутливо отвѣтилъ Орловъ.

— За васъ-то?.. Полноте!

Въ эти минуту въ дверяхъ изъ залы въ переднюю показалась довольно полная и щегольски одѣтая женщина лѣтъ пятидесяти. Увидавъ эту группу, она остановилась въ дверяхъ, покачала головой и укоризненнымъ тономъ проговорила:

— Вѣра, Вѣра!

Дѣвушка обернулась. Орловъ быстро поднялся и раскланялся съ хозяйкой дома, наскоро смахнувъ пыль съ колѣней.

— Какъ это тебѣ не стыдно заставлять Дмитрія Андреевича возиться съ пупсикомъ!—продолжала хозяйка и обратилась къ Дмитрію Андреевичу.—Вы ее извините, она у насъ совсѣмъ... ребенкомъ осталась. Дѣтство, знаете, провела съ отцомъ въ деревнѣ, на вольной волѣ, потомъ пробыла въ институтѣ четыре года и вотъ только что вышла оттуда на-дняхъ. Совсѣмъ еще не умѣетъ себя держать...

Молодая дѣвушка потупилась и, незамѣтно дернувъ за сюртукъ Орлова, проговорила скороговоркой:

— Это, тетя, не я, право, не я... Это онъ самъ предложилъ услуги!

Дмитрій Андреевичъ невольно разсмѣялся.

— Ну, да, не ты!.. Заставляешь возиться съ пупсикомъ незнакомаго тебѣ человѣка... Вы вѣдь, вѣроятно, ея даже и не помните!

— Нѣтъ... да,—смѣшался Орловъ.

— Года два тому назадъ встрѣчали ее у насъ,—объяс-

нила хозяйка.—Помните, вы только что кончили тогда защиту этой княжны... Вѣра бредила тогда вами... Извѣстно, дѣвочка еще совсѣмъ была... Вы еще тогда много смѣялись, когда она разъ вдругъ назвала васъ «душкой»...

Молодая дѣвушка дергала теперь за платье тетку, умоляя ее взглядами не продолжать этого разговора. Всѣ направились въ залъ.

— А вѣдь я и точно не сразу узналъ Вѣру... Вѣру...— Орловъ подыскивалъ отчество.

— Ахъ, зовите просто Вѣрочкой, — сказала хозяйка и потомъ прибавила: — она сильно выросла за послѣдніе два года...

— Похорошѣла,—прибавилъ Орловъ и невольно быстрымъ взглядомъ окинулъ дѣвушку.

Прежде всего ему бросились въ глаза горѣвшія яркимъ румянцемъ щеки, свѣжій смѣющійся ротикъ, молодыя, только что вполнѣ развившіяся формы этого дѣвственнаго стана, обрисовывавшіяся подъ гладкимъ, простенькимъ, но сшитымъ по модѣ, платьемъ. Сколько во всемъ этомъ было молодости, свѣжести и здоровья.

Столъ былъ накрытъ, и поджидали только Орлова, чтобы сѣсть за обѣдъ. Всѣ усѣлись за столъ, и разговоръ начался о путешествіи. Лопатинъ, сіяющій и лоснящійся, ѣлъ, говорилъ и смѣялся за троихъ. Онъ объяснилъ Орлову, что онъ и его жена ѣдутъ «отъ животовъ» лѣчиться. Хозяйка дома пришла въ ужасъ отъ этого выраженія и укоризненно покачала головой мужу, сдѣлавъ въ то же время строгіе глаза Вѣрѣ, засмѣявшейся громкимъ смѣхомъ при словахъ дяди.

— Что-жъ, матушка, скрывать!—сказалъ Лопатинъ.— Этого не скроешь. Да и долженъ же знать Дмитрій Андреевичъ, для чего мы ѣдемъ за границу и отъ чего будемъ лѣчиться, если онъ поѣдетъ съ нами. Ну, да, ѣдемъ мы жиру спустить тамъ, въ чужихъ-то краяхъ. Что-жъ тутъ предосудительнаго? Или только тѣ и имѣютъ право ѣздить туда, кому нагулять животы нужно?

— Ахъ, да что ты затвердилъ: животы, да животы,— сказала хозяйка.—Онъ у меня, Дмитрій Андреевичъ, всегда такъ: понравится ему какое-нибудь словцо, онъ его и твердитъ сто разъ въ день, и непремѣнно вульгарное что-нибудь выберетъ.

— А она стыдится!—замѣтилъ хозяинъ.—Все боится, чтобы насъ за неотесанныхъ мужиковъ не сочли... Не бойся,

матушка, и гербы, и грамоты, и все такое дворянское не вчера пріобрѣли; бояться нечего, что за іерусалимскихъ царей или сиволапыхъ коммерціи совѣтниковъ сочтутъ.

— Такъ вы, значитъ, на воды куда-нибудь думаете проѣхать?—сказалъ Орловъ.

— Да, пожалуй, и на воды, а то и такъ протрястись гдѣ-нибудь можно, на ослахъ тамъ, что ли, по горамъ проперетъ до облаковъ, на морѣ прополоскаться морской болѣзнью. Это все одно. Да тамъ одной ѣдой такъ доканаютъ, что десять жировъ спустишь. Отличныя страны... Да вы рѣшайтесь,—ей-Богу же весело будетъ. Вотъ мы поѣдемъ, да Маша съ мужемъ.

— Я подумаю,—отвѣтилъ Орловъ.

— Эхъ, вы! Говорю я, что Обломовъ въ васъ гдѣ-то уголокъ себѣ нанялъ. Погодите, разопретъ его въ васъ тамъ, что и не такимъ, какъ я, станете, а вотъ какимъ...

Хозяинъ показалъ, какимъ толстякомъ станетъ Орловъ.

— Ну, такого-то на балаганахъ показывать станутъ.

— И станутъ, и станутъ!.. И по дѣломъ,—не сидите на одномъ мѣстѣ! Да мало, что за деньги показывать станутъ,—даромъ, даромъ, каждый уличный мальчишка въ васъ пальцемъ тыкать станетъ. Да такъ и надо!

— Да не пугайте, и такъ страшно,—шутливо отвѣтилъ Орловъ.—А подумать все-таки надо.

Потомъ онъ любезно обратился къ дочери хозяевъ:

— А ваши милыя дѣтки тоже ѣдутъ?

Хозяинъ разразился гомерическимъ смѣхомъ.

— Такъ вотъ онъ чего боялся! А, теперь понимаю, понимаю!

— Да вы ошибаетесь!—оправдывался Орловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, батенька, понимаю! Такъ нѣтъ же, не бойтесь! Милыя дѣтки не ѣдутъ, не ѣдутъ. Ну, ихъ!

— Да, право же, я вовсе и не думалъ,—говорилъ Орловъ.—Но есть масса препятствій...

— Ахъ, ты, Господи, что за нерѣшительный человѣкъ!—воскликнулъ Лопатинъ.—Да вы этакъ мохомъ порастете, плѣсенью покроетесь здѣсь, ей-Богу!

Сколько, однако, ни говорили за обѣдомъ, ничего все-таки не рѣшили. Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостиную пить кофе. Вѣра прошла въ залу и сѣла за рояль.

— Это играетъ Вѣра... Вѣра?—началъ Орловъ и опять запнулся, не зная ея отчества.

— Да, Вѣрочка! Она у насъ музыкантша,—отвѣтила хозяйка.

Дѣйствительно, молодая дѣвушка играла хорошо, съ чувствомъ, со смысломъ. Орлову ужасно захотѣлось послушать ее поближе, посмотрѣть на нее за роялемъ. Онъ разсѣянно слушалъ разговоры и отвѣчалъ невпопадъ на вопросы. Наконецъ, воспользовавшись удобною минутой, когда разговоръ сдѣлался общимъ, онъ вышелъ въ залу и подошелъ къ роялю.

— Вы, однако, настоящая піанистка,—сказалъ онъ вѣрѣ.

— Я люблю музыку,—коротко отвѣтила она.—А вы играете?

— Къ несчастью, нѣтъ! Это большое лишеніе, такъ какъ бываютъ минуты, когда хотѣлось бы отдохнуть за музыкой, за живописью.

— Да, я это понимаю. Когда мнѣ скучно, я всегда играю... Забудешься, по крайней мѣрѣ.

— Значитъ, вамъ и теперь скучно?

— Какъ вамъ сказать? Не скучно, а не по себѣ.

— Что такъ?

— Да вотъ за обѣдомъ говорили объ этой поѣздкѣ за границу. Всѣ уѣдутъ, а вѣдь меня пошлютъ съ дѣтьми къ бабушкѣ... Я очень, очень люблю дѣтей, но дѣти будутъ подъ надзоромъ няни, а я... съ бабушкой мнѣ придется быть...

— Развѣ вы не ѣдете за границу?

— Нѣтъ... Вѣдь дядѣ и безъ того дорого обойдется везти всѣхъ...

— А вамъ очень хотѣлось бы ѣхать?

— Что же вы спрашиваете! Развѣ можетъ не хотѣться, когда я ничего, ничего еще не видѣла въ жизни...

Потомъ она спросила его:

— А вы, вѣрно, много, много путешествовали, вездѣ, вездѣ?

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что вы отказываетесь ѣхать... Вамъ, должно-быть, ужъ наскучило путешествовать.

— О, нѣтъ! Я просто боюсь соскучиться среди веселыхъ людей. На чужомъ пиру одиночество еще тяжелѣе, чѣмъ въ работѣ...

— Дмитрій Андреевичъ, что это вы, батенька, пропали? Въ картишки не хотите ли перекинуться?—крикнулъ Лопатинъ, входя въ залу.

«Чтобы чортъ побралъ тебя съ твоими картишками»,—промелькнуло въ головѣ Дмитрія Андреевича, и онъ какъ-то сконфузился и началъ объяснять, что ему надо ѣхать.

— Я вотъ тутъ шляпу оставилъ, пришелъ за ней и заболтался,—объяснилъ онъ.—Мнѣ пора...

— Ну, да, въ какой-нибудь клубъ или на кутежъ!—сказалъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ началъ горячо увѣрять хозяина, что у него дѣла, что онъ никуда не ѣздитъ почти, что онъ домосѣдъ, а въ головѣ его мелькали мысли: «И съ чего это я ему вру, сказки разсказываю! Съ чего смутился?» Онъ взялся за шляпу.

— Ну, такъ и есть, что жена была права! «Не тревожь, говоритъ, Дмитрія Андреевича, онъ музыку любитъ!» Вотъ потревожилъ и уходите!—сказалъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ почти разсердился.

— Помилуйте, я очень радъ, что вы мнѣ напомнили о томъ, что мнѣ пора ѣхать,—сказалъ онъ и пошелъ откланиваться дамамъ.

Онъ пріѣхалъ домой, повертѣлъ въ рукахъ нѣсколько полученныхъ безъ него писемъ, бросилъ ихъ, не распечатывая, на столъ и прилегъ на диванъ. Его томили скука, хандра, безотчетное раздраженіе. «Точно въ могилѣ тихо и пусто»,—думалось ему, и онъ закрылъ глаза, чтобы ничего не видѣть, чтобы задремать. А передъ нимъ носился образъ такой милый, такой живой образъ этой дѣвушки, наивно болтавшей съ нимъ, какъ съ другомъ. «Какъ это я могъ забыть ее,—думалъ онъ.—Правда, въ эти два года она такъ похорошѣла... Какъ это тогда случилось, что она назвала меня душкой за защиту княжны?» Онъ сталъ припоминать всѣ мелочи этой полузабытой имъ сцены. Онъ вспомнилъ все, онъ былъ тогда очень ласковъ съ Вѣрой, но онъ смотрѣлъ на нее, какъ на дѣвочку. А теперь... Сколько ей лѣтъ? Семнадцать?—Нѣтъ, должно-быть, немного больше, и даже не немного, а можетъ-быть на цѣлый годъ. Да, ей непремѣнно минуло уже восемнадцать лѣтъ... Ему почему-то хотѣлось, чтобъ ей было даже больше восемнадцати лѣтъ... Вотъ если-бъ она была тутъ, опять сѣла бы за рояль, начала бы играть, онъ успокоился бы, онъ всталъ бы и подошелъ бы къ ней, тихо наклонился бы къ ней, она обернула бы къ нему личико. «Митя, ты скучаешь?»—Съ тобой-то, милая крошка? Развѣ можно скучать съ тобой?..—«Фу, какъ это глупо!—пробормоталъ Дмитрій Андреевичъ, очнувшись.—Лысина на головѣ начинаетъ появляться, а въ голову амуры лѣзутъ! Самъ съ собою діалоги веду! Чортъ знаетъ, что за пошлость!» Ему вдругъ вспомнились

слова Лопатина о томъ, что госпожа Лопатина совѣтовала не мѣшать Дмитрію Андреевичу, такъ какъ онъ «музыку любитъ». «Хитрая баба, подмѣтила, вѣрно, что я нюни распустилъ, и женишка хочетъ прибагорить! — проворчалъ онъ.—Не съ этою ли цѣлью приказано было и музыку завести? Нѣтъ-съ, на эту удочку не клюнетъ!» И опять ему стало скверно при этой мысли. «Удочка», «женишка прибагорить», «музыку завести», «нюни распустилъ»—выраженія какія пошлыя лѣзутъ въ голову! Ни къ чему не можешь отнестись просто, безъ задней мысли, безъ подозрительности. Ну, пусть это—удочка, пусть госпожа Лопатина женишка хочетъ поймать, да ему-то, Дмитрію Андреевичу, что до этого, если ему точно нравится эта дѣвушка? Вѣдь не потому она ему понравилась, что его умышленно свели съ нею,—онъ засматривался на нее и прежде. Да никто и и не сводилъ его съ нею,—такъ какъ-то самъ сошелся». Ему такъ живо, такъ ясно представилось, какъ они рядомъ сидѣли на полу, раздѣвая пупсика, такъ близко, близко наклонившись къ нему, чуть не касаясь щеками другъ друга. «А что, если-бъ онъ тогда вздумалъ ее поцѣловать?» И опять его мечты перенесли эту дѣвушку сюда, въ его кабинетъ. Вотъ она присѣла къ нему на кушетку, онъ обнимаетъ ея талію, она наклоняется къ нему близко, близко и цѣлуетъ его... Онъ вскочилъ, раздраженный, желчный, и заходилъ по комнатѣ. «Нѣтъ, хорошъ, должно-быть, былъ я,—мысленно говорилъ онъ.—Всѣ сидятъ въ гостиной, всѣ разговариваютъ, а я на цыпочкахъ, крадучись, ухожу въ залъ, какъ гимназистъ влюбленный, смотрѣть, какъ дѣвушка играетъ на фортепіано, переворачивать ноты, млѣть въ созерцаніи дѣвственной красоты. Рожа, должно-быть, хорошо выглядѣла. Вѣдь всѣ это замѣтили, переглядывались, я думаю, между собою. Прелестно! Недоставало, чтобъ я ей скамеечку подъ ноги подставилъ, платокъ ей съ полу поднялъ...» Онъ, передернувъ плечами, опустился на кресло у письменнаго стола и началъ разбирать письма, бумаги. Но голова работала плохо, мысли возвращались все къ одной и той же темѣ. Это начинало просто утомлять. Напившись рано чаю, Дмитрій Андреевичъ улегся спать съ твердымъ рѣшеніемъ написать завтра Лопатину, что онъ не ѣдетъ за границу, и мысленно прибавилъ: «И Богъ съ ними, пусть ѣдутъ, я не загляну больше къ нимъ. И давно пора порвать съ ними. Онъ—первостепенный плутъ, она—продувная баба, зять—балбесъ, состоящій на посылкахъ у

жены, у тестя, у тещи, у всѣхъ женскихъ родственниковъ, дочь хочетъ разыгрывать... Да что мнѣ до нихъ за дѣло? Разыгрывай они, что имъ угодно, мнѣ-то что до этого?» Утромъ первою мыслью его было новое соображеніе о томъ, что ему все-таки не для чего обижать людей, что онъ долженъ соблюсти приличіе и самому поѣхать къ Лопатинымъ, объяснить, что онъ не можетъ ѣхать, хотя и желалъ бы,— однимъ словомъ, не подать имъ повода думать, что онъ точно бѣжалъ отъ нихъ. Это уже нужно потому, чтобы не сдѣлаться смѣшнымъ въ ихъ глазахъ. Да, наконецъ, порвать сношенія съ ними такъ вдругъ и невозможно. У него есть общіе съ ними знакомые. Встрѣчи съ ними не избѣжишь. Онъ поѣхалъ къ Лопатинымъ и, только поднимаясь по лѣстницѣ, вспомнилъ, что именно въ этотъ часъ Лопатинъ никогда не бываетъ дома. Онъ очень удивился такой непростительной съ его стороны забывчивости. «Ну, что-жъ, подожду его. Не ѣхать же домой!» Онъ вошелъ въ квартиру Лопатиныхъ и встрѣтился въ залѣ съ Вѣрой.

— Ахъ, это вы!—воскликнула она.—А я сегодня въ горѣ! Тетя за завтракомъ окончательно рѣшила, что на будущей недѣлѣ меня начнутъ укладывать.

Дмитрій Андреевичъ невольно улыбнулся.

— Укладывать? Да развѣ вы вещь?—сказалъ онъ.

— Ну, вотъ, вы смѣетесь, а мнѣ, право не до смѣха,— проговорила она.—Да, тетя такъ и сказала. Это, значитъ,— вещи, багажъ мой будутъ приготовлять. Къ бабушкѣ пошлютъ! Я бабушку совсѣмъ не знаю. Да она и не мнѣ бабушка. Она бабушка Машѣ, тетина мать. Какая же она мнѣ бабушка?

Дмитрій Андреевичъ взялъ ее за руку.

— Не могу ли я похлопотать за васъ?—ласково сказалъ онъ.—Можетъ-быть, мнѣ удастся убѣдить взять васъ за границу.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—проговорила она торопливо.—Не надо! Мнѣ теперь скучно, даже...—ну, да что же тутъ скрывать...—даже завидно; но вѣдь я понимаю, что это даже хорошо, что меня не берутъ за границу.

— Отчего же это хорошо?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Тамъ весело, тамъ такъ шумно, я могу привыкнуть къ этому, а потомъ мнѣ будетъ еще тяжелѣе жить гдѣ-нибудь въ деревнѣ въ гувернанткахъ. Тетя недаромъ мнѣ говоритъ, что бѣдной дѣвушкѣ не слѣдуетъ привыкать къ удовольствіямъ, къ роскоши...

Дмитрій Андреевичъ вспылилъ.

— Да, только имъ нужно наслаждаться жизнью, только имъ нужно весь вѣкъ на пиру быть! Могли бы, кажется, кое-что удѣлить и на вашу долю, на долю еще не жившаго человѣка!

Она покачала отрицательно головой.

— Мнѣ чужого не надо!.. Покойный папа всегда говорилъ: «Мы, Вѣрочка, съ тобой не богаты, зато чужого хлѣба не ѣдимъ...» Ахъ, Дмитрій Андреевичъ, какъ мнѣ тяжело, что папа умеръ... Какъ славно мы жили съ нимъ въ деревнѣ!.. Дядя его чудакомъ и сумасбродомъ звалъ, а онъ не былъ ни чудакомъ, ни сумасбродомъ, а просто былъ добрый и честный старикъ. Онъ самъ училъ меня въ дѣтствѣ всему, всему... Онъ такъ много зналъ! Онъ вѣдь генераломъ былъ въ артиллеріи, и всѣ говорили, что онъ ученый, а не строевой генералъ былъ... Я это помню, потому я вѣдь въ институтъ поздно поступила и недолго была тамъ. Папа бы и не отдалъ меня въ институтъ, такъ какъ онъ всегда говорилъ, что институтки больше ничего, какъ дуры. Ну, а дядя, когда папа умеръ, взялъ и отдалъ меня въ институтъ... Какъ я тамъ плакала, долго, долго...

Она вдругъ покраснѣла и сконфуженно пробормотала:

— Впрочемъ, что же это я вамъ разсказываю. Вамъ это, должно-быть, вовсе не интересно.

— Милое вы созданье, вы и не знаете, какъ меня интересуетъ каждое ваше слово, каждый вашъ взглядъ,—прошепталъ онъ, сжимая ей руки.

Она взглянула на него вопросительнымъ взглядомъ. Онъ нѣжно смотрѣлъ ей въ глаза.

— Вы, должно-быть, очень, очень добрый человѣкъ!— проговорила она.

— Да?.. Вы думаете?

— Да... Васъ и папа считалъ хорошимъ человѣкомъ.

— Вашъ отецъ? Я не былъ знакомъ съ вашимъ отцомъ.

— Ахъ, да вѣдь вы писали въ газетахъ... Папа читалъ двѣ ваши статьи и потомъ долго говорилъ о нихъ, что именно такъ должны смотрѣть на народъ честные люди... Да развѣ я вамъ не говорила этого, когда два года тому назадъ я въ первый разъ увидѣла васъ?.. Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ! Я тогда и говорить боялась съ вами. Я вѣдь тогда на васъ, какъ на писателя смотрѣла. Я только исподтишка смотрѣла на васъ и слушала, что вы скажете... А вы тогда такъ хорошо говорили объ этой княжнѣ Русовой, которую

вы тогда защищали... Я потомъ долго-долго думала, зачѣмъ я не такая...

— То-есть какъ не такая?

— Да, вотъ она всѣмъ, всѣмъ готова была пожертвовать, чтобы другимъ было хорошо... Если бы папа былъ живъ, я, можетъ-быть, тоже не такой... институткой была бы... Вы знаете, папа что дѣлалъ. Онъ передъ Рождествомъ, передъ Пасхой, передъ моими именинами спрашивалъ всегда: «Вѣра, что ты хочешь: чтобъ я тебѣ сдѣлалъ подарокъ, или чтобъ я тебѣ позволилъ отдать эти деньги вотъ той бѣдной крестьянкѣ, у которой больны мужъ и дѣти?..» Я не брала подарковъ... Но вѣдь это что же... Я знала, что у меня и такъ все будетъ, что я въ сущности не жертвую ничѣмъ... Это было совсѣмъ не то, что дѣлала эта княжна... А знаете, что я думала, когда вы говорили о ней?.. Я думала, что вы женитесь на ней.

— Гдѣ же мнѣ!—со вздохомъ отвѣтилъ Орловъ.—Она уже любила другого... Давно любила его... Я вообще давно пересталъ мечтать о женитьбѣ...

— Отчего же?

Орловъ хотѣлъ отвѣчать, но она сдѣлала серьезное лицо и проговорила ласковымъ тономъ:

— Вы не разсердитесь, если я вамъ что-то скажу?

— Говорите.

— Зачѣмъ вы ведете дурную жизнь?

— Дурную жизнь?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да. Дядя говоритъ... Ради Бога не думайте, что я наушничаю... Нѣтъ я такъ люблю васъ, что мнѣ больно, когда васъ бранятъ... Дядя говоритъ вотъ, что вы потому не ѣдете и за границу, что вы безпутничать здѣсь привыкли... Я не знаю, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но все же... для чего вы такъ живете, что васъ могутъ осуждать? Когда знаешь, что человѣкъ хорошій и про него при тебѣ...

Въ передней раздался рѣзкій звонокъ. Орловъ точно очнулся отъ сладкаго сна: онъ быстро поднялся съ мѣста, какое-то досадливое чувство передернуло всего его, и онъ, точно сердясь на себя, точно издѣваясь надъ собою, съ ироніей проговорилъ:

— Должно-быть, ужасно смѣшно смотрѣть со стороны, когда человѣкъ моихъ лѣтъ расчувствуется, какъ я теперь... Когда-нибудь, вспоминая сегодняшній день, вы еще посмѣетесь надо мной...

Она глядѣла на него широко раскрытыми удивленными

глазами. Передъ ней стоялъ точно другой человѣкъ. Въ залу вошла хозяйка дома.

— А, дорогой Дмитрій Андреевичъ, очень мило, что не уѣхали и дождались! Сейчасъ пріѣдетъ и Nicolas,—прогоговорила она, крѣпко пожимая руку Орлова.—Сумѣла ли молодая хозяйка занять?

— О, мы тутъ исповѣдывались другъ передъ другомъ!—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ съ усмѣшкой.—Я даже хочу покаяться во грѣхахъ и постричься въ монахи, чтобы покончить съ безобразіями холостой жизни.

— Зачѣмъ же въ монахи? Не лучше ли найти другой исходъ?—сказала Лопатина, не безъ лукавства глядя ему въ глаза.

— Старъ слишкомъ для другихъ-то исходовъ! Обращать-то на путь истинный многіе готовы, а спасти—никто не спасетъ! Вѣдь проповѣдовать легко, а помочь спастись — это совсѣмъ другое дѣло!

— Да вы просили ли о помощи?

— Избави Богъ! Въ жизни и безъ того много дается щелчковъ! Это вѣдь такъ забавно — подшутить надъ ближнимъ!

— Ой, да вы ужъ очень трусите!—засмѣялась хозяйка.

— А вамъ очень хотѣлось бы, чтобъ я былъ храбрѣе?—спросилъ онъ почти дерзко.

Онъ говорилъ и злился на себя за этотъ разговоръ, за этотъ тонъ. Онъ понималъ всю пошлость этой сцены. Его бѣсило все это еще болѣе потому, что онъ видѣлъ, какъ на него смотрѣли удивленные, недоумѣвающіе глаза молодой дѣвушки. Лопатина попросила извиненія, что она на минуту удалится, чтобы сбросить шляпу. Когда она вышла, онъ снова остался съ глазу на глазъ съ молодой дѣвушкой, и ему стало точно совѣстно поднять на нее глаза. Она стояла уже у рояля спиной къ нему и безцѣльно перебирала ноты.

Онъ приблизился къ ней.

— Вы сердитесь на меня?—спросилъ онъ тихо.

Она подняла на него глаза. Въ нихъ были слезы.

— Да, вы что-то нехорошее говорили,—такъ же тихо отвѣтила она.

— Нехорошее, нехорошее!.. А развѣ было бы лучше, если-бъ я сталъ увѣрять вашу тетушку, что я безъ ума отъ васъ, что я люблю васъ, что я жить не могу безъ васъ, и вызвалъ бы...

Она подняла на него глаза и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Зачѣмъ вы такъ шутите... надо мной шутите?..

Она повернулась и вышла изъ залы.

— Вѣра!.. Вѣрочка!.. — порывисто крикнулъ Дмитрій Андреевичъ, сдѣлавъ шагъ за нею.

И въ ту же минуту онъ послалъ «ко всѣмъ чертямъ» хозяйку и хозяина дома, входившихъ въ залъ изъ двухъ противоположныхъ дверей. «И какъ все это пошло слагается! Точно сатиры какіе-то около нимфы! Одинъ бѣгаетъ и заигрываетъ, другіе сторожатъ и подсматриваютъ»,—мелькало въ головѣ Дмитрія Андреевича. И вдругъ онъ почувствовалъ какую-то рѣшимость, смѣлость, необходимость кончить все вдругъ, разомъ, не раздумывая. Это была такая же минута, какъ тогда, какъ онъ соскочилъ съ поѣзда на станціи Русовка.

— Извините, мнѣ нужно поговорить съ Вѣрочкой,—рѣзко сказалъ онъ Лопатинымъ и быстро прошелъ за молодой дѣвушкой.

Онъ настигъ ее въ столовой и круто, безъ приступовъ, обратился къ ней.

— Вѣра, скажите: да или нѣтъ? Я или останусь съ вами навсегда, или никогда не обезпокою васъ своими глупыми...

Она взяла его за руки и, точно желая укрыться подъ грѣющимъ крыломъ, прижалась къ его груди, не проронивъ ни слова. Онъ уже цѣловалъ ея руки, ея голову, ея губы. Онъ не могъ говорить, не могъ оторваться отъ нея. Минуты шли за минутами, а хозяева въ недоумѣніи бродили по залѣ и ждали Дмитрія Андреевича. Они какъ-будто растерялись.

— Я ее не предупредила... Пожалуй, откажетъ! — тихо сказала Лопатина.—Глупа еще... Покажется ей что-нибудь... Не молодъ, скажетъ, не красавецъ...

— Да, наконецъ, онъ-то не знаетъ, что за ней ничего нѣтъ! Тоже, чудакъ, не справился! Можетъ-быть, разсчитываетъ на насъ!—проговорилъ Лопатинъ.—Живемъ широко,— ну, и можетъ думать...

— Ахъ, это глупости! Я боюсь за нее... вотъ что страшно!

— Да, а тоже хорошо, если она согласится, а онъ потомъ станетъ требовать отчетовъ... Тоже скандалъ! Я вѣдь опекунъ...

Въ столовой, наконецъ, послышался громкій смѣхъ. Это смѣялись Вѣра и Дмитрій Андреевичъ, вспомнивъ, что Лопатины все еще ждутъ ихъ въ залѣ. Они быстро пошли,

почти побѣжали объявлять о результатѣ своей долгой бесѣды,—оба раскраснѣвшіеся, оба счастливые, оба чувствовавшіе потребность пошкольничать...

— Такъ вотъ вы о чемъ объяснялись!—воскликнула хозяйка.—Ай-да, Дмитрій Андреевичъ, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

— Да, въ мои годы людей или женятъ, или нужно, чтобы они... скоропостижно женились,—пошутилъ Дмитрій Андреевичъ. — А то, мы, старые холостяки, всегда, если начнемъ думать, такъ, какъ гоголевскій женихъ, въ окно выскочимъ.

— Зачѣмъ вы говорите, что вы старый холостякъ?—сказала Лопатина.

— Да, да, теперь ужъ не старый холостякъ, а молодой женихъ,—весело отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, полно вамъ пустяки городить! Пойдемте, поговоримъ о дѣлѣ!—озабоченно сказалъ Лопатинъ.

— Ахъ, мнѣ теперь не до дѣлъ! Ничего я въ нихъ не пойму,—отвѣтилъ Орловъ.

— А все же пойдемте! Иначе и поздравлять не буду!—настаивалъ хозяинъ.

Орловъ ушелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Дмитрій Андреевичъ,—дѣловымъ тономъ началъ хозяинъ:—я очень радъ за Вѣру. Вы такой завидный женихъ. Вѣдь она мнѣ родная племянница. Отца я ей замѣняю, сиротѣ...

Лопатинъ жирнымъ пальцемъ отеръ сухой глазъ.

— Но прежде, чѣмъ объявить васъ женихомъ,—продолжалъ онъ:—я долженъ вамъ разъяснить ея положеніе. Вы видите, что Вѣра живетъ у насъ, ни въ чемъ не нуждается; но знаете ли вы ея средства?

— О деньгахъ хотите говорить?—перебилъ его Орловъ.—Я не покупаю, не сдѣлку дѣлаю...

— Постойте, постойте! Я ея опекунъ и потому долженъ буду отдать вамъ отчетъ.

Дмитрій Андреевичъ махнулъ рукой.

— Ну васъ, съ отчетомъ!

— Экій сумасшедшій! Поймите, что это мой долгъ. У Вѣрочки ничего нѣтъ!

— И не надо ничего!

— Ея отецъ, мой покойный братъ, былъ артиллерійскій генералъ. Люди въ его положеніи наживали сотни тысячъ...

— А онъ былъ старый сумасбродъ и ничего не нажилъ!

— Да.

— Ну, и отлично!

— Да погодите! У него остались кое-какія крохи, очень, очень немного, но намъ стоило...

— Ея воспитаніе, да? И все ушло на это?.. Ну, и слава Богу!

— Тьфу ты пропасть! Ошалѣлъ совсѣмъ человѣкъ! Да отчетъ-то я долженъ же дать. Вѣдь я опекунъ!

— Голубчикъ, давайте вы кому хотите отчетъ, но не мучайте меня! Отступныхъ вамъ, что ли, надо? Приплатить я долженъ что-нибудь за воспитаніе ея? Ну, приплачу!

Лопатинъ только руками развелъ. Потомъ, вдругъ все сообразивъ, расхохотался жирнымъ смѣхомъ и бросился душить въ объятіяхъ Орлова.

— Ну, и точно, къ чорту отчеты, къ чорту! Чего я въ самомъ дѣлѣ присталъ!—говорилъ онъ, цѣлуя сальными губами Орлова. — Ступайте, цѣлуйтесь съ ней, сколько душѣ угодно!

Онъ смѣялся и потиралъ руки. Малая толика денегъ Вѣры пристала къ этимъ жирнымъ рукамъ и осталась въ нихъ навсегда. Онъ никакъ не думалъ, что Орловъ можетъ такъ «опростоволоситься». Тоже вѣдь сталъ бы толковать, поприжалъ бы, пришлось бы кое-что дать. Такъ нѣтъ, голову потерялъ отъ любви. Вотъ они, молодые-то, новые-то, нѣтъ-нѣтъ, да и попадутся на ту или другую удочку. То изъ любви сумасбродничаютъ, то великодушіе выказываютъ, то изъ-за брезгливости многое между рукъ пропустятъ. Ну, да какъ бы тамъ ни было, а все же слава Богу, что такъ все кончилось къ обоюдному удовольствію.

Орловъ никакъ не воображалъ, что онъ еще способенъ на разныя молодыя глупости, свойственныя всѣмъ влюбленнымъ. Онъ накупалъ разныхъ подарковъ невѣстѣ, возилъ ей ежедневно для чего-то конфеты, писалъ сумасбродныя письма о своемъ счастіи и князю, и Настѣ, и Благолѣпову, и Софьѣ Александровнѣ, заѣзжалъ къ Марѳѣ Ивановнѣ и Лешѣ, чтобы разсказать имъ о своемъ благополучіи, возилъ дорогіе вѣнки на могилу отца и матери и торопился свадьбой, точно боясь, что что-нибудь ей помѣшаетъ. По просьбамъ и настоянію Лопатиныхъ, свадьба должна была состояться въ день отъѣзда за границу, такъ чтобы черезъ два часа послѣ вѣнчанія вся семья могла отправиться въ путь. Отдѣлаться отъ сопутствія Лопатиныхъ было нельзя, и Орловъ вдругъ передумалъ вѣнчаться въ Петербургѣ. «И

какъ это я буду вѣнчаться на глазахъ у всѣхъ, точно на выставкѣ стоять буду? Не звать же никого неловко. Да, наконецъ, очень весело жениться и ѣхать съ этими сатирами. Нѣтъ, ужъ лучше подождать, лучше гдѣ-нибудь въ Берлинѣ, въ Висбаденѣ обвѣнчаться и удрать отъ милыхъ родныхъ». Онъ сообщилъ объ этомъ Вѣрѣ, и она вполнѣ согласилась съ нимъ, что такъ будетъ лучше. Женихъ и невѣста шопотомъ, смѣясь и дурачась, уговорились, что они «сбѣгутъ» отъ Лопатиныхъ на дорогѣ тотчасъ послѣ свадьбы и умчатся въ Италію вдвоемъ, не говоря никому ни слова о томъ, куда они ѣдутъ, гдѣ спрячутся на время отъ всѣхъ родныхъ, друзей и знакомыхъ.

Наконецъ, насталъ желанный день.

Орловъ уѣзжалъ изъ Россіи за границу. Съ нимъ ѣхало семейство его будущихъ родственниковъ: Вѣра, Лопатинъ, его жена, ихъ дочь Маша, ея мужъ. Они заняли цѣлое купэ въ вагонѣ перваго класса, смѣясь и безпечно болтая. Прошло нѣсколько минутъ, раздался послѣдній звонокъ, пронесся свистъ оберъ-кондуктора, запыхтѣлъ локомотивъ, заскрипѣли колеса, и поѣздъ двинулся впередъ... Вотъ съ правой стороны тянется Митрофаньевское кладбище, съ лѣвой виднѣется Дѣвичій монастырь тоже съ кладбищемъ, какая-то часовня показалась вдали, а тамъ потянулись тощія поля, однообразныя равнины съ жидкими кустами, съ болотистыми ямами и кочками, покрытыми мхомъ.

— Экая картина-то, глазу не на чѣмъ остановиться,— сказалъ Лопатинъ, видя, что Дмитрій Андреевичъ засмотрѣлся на окрестные виды.

— Да, и такъ вплоть до Вильны, — отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Да, тамъ уже природа лучше; чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ лучше,—проговорилъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ не отвѣчалъ. Его вдругъ охватили невеселыя думы. Въ головѣ мелькали какія-то отрывочныя воспоминанія. То вспоминались некрасовскія строки:

Лѣсъ ли начнется—сосна, да осина...
Не весела ты, родная картина!

То приходили на умъ слова Тютчева:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа.

А тамъ вспоминались мать, отецъ, сестра Аня, тетка

Дарья, Леша, Настя, разные много страдавшіе, много терпѣвшіе люди. Какъ немного спаслось изъ нихъ и сколько погибло!.. Да и тѣ, кто спасся, спаслись чисто случайно, какъ спаслась Настя. Вотъ встали передъ нимъ и другіе образы: княжна, Благолѣповъ, князь Александръ, онъ самъ со всею своей будничною дѣятельностью. Что они сдѣлали?.. Они всѣ, каждый по-своему, желали добра ближнимъ, народу, родинѣ. Они всѣ были полны добрыхъ намѣреній. Но что они сдѣлали? Вотъ княжна, не подготовленная своею средой ни къ чему полезному, вотъ Благолѣповъ, выбитый изъ обычной колеи случайностями. А князь Александръ?.. Полжизни—даже, можетъ-быть, больше, чѣмъ полъ-жизни—ушло у него на самоисправленіе, на саморазвитіе, на выработку самостоятельныхъ взглядовъ. Какіе же эти взгляды?— Все прошлое привело его къ тому заключенію, что прежде всего человѣку нужно исправить самого себя, дойти до послѣднихъ тонкостей въ анализѣ своихъ поступковъ. Къ этому его привело сознаніе, что его отецъ, всѣми прославляемый за честность и доброту, совершившій чуть не подвигъ, признавъ чужихъ дѣтей своими, едва не погубилъ его, Александра, именно тѣмъ, что мало всматривался въ свои отношенія къ сыну, успокоившись на томъ, что сынъ признанъ имъ, какъ-будто въ этомъ и заключалось все; къ этимъ же взглядамъ должно было привести отношеніе къ Настѣ его, Орлова, признаваемаго всѣми чуть не за генія по уму, чуть не за рыцаря по благородству стремленій, такъ какъ эти отношенія шли прямо въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что говорилъ Орловъ: онъ пылалъ любовью къ голи, къ бѣднякамъ, а между, тѣмъ на его глазахъ едва не погибла Настя, его двоюродная сестра, подруга дѣтства, и онъ пальца о палецъ не стукнулъ для ея спасенія, не изъ злобы, не изъ холодности, а по легкомыслію, по небрежному отношенію къ своимъ поступкамъ; наконецъ, именно эти взгляды должны были выработаться въ князѣ, когда онъ оглянулся на свою собственную жизнь. И вотъ князь Александръ проповѣдуетъ этотъ, и только этотъ, путь, говоря что ничего не измѣнится, покуда мы сами не измѣнимъ себя. Сообразно съ этими взглядами онъ считаетъ нужнымъ добиваться всего легальнымъ путемъ, стоя на стражѣ закона, стараясь пресѣчь злоупотребленія, воюя съ недобросовѣстными людьми, воспитывая людей. Онъ бьется, борется, но то, чего онъ добьется сегодня, то, можетъ-быть, завтра передѣлается иначе другими. Правда, онъ радуется, что около

него уже стоятъ два-три единомышленника, но противъ нихъ тучей поднимается саранча противниковъ. Къ какимъ результатамъ приведетъ этотъ путь? Когда онъ приведетъ къ благимъ результатамъ? Не сведется ли вся дѣятельность князя на простую филантропію? Отвѣта нѣтъ. «Нѣтъ, безъ свободы слова, безъ свободы личности ничего не подѣлаешь!»— мелькаетъ въ головѣ Орлова, и что-то точно сжимаетъ ему сердце. Всю жизнь, — да, всю жизнь, — повторялъ онъ эту фразу, повторялъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ справедливости этой мысли, повторялъ искренно, какъ свой символъ вѣры, а жизнь шла все дальше и дальше, шла въ работѣ для насущнаго хлѣба, для денегъ, для личныхъ потребностей, замыслы же о трудѣ на пользу общества, о широкой дѣятельности на благо родинѣ такъ и оставались замыслами.

— О чемъ размечтались?—спросилъ Лопатинъ, дотронувшись рукою до колѣна.

— Итоги подвожу,—коротко отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, батенька, рано начали! Порастрясите-ка мошну за границей, да тогда ужъ и сводите итоги!

— Ахъ, вы все о деньгахъ!

— А то о чемъ же? Какіе такіе еще итоги?

— Да вотъ подумалъ, что сдѣлано... Больше полжизни прожито, а что сдѣлано?

Лопатинъ смотрѣлъ на него, широко открывъ глаза и ровно ничего не понимая.

— Да вы же успѣли-таки кое-что скопить, сколотили деньги?

— Да, да, за верченье въ бѣличьемъ колесѣ нажилъ капиталъ... Да я не о себѣ! Я о томъ, что вотъ прошло столько лѣтъ съ начала реформъ, а поглядишь на эти полуразвалившіяся избы, на эти болота и тощія поля, и кажется, точно ничто не коснулось этого края...

— Это изъ вагона такъ кажется,—равнодушно замѣтилъ Лопатинъ.—Гдѣ же такъ-то, когда несешься сломя голову впередъ, все разсмотрѣть...

Орловъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ смотрѣть въ окно.

— Вы вѣдь изъ недовольныхъ тоже,—продолжалъ Лопатинъ.—Вамъ какія реформы ни дай, все мало. Крестьянъ освободили — сѣтуете, что мало земли дали. Земскія учрежденія завели, такъ вамъ подавай сразу мѣстные парламенты. Свободу печати дали, такъ зачѣмъ не позволяютъ

революцію на площадяхъ проповѣдывать? Суды новые устроили, — кажется, ужъ совсѣмъ хорошо, — такъ нѣтъ и тутъ сѣтуете, что правительство не нарожало для этихъ судовъ новыхъ царей Соломоновъ.

Орловъ слушалъ только наполовину.

— Я не стану спорить противъ того, что многое у насъ не такъ вышло, какъ думали, что многое затормозилось,— продолжалъ Лопатинъ, давно уже соскучившійся сидѣть молча и обрадовавшійся возможности поговорить. — Ну, да вѣдь, батенька, одинъ Богъ безъ грѣха. А люди вездѣ— люди, и ошибаться имъ свойственно. По-латыни даже могу сказать это: еррare гуманумъ есть. Да-съ, такъ-то! Тоже обернитесь на себя, — не мало, чай, глупостей натворили на своемъ вѣку. Ну, а вѣдь, и общество, и правительство изъ тѣхъ же людей, какъ вы, состоятъ. Одни сразу закусили на радостяхъ удила и рванулись очертя голову впередъ; другіе отъ страху сразу попятились назадъ, точно на краю пропасти себя увидали. Ну, сумбуръ и пошелъ. Одни кричатъ: «Валяй, валяй впередъ!» Другіе орутъ: «Стой, стой, назадъ!» Кто правъ, кто виноватъ—первые или вторые, теперь, пожалуй, и не разберешь даже, кто первый крикнулъ; вѣрно только, что и тѣ, и другіе испугались,—ну, и пошла сумятица, сиверка какая-то настала: не знаешь, откуда вѣтеръ дуетъ; не разберешь, снѣгъ или дождь идетъ, съ земли ли туманъ поднимается или на землю онъ падаетъ,—и всѣмъ жутко, всѣмъ кажется, что не туда другіе тянутъ, не туда ѣдутъ, куда слѣдуетъ.

Орловъ грустно усмѣхнулся.

— И потому никто ни съ мѣста,—проговорилъ онъ.

Лопатинъ опять дотронулся до его колѣна.

— Это вы, батюшка, потому такъ говорите, что сиверка и васъ съ толку сбила,—сказалъ онъ.—И всѣхъ она сбила съ толку. Въ сиверку, въ непогодь этакую всегда такъ: ѣдешь, ѣдешь, ничего кругомъ не видать, кругомъ все точно кружитъ, мокрый снѣгъ глаза слѣпитъ,—ну, и кажется, что кружишься на одномъ мѣстѣ. А вы вотъ обратите вниманіе на духъ-то общества, на духъ его, тогда и увидите, что сдѣлано-то много, что далеко мы уѣхали отъ прежней-то станціи.

Онъ вдругъ громко разсмѣялся своимъ жирнымъ, утробнымъ смѣхомъ.

— Да вотъ на меня взгляните,—сказалъ онъ.—Ну, какой чортъ дернулъ бы меня въ старые-то годы съ вами бесѣ-

довать объ этихъ матеріяхъ важныхъ? Какой толкъ видѣлъ я въ этихъ вопросахъ? А теперь, батенька, я тоже и земецъ, и гласный, и въ почетные мировые судьи норовлю, такъ эти общественные-то вопросы—своя шкура. Теперь всякій послѣдній лавочникъ въ политику, да въ критику носъ суетъ. «Финанцы, говоритъ, у насъ разстроены», «рубъ, говоритъ, нашъ совсѣмъ въ цѣнѣ упамши». Да-съ, каждая бестія теперь такъ и норовитъ въ министры финансовъ попасть. А положеніе народа? Вонъ вы, вѣдь, народолюбецъ,—ну, такъ вы мнѣ скажите, какія такія мѣры и крайности съ той или другой стороны заставятъ теперь забыть о народѣ, устранить его, такъ сказать, съ пути прогресса?

Онъ наклонился къ Орлову.

— Я вамъ вотъ что даже скажу,—проговорилъ онъ даже раздражительно, съ какимъ-то ожесточеніемъ:—надоѣлъ мнѣ вашъ народъ,—да, надоѣлъ! То его освобождаютъ, то люди въ народъ съ просвѣщеніемъ, да прокламаціями идутъ, то Некрасовъ вашъ тамъ донимаетъ меня плачемъ о народѣ, то какіе-то Рѣшетниковы, Успенскіе, Марки Вовчки и... какъ ихъ тамъ еще называютъ—за него распинаются, да грязныя онучи мнѣ подъ носъ подносятъ, то вы, ораторы судейскіе, въ своихъ рѣчахъ тычете въ глаза каждымъ его горемъ, то земскіе врачи изъ либераловъ толками о его недугахъ аппетитъ мнѣ портятъ... И бѣжалъ бы, бѣжалъ бы я отъ всего этого, да бѣжать-то ужъ некуда, потому что приперли насъ къ стѣнѣ и кричатъ: или по-міру ступай, или позаботься о народѣ. И забочусь, забочусь, потому что духъ времени требуетъ, чтобъ я заботился о народѣ, хоть мнѣ самому и клевать на него, на вашъ народъ-то! Вонъ голодъ былъ—въ комитетъ я записался, сборы между знакомыми дѣлалъ, хлѣбъ закупалъ, дочку отпустилъ въ спектаклѣ въ пользу голодающихъ горничную какую-то изображать. Прежде-то этого вашего народа я и знать не хотѣлъ, потому имѣлъ я дѣло со своими Филатками и Евгешками, которыхъ я на конюшнѣ дралъ, а теперь... теперь вонъ меня этотъ народъ-то вашъ недавно къ мировому тянулъ за то, что я какому-то сиволапому сгоряча въ зубы легонько потыкалъ... Да я въ глаза насмѣялся бы тому, кто въ былое время мнѣ сказалъ бы, что я буду на одной доскѣ съ своими холопами передъ закономъ стоять, да еще печатные реприманды читать за то, что я мало о народѣ забочусь... Вотъ что сдѣлано! А вы говорите, ничего не сдѣлано.

Лопатинъ еще долго въ желчномъ одушевленіи оратор-ствовалъ на эту тему, на что-то жалуясь, на что-то сер-дясь. Но Орловъ уже не слушалъ его. Онъ думалъ о томъ, когда и какъ кончится эта сиверка преступныхъ смутъ и недоразумѣній. Среди этихъ мыслей все яснѣе становилось сознаніе, что сколько бы не продлилась эта непогода, а все-таки «новаго духа» она дѣйствительно не убьетъ. Этотъ «новый духъ» создали обстоятельства, реформы и нововве-денія; его развили люди, стоявшіе умѣло или не умѣло, по мѣрѣ силъ и способностей, за народъ. Да, теперь сознаютъ всѣ, бранясь или радуясь, что народъ нужно поднять, что безъ его благосостоянія немыслимо никакое дальнѣйшее развитіе, что онъ—все. Правда, покуда намѣчена только главная цѣль для всѣхъ, болѣе или менѣе плодотворныхъ работъ и усилій, во взглядахъ же на средства для дости-женія этой цѣли замѣчаются еще рознь, несогласіе, вражда. Много силъ тратится даромъ, погибаетъ безплодно, прино-ситъ даже вредъ вмѣсто пользы только потому, что эти средства для достиженія цѣли далеко еще не опредѣлились. Но не можетъ же долго такъ продолжаться... На душѣ Орлова становилось какъ-то легче, какъ-то свѣтлѣе. Нако-нецъ, по его уже довольно полному лицу скользнула само-довольная буржуазная улыбка, онъ поднялъ голову, потя-нулся всласть, какъ потягивается сытый человѣкъ, и про-говорилъ:

— Да, вы правы, время сдѣлало свое дѣло, и будущ-ность наша.

Лопатинъ сердито махнулъ головой.

— Не ваша, а этого хамова отродья!—проворчалъ онъ.

НА ПУТИ КЪ ИЗВѢСТНОСТИ.

РАЗСКАЗЪ.

НА ПУТИ КЪ ИЗВѢСТНОСТИ.

I.

По широкой парадной лѣстницѣ, устланной мягкимъ ковромъ, поднимался очень молодой человѣкъ. На немъ было рваное пальто; изъ пальто виднѣлись клочья грязной, свернувшейся въ комки ваты. Широкія порыжѣвшія панталоны напоминали своимъ покроемъ портныхъ провинціи и толкучки; они оканчивались внизу бахромками и были слишкомъ коротки, точно они съежились отъ старости или просто ихъ обладатель переросъ ихъ во время ихъ долголѣтняго служенія. Изъ-подъ нихъ виднѣлись давно нечищенные, расползшіеся въ стороны сапоги; одинъ сапогъ уже успѣлъ лопнуть въ двухъ мѣстахъ и нескромно показывалъ клочки далеко нечистаго носка.

Молодой человѣкъ шелъ нетвердою, робкою походкою, какъ подходятъ очень незначительные, пришибленные судьбою людишки къ высокопоставленнымъ лицамъ. Онъ какъ-то съежился и казался ниже своего роста, когда его рука несмѣло прикоснулась къ бронзовой ручкѣ колокольчика у дверей бель-этажа.

Была минута, когда онъ боялся, что его примутъ за нищаго, за бродягу, за вора и вытолкнутъ вонъ, или пригрозятъ полиціей. Подобные случаи нерѣдко бывали въ жизни даже очень геніальныхъ людей, еще не успѣвшихъ сшить себѣ порядочнаго платья.

Лакей отперъ передъ юношею-оборванцемъ дверь и пропустилъ его въ просторную, свѣтлую переднюю, не сказавъ ни слова. Повидимому, лакей не впервые видѣлъ подобныхъ оборванцевъ въ этой передней.

Едва ли когда-нибудь у этого молодого человѣка было такое платье, какое было надѣто на этомъ лакеѣ и, вѣроятно, онъ счелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, если бы ему отвели такое помѣщеніе, какъ эта передняя.

Посѣтитель торопливо и неуклюже, какъ человѣкъ, сильно сконфузившійся за себя, снялъ свое пальто, чтобы не дать времени лакею разсмотрѣть эти лохмотья, и поспѣшно прошелъ въ открытую дверь пріемной.

Этотъ молодой человѣкъ былъ я, Александръ Николаевичъ Аристидовъ. Я шелъ не за милостыней, я шелъ не съ просьбою о тепломъ мѣстечкѣ, я шелъ не къ какому-нибудь начальнику или высокопоставленному лицу. Я просто несъ въ редакцію первую часть написаннаго мною романа и входилъ въ квартиру такого же писателя, какъ я, Ивана Ивановича Терешина. Этотъ человѣкъ когда-то такъ же, какъ я, ходилъ съ прорванными локтями. Теперь у него были десятки тысячъ, модные экипажи, кровные рысаки, богатая мебель, дорогіе ковры. Быть-можетъ, это были плоды его трудовъ, его ловкости, его изворотливости, его плутовства. Быть-можетъ, это были плоды безсонныхъ ночей, плоды тяжелыхъ усилій сотенъ и тысячъ такихъ же оборванцевъ, какъ я, продавшихъ ему «на корню» свои произведенія, которыя онъ пускалъ потомъ въ оборотъ. Я понималъ все это и, повидимому, могъ бы войти съ поднятой головой, съ яснымъ взглядомъ въ эту пріемную, куда я несъ продать на выгодныхъ для покупщика условіяхъ свой трудъ. Но все же я ежился и робѣлъ: богатство, какимъ бы путемъ оно ни было пріобрѣтено, постоянно принижаетъ, подавляетъ бѣдняка.

Въ пріемной, когда я вошелъ въ нее, за столомъ, заваленнымъ рукописями, бумагами, газетами и счетными книгами, сидѣлъ какой-то господинъ,—очень жирное, красное, угреватое созданіе, съ самодовольнымъ и въ то же время озабоченнымъ выраженіемъ лица: Такое выраженіе нерѣдко встрѣчается у секретарей, адъютантовъ, управителей, чиновниковъ по особымъ порученіямъ и тому подобныхъ господъ, заполучившихъ хорошія мѣстечки подъ крыломъ какой-нибудь «особы» и дѣлающихъ видъ, что у нихъ «дѣлъ по горло». Должно-быть, онъ пилъ хорошее вино, былъ любителемъ сыровъ и устрицъ, имѣлъ даръ сальничать съ легкими барынями и гнуться въ дугу передъ своимъ патрономъ.

Передъ нимъ стоялъ хилый и дряблый старичокъ съ облѣзлыми сѣдыми волосами и растерянным полупомѣшан-

нымъ взглядомъ. Старичокъ, весь красный, съ проступавшимъ потомъ на лбу, жалко улыбался, какъ улыбаются запуганныя дѣти передъ учителемъ, и поминутно засовывалъ дрожащую, костлявую и красную руку въ боковой карманъ своего лоснящагося отъ ветхости и частой чистки сюртука съ прорванными петлями. Онъ то вынималъ изъ кармана, то засовывалъ туда какія-то аккуратно сложенныя вчетверо бумаги и что-то усиленно и торопливо разжевывалъ,—должно-быть, свой послѣдній уже шатающійся зубъ.

— Вотъ еще-съ... Опера «Джальма или обращенный богоотступникъ» въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ въ аду и эпилогомъ на небесахъ... На музыку хочу положить, если найдется композиторъ,—боязливой и просительной скороговоркой пояснилъ старичокъ.

— Мы оперъ не принимаемъ,—отвѣчалъ угреватый господинъ, озабоченно роясь въ бумагахъ и не глядя на старика, переминавшагося съ ноги на ногу.

Такъ всегда дѣлаютъ приказные, когда хотятъ показать, что у нихъ по горло работы, и что они маленькой взятки не берутъ.

— Такъ-съ, такъ-съ!.. А она и цензурой пропущена, только вотъ четыре стиха зачеркнуто. Я ихъ здѣсь карандашикомъ отмѣтилъ съ обоихъ сторонъ... Для наборщиковъ, знаете.

— Я вамъ говорю, что мы оперъ не принимаемъ,— сухо повторилъ угреватый господинъ.

— Жаль, жаль!—вздохнулъ старичокъ.—Прекрасная вещь. Многія вліятельныя особы одобряли... Это въ дидактическомъ духѣ-съ... Жаль!.. А вотъ... кажется, я захватилъ съ собою... «Ода на побѣды Александра Невскаго или размышленіе о премудрости Творца, проявляемой положеніемъ Невы». Это здѣсь, кажется... со мною...

Старичокъ началъ торопливо рыться въ своемъ карманѣ, еще усиленнѣе разжевывая свой зубъ.

— Господинъ Швапвичъ-Родзевичъ, вы напрасно, кажется, безпокоитесь,—рѣзко произнесъ угреватый господинъ, выходя изъ терпѣнія.—Мы завалены стихами и...

— У меня и проза, и проза есть!.. Прихватилъ съ собою,— поторопился перебить его старичокъ.—«Разоблаченный матеріализмъ» или...

— И вообще ваши произведенія не подходятъ подъ направленіе нашего журнала,—продолжалъ угреватый господинъ.

Старичокъ въ недоумѣніи взглянулъ на него своими выцвѣтшими, слезящимися глазами.

— Въ чемъ-съ?.. Вы, пожалуйста, объясните. Я могу во всѣхъ направленіяхъ изобразить... это не трудно-съ!.. Теперь я легко пишу, руку набилъ, знаете,—пояснялъ старичокъ.

— Извините, меня ждутъ,—отрѣзалъ угреватый господинъ, нетерпѣливо пожимая плечами, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:—Что вамъ угодно?

Старичокъ тоскливо поникъ головой и остался ждать, кажется, рѣшившись въ эту свободную минуту покончить со своимъ зубомъ.

— Позвольте васъ спросить,—пробормоталъ я, конфузясь и путаясь:—не могу ли я видѣть редактора?

— Вамъ что?—оглядѣлъ меня съ ногъ до головы угреватый господинъ довольно нахальнымъ взглядомъ и снова принялся рыться въ бумагахъ.

Вопросъ былъ сдѣланъ такъ грубо, взглядъ, брошенный на меня, былъ такъ наглъ, что я невольно подумалъ: «Это, навѣрно, не геній, но ужъ во всякомъ случаѣ лицо, имѣющее немалый чинъ» Я подошелъ поближе къ столу, стараясь встать такъ, чтобы угреватый господинъ видѣлъ какъ можно менѣе мою одежду и совсѣмъ не видалъ носка моей лѣвой ноги, откуда совершенно некстати все болѣе и болѣе выглядывалъ большой палецъ.

— У меня рукопись,—промолвилъ я.

— Оставьте! Отвѣтъ черезъ двѣ недѣли,—коротко пробормоталъ угреватый господинъ, окончательно рѣшившійся перевернуть всѣ до одной бумаги.

— Нельзя ли поскорѣй... Рукопись не велика, а мнѣ...—началъ я.

Я чуть-чуть не сказалъ, что мнѣ «нечего жрать».

— У насъ правило-съ!—рѣзко перебилъ меня угреватый господинъ внушительнымъ тономъ.

— Мы не можемъ-съ дѣлать ни для кого исключеній!

Кровь бросилась мнѣ въ лицо отъ этого наглаго, канцелярскаго тона.

— А-а! у васъ, значитъ, насчетъ этого строго!—усмѣхнулся я.—Но мнѣ нужно бы поговорить съ редакторомъ.

— Редакторъ занятъ...

— Да вѣдь сегодня пріемный день?

— Придите за отвѣтомъ черезъ двѣ недѣли, тогда и переговорите.

— Да тогда мнѣ и переговариваться будетъ не о чемъ...

— Это не мое дѣло.

Я начиналъ сердиться.

— А позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?—спросилъ я довольно рѣзко.

— Я секретарь редакціи.

— А-а!—протянулъ я, подумавъ: «не велика птичка, да ноготокъ востеръ,—далеко пойдетъ», и добавилъ вслухъ:—Я такъ и думалъ, что говорю не съ писателемъ, а съ служащимъ въ редакторской канцеляріи...

Угреватый господинъ побагровѣлъ и вскочилъ.

— Вы намѣрены дерзости дѣлать!—почти крикнулъ онъ.—Идите вонъ!

Кровь бросилась мнѣ въ голову, и на минуту я забылъ, что я нищій.

— Что это вы въ газетную замѣтку попасть хотите, что ли?—усмѣхнулся я, глядя на него въ упоръ.

Онъ мгновенно утихъ и перемѣнилъ тонъ. Онъ, вѣроятно, только теперь замѣтилъ и мой ростъ, и мои широкія плечи, и мои бурсацкіе кулаки.

— Но согласитесь сами,—началъ онъ гораздо тише.

— Ну, до соглашенія-то съ вами я, вѣрно, никогда не дойду,—сухо перебилъ я.—А вы будьте повѣжливѣе, вѣдь, можетъ-быть, еще встрѣчаться придется. Неловко будетъ...

Я повернулся къ нему спиною и пошелъ изъ пріемной, слыша, какъ старичокъ, все время заботливо снимавшій съ сюртука едва замѣтныя пушинки, снова заговорилъ съ секретаремъ редакціи.

— Вы мнѣ объясните только, въ какомъ духѣ нужно вамъ, а я ужъ постараюсь,—слышались его слова, произносимыя вкрадчивымъ, молящимъ тономъ.

— Да когда вы насъ оставите въ покоѣ?—почти кричалъ секретарь редакціи.—Силу, что ли, съ вами употреблять.

Мнѣ стало жаль полупомѣшаннаго старика, и въ моей головѣ вдругъ промелькнула мысль: «а что если и я?..» Я не кончилъ фразы и торопливо сталъ натягивать на себя дырявое пальто. Рука же, какъ нарочно, попадала не въ рукавъ, а въ прорѣху между подкладкою и покрышкой пальто.

Возясь со своимъ несчастнымъ пальто, я случайно поднялъ глаза и увидалъ предъ собою отраженіе какой-то невообразимо-красной, покрытой потомъ физіономіи, какъ-то жалко и глупо улыбавшейся передо мною.

Я давно уже не любовался этою физіономіею за неимѣніемъ зеркала, но я тотчасъ же узналъ ее: это былъ мой большой открытый лобъ, мои добродушные, нѣсколько насмѣшливые голубые глаза, мои курчавые русые волосы,

шапкой лежавшіе на большой головѣ. Три года тому назадъ на это лицо засматривались всѣ барышни, всѣ купчихи провинціальнаго города, когда оно появлялось на клиросѣ собора. Теперь самъ обладатель этого лица поспѣшно отвернулся отъ зеркала, чтобы не видать своей такъ жалко, такъ запуганно выглядѣвшей физіономіи.

Негодованіе на грубый пріемъ, страхъ за участь своего произведенія, стыдъ за свои лохмотья, все это перемѣшивалось вмѣстѣ и придавало мнѣ такой комически-жалкій видъ, что, глядя на меня, могъ не улыбнуться развѣ только какой-нибудь «видѣвшій виды» петербургскій лакей, въ родѣ лакея Терешина. Этотъ лакей холодно равнодушно выжидалъ, когда я справляюсь со своимъ пальто и не спѣшилъ облегчить мой трудъ. Онъ снималъ пальто и шубы только «съ господъ», а я былъ не болѣе, какъ «начинающій писатель». Но я не могъ справиться со своимъ пальто, я торопливо выдернулъ руку изъ прорѣхи и, накинувъ пальто на плечи, быстро скрылся за дверью.

А что Терешинъ, вспоминаетъ ли онъ когда-нибудь, что и онъ перешелъ по этому пути?..

II

Я выбѣжалъ на улицу, точно за мной гнались въ погоню и хотѣли обыскать, не унесъ ли я чего-нибудь изъ этой роскошной квартиры.

«А вѣдь сробѣй я еще немного, и онъ обругалъ бы меня,— вертѣлось въ моей головѣ, при воспоминаніи о секретарѣ редакціи.—Онъ говоритъ, что у нихъ правило давать отвѣтъ черезъ двѣ недѣли. Но неужели у нихъ также принято за правило быть грубыми?.. Впрочемъ, это съ одной стороны и недурно... По виду я, пожалуй, принялъ бы и его за литературнаго дѣятеля и не подумалъ бы, что это одинъ изъ писцовъ издательской канцеляріи, одинъ изъ барскихъ холоповъ. Теперь хоть нѣтъ возможности ошибиться, съ кѣмъ имѣлъ несчастіе говорить. И чего я сробѣлъ сначала?.. Устыдился своего рубища, точно ребенокъ, не понимающій, что одежды смѣшно стыдиться... И вѣдь всему виною наша забитость, приниженность... Стоишь передъ раззолоченнымъ болваномъ и знаешь, что онъ болванъ, а все-таки краснѣешь за свои лохмотья... Еще хорошо, что онъ раззадорилъ меня своимъ наглымъ, писарскимъ тономъ, а то онъ такъ и остался бы въ полномъ убѣжденіи, что имѣлъ удовольствіе осадить своею наглостью глупенькаго простачка, не пони-

мающаго сути вещей... Вѣдь онъ навѣрное смотритъ на приносящихъ рукописи, какъ на просителей, и до конца жизни не спроситъ себя, какую роль играли многіе изъ этихъ людей въ созданіи богатства его патрона, въ созданіи того положенія, при которомъ и онъ можетъ занимать мѣсто за этимъ канцелярскимъ столомъ... А вѣдь, должно-быть, ему нерѣдко достаются головомойки отъ патрона... Люди, не слышавшіе распеканій, рѣдко распекаютъ другихъ. Нужно быть самому чьимъ-нибудь холопомъ, чтобы считать своими холопами другихъ... А дорожку себѣ все-таки пробьетъ, такіе далеко идутъ».

Я начиналъ успокаиваться и шелъ болѣе ровнымъ, болѣе мѣрнымъ шагомъ. Я приходилъ постоянно въ веселое расположеніе духа, когда мнѣ удавалось уловить комическую сторону той или другой человѣческой личности, того или другого жизненнаго явленія. Я улыбался теперь даже при воспоминаніи о томъ, какъ я возился со своимъ пальто въ передней, краснѣя передъ лакеемъ.

«И вѣдь стоило только погрубѣе сказать: возьми-ка пальто, да подержи, я его надѣну,—и проходимецъ превратился бы въ барина въ лакейскихъ глазахъ»,—думалось мнѣ.

И передо мною ярко нарисовалась смѣшная картина, какъ угрюмо сталъ бы мнѣ подавать мое рваное пальто этотъ нарядный лакей.

«Лоску нѣтъ, нахальства нѣтъ!—разсуждалъ я.—А безъ этого далеко не уйдешь... Въ свѣтѣ нужно кричать или выслушивать крики другихъ, грозить кулаками или подставлять свою спину подъ чужіе кулаки... Однако, что же я буду жрать въ теченіе этихъ двухъ недѣль?»—вдругъ промелькнуло въ моей головѣ (я чуть-чуть не написалъ: «въ моемъ желудкѣ», такъ какъ собственно голова старалась думать обо всемъ, но только не объ ѣдѣ, и послѣдней мыслью она была обязана единственно желудку, напомнившему ей о своемъ печальномъ существованіи).

Онъ былъ очень голоденъ...

Двѣ недѣли до славы — это очень недолго; двѣ недѣли безъ хлѣба—это цѣлая вѣчность. Можетъ-быть, черезъ двѣ недѣли плату за мой романъ можно будетъ употребить только на памятникъ умершаго съ голода автора этого романа.

А вѣдь это будетъ очень злая продѣлка со стороны судьбы, если я дѣйствительно умру въ эти двѣ недѣли, когда значительная часть романа кончена, переписана, сдана въ редакцію. Шутка будетъ тѣмъ злѣе, что прожилъ же я эти

три года, когда обдумывался и писался романъ, когда плодъ моихъ думъ и трудовъ былъ еще такъ незрѣлъ, когда еще нельзя было опредѣлить дня жатвы...

А вопросъ: отчего бы судьбѣ и не подшутить въ послѣдній разъ надо мною? Вѣдь шутила же прежде!

III.

Когда я начинаю думать о моемъ прошломъ, то оно мнѣ представляется сплошною шуткой судьбы, точно она понимала, что я очень люблю шутки, и тѣшила своего баловня.

Мой отецъ былъ дьякономъ при церкви села «Холодные Ключи» и долженъ бы былъ по своему званію подавать примѣръ терпѣнія, смиренія, воздержанія и любви, а между тѣмъ, онъ проклиналъ судьбу за свое вдовство, дрался съ ближними, пилъ безъ просыпу и любилъ одно вино. Я самъ росъ сорванцомъ, головорѣзомъ, буяномъ, а между тѣмъ меня отдали въ старую дореформенную бурсу, чтобы приготовить изъ меня духовнаго пастыря. Меня сѣкли, сѣкли, сѣкли и именно въ то время, когда изъ меня подъ розгами начали исчезать послѣдніе остатки буйныхъ наклонностей, когда я сталъ дѣлаться «смиренъ сердцемъ и кротокъ духомъ», когда я научился трепетать и ежиться предъ каждымъ, кто считалъ себя выше меня, меня исключили за неуспѣхи въ латинскомъ языкѣ и, главнымъ образомъ, за излишнее пристрастіе къ свѣтскимъ книгамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ семинарскою наукою, да за одну безыменную газетную статейку, имѣвшую уже слишкомъ много общаго съ семинарскою жизнью.

Легко сказать: исключили. Но каково было мнѣ, семнадцатилѣтнему юношѣ, когда я очутился на улицѣ и вполнѣ понялъ, что на всемъ земномъ шарѣ, за исключеніемъ одной бѣдной старухи, приходившейся мнѣ теткой, нѣтъ ни одной души, которая почему бы то ни было могла подумать о судьбѣ Александра Николаевича Аристидова. И вѣдь, какъ нарочно, въ это время въ моей головѣ уже сидѣло столько географическихъ свѣдѣній, что я могъ сообразить всю необъятность земли, всю массу обитающихъ на ней людей и весь ужасъ положенія человѣка, который никому не нуженъ, который является не болѣе, какъ червякомъ, букашкой, тлею на громадномъ пространствѣ земного шара.

Но прежде всего мнѣ хотѣлось «жрать».

Я прежде никогда не думалъ объ этомъ вопросѣ и, вѣроятно, еще долго пребывалъ бы въ полнѣйшемъ невѣдѣ-

ніи на этотъ счетъ, если бы не было на свѣтѣ латинскаго языка, непризнанныхъ семинаріею свѣтскихъ книгъ и обличительной статейки, авторомъ которой признали меня. Безъ этихъ губителей я, вѣроятно, сдѣлался бы духовнымъ пастыремъ овецъ и пасъ бы, по мѣрѣ возможности, свое стадо. Латинскій языкъ, объявленный главною причиною моего исключенія, долженъ былъ познакомить меня съ чистѣйшею классическою поэзіей и безукоризненно возвышенными идеями, а между тѣмъ дѣло вышло иначе, и, по милости этого языка, я познакомился съ чистѣйшею прозою и очень невозвышенными идеями. Мнѣ пришлось гранить мостовую, жить въ грязи, думать только объ ѣдѣ и придти къ тому заключенію, что человѣкъ во всякомъ случаѣ долженъ самъ отыскивать себѣ хлѣбъ. Попробуйте поискать его съ волчьимъ билетомъ, зная очень хорошо богословіе, философію, творенія св. отцовъ, но совсѣмъ не зная твореній новѣйшихъ ученыхъ.

Въ батраки не берутъ, потому что не мужикъ и крестьянскаго дѣла не знаешь.

Въ сидѣльцы не принимаютъ, потому что къ торговлѣ нужно «съ измальства» понавыкнуть, да и своихъ «дармоѣдовъ и лоботрясовъ» не знаютъ куда дѣвать.

Въ лакеи не возьмутъ, потому что все же изъ духовныхъ и образованный, да и всѣ «бурсаки пьяницы».

Въ ремесленники нельзя идти, потому что никакому ремеслу не учили.

Въ писцы куда-нибудь можно было поступить, чтобы прослужить мѣсяцевъ пять на испытаніи, а потомъ спиться съ круга на пятирублевомъ жалованьи.

Въ служители на желѣзную дорогу было бы, пожалуй, можно попасть, если бы въ нашемъ городѣ была въ тѣ годы желѣзная дорога и если бы былъ кто-нибудь, кто бы оказалъ протекцію и далъ рекомендательное письмо къ ея властямъ.

Приходилось стать «вольнымъ художникомъ», — то-есть идти на большую дорогу или сдѣлаться наставникомъ людей,—идти въ учителя или въ писатели.

Мои воззрѣнія подъ вліяніемъ окружающей среды сложились именно такимъ образомъ, что я не могъ безъ ужаса думать о себѣ въ роли вора или разбойника, но въ то же время я, не безъ радостнаго волненія, думалъ о томъ, что мнѣ удастся сдѣлаться учителемъ или писателемъ, однимъ словомъ, наставлять людей въ томъ, чего я самъ не знаю, и такимъ образомъ, быть убійцей ихъ умовъ.

Очевидно, судьба шутила со мной...

IV.

Сначала я сдѣлался наставникомъ дѣтей, то-есть учителемъ. Это легче, чѣмъ сдѣлаться наставникомъ взрослыхъ, то-есть писателемъ, такъ какъ тутъ не нужно тратить времени на подготовку, на процессъ писанія статьи.

Правда, я писалъ съ большими ошибками, очень превратно зналъ исторію, почти совсѣмъ не понималъ литературы. Но родители моихъ учениковъ знали еще меньше, такъ какъ исторія, грамматика и литература не входила въ число «входящихъ» и «исходящихъ» бумагъ ихъ департаментовъ, въ число «приходныхъ» и «расходныхъ» книгъ ихъ лавочекъ. Родительницы же малютокъ подъ исторіей подразумѣвали исторіи съ кухарками, при словѣ грамматика только повторяли со смѣхомъ оставшуюся для меня тайною остроту, что это «два солдатика, а третій барабанщикъ», при словѣ же литература замѣчали съ гримасой: «ахъ, эти писатели такіе критиканы!» Вслѣдствіе этого они считали меня очень ученымъ человѣкомъ; когда же я съ голода согласился взять невообразимо малую плату за уроки, тогда они признали меня не только ученымъ человѣкомъ, но и рѣдкимъ педагогомъ. Самая лучшая рекомендація работника въ глазахъ нанимателя—это дешевыя условія.

Мои ученики были удивительныя дѣти, обѣщавшія очень много въ будущемъ. Когда я объяснялъ имъ склоненіе, они сидѣли, тупо тараща на меня глаза; когда я съ жаромъ разсказывалъ имъ исторію Спарты, они сидѣли, еще болѣе тараща на меня глаза; когда я имъ разсказывалъ, какъ Моисей превращалъ палки въ змѣй, они уже совсѣмъ превращались въ окаменѣвшія статуи. Собираясь отвѣчать урокъ, они прежде всего засовывали указательный палецъ въ ротъ и поднимали глаза къ потолку, надѣясь, что свыше имъ подскажутъ первое слово урока; обыкновенно оно подсказывалось не свыше, а снизу кѣмъ-нибудь изъ ихъ братьевъ и сестеръ, и затѣмъ урокъ лился, какъ вино изъ опрокинутой бутылки, если только я не прерывалъ ихъ на полусловѣ. За перерывомъ слѣдовало снова положеніе пальца въ ротъ и отыскиваніе перваго слова въ потолкѣ.

— Что это вы не пріучитесь своими словами говорить?— спрашивалъ я.

— Какими своими словами? — спрашивали геніальныя дѣти и послѣ долгихъ объясненій съ моей стороны, нако-

нецъ, вполнѣ усвanивали мое желаніе и... начинали попрежнему рапортовать урокъ въ зубрежку.

По окончаніи классовъ они проникались любовью ко мнѣ, вѣшались мнѣ на руки, кувыркались передо мной и наперерывъ спѣшили мнѣ повѣрять свои невинныя дѣтскія радости и надежды.

— Мамася сегодня за косу насу Акульку оттаскала и подбила ей глазъ!—въ восторгѣ разсказывалъ одинъ.

— Папаса пустяковское дѣло концилъ, и намъ сегодня култочки заказали,—съ оживленіемъ передавалъ другой.—Папаса говолитъ, что если бы падлецъ Пустяковъ заалтачился и денегъ не далъ, то ему и по глобъ не забыть бы того, какъ его объеголили бы...

Несмотря на то, что это были необыкновенныя дѣти, что они подавали блестящія надежды, что я могъ бы прославиться впослѣдствіи, какъ первый наставникъ этихъ геніевъ, — они мнѣ не нравились. Я чувствовалъ, что изъ этихъ дѣтей я ничего не сдѣлаю, что они такъ и останутся такими геніями, какими создала ихъ окружающая среда...

Эти ученики были не по мнѣ...

Наконецъ судьба послала мнѣ еще одного ученика. Это былъ девятилѣтній мальчикъ, съ большими черными, какъ бы бархатными глазами, задумчиво смотрѣвшими изъ-подъ рѣсницъ. Тонкій носикъ, мягкіе длинные волосы, бѣлизна и нѣжность кожи, прекрасно очерченный ротъ, ровные, ослѣпительно бѣлые зубы, меланхолическое выраженіе глазъ и ласковая улыбка, все это сразу привлекало къ ребенку. Я залюбовался имъ, какъ картиной. Я былъ въ восторгѣ, когда онъ слушалъ меня, впиваясь въ меня искрившимися въ эти минуты глазенками, когда онъ, по окончаніи урока, спрашивалъ съ удивленіемъ, почти съ сожалѣніемъ:

— Развѣ вы уже уходите?

«Вотъ этотъ ученикъ по мнѣ,—говорилъ я съ радостью, возвращаясь съ перваго урока.—Такого ребенка весело учить».

На второй урокъ я шелъ уже, какъ на праздникъ, какъ на свиданіе съ другомъ. Я даже не замѣчалъ, что накрапывалъ дождь, что въ воздухѣ сверкаетъ молнія, и слышится громъ. Я вошелъ въ комнату моего новаго ученика, онъ стоялъ у окна и бросился ко мнѣ навстрѣчу.

— А я все любовался тучами,—сказалъ онъ.

— Отчего это бываетъ молнія, Александръ Николаевичъ?

— Это электричество накопляется,—отвѣтилъ я, почему-то смутившись.

— Э-ле-ктри-чество,—протяжно повторилъ онъ.—А что такое электричество?

— Это... это... сила, — отвѣтилъ я, окончательно растерявшись.

— Сила!—протянулъ онъ.—Сила—электричество,—какъ бы про себя разсуждалъ онъ въ недоумѣніи.

— Нѣтъ, Миша, началъ я въ смущеніи, не всякая сила электричество, но само оно есть сила...

Онъ посмотрѣлъ на меня своими большими выразительными глазами. Я былъ красенъ, какъ ракъ.

— Вы, вѣрно, не знаете этого, Александръ Николаевичъ?—ласковымъ и мягкимъ тономъ спросилъ онъ, какъ бы жалѣя меня.

— Нѣтъ, Миша, не то...—забормоталъ я.—Я-то знаю... Но видите ли... видите ли... вы не поймете этого.

Я лгалъ и чувствовалъ, что Миша, мой милый Миша понималъ, что я лгу. Я былъ готовъ расплакаться, провалиться сквозь землю, убѣжать, когда онъ молча взглянулъ на меня, вздохнулъ и пошелъ къ столу, за которымъ мы занимались. Но объяснить ему понятнымъ для него образомъ заинтересовавшее его явленіе я не могъ, потому что объяснить ребенку можно только то, что самъ знаешь очень и очень хорошо. Я же не зналъ ничего...

«Такъ что же: это не тебѣ ученикъ? А? какъ ты думаешь, милѣйшій Александръ Николаевичъ? — спрашивалъ я себя, возвращаясь домой.—Ужъ гдѣ тебѣ, выгнанному семинаристу, учить подобныхъ дѣтей! Радовался бы, что есть еще на свѣтѣ непочатый уголъ дѣтей, «подающихъ большія надежды», въ родѣ твоихъ остальныхъ учениковъ. Вѣдь этотъ Миша-то не только неучемъ, но и лгуномъ тебя считаетъ».

Я чувствовалъ, что судьба снова смѣется надо мной: я могъ учить только тѣхъ дѣтей, которыя дальше зубренья не шли.

Но эти дѣти были мнѣ гадки. Я обрадовался возможности учить ребенка, интересовавшагося всѣмъ, что происходитъ вокругъ него. Оказывалось, что я не могъ отвѣчать на его вопросы. Съ одними я не могъ быть товарищемъ по излишней ширинѣ своихъ стремленій; съ другимъ я не могъ быть товарищемъ по ограниченности своихъ знаній.

— Учиться! учиться!—говорилъ я себѣ.—Куплю книгъ, засяду дома...

Тьфу! Это чортъ знаетъ, что такое! Проклятый голодъ не далъ даже обдумать засѣвшаго въ головѣ плана: пришлось

бѣжать на урокъ, выпросить впередъ два рубля серебромъ и купить чаю, сахару и колбасы. Покупку книгъ нужно было отложить до той поры, когда будетъ заплачено за квартиру, когда будутъ куплены сапоги и калоши, когда будетъ пріобрѣтено осеннее пальто... Сдѣлавъ все это, можно будетъ купить книги и засѣсть дома, если только что-нибудь останется изъ слѣдующихъ заработковъ, послѣ отдачи за квартиру и за столъ.

Какая скверная это штука, что у человѣка два желудка: одинъ въ головѣ, другой въ брюхѣ. Въ этомъ отношеніи звѣри гораздо счастливѣе и думаютъ только объ одномъ желудкѣ, находящемся въ брюхѣ. Человѣку же приходится насыщать оба: чтобы быть сытымъ, нужно запастись знаніемъ; чтобы запастись знаніемъ, нужно быть сытымъ.

Порою мнѣ кажется, что судьба шутитъ не со мною однимъ, а со всѣмъ человѣчествомъ...

V.

Я купилъ сапоги, купилъ калоши, купилъ пальто, а на книги денегъ все еще не было. Миша же съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе осаждалъ меня вопросами изъ жизни, изъ химіи, изъ ботаники. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что я ничего не знаю. Мнѣ было тяжело сознавать, что, наконецъ, онъ потеряетъ ко мнѣ всякое уваженіе, перестанетъ любить меня и станетъ, можетъ-быть, тупо и безучастно слушать, что я ему говорю о склоненіяхъ, спряженіяхъ и тому подобной сухой части первоначальныхъ знаній. Я рѣшился отказаться давать уроки единственному ученику, котораго я любилъ. Я не имѣлъ силы сказать объ этомъ лично родителямъ Миши и написалъ имъ письмо. Я думалъ, что этимъ все и кончится, но я ошибся. Ко мнѣ пришелъ отецъ Миши. Это былъ уже немолодой человѣкъ, живущій не по своей охотѣ, а по необходимости, въ нашемъ захолустьѣ.

— Что это вы, Александръ Николаевичъ, съ нами дѣлаете? — довольно ласково проговорилъ онъ. — Вы вѣрно чѣмъ-нибудь недовольны?

— Нѣтъ-съ, я очень, очень доволенъ вами, — началъ я въ смущеніи.

— Ну, ужъ вѣрно недовольны, если отказываетесь, — перебилъ меня отецъ Миши.—Если вамъ мала плата за уроки, я готовъ ее увеличить, хотя мнѣ это будетъ трудно...

— Зачѣмъ же. Плата достаточная-съ, — заговорилъ я.— Но я не могу-съ учить у васъ, у меня времени нѣтъ...

У меня языкъ не поворачивался сказать правду, и я лгалъ.

Отецъ Миши нахмурилъ брови.

— Эхъ, Александръ Николаевичъ, нехорошо вы поступаете, — сказалъ онъ, и въ тонѣ его упрека послышалось что-то задушевное.—Надо было сначала обдумать, будетъ ли у васъ время или не будетъ для занятій съ Мишей. Вы знаете, онъ у меня единственное сокровище. Приглашая васъ въ учителя, я надѣялся, что вы подготовите его въ гимназію, что потомъ вы будете помогать ему въ приготовленіи уроковъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ росъ подъ молодымъ, свѣжимъ вліяніемъ *одного* человѣка.

Я совсѣмъ растерялся. Этотъ человѣкъ высказалъ взгляды, которые еще такъ недавно лелѣялъ и я самъ.

— Вѣдь учителя не сапоги, не тряпки, которые можно мѣнять и бросать по прихоти,—продолжалъ онъ.—Если бы вы были отцомъ, то вы вѣрно серьезнѣе взглянули бы на дѣло и поняли бы, какое зло заключается въ смѣнѣ учителей. Ужъ я не говорю о томъ, что Мишѣ трудно будетъ подлаживаться подъ характеръ, подъ методу новаго учителя, привыкнувъ къ вашему характеру и къ вашей методѣ,—это еще пустяки! Сдѣлаетъ усиліе—привыкнетъ! Но какъ я объясню ему, почему вы отказываетесь отъ уроковъ? Потому что плата мала—это наброситъ тѣнь въ его взглядѣ на учителей; потому что вы недовольны нами — это заронитъ въ него сомнѣніе въ отношеніи къ намъ; потому что вы недовольны имъ—это заставитъ его упасть духомъ.

Его слова раздавались, какъ полновѣсные удары, сыпавшіеся на меня.

— Скажите... скажите, что я уѣзжаю,—пробормоталъ я, и мои глаза забѣгали въ стороны.

— А черезъ недѣлю онъ встрѣтитъ васъ на улицѣ, онъ узнаетъ, что вы учите дѣтей нашего сосѣда?—горько усмѣхнулся отецъ Миши.—Послушайте,—задушевно произнесъ онъ, взявъ меня за руку:—скажите откровенно, почему вы отказываетесь. Мнѣ не хочется думать, что вы рѣшаетесь на это по простому капризу, по вѣтренности...

Я опустилъ глаза, я горѣлъ, какъ въ огнѣ; мнѣ было совѣстно сознаться въ честномъ поступкѣ и въ то же время мнѣ было тяжело, что меня будетъ подозрѣвать въ глупости или безчестности этотъ человѣкъ. Я колебался.

— Видите ли что,—почти шопотомъ началъ я, краснѣя до ушей.—Вашъ сынъ удивительно умное, удивительно любо-

знательное дитя... Ему нуженъ учитель, который бы зналъ очень много... Я... я... мое образованіе слишкомъ ограничено.

Я чуть не расплакался, сдѣлавъ это признаніе. Я былъ еще очень молодъ. Отецъ Миши молчаливо слушалъ меня. Когда я кончилъ, онъ прошелся по моей комнатѣ, что-то обдумывая.

— Это ничего, что вы мало знаете, — остановился онъ, наконецъ, передо мною. — Продолжайте его учить. Лучше малознающій честный человѣкъ, чѣмъ глубокоученый подлецъ.

— Нѣтъ, я не могу,—горячо заговорилъ я.—Я не могу, потому что это пытка для меня. Вы поймите, что я каждый разъ горю со стыда, когда я не могу отвѣтить ему. Мнѣ тяжело, что онъ постепенно теряетъ довѣріе ко мнѣ. Я очень полюбилъ вашего сына...

Отецъ Миши опять походилъ по комнатѣ въ безмолвномъ раздумьѣ.

— Ну, прощайте,—со вздохомъ промолвилъ онъ.—Если вы когда-нибудь встрѣтите Мишу, скажите, что у васъ нѣтъ времени давать уроки, что вы только по необходимости оканчиваете подготовку дѣтей къ гимназіи въ домѣ нашего сосѣда.

Добрый человѣкъ протянулъ мнѣ руку.

— Вы, вѣрно, зайдете къ намъ? Не забудете насъ? Я хотѣлъ бы, чтобы Миша и вы остались попрежнему друзьями

Онъ говорилъ тепло, онъ относился и ко мнѣ, какъ къ сыну. Я горячо сжалъ его руку, поблагодарилъ его за приглашеніе, за радушіе.

VI.

«Кто поступаетъ честно, тотъ спокоснъ»,—сказалъ какой-то мудрствовавшій дуракъ, не знавшій ни жизни, ни человѣческаго сердца, а главное, никогда не голодавшій.

Я впервые сознавалъ ясно, что я поступилъ вполнѣ честно, а между тѣмъ никогда я не былъ въ такомъ тревожномъ состояніи, какъ теперь. Чтобы остаться честнымъ, мнѣ пришлось вырвать изъ своего сердца единственное утѣшеніе, пришлось отказаться отъ воспитанія единственнаго дорогого и милаго мнѣ маленькаго созданія.

На слѣдующій день у моего квартирнаго хозяина, портного «Трифонова изъ Парижа», была пирушка. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ.

— Не побрезгайте нашей компаніей, выпейте, батюшка

Александра Николаевичъ,—чопорно предлагала мнѣ супруга Трифонова рюмку подлѣйшей мадеры.

Отказаться было нельзя.

— А махните-ка лучше съ нами, Александра Николаевичъ, нашего роднаго «ерофеича», — съ большею развязностью, чѣмъ жена, предложилъ Трифоновъ.

Отказаться было трудно.

— Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ
Сизый селезень плыветъ...
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты,
Сизый селезень плыветъ.
Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому
Добрый молодецъ идетъ.
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты,
Добрый молодецъ идетъ...

заливалось въ углу чье-то широко разстегнутое горло и гудѣла гармоника.

— Да что ты, Александра Николаевичъ, мракъ-то на себя нонѣ напустилъ?—уже совсѣмъ развязно говорилъ мнѣ Трифоновъ, переходя на «ты». — Ты вотъ все съ книгами возишься. А книга что? Отъ нея люди съ ума сходятъ. Зачитается это человѣкъ, зачитается, да и спятитъ съ ума-то, значитъ... Да, нѣтъ, ты прежде выпей. Это облегчаетъ, форсу придаетъ!

Отказаться было совсѣмъ невозможно.

— Онъ со русыми, онъ со кудрями
Разговариваетъ.
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты.
Разговариваетъ.
Кому мои кудри, кому мои русы
Достанутся расчесать?
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты,
Достанутся расчесать...

заливался пѣвецъ въ углу, неистово передергивая гармоникой и притопывая ногами.

— Ну, тоже самое и эти уроки, — продолжалъ Трифоновъ: — къ чему они ведутъ-то? Ни самъ ты съ нихъ не разжирѣешь, ни путнаго ничего не сдѣлаешь. Только этихъ приказныхъ крысъ, стрекулятниковъ расплодишь... И что это за народъ, братецъ ты мой, плодющій! Никакимъ зельемъ ты его не вытравишь...

— Извѣстно, крапивное сѣмя!—глубокомысленно вставилъ кто-то.

— Это ты правду! — согласился портной Трифоновъ.— Точно, что крапивное сѣмя! Да ты, Александра, пей! Что ты на штофъ-то смотришь? Ты думаешь, у насъ другого штофа нѣтъ? Отъ вина не отказывайся!

Я даже вовсе и не думалъ отказываться.

— Достался кудри, достался русы
Старой бабѣ расчесать.
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты,
Старой бабѣ расчесать.
Какъ она ни чешетъ, какъ она ни гладитъ,
Только волосы деретъ.
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты,
Только волосы деретъ...

продолжала изо всѣхъ силъ надсаживаться гармоника, заглушая всѣхъ и все своимъ воемъ и визгомъ.

— Ну тебя къ лѣшему съ кудрями твоими, — крикнулъ Трифоновъ. — Ишь у самого на головѣ плѣшина мѣсяцемъ свѣтится, а онъ о кудряхъ поетъ. Видно кудри-то твои старая баба расчесывала... Играй трепака! Плясать будемъ... Ты-то, братъ Сашка, пляшешь?

— Не умѣю,—отвѣтилъ я, дѣлая глупѣйшую улыбку.

— Ну плевать, и одни попляшемъ. А ты пей!..

Въ комнатѣ начался плясъ, топотъ, подъ ногами пляшущихъ то и дѣло щелкала скорлупа отъ орѣховъ.

— Лихо!—закончилъ Трифоновъ.—Теперь вышить можно! А ты умѣешь пѣть, Сашутка?

— Умѣю, — безсознательно проговорилъ я.

— Ну, спой что-нибудь!

— Спѣ-ѣть,—промычалъ я, глупо усмѣхаясь.

— Да, чего ломаешься? Пой, коли велятъ, просфора желѣзная!

Я, совсѣмъ съежившись, сидѣлъ на стулѣ. Я не раздѣлялъ веселья портного, и въ моей головѣ гвоздемъ засѣла мысль о томъ, что портной очень дурно обращается со мной, что онъ мною командуетъ.

— Ахъ, ты шутъ гороховой, чего осовѣлъ! — кричалъ портной.—Пей!

— Нѣтъ, ты... меня не смѣй... шутомъ называть. Я не шутъ,—началъ я заплетающимся языкомъ съ горькой обидой въ сердцѣ.

— А то кто же ты такой есть?—захохоталъ портной.—Какой такой націи? Шутъ ты, такъ шутъ и есть? Ишь какъ раскисъ!

— Нѣтъ, ты не смѣй... Это мнѣ больно... обидно...—бормоталъ я.

— Ну, и плевать!

— Нѣтъ, я не позволю... обидно!

— Такъ тебя и спросятъ о позволеніи!

— Нѣтъ... ты пойми, что мнѣ больно... очень больно...

Я горько заплакалъ, свѣсивъ, какъ тряпку, свою львиную голову. Волоса свалились мнѣ на лицо.

— Баба ты! Вотъ ты что!

— Обидѣлъ ты меня, очень обидѣлъ!—бормоталъ я, всхлипывая.

— Плевать я хотѣлъ на твою обиду! Вотъ что!

Я плакалъ еще болѣе горько...

Потомъ я съ кѣмъ-то обнимался, кто-то цѣловалъ меня, потомъ меня свалили спать на какую-то кровать...

VII.

Говорятъ, «что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ»,—думалъ я на другой день. Неужели же въ самомъ дѣлѣ въ моемъ характерѣ столько тряпичности, плаксивости, бабьяго безсилія? Неужели бурса, нищета и безпріютность успѣли уже убить во мнѣ весь буйный задоръ, все дикое своеволіе моего дѣтства, моего бурсачества? О, мое дѣтство, мое свободное, гдѣ твоя отвага, твоя непокорность, твоя удаль! Неужели все это прошло безвозвратно и осталась одна способность хныкать подъ ударами судьбы? Нѣтъ, нѣтъ, къ чорту покорность, къ чорту слезы! Буду твердъ, буду снова грызться съ людьми, воевать съ судьбою! А какъ голова-то трещитъ! Неужели послѣ каждой попойки люди находятся въ такомъ состояніи? Или и тутъ виновата моя разбитая, изморившаяся въ старой бурсѣ, въ нищетѣ натура?

Я лежалъ почти въ теченіе всего дня, страдая головною болью. Я уже не думалъ о Мишѣ, не думалъ о прошломъ, я только придумывалъ, какъ устроить свое будущее. Я размышлялъ о немъ, размышлялъ о томъ, какъ мнѣ трудно пробить себѣ дорогу, размышлялъ, какъ часто вообще гибнутъ безпомощные люди на первыхъ шагахъ по жизненному пути. Въ моей головѣ роились вопросы: можетъ ли быть иначе? виноваты ли эти бѣдняки? дѣйствительно ли общество

теряетъ въ лицѣ ихъ полезныя силы? Въ моей головѣ замелькали образы видѣнныхъ мною людей.

Вотъ гигантская фигура моего отца, кажущаяся еще выше въ своей длиннополой одеждѣ, прошла передо мною: я увидалъ эти могучія руки, занятыя обработкой скупой земли, отдающія навозомъ, покрытыя мозолями; я видѣлъ это широкое лицо въ поту, загорѣлое, съ потрескавшеюся отъ лѣтняго зноя кожею.

— Это цѣлые романы, это цѣлыя драмы! — воскликнулъ я, и въ моемъ воображеніи, какъ молнія, промелькнула: «а что если я нарисую эту картину?»

— Что будетъ?—спрашивалъ я себя, но я не могъ ни отвѣчать на этотъ вопросъ, ни думать о немъ, потому что знакомые образы и картины уже охватили меня, оторвали отъ настоящаго, отъ будущаго, и унесли въ свое далекое, далекое прошлое...

Ярко озаренныя солнцемъ поля, мужики и бабы въ полѣ, полунагіе крестьянскіе ребятишки на пыльной дорогѣ, покосившіяся, крытыя соломой избы, возы съ сѣномъ, цѣлое море ржи, ветхая церковь съ кладбищемъ, гдѣ подъ низенькими убогими березами виднѣются покосившіеся кресты, все это разстилалось вокругъ меня и вѣяло свѣжимъ воздухомъ, теплomъ и миромъ. «Писать, писать! Схватить и передать на бумагу всю эту яркую въ своемъ убожествѣ жизнь!»— вихремъ неслась въ моей головѣ мысль.

Я, какъ пьяный, взялся за карандашъ и бумагу; я писалъ быстро, безостановочно; моя голова горѣла. Я не слышалъ ничего, ничего не видѣлъ, я писалъ какъ бы наобумъ.

Наконецъ физическія силы ослабѣли, я началъ писать тише, спокойнѣе. Я долженъ былъ остановиться. Когда я оглядѣлся кругомъ, было уже ясное утро. Я прописалъ всю ночь. Не поднимаясь съ постели, я уснулъ сладкимъ сномъ; во снѣ мнѣ снилось опять мое дѣтство.

Когда я проснулся, пообѣдалъ, сходилъ на уроки и вечеромъ пришелъ домой,—я вздумалъ прочитать написанное: это была яркая лирическая поэзія въ прозѣ, это были картины, образы, воплощенные въ яркихъ словахъ, въ мѣткихъ выраженіяхъ... Тутъ не было содержанія, того содержанія, которое выражается описаніемъ любви Ивана Ивановича къ Марьѣ Ивановнѣ или объясненіемъ, какъ Николай Николаевичъ затѣялъ облагодѣтельствовать родину своими либеральными проектами. Тутъ не было вовсе героевъ и

героинь, завязки и развязки. Это была просто пѣсня о родномъ гнѣздѣ занесенной на чужбину птицы...

— Или у меня талантъ, или я потерялъ всякую способность отличать дурное отъ хорошаго,—говорилъ я. Да нѣтъ, не можетъ быть, я еще не настолько испорченъ! Буду писать — что будетъ, то будетъ. Можетъ-быть, мнѣ удастся создать что-нибудь недюжинное. Тогда...

Въ моей головѣ зароились планы будущаго: дѣятельность, слава, богатство. Это были опьяняющія мечты.

— Но къ дѣлу, къ дѣлу прежде всего!—говорилъ я себѣ и принялся снова за работу...

Это было самое счастливое время въ моей жизни. Я стоически переносилъ голодъ, я спокойно смотрѣлъ на вытаращенные глаза моихъ геніальныхъ учениковъ, я не обращалъ вниманія на свои продырявившіеся сапоги, на свое заплатанное платье, я жилъ весь въ прошломъ и постепенно рисовалъ одну за другою его картины, испытывая приливы любви и ненависти, умиленія и горечи.

Я помню живо тѣ минуты, когда, рисуя страданія маленькаго мальчика, дорогого мнѣ мальчика, я долженъ былъ останавливаться на нѣсколько минутъ и отирать тихія слезы, слезы объ этомъ маленькомъ, дорогомъ мнѣ дикарѣ...

Я не знаю, плакали ли потомъ читатели надъ этими страницами, но слѣды моихъ слезъ видны между строками этихъ страницъ.

Романъ зашелъ уже за половину, но конецъ былъ еще далекъ, а нужда, между тѣмъ, давала себя чувствовать все сильнѣе. Я начиналъ бояться, что она сломитъ меня окончательно, сломитъ въ то время, когда мой трудъ уже началъ обѣщать мнѣ счастливое будущее.

Однажды, настроенный на грустный ладъ, я задумался о судьбѣ многихъ изъ моихъ погибшихъ друзей, и передо мной ослѣпительно ярко воскресъ образъ одного крестьянскаго мальчугана, забитаго нуждой и родными.

— Это тоже цѣлый романъ,—подумалъ я.—Не написать ли маленькій разсказъ объ этой поэтической личности? Это можно скоро сдѣлать, а, между тѣмъ, плата за этотъ разсказъ дастъ мнѣ возможность пріѣхать въ Петербургъ и кончить мое большое произведеніе.

Я рѣшился привести въ исполненіе свой планъ и горячо принялся за разсказъ. Въ три недѣли онъ былъ конченъ, переписанъ, отосланъ въ Петербургъ. Я подписался подъ разсказомъ «Ѳемистокловымъ» и написалъ въ редакцію из-

бранаго мною журнала, что у меня есть еще романъ, который я передамъ въ редакцію тогда, когда увижу напечатаннымъ свой разсказъ! Я не написалъ ни своего адреса, ни своей настоящей фамиліи,—я сдѣлалъ это изъ трусости, изъ стыдливости, изъ самолюбія: я боялся получить отказъ, боялся, что люди будутъ знать, что такой-то дрянной разсказъ принадлежитъ именно мнѣ, Александру Аристидову, боялся, что первая неудача можетъ повредить успѣху моего романа.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ и лихорадочною дрожью взялъ я въ руки нумеръ журнала, полученный черезъ мѣсяцъ послѣ отсылки моего разсказа въ одномъ изъ домовъ, гдѣ я давалъ уроки. Я десять разъ прочелъ оглавленіе книжки. Просмотрѣлъ объявленія, какую-то замѣтку отъ редакціи, перечиталъ все это нѣсколько разъ и съ грустью отложилъ книгу. О моемъ разсказѣ не было нигдѣ и помину. Прошелъ еще мѣсяцъ; получилась еще одна книжка журнала,— о разсказѣ ни слуху, ни духу.

— Ну, и чортъ съ нимъ!—рѣшилъ я.—Буду дописывать романъ. Допишу, пѣшкомъ пойду въ Питеръ...

Время, между тѣмъ, подходило къ осени. Это была уже третья осень послѣ моего изгнанія изъ семинаріи. У меня уже окончились уроки, мои ученики поступили въ гимназію. Уроковъ болѣе не было. Приходилось снова искать работы. Но я уже не искалъ ея. Я рѣшился идти въ Петербургъ.

Легко сказать: «идти въ Петербургъ», а каково сдѣлать это. Я могъ идти на Москву и отсюда ѣхать по желѣзной дорогѣ, но за проѣздъ нужно было заплатить четыре рубля изъ скопленныхъ мною девятнадцати рублей. Это было невозможно. Мнѣ нужно было имѣть хоть что-нибудь на первое время пребыванія въ Петербургѣ. Я рѣшился идти пѣшкомъ, идти не по московскому тракту, не прямо, а по тѣмъ дорогамъ, гдѣ найдутся попутчики, обозы. Этотъ способъ путешествія былъ дешевле. Я шелъ отъ деревни до деревни; я приставалъ къ обозамъ; я ночевалъ въ избахъ мужиковъ.

Да благословитъ небо всѣхъ этихъ темныхъ людей, давшихъ возможность будущему русскому «просвѣтителю» не погибнуть съ голоду и добраться до желанной цѣли. Я съ своей стороны, ничѣмъ не могъ и ничѣмъ не могу отплатить имъ за то, что они дѣлили со мною послѣдніе куски хлѣба, послѣдніе крынки молока, за то, что они позволяли мнѣ приваливаться на возъ, когда мои до крови истертыя

ноги отказывались идти, за то, что они не считали меня, оборваннаго, выгнаннаго семинариста, за вора, за грабителя, и пускали въ свои избы въ темныя, ненастныя осенніе ночи.

Я пришелъ въ Петербургъ въ понедѣльникъ, вечеромъ. Моя новая жизнь начиналась въ тяжелый день. Во вторникъ я сходилъ въ баню, купилъ сапоги на толкучемъ, купилъ бѣлую манишку, бѣлый воротничокъ и отправился въ редакцію съ первою частью моего романа. Лакей отворилъ передо мною дверь и грубо спросилъ меня:

— Что вамъ?

— Я рукопись принесъ.

— Сегодня нѣтъ пріема. По субботамъ принимаютъ.

Дверь захлопнулась, и я въ недоумѣніи стоялъ передъ нею, раздумывая, что дѣлать. Денегъ у меня почти уже не было, между тѣмъ нумеръ, гдѣ я остановился, стоилъ 50 коп. въ день; обѣдъ, который я ѣлъ, стоилъ 25 копеекъ. Это было не по карману... Я рѣшился идти искать другого помѣщенія...

Оно, наконецъ, нашлось.

Пять копеекъ за ночь—ночлегъ на нарахъ, три копейки за обѣдъ—щи пополамъ съ грязью... Кругомъ меня были оборванныя, грязныя, подозрительныя личности; онѣ говорили на совершенно непонятномъ мнѣ языкѣ, болѣе странномъ, чѣмъ языкъ бурсаковъ; онѣ, подзывая другъ друга, тихо посвистывали, какъ свищутъ лошадямъ, когда ихъ поятъ; онѣ смотрѣли на меня сыскоса, недовѣрчиво. Это были спившіеся съ круга, праздношатающіеся воры и мазурики. Что-жъ, отчего же и не жить съ ними будущему русскому писателю? Онъ безопасно можетъ спать здѣсь, такъ какъ у него нечего украсть.

Я былъ на своемъ мѣстѣ.

VIII.

Когда я возвратился въ ночлежный пріютъ послѣ разговора съ секретаремъ редакціи, у меня страшно трещала голова. Я былъ какъ изломанный.

До сихъ поръ я не чувствовалъ утомленія послѣ дороги, я былъ все это время въ возбужденномъ состояніи, жилъ надеждою. Теперь ко мнѣ вдругъ возвратилось то тряпичное настроеніе духа, которое я испыталъ на пирушкѣ портного. Я готовъ былъ плакать, готовъ былъ лечь, чтобы заснуть навсегда, не видать ничего, не слыхать ничего.

Когда я вошелъ въ вертепъ, служившій мнѣ пріютомъ,

въ немъ раздавалось храпѣнье его погибшихъ дѣтей. Свалившись на нары и подъ нары, въ своихъ лохмотьяхъ, эти люди,—отребье столицы,—спали мертвымъ сномъ. Въ комнатѣ царилъ полусвѣтъ, атмосфера была тяжела, въ ней пахло плѣсенью, водкой, потомъ, грязью.

Я легъ на свое мѣсто, перешагнувъ черезъ нѣсколькихъ изъ своихъ собратьевъ по жилищу, по судьбѣ, можетъ-быть, по развитію, по уму, по характеру.

Я не могъ спать.

Я вынулъ лоскутки бумаги, находившіеся постоянно при мнѣ, и сталъ писать.

Я писалъ долго въ полутьмѣ, едва разбирая написанное. По мѣрѣ того, какъ я записывалъ пережитое, моя головная боль утихала, мои нервы успокаивались, или вѣрнѣе сказать, ослабѣвали. Воспоминанія о пережитомъ снова спасли меня отъ отчаянія.

Уже было совсѣмъ темно, когда мои собратья начали потягиваться и громко зѣвать. Я спряталъ свои бумаги и лежалъ, глядя безцѣльно на поднимавшійся людъ.

— Ну что, преподобный строчило-мученикъ, не выгорѣло?—спросилъ меня мой сосѣдъ, сынъ какой-то мѣщанки и какого-то... впрочемъ, онъ не могъ сказать навѣрное, кто былъ его отецъ. Онъ учился года два въ гимназіи, получилъ похвальный листъ за прилежаніе и потомъ остался между небомъ и землею, безъ крова, безъ родныхъ, безъ работы.

— Не знаю,—отвѣтилъ я.

— Видно дѣла, какъ сажа бѣла!—зѣвнулъ онъ, потягиваясь на нарахъ.

— Носикъ изволили повѣсить, господинъ писатель,—съ усмѣшкой замѣтилъ другой сосѣдъ, проклятый сынъ богатаго купца-раскольника.

— А знаешь что, Васька, выпить бы теперь не мѣшало,—рѣшилъ мѣщанинъ.

— За компанію не угодно ли?—предложилъ мнѣ купеческій сынокъ.

У мошенниковъ иногда бываютъ геніальныя мысли. Я, дѣйствительно, долженъ былъ выпить. У меня начинался ознобъ.

— А я тоже выпью, благодѣтели?—жалобнымъ и дребезжащимъ тономъ спросилъ какой-то спившійся съ круга старый чиновникъ, высовывая изъ-подъ наръ свою сѣдую и облѣзлую голову.

— Ишь ты, крыса приказная, слухъ-то какой тонкій!—

засмѣялся молодой мѣщанинъ, котораго всѣ называли «гимназистомъ».

— Раздавлю!—грозно крикнулъ купчикъ, принимая тонъ буйствующаго коммерсанта и спустилъ ногу съ нары надъ самой головой чиновника.

Сѣдая голова спряталась подъ нары. Въ вертепѣ раздался хохотъ.

— Шутники-съ, шутники-съ!—бормоталъ чиновникъ изъ-подъ нары.—Мнѣ стакашикъ, одинъ стакашикъ!

— Изобразишь медвѣдя?—спросилъ купчикъ.

— Это отчего же не изобразить, это можно,—осклабляясь, опять высунулъ голову чиновникъ.

— Ишь ты—крыса, а медвѣдя изображать хочетъ!

— Хе-хе-хе! Все шутите-съ!

Мы отправились въ другое отдѣленіе вертепа въ подвалѣ. Тамъ уже была въ сборѣ цѣлая коллекція самыхъ разнообразнѣйшихъ субъектовъ. Все это пило, ѣло, хохотало, перешептывалось. Полъ, столы и стулья, все было залито виномъ, чаемъ, запачкано огуречнымъ разсоломъ, селедками. Полъ былъ не виденъ подъ слоемъ грязи. Въ этой комнатѣ слабый человѣкъ могъ охмелѣть отъ спиртного запаху и угорѣть, ошалѣть отъ запаху махорки, турецкаго и жуковскаго табаку. Здѣсь всѣ были пьяны безъ вина, безъ дурмана; здѣсь забывался весь остальной міръ, отъ котораго были плотно завѣшаны окна; здѣсь въ волнахъ дыма и чада люди походили на призраки, на выходцевъ изъ могилы. Ихъ лохмотья казались какими-то фантастическими нарядами. Ихъ лица казались сѣрыми, зеленоватыми.

Приказная крыса изображала медвѣдя. Купчикъ представлялъ кутящихъ батюшкиныхъ сынковъ. Отставной гимназистъ-мѣщанинъ отпускалъ французскія фразы. Я пилъ...

— Не забудь, братъ, и насъ, когда комедь какую напишешь,—говорилъ купчикъ.—Хлопать будемъ изъ рая.

— Мнѣ ста-ка-шикъ, одинъ ста-ка-шикъ,—жалобно просилъ чиновникъ.

Я обѣщалъ исполнить желаніе своихъ друзей.

IX.

«Что же это будетъ? Что будетъ? Неужели я такъ и погибну?»—спрашивалъ я себя, просыпаясь на слѣдующій день и мутными глазами осматривая спящую кругомъ меня компанію своихъ братьевъ по судьбѣ.

Я хотѣлъ подняться, голова была тяжела, во рту былъ

скверный вкусъ. Надо выпить. Сошелъ въ подвалъ, выпилъ, съѣлъ огурецъ. Стало легче.

«По торной дорожкѣ пошелъ!» — скорбно мелькнуло въ моей головѣ.

Я пригорюнился, сѣлъ у грязнаго стола. Передо мной лежали два нумера газетъ. Это были запачканные, полуоборванные нумера, валявшіеся и ходившіе по рукамъ уже съ недѣлю. Углы ихъ были оторваны, вѣроятно, для закуриванія папиросъ. Я началъ машинально перечитывать ихъ. Прочелъ о балѣ у Наполеона, о вѣчно продолжающейся печали овдовѣвшей королевы Викторіи, телеграмму о рожденіи седьмой дочери у какой-то нѣмецкой принцессы, перешелъ къ извѣстіямъ о грабежѣ въ Рязани, о диспутѣ въ московскомъ университетѣ, о доисторическихъ формахъ правленія въ Сиракузахъ, прочелъ полемику какого-то господина съ другимъ какимъ-то господиномъ о недоданныхъ трехъ рубляхъ за объявленія, перешелъ къ объявленіямъ Кача и вдругъ остановился.

Передъ моими глазами значилось крупное объявленіе о выходѣ новой книжки того журнала, куда я носилъ первую часть своего романа. Я читалъ и перечитывалъ это объявленіе и не вѣрилъ глазамъ. Мнѣ казалось, что у меня начинаются галлюцинаціи. Первая статья, помѣщенная въ этомъ нумерѣ журнала, какъ значилось въ объявленіи, называлась «Аксенъ, очеркъ А. Ѳемистоклова». Это мой Аксенъ, это я — А. Ѳемистокловъ, то-есть не я, а мой псевдонимъ.

Я вскочилъ и, нахлобучивъ фуражку, бросился бѣжать.

X.

Я, не переводя духа, добрался до редакціи, подошелъ къ дверямъ и уже готовился позвонить, когда мнѣ бросилась въ глаза надпись:

«Лица, желающія объясняться съ редакціей, могутъ являться по субботамъ, отъ 11 до 3 часовъ».

Меня какъ водой облило. Я даже улыбнулся, какъ-то глупо, растерянно улыбнулся, какъ улыбался мой товарищъ по ночлежному пріюту, спившійся съ круга чиновникъ, когда у него отнимали поднесенную ко рту рюмку водки. Я постоялъ съ минуту въ раздумьи передъ этой надписью и побрелъ обратно.

Когда я пришелъ въ свой вертепъ и легъ на постель,— я былъ отчасти даже радъ, что мнѣ не удалось попасть въ редакцію. Я былъ слишкомъ растрепанъ, отъ меня нахло

водкой. Я рѣшился выспаться и на слѣдующій день хотя нѣсколько обчистить свою покрытую пылью и грязью одежду. Болѣе всего меня безпокоили мои петербургскіе сапоги, лопнувшіе на другой же день послѣ покупки. Мнѣ было совѣстно опять показаться въ нихъ передъ этимъ самодовольнымъ секретаремъ, передъ своими, еще не знакомыми мнѣ, собратьями. Но дѣлать было нечего—нужно было предстать передъ ними во всей красотѣ нищеты.

Слѣдующіе дни прошли какъ-то лихорадочно. Я почти не могъ спать отъ внутренняго волненія и сильно обрадовался, когда, наконецъ, пробило одиннадцать часовъ утра въ пріемный день редакціи. Я пошелъ на свиданіе съ редакторомъ.

Входя въ пріемную редакціи, я увидѣлъ на вѣшалкѣ нѣсколько шубъ. Повидимому, редакція была въ полномъ сборѣ. Я вошелъ въ пріемную комнату, въ ней было довольно много народу. Какіе-то два господина съ бородами и съ pince-nez на носахъ громко спорили о политикѣ. Какой-то низенькій толстякъ читалъ газету. Еще нѣсколько личностей сгруппировались въ разныхъ углахъ комнаты. Я замѣтилъ, что всѣ они бросили на меня искоса любопытные взгляды, выражавшіе мысль: «что ему надо?» Я пробрался къ угреватому секретарю. Онъ взглянулъ на меня и нахмурился.

— Вѣдь я вамъ сказалъ-съ, что черезъ двѣ недѣли нужно придти,—грубо проговорилъ онъ.

— Мнѣ нужно редактора видѣть,—отвѣтилъ я уже безъ всякой робости и въ упоръ глядя на угри этой канцелярской душонки.—Я хочу деньги получить за разсказъ.

— За какой разсказъ?—съ удивленіемъ спросилъ секретарь.

— Мой разсказъ: «Аксенъ» помѣщенъ въ ны...

— Господинъ Ѳемистокловъ?—быстро перебилъ меня секретарь, вскакивая съ мѣста и улыбаясь любезною улыбкою гостинодворскаго приказчика.

Я утвердительно кивнулъ головой.

Секретарь ловко повернулся на каблукахъ, однимъ движеніемъ руки подвернулъ подъ меня свободный стулъ и съ предупредительностью барскаго лакея, принимающаго дорогого хозяйскаго гостя, промолвилъ:

— Садитесь, садитесь, пожалуйста! Иванъ Ивановичъ сейчасъ выйдетъ. Онъ такъ желалъ васъ видѣть... Иванъ Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ,—крикнулъ онъ, просунувъ голову въ дверь, ведущую въ кабинетъ редактора.—Господинъ Ѳемистокловъ здѣсь!

Все общество смолкло и съ любопытствомъ устремило на меня глаза. Я былъ похожъ по одеждѣ на нищаго, попавшаго въ собраніе богачей. Но я не думаю, что я былъ похожъ на дурака со своею открытою физіономіей, со своими густыми русыми кудрями и своимъ большимъ лбомъ. И все-таки я былъ смущенъ, взволнованъ, красенъ и желалъ бы лучше провалиться подъ землю, чѣмъ чувствовать на себѣ эти взгляды.

«Вотъ вѣдь будь ловкость, — думалось мнѣ:—подошелъ бы къ нимъ развязною походкою и со смѣхомъ разсказалъ бы небывалую исторію, какъ меня обокрали въ Петербургѣ, или какъ на другой день послѣ моего пріѣзда сгорѣли мои деньги и мое платье. Можно бы прибавить, что на послѣднія деньги послалъ телеграмму о присылкѣ изъ дому капитала... Повѣрили бы и не стали бы обращать вниманія на мои заплаты... Только бы духу хватило врать и, смѣясь, указывать на свои прорѣхи и заплаты, прибавляя, что ужъ никакъ не думалъ явиться къ нимъ въ такомъ костюмѣ...»

Черезъ минуту изъ таинственной двери показалось обрюзглое, желтоватое лицо Ивана Ивановича Терешина. Онъ былъ одѣтъ въ утренній легкій нарядъ, на его шеѣ былъ небрежно повязанъ широкій черный галстукъ, но во всей его одеждѣ былъ замѣтенъ извѣстный шикъ—это была простота и небрежность богача, привыкшаго къ комфорту. Онъ немного прихрамывалъ на лѣвую ногу и шелъ, ковыляя, неторопливою походкою, точно выражая этимъ: «некуда торопиться, подождутъ».

— Наконецъ-то, батенька, явились, наконецъ-то! Очень радъ, очень радъ! — заговорилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто онъ встрѣчалъ родного брата послѣ долгой разлуки.— И что это вы своего адреса не написали. Вѣдь я въ теченіе пяти мѣсяцевъ хлопоталъ о напечатаніи вашего разсказа, а вы, поди, думали, что я имъ давно каминъ подпалилъ.

Онъ покровительственно засмѣялся и поощрительно прикоснулся къ моему плечу. Его голосъ былъ сиплый, глухой, хотя Терешинъ и старался придать этому голосу мягкій и ласковый тонъ.

— Развѣ мой разсказъ такъ трудно было напечатать?— спросилъ я, не зная, что говорить.

— Да еще какъ трудно-то было! Ну, да все-таки удалось. А ужъ я было и носъ повѣсилъ. Вѣдь такіе разсказы, батенька, не часто появляются въ нашей распутной литературѣ. Нынѣшніе-съ литераторы, батенька, все дѣланное,

все высиженное представляютъ въ печать. Свѣжести нѣтъ, искренности нѣтъ, взмаха широкаго нѣтъ. Петербуржцы все въ клубахъ нравы изучаютъ, во французскихъ романахъ интригу отыскиваютъ для своихъ повѣстушекъ...

Я слушалъ эти рѣчи, и въ моей головѣ мелькала мысль: «А, должно-быть, не очень пріятно слушать эти рѣчи тому изъ присутствующихъ господъ, кто пишетъ романы и повѣсти».

Впрочемъ, рѣчь Терешина польстила моему самолюбію. Еще болѣе былъ бы я польщенъ, если бы зналъ, что мой разсказъ не печатался не вслѣдствіе внѣшнихъ затрудненій, а вслѣдствіе желанія Терешина напечатать это произведеніе въ осенней книжкѣ, передъ подпиской на журналъ. Правда, это было невыгодно для моего желудка, но выгодно для моей славы. Въ лѣтнія книжки сбывается то, что плохо.

— Вы еще что-нибудь принесли?—спросилъ Терешинъ.

— Я еще въ субботу отдалъ въ редакцію первую часть романа.

— Ѳедоръ Степановичъ, что же это вы, батенька, мнѣ не сказали?—брюзгливо обратился Терешинъ къ секретарю, нахмуривъ брови.—Такъ-съ нельзя! Я ждалъ, ждалъ господина Ѳемистоклова, какъ свѣтлаго праздника, а вы мнѣ даже и не сказали, что онъ принесъ рукопись, приходилъ сюда.

Секретарь какъ-то испуганно заерзалъ на своемъ мѣстѣ, хлопая глазами и дѣлаясь еще болѣе краснымъ.

— Я не зналъ-съ, Иванъ Ивановичъ, — началъ оправдываться онъ съ лакейскою трусостью.—Они не сказали своей...

Но Терешинъ уже не слушалъ его оправданій и смотрѣлъ съ выраженіемъ холоднаго пренебреженія какъ-то черезъ голову секретаря.

— Кому же вы отдали эту рукопись?—спросилъ онъ сухимъ тономъ.

— Я... я,—началъ окончательно растерявшійся секретарь:—не успѣлъ еще ее передать никому... Она здѣсь...

Я вспыхнулъ и зорко взглянулъ на секретаря, понимая, что онъ хотѣлъ отплатить мнѣ за мою дерзость и оставить рукопись безъ прочтенія.

— Подъ зеленое-съ сукно,—дрожащимъ отъ злобы голосомъ промолвилъ я и иронически усмѣхнулся.

Секретарь закусилъ губы и сталъ рыться въ бумагахъ. Онъ понялъ меня такъ же хорошо, какъ я его.

Иванъ Ивановичъ вдругъ измѣнился въ лицѣ: его губы отвисли, глаза, блестѣвшіе до этой минуты нѣкоторымъ

оживленіемъ, вдругъ потускнѣли, потухли, онъ весь какъ бы опустился.

— Я все боленъ, я все боленъ, — началъ онъ говорить мнѣ брюзжащимъ и сиплымъ голосомъ, поворачиваясь спиною къ секретарю:—не могу самъ слѣдить за всѣмъ. А положиться ни на кого нельзя. Еще хорошо, что не отдали вамъ назадъ романа. У насъ и это часто дѣлается: отдадутъ назадъ безъ прочтенія, а, глядишь, потомъ произведеніе и явится въ журналѣ нашихъ враговъ... Вы извините меня, батенька, что я не могъ васъ принять въ ту субботу; мнѣ даже и не сказали о васъ... Фу, какъ холодно здѣсь!— вдругъ вздрогнулъ Терешинъ.—Пойдемте-ка ко мнѣ въ кабинетъ, потолкуемъ по душѣ... Совсѣмъ ослабѣлъ я, совсѣмъ ослабѣлъ... Умирать, видно, пора...

Иванъ Ивановичъ взялъ меня подъ руку и уже совсѣмъ старческой, разслабленной походкой, сильнѣе прихрамывая на лѣвую ногу, поплелся въ кабинетъ.

Мы очутились въ погруженной въ мягкій полусвѣтъ, роскошно убранной комнатѣ съ коврами, турецкими диванами, каминомъ, бархатными подушками на полу для ногъ. Закрывъ за собою дверь, Иванъ Ивановичъ подошелъ къ камину и пригласилъ меня сѣсть на одно изъ стоявшихъ тутъ затѣйливыхъ креселъ.

— Это все, батенька, подлецы! Конкурентовъ боятся. Таланта нѣтъ, а писать хотятъ. Ну, имъ и страшно появленіе свѣжей силы, — брюзжалъ онъ, подавая мнѣ дорогую сигару.—Боленъ я, все боленъ, умру скоро, а то я очистилъ бы литературу отъ этой тли, отъ этихъ торгашей въ святомъ храмѣ искусства... Нѣтъ, видно, не намъ увидать лучшую пору въ русской литературѣ. Со стороны напираютъ, ногу подставляютъ, общество холодно относится, свои грызутся, какъ собаки, братъ брата съѣсть хочетъ, чинами литературными считаются, въ генералы отъ литературы лѣзутъ. А мысль, а искусство, все это попрано ногами, все это служитъ только маскою, подъ которою легко скрывать свою подлую душонку!

Въ его голосѣ слышалось какое-то дрожаніе, въ его глазахъ сверкали слезы. Онъ опустилъ голову на грудь и задумался. Быть-можетъ, онъ думалъ о своемъ прошломъ, думалъ о томъ, какъ и ему трудно было пробить себѣ путь въ литературу, когда онъ явился съ плохой повѣстушкой.

Незамѣченный почти никѣмъ, мало талантливый, мало образованный, онъ три года писалъ очерки, разсказы, ком-

пиляціи, и только упорная настойчивость дала ему возможность сдѣлаться сначала секретаремъ, потомъ помощникомъ, наконецъ, компаньономъ издателя и редакторомъ одного изъ тѣхъ изданій, гдѣ онъ былъ чернорабочимъ, послѣдней спицей въ колесницѣ. Много нужно было терпѣнія, ловкости, выносливости, быть-можетъ, пронырства и холопства, чтобы пройти этотъ путь и дойти до богатства, до благосостоянія. Конечно, двѣ незамѣченныя никѣмъ повѣстушки и три компилятивныя статейки были тутъ не при чемъ. Это былъ въ сущности не литераторъ, это былъ предприниматель, аферистъ, но онъ любилъ литературу, любилъ ее искренно и горячо, хотя по-своему, со своей точки зрѣнія. И какъ ему было не любить ее: съ ея легкой руки онъ жить пошелъ! Изъ недоучившагося, обнищавшаго барчонка, онъ превратился въ лицо, направляющее общественную мысль; изъ нищаго онъ превратился въ богача; изъ недалекаго, но смѣтливаго практика въ глубокомысленнаго мыслителя, молчаніе котораго заставляло многихъ думать, что онъ проникаетъ въ томъ или другомъ явленіи такія стороны, которыя ускользаютъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ.

— Вы о чемъ въ романѣ-то пишете? — спросилъ меня Терешинъ минутъ черезъ пять.

Я сказалъ.

— Такъ, такъ! Выводите на сцену эту бѣдноту, эту голь-перекатную, эту черноземную силу земли русской,—задумчиво промолвилъ онъ.—Дай вамъ Богъ всякаго успѣха! Въ васъ, батенька, талантъ, громадный талантъ. Это не сахаръ, распущенный въ о-де-лавандѣ... Отъ него лѣсомъ пахнетъ, степью безграничною вѣетъ!.. Вы изъ бурсы?

— Да, былъ въ семинаріи.

— Такъ, такъ! Оттуда идутъ теперь силы. Прошла пора, когда почти одни дворяне-помѣщики захватывали въ свои руки литературу. Черноземная сила стала подниматься...

Терешинъ помолчалъ, опустивъ голову на грудь.

— Теперь вотъ хочу приготовиться въ университетъ,— промолвилъ я.

— Что вы, что вы, батенька! Да это значитъ убивать себя! Талантъ убивать! — воскликнулъ Терешинъ и снова оживился.—Ну, что вы тамъ дѣлать будете? Юристику изучать? Да знаете ли вы, что эта за наука? Она учитъ, какъ лишать человѣка по закону всѣхъ человѣческихъ правъ и жизни. Или станете надъ разными козявками, водородами и углеродами сохнуть, въ разной дряни копаться, чтобы

новый родъ грибовъ отыскать? Много человѣчество выиграетъ!.. Или будете заниматься вопросомъ о значеніи юсовъ?.. Да вѣдь вы засохнете, зачерствѣете, какъ вотъ эти департаментскіе сторожа и архивныя крысы,—Терешинъ указалъ на дверь, которая вела въ пріемную комнату.— Таланту нужна живая почва, природа, живой человѣкъ. Идите по Руси, по деревнямъ и селамъ—вотъ наука, вотъ необъятный университетъ русскаго писателя!

Онъ иногда говорилъ красиво.

— Я это вполнѣ понимаю, но знанія, выработанныя западной Европой...—началъ я.

— Чепуха, батенька, чепуха! Западная Европа сгнила и допѣла свою пѣсню,—живо перебилъ меня Терешинъ. —Не ей учить насъ! Наша жизнь сложилась иначе; нашъ народъ не тупоумный нѣмецъ, не легкомысленный французъ, не кулакъ англичанинъ. Это сердечный, смѣтливый и великодушный народъ, геройски переносившій язву крѣпостного права, взяточничества, невѣжества и младенчески незлобиво прощавшій тѣмъ, кого онъ имѣлъ право проклинать. Герой и дитя—вотъ опредѣленіе нашего народа. Передъ нимъ долженъ до земли поклониться русскій романистъ и, не заражая своей души никакою грязью западно-европейскихъ измышленій, филистерскихъ взглядовъ, сервилизованныхъ махинацій, романистъ долженъ описывать этотъ народъ съ такимъ же непосредственнымъ чувствомъ, какъ непосредственно развитіе этой великой массы. Да благословитъ васъ Богъ на этотъ великій подвигъ!

Терешинъ говорилъ горячо и, кажется, искренно. Перекинувшись еще нѣсколькими словами съ нимъ, я всталъ.

— Да, тамъ вамъ надо получить гонораръ,— произнесъ Терешинъ, снова упавшимъ, разслабленнымъ голосомъ и съ мгновенно потухшими глазами.—Вотъ записка, пусть секретарь выдастъ...

Онъ написалъ записку. Я съ замираніемъ въ сердцѣ увидалъ цифру 120 рублей. Мой разсказъ былъ въ три листа. Я вышелъ изъ кабинета и подошелъ къ секретарю.

— А я вашъ романъ прочту сегодня же,— промолвилъ какой-то господинъ съ pince-nez на носу.

— Господинъ Шепелевъ! — поспѣшно отрекомендовалъ мнѣ его секретарь. Я поклонился.

— По сколько?—небрежно спросилъ Шепелевъ у секретаря, щуря глаза и заглядывая въ записку Терешина.

— По сорока,—отвѣтилъ секретарь.

— Не расщедрился за великое-то произведеніе!—насмѣшливо промолвилъ Шепелевъ.—Вы-съ торгуйтесь,—обратился онъ ко мнѣ съ иронiей въ голосѣ.—Эти эксплоататоры рады за грошъ купить цѣлый романъ, а сами загребаютъ тысячи... Онъ вѣдь у насъ до того скупъ, что...

Впрочемъ, нѣтъ, я не могу повторить остроты Шепелева насчетъ скупости Терешина, такъ какъ все остроуміе Шепелева выражалось постоянно въ такихъ словахъ, которыхъ нѣтъ въ лексиконѣ.

Получивъ деньги, пожавъ руки новымъ знакомымъ, я поспѣшно вышелъ изъ пріемной. Я вышелъ въ переднюю. Должно-быть, мое лицо очень сіяло, но крайней мѣрѣ, я замѣтилъ, что лакей посмотрѣлъ на меня очень недоброжелательно, какъ смотритъ обыкновенно прислуга на нищихъ, успѣвшихъ выпросить у ихъ господъ подачку. Онъ, вѣроятно, думалъ, смотря на меня, что вотъ еще явился одинъ голякъ, который будетъ обирать его барина. Нельзя же требовать, чтобы онъ понималъ, что все благосостояніе его барина и составлено именно такими голяками, какъ я. Онъ видѣлъ, что эти голяки послѣ нѣсколькихъ визитовъ къ его барину, пріодѣвались, и ненавидѣлъ ихъ, какъ прихлебателей его господина.

Надѣвая пальто, я замѣтилъ уже знакомаго мнѣ старичка Шванвича-Родзевича. Онъ стоялъ у зеркала и тщательно оправлялъ свой потертый сюртучокъ и свои коленкоровые воротнички. Замѣтивъ меня, онъ вѣжливо поклонился и съ участіемъ спросилъ:

— Ну, какъ ваши дѣла?

— Ничего, идутъ по-маленку,—весело замѣтилъ я.—За разсказъ деньги получилъ.

— Ска-ажите!—протянулъ старичокъ не то съ удивленіемъ, не то съ горечью.—Повезло вамъ... А вотъ я все еще не могу добиться... Двадцать лѣтъ вѣдь пишу... двадцать лѣтъ! Шутка ли!

— И ничего еще не напечатали?—спросилъ я.

— Ничего, ничего покуда,—горько произнесъ старикъ.—Не говорятъ, въ какомъ имъ духѣ надо. Вы въ какомъ изволили написать?

Я замялся.

— Такъ, очеркъ съ натуры,—отвѣтилъ я.

— Да вѣдь и я съ натуры... Вотъ величіе Невы, побѣды Александра Невскаго... Не подходитъ, говорятъ... Вотъ те-

перь несу размышленіе въ Лѣтнемъ саду о премудрости Петра Великаго... Тоже съ натуры написалъ...

— То-есть какъ же это съ натуры?—изумился я.

— Да такъ... Вѣдь это я свои собственныя размышленія описываю, ну, и Лѣтній садъ,—пояснилъ Шванвичъ-Родзевичъ.

Я не могъ удержаться отъ улыбки.

— А тоже, пожалуй, скажутъ не подходитъ... А вѣдь вотъ какъ тяжело, совѣстно это, знаете, при всѣхъ слышать, какъ говорятъ: не годится...

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Вы бы бросили, если не удается,—посовѣтовалъ я.

Старичокъ оживился.

— Что вы! Да какъ же это можно,—началъ онъ скороговоркою.—Вѣдь я двадцать лѣтъ пишу! Тоже это не легко досталось... Прежде хатка у меня была около Чернигова... Служилъ я тогда... Глушь тамъ, невѣжество, безобразія, сплетни... Опостыло мнѣ это... Я все бросилъ, все продалъ для литературы... вѣдь это великое, святое дѣло! И вотъ двадцать лѣтъ бьюсь... Гдѣ день, гдѣ ночь, тоже не сладко... Обносился весь... Всѣ подозрительно смотрятъ... Тоже разъ къ допросу звали... Извѣстно, видятъ, что человѣкъ пріюта не имѣетъ, все съ бумагами возится, ну, и заподозрили, за кляузника-злоумышленника сочли... Да-съ, не легко мнѣ этотъ трудъ достался... А вы говорите: бросить! Да теперь это у меня единственная надежда... Я теперь руку набилъ, мнѣ легко достается... Мнѣ теперь только бы направленіе ихъ узнать, только бы сказали, въ какомъ духѣ надо... Я теперь могу... Какъ же можно бросить? Вѣдь мои произведенія самъ Василій Андреевичъ Жуковскій читалъ...

— И одобрилъ?—спросилъ я.

— Не могу сказать,—проговорилъ онъ въ смущеніи.—Не знаю... Я по почтѣ ему посылалъ... Не смѣлъ потомъ справиться о мнѣніи... Тогда еще не привыкъ мнѣнія выслушивать... Конфузно было... Оно, знаете, и теперь вотъ хожу, справляюсь, а вы не повѣрите, какъ больно, какъ больно, когда это говорятъ, что не подходитъ подъ направленіе, или...

Старичокъ опять усиленно зажевалъ свой зубъ.

— Или скажутъ, что... нехорошо,—шопотомъ добавилъ онъ, наклоняясь къ моему уху и искоса взглянувъ на лакея.—Вѣдь вы понимаете, это плоды ума, безсонныхъ ночей, долгаго труда... И если бы еще приговоръ-то произнесъ Державинъ, Пушкинъ, Жуковскій, а то вѣдь... Те-

перь что за литераторы! Возвышеннаго ничего у нихъ нѣтъ, простонародный духъ ихъ обуялъ. Для райка, для черни они пишутъ, низкихъ предметовъ все касаются... съ Гоголя... Оно, конечно, это легче, тутъ ни вдохновенія, ни глубокомыслія, ни чистоты душевной не нужно—увидалъ, какъ два мужика изъ кабака вышли и подрались—ну, и описывай... А какая же мораль? Все пьяницъ какихъ-то описываютъ, все какихъ-то подлецовъ изображаютъ—это безнравственно... Развѣ Россія какая-нибудь шайка пьяницъ и мошенниковъ? И чему научится юношество, читая эти сцены? Только тому, какъ въ кабакахъ пьютъ, да какъ ближнихъ грабятъ.

Старичокъ помолчалъ съ минуту, пожевавъ свой зубъ. Потомъ онъ началъ снова, нѣсколько понизивъ голосъ:

— Я и министру, знаете, проектъ представлялъ, чтобы цензура запретила всякія описанія кабачныхъ сценъ, мошенничества, взяточничества и разврата, такъ какъ въ этомъ-то и заключается первая школа, гдѣ портятся дѣти... Подобныхъ писателей я судить предлагалъ, какъ людей, оскорбляющихъ нравственность и развратителей...

— Ну, и что же?—полюбопытствовалъ я.

— Отвѣта не было, до сихъ поръ не было!—печально произнесъ Шванвичъ-Родзевичъ.—Извѣстно, у министра дѣлъ много... государственный человѣкъ...

— А давно вы послали свой проектъ?

— Вотъ уже девятый годъ пошелъ,—вздохнулъ старичокъ.

Онъ говорилъ объ этомъ незлобиво, просто, точно дѣло шло о какихъ-нибудь десяти дняхъ. Я поклонился ему и вышелъ изъ передней.

У меня впервые была въ рукахъ такая масса денегъ, какъ теперь. Я думалъ, что я богаче всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ людей. Прежде всего я отправился на рынокъ купить себѣ пальто и прочую одежду. Потомъ пошелъ нанимать себѣ квартиру: я уже не довѣрялъ своимъ пріятелямъ...

Удивительно быстро портятъ человѣка деньги!

XI.

Я нанялъ себѣ комнату отъ жильцовъ, пообѣдалъ въ порядочномъ трактирѣ и впервые легъ спать въ какомъ-то блаженномъ состояніи благодушія, спокойствія и полной увѣренности, что мое будущее обезпечено, что мнѣ остается только работать и работать, чтобы стать въ лучшее положеніе, чѣмъ то, въ которомъ я находился до сихъ поръ.

Какъ сладко я спалъ, какъ радостно я осмотрѣлъ свою низенькую комнату, когда проснулся по утру. Я не сразу повѣрилъ, что я дѣйствительно не сплю, что эта комната не обманчивый сонъ, а дѣйствительность.

Я лежалъ и мечталъ, какъ я окончу вторую часть романа, напечатаю свое любимое произведеніе, заручусь деньгами и стану приготовляться въ университетъ. Я не раздѣлялъ мнѣнія Терешина о безплодности университетскаго образованія. Я видѣлъ, что мнѣ многое и многое нужно узнать, чтобы не хлопать безсмысленными глазами, когда люди толкуютъ о научныхъ предметахъ.

Мнѣ не сидѣлось дома, мнѣ хотѣлось ходить, говорить съ кѣмъ-нибудь. Я вспомнилъ, что у меня галстука нѣтъ и придрался къ случаю, вышелъ изъ дому. Я купилъ галстукъ, потомъ мнѣ очень понравились запонки—большія такія, въ видѣ колесъ. Я ихъ пристально разсматривалъ и думалъ, что онѣ рублей десять стоятъ, но лавочникъ вывелъ меня изъ недоумѣнія, предложивъ посмотрѣть ихъ поближе, и объяснилъ, что это «французское золото» и что онѣ стоятъ два рубля. Я совсѣмъ растаялъ и даже торговаться не могъ, а онъ сейчасъ же мнѣ предложилъ такія же запонки для манишки. Я и тѣ купилъ. Потомъ я вспомнилъ, что не худо бы мнѣ осмотрѣть достопримѣчательности Петербурга, и направился въ Исаакіевскій соборъ, затѣмъ прошелъ въ Эрмитажъ, потомъ пообѣдалъ и пришелъ домой.

Я тотчасъ же надѣлъ свои запонки и долго, долго поворачивалъ руку передъ зеркаломъ, любуясь, какъ блестятъ мои золотыя колеса.

«Не сѣсть ли за работу?»—подумалось мнѣ.

Но нѣтъ, я былъ не въ состояніи сосредоточиться, писать. Мнѣ нужно было движеніе.

— Эхъ, если бы теперь старые пріятели были!—почти вслухъ проговорилъ я.—Разсказалъ бы все...

Да, именно пріятелей недоставало мнѣ, недоставало ушей, которыя внимательно выслушали бы всю исторію моихъ похожденій, моей радости, моего счастья! Я еще понимаю, что горе можно выносить молча, одиноко, но выносить радость, счастіе безмолвно, въ пустомъ углѣ,—нѣтъ, это свыше силъ, тутъ человѣкъ готовъ броситься въ объятія первой торговкѣ печенкою, передать свои впечатлѣнія первому кабачному засѣдателю.

Я вдругъ вспомнилъ, что и въ этомъ городѣ были люди,

принявшіе во мнѣ участіе, хотя и очень своеобразное, но все же участіе. Эти люди были мои пріятели по ночлежному вертепу. Я обѣщалъ имъ задать угощеніе въ случаѣ успѣха. Надо было исполнить это. Къ этому побуждало меня и желаніе передать хоть кому-нибудь вѣсть о своемъ внезапномъ счастіи, и то непонятно сладкое чувство, которое заставляетъ узника, вырвавшагося на свободу, взглянуть снова на свою старую тюрьму... А впрочемъ, можетъ-быть, просто на радостяхъ хотѣлъ выпить. Побудительныя причины къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ всегда такъ сложны, такъ запутаны. Я не хочу скрывать возможности существованія и этой причины, потому что я хочу рисовать себя не лучше, не хуже, чѣмъ я являюсь на самомъ дѣлѣ.

Я вошелъ въ вертепъ.

Компанія была въ полномъ сборѣ.

— Наше вамъ почтеніе!—закричалъ мнѣ навстрѣчу купчикъ.—Гдѣ пропадать изволили?

Я объяснилъ, что перебрался на новую квартиру.

— Ужъ не попалъ ли, въ самомъ дѣлѣ, въ писатели?—спросилъ съ недовѣріемъ отставной гимназистъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Что-жъ, это мѣсто доходное,—замѣтилъ старый чиновникъ.—Стакашикъ... вспрыснуть-съ,—жалобно говорилъ онъ.

— Я затѣмъ и пришелъ,—улыбнулся я.

— Это хорошо-съ, что старыхъ пріятелевъ не забыли-съ!—одобрилъ купчикъ.

Одинъ отставной гимназистъ хмурилъ брови.

Мы сошли въ подвалъ для выпивки. На столѣ появилось вино. Купчикъ расходился, «приказная крыса» потѣшала компанію, выдѣлывая различныя штуки, выпивая цѣлые стаканы вина, не прикоснувшись къ нимъ руками. Только отставной гимназистъ попрежнему смотрѣлъ угрюмо и пилъ стаканъ за стаканомъ, не произнося ни слова. Отъ времени до времени онъ ерошилъ свои густые, черные волосы.

— Чего ты бахвалишься-то!—вдругъ крикнулъ онъ мнѣ.—Удалось... Думаешь,—и важная птица! Писатель! Видали мы такихъ-то, въ однихъ кабакахъ пивали!

— Чего ты ругаешься-то!—спросилъ я уже нетвердымъ голосомъ.

— Чортъ побери!—крикнулъ онъ, стукнувъ по столу кулакомъ.—Мы сами писатели! Да!

— Ста-тей-ки тоже пописываетъ,—замѣтилъ шопотомъ чиновникъ, подло подмигивая мнѣ глазомъ.

— Да... статейки! Обличу... Хочешь, тебя сейчасъ обличу, какъ ты по кабакамъ шляешься? А! Струсилъ... Мы все можемъ!

— Это онъ на-дняхъ такъ отлупцовалъ трактиръ Антонова, что тотъ говоритъ, лучше ты у меня задаромъ пей, что хочешь, а только марали этой про меня не пущай, будто у меня грязь и вонь въ трактирѣ,—захохоталъ купчикъ.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на новаго своего собрата по ремеслу.

— Да ты чего глаза-то на меня выпялилъ!—кричалъ расходившійся гимназистъ.—Узоры на мнѣ написаны, что ли? Ты думаешь, мы только и умѣемъ, что Антоновыхъ обличать... Врешь, братъ, врешь! Башка-то тоже у насъ не малая... Мозги-то есть! Умѣемъ ими ворочать! Можетъ-быть, почище тебя вышли бы... Эхъ, кабы не судьба!

— Ну, поѣхалъ,—безнадежно махнулъ рукой купчикъ.— А ты пей.

Онъ налилъ стаканъ и поднесъ его къ губамъ поникшаго головой гимназиста; тотъ оттолкнулъ стаканъ и пролилъ вино.

— Чего даръ-то Божій лить,—жалобно замѣтилъ чиновникъ.—Мнѣ бы лучше велѣли выпить.

— Судьба! — мрачно проговорилъ гимназистъ. — Судьба загубила... А знаешь ли ты судьбу-то мою?—вдругъ спросилъ онъ и заговорилъ съ оживленіемъ:

Въ смрадномъ омутѣ подвала
Въ міръ явился я, какъ тать,
И съ стыдомъ меня скрывала
Опозоренная мать.
Я былъ сытъ, но хлѣбъ мой черный
Мнѣ давался съ первыхъ дней
За развратъ, за трудъ упорный
Бѣдной матери моей.
Дорогой цѣной страданья
Пробивался мнѣ тогда
Путь для жизни, путь для знанья,
Путь для честнаго труда.
Каждый шагъ купился кровью
Этой женщины,—но ей
Отплатился не любовью
Страшный подвигъ жизни всей.
Помню я, въ предсмертной мукѣ,
Зная страшный жребій мой,
Мать въ слезахъ ломала руки,
Съ безнадежною мольбой.
Не услышались моленья:
Мать засыпали землей,
Сына предали забвенью

На холодной мостовой!
Шелъ я, выкидышъ подвала,
За работой...

Гимназистъ вдругъ махнулъ рукой и умолкъ. Я слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, у меня словно замеръ духъ, но тѣлу пробѣжали мурашки.

— Ну, ну, дальше, дальше!—пробормоталъ я.

— Дальше нѣтъ,—мрачно отвѣтилъ гимназистъ.

— Потѣха, братъ,—захохоталъ купчикъ.—Началъ онъ писать эту стишину и плачетъ, ревмя реветъ... Въ подпитіи былъ наканунѣ, а опохмелиться-то было и не изъ чего... Ужъ потѣшились мы, глядя на него... Да ужъ жаль стало, дали выпить...

— Ну?—спросилъ я.

— Чего нукаешь—не запрягъ еще! — засмѣялся купчикъ.—Напоили, вотъ и все...

— А стиховъ-то такъ и не кончилъ?—спросилъ я у гимназиста.

— Когда-нибудь кончу,—угрюмо проговорилъ онъ.

— Да у него ихъ много-съ,—замѣтилъ чиновникъ.

— Что же, прочти,—попросилъ я.

— Ну, ихъ!..

— Да не ломайся!—толкнулъ его купчикъ.

Гимназистъ началъ неохотно.

Прошла камель!
О люди, люди-братья,
Ей вслѣдъ вы будете ужель,
Какъ прежде, посылать проклятья
И покупать, какъ дѣлали досель,
Ея продажныя объятья!
Прошла камель!.. Она...

Я не выдержалъ и невольно расхохотался. Гимназистъ умолкъ и сконфузился. Онъ быстро налилъ себѣ вина и выпилъ.

— Чего ты, читай дальше!—кричалъ купчикъ.

Гимназистъ махнулъ рукой.

— Необразованность ты!—пробормоталъ онъ.

— А у тебя талантъ есть,—замѣтилъ я въ утѣшеніе гимназисту.

— Свой-то талантъ въ здѣшнемъ кабакѣ въ закладъ не оставь!—угрюмо отвѣтилъ онъ.—Пой пѣтухомъ!—крикнулъ онъ чиновнику.—Скуку нагнали!.. Придутъ, да важничаютъ, словно безъ нихъ тутъ плакали!

Онъ, видимо, злился на меня. Я притихъ, мнѣ стало жаль

сто. Выпивъ еще немного вина, я простился съ пріятелями и ушелъ.

Мнѣ было тяжело и горько. Шванвичъ-Родзевичъ и отставной гимназистъ были мои первые литературные знакомые.

«Что же это—предостереженіе или предзнаменованіе?»—думалось мнѣ, и я опять упалъ духомъ, былъ такою же тряпкой, мокрою курицей, какъ на пирушкѣ портного.

«Спьяна вѣрно,—разсуждалъ я.—Подлая ужъ такая натурішка. А можетъ, и не спьяна... Можетъ, и есть отчего падать духомъ?.. Нѣтъ же, ты увидишь, ты увидишь... я не то, что онъ... не то, бра-тъ!»

Я силился и никакъ не могъ объяснить, что я. Впрочемъ, можетъ-быть, я и объяснилъ, но мой слушатель или ничего не понялъ, или не хотѣлъ отвѣчать. Это меня оскорбило, и я началъ плакать и обнимать своего слушателя, но онъ оставался холоденъ и къ моимъ объятіямъ. Тогда я рѣшился поколотить его и плюнуть на это безчувственное животное.

— Держи крѣпче, не то убѣжитъ!—кто-то насмѣшливо крикнулъ мнѣ.

Я отшатнулся и увидѣлъ, какъ сквозь какой-то туманъ, что я стою у уличнаго фонаря, съ которымъ я, должно-быть, бесѣдовалъ довольно долго о горькой участи русскаго писателя.

XII.

— Довольно, Александръ Николаевичъ, довольно. Пора тебѣ и остепениться, пора приняться за работу... Деньги уплываютъ, какъ вода, время летитъ стрѣлою, а ты еще и за перо не брался... Время успокоиться, засѣсть дома, засѣсть одному, въ тишинѣ... И тебѣ ли не работать теперь? У тебя тепло, свѣтло, ты сытъ, ты одѣтъ... Вспомни, удавалось ли тебѣ хоть когда-нибудь жить въ такомъ раю?.. При такихъ ли условіяхъ началъ ты работать?..

Такъ увѣщевалъ я себя, посѣтивъ и вертепъ, и галлерею Александринки, и галлереи Эрмитажа, и Эльдорадо и... Да мало ли какія мѣста посѣтилъ я, поддавшись массѣ новыхъ впечатлѣній и гонимый наплывомъ внутренняго блаженства въ объятія людей. А такъ какъ въ столицѣ у меня не было никого знакомыхъ, такъ какъ къ «порядочнымъ» людямъ не войдешь прямо въ домъ и не скажешь, что, молъ, я счастливъ и хочу васъ обнять, расцѣловать, подѣлиться съ вами своимъ блаженствомъ, то приходилось идти къ «нено-

рядочнымъ» людямъ, а если нельзя было имъ разсказывать о своемъ счастьи, то можно было съ ними пить, обниматься и цѣловаться. Мы, бурсаки, вообще любимъ товарищество, любимъ быть съ людьми на распашку, любимъ дѣлиться съ ближнимъ горемъ, и радостью. Хороша или нѣтъ эта черта— не знаю, то она прививается къ намъ среди затворнической жизни, среди холодно относящагося къ намъ остального общества, среди бѣдъ и лишеній, испытываемыхъ нами, и такъ или иначе мы рвемся къ людямъ, съ которыми можно бы отвести душу. Одиночество, невозможность сообщить свои чувства ближнимъ нагоняетъ на нашего брата ту мертвящую тоску, то похоронное настроеніе, при которыхъ люди дѣлаются нерѣдко пьяницами, мрачными и неизлѣчимыми пьяницами; эти люди пьютъ, не развеселяясь, пьютъ, не останавливаясь, рюмку за рюмкой до безпамятства, послѣ котораго тотчасъ же начинаютъ снова пить.

Я боялся этого пьянства. Въ теченіе трехъ лѣтъ моей нищенской жизни, я уже два раза предавался подобному пьянству. Тогда я говорилъ: «Ну и пусть сопьюсь, пусть сопьюсь, однимъ будетъ меньше!» Теперь оно пугало меня, теперь мнѣ улыбалось будущее: я стоялъ «на пути къ извѣстности». Я зналъ, что трудъ, дорогой и любимый трудъ, спасетъ меня отъ этой щемящей тоски одиночества, а потомъ— потомъ обзаведусь близкими пріятелями, честными людьми-тружениками, и поплетемся мы вмѣстѣ впередъ, дѣлясь и надеждами, и печалями, и промелькнутъ мои студенческіе годы, какъ птицы, а можетъ-быть, еще попадется навстрѣчу женщина, молодая, добрая, умная... Да, да, мнѣ нужна хорошая и умная подруга. Я до сихъ поръ скитался среди погибшихъ людей, я только сталкивался съ неразвитыми, съ падшими, жалкими женщинами. Я не могъ ихъ любить, онѣ мнѣ были то жалки, то гадки. Иногда мнѣ было совѣстно, что и я иду къ нимъ, понимая всю гнусность этихъ отношеній, продажи и покупки человѣческой личности. Отбиться же отъ этихъ отношеній, столкнуться съ иными женщинами можно только при помощи упорнаго труда, когда моя жизнь пойдетъ правильнѣе, когда я буду въ состояніи, не краснѣя за себя, войти въ порядочныя семьи, въ честные дома.

За работу, за работу!..

XIII.

Я принялся за вторую часть моего романа...

Работа шла гораздо хуже, чѣмъ я ожидалъ. Что это? Неужели талантъ измѣняетъ? Или есть какія-нибудь посторонніе причины.

Я началъ ихъ искать, онѣ нашлись...

Комната, нанятая мною, находилась между хозяйскимъ помѣщеніемъ и комнатою какой-то одинокой швеи. За комнатою швеи находилось помѣщеніе двухъ молоденькихъ братьевъ Сизовыхъ, мелкихъ чиновниковъ. Рано утромъ будили меня однообразные звуки машинки, на которой шила швея; этимъ звукамъ вторила голосистая канарейка. Ужъ въ первые дни работы меня очень сердило это обстоятельство, потому что приходилось вставать ранѣе обыкновеннаго, что было особенно непріятно, такъ какъ я въ эти дни возвращался довольно поздно домой или, сидя дома, засиживался за полночь надъ второй частью романа, которую безплодно торопился окончить. Но это было не одно неудобство моей комнаты. Въ первый же день изъ спокойныхъ дней, когда я не былъ ни въ вертепѣ, ни въ Эльдорадо; ни въ театрѣ, ни въ Эрмитажѣ, я познакомился и съ жизнью въ хозяйскомъ помѣщеніи. Около пятаго часа за стѣной въ хозяйской комнатѣ послышался дѣтскій голосокъ, торопливо и безостановочно повторявшій: «З'емъ, тю емъ, иль емъ, ну земонъ, ву земе, иль земъ». Затѣмъ снова шло: «З'емъ, тю емъ, иль емъ» и т. д., не прерываясь, не останавливаясь. Это была своего рода машинка. Черезъ нѣсколько минутъ къ голосу дѣвочки присоединился голосъ мальчика.

— Ну, чего локти-то, сорока, распустила, весь столъ заняла! Пусти! Приготовлять уроки надо,—сердито проговорилъ онъ.

— Мало лазвѣ тебѣ мѣста, чего толкаешься,—обидчиво произнесла дѣвочка, на минуту переставъ спрягать несчастный глаголъ, и потомъ снова залепетала: «З'емъ, тю емъ».

Съ минуту было слышно, какъ шумно усаживался мальчикъ, вынимая на столъ книги.

— Mensa, mensae, mensae, mensam,—послышался его голосъ и слился съ голосомъ дѣвочки.

Раздался чей-то продолжительный зѣвокъ и заскрипѣла кровать.

— Очухался!—сердито проворчалъ грубый женскій голосъ.

— Славно соснулъ,—послышался мужской голосъ, сопровождаемый новымъ зѣвкомъ.

— Тебѣ бы только спать: и днемъ спишь, и ночь дрыхнешь...

— Поздно ложусь...

— Ну да, поздно ложишься, зато днемъ спишь!

Наступило молчаніе, прерываемое звуками: «з'емъ, тю емъ», «mensa, mensae»...

Вдругъ неожиданно за стѣной что-то взвизгнуло, точно пробкой провели по стеклу, потомъ пронеслось что-то похожее не то на плачъ грудного ребенка, не то на мяуканье кошки, и чрезъ минуту я уже ясно различалъ, что кто-то пробуетъ скрипку, скверную разбитую скрипку. Это были рѣжущіе ухо, доводящіе до нервнаго раздраженія дисгармоническіе звуки. Они раздавались медленно, изумляя неожиданностью. Дѣтскіе голоса сдѣлались громче: они, казалось, хотѣли заглушить эти звуки, вѣроятно, мѣшавшіе имъ заниматься.

— Ты чего пилишь-то безъ нужды? Сыгралъ бы хоть что-нибудь,—промолвилъ женскій голосъ.

— Настроить надо,—отвѣтилъ мужской голосъ.

— Только и умѣешь, что настраивать...

Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ настраиванья скрипки, сопровождаемаго спряженіемъ французскаго глагола и склоненіемъ латинскаго имени существительнаго. Наконецъ, настраиванье кончилось и раздались звуки «Лучины». Дѣти уже не лепетали, а кричали свои «з'емъ» и «mensa». А «Лучинушка» все ныла и ныла, точно за душу тянула, наконецъ, она, должно-быть, окончательно растрогала женщину, и я ясно разслышалъ, какъ сиповатый женскій голосъ началъ подтягивать:

Бе-ре-зо-вая!

Квартетъ выходилъ убійственный. Вдругъ за стѣной, отдѣлявшей меня отъ швеи, раздавался знакомый мнѣ стукъ: «ту-ту-ту!», кто-то часто-часто и ровно колотилъ маленькимъ молоточкомъ по столу. Я вскочилъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

«Это чортъ знаетъ, что такое!.. Какая же есть тутъ возможность работать,—думалъ я въ волненіи.—Да тутъ никакой геній ни одной строки не напишетъ...»

А за стѣной все тукаетъ машинка, все слышится: «з'емъ» и «mensa», и все тянется:

Во-дой за-ли-ла...

— Нѣтъ! завтра же отыщу новую квартиру! Тутъ совсѣмъ пропадешь!.. Нужно выйти, провѣтриться!..

Я поспѣшно одѣлся и вышелъ. Въ театръ идти было уже поздно, и я началъ бродить по улицѣ. Тоска страшная. Ни

одного лица знакомаго. Ни одного дома, съ которымъ были бы связаны воспоминанія, все чужое. И эти высокіе дома смотрятъ такъ важно и холодно, точно чиновныя лица. Нѣтъ ни одного какого-нибудь присѣвшаго на бокъ, словно подпившаго доминика, нѣтъ ни одного размалеваннаго по провинціальному дома, смѣшного, какъ разряженная купчиха. Все солидно, чинно, холодно, сухо.

— Мое почтенье-съ!—вдругъ раздалось надъ моимъ ухомъ. Я посмотрѣлъ на молодыхъ людей, стоявшихъ передо мною, и узналъ своихъ сосѣдей, братьевъ Сизовыхъ.

Я раскланялся.

— Прогуляться вышли-съ?—спросили они.

— Да, надоѣло дома сидѣть...

— Мы вотъ тоже-съ... на барышень вышли посмотрѣть... Это ужасть, сколько ихъ тутъ по Невскому вечеромъ шляется,—говорилъ старшій Сизовъ, Иванъ Ивановичъ.

— Иная ужъ пьяна совсѣмъ, а идетъ,—подхватилъ младшій Сизовъ, Николай Ивановичъ.

— Посмотрите, посмотрите, по холодку-то въ одномъ легонькомъ платьицѣ...

— Душка!—обернулся Иванъ Ивановичъ къ дамѣ въ «легонькомъ платьицѣ».

— Скажите, какіе комплименты разводитъ! — отозвался сиплый голосъ женщины.

— Статскій, дай папироску!—произнесла другая женская фигура, подходя ко мнѣ.

Я далъ ей папироску и обратился къ братьямъ:

— Я домой, до свиданья...

— Да что, и мы идемъ!.. Не стоитъ даромъ-то шляться...

Мы пошли.

— Мы теперь, знаете, не при деньгахъ... Конецъ мѣсяца...—объяснилъ младшій изъ братьевъ.

— А съ сосѣдкой нашей познакомились?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Ничего, дѣвочка хорошенькая-съ! Вонъ братъ Иванъ съ нею ужъ близокъ, счастливецъ!—захлебываясь, проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Вольно же тебѣ робѣть,—презрительно отозвался Иванъ Ивановичъ.—Удивительно онъ, знаете, у меня робокъ. Его и въ Гатчинѣ у насъ дѣвочкой звали. Во время экзаменовъ у него всегда, бывало, лихорадка. Такъ отъ этой самой робости и не кончилъ ученья... А съ женщинами нужна

смѣлость. Вѣдь только разъ побѣди, и конецъ, тамъ совсѣмъ ручная сдѣлается...

— А жаль, вчера васъ вечеромъ дома не было, вотъ-то потѣха-съ!.. Вора въ домѣ поймали!..—замѣтилъ младшій братъ.—Весь домъ сбѣжался... зрѣлище, знаете...

— Гдѣ же его поймали?—спросилъ я.

— На лѣстницѣ у насъ тутъ чуланчикъ, знаете, такъ онъ въ этотъ самый чуланчикъ и забрался... Хозяйка туда зачѣмъ-то пошла и задѣла за его ноги. Огня-то не было, темно... Видитъ она, что дѣло плохо: она къ намъ. Вѣдь мужъ-то ея по вечерамъ у Берга и въ Эльдорадо на скрипкѣ играетъ. Только мы изъ мужчинъ и остаемся въ квартирѣ. Мы это вышли и сейчасъ же чуланчикъ на замокъ, а хозяйку откомандировали къ дворнику. Ну, конечно, она это покуда бѣжала да охала,—вся лѣстница узнала о ворѣ. Народу навалило страсть! Едва протискались дворники. И что-жъ вы думаете, онъ-то, воръ-то этотъ самый, притворился спящимъ. Храпитъ себѣ во весь носъ. Стали его будить, не могутъ добудиться. Наконецъ, ужъ дворникъ догадался, началъ его за волосы таскать,—тогда только очухался. Прикинулся пьянымъ; бормочетъ: «Не тронь, спать хочу!» Ужъ было же и смѣху. Дворникъ это его тащитъ, а онъ отбивается. «Пусти, спать хочу», вотъ и все.

— Братъ и гусара ему въ носъ запущалъ,—стерпѣлъ, не открылъ глазъ,—вставилъ младшій братъ.

— Мы послѣ этого, знаете, всю ночь не спали. Всѣмъ это мерещится, что кто-то ходитъ у насъ въ коридорѣ... Никого нѣтъ, а мерещится..

— Да, а каково мнѣ-то было? Я одинъ остался, потому швея уснуть не могла. «Боюсь, говоритъ, одна въ комнатѣ быть», ну братъ и пошелъ къ ней. Я тоже хотѣлъ идти.

— Такъ бы я тебя и пустилъ къ ней! Такихъ-то случаевъ не скоро дождешься! Только ради этого случая я и познакомился, а то только вздыхаешь, какъ встрѣтишь ее, а она потупится, да на томъ и кончалось все...

Мы помолчали.

— А вы на службу опредѣлиться пріѣхали?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, въ университетъ на будущій годъ поступаю.

— Такъ вы еще учиться будете?.. Да вамъ сколько же лѣтъ?—съ изумленіемъ спросилъ Николай Ивановичъ.

— Двадцать два.

— О! Ну я бы, кажется, если бы мнѣ денегъ дали то-

перь, не сталъ бы учиться,—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Отвѣчать это профессорамъ, экзамены держать,—а вдругъ нуль получишь или выговоръ какой дадутъ тамъ, со стыда сгоришь...

— Можно и не получать нулей и выговоровъ не заслуживать,—замѣтилъ я.

— Онъ, знаете, въ Гатчинѣ, бывало, чуть спросятъ его что, сейчасъ въ слезы... Такъ за него старшіе все и дѣлали... Любили его,—замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Да вѣдь, пожалуй, вамъ въ гимназіи экзаменъ держать?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Да!

— Ну, нѣтъ! Ужъ я бы ни за что не сѣлъ на скамью съ мальчиками!.. Стыдно!

— Учиться никогда не стыдно,—отвѣтилъ я прописной истиной.

— Нѣтъ, ужъ какъ хотите, а стыдно, ей-Богу стыдно... Вѣдь въ наши лѣта иной своихъ дѣтей имѣетъ и вдругъ съ мальчиками сѣсть, отвѣчать, какъ это учитель спроситъ изъ ариѳметики тамъ или грамматики... Нѣтъ, право, это со стыда сгорѣть нужно!.. И что вамъ учиться, поступали бы на службу... Вотъ у насъ оклады хорошіе...

— Ну, взгляды у всѣхъ различные! Вамъ учиться стыдно, а мнѣ было бы невыносимо служить, переписывать бумаги и слушать выговоры какихъ-нибудь столоначальниковъ.

— Такъ этакъ и совсѣмъ жить нельзя: вѣдь старшіе-то вездѣ есть. Безъ выговоровъ не проживешь! А потомъ и самъ столоначальникомъ будешь, подчиненные будутъ... Нѣтъ, ужъ безъ начальства нельзя...

— Ну, а мнѣ хочется именно такъ прожить, независимо, идти тѣмъ путемъ, который мнѣ нравится...

— Да, оно, конечно, можно, если есть капиталъ,—согласился Николай Сизовъ.—Будь-ка у насъ капиталы, мы бы показали себя! Уѣхали бы за границу, въ Парижъ это, и въ усъ бы никому не дули!.. Мы и то иногда мечтаемъ съ братомъ... Знаете, когда денегъ это нѣтъ, поневолѣ сидишь дома, ну и придумываешь... Братъ вотъ разъ разсуждалъ, что бы было, если бы его главнокомандующимъ сдѣлали...

— Да и онъ тоже выдумалъ,—обратился ко мнѣ старшій братъ.—Что бы, говоритъ, было, если бы я былъ дѣвушкой?.. Самое лучшее, говоритъ, быть хорошенькой дѣвушкой, потому что ничего не дѣлай, а все тебѣ принесутъ...

Мы дошли до дому и приходилось взбираться на темную

лѣстницу, отложивъ разговоръ о мечтахъ братьевъ Сизовыхъ. Въ квартирѣ царствовала мертвая тишина. Распростившись съ братьями Сизовыми, я прошелъ въ свою комнату и зажегъ свѣчу, чтобы работать.

«Да,—подумалось мнѣ:—эти господа отчасти правы: мнѣ тяжело будетъ держать экзаменъ въ гимназіи. Вѣдь понимаешь, что глупо стыдиться того, что учишься, а все-таки... Отвыкъ я отъ ученическихъ отношеній къ учителямъ... Ну, да надо, надо будетъ побѣдить, переломить этотъ ложный стыдъ... Только бы кончить романъ... И что это онъ какъ туго теперь пишется?.. Какъ легко писалась первая часть!.. Квартира здѣсь скверная! Шумятъ кругомъ...»

«Нѣтъ, здѣсь нельзя жить! Тутъ ничего не напишешь»,—думалъ я.

XIV.

Я все ходилъ и ходилъ. Я старался думать о романѣ, а между тѣмъ, мои думы все вертѣлись около моей квартиры, я думалъ о судьбѣ этого трактирнаго музыканта, который цѣлыми днями спитъ, заработавъ вечеромъ и ночью своею игрою нѣсколько копеекъ, о хозяйкѣ, которая бьется, какъ рыба объ ледъ, содержа квартиру и отпуская столъ, о ея дѣтяхъ, которыхъ отдали въ гимназіи, и которыя или не доучатся потому, что у матери не хватитъ средствъ, или потому, что имъ трудно учиться подъ этотъ хаосъ, царствующій въ квартирѣ, о швеѣ, которая такъ неожиданно сошлась съ Иваномъ Ивановичемъ, по случаю забравшагося въ чуланъ вора, и такъ же неожиданно будетъ брошена своимъ обожателемъ, когда она ему надоѣстъ, или когда у нея будетъ ребенокъ, о глуповатыхъ братьяхъ Сизовыхъ, которые покуда не пьютъ и пробавляются легкимъ развратцемъ «подъ рукою» и которые послѣ будутъ и пить, и гулять напропалую—съ горя, со скуки, не дослужившись до 25 рублеваго жалованья.

«Все погибшіе люди,—думалъ я.—Неужели и меня ждетъ то же? Нужно писать и писать... Не должно зарывать своего таланта, онъ, и только онъ, можетъ еще спасти меня... Вотъ, только бы перемѣнить квартиру...»

И вдругъ въ моей головѣ промелькнулъ вопросъ:

«Да что же я все на квартиру сваливаю? Когда же я жилъ лучше? Не у портного ли? не въ семинаріи ли?.. Развѣ тамъ тише, спокойнѣе было, а вѣдь, писалъ же... Да, писалъ! Уже не началъ ли изсякать мой талантъ?.. Что это

я! Да развѣ это возможно... Развѣ я не ловлю на лету смыслъ совершающихся передо мною явленій... Вотъ я могу, хоть сейчасъ, нѣсколькими штрихами, изобразить жизнь всѣхъ моихъ сосѣдей, передать всѣ ихъ характеры, уловить тонкіе оттѣнки ихъ рѣчи, складъ ихъ ума... Талантъ изсякъ! Глупости, глупости! Просто, я усталъ немного отъ новыхъ впечатлѣній, не осмотрѣлся въ новомъ положеніи... Нужно подкрѣпиться!... Нужно быть бодрѣе, смѣлѣе!..

Я подошелъ къ углу, гдѣ у меня стояла бутылка мадеры, и налилъ себѣ полстакана вина. Мои нервы нѣсколько возбудились, и я какъ будто сталъ спокойнѣе, сосредоточеннѣе. Я взялъ тетрадь и началъ писать. Писанье пошло довольно быстро. Мнѣ стало веселѣе. Рука едва успѣвала передавать мысли, образы и картины, мелькавшіе въ головѣ. Иногда я самъ такъ былъ доволенъ написаннымъ, что улыбался или потиралъ руки. Наконецъ, рука начала уставать, я съ трудомъ выводилъ буквы, глаза не видѣли, что я пишу.

Поздно утромъ проснулся я подъ звуки швейной машины. Я лежалъ въ одеждѣ на постели, съ карандашомъ въ рукѣ; около меня лежали листы исписанной бумаги, на столѣ стоялъ подсвѣчникъ съ догорѣвшей свѣчей и пустая бутылка.

«Фью! да я вчера, значитъ, порядочно подвыпилъ,—подумалъ я.—Въ писаньи-то и не замѣтилъ... Надо прочесть, что написалъ-то...

Я умылся, велѣлъ подать самоваръ, собралъ исписанные листы и, прихлебывая чай, сталъ перечитывать написанное. Это были лихорадочныя, страстныя страницы, въ которыхъ мой герой, послѣ долгихъ скитаній, порывался къ честной и плодотворной дѣятельности, прибывъ изъ уѣзднаго города въ столицу. Романъ этого героя—былъ мой романъ. Вся первая часть была, въ сущности, моею автобіографіею. Начало второй было, пожалуй, тоже моей автобіографіей и состояло изъ описанія поисковъ работы. Я только прибавилъ, ради завязки, женскую, свѣтлую личность, которая, бѣжавъ отъ родственниковъ, тоже искала въ столицѣ труда. Написанныя мною вчера страницы заключали именно ту минуту, когда мой герой и моя героиня встрѣтились въ столичномъ омутѣ, въ жалкой квартиренкѣ, нанимаемой героинею отъ жильцовъ. Перечитывая сцену встрѣчи, я инстинктивно почувствовалъ фальшь въ рѣчахъ героя и героини. Это были страстныя, горячія рѣчи,—но, признаюсь, я не слыхалъ, чтобы такъ говорили люди въ жизни. До сихъ поръ, мой герой—это былъ я. Теперь я не узнавалъ въ

немъ себя—это уже просто былъ «герой романа», дѣланный, фразистый. Героиня—это уже не была та свѣтлая личность, которую я, когда-то, мелькомъ, видѣлъ въ семьѣ моего любимаго ученика, нѣтъ, это была какая-то дѣва идеальная, какое-то неошибающееся созданіе, съ затверженными, возвышенными фразами. Въ ней недоставало того недомыслія, да, именно, того *недомыслія*, которое постоянно встрѣчается въ жизни у малоразвитыхъ и только еще стремящихся на лучшій путь людей: она была слишкомъ умна, она говорила такъ, какъ будто всю жизнь посвятила чтенію всеможныхъ тенденціозныхъ романовъ и популярныхъ трактатовъ научнаго содержанія. Это былъ, скорѣе, «критикъ жизни» въ юбкѣ, чѣмъ юная и неопытная провинціалка. Но рядомъ съ этими дѣланными героями стояли—хозяйка квартиры, братья Зайчиковы, сосѣди героини, скрипачъ изъ трактира—и это были живыя, дышащія юморомъ, лица. Да, это были живые типы, это были живые люди, я въ нихъ тотчасъ же узналъ своихъ сожителей.

Но что же я буду дѣлать теперь? Мнѣ остается самая трудная часть работы, я долженъ пристроить своихъ—героя и героиню. Сначала, задумывая романъ, я хотѣлъ сдѣлать героя и героиню честными и свѣтлыми дѣятелями, мнѣ, правда, туманно, въ общихъ чертахъ представлялась картина ихъ честной, трудовой и плодотворной жизни. Теперь, когда я подошелъ поближе къ этой части романа, когда меня неотразимо преслѣдовалъ вопросъ: «что же дальше?» когда нужно было отвѣчать на этотъ вопросъ прямо, безъ уловокъ, безъ недомолвокъ,—я сталъ втупикъ. Гдѣ честная и плодотворная дѣятельность? Не сдѣлать ли героя писателемъ? Но гдѣ же, выходящіе изъ одной среды съ моимъ героемъ, писатели, которые могли бы быть названы вполнѣ дѣятелями, а не работниками—изъ-за куска хлѣба? Да, гдѣ же и типы, знакомые мнѣ, съ которыхъ я могъ бы нарисовать этотъ образъ? Я не зналъ еще литературной среды. Не заставить ли героя сдѣлаться новаторомъ, разочаровавшимся въ будничной дѣятельности? Но гдѣ эти новаторы? Каковы они? И какъ же мой герой сдѣлается дѣятелемъ-писателемъ или дѣятелемъ-новаторомъ, когда онъ въ первой части является неподготовленнымъ и только стремящимся къ чему-то лучшему юношей? У меня есть юмористическая жилка, и я сразу почувствовалъ весь комизмъ этого недоучившагося героя, въ качествѣ дѣятеля-писателя или дѣятеля-новатора. Я понялъ, что его «срѣжутъ» на первыхъ

его словахъ, что онъ будетъ говорить сумбурныя фразы или, что еще хуже, совсѣмъ не будетъ ничего говорить, а я буду туманно разсказывать, что онъ написалъ великолѣпную статью или устроилъ какое-нибудь «общество, на новыхъ основаніяхъ», умалчивая о томъ, въ чемъ заключалось великолѣпіе его статьи и новость основаній его общества. Но что же дальше? дальше-то что? Ужъ не опредѣлить ли его чиновникомъ въ департаментъ, какъ карателя взяточниковъ... Нѣтъ, Львовъ и графъ Сологубъ предупредили меня.

— Къ вамъ письмо мужикъ принесъ,—послышался голосъ хозяйки.

Я взялъ письмо и велѣлъ подождать посланному.

Письмо было отъ Шепелева. Онъ писалъ мнѣ:

«Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

«Безъ лести говоря, ваше новое произведеніе превосходно. Это не то, что мертвечина нашихъ разлагающихся мышныхъ жеребчиковъ или потуги нашихъ недодѣланныхъ проповѣдниковъ-молокососовъ. Тутъ жизнь бьетъ въ глаза. Спѣшите представить вторую часть. Первая набрана. Торопимся выпускать слѣдующую книжку. Пришлите, если можно, хоть клочокъ второй части или завезите послѣзавтра свою вторую часть. Премного обяжете.

Преданный Вамъ

Шепелевъ».

— Что же я буду дѣлать?— взволновался я.—Что отвѣчать?.. Надо написать, что послѣзавтра доставлю, что еще не переписалъ, что прихворнулъ.

Я написалъ въ этомъ духѣ отвѣтъ.

Нужно было работать, не отдыхая работать. Я сѣлъ... Писалось вяло... Десять разъ я бросалъ перо, десять разъ передѣлывалъ сцены. Мой герой уже открывалъ третью школу, моя героиня уже проектировала пятую мастерскую, а романъ все не двигался впередъ. И школы, и мастерскія были разорваны и валялись на полу, какъ будто напоминая мнѣ о непрочности у насъ подобныхъ начинаній.

А машинка швеи все стучитъ и стучитъ.

— Хоть бы ушла куда-нибудь къ чертямъ!—проворчалъ я.—Вѣдь этакъ совсѣмъ писать нельзя, мысли путаются... И вѣдь, поди, тоже довольна своей судьбою, ждетъ своего Ваню къ вечеру... Нѣтъ, нужно пройтись, освѣжиться...

Я схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ дому. На углу у насъ въ улицѣ винный погребокъ. Я зашелъ въ него, выпилъ рюмку водки и захватилъ двѣ бутылки мадеры.

Теперь за работу... И чего я напрягаюсь представить героя и героиню! Какіе они герои? Да и гдѣ эти герои? Гдѣ я ихъ видѣлъ? Просто двумъ молодымъ людямъ побаловаться захотѣлось, ну, и поѣхали въ Питеръ безъ всякой основательной подготовки... Свести ихъ вмѣстѣ, заставить по «любвѣ» пройтись, а затѣмъ и показать, какъ они хнычутъ среди голода и холода, неспособные ни къ какой серьезной дѣятельности. Пусть онъ тише воды, ниже травы сдѣлается, а она дѣтей рожать начнетъ незаконнымъ образомъ... Теперь и нужны не описанія героевъ, а отрицательное отношеніе къ людямъ. Нужно тряпку-человѣка изобразить тряпкой, пусть видятъ, въ какомъ омутѣ стоятъ подобные люди. Пусть они ни на что не надѣются, пусть до отчаянія дойдутъ, глядя на всю пошлость и тряпичность свою, — тогда, авось, что-нибудь и выйдетъ. Съ отчаянія или въ воду бросаются, или героями дѣлаются. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, это великая истина.

Предо мной вдругъ воскресъ цѣлый рядъ погибшихъ личностей, стремившихся когда-то къ чему-то и потомъ тихо спившихся съ круга, отупѣвшихъ въ затхлой атмосферѣ мелкихъ семейныхъ дрязгъ, исподличившихся подъ гнетомъ грошовыхъ нуждъ, очерствѣвшихъ среди голода и холода, среди ежедневныхъ слезъ и криковъ.

— Прочь старое названіе: «На зарѣ!»—мысленно говорилъ я.—Назову свой романъ: «На погостѣ». Это вѣрнѣе... Это мрачнѣе... И какой смыслъ получатъ тогда мои смѣхотворныя сцены! Это будетъ не праздный смѣхъ зубоскала, это будетъ демоническій хохотъ, за которымъ слышны слезы и стоны!.. Да, такова жизнь, будемъ же ее изображать такою.

Я нервно, болѣзненно принялся писать. Я со смѣхомъ, съ болѣзненнымъ смѣхомъ писалъ, какъ герой высокопарно говоритъ героинѣ:

— Будемъ трудиться! Наша жизнь вся въ будущемъ! Мы будемъ сильнѣе вдвоемъ! Мы пойдемъ рука объ руку честнымъ, тернистымъ путемъ и не уступимъ врагамъ ни пяди...

И въ то же время я заставлялъ братьевъ Зайчиковыхъ, съ затаеннымъ дыханіемъ и съ сальными намеками, подсматривать въ щелку на объясненія героя и героини.

— Наша-то неприступная!—хохочетъ одинъ братъ Зайчиковъ.

— Да пусти, ты мѣшаешь!—толкаетъ его другой братъ.—Насмотрѣлся ужъ!..

А герой продолжалъ въ томъ же высокопарномъ тонѣ, все съ восклицательными знаками:

— Не бойся, милая! Мы сумѣемъ отдать не даромъ свою жизнь, мы сумѣемъ выйти изъ этой тины раззолоченныхъ тунеядцевъ, непойманныхъ воровъ, забитыхъ тружениковъ и безмолвныхъ рабынь! Выйдемъ побѣдителями, или умремъ честно, не наложивъ на себя ни одного пятна!

— Цѣлуются! — шепчетъ съ сердечнымъ замираніемъ одинъ изъ братьевъ Зайчиковыхъ.

Да, да, нужно обличить это фразерство, нужно свести съ пьедестала и опошлить этихъ недозрѣлыхъ болтуновъ, считающихъ волненія своего девятнадцатилѣтняго сердчишка, сводящіяся на амурныя сцены, за какія-то высшія стремленія! Я писалъ и жадно глоталъ стаканъ за стакановъ. Я былъ веселъ, счастливъ, золъ,—да, радостно золъ: я топталъ въ грязь и героя, и героиню, какъ будто это были мои личные враги... А что же: развѣ и не такъ? Развѣ этотъ герой не я? Развѣ я безсознательно и смутно не ненавидѣлъ себя за неумѣнье иначе развязать свой романъ, развѣ я не проклиналъ еще вчера узкость своего кругозора? Да, я бичевалъ въ своемъ героѣ себя...

А тамъ—какъ мнѣ казалось, гдѣ-то далеко, далеко—ныла скрипка, кто-то сиплымъ женскимъ голосомъ завывалъ: «не брани ме-ня, ро-дна-я», гдѣ-то дѣтскіе голоса зубрили, «з'емъ, тю смъ»... кто-то постучалъ машинкою, тутъ же слышался мужской голосъ, напѣвавшій: «обойми, поцѣлуй». Да, все это было далеко, далеко, дальше той шарманки, которая наигрывала на концѣ двора: «подъ вечеръ осени ненастной», дальше той собаки, которая жалобно и уныло подвывала подъ музыку разбитой шарманки...

Я заканчивалъ вторую часть моего романа.

— За что я любить-то тебя буду?—говорила моя героиня герою. — Другія женщины, какъ сыръ въ маслѣ катаются, въ бархатѣ ходятъ, а я... У насъ жрать нечего!

— Погоди, нельзя же вдругъ,—отвѣчалъ ей мой герой.— Вотъ вчера хотѣлъ сорвать взятку съ купца Синегубова, такъ говоритъ: «Еще мелко плаваете, не по чину брать хотите»... Потерпи, настанетъ и на нашей улицѣ праздникъ!..

Я дописывалъ эти строки и плакалъ, плакалъ неудержимыми слезами, точно въ это мгновенье я самъ, своими собственными руками, срывалъ чистыя, свѣтлыя одежды съ своихъ лучшихъ друзей, забрасывалъ ихъ грязью, оплевывалъ, топталъ ихъ ногами.

А впрочемъ, можетъ-быть, я плакалъ потому, что я подвыпилъ...

XV.

Не безъ волненія понесъ я оконченную мною вторую часть романа въ редакцію, точно я боялся, что ее станутъ тутъ же при мнѣ читать и возвратятъ назадъ, какъ вещь никуда негодную. Шепелевъ и Терешинъ, сидѣвшіе въ пріемной, встрѣтили меня очень радостно. Я пожималъ ихъ руки, какъ напроказничавшій школьникъ, и поспѣшилъ заявить, что я все хворалъ, что Петербургъ скверно отозвался на моемъ здоровьи. Я вралъ для того, чтобы оправдать себя за пять дней, просроченныхъ мною въ дѣлѣ доставленія рукописи. Отчасти этою ложью я надѣялся оправдать себя впослѣдствіи, если найдутъ рукопись плохою. «Въ этомъ случаѣ,—думалъ я:—можно будетъ сослаться на болѣзнь, сказать, что не могъ отдѣлать своего произведенія, какъ слѣдуетъ». Не знаю, замѣтили ли Терешинъ и Шепелевъ мое смущеніе, замѣтили ли они, что я слишкомъ усердно смѣялся при ихъ остротахъ, замѣтили ли они, что я самъ напускалъ на себя веселость и старался смѣшить ихъ, но я самъ чувствовалъ, что въ этотъ разъ, несмотря на свою франтоватость и развязность, я выглядѣлъ гораздо фатальнѣе, чѣмъ тогда, когда я стоялъ впервые въ лохмотьяхъ въ этой самой пріемной комнатѣ.

— А о вашемъ разсказѣ есть уже замѣтка, — замѣтилъ мнѣ Терешинъ.—Левчинскій погладилъ по головкѣ!..

Я покраснѣлъ, точно меня дѣйствительно по головѣ погладили.

— Гдѣ это? — спросилъ я, не зная, кто такой Левчинскій, и гдѣ онъ пишетъ.

— Въ «Трутнѣ», онъ тамъ подъ именемъ «Новаго критика» пишетъ.

— А вы еще не знаете этого господина? — спросилъ Шепелевъ. — Этотъ человѣкъ философскій камень открылъ. *Изъ ничего* золото дѣлаетъ.

Шепелевъ не сказалъ *изъ ничего*, а выразился, по своему обыкновенію, болѣе сильно, хотя и менѣе прилично.

— Да, батюшка, вся-то цѣна человѣку грошъ,—съ пренебреженіемъ, почти съ омерзеніемъ замѣтилъ Терешинъ:— а онъ деньгу зашибаетъ и капиталы наживетъ, помяните мое слово, наживетъ!

— Еще бы! Ему ото всего доходъ, — замѣтилъ съ ядо-

витой усмѣшкой Шепелевъ.—Въ театръ жену и ребятишекъ свозитъ — сейчасъ статья о театрѣ, актеровъ разругаетъ, автора отхлещетъ — глядишь, ложа и окупилась. На дачу переѣдетъ — сейчасъ фельетонъ о дачѣ, дачниковъ продернетъ, владѣльцамъ дачъ нотацію прочтетъ, смотришь, за дачу деньги и добыты. Книжка журнала выйдетъ, и то хлѣбъ: лѣнь ему ее читать всю, прочтетъ одинъ романъ, разскажетъ его своими словами, ругнетъ въ концѣ автора, и гонораръ получитъ; не хочется романа читать, разворотитъ каждую статью, гдѣ попало, выудитъ нѣсколько фразъ отовсюду, приправитъ выписки поученіями или шуточками, и опять за гонораромъ руку протягиваетъ.

— А вѣдь смотрѣть не на что,—замѣтилъ Терешинъ:— лбишка сплюснутый, узенькій, пошлая рожица такая, ни одной мыслишки въ головѣ нѣтъ...

— Да на что ему умъ, онъ по трафарету пишетъ,—съ комической серьезностью замѣтилъ Шепелевъ.—У него ужъ на пять мѣсяцевъ, говорятъ, статей заготовлено, только пустыя мѣста оставлены для вставокъ. Вставки-то ужъ безъ него дѣти дѣлаютъ. Вырѣжутъ эти разныя мѣста изъ журналовъ и вставляютъ. Ничего, забавно выходитъ...

Всѣ засмѣялись, и угреватый секретарь редакціи громче всѣхъ.

— Да, батенька, это совсѣмъ новый сортъ честныхъ дѣятелей,—мрачно и не безъ злобы произнесъ Терешинъ.— Это не Булгарины, это не Воейковы, это не Сенковскіе,— это литературные жиды. Дала имъ мать-природа крохотный умишка и сказала: будь на этотъ умишка и сытъ, и одѣтъ, и богатъ, и дѣтямъ состояніе составь. Ну, они и пускаютъ въ оборотъ этотъ умишко, ловко пускаютъ, не обременяя его ничѣмъ: ни злостью, ни любовью, ни сомнѣніями, ни надеждами. Онъ у нихъ вѣчно ясенъ, вѣчно спокоенъ. Сегодня онъ можетъ за прогрессистовъ стоять, завтра за ретроградовъ. Все это для него только денежные обороты. И вѣдь эти люди не разбойники, которые рѣзать пойдутъ на большую дорогу, это не подлецы, которые такъ прямо продадутъ себя за деньги, нѣтъ, это честные оборотливые жиды. Обругаютъ васъ, и вамъ же жмутъ потомъ руку: вѣдь мы не васъ ругали, а ваше произведеніе, мы не человѣка порицали, а литератора—это просто дѣло коммерческое.

— У него вонъ и дѣти ужъ знаютъ, что папаша живетъ журналами и газетами, — съ обычной ѣдкой серьезностью замѣтилъ Шепелевъ.—Былъ я какъ-то у него, слышу, ма-

ленькая его дочь говоритъ брату: «Ты что газеты лвешь, папаша ихъ плочитаетъ и слянку мнѣ новую купитъ»...

Я смѣялся.

— Сплетникъ онъ, хуже всякой черносалонницы,—вскользь замѣтилъ, нахмуривъ брови, Терешинъ и всталъ.—Вамъ, батенька, деньги не нужны ли?—спросилъ онъ болѣзненнымъ тономъ.

— Нѣтъ, я подожду до выхода книги,—въ смущеніи отвѣтилъ я.

— Чего ждать-то? Книга не завтра, такъ послѣзавтра выйдетъ, а вамъ только лишній разъ идти за деньгами придется. Получайте-ка!

Мнѣ выдали около 160 рублей. Эти деньги были кстати, такъ какъ мнѣ нужно было теплое пальто, нужно было отдать за квартиру, нужно было добавить бѣлья, а денегъ уже не было. Я вышелъ изъ редакціи въ веселомъ настроеніи: у меня были деньги, обо мнѣ написали похвальную замѣтку. Я уже почти пересталъ бояться даже за вторую часть романа. Закупивъ, что было нужно, я посѣтилъ обзавестись и необходимыми книгами; заглянувъ въ эти книги, я увидалъ, что я порядкомъ таки перезабылъ даже и то немногое, чему учился въ семинаріи. Нужно было порядочно приналечь на ученье. Дня четыре я провелъ дома, только по вечерамъ иногда посѣщая галлерею Александринки. На пятый день я получилъ коротенькое письмо отъ Терешина, приглашавшаго меня къ себѣ на обѣдъ. Я отвѣтилъ, что буду. На слѣдующій день, прифрантившись, то-есть, напомадивъ волосы сильно пахучей помадой, надѣвъ свои «колеса французскаго золота», нѣсколько уже полинявшія, и повязавъ на шею купленный въ Пассажѣ пестрый галстукъ, я отправился къ Терешину. Мнѣ казалось, что я одѣтъ щегольски. У Терешина еще никого не было. Я не зналъ, что въ Петербургѣ порядочные люди обѣдаютъ поздно, и что гости, приглашенные на обѣдъ, не забираются слишкомъ рано туда, куда ихъ приглашаютъ, а стараются какъ можно позже доставить хозяевамъ неудовольствіе своимъ присутствіемъ. Терешинъ принялъ меня радушно и весело. Онъ былъ въ ударѣ, какъ это всегда бывало въ тѣ дни, когда у него были гости. Онъ словно помолодѣлъ на десятокъ лѣтъ. Онъ отрекомендовалъ меня своей женѣ, хорошенькой молоденькой институткѣ, походившей на фарфоровую куклу, на этажерочное украшеніе. Она замѣтила, что она читала исторію de ce pauvre Аксенъ и даже плакала.

— Но зачѣмъ у васъ тамъ любви нѣтъ?—наивно спросила она.

— А потому же, матушка, почему у тебя сѣдыхъ волосъ нѣтъ,—довольно грубо отвѣтилъ за меня Терешинъ.—Она у меня все французскіе романы изучастъ,—махнулъ онъ рукою и заговорилъ со мною о новыхъ литературныхъ явленіяхъ, не обращая никакого вниманія на жену.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ своею твердою, деревянною походкою Шепелевъ, закинулъ назадъ голову, съ pince-nez на носу, глядя на всѣхъ какъ-то черезъ голову, и за нимъ сѣменила ногами какая-то мизерная фигурка не то съ злою, не то съ холопскою улыбкой. Фигурка что-то съ жаромъ объясняла Шепелеву; онъ слушалъ ее, поднявъ высоко брови. Съ перваго раза можно было подумать, что эти были директоръ департамента и его секретаришка.

— Левчинскій,—тихо шепнулъ мнѣ Терешинъ и, переваливаясь, заковылялъ навстрѣчу пришедшимъ.

Онъ пожалъ руку Шепелеву и проговорилъ Левчинскому:

— А, батенька, здравствуйте! Какъ живете-можете?

— Ничего-съ, понемногу!.. Вотъ мы сейчасъ разговаривали съ Василіемъ Ѳедоровичемъ...

— То-есть, это онъ разговаривалъ, а я слушалъ,—грубо вставилъ Шепелевъ.

Левчинскій усмѣхнулся.

— Точность любитъ,—не безъ ядовитости замѣтилъ онъ, дѣлая какой-то жестъ красивой, тонкой рукой.

Онъ постоянно называлъ Шепелева въ глаза «директоромъ литературнаго департамента».

— Объ чемъ вы это разсказывали?—спросилъ Терешинъ.

— О новомъ романѣ Зимина. Это Богъ знаетъ, что такое! Развѣ это люди? Гдѣ онъ такихъ людей видѣлъ? Гдѣ такъ говорятъ?

Левчинскій пожималъ плечами и возводилъ своими красивыми руками, сильно рисуясь и горяча себя.

— Да, насиженное,—замѣтилъ Терешинъ.—А вѣдь талантъ былъ, большой талантъ былъ. И какой честный человѣкъ! Исковеркали только его,—обратился ко мнѣ Терешинъ и отрекомендовалъ меня Левчинскому.

Левчинскій небрежно пожалъ мнѣ руку и промолвилъ:

— Мы уже отчасти знакомы: я писалъ о господинѣ Аристидовѣ. Вы очень недурно очертили типъ деревенскаго мальчугана,—замѣтилъ онъ мнѣ совсѣмъ не тѣмъ заискивающимъ тономъ, какимъ говорилъ съ Шепелевымъ и Тере-

шинымъ.—Даже лиризмъ у васъ тутъ вышелъ кстати,—закончилъ онъ съ нѣсколько презрительною усмѣшкою.

Онъ поощрялъ меня нѣсколько свысока, и я совсѣмъ сконфузился.

— Вы читали произведенія-то Зимина?—спросилъ меня Терешинъ, кажется, замѣтивъ, что мнѣ неловко слушать покровительственныя похвалы Левчинскаго.

— Да, читалъ,—отвѣтилъ я.—Есть мѣста, выхваченныя изъ жизни, есть страницы, написанныя искренно и задушевно...

— Все это надуманное,—вставилъ небрежно Левчинскій, готовый всегда ругать Зимина у Терешина въ домѣ, такъ какъ Зиминъ не работалъ у Терешина въ журналѣ.

Но Терешинъ не обращалъ вниманія не замѣчанія Левчинскаго и продолжалъ говорить со мною.

— Да, да, есть искры таланта и теперь,—говорилъ онъ.—А что могло бы выйти, если бы онъ велъ иную жизнь! Что могло бы выйти!.. Вѣдь вы только то подумайте, батенька, что этотъ человѣкъ пять лѣтъ изъ своего угла не выходитъ. Заперся со своею женою, никого не видитъ, ничего не читаетъ, никуда не выѣзжаетъ.

— На свѣтъ сердится,—вставилъ съ ядовитой усмѣшкой Левчинскій, вздергивая плечами.

— Непосредственная натура,—замѣтилъ угрюмо Шепелевъ.—Сердится и сидитъ дома, а тутъ-то бы и нужно идти лизать руки у свѣта, или въ его карманъ грабительскую лапу запускать. Чувствуй, молъ, я сердитъ на тебя.

— Это положительно идеалистъ новаго рода,—продолжалъ Терешинъ объяснять мнѣ.—Онъ ясно видитъ пороки людей, ясно сознаетъ нелѣпость, глупость существующихъ отношеній, и хочетъ нарисовать картину лучшей жизни, сидя въ своей кельѣ на Гороховой улицѣ. Ну, конечно, пороки-то, которые онъ описываетъ на память, выходятъ у него такіе мелкіе да жалкіе, что его злодѣи скорѣе смѣшны, чѣмъ страшны, а новая-то жизнь, нарисованная въ отшельничествѣ, происходитъ какъ будто внѣ времени и пространства, между добродѣтельными героями, на которыхъ не вліяютъ ни голодъ, ни холодъ, ни будочники, ни исправники, ни охраняющіе порядокъ законы. Ему ничего не значитъ устроить разводъ жены съ мужемъ, заставить жену жить своимъ трудомъ, да еще помогать изъ трудовыхъ денегъ ближнимъ, устраивать великія предпріятія, никогда не родятся у нея дѣти, покуда она не сочетается вторымъ за-

коннымъ бракомъ, или покуда не будетъ въ состояніи содержать и воспитать ихъ.

— Это просто подло поощрять людей къ борьбѣ, рисуя борьбу такой легкой,—началъ, сильно жестикулируя, Левчинскій.

— Ну, батенька, загорячились вы. Кто говоритъ искренно, тотъ не подлецъ! Онъ, можетъ-быть, ошибается,—перебилъ его Терешинъ.

— Вотъ вы и объяснили бы его ошибку,—замѣтилъ пасмурно Шепелевъ:—вмѣсто того, чтобы ругать его.

— Блудному сыну не въ пользу богатство: сколько ни объясняй—не пойметъ,—пренебрежительно пожалъ плечами Левчинскій.

— Да развѣ вы лично для него пишете?—спросилъ Терешинъ.—Кто желаетъ бороться противъ извѣстныхъ идей, тотъ долженъ противопоставлять имъ свои идеи, которыя онъ считаетъ болѣе вѣрными, болѣе полезными.

— Не выгодно, труда много,—замѣтилъ Шепелевъ:—да еще и впросакъ попасть можно, какъ вдругъ станешь спорить, что Рейнъ течетъ не въ Африкѣ, и укажешь, что онъ протекаетъ въ южной Америкѣ.

— Это выйдетъ въ родѣ того,—вставилъ я:—какъ при мнѣ франтоватая писарьша спрашивала солдатика, гдѣ онъ стоитъ. Въ Рамбовѣ,—отвѣтилъ солдатикъ.—А-а! въ Арембамѣ,—поправила писарьша.

Всѣ усмѣхнулись. Въ это время начали прибывать другіе гости, и скоро всѣ усѣлись за столъ. Общество состояло изъ литераторовъ и нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, знакомыхъ хозяина. Повидимому, связи между этими людьми не было никакой, и обѣдъ походилъ сначала на какіе-то поминки. Всѣ говорили шопотомъ съ своими сосѣдями, общей темы разговора не было. Только послѣ третьяго блюда, когда было выпито изрядное количество вина, Шепелевъ и Терешинъ начали разсказывать разные анекдоты, вызывавшіе смѣхъ присутствующихъ, а Левчинскій сталъ сообщать какую-то ходившую по городу сплетню объ одномъ отсутствующемъ лицѣ—это заняло общество еще болѣе, и каждый спѣшилъ вставить свое замѣчаніе насчетъ того, какъ и почему случился грязненькій фактъ съ тѣмъ лицомъ, о которомъ говорили. Потомъ истощилась и эта тема, и гости опять начали разговаривать съ своими сосѣдями, но уже не шопотомъ, а вслухъ, шумно споря и жестикулируя руками. Я искренно скучалъ, такъ какъ у меня не было знакомыхъ, и ко мнѣ, собственно, никто не обращался съ разговорами. Изъ всѣхъ

гостей со мной перебросился нѣсколькими фразами только Аркадій Ѳедоровичъ Ивановъ, занимавшійся библіографическими замѣтками въ журналѣ Терешина. Это былъ тучный, обрюзгшій господинъ, державшій себя очень сдержанно и холодно въ началѣ обѣда и говорившій почти исключительно со мною. Его большая и красивая голова, съ остатками вьющихся волосъ, блестѣвшихъ легкой просѣдью, сразу остановила мое вниманіе. Въ ней было что-то патріархальное. Большой открытый лобъ, губокая морщина между сдвинутыми густыми бровями, отечески строгое и въ то же время добродушное выраженіе уже потускнѣвшихъ глазъ, все въ этомъ крупномъ лицѣ было крайне симпатично. Мнѣ сразу понравилось въ Ивановѣ даже и то, что по его лицу не проскользнуло ни одной улыбки, когда Терешинъ и Шепелевъ вызывали всеобщій смѣхъ своими остротами. Къ концу обѣда онъ началъ все чаще и чаще подливать себѣ и мнѣ вина и, между прочимъ, замѣтилъ:

— Не люблю я этихъ офиціальныхъ обѣдовъ. Всѣ враждебно смотрятъ другъ на друга, всѣ скучаютъ, а между тѣмъ всѣ стараются казаться веселыми и поддѣлываются къ хозяину.

Какъ только кончился обѣдъ, я поспѣшилъ уйти. Мнѣ было несносно среди этого чуждаго мнѣ общества. Ивановъ тоже взялся за свою широкополую, измятую шляпу, напоминавшую фасономъ шляпы итальянскихъ бандитовъ. Онъ немного пошатывался въ стороны.

— Намъ по дорогѣ,—сказалъ онъ мнѣ.

— Я живу въ Николаевской,—замѣтилъ я

— Все равно, по дорогѣ,—отвѣтилъ онъ нетвердо, но настойчиво.—Мнѣ теперь вездѣ по дорогѣ.

Онъ махнулъ рукой и усмѣхнулся какой-то добродушной, но невеселой улыбкой. Мы пошли.

XVI.

— Зайдемте,—промолвилъ Ивановъ, указывая на трактиръ, мимо котораго мы шли.—Въ горлѣ что-то пересохло... Вѣчно на этихъ обѣдахъ выпьешь столько, что потомъ нужно допить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ... И зачѣмъ это насъ-то приглашаютъ, развѣ мы имъ нужны?..

Я машинально послѣдовалъ за нимъ. Трактирная прислуга низко раскланялась съ Ивановымъ.

— Меня здѣсь всѣ знаютъ... Какъ дома тутъ,—не безъ грустной иронiи замѣтилъ онъ, сбрасывая пальто. — Митя, шартрезки,—обратился онъ къ половому.

— Бутылочку-съ?—спросилъ половой.

— А ты думалъ: папиросочекъ? — усмѣхнулся Ивановъ и, попатываясь, прошелъ со мною въ комнату, гдѣ былъ органъ. Тамъ было совершенно пусто. Мы сѣли на диванъ и закурили папиросы. Намъ подали шартрезъ.

Братья-писатели, въ вашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое!

продекламировалъ Ивановъ, наливая рюмки.—Это, братъ, нашъ великій Некрасовъ сказалъ!—промолвилъ онъ торжественно.

Его начиналъ въ теплѣ, послѣ мороза, разбирать хмель.

— Только вретъ онъ. Политической экономіи онъ не знаетъ—вотъ что! Не въ нашей судьбѣ лежитъ что-то роковое, а въ судьбѣ каждаго неподготовленнаго къ дѣлу труженика,—проговорилъ онъ.—Да, писатель—это тоже работникъ, но самый несчастный работникъ, не прошедшій школы у мастера, и пьетъ онъ, подлецъ, какъ бочка, пьетъ съ горя...

Онъ помолчалъ и дотянулъ рюмку.

— Пей! Еще налью! — обратился онъ ко мнѣ, вдругъ перешедши со мною на «ты». — Затрудненія, нападки общества. Да это что! Внутри разладъ — вотъ что скверно. Литература—это фабрики, лавочки... Хозяева конкурируютъ, работники конкурируютъ... Перешелъ ты къ новому хозяину — старый тебя марать начинаетъ, его холопы-работники косятся на тебя. Въ своемъ кружкѣ подкапываются подъ тебя, если ты много занимаешь мѣста своими статьями, если ты болѣе искусный работникъ и грозишь сдѣлаться руководителемъ... Не сошелся ты съ кѣмъ-нибудь изъ собратьевъ, онъ на тебя клевещетъ, онъ тебя хочетъ съ лица земли стереть... И вѣдь это не за кулисами гдѣ-нибудь, не въ своемъ муравейникѣ, а публично... Другіе работники поѣдаютъ другъ друга, въ своемъ кружкѣ, а тутъ несется все въ публику, на всю Россію... Читалъ ты, какъ Некрасова и Тургенева ругали когда-то? И кто ругалъ?.. Не враги, нѣтъ, тѣ, которые долго съ ними работали... И за что? За перемѣну убѣжденій въ ихъ статьяхъ? Нѣтъ, изъ-за личныхъ дрязгъ... А Гоголя-то, Гоголя-то нашего въ грязь какъ топтали!.. Или возьми ты Бѣлинскаго, плакали о немъ потомъ, а кто плакалъ? Тѣ самые негодяи, которые мѣшали его съ грязью... И не стыдятся, не краснѣютъ — изъ-за куска хлѣба все, ради мелкаго самолюбьишка все... Это взяточники и кулаки въ области мысли... Выпьемъ!

Выпили.

— И какіе мы работники,—продолжалъ онъ.—Слесарь, сапожникъ, столяръ — мальчишками обучаются своему мастерству, а какъ мы подготовляемся къ дѣятельности? Не кончилъ курса гдѣ-нибудь въ низшемъ училищѣ, остался за штатомъ въ департаментѣ, случайно нацарапалъ три стишины—ну, и вали въ литературу—и литераторъ, и писатель, и проповѣдникъ!.. Вѣдь иные правильно писать не умѣютъ, иные ни одного языка не знаютъ, кромѣ русскаго, иные изъ Питера не выѣзжали и не знаютъ Россіи, иные книгъ даже не читаютъ... Вотъ причины внутренней неурядицы... Невѣжество всегда самонадѣянно, невѣжество всегда интригуетъ, боясь за свою участь... Только Фаустъ могъ откровенно сознаться, что онъ не знаетъ ничего, потому что онъ изучилъ все, потому что онъ прошелъ тяжелую школу науки... Зато онъ и не станетъ обрывать Вагнера, онъ видитъ въ немъ труженика, онъ понимаетъ, какъ тяжело этому труженику добиваться истины... Онъ и не боится этого труженика, потому что Фаусту вездѣ будетъ мѣсто... Да... Ты посмотри, съ какимъ уваженіемъ смотритъ спеціалистъ на своихъ начинающихъ собратьевъ, ты посмотри, какъ онъ старается ободрять ихъ въ ихъ первыхъ попыткахъ чему-нибудь научиться, сдѣлать новый шагъ въ ихъ спеціальности... Вотъ отчего между учеными меньше раздоровъ, чѣмъ у насъ... Они коли спорятъ, то спорятъ объ идеяхъ, объ убѣжденіяхъ, а не ругаются другъ съ другомъ изъ-за личностей... Развѣ какой-нибудь Брока отнесется съ бранью къ Дарвину, или какой-нибудь Гекели обругалъ Ляйелля? А ты посмотри на плохого работника, на плохого мастерового, не знающаго ничего,—онъ первый интригуетъ, онъ первый кляузничаетъ, потому что боится потерять мѣсто. Умѣлый работникъ найдетъ мѣсто, ты, братъ, не безпокойся, онъ найдетъ мѣсто, это ужъ помяни мое слово, а неумѣлый, неучъ не найдетъ—нѣтъ, не найдетъ... Да пей, чего ты не пьешь!..

Выпили еще.

— А въ литературу-то и идутъ неумѣлые. Ты думаешь, какой-нибудь фельетонистъ строчилъ бы фельетоны, если бы у него была возможность сдѣлаться директоромъ акціонерной компаніи, съ шести-тысячнымъ жалованьемъ, или жениться на богатой купчихѣ, или получить концессію, или... Ну, понимаешь, если бы у него было умѣнье получать шесть, семь тысячъ въ годъ дохода? Фью, шутишь!.. Пятки бы онъ показалъ литературѣ, а нѣтъ этого умѣнья, ну, и ли-

тераторствуетъ... Поучаетъ людей... А чему поучаетъ? Подготовился ли онъ къ этому? Умнѣе ли онъ, чѣмъ другіе? Читалъ ли онъ больше, чѣмъ поучаемые?

Ивановъ выпилъ, уже не приглашая меня.

— Вотъ и ты... Вѣдь ты ничего не знаешь, — вдругъ произнесъ онъ, безцеремонно ударивъ меня по плечу, такъ что я вздрогнулъ.—Талантъ у тебя, талантъ... А на что его станетъ... Сценки подсмотрѣнныя описывать можешь... Слова подслушанныя изображать умѣешь... А дальше-то что? Много ли этихъ сценокъ-то, этихъ словъ-то ты подслушаешь? Кругъ-то наблюденій твоихъ широкъ ли?.. Ну, кого ты знаешь? Поповъ своихъ сельскихъ, мелкихъ чиновниковъ уѣзднаго городишка, купечество провинціальное... Да еще знаешь ли? Можетъ, такъ на улицахъ ихъ видѣлъ... Нѣтъ, чтобы описать ихъ, нужно въ ихъ спальнѣ пожить, въ ихъ кухнѣ потереться, въ ихъ дѣтскихъ присутствовать, съ ними дѣло дѣлать... А вѣдь ты бобыль? А? Бобыль?

Мнѣ вдругъ стало очень грустно, должно-быть, отъ монашескаго напитка.

— Бобыль!—слезливо отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ видишь ли! Бобыль!.. И бѣденъ ты... Не отвѣчай! Вижу, что бѣденъ... Ну, такъ гдѣ же ты могъ бывать, гдѣ могъ быть своимъ человѣкомъ, кто могъ пустить тебя залѣзть въ его душу... Не душу ты людей знаешь, а тѣлеса ихъ описывать можешь, одежду ихъ смѣхотворно изобразить можешь, рѣчи ихъ коверканныя передать на потѣху можешь... Смѣяться будутъ! Дураковъ много! «Ишь, забавно какъ пишетъ»,—скажутъ. Шутъ гороховый!.. Ну, а толку-то что? Глубь-то, причины-то безобразій понялъ ли ты?.. Безъ науки-то, безъ знанія-то чужой души могъ ли понять ты эти причины? Нѣтъ, другъ ты мой, не понялъ ты ихъ и не поймешь ихъ... Это ужъ ты такъ и знай, что не поймешь!.. Ты, пожалуй, и смѣшнѣе Гоголя что-нибудь напишешь и Островскаго за поясъ заткнешь звукоподражаніями... А что толку? Тебя-то будутъ читать твои герои и надрывать животики будутъ... А Чичиковы, читая Гоголя, скрежетали зубами... Титъ Титычи изъ смышленыхъ злились на Островскаго. Потому, что эти люди въ душу Чичиковыхъ и Титъ Титычей залѣзли, все смердящее ихъ нутро наружу вывороти ли... А ты только такъ, поверхность схватилъ, да и глумишься надъ нею...

Онъ неожиданно обернулся ко мнѣ и, толкнувъ меня въ плечо, спросилъ:

— Ты отчего литераторствовать началъ? Потому что тебѣ жрать нечего? Да? Хорошо! Что же тебѣ дастъ литература? Ну, напишешь ты повѣсть, двѣ повѣсти, а дальше-то что? Гдѣ у тебя матеріалъ для писанія, матеріалъ гдѣ? Нѣтъ его у тебя, и не будетъ его у тебя. Чтобы заработать на хлѣбъ, долженъ ты будешь сидѣть въ своемъ углу, да строчить безъ отдыха повѣстушки, а на наблюденія, на развитіе у тебя и времени не будетъ. Да и что ты можешь наблюдать? Куда тебя, отставного бурсака, примутъ? Въ высшее общество, въ кругъ биржевыхъ тузовъ, въ высшія административныя сферы? Шалишь! Мы не въ Англіи, не во Франціи, гдѣ титулъ писателя—высокій чинъ, у насъ писатель не въ авантажѣ обрѣтается, если онъ не богатъ, не аристократъ, не чиновное лицо, а нищій семинаръ, вонъ въ такомъ пестромъ галстукѣ, въ какой ты нарядился. Ты вѣдь и сѣсть-то въ высшемъ обществѣ не сумѣешь, съежишься, а не то, что наблюдать будешь. Открыты тебѣ только двери разной мелкоты, которую и описывать-то нечего, потому что и весь смыслъ ея жизни—бѣдность да невѣжество. Немного она дастъ тебѣ матеріала для писанья. Ну, а когда исчерпаешь ты этотъ матеріалъ, что тогда? Избирать другую дорогу будетъ поздно, добиваться успѣховъ на другомъ поприщѣ будетъ трудно, и сдѣлаешься ты презрѣнной литературной богемой...

Послѣдній эпитетъ задѣлъ меня за живое, и я чуть не расплакался, подозрѣвая, что «богема» что-то такое очень оскорбительное.

— Богемой?—повторилъ я слезливо.

— Ну да, богемой,—произнесъ Ивановъ, допивая рюмку шартреза. — Ты, поди, и не знаешь, что такое значитъ литературная богема? А литературная богема значитъ литературное цыганство. Чтобы избѣжать его, нужно стать твердо на ноги, прежде, чѣмъ сдѣлаться писателемъ, нужно всесторонне подготовиться къ усиленной литературной дѣятельности, нужно сдѣлаться литературнымъ работникомъ съ спеціальнымъ образованіемъ. Что ждетъ того человѣка, который, никогда не бравъ кисти въ руки, никогда не учившись рисованію, принесъ бы на выставку свою картину и вздумалъ бы жить этимъ трудомъ? Гибель! Что ждетъ того, кто вздумалъ бы, для пріобрѣтенія хлѣба, заняться постройкой домовъ, не имѣя никакого понятія объ архитектурѣ? Гибель! Да что я говорю о высшихъ сферахъ дѣятельности! Возьми ты человѣка, который вздумалъ бы

жить сапожнымъ мастерствомъ, не бравъ никогда въ руки шила, не бывши въ ученикахъ у сапожника, не зная ни достоинства кожи, ни цѣнъ на нее,—до чего онъ добился бы? До того, что ему никто не сталъ бы заказывать сапогъ, и погибъ бы онъ съ голоду. А ты писателемъ хочешь быть, литературой хочешь жить, едва научившись грамотѣ! Малаго захотѣль! Это не только глупо, это подло, подло

Я опустилъ въ отчаяніи голову на руки.

— Да ты не сердись, что я тебя ругаю,—сказалъ Ивановъ, толкнувъ меня.—Не ты первый, не ты послѣдній такъ смотришь на писательство, что, молъ, захотѣлъ сдѣлаться писателемъ и пиши. Всѣ и всегда, и вездѣ такъ смотрѣли, только теперь у насъ положеніе-то дѣла измѣнилось. Кто прежде шелъ въ писатели? Богатые дворяне, крупные землевладѣльцы. Такъ они могли идти въ писатели на двадцатомъ году жизни, потому что они и образованы европейски были, и въ дѣдовскихъ библіотекахъ дѣтьми прочли и Вольтеровъ, и энциклопедистовъ, и Байроновъ. Пушкины, Жуковскіе, Лермонтовы, Тургеневы, Герцены, — всѣ эти люди на пятнадцатомъ году знали больше, чѣмъ ты будешь знать на тридцатомъ. У нихъ была подготовительная школа. Да и ремесла они изъ литературы не дѣлали, не для хлѣба насущнаго работали. А теперь не то, теперь идетъ въ литературу ваша братья, голь перекатная, идетъ, чтобы жить литературой, и плохо ей придется безъ всесторонняго образованія, да съ необходимостью писать, писать и писать безъ устали, чтобы не сдохнуть съ голоду. И въ европейской литературѣ голь разная лѣзетъ въ писатели, такъ тамъ другое дѣло. Тамъ образованность — достояніе всѣхъ, тамъ на мѣдные гроши можно всесторонне развиться, потому что тамъ и школа, и книга дешевы. Да что я говорю: тамъ каждая улица, каждая площадь—школа. Тамъ ты въ каждомъ соборѣ исторіи учишься, тамъ каждое историческое зданіе служитъ тебѣ школою искусства, тамъ каждая библіотека—открытая всѣмъ сокровищница знанія. А у насъ? Мы народъ молодой, мы еще не обстроились. Что ты видѣлъ въ своей трущобѣ? Знаешь ты, что значитъ готическая архитектура? что создали въ искусствѣ вѣка Возрожденія? что внесли великіе геніи музыки? что создали Рафаэли, Рембрандты, Теньеры? Ничего ты не видалъ, не слыхалъ, ни надъ чѣмъ ты не задумывался изъ того, что создали вѣка исторической жизни, что было дѣломъ человѣчества. Вотъ, братъ, почему говорю я, что ваша братія, голь пере-

катная, проторяющая по грязи изъ какого-нибудь Царево-кокшайска путь къ извѣстности, проторяетъ путь къ своей гибели и, что еще хуже, къ униженію литературы, къ развращенію общества. Да ты съ твоимъ развитіемъ, съ твоей подготовкой, будь хоть семи пядей во лбу, будешь только лгать обществу, будешь запутывать его понятія, будешь прививать къ нему ложные взгляды. Возьми нашего великаго генія — Бѣлинскаго. Не тебѣ чета человѣкъ былъ, а въ чемъ состояла вся его дѣятельность? Въ отрицаніи того, что онъ говорилъ вчера. Вотъ что сгубило, сожгло его! Началъ съ того, что называлъ Жоржъ-Зандъ вредной писательницей, а кончилъ тѣмъ, что призналъ ее геніальной проповѣдницей великихъ идей; началъ онъ Бородинской годовщиной, а потомъ съ омерзеніемъ открещивался отъ этой статьи. Жизнь человѣкъ провелъ въ томъ, что отрицалъ то, что самъ же прививалъ къ обществу. Этого одного достаточно, чтобы извелся преждевременно человѣкъ. А какой вредъ можетъ принести онъ обществу, отрицая сегодня то, что проповѣдывалъ вчера! Писатель—это духовный врачъ, а врачъ имѣетъ право приняться за свое дѣло, когда онъ знаетъ организмъ человѣка и силу тѣхъ или другихъ медицинскихъ средствъ, если онъ начнетъ свою практику безъ этихъ знаній — онъ будетъ знахаремъ, грабителемъ, отравителемъ, убійцей, чѣмъ угодно, но не врачомъ.

Долго еще говорилъ Ивановъ въ этомъ духѣ, въ его голосѣ слышались и желчь, и слезы. Я уже не слышалъ половины его рѣчей, я уже отчасти не понималъ ихъ смысла. Но я плакалъ, и, Богъ знаетъ, были ли это слезы подвыпившаго человѣка, или слезы человѣка, передъ которымъ открыли страшную картину его будущаго. Я только сознавалъ, что я вдругъ проникся уваженіемъ къ Иванову, полюбилъ его за его страстную преданность литературѣ. Я понималъ, или, лучше сказать, угадывалъ, что онъ говоритъ такъ не спьяна, а что эта горячая любовь къ литературѣ одушевляетъ его всегда и во всемъ, и что самъ онъ тяжелымъ опытомъ дошелъ до сознанія, какая участь ждетъ такихъ писателей, какъ я. И какъ же мрачно, какъ тяжело отозвались въ моемъ сердцѣ его послѣднія слова, сказанныя мнѣ имъ, когда мы прощались:

— Смотри же, подумай хорошенько, прежде чѣмъ сдѣлаться цеховымъ писателемъ, и горе тебѣ, если ты сдѣлаешься литературнымъ цыганомъ!

Такъ вступилъ я на путь къ извѣстности...

Оглавленіе

VIII ТОМА.

стр.

Голь. Романъ въ 6 книгахъ.

Книга первая 5
Книга вторая 64
Книга третья 140
Книга четвертая 254
Книга пятая 348
Книга шестая 453

На пути къ извѣстности. Разсказъ 531

PG
3470
S486
1904
t.8

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
Polnoe sobranie sochinenii
t. 8

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY